

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ХАМСЭ

СОКРОВИЩНИЦА ТАЙН
ХОСРОВ И ШИРИН
ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН
СЕМЬ КРАСАВИЦ
ИСКЕНДЕР-НАМЕ

БАКУ — 1983

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ИСКЕНДЕР-НАМЕ

ШАРАФ-НАМЕ

ИКБАЛ-НАМЕ

Азербайджанская
Республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. Ф. Ахундова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЯЗЫЧЫ»

Перевод с фарси
К. ЛИПСКЕРОВА

Научный редактор, автор вступительной статьи
и примечаний
проф. РУСТАМ АЛИЕВ

Низами Гянджеви

Н65 Искендер-наме. Поэма. Пер. с фарси К. Липскерова.
Научн. ред., автор вступит. ст. и прим. Р. Алиев. Б., Язы-
чы, 1983. — 998 с., портр.

Искендер-наме — последняя поэма знаменитой «Пятерницы» («Хамса») гениального азербайджанского поэта Низами Гянджеви. Это наиболее крупное произведение поэта и его наиболее значительный вклад в сокровищницу мировой литературы. В этой поэме нашли самое полное и яркое выражение общественные и философские взгляды Низами, его блестящее поэтическое мастерство. По широте замысла, охвату событий, по глубине и богатству мысли «Искендер-наме» является одним из непревзойденных произведений мировой литературы. В первой части поэмы — «Шараф-наме» — Низами повествует о военных походах полководца Александра Македонского и его подвигах. Во второй части — «Икбал-наме» — основное место занимают общественно-политические и философские вопросы.

Н 4702060100—151 Реш. кол. № 83 от. 31. III. 82 г.
М-656—83

С(Аз)1

Низами Гянджеви. Искендер-наме. Издательство АН Азерб. ССР, Баку, 1953.

© Перевод на русский язык, вступительная статья, примечания. Язычы, 1983.

НИЗАМИ И ЕГО ПОЭМА «ИСКЕНДЕР-НАМЕ»

Великий азербайджанский поэт и мыслитель Низами Гянджеви жил и творил в XII веке, в эпоху, необычайно богатую событиями, сыгравшими исключительно важную роль в дальнейшей истории человечества. Это была эпоха, унаследовавшая богатую и разностороннюю культуру, созданную античным миром и арабским халифатом, в состав которого ранее входили многочисленные народы Ближнего и Среднего Востока, Африки, Испании, эпоха, когда Азербайджан стал одним из ведущих культурных и экономический центров Востока, когда достигла расцвета персоязычная литература, созданная представителями многих народов.

Родной Низами является Гянджа. Развалины старой Гянджи находятся в пяти километрах от нынешнего Кировабада.

Ныне можно считать с достоверностью установленным, что Низами родился между 17 и 22 августа 1140 года. Низами — исевдоним поэта, он означает «упорядочиватель слов». Настоящее имя поэта было Ильяс, отца поэта звали Юсуф, деда — Заки ад-Дин, а прадеда — Муайяд фи-Дин. На средневековом мусульманском Востоке так называли представителей ученого сословия и духовенства. Как видим, поэт рос в культурной и довольно знатной семье. Кстати, и мать его, которую он называет «курская госпожа», также, по-видимому, происходила из знатного рода. Дядя поэта Омар имел титул хадже, который в те времена присваивался видным сановникам государства: вероятно, он служил при дворе атабеков — правителей Азербайджана в Гяндже.

Несмотря на свою родовитость, семья Низами, очевидно, не обладала большим достатком. Тем не менее, юный Ильяс получил блестящее для того времени и разностороннее образование. Еще в детстве он изучил Коран, который впоследствии неоднократно цитировал в своих произведениях, мусульманское право, предания о Мухаммеде и круг дисциплин, входивших в понятие «адаб» («образованность»). Правда, в те времена для продолжения учения отпрыски из состоятельных семей, как правило, отправлялись в знаменитое училище «Низамийе» в Багдаде или же в Дамаск, Мекку, Каир и другие крупные города Востока.

Низами, однако, никуда не поехал, он продолжал пополнять свое образование в родном городе. Этому способствовало то, что в 50-х годах XII

века в Гянджу со всех стран стекались крупнейшие ученые, поэты, писатели, зодчие. Рукописные копии произведений по многим областям науки, написанные в различных странах мусульманского мира, переводы, интерпретации античных авторов, поэтические сборники арабоязычных и персоязычных авторов украшали в те времена библиотеки Гянджи и были доступны поэту. Он систематически изучал арифметику, алгебру, высшую математику, геометрию, астрономию, химию, минералогию, медицину, логику, географию, историю, поэтику, стихосложение и другие науки.

Разносторонние познания Низами в области астрономии удивляют даже современных специалистов. В своих поэмах («Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и других) поэт перечисляет и очень точно характеризует многие небесные светила, в том числе и те, которые стали известны европейской науке лишь после изобретения телескопа.

Многочисленность миров во вселенной («каждая звезда — отдельный мир, который имеет свою землю и небо»), строение небосвода, структура мироздания, сущность «четырёх стихий» — все эти и другие вопросы занимали его пылкий ум. Ему было известно даже, что Сатурн имеет кольцо, которое в Европе было открыто Галилеем гораздо позже¹. Низами, понятно, не сам дошел до всех этих истин, но, как видим, был в курсе всех достижений науки своего времени. Как говорил сам поэт, он «за короткую жизнь прочел все науки от кольца Сатурна до центра земли и стал морем знаний всех предметов».

Низами в отличие от подавляющего большинства своих современников занимался астрономией не ради предсказания судьбы, а ради постижения тайн природы. Он не верил в астрологию, иронически относился к предсказаниям звездочетов, которые в то время неизменно входили в свиту царей и правителей, открыто отрицал всеобщую веру во влияние звезд на человеческие судьбы. Он писал:

Разве доброе и злое людям от светил?
Сами звезды под влияньем злых и добрых сил...
Среди многих звездочетов разве ты встречал
Одного, кто путь по звездам к кладу отыскал?
(«Семь красавиц»)

Разносторонни и обширны были познания Низами и в области химии. Во времена поэта термин «алхимия» обозначал некую мистическую веру в магические превращения, которые отождествлялись со ступенями духовного развития человека. Алхимия стремилась к превращению одних элементов в другие, например, меди в золото, занималась поисками эликсира и т. д. Вместе с тем в то время занимались и исследованием структуры веществ экспериментальным методом, изучением их свойств. Отвергая первый «магический» аспект алхимии, Низами признавал ее второй аспект. В его про-

¹ См.: Г. Д. Мамедбейли. Низами как передовой ученый своего времени. — Низами. Сборник первый. Баку, 1940, с. 103 — 107.

изведениях можно встретить специфические химические термины и описания химических реакций. «Тот, у кого во власти находится химия, тот не поддается на уловки алхимиков», — писал Низами.

Глубоки и разнообразны были познания поэта и в области медицины. Он хорошо знал труды античных врачей Галена, Гипократа, достижения представителей мусульманской медицины и фармакологии — Рази, Исаака ибн-Хунайна, Авиценны и других. Рецепты и медицинские советы, встречающиеся в произведениях Низами, нередко поражают даже современных медиков.

Всесторонне и тщательно изучал поэт историю и культуру народов, как древних, так и средневековых. Он хорошо знал историю античного мира, арабского халифата, доисламскую историю иранских народов, историю и этнографию многочисленных тюркских племен, расселившихся на огромном пространстве от Китая до Средиземного моря. Ему были известны «Республика», «Законы», «Тимейос» Платона, труды Аристотеля, трактаты Архимеда, Евклида, Гермеса Тризмегиста, Фалеса Милетского, Аполлония Тианского, Порфирия Тирского. Как свидетельствуют многочисленные данные, поэт хорошо знал труды ат-Табари, ал-Балазури, ал-Иакуби, Ибн-Кутайбы, Баллами, Ибн-Фадлана, Мас'уди и другие арабоязычные и персоязычные источники, откуда черпал свои познания о разных народах.

По всей вероятности, Низами пополнял свое образование и за счет общения с представителями других народов — грузин, армян, евреев, русских. Так, сведения о Руси черпался им не только из книг, но и, без сомнения, из бесед с русскими купцами, которые были основными поставщиками пушнины на гянджинский рынок. Приведенные в поэме «Искендер-наме» русские собственные имена «Чудра», «Ерема», «Купал», слово «киязь», по всей вероятности, были почерпнуты поэтом оттуда¹.

Поэт обнаруживает в своих произведениях также хорошее знание Библии и христианской литературы. Тут, видимо, ему помогали многочисленные христианские ученые армянского, греческого и грузинского происхождения, постоянно жившие в Гяндже. Ведь Гянджа издавна славилась как международный торговый центр. Еще в X веке арабский географ и путешественник Ибн-Хаукал писал о ней: «Город Джанза красивый, богатый и населенный. Это поселение, заполненное людьми до тесноты, и жители его щедры, мягкого нрава, благорасположенные, ласковые и любящие иностранцев и ученых»².

Видимо, поэт знал некоторые языки христианских стран. В «Искендер-наме» прямо указано на это:

В письменах пехлевийских читал я указы,
За еврейскими взял христианские сказы.

¹ Об искажении русских имен в рукописях произведений Низами см.: Рустам Аалиев. О проблеме восстановления подлинных текстов произведений Низами. — «Литературный Азербайджан», 1979, № 8, с. 129.

² В. Н. Левиатов. Эпоха Низами. — Низами. Сборник первый, с. 50.

Прежде чем приступить к написанию какой-либо поэмы, Низами тщательно подготовительную работу, внимательно просматривал многочисленные рукописи, сопоставлял их и лишь после всестороннего изучения предмета приступал к работе. Так, в начале поэмы «Семь красавиц» поэт пишет:

Чтобы не было пробелов, не было потерь,
Переполненных хранилищ отпираю я дверь.
Пехлевийские в подвалах свитки я искал,
Со свечью — по листку их бережно шивал.
И когда все книги предков изучил я сам,
Изощрился, открылся быстрый мой калам.

Вообще же очень трудно очертить круг познавательных интересов Низами. Его интересовали извечные проблемы мироздания, строения материи, причины образования гор и океанов и движущие пружины человеческих характеров. Результаты своих наблюдений он обычно вкладывал в уста героев, философов и мыслителей прошлого, образы которых он воссоздал в своих творениях. Поэт исходил из критериев общечеловеческого опыта до тех пор, пока его пылкий ум не останавливался перед проблемами, неразрешимыми в то время таким путем, и лишь в трактовке этих проблем его сознание апеллировало к религии¹.

Поэзией Низами увлекался с юношеских лет. Кроме своего родного азербайджанского языка, который тогда назывался тюрки (тюркский), Низами блестяще владел арабским и персидским языками. Если тюркский язык служил обиходным, разговорным языком (основная масса населения Гянджи и всего Аррана была тюркоязычной), то арабский был языком науки и религии, а персидский служил поэтическому творчеству. Низами тщательно изучал и запоминал стихи до- и послееисламских арабских поэтов и писателей. Особое внимание он уделял творчеству своих соотечественников, которые в середине XII века занимали выдающееся место в литературе Ближнего и Среднего Востока.

Низами были известны шедевры творчества Гатрана Табризи (1010 — 1085), Абу-л-Ала Гянджеви (XII век), Фалаки Ширвани (1108 — 1146), Изз ад-Дина Ширвани (XII век) и, наконец, непревзойденного мастера касыды Хагани (ум. в 1199). Вообще в те времена существовало неписаное правило, гласившее, что молодые поэты, прежде чем выступить с собственными стихами, обязаны были выучить наизусть двадцать тысяч строк из произведений классиков и десять тысяч строк из произведений своих современников.

Низами вступил на поэтическое поприще уже в юношеские годы. Исключительное поэтическое дарование, энциклопедическая образованность помогли ему, еще совсем молодому человеку, очень быстро завоевать большую популярность среди читателей. На это неоднократно указывает сам поэт. Его

¹ См. об этом: Е. Э. Бертельс, Низами и Физули. М., 1962, с. 109.

нежные лирические газели были широко известны во многих городах Азербайджана, в Средней Азии и Иране.

Почему Низами не стал придворным поэтом, отказался от блестящей придворной карьеры?

В его произведениях содержится несколько прозрачных намеков на то, что когда-то по молодости лет он чуть было не поддался искушениям придворной жизни. Но, быстро осознав всю мишуурность этих соблазнов, он утвердился в мысли, что все мирское преходяще и, следовательно, не стоит привязываться к «тленному и преходящему». Чтобы подавить в себе мирские страсти, он в молодости занимался подвижничеством, самоусовершенствованием, вел строгий аскетический образ жизни.

В конце 60-х годов в жизни Низами произошло важное событие. В руки правителя Дербента Дария ал-Маалик ал-адна Музаффар сына Мухаммада сына Халифа (правил, примерно, с 1155 по 1170 год) попала юная пленница, тюрчанка из кыпчаков, по имени Аппак («белая», «беленская», в арабской передаче — Афак, ибо в арабском языке нет звука «п»). Музаффар, соблазненный красотой девушки, хотел, как это было принято в те времена, украсить ею свой гарем. Но свободолюбивая, гордая, целомудренная Афак (об этом поэт писал впоследствии подробнее во второй книге «Искендер-наме») не покорилась воле правителя Дербента. Ни уговоры, ни подарки, ни угрозы не могли сломить Афак — она не покорилась своему господину.

Тогда Дарий Музаффар решил подарить Афак поэту в качестве гонорара за присланную касыду. Этим подарком он, возможно, преследовал две цели: наказать поэта за его слишком навязчивые наставления и поучения, вручив ему строптивую рабыню, и вместе с тем унижить Афак, подарив ее бедному поэту и лишив, таким образом, шелковых нарядов и изысканных яств. Однако правитель Дербента, сам того не желая, оказал Низами огромную услугу, он, можно сказать, осчастливил поэта.

Это событие произошло в 1170 году. Влюбившийся в Афак тридцатилетний поэт впервые в жизни испытал настоящее чувство. Гордую и красивую тюрчанку Низами ввел в свой дом не как невольницу, а как законную и дочитаемую жену. Афак не была образованна, но зато, как вспоминал поэт, она обладала живым незаурядным умом, прекрасно знала народные сказания и песни, героические легенды своего народа. Ее рассказы об обычаях и нравах современников позднее нашли отражение в поэмах Низами.

Афак сыграла большую роль в судьбе поэта. Она вдохновила его на создание пленительных женских образов Ширин, Нушабе, Нистандаржихан. В 1174 году Афак подарила поэту сына Мухаммеда. Эти годы, годы любви и семейного счастья, были самой светлой порой в жизни Низами. В этот период он достиг совершенства как поэт, осознал избранную им миссию гласнителя добра и социальной справедливости. В то время окончательно сложились его общественные идеалы и эстетические воззрения. Молодой поэт решил изложить свое гуманистическое учение в законченном виде, в одном большом произведении. Примерно во второй половине 1176

года он приступил к созданию своей первой дидактической поэмы «Сокровищница тайн» («Махзан ал-Асрар»). Поэт завершил ее, как он сам указывает в конце сочинения, в 1177 году.

В 1178 или 1179 году Афак умерла. Ее смерть нанесла Низами глубокую незаживающую рану. Описывая смерть главной героини поэмы «Хосров и Ширин», поэт с глубокой душевной болью говорит о своей покойной жене. В своей последней поэме («Искендер-наме») он тоже вспоминает ее так, будто совсем недавно расстался с ней.

Потеря Афак, поэт перенес всю свою любовь на сына Мухаммеда, воспитанием которого он занимался сам. В большинстве своих поэм Низами посвящал сыну специальную главу под названием «Наставления моему сыну Мухаммеду». Эти наставления имеют важное значение для понимания педагогических взглядов поэта. Нравственные идеалы, которые Низами хотел привить своему сыну, отличаются удивительным благородством, гуманизмом и общественной значимостью.

В 1180 году Низами приступил к сочинению поэмы «Хосров и Ширин», а в 1188 году завершил свой другой шедевр — поэму «Лейли и Меджнун». В 1197 году Низами закончил поэму «Бахрам-наме», вошедшую в литературу под названием «Семь красавиц».

Работа над «Искендер-наме», самой большой, монументальной поэмой Низами, приходится на последние годы жизни поэта. В 1199 году была готова ее первая часть «Книга о славе» («Шараф-наме»), а в 1201 году завершена и вторая часть — «Книга о счастье» («Икбал-наме»).

Дата смерти Низами до сих пор оставалась проблематичной. Однако существуют данные, позволяющие решить этот вопрос. Кто-то из близких Низами, быть может, его сын, описал кончину поэта и включил эти строки во вторую книгу «Искендер-наме», в главу, посвященную смерти античных философов — Платона, Сократа, Аристотеля. В этом описании указан возраст автора «Искендер-наме»:

Шестьдесят было лет и три года ему,
И шесть месяцев сверх, — и ушел он во тьму.

Если 63 с половиной лунных года выразить в современном летосчислении (лунный год на 10 дней меньше солнечного), то довольно точно устанавливается, что поэт умер в июне 1202 года.

□ □ □

В начале своего творческого пути Низами писал в основном лирические стихотворения, основными видами которых были в то время газели и касыды. Из-за отсутствия точных хронологических данных мы лишены возможности выяснить, к какому этапу творческого пути поэта относятся те или иные его газели и касыды, ибо не вызывает сомнений, что он продолжал писать их до конца своей жизни. Уже в 1188 г., как видно из поэмы «Лейли и Меджнун», Низами являлся автором Дивана (сборника стихотворений), включавшего в себя, по утверждению некоторых средневековых

биографов поэта, около двадцати тысяч строк. Однако до нас дошла лишь небольшая часть этого наследия, причем принадлежность поэту многих касыд и газелей оспаривается.

Газель когда-то составляла вступительную часть касыды (насиб), в ней воспевались картины природы, передавались разнообразные чувства и переживания лирического героя. Ко времени Низами тематика газели сузилась, сложилась устойчивая модель этого жанра, в котором описывались достоинства и красота возлюбленной, страдания влюбленного, его сетования на неприступность и жестокость «кумира» и т. п.

В газели зачастую нет сюжета, нет даже логической последовательности между отдельными бейтами (двустихиями). Каждый бейт или группа бейтов в газели — миниатюрная картина, сотканная из тонких, словно кружево, словесных узоров.

Лирические стихи Низами, однако, в этом отношении существенно отличаются от газелей его современников. Они проникнуты искренними чувствами и настроениями — грустью, надеждой, радостью.

Лирика поэта носит в целом жизнеутверждающий характер. В ней воспевается жизнь во всех ее проявлениях. Низами призывает своих читателей ценить молодость, красоту и радости жизни, быть верным свету возвышенной любви.

Подлинный переворот совершил поэт в содержании касыды, одного из древнейших жанров лирики. Во времена Низами касыда превратилась в помпезный панегирик, воспевавший шахов, султанов, могущественных правителей. При дворах содержался специальный штат стихотворцев во главе с «царем поэтов» (мелик-уш-шуара), чьи обязанности заключались в превознесении несуществующих доблестей правителя. Среди таких стихотворцев было немало даровитых мастеров слова, растративших, по выражению Низами, свой «божественный талант ради презренного золота».

Отказавшись от придворной карьеры, поэт порвал с канонами придворных сочинителей касыд. До нас дошло всего пять касыд, бесспорно принадлежащих перу Низами, и каждая в своем роде является шедевром. Вместо пышных дифирамбов власть имущим Низами проповедует защиту обездоленных, призывает правителей не притеснять и не грабить свой народ:

Неспособна справедливость, обуздай хотя б насилие,
Помни: тот, над кем ты властен, — человек, а не баран...
...Не лишай подвластных хлеба, не лишай воды поля их,
Чтобы ангелам на радость дань тебе платил шайтан.

Угрожая возмездием, даже днем Страшного суда, поэт увещевает властителей не творить беззаконий:

Но те, кого ты угнетал, — страшись! — поднимут в Судный день
Над грешной головой твоей неумолимые клинки.

Некоторые касыды интересны тем, что поэт говорит в них о себе. Как элегия звучит стихотворение «Я долго шел по лугу лет, и скорбилась моя

спина...» В другой касыде «Я царем царей в державе мудрых мыслей ныне стаа...» поэт создает как бы свой духовный автопортрет.

Но как ни интересна лирика Низами, мировую славу ему списали его пять поэм, образующих бессмертную «Пятерицу» («Хамса»).

Первая поэма Низами «Сокровищница тайн» (1177) посвящена изложению его философских и этических взглядов, в ней раскрыто его целостное и тщательно обоснованное гуманистическое учение. Поэт излагает свои взгляды на природу, говорит о миссии художественного слова, о превосходстве стихотворного сочинения над прозаическим, анализирует сущность человеческой природы, ее психологию, в беседах об обществе излагает свою социальную философию. Низами утверждает, что любовь — величайший дар человека, возвышающий его, наряду с разумом, над всеми творениями бога. Сердце — вместительница этого божественного чувства, «без которого смерть иссушит мир». Духовный мир, согласно воззрениям Низами, управляется разумом и любовью. Телесный же мир противоположен духовному, ибо в нем безраздельно властвуют низменные инстинкты. Непременным условием существования человека является созидательный труд, жизнь на благо общества. На основе своего учения о разуме и телесных страстях поэт создает стройную, хотя и наивную по современным понятиям, социальную теорию, которая предвосхитила на много столетий мысли выдающихся социалистов-утопистов — Кампанеллы, Т. Мора и других.

Низами утверждал, что одним из источников неустойчивости на земле, невзгод и бедствий является социальное неравенство. Вместе с тем богатство и могущество, власть и роскошь, безудержное удовлетворение своих страстей, — все это не может возвысить человека, приобщить его к вечности. Проповеди поэта в основном обращены к власти имущим, к сильным мира сего. Он возвещал царям и правителям, что мирские блага — могущество, богатство и мнимое величие — ничто в сравнении с подлинным величием человека. Поэт следующим образом обосновывает свое учение, обращаясь к царям и султанам:

- Угнетающий царство — его разрушает, а тот,
- Кто внимателен к людям, его к процветанию ведет...
- Притесняя подвластных, ты править страной не сумеешь,
- Лишь призвав правосудье, ты царством своим овладеешь.

На протяжении всего произведения поэт тиранам-правителям противопоставляет простых людей-землепашцев, городских ремесленников, водчих, ученых, искусных мастеров — всех, кто создает материальные и духовные блага. Поэт верит, что всеобщее счастье, гармоничное общество достижимы и на земле:

Коль человек ты, послушай речь мою:
Не только в небесах, но ты и здесь — в раю.

Одна из интереснейших мыслей, высказанных в поэме, — это мысль о глубоком сродстве человека и природы. Согласно воззрениям Низами, вся

природа — цельный, неделимый организм, и повреждение любого звена в этой цепи в конечном счете пагубно отразится и на судьбе человечества. Потому человек должен заботиться о животных, растениях, о земле, о чистоте источников.

«Сокровищница тайн» принесла ее автору громкую славу. Однако вскоре сам поэт понял, что дидактическая, нравоучительная форма — не самое эффективное средство для пропаганды его гуманизма. Поэтому для своей новой поэмы он решил избрать иной жанр, более яркий и увлекательный, с помощью которого можно было бы скорее увлечь сердца читателей. Таким произведением явилась поэма «Хосров и Ширин», жанр которой можно определить термином «роман-поэма».

По сложности своего построения, богатству человеческих образов, событий, сюжетных поворотов поэма Низами не имеет себе равных. В этом отношении азербайджанский поэт на много веков предвосхитил последующие достижения мировой художественной классики. Достоинство удивления, что в этом раннесредневековом произведении фантастический элемент играет очень малую роль — все действие возникает и развивается естественным путем. Пружинами этого действия служат страсти, интересы, положение и характеры персонажей, то есть вполне реалистические предпосылки. Ненасыщаемый лиризм, согревающий авторское повествование, придает изложению особый блеск, наряду с орнаментальностью стиля и музыкальностью стиха.

Сюжет поэмы имел под собой историческую основу, однако история служит поэту лишь материалом, канвой для изображения человеческих характеров, их нравственной сущности. Основные действующие лица в произведении — прекрасная Ширин, царевич (а затем царь) Хосров, искусный ваятель и каменотес Фархад. Главной героиней поэмы, безусловно, является Ширин, она свободолюбива и независима, прекрасна, нежна, образованна, обладает великодушным слухом и слагает стихи, отзывчива, ласкова, умна, всегда печется о благе тех, кто служит ей. Став царицей Аррана, Ширин правит справедливо, и в стране воцаряются благоденствие и мир.

Когда Ширин влюбляется в Хосрова, любовь становится единственной целью ее жизни, источником самых благородных помыслов. Любовь для нее — священное чувство. Она любит Хосрова, готова соединиться с ним и ради этого способна пожертвовать даже жизнью, но не честью. Для нее сохранение своего женского достоинства — необходимое условие подлинной любви. Беспредельная любовь к Хосрову не толкает ее на безрассудство, а наоборот, укрепляет в ней чувство святости любви, чувство собственного достоинства.

Хосров по своей натуре разительно отличается от Ширин. Он знает себе цену, знает, что он красив и неотразим. Он по-своему любит Ширин, но любит за ее красоту и изящество. Ему не приходят в голову мысли о самопожертвовании ради любимой, ибо больше всего на свете он любит себя.

Важную роль в идейном содержании поэмы имеет сюжетная линия Фархад — Ширин.

Фархад полюбил Ширин так же сильно и беззаветно, как она Хосрова. По благородству и возвышенной чистоте чувств он под стать Ширин. Ширин понимает это, глубоко чтит и уважает его, но сердце ее принадлежит Хосрову. Когда Фархад становится жертвой жестокого обмана, потрясенная его смертью Ширин горько оплакивает его.

К концу повествования Хосров, наконец, прозревает, он начинает понимать, что по своему легкомыслию пренебрегал величайшим в мире сокровищем — истинной любовью. Поэт устами Ширин провозносит свой приговор современным правителям-тиранам, несправедливости и деспотизму. Преподанные Ширин советы оказывают воздействие на Хосрова, он перерождается духовно, старается по справедливости править страной. Но трагическая развязка все же наступает как расплата за ранее содеянное зло. Когда Хосров погибает, Ширин остается верной себе: она закалывается кинжалом над телом своего возлюбленного.

«Хосров и Ширин» — величайший памятник мировой поэзии. Не надо забывать, что поэма написана на сто с лишним лет раньше «Божественной комедии» Данте, за полтора столетия до софетов Петрарки. Несмотря на это, в ней с неподражаемым мастерством создан образ беззаветно любящей женщины, готовой на смерть ради любимого и вместе с тем неспособной преступить священный закон чести. Главы о любви Фархада превосходят стихи и баллады провансальских, а позднее итальянских поэтов вроде Джафре де Рюдела (XII век), воспевавших возвышенную безответную любовь. Интересно задуман и образ Хосрова — человека с «роем благородных задатков», отдающегося своим страстям, но находящего в конце концов в себе силы под благотворным влиянием Ширин стать иным, лучшим человеком и справедливым правителем. Образ Хосрова — живой упрек современному Низами венценосцам, повторявшим недостатки Хосрова, но так и не достигшим в конце концов, как он, нравственного величия.

Весной 1188 года Низами по заказу Ширваншаха Ахсатана I приступил к написанию новой поэмы на тему известной легенды о трагической любви Лейли и Меджнуна. Творческое воображение поэта сумело с исключительной художественной силой воплотить в поэме идею возвышенной любви, которая вместе с тем ни в какой мере не повторяла того, что заключала в себе поэма «Хосров и Ширин». За короткий срок Низами создал гениальную эпическую драму, которая до сих пор остается непревзойденным шедевром.

В отличие от Хосрова и Ширин герои новой поэмы Низами любят друг друга одинаково преданно и беззаветно — они достойны друг друга. Но зависимое положение Лейли и Меджнуна от своей среды, от родителей, резко отличая их от Хосрова и Ширин, лежит в основе разворачивающегося повествования.

Будучи совсем молодыми, Лейли и Меджун находятся под опекой своих родителей, особенно стеснена в своем поведении Лейли. Отец Меджнуна — шейх, глава племени, отец Лейли — старейшина другого племени. И тот и другой повинуются обычаям, религиозной морали, законным нормам поведения, оба слепо придерживаются раз навсегда установленных догм.

Обычай не допускал такой страстной и беззаветной любви, которую питали друг к другу Меджун и Лейли. Отец Лейли, это олицетворение всех священных традиций, не может «запятнать свою честь», «очернить свою седую бороду», выдав дочь замуж за «умалишенного», за одержимого любовью. Он считает, что Меджун ославил себя и Лейли своими любовными стихами, унизил мужскую честь, всецело отдавшись своему чувству. Исцелить Меджнуна от любви, которую считали безумием, невозможно. Его любовь к Лейли — это всепоглощающее чувство, которое без остатка растворяет в себе все остальные человеческие интересы. Наконец, когда Меджун уже не в силах жить среди «озверелых дикарей», он совсем уходит в пустыню к зверям, находит утешение в дружбе с ними. Этот бунт Меджнуна против современного общества напоминает позднейший романтический бунт байроновских героев, бегущих от варварства дивиллизованной жизни к дикарям. Но в отличие от героев Байрона Меджун не питает к людям ненависти и не пытается мстить им.

В образе Меджнуна Низами показал трагическое противоречие между естественным влечением сердца и искусственными установлениями феодального общества, враждебными природе человека, самым прекрасным ее порывам. Такая коллизия позднее стала одной из ключевых тем и в выдающихся произведениях классиков европейской литературы.

Образ Лейли — один из самых ярких и выразительных образов, созданных Низами. Наряду с традиционными чертами, обычными при описании восточных красавиц, этот образ наделен отчетливыми индивидуальными чертами. Лейли, встретившись с Меджуном, привязалась к нему, и постепенно привязанность ее превращается в пылкую любовь. Однако она на горьком опыте убеждается, что ей как женщине не полагается иметь собственных желаний. Но ее зависимое положение кажется ей если не естественным, то во всяком случае неизбежным — так уж заведено от века, таковы дедовские традиции. И все же покорность ее — чисто внешняя, она никогда не перестает любить Меджнуна. Лейли приходится танцевать свою любовь от людских взоров, охранять свой внутренний мир от окружающих. От этого ее мучения еще больше. Разницу между положением влюбленных поэт раскрывает психологически очень убедительно. В «Лейли и Меджуна» Низами с замечательным мастерством показал тончайшие движения человеческой души, накал высоких чувств, борьбу и столкновение светлых, естественных человеческих порывов и стремлений с неумолимыми законами мрачной средневековой действительности.

Четвертая поэма Низами «Семь красавиц» существенно отличается от предыдущих прежде всего особенностями своего построения. Основу повествования составляет история правления шаха Бахрам-Гура, взявшего себе в жены семь красавиц из семи поясов земли, на которые, согласно тогдашним представлениям, разделялся весь обитаемый мир. Второй пласт произведения образуют семь вставных новелл, рассказываемых поочередно женами Бахрама в специально возведенных для них семи дворцах. Цвет каждого дворца соответствует цвету одной из семи известных в то время планет, покровительствующих семи поясам земли.

Рассказывая о правлении Бахрама, поэт продолжает развивать свои

просветительские взгляды на идеального правителя, использующего власть в интересах народа. Впрочем, сам Бахрам лишь отчасти удовлетворяет выдвигаемым Низами требованиям. В Бахраме немало хороших задатков и черт характера, необходимых для мудрого и справедливого государя. Придя к власти, он старается править справедливо, и страна в скором времени превращается в обетованную землю: все сыты, довольны, все благоденствуют. Когда наступает засуха, Бахрам приказывает открыть двери государственных кладовых и снабжать население всем необходимым.

Однако облик Бахрама все время как бы раздвигается, хотя и в меньшей степени, чем образ Хосрова. Бахраму не хватает твердой воли в проведении разумной политики, в неусыпном надзоре за важнейшими государственными делами. Временами в облике его проступают черты слабого человека, пресыщенного владыки, склонного к лени, чувственным удовольствиям и развлечениям, который забывает о своей высокой миссии. Низами вводит в повествование образ простого пастуха, который открывает глаза Бахраму своей мудрой притчей. Этим эпизодом поэт хотел показать, что правителям полезно прислушиваться к голосу народа. Бахрам решает проверить политику своего везира, которому он доверил правление страной. Он посещает темницы, тюрьмы, выслушивает жалобы заключенных. Бедствия узников описаны Низами в распространенном в те времена жанре тюремной элегии («зинданийят», «хабсийят»). Первыми создателями этого жанра были придворные поэты, многие из которых становились впоследствии жертвами капризов государей, которым они служили. Блестящие образцы тюремной элегии создал один из видных азербайджанских поэтов Хагани (1120—1199).

Низами, будучи гениальным художником, создал в поэме «Семь красавиц» потрясающий цикл «хабсийят», в котором громко звучат жалобы заключенных, обличающие тиранию и насилье. После того, как Бахрам восстанавливает правосудие, казнит злоупотребившего властью везира, в стране снова наступает благоденствие.

Однако кончина Бахрама выглядит многозначительно: во время охоты на диких ослов (онагров) он таинственно исчезает в пещере. По учению Низами, в этом мире никакой дурной поступок не остается безнаказанным. Бахрам всю жизнь охотился на онагров и смерть похищает его неожиданно во время этого занятия.

Немаловажное значение имеют и семь вставных новелл. Верный своему учению о возвышенной любви и об отрицательной сущности плотских, эгоистических страстей, Низами искусно иллюстрирует его повестями, которые шах Бахрам выслушивает от своих жен.

□ □ □

Завершив титаническую работу над четырьмя поэмами, создав целую галерею высокохудожественных образов, каждый из которых был иллюстрацией тех или иных положений всеобъемлющего учения Низами о добре и зле, любви и правосудии, благородстве и доблести, великодушии и целомудрии, справедливости и т. д., поэт в конце жизни решил развить и поды-

тожить свои мысли о смысле жизни и назначении человека в грандиозной эпопее. В 1197 г. он приступил к работе над «Искендер-наме» («Книгой об Александре») — самым большим своим творением, которое по масштабам замысла и по размаху эпического повествования превзошло все созданные до сих пор Низами произведения. Подготовительная работа к созданию эпопеи велась поэтом, можно сказать, на протяжении всей его жизни. Она была задумана поэтом первоначально состоящей из трех объемистых частей, каждая из которых должна была представлять целую поэму. Описывая свое состояние, приступая к работе над эпопеей, Низами писал:

Шесть десятков годов миновало, и вот
Ты, который спешил, ты уж ныне не тот...
Вот из мира душа моя просится вон,
Вот моя голова славит сладостный сон...
Ум от шуток бежит, слух — от песенных слов,
Нужно молвить: «Прости». Я в дорогу готов...

Однако, несмотря на возраст, усталость и житейские невзгоды, поэт нашел в себе силы завершить дело жизни — создать грандиозное повествование в двух книгах. Хотя в научной литературе высказывались различные мнения об адресате поэмы, но, как ясно вытекает из текста старейших списков, обе ее части посвящены правителю Азербайджана атабеку Абу-Бакру Нусрат ад-Дину Бишкину (1194—1210).

Эпопея состоит из двух частей. Первая, большая по объему часть, называется «Шараф-наме» («Книга о славе»), вторая часть — «Икбал-наме» («Книга о счастье»). Как увидим ниже, эти названия полностью отражают поэтический замысел и основную концепцию поэта о смысле жизни, заложенную в основу эпопеи.

Современного читателя не может не удивить тот факт, что главный герой, воспетый Низами, — знаменитый полководец и прославленный завоеватель Александр Македонский. Такой выбор, однако, не случаен. Как справедливо отмечал Е. Э. Бертельс в своей книге «Роман об Александре», «...деятельность Александра нанесла тяжкий удар ряду носителей власти на Востоке, особенно правителям Египта и Ирана. В обеих этих странах власть обосновывалась теократическими теориями: носитель власти был вместе с тем и носителем божественной благодати, переходившей по наследству. Утрата им власти подрывала эти теории, основным хранителем которых было духовенство, следовательно, угрожала и его авторитету. Необходимо было как-то защищать свои права, а потому не удивительно, что именно на Востоке начали складываться первые версии своеобразного романа, менявшего весь облик исторического Александра¹. Древнейший роман о полководце зародился в первом веке среди египетского жречества и был приписан македонскому врачу Каллисфену. Однако наукой установлено, что последний не имеет никакого отношения к лейб-медику Александра, и потому этот роман

¹ Е. Э. Бертельс. Роман об Александре. М.-Л., 1948, с. 9.

ныне известен под названием «Псевдо-Каллисфен». Основная идея «Псевдо-Каллисфена» заключалась в желании египетского жречества доказать, что Александру Македонскому удалось покорить Египет потому, что он был сыном не македонского царя Филиппа, а египетского верховного жреца Нектанеба, соблазненного якобы женой Филиппа. Таким образом, Александр Македонский обладал божественной благодатью и имел, следовательно, моральное право на египетский престол. Аналогичным образом по ирано-зороастрийской традиции Александр считался сыном древнеиранского царя Дария II.

Ко времени Низами на Востоке кроме персидских и арабских обработок «Псевдо-Каллисфена» существовала огромная литература об Александре. Однако, как утверждал поэт, ни один из существовавших источников не отвечал его требованиям:

В мире не было книги одной обо всем,
Что свершил этот мудрый, владевший мечом.
Много слов золотых в разных списках сверкало,
А тех списков, мной найденных, было не мало.
...В книгах лучшее брал, мне давалось оно,
Я ломал скорлупу, вынимая зерно.

Низами прежде всего хотел создать не исторически достоверную поэтическую хронику о македонском завоевателе, а большое художественное полотно о мудром, справедливом правителе, который в начале своей деятельности, увлекшись мирской мишурой, в погоне за славой покоряет мир, а в конце жизни постигает простую истину о том, что подлинный смысл человеческой жизни заключается в служении ближнему, в стремлении создать на земле гармонию между людьми. Художественное творчество, по мысли поэта, коренным образом отличается от научного, и он, до некоторой степени пользуясь историей походов Александра и легендами, созданными вокруг него, как канвой, «искал лад, чтобы облечь образ героя в словесную ткань» и «с помощью слов завивать поэтический локон».

Александр Македонский снискал всеобщее восхищение как искусный полководец, покоривший своим мечом многие страны Востока, разгромивший могущественную империю Дария III. Однако, с точки зрения ислама, как типичный представитель западной цивилизации, исторический Александр едва ли заслуживал такой чести. Впрочем, сам поэт и не претендовал на историческую достоверность. С течением времени сознание народов, некогда входивших в состав громадного государственного конгломерата, созданного Александром Македонским, внесло весьма существенные коррективы в его исторический образ. Возникают многочисленные предания, легенды, хроники, даже породившие целый ряд «александрий», в которых Александру приписывались особые симпатии к Востоку, доказывалась благотворность его политики для последующего развития этих стран и утверждения в них ислама. Дело доходит до того, что в «Шах-наме» Фирдоуси, от содержания которой в какой-то степени отталкивался Низами, Искендер (Александр) оказывается в кровном родстве с иранским царем из династии

Ахеменидов Дарием II. Наконец, под именем Зуль-Карнейна (Двурогого) Александр удостоивается упоминания в одной из сур Корана, причем мусульманская теология причисляет его к сонму пророков.

Таким образом, вопрос о том, допустимо ли избрать Александра в качестве главного героя эпопеи, перед Низами не стоял. Поэт прекрасно знал многие документы, произведения и предания, связанные с деятельностью македонского полководца. Он знал и подлинные исторические факты, свидетельства античных историков, которые противоречили позднейшим версиям о происхождении и походах Александра. Низами, например, было доподлинно известно, что его герой умер задолго до возникновения ислама. Между тем в его произведении Искендер — деятель мусульманского мира, он совершает паломничество в Мекку, пропагандирует среди племен кыпчаков ношение чадры, ведет благочестивые разговоры о вере и т. д.

Как бы предвидя возможные упреки в нарушении исторической правды и перспективы, Низами во вступлении к эпопее говорит: «Не упрекайте меня в передвижении событий вперед и назад, ибо художнику поневоле приходится делать это». Во имя чего же поэт столь демонстративно отказывается от исторической реальности?

Дело в том, что вся смысловая основа произведения определяется проповедью излюбленных Низами идеалов человеколюбия и гармонического устройства мира. Эти идеалы диктовали свою художественную логику событий, свою компоновку исторического материала. Ради этих идеалов поэт восстает против всемирной судьбы, «злого небосвода», который, по его мнению, творит историю во многом бессмысленно, стихийно, несправедливо. Как бы подменяя его роль, поэт заявляет о том, что в сущности история, какой мы ее видим, не имеет какого-либо конструктивного смысла и положительного итога. По логике Низами, мудрость, воинская доблесть, государственный талант, справедливость, благородство должны существовать в одно время, соединяться в одной стране или даже в одном лице. Таков Искендер у Низами — непобедимый воевода и мудрец, современниками которого являются не только Аристотель и Платон (что соответствует действительности), но и Сократ, Архимед, Порфирий Тирский, Фалес Милетский, Аполлоний Тианский, которые, как известно, жили совсем в иные времена.

Исторический Александр совершил поход в Египет после того, как одержал решительные победы над персидскими войсками, а не раньше, как у Низами. Поэт описывает в своей эпопее и такие походы, которых не было, например, двукратное посещение Закавказья и города Барды, войну с русами.

Однако свобода обращения с материалом у Низами отнюдь не беспредельна: в повествовании наличествуют многие достоверные исторические факты, подробности, фигурируют исторические деятели и т. д. Однако отбор этого материала подчинен изображению совершенно иной, порой не совпадающей с исторической, действительности, раскрытию сущности бытия вообще и его человеческих устоев. Как известно, у всех народов на заре цивилизации такого рода миссию выполняла мифология, служившая универсальным объяснением жизни и руководством к ней. Художественное

мышление Низами в его эпоху во многом подчинено законам мифологического творчества. Низами здесь по сути дела выступает завершителем восточного мифа об Искендере, первом повелителе и устройтеле мира, сосредоточившем в себе одном лучшие качества и дарования, чья деятельность была предустановлена свыше для поучения народов, для назидания потомкам.

Искендер, объединитель народов и государств, в поэме Низами зачатую достигает этой цели путем кровопролитных войн. Но, как правило, не страсть к господству и не жажда богатства движут полководцем. Войска его водворяют справедливость в межгосударственных отношениях либо устанавливают справедливый порядок внутри страны.

У Низами Искендер иногда по просьбе самого народа приходит к нему на помощь, избавляя его от вторжения агрессивных соседей. Такова была первая война с зинджам, на которых жаловались египтяне, когда Искендер взял под свою защиту египтян и разбил зинджей. Победа над могущественным Дарием привела к тому, что Иран избавился от царя-деспота, ослепленного гордыней, дурно обращавшегося со своими подданными. По просьбе народа, обитавшего в северных пределах и страдавшего от опустошительных набегов свирепых яджуджей, Искендер построил оборонительный вал, положивший конец разбою. Когда же войска Искендера вступали в страну миролюбивую, процветающую под властью справедливого правителя, то они не причиняли ей ущерба. Таким было посещение племени кыпчаков или владений царицы Азербайджана Нушабе, где были установлены порядки, подобные тем, которые ввела в своей стране Ширин из поэмы «Хосров и Ширин» после того, как престол перешел к ней. Случалось, что целые государства во главе с их правителем добровольно подчинялись Искендеру (например, китайский хахан, признавший себя его вассалом), становились союзниками Искендера, помогая ему в его последующих походах. Но и сам великий полководец не был равнодушен к судьбе своих союзников. Узнав, например, о захвате Барды, он спешит вызволить царицу Нушабе из плена и вступает в бой с опасным противником.

Следует отметить, что любой из бесчисленных эпизодов эпопеи, посвященный, на первый взгляд, жизнеописанию великого полководца, подводит читателя подспудно лишь к одному выводу: все народы одинаково хороши, все люди везде одинаково любят и страдают, в любой части света подлинны создатели всех жизненных благ ненавидят произвола, насилие, тиранию и бессмысленные войны, которым не должно быть места на земле. На протяжении всей «Книги о славе» поэт осуждает любой поход Искендера, если он вызван не желанием установить порядок и правосудие, а стремлением лишь продемонстрировать свои подвиги, отвагу и непобедимость.

Для иллюстрации сказанного можно сослаться на поход Искендера против хахана тюрков, проживавших в северном Китае. Узнав о приближении непобедимого воителя, правитель Восточного Туркестана, то есть хахан Чина, готовит войска для отражения врага, отправляется к Искендеру под видом посла и вручает ему письмо, в котором мы читаем следующие мудрые строки:

Все же мир мне желанней, чем спор и война;
В расприх — горе страны, в мире — крепнет страна.

Стремление первенствовать среди царей и полководцев, жажда приумножения славы пленяют Искендера, но он постепенно постигает, что не в этом заключается счастье. Впервые ему открыла эту простую истину мудрая царица Азербайджана, восседавшая в прославленной Барде — Нушабе. Исторический Александр Македонский никогда не бывал в Барде. Однако Александр, созданный поэтическим воображением Низами, завоевав все страны, следуя своим победоносным путем, прибывает в Азербайджан, которым управляла в то время мудрая правительница Нушабе. Когда Искендер спрашивает, кто властелин этой богатой мирной и процветающей страны, он получает ответ:

...Все, что в этой стране,
Вручено небесами прекрасной жене.
Разум зоркой владычицы с мудростью дружен,
А по крови она чище лучших жемчужин.
Сердце чистой — прозрачный, благой водоем
И печется она о народе своем.

Александр задумывается над такой характеристикой владычицы, которая печется о своем народе и решает навестить Нушабе под видом своего посла. Нушабе принимает его достойным образом. Она легко разоблачает мнимого посла и необычайно искусно и в то же время убедительно доказывает ему тщетность той славы, к которой он стремится. Царица велит накрыть стол изысканными яствами, способными удивить даже потерявшего способность удивляться властителя, а затем приказывает подать отдельно для Искендера хрустальные чаши с золотом, лаалами, жемчугом и яхонтами. Когда удивленный Искендер заявляет, что ведь эти драгоценные камни несъедобны, Нушабе разъясняет ему свою мысль:

...Если в рот не берешь драгоценные зерна,
То зачем ради благ, что тебе не нужны,
Ты всечасно желаешь ненужной войны?

Александр оценивает глубину и истинность поучений женщины, обладающей душевным величием и подлинной мудростью, но в то же время замечает и слабую сторону в ее суждениях, ибо она, как и все люди, тоже страдает пристрастием к самоцветам, влату и лаалам:

У тебя — на столе самоцветов мерцанье,
Так направь на себя все свои порицанья,
Накопив самоцветы для чаш и стола,
Почему ты со мною столь строгой была?

Глубоко задумавшись о смысле жизни, но все же влекомый по инер-

дии жаждой славы Александр, оставив Азербайджан, продолжает свой поход в дальние страны. Одержав победу над могущественным иранским царем Дарием, покорив Иран, затем достигнув пределов Китая и совершив на кораблях вторжение в Индию, он встречается с гимнософистами, с которыми он вступает в дискуссию на тему об извечных проблемах бытия, жизни и смерти. И все-таки Александр не может найти ответ на извечные вопросы: зачем жизнь, зачем смерть, в чем смысл существования?

Квинтэссенцию глобального гуманистического учения Низами, нашедшую в полном объеме свое выражение в эпосе, составляет страстное утверждение о том, что солнце, небеса, земля, вся вселенная созданы для того, чтобы служить человеку, а человек должен творить гармонию, сеять добро, радость и свет. Он прославляет созидательный, общественно полезный труд. Поэт отрицает даже самое талантливое искусство, не приносящее людям пользы. В этом отношении очень характерен эпизод, связанный со знаменитым основоположником манихейства — Мани, который считался также одним из самых искусных художников древности. В этом эпизоде осуждается беспредметное искусство, создающее иллюзию реальности, но в действительности только вводящее людей в заблуждение.

Низами приходит к выводу о том, что любой талант, любой божеский дар в человеке должны служить полезным целям, а не показу своего превосходства над другими. Осудив искусных китайских художников за то, что они не ставили перед собой серьезных и конкретных задач, связанных с жизнью, устами Мани поэт как бы выразил мысль о том, что искусство для искусства аморально.

Вторая часть поэмы называется «Икбал-наме» («Книга о счастье»). Здесь Александр наконец постигает смысла жизни: он заключен в служении человеку, создании гармонии между отдельным человеком и всеми людьми, между людьми и природой. В этом прозрении великого полководца решающую роль играет то, что он увидел в удивительной стране всеобщего равенства, братства и свободы, куда, наконец, попадает Александр. В этой стране, где всегда сияет солнце и все счастливы, нет господ и слуг, угнетенных и угнетаемых, нет классов и классовых раздоров, люди умирают там не от болезней и потрясений, а только от старости.

Как описывает Низами, в этой утопической «справедливой стране, городе прекрасного края», куда попадает Александр после покорения мира, нет воров, на дверях нет замков, прекрасные сады стоят без оград, даже стада овец сами пасутся без пастухов. Люди, живущие в этой сказочной стране, забыли, что такое ложь, даже «неправдивые сны» им незнакомы, среди них нет имущественного неравенства. Вот что слышит от них Искендер:

Мы имуществом нашим друг другу равны.
Равномерно богатства всем нам вручены.
В этой жизни мы все одинаково значим,
И у нас не смеются над чьим-либо плачем.
Мы не знаем воров, нам охрана в горах
Не нужна. Перед чем нам испытывать страх?

За такие добродетели небеса благосклонны к жителям чудесного края, «небеса хранят каждое чадо», земля дает щедрый урожай и даже львы и волки не трогают вольно пасущиеся стада.

Потрясенный всем увиденным и услышанным от старейшин города солнца, Искендер постигает душою и разумом идеал гармонически устроенного общества. В свете открывшейся ему истины все его военные успехи кажутся ему теперь ненужной жестокостью, бессельной выгадывающей жаждой славы и побед. Он всерьез задумывается о том, чтобы ввести те же справедливые и благие порядки в своем отечестве. Не довольно ли бесконечных походов? Не хватит ли побед и военной добычи? Не достойней ли жить в мире, радеть о всеобщем благе людей? «Зверинным правом» называет прозревший Искендер свое бывшее неуемное стремление к завоеваниям и триумфам, ложным представляется ему долгий пройденный путь, увенчанный победами и подвигами. «Научусь ли тому, что увидел я здесь!» — восклицает полководец, твердо решивший отныне посвятить себя утверждению идеалов мира, добра и справедливости. Низами, подробно изложив конечную цель своего учения, показав читателю идеал гармонического общества, где царят изобилие и правда, добро и красота, мир и любовь, как бы завещает потомкам воплотить этот социальный идеал в жизнь.

По мысли Низами, познанием истины в идеальной стране солнца земная миссия Искендера исчерпывается. Он вскоре умирает как обыкновенный смертный. Поднимая личность своего героя на недостижимую высоту, Низами вместе с тем далек от того, чтобы делать его неким богоподобным сверхчеловеком. Искендер в эпосе — сын земли, которому не чужды обыкновенные человеческие слабости и заблуждения, который способен колебаться, предаваться раскаянию. Но, как подчеркивает поэт, одним из лучших качеств Искендера является его скромность, сознание ограниченности своих возможностей, понимание того, что не всегда следует полагаться на свой разум и предприимчивость, что ему есть чему поучиться у других, в том числе и у людей из простого народа. Умение использовать все лучшее, что было в его время, собрать это лучшее вокруг себя — именно это качество поднимает Искендера на огромную высоту, делает его непобедимым.

Осознание того, в чем именно заключается величие этого выдающегося человека, закономерно привело Низами к развенчанию древнеиранской теории о царях, бытующей в персидской поэзии X—XI веков, например, в той же «Шах-наме». Согласно этой теории, повелителями народов могли быть лишь те, кто принадлежал к царскому роду («нижад»), обладал «царственной сущностью» («гоухар»), был свыше освоен благодатью — божественным ореолом («фарр») и отличался доблестью («хунар»). Последнее понятие объединяло в себе мужество, ум, талант и многие другие достоинства. Но герой Низами затмевает всех когда-либо существовавших царей исключительно благодаря своему уму и личным качествам. Оспаривая предшественников, описывавших биографию полководца, Низами показывает, что он был в действительности сыном македонского царя Филиппа (Филикуса) и, следовательно, по своему происхождению никаких прав на иранский трон не имел. Своим счастьем и своей славой он обязан не «фарру», а таким

качествам, как справедливость, великодушие, храбрость, щедрость, любовь к своим сподвижникам, вера в свою звезду, умение обуздывать собственные желания и страсти.

«Искендер-наме» — триумф творчества Низами, произведение поистине энциклопедическое по насыщенности материалом и, конечно, по богатству и емкости вложенных в него идей. В эпоху мы обнаруживаем тот же возвышенный пафос, те же гуманистические концепции, которыми проникнуты и другие произведения поэта. Низами никогда не уставал вновь и вновь возвращаться к ним. Напротив, он считал своим долгом всемерно способствовать их распространению, как можно основательней и прочней закрепить их в памяти современников и потомков.

Многократное повторение этих идей, носящих в целом дидактический характер, каждый раз осуществлялось поэтом при помощи неистощимо разнообразных средств художественного воплощения, что, естественно, приковывало к себе читательское внимание, поддерживало неослабевающий интерес к произведению. Достаточно прочесть любую поэму Низами, чтобы заметить, с каким искусством автор то и дело меняет «регистры» своего повествования. Бросается в глаза разнообразие глав, среди которых мы находим и главы событийного характера, служащие развитию сюжета, и главы, в которых действие как бы замедляется, для того чтобы читатель мог полюбоваться какой-нибудь красивой сценкой, живописной местностью, привлекательным обликом героев. Встречаются главы, почти сплошь состоящие из монологов, главы философско-назидательного и развлекательного характера, главы-письма, главы-мемуары, вставные новеллы и т. д. А внутри этих многочисленных глав — та же многоцветная палитра красок. Мы наблюдаем тут гармоничное сочетание проникновенного лиризма и деловой обстоятельности повествования, конкретной, почти зримой наглядности изображения и художественного абстрагирования, метафорической усложненности и нагой простоты, афористической краткости и неторопливой витиевато-пространной речи. Такое искусство поэтического изложения, полифоничное по своей сути, служит у Низами проведению в жизнь определенных устойчивых идей, развитие которых осуществляется путем бесчисленных вариаций, разнообразных средств художественного воплощения.

Не случайно, что со временем все поэмы Низами стали восприниматься как нечто целое, ибо, действительно, они органично складывались в своеобразный цикл, обладавший ярко выраженным идейно-художественным единством. Уже после смерти поэта этот цикл получил наименование «Хамсэ» («Пятерница»).

«Хамсэ» Низами на многие века вперед предопределила характер последующего развития литератур многих народов Ближнего и Среднего Востока. С начала XIII и вплоть до конца XVIII века поэмы Низами по праву служили эталоном высочайшего поэтического мастерства. Все выдающиеся поэты Востока, в первую очередь персоязычные и тюркоязычные, считали своим долгом вступить в творческое состязание с «Пятерницей» Низами, т. е., используя сюжетно-тематическую основу этих произведений, их специфические композиционно-жанровые особенности (вплоть до формы стиха), создавать по этим образцам так называемые «назире» («подражания»). Досто-

инства таких произведений зависели от самостоятельности и оригинальности творческой трактовки материала и формы, заключавшихся в «Пятернице». Конечно, лишь немногим удавалось создать полный цикл поэм. Сотни поэтов ограничивались тем, что писали одну или две поэмы на темы «Хамсэ». По неполным данным, только на поэму «Лейла и Меджнун» было написано более ста «ответов» (на языках фарси и турки). «Сокровищница тайн» насчитывает лишь на одном персидском языке свыше сорока назире. Прославленными продолжателями Низами, знаменитыми авторами «Пятерницы» явились индо-персидский поэт Амир Хосров Дехлеви (1253—1325), Хаджи Кермани (1281 — ок. 1352), Имад ад-Дин Кермани (ум. в 1371 или 1372 г.), творец «Семерницы», персо-таджикский поэт Абдурахман Джами (1414—1492) и, наконец, великий узбекский поэт Алишер Навои (1444—1501).

□ □ □

Гуманистическое учение Низами, его мечты о равенстве, братстве, свободе, справедливом обществе издавна вдохновляли лучших представителей многих поколений, призывая их к активному переустройству мира во имя высоких идеалов. Прошло более восьми столетий со дня рождения Низами, но его немеркнущий талант с каждым годом раскрывается перед нами все новыми своими гранями. Всегда будут жить в людях добрые чувства, которые он пробуждал своей лирой. Низами будет вечно жить и участвовать в самых благородных свершениях человечества. Он сам, пророчески провидя такую судьбу своих творений, говорил, обращаясь к потомкам:

О юный орел, вспомни обо мне,
У ветхой могилы постой в тишине.
Ты видишь: надгробье почти развалилось,
Трава между плит безобразно пробилась,
Развеял мой прах. И никто из друзей
Давно не приходит к могиле моей.
Рукою коснувшись могилы угрюмой,
О чистой душе моей, отрок, подумай.
Слезу урони на обитель мою,
А я тебе — свет несказанный пролью.
Молитвы твои да возносятся выше! —
Я моваю «Амины!» — их на небе усмьшат.
Привечу, когда поприветствуешь ты,
Меня посетишь — я спущусь с высоты.
Считай, что я жив, как ты сам. И тогда я
Душою к тебе устремлюсь, окрыляя.
Не думай, что вместе мы здесь не сидим:
Я вижу тебя, хоть тобою незрим.
Так помни ж об этом! Я вечно с тобою,
И сможешь свершить ты деянья благос.

Предлагаемый читателю перевод «Искендер-наме» сделан одним из виднейших советских переводчиков восточной литературы К. Липскеровым. Несмотря на свою фундаментальность и в целом высокий художественный уровень, думается, что этот перевод не может считаться совершенным. В некоторых местах переводчик слишком отстает от оригинала, далеко не всегда ему удается сохранить образную систему, метафоры и другие средства художественного выражения. Надо отметить, что со времени перевода «Искендер-наме» (равно как и других поэм Низами) на русский язык прошло уже не одно десятилетие, и, естественно, эти издания сегодня уже не во всем отвечают современным требованиям, предъявляемым к художественному переводу.

Поэтому после завершения намеченной публикации на азербайджанском и русском языках всех поэм «Пятерицы» как в стихотворных, так и подстрочных переводах, планируется конкурс на лучшие новые переводы поэм Низами. Это, несомненно, послужит стимулом к тому, чтобы сделать еще один шаг на пути ознакомления широкого круга русских читателей с бесценным наследием нашего гениального поэта.

Рустам АЛИЕВ

ШАРАФ-НАМЕ

(КНИГА О СЛАВЕ)

О ПРИЧИНАХ СОЧИНЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

В ночь, светившую мне, как нам светит рассвет,
Словно данную утренним просьбам в ответ,

Ясный месяц сиял светом тихим и томным
Над землею, покрывшейся мускусом темным.

Смолк житейский базар. Шум всенедельный потух.
Колокольчик верблюда не мучил мой слух.

Страж ночной задремал. Подчинясь небосводу,
Утро светлую голову спрятало в воду.

Отряхнув свои руки от суетных дел,
На себя я оковы раздумий надел.

Свое сердце раскрыв и закрыв свои очи,
Думал я, как бы мне в свете сладостной ночи

Подачей расставить потайную сеть,
Наилучший улов мне хотелось иметь.

Бросив тело свое, этой ночью бессонной
Я пошел по долинам души вознесенной.

То мне, полная тайны, мерцала скрижаль,
То к страницам былым уносился я вдаль.

И огонь снизошел и потек моим садом,
И подвластен я стал его жарким оврадам.

И полны опасений, взыскав пути,
Мысли долго не знали, куда им идти.

И кружились они в неустанном раденьи,
И узрел новый сад я в своем сновиденьи.

В том саду, непохожем на наши сады,
Собирая плоды, раздавал я плоды.

Но проснулся плоды раздававший всем встречным
И пылал еще мозг его сном скоротечным.

Возгласить муэдзину пришла черед:
«Он велик, сей живой, сей, живущий всегда!»

И раздался мой стон в час вседневного бденья:
Я был подон пыланья ночного виденья.

Но лишь утро благое одело восток,
Ожид я, как рассветный живой ветерок.

И зажег я над сумраком реющий светоч.
Весь рассудок мой был пламенеющий светоч.

Волхвовали, предавшись словесной игре,
Мой язык и душа, как Марут и Зухре.

Я промолвил себе: «Ты забыл свое дело,
А давно уже сердце творить захотело».

Новозданным и давним напевом согрет,
Летописцам ушедшим пошлю я привет.

Я смогу светлячка сделать светочем новым,
Взяв зерно, — всех порадовать деревом плодовым.

Тот, кто вкусит мой плод, громко вымолвит: «Маг,
Это дерево взрастивший, воистину благ», —

Если он не из тех, кто, так вымолвив, следом
Ловко выкрадет скарб, припасенный соседом.

Ну так что же! Весь блеск в моих замкнут словах.
Всех торгующих жемчугом я шаханшах.

Я взрастил сладкий плод, для другого он — пища.
Он — крадущийся в дом, я — хозяин жилища.

Как поставить мне лавку на этом углу?
Каждый уличный вор что-то спрячет в полу.

Тут не сыщется лавки, к которой бы воры,
Чтоб ее обокрасть, не направили взоры.

Нет! Я — море. Не жаль мне сто капель отдать.
Сколько туч мне пошлют их опять и опять!

Хоть бы тысячу лун твоя длань засветила,
Быть им все же с печатью дневного светила.

ПРИТЧА

Некий праздный гуляка, пьянчуга пустой
Подобрал на дороге динар золотой.

«К злату тянется злато», — промолвил меняла.
И бездельника жадность внезапно объяла.

И, предвидя улов, он спешит на базар:
Там к динару притянет он звонкий динар.

Вот он в лавку заходит: блистают каменя, —
И глупец полон радости и вожделенья.

Денег целые груды и счета им нет.
Сколько мелких и средних и крупных монет!

И прекрасной поживе душа его рада.
И метнул он динар в пламень этого клада.

На глазах у глупца в груди самой густой
В тот же миг затерялся его золотой.

Возмечтал он богатство умножить раз во сто.
Да мечта не сбылась. Так все кончилось просто!

Ускользнула монета; простак, что есть сил,
Пред торговцем каменьями заголосил:

«Из всего, что даровано божьему свету,
Довелось получить мне одну лишь монету.

К злату тянется злато! — сказал это лжец!», —
Так вопил на базаре взбешенный глупец.

«К этой лавке сокровищ бежал я с динаром.
На добычу надеясь, бежал я недаром:

Притянуть я к себе понадеялся клад.
Я пропал! Одурачен! Я жизни не рад!»

Рассмеялся тогда благородный меняла,
И сказал он глупцу, что с деньгой его стало:

«Единицу к себе тянет сотня всегда.
К одному не потянется сто никогда!»

□ □ □

Тем, кто в склад мой проникнуть пытается, —
Эту притчу надежным поставил я стражем: скажем:

Много мельниц шумит, но когда ни взгляну, —
Нет нам пользы от них, все идет на казну.

Пусть воруют! Я рад, что хоть мне нет укора,
Что меня посчитать не посмеют за вора.

Неумных грабителей бойся в пути,
Осторожно меж ними старайся пройти.

Темнолицых бродяг по ложбинам укропным
Вдосталь скрыто. Весь мир они сделали темным.

Разжигать светлым днем им свой стыдно костер.
Друг на друга поднять им свой совестно взор.

А писцы даже днем — да покроются срамом! —
Все скрипят и скрипят своим черным каламом.

Все, что сделал в Гяндже я, не знающий лжи,
Воры шлют в Бухару. Их товар из Гянджи.

Но дешевый товар покупают с опаской.
Скупка тайного кончиться может оглаской, —

А когда обнаружится тайна твоя,
На тебя ополчатся твои же друзья.

Коль не крикнет хозяин про дерзкие кражи, —
Сбережет ли свой склад он от собственной стражи?

Но довольно! Напрасен и крик мой и вздох.
Время все разберет, кто хорош, а кто плох.

Не прервут небеса неуклонного хода.
Будет взвешено все на весах небосвода.

О СВОЕМ ПОЛОЖЕНИИ

Подойди ко мне, кравчий, налей мне вина,
Чтоб душа моя стала блаженно хмельна.

Нужен горький напиток! Не жду я веселья.
Чтоб забыла я себя, дай мне горького зелья!

□ □ □

Низами! Не пора ль свою славу забыть?
Ветхий днями! Нельзя вечно юношей быть!

Свое сходство с бесстрашными львами умножим.
Тот, кто мыслит, — не будет с лисицею схожим.

Говорят, что лиса на далекой Руси
Очень холит свой мех, но у ловчих спроси, —

«Из-за меха и гибнет, — ответят со смехом. —
Мы лису обдерем и уйдем с ее мехом».

Все свою украшают циновку, а глядь,
Срок истек, и с циновки приходится встать.

Если б тварь не стремилась к заботливой доле,
Не пришла бы она к своей горестной доле.

Не надежен шатер семикрасочный твой.
Даже зеркало мрачно, коль съедено ржой.

Ты не красная сера. Рубин ли ты серый?
Чтоб тебя отыскать, будут найдены меры.

Чародействовать брось! Разве ты чародей?
Лишь одни чародеи бегут от людей!

Ты, как все, — человек; человек же от века
Ищет связи с родною душой человека.

Если ты — ценный клад, но быть с нами не рад, —
Знай: в земле не один укрывается клад.

Что нам в том, если запертый сад перед нами,
Чем он полон, — колючками или плодами?!

Юность канула, к жизни участие ушло;
Мир, уйди, если юности счастье ушло!

Юность — это прекрасное! В чем же отрада,
Если нам позабыть все прекрасное надо?

Если кости гниют, если слабость в ногах,
Не веди свой рассказ о беспутных делах.

Если юности дерзкой прошло ослепленье,
На дерзанье себе не давай изволенье.

Сад красив до поры, пока свежестью пьян,
Пред веселым самшитом смеется тюльпан.

Если ж ветер ворвется с холодной лавиной,
Если ворон влетит в этот сад соловьиный,

Обнажится ветвей обездоленных сеть, —
И узнает садовник, что значит скорбеть.

И погибнет рейхан, цветший здесь в презыбтке,
И забудут про ключ от садовой калитки.

Соловей! Смена дней всех страшнее угроз.
Пожелтели ланиты пылающих роз.

Был красив кипарис, да согнулся он вдвое,
И садовник ушел, замечтав о покое.

Шесть десятков годов миновало, и вот
Ты, который спешил, ты уж ныне не тот.

Низко лоб ты под ношей склонил невеселой.
Утомился верблюды на дороге тяжелой.

Утомилась рука, что тянулась к вину,
Ноги стынут, — едва ли я их разогну.

Синеватым становится старое тело.
Нет уж розовой розы. Лицо пожелтело.

Быстроходный скакун, — он плетется едва.
И о ложе мечтает моя голова.

Утомился мой конь, столь привычный к човгану;
Понукать его к скачке я больше не стану.

Не прельщает усталого винный подвал,
И меня уж раскаянья голос призывал.

Дождь седой камфары пробежал над горою,
И в бессильи земля облеклась камфарою.

Вот из мира душа моя просится вон,
Вот моя голова славит сладостный сон.

Не доходят до слуха красавиц упреки.
Скрылся кравчий, и пуст мой кувшин одинокий

Ум от шуток бежит, слух — от песенных слов.
Нужно молвить: «Прости». Я в дорогу готов.

Не в чертог, — в скромный угол укрыть бы мне
темя!

Тянет руку ко мне ненасытное время.

Взор свой радовать бабочкой люди не прочь,
Если светит свеча, озарившая ночь,

Но лишь только свечу уберешь ты из дома,
Страсть ночных мотыльков к ней не будет влекома.

В юных днях, когда ведал я пламенный жар,
Похвалялся я тем, что устал я и стар.

Засмеюсь ли теперь, если в сердце — печали,
Притворюсь ли юнцом, если веки устали?

Ведь блистает гнилушка, как светоч света,
Потому, что в саду беспросветная мгла.

Ведь блистает светляк и летает кичливо
Потому, что во тьме быть блестящим не диво,

Если я уставал, если была я без сил,
У судьбы я спокойного крова просил.

И покой возвращал меня к жизни, — и снова
Я весельем сменял тишь спокойного крова.

Да, теперь, когда юности более нет,
И не мне на востоке мерцает рассвет, —

Преклонить бы мне голову! Бедное тело
Дело жизни оставить уже захотело.

Коль в венце щеголять хочет радостный гость,
Нужен мускус ему, не слоновая кость.

До поры, пока звезды, ведущие сроки,
Не сотрут моих дней неприметные строки,

Я в заботе, что стала мне так нелегка,
Сохранить свое имя кочу на века.

Я без устали в кости играю в помогу
Утомленному телу. Ведь скоро в дорогу.

Я умчусь через мост на гилайском ковре,
И вернуться в Гилай не захочется мне.

Много смертных помчалось по той же дороге!
Кто припомнит сидевших на этом пороге?

Полный свежести! Вспомни об этих словах.
Если ты посетить пожелаешь мой прах,

Всю непрочность гробниц ты б увидел, прохожий;
Рассыпается насыпь их тленных подножий.

Ветер прах мой развеет, по свету гоня,
И никто уж на свете не вспомнит меня.

Но, ладонь положив на могильный мой камень,
Ты души моей вспомни сияющий пламень.

Если слезы прольешь ты на прах мой, — в ответ
На тебя я пролью свой немеркнущий свет.

Ты пошлешь мне привет, — я приветом отвечу.
Ты придешь, — и с высот опущусь я навстречу.

И о чем ни была бы молитва твоя, —
Будет принята. Верь. Это ведаю я.

Ты живешь. Связи с жизнью и я не нарушу.
Ты мой прах посетишь — посету твою душу.

Не считай, что я сир, что безлюдьем томим,
Я ведь вижу тебя, хоть тобою незрим.

За беседу помни ушедших навеки.
Не забудь о друзьях, чьи не вскинутся веки.

Если будешь ты здесь, чашу в руки возьми
И приди к тому месту, где спит Низами.

Хызр! Иль думаешь ты, — светоч нашего края, —
Что прошу я вина, жаждой пьющих сгорая?

От вина я благого сгоранья желал.
Украшать я сгораньем собранья желал.

Кравчий — божий гонец, чаша — чаша забвенья,
А вино огневое — вино вдохновенья.

Знай: другого вина не пригубил я, — нет!
Я всегда выполнял этот божий завет.

Коль забыл я хоть раз о велении строгом,
Будь запретно мне то, что дозволено богом.

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ЭТОЙ КНИГИ ПЕРЕД ДРУГИМИ КНИГАМИ

Виночерпий, приди! Отгоняя мой сон,
С чашей пьяной приди! Я безмерно влюблен!

То вино, что исполнено чистого света,
В четырех толкованьях не знает запрета.

□ □ □

До поры, пока в сердце величия нет,
На возвышенный трон сердцу будет запрет.

Для величья из всех своих слов многоликих,
Отбери только те, что твердят о великих.

Сжатых уст не раскрой, коль не спросят о том.
По жемчужине слова не бей топором.

Если станет неспрошенный стласть свои речи,
Может статься, ни с кем не дождетса он встречи.

Почему свет незрячим несешь ты, спеша?
Только видящих свет ищет наша душа.

Только так надлежит снять безмолвья затворы,
Чтоб речей твоих гул уносился за горы.

Недостойный на слово заслышав ответ,
Загрустишь, что нарушил молчанья завет.

Рот гвоздями забей! Это лучше, чем речи
Составлять, чтобы вскоре сжигали их свечи.

Для чего пред тобою мне словом звенеть?
Ты ведь слушаешь только про сон да про снеть.

Тайна знаний моих для тебя незнакома.
Бью я в свой барабан, бью, не выйдя из дома.

Драгоценностей много, но только одну
Из хранимых к просящему я протяну.

Покупатель жемчужин закрыл свои веки.
Смолок базар. Ничего не продашь ты вовеки!

Если я приношу вам жемчужную нить,
Нужен тот, кто сумеет ее оценить.

Дай внимающих мне, воли выси бескрайной,
Чтоб возрадовал их я Учителя тайной.

Эта тайна Учителя станет моей.
Я свяжу его душу с душою своей.

Что ж! Порядок подобный с обычаем дружен.
Этот — принял, тот — отдал пригоршню
жемчужин.

Если б финик пониже висел, то шутя
Финик сбило бы с пальмы любое дитя.

Есть охрана, — и путник не ведает страха.
Мы огонь сохраняем при помощи праха.

Небеса кроткий нрав пожелали мне дать,
Вот и вздумали многие взять мою кладь.

Многих путников, шедших вдоль той же дороги,
Дерзкий нрав избавлял от всечасной тревоги.

Но неужто, чтоб дети бежали с пути,
Надо, сажай намазавшись, черным идти?

Почитаю себя я в пути своем правым
И своим я доволен покладистым нравом.

С этим нравом пройду я земную грядку.
С ним пришел в этот мир, с ним отсюда уйду.

Если жемчуг мы нижем для всех, неужели
Для себя мы бы спеть ничего не сумели?

Нам о многих певцах повествует молва,
Я вам сам про свои разглашаю слова.

Слову песен я прочную создал основу
И до судного дня суждена она слову.

Вечно по саду слов я брожу, садовод.
Мне цветы мои холить велел небосвод.

Я пою и в шипах, не боюсь их, как роза;
Пусть терзают — пою. Мне шипы не угроза.

Это сердце — костер: угасал его жар,
Но подбросили терний, и вспыхнул пожар.

Я — как море: с души я стираю пороки.
Я не зеркало, нет! Не вбираю пороки.

Раздаю вам ларцы драгоценных камней,
Но хоть все вам раздам, я не стану бедней.

Вам ячмень показав, дам на тесто пшеницы,
Я не тот, кто ячмень сыплет вместо пшеницы.

Я — как солнце. Для всех я исполнен огня.
Нет обмана во мне. Только свет у меня.

За двуличье вовек не испытывал срама.
То скажу за глаза, что скажу тебе прямо.

Я злоречья не шлю злоречивым в ответ.
Благое злему ответить — мой вечный завет.

И не шлю я зломыслящим злобного слова,
Чтоб не сделался сам я похожим на злого.

И чинят мне за это добро, и несут
Мне приветы все люди, чей праведен суд.

А когда я уйду к своей новой деннице,
Добрый странник придет к моей тихой гробнице.

Я за горстку дирхемов даю жемчуга,
Но лишь гордых мне, гордому, длань дорога.

Взвихрен мир. Я с оружием и все же я дома:
Апельсину погибель от вихрей знакома.

У кого из царей меж теснин бытия
Спутник был и верней и славнее, чем я?

Из нарядных цветов никогда, ни единый
Не слышал столь пленительный звон соловьиный.

Все слова изречений сплетал я хитро,
При находке любой брался я за перо.

Ясность мысли моей — от источников знания.
Все науки познав, я добился признанья.

Сахар смеха из уст я исторгну; из глаз
Я исторгну печали текучий алмаз.

Лик внимающих мне я слезами омою
И опять озарю, словно солнце, весною.

Есть в саду у меня — мой Садовник велик! —
И печальная ива и сладкий тростник.

Думал: тишь позабыв, взяв застольную чашу,
Я беседою пиршество ваше украсу.

Но мое деревцо не забудет свой дом,
Корни могут ослабнуть в саду неродном.

Сколько дней и молитв и постов миновало!
И пиры посещать мне теперь не пристало.

В дни разлития рек (для примера беру)
Не годится из Рея скакать в Бухару.

Помни, в ветреный день не раскроются даже
Розы. Дома сиди. Позабудь о поклаже.

Быть вожатым не мыслю. Ведь птица Хума
Тем славна, что приют ее тайна и тьма.

Я не в силах лежать, подыматься не в силах.
Я могу, только вспомнив о звуках мне милых,

Розу слова создать и стонать меж ветвей.
Так над розою стонет ее соловей.

Если б знал я чужую, прекрасную розу,
Эту желтую взял бы иль красную розу.

Но к чему мне просить всякой милости? Ведь
У меня для жаркого имеется снесь.

Я питаю свой слух своей собственной песней.
И Симурга гнезда скромный дом мой безвестней.

Я забыт. Время катится дальней рекой.
И в тиши я нашел долгожданный покой.

Свод жилья моего, словно свод небосвода,
И для мира в мой дом нет открытого хода.

Я не знаю, житейскую бросив игру,
Что дурного, что доброго ныне в миру.

Я — мертвец, но идти я вперед не устану
С караваном, хоть чужд я тому каравану.

Стоят сотен усилий мой вздох и мой стон.
Дюю, чтоб глаз не сомкнуть, колокольчика звон.

Кто так любит меня и душою и телом,
Как люблю я себя с моим горьким уделом?

Отвернул я лицо от приязни родни,
Полагая, что только себе я сродни.

Если злым меня видят влюбленные, что же! —
Лишь себя люблю я на горестном ложе.

Если нынче ничьей не дано мне любви,
Молвлю сердцу: «Есть небо! Его призови!»

Дверь жилища запри. Хоть бы ты в полной мере
Был в нужде, — не стучись в неприветные двери.

Если б только я мог на все просьбы в ответ
Говорить всем просящим спокойное «нет»!

Начертал я свой круг. Я, исполнен испуга,
Не взираю на мир за пределами круга.

Много горестней тем, что в кровавом кругу,
С чем их плен безысходный сравнить я смогу?

От людей свои двери замазал я глиной.
Отрешенье предстало мне целью единой.

Сорок дней я смирял свою плоть. Говорят —
Сорок дней наилучшую кожу дубят.

Прах — четыре подушки на царском престоле.
Я в стенах четырех верев избранной доле.

Мной за каждое данное в молку зерно
По жемчужине было в уплату дано.

Слава мастеру слов! И умен и упорен,
Он алмазы творит из чуть видимых зерен.

Взял я глину для стен. Влаги требовал прах.
Весь мой дом на мюнх же замешан слезах.

Здесь простым ячменем я поддерживал тело,
Чтоб творенье мое во дворцах заблестело.

Не беспечно я жил. Вспомнят все обо мне.
Я ведь думал не только о пище и сне.

Я спокойно не спал ни единою ночью,
Если днем сад познания не видел воочью.

Моя дума — не женщина. Это кремень,
Это девы Марии подобье и тень.

Для чего ей супруг? Чтоб родился в ней пламень,
Ей одно только нужно: железо и камень.

Но не легкое бремя благие слова, —
Те, чья прелесть ясна и звучна и нова.

Ты себя истерзаешь, коль девственным словом
Всех захочешь пленить. Будь на это готовым,

Иль забудь жемчуга, а сверли кувшины,
Пой лишь в бане: слова твои будут слышны.

Но где мощно пространство себя распростерло,
Ты не пой: ты напрасно измучаешь горло.

Если царским клеймом ты владеешь, — тебе
Я советую: им лишь по золоту бей.

Ведь бывает и так: скроют медь позолотой,
И ее простакни принимают с охотой.

«Плод не каждый — инжир». Поговорка права.
И несхожа с Зубейдой любая вдова.

Если б все воробьи захотели инжира,
Мы с тобой никогда бы не ели инжира.

Индостан всех индийцев рождает, но все ж
Этот — сторож, а тот — спрятал за пояс нож.

Серебром своих вод мглу прорезав густую,
С ваших сумрачных душ грязь я смою земную.

Но картина моя станет людям видна
Лишь тогда, когда пальмою встанет она.

Не трясги эту грушу, спеша: не созрела,
А трясешь, ну так значит душа не созрела.

Дозревать носит яблоки в дом свой торгаш,
Но они ведь язык не порадуют наш.

Недозревший инжир размягчишь не на радость,
Изодрав свое небо, забудешь про сладость.

Те цветы, что собой не украсят сады
Раньше срока, дают золотые плоды.

На зыбучих песках — нет разумнее слова —
Непрочна, ненадежна любая основа.

Все свершить я в сверканьи своем захотел:
Не сверкая, не делают блещущих дел.

При посеве рука земледельца проворна,
Потому что доход принесут ему зерна.

Но когда на базаре зерно не в цене,
Он бездельем насытиться может вполне.

От напевов певца — столь грустны мои пени —
Отвратили свой слух знатоки песнопений.

Вот и надо теперь всем, что в думах таю,
Засверкать: завершить надо книгу мою.

Если все переписчик узнать им поможет,
Их душа без нее обходиться не сможет.

Победить пересказом прославленных дел
Всех других мне назначено было в удел.

И о том, что мой сказ развернул я на диво,
Должен молвить любой, говорящий правдиво.

Хоть немало письмен смертный ведает род,
Не считает их верными зоркий народ.

Прозорливой назвать эту книгу я смею:
Сколько острых каламов трудилось над нею!

Преимущество книги я в том усмотрел,
Что каламы мои много бросили стрел.

Чашу с царским вином, всю в узорах оправы,
Ведь назвал, чтя Хосровов, я «Книгою славы».

Славный тусский сказитель, сумевший облечь,
Как невесту в парчу, свою дивную речь,

Не явил в своей книге, столь полной жемчужин,
Сказов тех, чей узор стал внимающим нужен.

Если б древние все изложил он дела,
Его книга тогда бы безмерной была.

Эта быль, — он подумал, — должна отстраниться.
Только речь неизбежную примет страница.

Для друзей он оставил гостинцы. К чему, —
Он подумал, — все сладости съест одному?

Низами, прибегавший к источникам самым
Достоверным, — всю ложь уничтожил каламом.

Непроколотый жемчуг им найденных слов
Он слагал осторожно на чашу весов.

Наделал «Книгу славы» он пламенным словом.
Он явил древний сказ громозвучным и новым.

РАССКАЗ О ПОУЧЕНИИ ХЫЗРА

Виночерпий, подай огневое вино!
Пусть меня в опьянение повергнет оно!

В опьянении песни, — всех песней чудесней!
Созову я гуляк, всех обрадую песней!

□ □ □

Я от Хызра вчера слышал тайну; она
Никогда не была еще людям слышна:

«Ты, реченья мои, преклоняясь, берущий
Как подарок. О ты, чашу слов моих пьющий!

Ты подобен цветку, что, исполнен красы,
Из ключа вечных сил принял каплю росы.

Я слышал, что к стихам приступающий снова,
О царях ты желаешь сказать свое слово.

На недоблестный путь не направь своих глаз,
На неправильный лад не настраивай саз.

Славный путь совершая, ты станешь достойным.
Перед каждым достойным предстанешь достойным.

Пусть твоя, вслед былым, не стремится стезя:
Ведь вторично сверлить жемчуг тот же нельзя.

Все ж, повторов страшась, не нарушь всего лада, —
Все включи в свой рассказ, что включить в него
надо.

Ты не плачь, упустив много ценных добыч, —
Служит нам про запас несраженная дичь.

В скалах трудно рождаются блестящие камни.
Взяв свой заступ, кто скажет: «Работа легка мне».

Ко всему, что взыскуешь, что вздумал найти, —
И круты, и потайны, и тяжки пути.

Жемчуг дремлет на дне в обиталище мглистом.
Серебро при очистке становится чистым.

Те, кто в водах и скалах извели труд, —
От Быка и от Рыбы подарки берут.

Чтоб кувшин твой сверкал серебром или златом,
Расставаться не должен с Ираком богатым.

Что Хорезм или Дженд, Дихистан или Рей!
Кто промолвит гонцу: «Мчись туда поскорей!»

Курд, гилянец, хазар и бухарец — потреба
Хоть и есть у них в жире — не сыщут и хлеба.

Только дивов родит страшный Мазендеран
Да людей, — тех, которым лик дьявольский дан.

Там, взглянув на травинки, увидишь: близ каждой
Сотни копий горят нападения жаждой.

Благодатный Ирак да вовеки цветет!
Чарованьям Ирака утратился счет.

Только в нем лучших роз ароматные купы
На масла драгоценные вовсе не скупы.

Славный путник, ответь: для чего, не пойму,
Все велишь ты скитаться коню своему?

Взяв кирку, добывай драгоценности снова.
Пусть являет всю сладость творимое слово.

Искендеровы копи опять и опять
Взрой, — и сам Искендер будет камни скупать.

Покоривший миры покупателем станет, —
И твой труд многославный до неба достанет.

Если даст покупатель хороший доход,
Продолжать нужно дело, что пущено в ход.

Если мощный, как море, придет за рубином,
Клад жемчужный добудешь рубином единым.

Кто б от моря укрыть свои лалы желал?
Принимай жемчуга, отдавая свой лал.

Будь посредником ловким, все делай умело,
Чтоб и вертел был цел и жаркое поспело».

Слово Хызра усладой проникло в мой слух, —
И мой разум окреп и утешился дух.

Если нас поучает прекрасное сердце,
Принимает советы подвластное сердце.

Навсегда его речь стала мне дорога,
И уста я раскрыл и явил жемчуга.

Подобрал я рубины, сапфиры, алмазы;
Может быть, поведу я по-новому сказы.

И метать стал я жребий, из канувших дней
Вызывая чредою великих мужей.

Много раз направлял я в былое зеркало,
Но лицо Искендера в нем снова мерцало.

Ты поглубже проникни в чреду его дел:
Он мечом, а не только лишь тронем владел.

Для одних он, как царь, вечной славы достоин,
Покоритель земель, многоопытный воин.

Для других, предстоявших пред царским венцом,
Он являлся — вещают они — мудрецом.

А иные владыку, в смиреньи глубоком,
Почитают за праведность божьим пророком.

Взяв три эти зерна — вот задача моя —
Плодоносное дерево выращу я.

Я сперва расскажу про венец искендеров,
Расскажу о захвате различных кишверов,

А потом о премудрости речь поведу,
По следам летописцев отдамся труду.

Вслед за тем у великого встану порога:
Сан пророка царю был ниспослан от бога.

Я три части явил; в каждой — ценный рудник.
Я к сокровищам каждой чредою проник.

Мир подставит полу. Если клад ему нужен,
Я в нее с трех морей набросаю жемчужин.

И рисунок мой новый всем будет мной дан.
За него жду подарков от множества стран.

Не пристало, чтоб ткани, сравнимые с чудом,
Все покрытые пылью, лежали под спудом.

Где достойный владетель прославленных врат, —
Тех, которые буду расписывать рад?

Я такой их парчой облачу без усилья,
Что из праха земного поднимет он крылья.

Этой книгой, которая будет славна,
Он прославится также на все времена.

Для него она станет надежным престолом,
Вознесенным над бурным, над горестным долом.

Закреплю его имя я словом таким,
Что мирская превратность не справится с ним,

Несмываемым словом, — таким, над которым
Не вольны времена в их струении скором.

Но когда вознесу я в своей мастерской
Прямо к солнцу венец его этой рукой,

Пусть на голову мне благосклонным владыкой
Ниспошлетя венец от щедроты великой.

Для прекрасных стихов между всеми людьми
На усладу их душам возник Низами.

И вещает он: «В сказе живительном этом
Скрыт огонь, все умы озаряющий светом».

Пусть друзьям моим светят страницы мои!
От врагов, моя книга, страницы тай!

Наши песни — друзьям. Лютых стрел острями
Назовем вражий голос, поющий над нами.

Чтобы стали слова мои полными сил,
Я хранителя душ о помощи просил.

Да велит он быть славе над книгой моею!
Да прославит того, кто склонится над нею!

Да восставит над ней он благу звезду,
Чтоб гадающий молвил: «В ней радость найду».

Да подаст он читающим счастья избыток,
Да подаст постигающим сладкий напиток!

Да целит она грудь, что тоской стеснена,
Да отринет печаль от печальных она!

Да излечит больных, да поможет умело
Развязать все узлы многотрудного дела!

Если станет читать ее нёмощный, — пусть
Станет мощным, читая ее наизусть.

Если взглянет в нее потерявший надежды,
Пусть в надежде опять поднимает он вежды.

И услышал господь эту просьбу мою,
И за это хвалу я ему воздаю.

Все ж мне слаще всего, что в чертоге для пира
Я за трапезой видел властителя мира.

ВОСХВАЛЕНИЕ ПАДИШАХА НУСРАТ АД-ДИНА

Дай мне, кравчий, в рубиновых искрах вина!
С чашей глиняной жду. Вся в рубинах она,

Но основа ее не достойна ли славы?
Ведь из глины растут благовонные травы.

□ □ □

Подними свое знамя, о солнце! Иди,
Горделивая туча, взрастая в пути,

И, гремя величаво литаврами грома,
Дай мелькнуть красоте огневого излома!

Воздух, чистые капли создай и пролей,
Чтоб им стать жемчугами во мраке морей!

Появись, о жемчужина, бросив пучину!
Ты пойдешь на венец моему господину!

Послужи, о жемчужина счастья, тому,
Кто тебя ожидает, кого я приму

В это сердце, как новый приход Искендера,
Кто достиг в своей мощи высот Искендера.

Он — хранитель небес, он — блюститель земли.
Всюду, всюду пред ним все враги полегли.

Он по мудрости — запада мощный властитель.
Он полуденных стран многомудрый водитель.

Всех бесстрашнее в мире Нусрат ад-дин! Он
Всех врагов ниспровергнул и взял их в полон.

Ворог медлит, а он быстролетен и зорок.
В шахском имени — гнев. Это ведает ворог.

Он хранит свой венец и свой меч и свой щит.
Он три раза ударит — пять раз защитит.

На коне он — Рустам. Он к победам идущий,
Обладатель престолов, венцы раздающий.

У иных, кому служит большая страна,
Ключ — железный, в ларцах — золотая казна,

А в его тайниках, как золотое железо,
Под ключом золотым боевое железо.

Заарканив слонов, жаром битвы горя,
Как слона, ты индийского стиснул царя.

Ты прощаешь врагов, попросивших пощады,
И пред мудрым царем все повергнуться рады.

Шесть царей было в мире, не скрыла их мгла:
Шесть предметов нам память о них сберегла.

С Гайомарта венцом, с Феридуна престолом,
Меч Джемшида сияет над призрачным долом.

Кей-Хосрова премудрого чашу мы зрим;
Чаша волю светил открывала пред ним.

Искендера великого помним зеркало;
В нем величье времен миновавших мерцало.

Мне о перстне рубиновом не умолчать,
Потому что на нем Сулеймана печать.

Все, о чем я сказал, в твоем имени сжато;
В нем великое «шесть» зазвучало богато.

И шесть качеств в тебе есть достойных, — они
Да возрастают в душе твоей многие дни!

Я о первом скажу: постигая желанья,
Непросящим даешь ты свои подаянья.

О втором: благородство являя, — в ответ
Ты не ждешь благородства такого же, нет!

Третье: сердцем, благим состраданием палимым,
Благосклонно нисходишь ты к людям гонимым.

Вот четвертое: к звездам вознесся твой стяг,
Лишь взмахнешь своей дланью — повергнется враг.

Свойство пятое: слыша преступника пени,
Ты прощаешь ему грех его преступлений.

Вот шестое: блюдя договоры, всегда
Помнишь то, что сказал ты в былые года.

Этим свойствам шести новый блеск придавая,
Славься ими вовеки от края до края!

Царь! Два сокола счастья тебе вручены:
Этот — сокол сокровищ, тот — сокол войны.

И ведут две змеи счет сокровищ по грудам.
Эта — страж, та — целебным горит изумрудом.

ОБРАЩЕНИЕ С ЦЕЛОВАНИЕМ ПРАХА

Семь блистательных сводов царят в небесах.
Было четверо славных, ты — пятый, о шах!

В твой предел все владыки направили взоры,
Видя столп твоих врат верной точкой опоры.

Чтоб в светильник твой масло добавить, — в ночь
Месяц с неба к тебе направляет лучи,

А венец выплывает дневного светила,
Чтоб держава царя всем на свете светила.

Тот, кто силу тебе для престола вручил, —
Все желанья поддунного дола вручил,

Чтоб ты праведно правил, чтоб скорой расправы
Не изведали те, что пред господом правы,

Чтоб не мчалась от сокола мошек семья,
Чтобы слон не посмел раздавить муравья.

Сколько благ у творца, — стража смертного праха!
Не исчислить всех милостей нашего шаха!

Но одно вожделенье я в сердце таю:
Чтоб взглянул ненароком он в книгу мою.

Если должного в ней не найдет он ответа, —
На нее да не кинет ни тени, ни света!

Если ж он разглядит, что в нее без конца
Я бросал жемчуга, — да прославит певца!

В этом списке сокровищ всей были бескрайной
Скрыл я ключ от ларца с благотворною тайной.

Взявший ключ мой, зажмет в свою длань
талисман, —
И тогда будет клад ему книгою дан,

Если ж, клада ища, путь пройдет по-пустому,
Что же! Будет он рад и ключу золотому.

Проколола половину жемчужины я,
И сияет она, много тайн затая.

Мне отраднo прокалывать зерна жемчужин
Для того, кто с величьем и доблестью дружен.

Тот, кто небо низвел в мир, стремившийся к злу,
Озарит похвалою мою похвалу.

Услыхав повеленье: «Ты живопись эту,
Осенив моим именем, пустишь по свету»,

Я связал свой рисунок словами царя,
Просьбам прочих вниманье свое не даря.

Я на пиршество царское, к царскому месту,
Озаряя чертог, направляю невесту,

Чтоб в восторге владыка узрел пред собой
Эту радость очей новой царской рабой.

До поры, пока всюду дневного светила
Будет властно сиять животворящая сила,

Пусть горит его роза багрянцем огня!
Пусть ночник его станет светильником дня!

Пусть покроет клеймо злые лица двуличных!
Пусть подрежет палач языки злоязычных!

Пусть, благую свою прославляя звезду,
Запоет Низами во дворцовом саду!

Тот спасется от сглаза, от ярости лютой,
Кто наполнит кадило курящейся рутой.

Чародеи туда злой беды не внесут,
Где есть глиняный, рутою полный сосуд.

В час молитвы, о шах, от печали, от смуты
Низами славословье надежнее руты.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ВСЕГО РАССКАЗА

Дай мне, кравчий, вина! Эту чару беру,
Чтоб найти в ней покой я сумел поутру.

Незапретное пью: подойдя к Каусару,
Хоть до судного дня пей за чарою чару!

□ □ □

Много скрыто на свете и блага и зла,
Знает мир и благие и злые дела.

Прихотливых забав он являет немало,
Приоткрыв голубое свое покрывало.

Если с новой игрой встану я пред тобой,
Знай: послал мне игру тот же свод голубой.

Чародейства небес надо мною нависли,
И пустились в игру мои властные мысли.

И хочу все я взять из небесных палат
И настроить волжбой на пленительный лад.

Чтоб, картину создав, о прекрасном радея,
Чародейством любого затмить чародея.

Так вначале повел я свой мерный рассказ,
Что все души в раздумье повергнет мой саз.

О диковинном столько сказал я правдиво,
Что обилье всего почитают за диво.

Все ж ходами безумными, к замыслу строг,
Мерным бейтам своим я не связывал ног.

Для кумирни своей понабрал отовсюду
Я пригоршнями жемчуга целую груду.

Закрепил я основу и каждый устой,
Чтоб строенью промолвить: «Незыблемо стой!»

Не кори, что спешу или медлю порою:
Все рассказчики тешат подобной игрою.

На китайский Эрженг мой любовно взгляни:
Посрамил я рисунками даже Мани.

Сказ я начал. Вперед все влекло меня слово,
Но крутились пути мои снова и снова.

В мире не было книги одной обо всем,
Что свершила этот мудрый, владевший мечом.

Много слов золотых в разных списках сверкало,
А тех списков, мной найденных, было немало.

В каждом списке сыскал ценных множество слов,
И в убранство стиха я облек свой улов.

В письменах пехлевийских читал я указы,
За еврейскими взял христианские сказы.

В книгах лучшее брал, мне давалось оно.
Я ломал скорлупу, вынимая зерно.

В каждый вникнув язык, я каламом умелым
Все раздельное сделал единым и целым.

Ты, что все языки мог себе уяснить!
Повернется ль язык твой, чтоб труд мой бранить?

Если лад находил я, чтоб образ облек он,
Я у слов завивал поэтический локон.

Если хочешь лишь правды и просишь о том, —
Не проси, чтобы речь украшали стихом.

Если б я отвергал украшений алмазы, —
Я б немногие бейты потратил на сказы.

Знаю подвигов много, и подвиги те
Я сейчас изложу вот на этом листе.

Искендер многомогущный, сей дивный Двурогий,
Сей скиталец запасы припас для дороги.

И по миру прошла Искендера стезя,
И постиг он: взойти только к звездам нельзя.

Чье б он царство ни брал, благостынею вея,
Соблюдал он обычаи древнего Кея.

Но весь навык врагов брал он также в пример,
Только гебра Зердушта презрел Искендер.

О деньгах золотых предавался он думе,
И впервые чеканить их начали в Руме.

И при нем украшенья для жен мастера
Стали делать из золота и серебра.

Книги староперсидские в слог ему близкий
Он велел облачить, — в звучный слог ионийский.

Распорядок вечерних и утренних смен
Им введен, и донныне в нем нет перемен.

Дав нам зеркала верного ясность и пламень,
Словно вырвал из мрака он блестящий камень.

Смуту зинджей он стер, положил ей конец,
И у Дария взял его царский венец.

В двадцать лет он ударил, возжаждавши славы,
В барабан громогласный всемирной державы.

В двадцать семь, как пророк, покидая наш дол,
Он пожитки скитанья сложил и ушел.

С той поры, как пророком взнесла его вера,
Назван срок его дней: «Времена Искендера».

Как пророк, всех людей светом веры поя,
Он победно прошел все земные края.

К чистой вере он звал. Есть немало преданий,
Что полезных без счета построил он зданий.

Циркуль дней закружился. Росла череда
Его дел. Возникали его города.

От границ Индостана до Рума повсюду
Возникали они. Все подобилось чуду.

Самарканд он украсил, и людям был зрим
Ряд иных городов, разукрашенных им.

Положил многославный основу Герата, —
Это дело ценней многоценного злата!

Даровала Дербенту затвор и врата
Только царственной мысли его высота.

А Булгар! Даже он дело рук Искендера.
Город встал там, где раньше зияла пещера.

Им построен Яджуджа чудовищный вал.
Кто бы гору с горою так властно сковал?

Городов, им воздвигнутых, счел бы я много,
Но вмещу ль их в рассказ мой, размеренный
строго?

В час, как этот прекрасный лицом пожелал
Подарить нам познанья пылающий лал,

Он крестом расчертил всю подлаунную прежде,
Чем на крест христиане взглянули в надежде.

Геометрию чтущий, всей точностью мер
Все четыре угла рассчитал Искендер.

Из шатра, где четыре угла начертали,
Девять сфер пять раз в день слушать музыку
стали.

Там, где северный полюс, — шатра разворот
Начинался и был он до южных широт.

Да заката канат протянул он; далёко
Протянул он другой, — протянул до востока.

С дивной ширью такой из конца и в конец
Был ли кем-нибудь в мире построен дворец?

Царь, готовый в свой путь, жаждой странствий
объятый,
Чтоб измерить весь мир, наготовил канаты.

Переход и фарсанг был им каждый учтен,
Все стоянки, все мили учитывал он.

К землемерам своим сто писцов он приставил,
Разъяснив всю премудрость им созданных правил.

И, канатом растянутым смерив пути,
Меру всех переходов сумел он найти.

Протяженность песков от ночного привала
До ночного привала всем ведомой стала.

Если ж по морю царь плыл и плыл без дорог,
И тогда расстоянья измерить он мог.

Два больших корабля, что связал он друг с другом,
Измеряли пути. На канате упругом

То один шел вперед, а другой, недвижим,
Бросив якорь, стоял в ожиданьи за ним.

То второй шел вперед, гладь безмерную роя,
А отплывший сперва ждал, на якоре стоя.

Так измерить канатом всю синюю гладь!
Кто еще мог канатом так властно играть!

Все царем для того были приняты меры,
Чтоб учесть расстоянья смогли землемеры.

Он своей геометрией смерил весь свет, —
Свет, который в те годы был счастьем согрет.

Вся земля, все дороги, весь мир наш непрочный
На весах его разума взвешен был точно.

Населенную четверть земли — вознесен
Выше всех на земле — сделал ведомой он.

И в какой бы он край скакуна ни направил,
Там народ распорядок им созданный славил.

Он справлялся с морями, с громадами скал,
Но пришла к нему смерть, и бессильным он стал.

Из писем о великом я выбрал лишь это,
Чтоб вести свой рассказ для подлунного света.

Если б речь по-иному повел мой кадам,
Я бы вел вас не прямо к минувшим делам.

Зачиная стихи, в ловле звучных созвучий
Можно сбиться с пути, оказаться под кручей.

К изощренному стих свой я смело веду,
И к ошибкам порой свое дело веду.

Все же в поисках истины был я радивым,
Не писал я о том, что я счел неправдивым.

Так о дивных деяньях скажу я не раз,
Что читатель мой с верою примет рассказ.

Ходить острый свой стих с неоглядной любовью, —
Значит: слов поводá повернуть к пустословью.

Все ж изысканность речи порою нужна:
Старым былям нужна тонких слов новизна.

Меру в книге блюди, чтоб мирское мерило
С книгой канувших дней твоей рассказ примирило.

Блеска найденных слов баснословно не множь.
Блеск жемчужин твоих люди примут за ложь.

Не скверна твоя ложь, если с правдою схожа,
Хуже — правда, когда на неправду похожа.

Низами, торопись! Все собратья ушли!
Те, кого бы ты принял в объятья, ушли.

Царь семи областей не вернется с дороги.
Кто ж останется здесь, если скрылся Двурогий?

У ручья этих дней одиноко не пей,
Отыскать постарайся ушедших друзей.

Сладко с мертвыми пить скорбной нежности чашу,
В одиночестве пьем безнадежности чашу.

ОБРАЩЕНИЕ К СЛУШАТЕЛЯМ С ПРИЗЫВОМ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ НА РАССКАЗ

Дай мне, кравчий, кувшин этот сельский! Вино
Словно мед с молоком, — так усладно оно.

Не давай мне вина, что под божьим запретом;
Дай вина, что поит нас божественным светом.

Эй, садовник, ты в сад мне калитку открой!
Уж раскинули розы свой розовый рой.

Низами бросил келью. Цветами блистая,
Сделай сад свой приветный парчою Китая.

Кудри нежных фиалок любовно завей,
Всех нарциссов своих пробуди поживей.

Подступая к бутонам сокрытым и сжатым,
Разомкни их, расправь, напои ароматом.

Кипарисовым сумраком сад осени,
Дай для горлиц приют в благовонной тени.

Прошепчи соловьям, чтоб они зазвенели:
«Пробуждается роза в своей колыбели».

Пыль с листочков ты смой. Всем ведь было бы жаль,
Если б их изумрудная скрылась эмаль.

Златоцветов рожденье назначив указом,
Сладкий сок поднеси возрождаемым вязам.

Дай вдыхать аргавану душистый жасмин,
Мчи к рейхану ручьи из окрестных долин.

Осмотри все ростки пробужденного луга,
Всю окрестность окинь взором доброго друга.

Ты цветам о любви всех поющих, как я,
Расскажи, расскажи, что мы с ними друзья.

Веет воздух прохладный, врачующий сердце, —
Всем друзьям приглашенным чарующий сердце.

Застилают ограду деревья в цвету,
Розы блещут огнем на горячем свету.

Кликни птицу умолкшую, вымолви: «Снова
Ты порхать, щебеча, будь по саду готова!»

Звонам чанга вели раздаваться опять.
Всем горячим сердцам повели заплясать.

Сделай властным кольцом ты красавицы локоя,
Чтобы шею влюбленного властно облек он.

Благовонные травы пучками связав,
Забросай кипарис нежной зеленью трав.

Серебром белых роз в час рассветный весною
Новобрачный ручей осыпай предо мною.

Возле полного пруда, всем радуя взор,
Постели свежих лилий веселый ковер.

Сядь на царственный пир. Чтоб он сделался
Даи царева вина каждой поднятой чаше. краше, —

Научился я пить! Не поставь мне в вино,
Что, от жажды горя, прибегаю к вину.

Стану пить за друзей, отошедших далече!
Уж не свидеться с ними мне в дружеской встрече!

Но и наши недолго протянутся дни.
И о нас вспомнят люди и выпьют они.

В день весенний, прельщенный зеленою сенью,
Подойдя к кипарису, прикрывся я тенью.

И прохлада и роз благовонных струя
Говорливым восторгом зажгли соловья.

И увидел я: девушка бродит по саду
И цветы собирает себе на усладу.

Струи мускусных кос достигали земли,
Даже с розами щеки поспорить могли.

Эта роза, чтоб встречу приветствовать нашу,
С молоком и с вином протянула мне чашу:

«Повелителя мира восславь и испей.
Позабудь все, что было в чреде твоих дней».

Я сидел меж друзей, преисполненных знания;
Я свой сказ вел о тех, кто достоин сказанья.

После стольких и метких и страстных речей,
Весь мой разум вместивших прекрасных речей,

Все же не был я смят их великою данью.
«Не страшится меча обладающий дланью».

Много кладов старинных открыл я, — и нов
Был мой каждый рассказ новой прелестью слов.

Я к таимым сокровищам влекся, к которым
Я приник в ранних днях испытующим взором.

А затем я любовь слил со страстью земной, —
И Хосров и Ширин были созданы мной.

И от них в путь любви поспешил я не втуне.
Путь прошел, все узнал о Лейли и Меджнуне.

С грустным сказом покончив, погнал я коня, —
Семь красавиц, как ведомо, ждали меня.

На циновке словес, чья размерена мера,
Я в литавры забью, воспою Искендера.

Я премудрость, что славной нашел, воспою,
Диадиму его и престол воспою.

Сколько давних веков, что прошли чередою,
Оживлю я своею живою водою!

По дороге познания пошел Искендер,
С животворным ключом встретил дол Искендер.

Он к бессмертию стремился, он вымолвил: «Брызнь
На чело мое, ключ нескончаемой жизни!»

Он, к источнику жизни искавший пути,
Лишь теперь сей источник сумеет найти.

Вспомним книгу царя всех глаголящих снова:
«Тот, кто ищет, — находит!» — звучало нам слово

Но коль пьешь с Искендером, — блюда, Низами,
Чин, который блюдут пред такими людьми.

А чтоб с Хызром испить — это жребий высокий! —
Семь и семьдесят раз рот омой ты в потоке.

НАЧАЛО РАССКАЗА
И ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТИНЫ
О РОЖДЕНИИ ИСКЕНДЕРА

Воду жизни, о кравчий, лей в чашу мою!
Искендера благого я счастье пою.

Пусть в душе моей крепнет великая вера
В то, что дам сей напиток сынам Искендера!

□ □ □

Тот, кто царственной книгой порадует вас,
Так, свой стих воскрешая, свой начал рассказ:

Был властитель румийский. Вседневное счастье
К венценосцу свое проявляло участие.

Это был всеми славимый царь Филакус.
Услужал ему Рум и покорствовал Рус.

Ионийских земель неустанный хранитель,
В Македонии жил этот славный властитель.

Он был правнук Исхака, который рожден
Был Якубом. Края завоевывал он.

Чтил все новое, думал о всем справедливом, —
И с овцой дружный волк был в те годы не дивом.

Так он злых притеснял, что их рот был закрыт,
Что повергнул он Дария в зависть и в стыд.

Дарий первенства жаждал, и много преданий
Есть о том, как с царя он потребовал дани.

Но румиец, правленья державший бразды,
Предпочел примеренье невзгодам вражды:

С тем, которому счастье прислуживать радо,
В пререканья вступать не разумно, не надо.

Он послал ему дань, чтоб от гнева отвлечь, —
И отвел от себя злоумышленный меч.

Дарий — был убажен изобилием дара.
Царь — укрыл нежный воск от палящего жара.

Но когда Искендера година пришла,
По-иному судьба повернула дела.

Он ударил копьем, — и, не ждавший напасти,
Дарий тотчас утратил всю мощь своей власти.

Старцы Рума составили книгу свою
Про отшельницу, жившую в этом краю.

В день, когда материнства был час ей назначен.
Муж был ею потерян и город утрачен.

Подошел разрешиться от бремени срок,
И мученьям ужасным обрек ее рок.

И дитя родилось. И, в глуши умирая,
Мать стонала. Тоски ее не было края:

«Как с тобой свое горе измерим, о сын?
И каким будешь съеден ты зверем, о сын?»

Но забыла б она о слезах и о стене,
Если б знала, что сын в божьем вскормится лоне

И что сможет он власти безмерной достичь
И, царя, обрести тьму бесценных добыч.

И ушла она в мир, непричастный заботам,
А дитяти помог нисходящий к сиротам.

Тот ребенок, что был и бессилен и сир,
Победил силой мысли все страны, весь мир.

Румский царь на охоте был вмиг опечален,
Увидав бедный прах возле пыльных развалин.

О беспомощность! К женщине мертвой припав,
Тихий никнет младенец меж высохших трав,

Молока не нашедший, сосал он свой палец,
Иль, в тоске по ушедшей, кусал он свой палец.

И рабами царя — как о том говорят —
Был свершен над усопшей печальный обряд.

А ребенка взял на руки царь, — и высоко
Приподняв, удивлялся жестокости рока.

Взял его он с собой, полюбил, воспитал, —
И наследником трона сей найденный стал.

Все же в древнем дихкане была еще вера
В то, — писал он, — что Дарий — отец Искендера.

Но сличил эту запись дихкана я с той,
Что составил приверженец веры святой, —

И открыл, к должной правде пылая любовью,
Что к пустому склонялись они баснословью.

И постиг я, собрав все известное встарь:
Искендера отец — Рума праведный царь.

Все напрасное снова отвергнув и снова,
Выбирал я меж слов полновесное слово.

Повествует проживший столь множество дней,
Излагая деянья древнейших царей:

Во дворце Филикуса, на царственном пире
Появилась невеста всех сладостней в мире.

Был красив ее шаг и пленителен стан,
Бровь — натянутый лук, косы — черный аркан.

Словно встал кипарис посреди луговины.
Кудри девы — фиалки, ланиты — жасмины.

Жарких полдней пылала она горячей...
Под покровом ресниц прело пламя очей.

Ароматом кудрей, с их приманкою властной.
Переполнился пир, словно амброю страстной.

Царь свой взор от нее был не в силах отвлечь,
Об одной только дивной была его речь.

И в одну из ночей взял ее он в объятья,
И настал в жаркой мгле миг благого зачатья.

Словно тучей весенней повеяла мгла
И жемчужину в глуби морской зачала.

Девять лун протекло по стезям небосклона,
Плод оставил в свой час материнское лоно.

Иль всплывет мой челнок, верный путь выбирая,
Иль пойду я на дно и достигну я рая.

□ □ □

Отвергающий алчности шумный базар,
Принимает весь мир, как живительный дар.

Он достаток найдет, — нет блаженной удела,
Чем нести мерный труд ежедневного дела.

Будет радость ему долгим веком дана,
Если сдержит он ход своего скакуна.

Он добро расточать не желает без счета
И не ведает скупости вечного гнета.

Все жалеть — это жить в тесноте и с трудом.
Ничего не жалеть — бросить в печку весь дом.

Делай благо себе и родимому дому
Только так, чтоб не делать плохого другому.

Летописец дикханов из книги о них
Взял рассказ, — и его я влагаю в свой стих.

Филикус, осененный судьбою удачной,
Разодевший все царство в наряд новобрачной,

Мудрым сыном был горд; был обрадован он
Тем, что честью владык Искендер наделен,

Что в очах Искендера сиянье блистало
То, которым блистать его сану пристало.

Всех достойных отцов тем гордятся сердца,
Что достоинства сына достойны отца.

За науки, мой сын! Высшей ценности камень
Только после граненья проявит свой пламень.

Никумаджис премудрый — а был он отцом
Аристотеля — начал занятя с юнцом.

Сердце отрока речи премудрой внимало,
И наук изучаемых было немало.

Строй всех царственных дел, изощренность
искусств, —
Все для силы ума, для подвижности чувств.

Царский сын привыкал к тем наукам служенью,
Размышленья над коими — путь к постиженью.

Мудрый старец жемчужину мира повел
В полный славы всезвездной возвышенный дол.

Он открыл ему высшее. Много ли встретим
Тех, кому довелось открывать это детям?

Целый год достославный царевич свой слух
Лишь к наукам склонял; был он к прочему глух.

Острым разумом в глуби наук проникая,
Он блистал, острословьем людей увлекая.

Аристотель, с царевичем вместе учась,
Помогал ему; крепла их братская связь.

Были знанья отца не к его ли услугам?
И делился он ими с внимательным другом.

Никумаджис-наставник увидеть был рад,
Что рассудок царевича — блещущий клад.

И усилил старанье он в деле науки, —
Ведь сокровища клада дались ему в руки!

Видя небом царевичу данный указ,
Он проник в него зоркостью пристальных глаз.

Пожелав, чтоб и сын упомянут был тоже
В том указе, который всех кладов дороже, —

Вместе с сыном вступил он под царственный кров
С речью важной и полной пророческих слов:

«Ты возрастешь до небес и тебе станет ведом
Путь на быстром коне от ученья к победам.

Всех неправых мечом ты заставишь молчать,
Ты свою в целый мир скоро вдавишь печать.

О державе твоей будут сонмы преданий,
Семь кишверов тебе выщлют пышные дани.

Все державы земли сделав царством одним,
Примешь в руки весь мир, вечным счастьем храним.

Вот тогда-то припомни бывшие уроки,
Жадность брось — от нее все иные пороки.

Почитая меня, с моим сыном дружи,
Ты почтенье свое и ему окажи.

Согласуй с его мнением дела своей славы,
Ибо мудрый советник дороже державы.

Ты — счастливый, а в нем — верных знаний полет.
Для счастливого знающий — лучший оплот.

Там, где ценится знание, — недремное счастье
Тотчас в звездах правителя примет участие.

И удача, сверкая, умножит свой свет,
Если примет от мудрости должный совет.

Чтоб достигнуть луны многославным престолом,
По ступеням науки всходи ты над долом».

И царевич дал руку учителю в знак,
Что он выполнит все. И он вымолвил так:

«Верь, лишь только свой трон я воздвигну над
миром,
Сын твой будет моим неизменным везиром.

Я советов его не отвергну, о нет!
Размышляя, приму его каждый совет».

Да! Когда для него стало царство готово,
Искендер, воцарившись, сдержал свое слово.

Разгадал Никумаджис — глава мудрецов, —
Что дитя это сломит любых гордецов,

И чертеж ему дал, — тот, в котором для взора
Были явственны знаки побед и позора.

«Всё, — сказал он, — исчисля, вот в эти лучи
Имя вражье и также свое заключи.

В дни войны ты все линии строго исследуй,
Узнавая, чей круг обозначен победой.

Увидав, что врагу служат эти черты, —
Устрашайся того, кто сильнее, чем ты».

Мудрый труд почитая услугой большою,
Взял чертеж Искендер с благодарной душою.

И в грядущем, средь бурных и радостных дней,
Он заранее знал о победе своей.

Так он жил, преисполнен огня и терпенья,
И котлы всех наук доводил до кипенья.

И затем, что он к мудрости был устремлен,
О всех старцах премудрых заботился он.

В деле каждом считался он с мастером дела, —
Потому-то удач и достиг он предела.

А царевича сверстник, наперсник и друг
Изучал всех искусств обольстительный круг.

Очень ласковым был он всегда с Искендером,
В дружелюбьи служа ему должным примером.

И не мог без него Искендер повелеть
Даже слугам на вертел насаживать снедь.

К Аристотелю шел он всегда за советом,
Все дела озарял его разума светом,

И над высями гор продолжал небосвод
Свой извечный, крутящийся, медленный ход, —

И ушел Филикус из пристанища праха,
И наследного свет заблестал шаханшаха.

Что есть мир? Ты не чти его смертных путей.
Уходи от его кровожадных когтей.

Это древо с шестью сторонами четыре
Держат корня. Мы, пленники, распяты в мире.

Веют вихри, и листья на дереве том
Увядают, — и падают лист за листом.

Любование садом земным скоротечно.
Нет людей, что в саду оставались бы вечно.

И возрастают посевы своею чредой.
Всходит к небу один, смотрит в землю другой.

Ты желаешь иль нет, — здесь не будешь ты доле,
Чем другие. Не думай о собственной воле!

У людей своевольных — так было досель —
На базаре воры вырезают кошель.

Ты у мира в долгу — всех гнетет он сурово.
Что ж! Отдай ему долг и уйди от скупого.

□ □ □

Шорник шел с кузнецом. Их задача была
Получить старый долг от больного осла.

Сбросил серый седло со спины своей хилой,
С ног подковы стряхнул с неожиданной силой.

И, свободно дыша, все отдавши долги,
Отдохнул. Смертный! Так же себе помоги!

Пылен путь бытия. Без печали и страха
Кинь свой долг и уйди от пылящего праха.

ИСКЕНДЕР ВОСХОДИТ НА ТРОН ОТЦА

Вновь забвенья хочу! Дай мне, кравчий, вина,
Чтоб сверканьем была эта чаша полна!

Дай вина, что играет, с невзгодами споря,
Что врачует сердца изнуренных от горя!

□ □ □

Тот, кто смел на слова налагать свой запрет,
Разломил на базаре немало монет.

Подбирать их, поверь, мне была неохота:
Я ведь знал: это — медь, хоть на ней позолота.

Если б вел я свой перст по ошибкам других,
Все бы знали, что им не покорствует стих.

Но моя так прочна и надежна опора,
Что не хочет мой перст ни укоров, ни спора.

Хоть моих зложелателей знаю дела,
Никому не желаю ни горя, ни зла.

Чашу с ядом я пью и в томленьи глубоком
Я ищу добродетели, спорю с пороком.

По пути своему, что был труден и благ,
Я ступал, и всегда был уверен мой шаг.

Я дубил эту кожу, трудясь без обмана,
Чтоб на ней ни следа не осталось изъяна.

И всечасно молюсь я на этом пути,
Чтоб господь не позволил с него мне сойти.

Тот, кто чертит рисунок, достойный черченья
(Только точный рисунок исполнен значенья),

Так намерен свой новый рисунок начать:
На весь мир налегла Искендера печать,

Вновь румийский венец засверкал, — и повсюду
Правосудье царя стало ведомо люду.

Все, что было отцом установлено, он,
Обсуждая, вводил в обновленный закон.

Соблюдая незыблемо все договоры,
Не расширил границ и не вызвал он ссоры.

Все цари, Филикосу подвластные, с ним
Не хотели войны; мир был всюду храним.

То же золото Дарию слал он, что встаре
Получал от отца его сумрачный Дарий.

И быстрее, чем отец, привлекал он сердца,
И бросал всех он в трепет быстрее отца.

И хоть в силе достиг наивысшей он грани,
Не с кем было померяться силою длани.

Мощь руки Искендера была такова,
Что вязал он узлом ухо мощного льва.

Веселясь, вскинув лук, предназначенный к бою,
Сотни стрел он метал с быстротою любою.

Лишь охоту на львов себе ставил он в честь,
Хоть им сбитых онагров нельзя было счесть.

Он храбрейших дивил и, — вещают сказанья, —
Что мудрейших сражал он обилием знанья.

И чертой своей черною первый пушок,
Словно мускусом, щеки его обволоок.

И сей мускус, владыку чертой своей теша,
Зачеркнул все черты очертаний Хабеша.

Да! Когда всех границ рассечет он черты,
Чертежей всего мира порвутся листы.

Был могуч его стан, сердце знаньем блистало.
Лишь подобным ему быть на троне пристало!

Все, чего он искал, все, чего он хотел,
Дивной помощью звезд получал он в удел.

Стал курильницей Рум, полный блеска и славы,
Будто бросили в Рум ароматные травы.

В каждом доме изваянный был Искендер.
О румийском царе ведал каждый кишвер.

То свои он являл для собрания тайны,
То один проникал в мироздания тайны.

На пирах пил вино меж веселых юнцов,
В одиночестве помнил слова мудрецов.

Столько дел милосердья свершила он, что людям
Вспомнить все не дано; исчислять их не будем.

Он решал только то, что другим не во вред.
Он в решениях шел правосудию вслед.

Снял он подать с купцов; в довершение помощи
С горожан приказал снять повсюду налоги.

Все поборы с дикканов сложил, и дары
Нес он бедным, не звавшим счастливой поры.

Тратя денег на зданья за грудую груду,
Он все терны подсек, — розы были повсюду.

Стал он славен везде, Им посаженный сад
Внес в Хабеш и Египет благой аромат.

Были руки его, словно молнии в туче.
Та — с венцом, эта — меч поднимает летучий.

Руки — чаши весов, та и эта нужна:
Эта — золотом, та — вся железом полна.

На престоле своем он, внимающий многим,
То как золото сиял, то железом был строгим.

Он был столь справедлив, столь сиял его ум,
Что весь мир восклицал: «Как блаженствует Рум!»

Аристотель, придворный советник, о друге
Ведал все: о делах его знал, о досуге.

Искендер слушал мудрого каждый совет,
Потому-то так скоро прошел он весь свет.

Если властный велик и советник на славу, —
Весь последует мир их благому уставу.

Все дела властелина, скрутившего мир,
В строй разумный приводит разумный везир.

Царь Махмуд и другой, что звался Справедливым,
Побеждали Хосроев затем, что счастливым

Обладали рассудком: в военные дни
Все советы в расчет принимали они.

Наш властитель, советам везиров внимая,
Покорил царства мира от края до края.

Пусть болят все суставы больных наших ног,
Горше было бы, если бы шах занемог.

Поскользнется нога властелина, и разом
Помутится страны пошатнувшийся разум.

Если встанет злокозненный, всех победив,
То сообщником смуты окажется див.

Ты несешь справедливость великой отчизне.
Служит нам справедливость источником жизни.

Миродержец! Дай миру свой мирный указ!
Да не меркнет наш мир от злокозненных глаз!

ЕГИПТЯНЕ ПРИНОСЯТ ИСКЕНДЕРУ ЖАЛОБУ НА НАСИЛИЯ ЗИНДЖЕИ

Виночерпий! Утешного жажду вина!
Вся душа моя сумраком скорбным полна.

Скорбный путь позабыв, совершив остановку,
Может статься, что горя сверну я циновку.

□ □ □

Чуть заметно древес осветились верха,
И сомкнулись глаза у собак пастуха.

Но вот петел поет... Небо рдеет огнями...
Барабанщики бьют в барабаны ремнями.

Я, проснувшись и птичий приветствуя гам,
Возвратился с иглою к своим жемчугам.

Возалкавший сокровищ и роющий клады,
Свою душу терзает, взыскав улады.

Чтоб добыть, полный пламени, пурпурный лал,
Он в суровом борении с упорностью скал.

Ты, свой нежащий слух! Труд усиленный нужен,
Чтоб для слуха собрать столько звучных жемчужин.

Если б ели инжир сотни птиц, то наш мир
И не знал бы о том, что такое инжир.

Тот, кто вышил узоры земного покрова,
Дал вот этот рисунок художнику слова:

Когда утренний свет, озаривший росу,
Повелел, чтоб земля всю явила красу,

И заря, все своей покорившая воле,
Как невеста, воссела на ярком престоле, —

Искендер, по обычаю древних царей,
Для гостей распахнул створы царских дверей.

И ловцы всех сердец, чьи так розовы лики,
Пояс к поясу встали за тронном владыки.

Пил вино Искендер, поминая отца,
И дары раздавал, восторгая сердца.

Он пьянел... но внезапные вопли с дороги
К правосудью воззвали, моля о помощи.

И опомнился царь и узнал от гонца,
Что толпа египтян вопиет у дворца,

И лишь в том вся причина великого шума,
Что взывают они к повелителю Рума:

«Чернокожие зинджи все наши пути
Заполняют! В пустыне и то не пройти!

Плодородные земли захвачены! Горы
От сей немочи черной потушили взоры.

Это — черные жители желтых песков,
Но их больше, чем трав и речных тростников!

Низкорослы. А старцы у них — безбороды.
Им красавцами кажутся все их уроды.

Нет и чести у них, нет у них и стыда!
Нет в них сердца! В них жалости нет и следа!

Пожирают врагов! Яд мучительный выпит
Будет нами! Беспомощен скорбный Египет!

Если Рум не придет к нам на помощь, — беда!
Эта черная буря пожрет города!

И ни франкской страны и ни Рума, быть может,
Не останется в мире! Все пламень погложет!

Мы в слезах! Мы пред натиском черным слабы!
Но решать будешь ты: мы ведь только рабы!»

Услыхал румский царь, мудрый ставленник веры,
Что войскам чернокожих ни края, ни меры, —

И пред сонмами зинджей объял его страх,
Страх, таящийся даже в премудрых сердцах.

Аристотелю царь тотчас молвил об этом,
Обратясь к его сердцу за добрым советом.

И мудрец, устранитель негладанных бед,
Указал Искендеру дорогу побед.

«Выступай! Твое счастье — твоя оборона.
Раздави своей мощью такого дракона.

Дело славы свершая в бесстрашном бою,
Укрепишь царской дланью опору свою.

Не один только Нил, черных зинджей карая,
Покоришь: прогремишь ты от края до края.

Ты врагов опрокинешь, низвергнешь их в прах.
И друзей обретешь ты в окрестных краях».

Царь внимал этой речи, как слову закона,
И своей Македонии поднял знамена.

От мечей и от шлемов, лучист и летуч,
Прыскал пламень, как молнии в прорезях туч.

Царь по морю направился к суше, — заране
Должный путь разъяснили ему египтяне.

В их стране горожане и войско пред ним
Преклонились: румнец всевышним храним!

Он велел, чтоб войска устремились от Нила
К той пустыне, которая зинджей хранила.

Каждый всадник румийский зажегся огнем
И в пустыню стремился со сменным конем.

Витязь каждый свой стан препоясал — и к бою
Поспешал, чтобы встретиться с бурей Любою.

Черным зинджам, узнавшим про эту напасть,
Показалось: весь мир — это черная пасть.

Оба войска сошлись и в часы ожиданья
Знали: в битве не будет у них состраданья.

От булатных подков боевых скакунов
Вся земля сотрясалась до самых основ.

Многих возгласов гул, словно бурные воды,
Так взростал, что качались небесные своды.

Так была многих мощных тяжка булава,
Что Быку стало тяжело, дышал он едва.

И от криков, звучавших как вопли в день судный,
Заметались все звери в пустыне безлюдной.

В бой собирались войска, гром такой породив,
Что бежал, этим громом испуганный, див.

В этой страшной пустыне, бездушна и яра,
Всех душила жара, все стонали от жара.

Словно серой безводной, лежала земля.
Словно пламень дышал, всю окрестность паля.

Тут не влага была, — только яд смертоносный,
И не дружбы глаза, — солнца взгляд смертоносный.

И в пещерах глубоких, как логово змей,
Жались тесные толпы смятенных людей.

И в урочищах гулей, как будто бы гули,
Все сновали в глухом и немолкнувшем гуле.

...Но тельца огневого, схватив, одолев,
Мрак поднялся на небо, как царственный лев.

Звездный вышел Телец и полночь явила,
Словно львиные зубы, ночные светила.

Расточать стала мгла черный мускус — и в свет
Больше не был наш мир, словно в розы, одет.

И разведчик пошел стан высматривать вражий,
И стояли с мечами дозорные стражи.

Небосвод, полный звезд, был красен и не строг..
Отдыхали бойцы от жары и тревог.

Занзибар — возле Рума! О нет, не угрюма
Ночь в созвездьях!.. Спят зинджи!.. Спят воины
Рума.

ПОХОД ПРОТИВ ЗИНДЖЕЙ. ГИБЕЛЬ ТУТИАНУША

Дай мне, кравчий, вина, что, как румцы, светло!
Буду весел, как зиндж, хоть и ведал я зло.

Но судьбе дай быть светлой: окраска угрюма
Занзибарцев и радостна — жителей Рума.

□ □ □

Долгий путь наш обманчив! Нам видится свет
Там, — на небе седьмом, а вблизи его нет.

Тут и ангел собьется и нету в том дива,
Что придет к тебе див, а уходят три дива.

Два зерна на базаре ты взвесь, — и одно
С быстротою украдено будет зерно.

Вор за медной монетой крадется впустую:
У него в это время берут золотую.

У дикана он тащит по зернам. О тлен!
Ведь эмиру отдаст он за менами мен.

Что мне спутники эти, не жду с ними встречи.
Но с укором внемли этой горестной речи.

Мне известны они: в них добра не найдешь,
Сердца верного ждешь, но в их возгласах — ложь.

Это лисы. Смиренность у них для показа,
К сладострастью и к алчности два у них глаза.

Но когда они в страсти, то тут вот как раз
У таких скорпионов — ни слуха, ни глаз.

Постигающий тайны и чуждый обмана
Вот что людям открыл, взяв сказанье дикана:

Царь китайский — рассвет был на белом коне,
А подкова ночная исчезла в огне.

И сей гордый фагфур к небу выехал в гости.
И убрали все звезды игральные кости.

И дорстой владык, — тех, чья властна рука,
Словно яркие звезды, тянулись войска.

На броне у слонов забряцали зеркала,
Бубенцами вся сбруя верблюдов бряцала.

И была поступь войска так страшно тяжка,
Что хрустели все кости земного Быка.

Румский царь, будто с Кеем желал он быть рядом,
Гром войны возрождал по всем древним обрядам.

Но по-румски порядок он вел войсковой,
Как узор на печати своей восковой.

У царя был один приближенный; счастливым
Был он юношей, знающим, красноречивым.

Все он ведать хотел, говорлив был и смел,
И мечом и стрелою владеть он умел.

Друг всеобщий, он жил, этой дружбы не руша,
И все знали веселого Тутриануша.

Иногда, отыскав подходящий предлог,
Он лукавою речью все выведать мог.

С Искендером за трапезой, без промедленья,
Он планетные высчитать мог повеленья.

Он с почетом был вызван владыкою в стан,
И гонца важный сан был придворному дан.

И велел ему царь, чтоб он, всем на помощь,
К предводителю зинджей пустился в дорогу.

«Лютый страх в сердце черного надо внести,
Чтоб забыл он войну, чтоб свернул он с пути.

Ты по-зинджски скажи ему: «Ты ведь не камень,
Ты — железо. Тебя переплавит наш пламень».

Кипарис милоликий вскочил на седло, —
И такое вот слово в слух зинджей вошло:

«Тот, чей пламенен меч, тот, кто всем оборона,
В блеске счастья и мужества поднял знамена.

Юный горд и горяч; враг его и не тронь!
Мигом вспыхнув, палит он, как лютый огонь.

Если схватит он лук со стрелой своей злою,
Даже в глаз муравья попадет он стрелою.

Вы мириться должны. Надо, скорбью горя,
Вам прощенья просить у такого царя.

Будет поздно! С огнем разгоревшимся споря,
Где найдете воды? Вам не хватит и моря.

Враждовать с ним — к чему? Никому, никогда
Благотворной не будет такая вражда.

Верных знаний о нем в мире целые свитки.
Кто с ним в дружбе, тем — прибыль, кто в ссоре —
убытки».

Принял зиндж эту речь, словно стрел острия.
И закорчился черный, как злая змея.

Закипел его мозг от внезапного жара.
Его рык был грозней громового удара.

И велел он, чтоб схвачен был Тутануш,
Так погибель настигла пленителя душ.

Ведь былинку легко притянуть янтарями, —
И был юноша схвачен двумя дикарями.

И над чашей из золота голову вмиг
Отрубили; в крови был пленительный лик.

Лишь наполнилась чаша, — царь зинджей руками
Чашу стиснул и выпил большими глотками.

А посланца друга Искендеру в слезах
Рассказали о том, как у них на глазах

Под коварной, под черной рукой кровопийца
Окровавилась белая шея румийца.

Кипарис и самшит! Где твой радостный лик?
Запылал Искендер, как зажженный тростник.

Захотелось внезапно властителю крови.
За невинную кровь надо мстителю крови.

Задрожали румийцы: им стали видны
Руки страшных врагов — эти руки красны.

Чернокожих толпа так зубами блистала,
Что для светлых румийцев и света не стало.

Но для ночи опасно показывать свет.
Этот свет — ее смерть: это светлый рассвет.

Два-три дня миновало. Плававшее ало,
Пламя гнева в душе Искендера стихало.

И над сумраком дымным всплывает звезда.
Вот и птица ночная летит из гнезда.

И Сатурн колокольчики с пояса свесил,
Словно сторож ночной, и хоть мрак был невесел, —

Молвил царский советник: «Увенчан и благ
Ты пребудешь, о царь! Твой низвергнется враг!»

Караульщики стан обходили дозором,
И разведчики в тьму шли с прищуренным взором.

ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ С ЧЕРНЫМИ ЗИНДЖАМИ

Небосвод был поспешен, — и вот из-за гор
Уже солнце метнуло свой утренний взор.

И в литавры забили. Без меры и строя
Зашумели войска. Мир лишился покоя.

В барабан барабанщик ударил ремнем
И спугнул этим ночь. Мир стал яростным днем.

Застонали все трубы; был ужас в их стоне!
И всё били литавры в ладони, в ладони...

И сцепились войска, и две чаши весов
Переполнились кровью, и бой был таков,

Что вонзаясь в хребты, дроты, полные гнева,
Пронизав позвонки, выходили из чрева.

И от копий бойцов, полных злого огня,
На куски разлеталась любая броня.

Буря схватки была так безмерно гремуча,
Что не воду лила, кровью брызгала туча.

И когда отступил строй упорных бойцов,
Друг на друга пошел ряд отборных бойцов.

Долго бились они; небо воплям внимало,
И на зарытых песках крови было немало.

Победил зинджский воин румийского. Так
Барс порою онагру ломает костяк.

Потерпели немало румийцы от черных.
Люди стоном стонали в долинах просторных.

Все ведь помнили Тутануша, и чем
Он закончил свой путь — было ведомо всем.

«Чем все мы завершим долю горькую нашу?
Нашей кровью наполнят застольную чашу».

Всюду слышался стон: «Для такого вина
Шея пленных румийцев служить не должна!»

Понял царь: потрясенные злобой убийцы,
Всех неистовых зинджей страшатся румийцы.

Если ж войско боится сраженья, оно
Лишь постыдною думой о бегстве полно.

И везира призвал царь великого Рума,
Чтоб открыть ему все, что таит его дума:

«Стынет войска душа, хоть была горяча,
Стала боем сыта, не вкусивши меча.

Где ж мои храбрецы? Все обдумаем строго.
В битвах всадник один сделать может не много.

Больше нет в моем войске бестрепетных душ,
Потому что убит был наш Тутиануш.

Всех смутил этот зиндж, выпив страшную чашу,
Страх объемлет и пеших и конницу нашу.

Если все мое войско в испуге, — к чему
Прибегать мне напрасно к мечу своему?

Всех румийцев страшиться враги перестанут, —
Как слоны боевые, в бою они станут.

Укажи мне уловку, чтоб зинджей опять
Устрашить и в бою опрокинуть и смять.

Я в неожиданной беде! В деле горестном этом
Помоги мне! Приди ко мне с мудрым советом».

И, исполненный опыта, знающий мир,
Так сказал Искендеру премудрый везир:

«Государь! Твой рассудок — твой верный водитель,
Слава — спутница, меч — нападающий мститель.

Сотворивший весь мир и надир и зенит
Пусть воителя дивного вечно хранит!

Пусть твой путь по горам, по равнинам и водам
Бирюзовым всегда осеняет он сводом!

Зинджи — змеи, считать их за равных — обман.
Каждый зиндж — это черный и злой Ариман.

Не дивись, что румийцы, увидя их скулы,
Заметались: мы — рыбы, а зинджи — акулы.

Смерть в полоне — страшна. Примиримся ли с ней?
Людоедство, бесспорно, всем людям страшней.

Помирись ты с собачьими, злыми сердцами, —
Нас мудрец ни один не сочтет мудрецами.

Если мы отойдем, не вступив с ними в бой,
То враги целый мир переполнят собой.

Если в недруге нашем пропала б отвага,
Мог узреть бы в посланце немало он блага.

Но в нем разума нет, нет препятствий для зла,
И убьет он, бесспорно, любого посла.

Надо, хитро за ними последовав следом,
Стать на время тебе в их глазах людоедом.

Надо несколько зинджей схватить на пути
И связать и тайком в твой шатер привести.

Пусть их наземь швырнут пред властителем Рума:
Притворись, что душа твоя зла и угрюма.

Повели, чтоб снесли одну голову с плеч
И послали в поварню зажарить иль спечь.

Иль воскликни по-зинджски: «Пусть лакомство это
Будет быстро в поварне на вертел надето!»

А твой тайный приказ будет столынику дан,
Чтоб отобран был поваром черный баран.

И пусть блюдо тебе с головою барана
Подадут без костей. Не узнают обмана.

Кожу черную рви и с глотками вина
Жуй ее, наслаждаясь: она ведь вкусна.

И мозги ты потребуй и молви: «О чудо!
Несравнимо ни с чем это нежное блюдо!»

Если б раньше я знал эту сладкую снедь!
Да! Прославленный повар мой должен краснеть,

Что откармливал мне только белых! Отныне
Жарьте мне только зинджей! Их много в пустыне...»

Пусть проведает царственный их людоед,
Что и ты — людоед. Пусть боится он бед.

В опасеньи расстанется с яростным жаром.
Ведь железо железным смягчают ударом.

Если выполним ловко мы этот прием,
Чернокожих воителей мы разобьем.

Нам волками указана волчья повадка.
Глупость глупостью гни, — это верная хватка».

Приказал Искендер, чтобы воинов ряд
Для набега сомкнулся в единый отряд.

Надо пленных добыть. Те, что будут в отряде,
Пусть у самых дорог притаятся в засаде.

Смельчаки снарядились; недолго вдали
Оставались, — и пленных они привели.

Царской ставки начальник их принял и сразу
Их направил к царю, повинуюсь указу.

Были злобны их лица, насуплена бровь,
А на черных затылках — багровая кровь.

Царь, похожий на льва, весь — порыв иступленья,
Словно лев, в чьих когтях сжата шея оленья, —

Зарычал и велел, страшно хмурия свой лик,
Одному из плененных снять голову вмиг.

Сняли голову, крикнули повару: «Живо
Приготовь для царя!» И пошли торопливо

И сказали в поварне подробно о том,
Что на блюде царю поднести золотом.

Задрожали, увидев сей царский обычай,
Те, что стали такого владыки добычей.

Повелел государь, будто кончив труды,
Чтоб циновку постлали ему для еды.

И внесли ему то, что решили заране.
(Ведь читающий помнит о черном баране).

И в глазах у царя словно ярость была.
Рвал он мясо, как лев, рвущий шкуру осла.

И, насытившись, чмокал губами: он мяса,
Мол, не ведал вкусней, — «Надо взять для припаса

Больше зинджей, — он молвил, — они так вкусны,
Что другие блюда мне совсем не нужны.

Чтобы окорок зинджский всегда мне давали!
Снедь, подобную этой, мы сыщем едва ли!»

Так баранье жаркое съел доблестный шах,
Ввергнув зинджей обманом в мучительный страх.

Напугав их змеиной повадкой своею,
Царь пустил этих змей к их верховному змею.

И к царю чернокожему зинджи толпой
Прибежали и подняли горестный вой:

«Не людской он породы! Он злей крокодила!
Это — лапа дракона наш край захватила!

Так зинджатину ест он, как мы — о, печаль! —
Сами зинджи — едим только вкусный миндаль.

Так он голову зинджа, отрезав от стана,
Поедает, как мы поедам барана».

Все кричат и вопят, но кричи, не кричи —
Темный войлок полез из-под яркой парчи.

Черный вождь приуныл. И, пылавшее ало,
Пламя черных вояк, закрутясь, потухало.

ВТОРОЕ СРАЖЕНИЕ С ЧЕРНЫМИ ЗИНДЖАМИ. БОЙ С ЗЕРАЧЕ

Лишь рассвет развернул два большие крыла,
И мечтательность мглы многозвездной прошла,

И всех дивов спугнул пробудившийся петел, —
Гром огромных литавр тотчас утру ответил.

Трубы подняли голос, иль то возвестил,
Вострубя страшный суд всем живым, Исрафил.

Так ревела труба на равнинах унылых,
Что страшить даже небо была она в силах.

Волчью шкуру греметь заставлял барабан
Так, что мозг всего мира был грохотом пьян.

И удары в литавры — удар за ударом —
Рвали слух небесам своим окриком ярым.

И стрела за стрелой, за стрелою стрела
Победителей львов пробивала тела.

И мерцали клинки, прах взметая летучий,
Словно реянье звезд, полускрытое тучей.

Перестроились все, чтоб не буйной гурьбой,
Но опять должным строем направиться в бой.

Закипели опять два пылающих моря,
Загремели две тучи, настойчиво споря.

Бились черные с белыми; бил барабан.
Был весь бой этот бурный — двухцветный кабан.

Ветроногих коней покраснели копыта.
Их кровавой игрой вся земля была взрыта.

Трудно гнущихся луков неистовый звук
Был предвестником смерти и тягостных мук.

И блистанье мечей столь мучительным стало,
Словно солнце, дробясь, прямо в очи блистало.

Рум знамена вздымал, всем владела рука:
Лук захватывал землю, аркан — облака.

По краям шли вожди в медном блеске нарядов,
Шел сам царь Искендер посредине отрядов.

Черный вождь вел войска, свой построивши строй
Бисутунской широкой и мощной горой.

За всем войском, казавшимся горной грядою,
Боевые слоны грозной шли чередою.

Каждый взором страшил и всей ширью хребта,
И в железе от хобота был до хвоста.

Был на каждом слоне трон из кости слоновой;
Черный зиндж там сидел, острой пикой готовый

Прикоснуться к слону, чтоб рассерженный слон
Даже в пламень бежал, чтоб стал бешеным он.

И так много слонов зашагало в пустыне,
Что от рытвин в песках вся земля стала синей.

Вкруг слона шли отрядом его сторожа,
Сотни уз для слона наготове держа.

И когда было все приготовлено к бою,
И когда мысли всех бой заполнил собою,

И все думы лились о щите и мече, —
То от зинджей огромный пошел Зераче.

Он рогатину нес из обточенной кости,
Ею мог бы слона прободать он со злости.

Он был с волчьей ухваткой — раздувшийся
змея.

Он в мозги себе вбил, что он всех был умней.

И котел непомерный была его глотка,
Он пугал даже тех, с кем беседовал кротко.

Он по-зинджски хвалился, румийцам оря:
«Я врагов обжигая, как пламень горя.

Я — большой Зераче. Я вгрызаюсь в булаты.
Выше башен слонов мои длани подъяты.

Мои кубки огромней, чем ноги слона.
Под рукой моей гнется слоновья спина.

Если меч мой взмахнет, многомогущий и скорый,
Ненароком снесет он окрестные горы.

Пусть мне тигра дадут, пусть мне встретится лев.
На него сто ударов обрушит мой гнев.

Я ведь Нилу кричу: «Сторонись и не мешкай!»
Я любого слона тотчас делаю пешкой.

Я как лев: мои мышцы — оружие мое,
Но имею вдобавок и меч и копье.

Я — алмаз, я — булат, моя мощь непочата.
Мне не надо алмазов, не надо булата.

Я вздымаю чело выше горной гряды.
Не боюсь я огня, не страшусь я воды.

Рассекаю врага, не терпя проволочки.
Пожираю у смелых безжалостно почки.

Да, я — змей и с врагами люблю я игру:
Их не только убью — я их также пожру.

Я не мягок, о нет! Все ломая преграды,
Я не знаю стыда, я не знаю пощады.

Настоящий боец дружен с гневом и злом.
Размягченный вояка — осел под седлом.

Черный лев перед вами. Он грозный, он грубый,
А когда он смеется, горят его зубы!»

И прищурился он глаз и сраженью был рад,
Как змея, пред которой находится клад.

И на бой румский всадник в порыве проворном
Поскакал, возмущенный столь дерзостным черным.

Черный враг своим жаром наездника влек.
Так в бушующий пламень спешит мотылек.

И когда подлетел он к горячему змею,
Чернокожий мечом пересек его шею.

Новый всадник помчался, как быстрая месть. —
Но с коня своей жизни пришлось ему слезть.

И земля возле зинджа зазыблелась ало:
Семь десятков бойцов под мечом его пало.

И уж больше никто не хотел в эту пасть,
В эту адскую пасть неизбежно попасть.

И румийцев душа стала страху покорна,
Словно воск, испугавшийся жаркого горна.

Адский страж побеждал. Кто бы ринулся в бой,
Зная: адской рукой будет сломлен любой.

Но Великий, о коем весь мир уже слышал,
Из кольца приближенных стремительно вышел.

Стал он к бою готовить оружие свое:
Для сраженья пригодное выбрал копье,

Пояс взял в самоцветах, в узоре богатом,
Свою голову скрыл он индийским булатом,

Голубую кольчугу надел он — она
В частых кольцах являлась подобьем руна,

Взял ийменский меч и, храня от увечья
Свои плечи, надел золотые оплечья,

Взял он лук, чей изгиб, словно плавная бровь
Тех, чьей бровью в сердцах зажигается кровь,

И набросил чепрак на коня вороного,
Призывая защиту небесного крова.

Он схватил повода и помчался он вскачь,
К поединку стремясь и не ждя неудач.

Он рванулся вперед в жажде яростной схватки,
Как орел, увидавший крыло куропатки.

Он скакал на врага многомогущен и рьян,
И пред ним этот черный предстал Ариман.

Крикнул царь: «Эй, ты старая, злая ворона!
Я — орел молодой! Жди, несчастный, урона!

Прочь с дороги! Отмщенья внимай голосам!
Станет мир тебе черен, как черен ты сам.

Ты дрожишь, ты у смертной находишься грани.
Не беги! Повстречаемся на поле брани!

Стой! Тебя в красный цвет перекрасить хочу!
Стой! Волос твоих круче тебя я скручу!

Речь твоя, людоед, не чрезмерно ль кичлива?
Я — страшнее, чем див. Съешь подобного дива!

Ты владеть не умеешь тяжелым мечом,
Я тебя научу. Загрустил ты о чем?

Шевельнись! Шевельнись! И в минуту я ту же
Тебе под ноги голову брошу твою же!

Я — водитель румийцев, мудрей, чем араб,
Я — сиянье, ты — мрак; мрак сиянию — раб.

Всех слонов уложу я индийским булатом,
Наделю их вожатых я синим халатом.

Пусть ваш черный владыка мне явит лицо.
В ухо черной скалы я продену кольцо».

И, в седле приподнявшись, он ринулся к бою,
Натянул повода, и своей булавою,

Чей тяжелый конец — морда медного льва,
Он взмахнул, и пробита была голова

Злой змеи, — и не стало сего исполина,
Будто черной горы разломилась вершина.

Сколько сил в искиндеровом было плече!
Только раз он ударил, и пал Зераче.

И мечом своим руки и ноги и плечи
Разрубив Зераче, — царь швырнул их далече.

Но когда Искендер с ним покончил, тогда
Обнаружилась тотчас другая беда:

Зиндж, похожий на пальму, такого же роста,
Налетел на царя и ударов он дó ста,

Иступленно крича, в своем злобном огне,
Словно искры, рассыпал по царской броне.

То ударит он справа, то бросится слева,
Но с броней не справясь, взревел он от гнева.

Царь, увидев змею, преисполненный сил,
Крокодила меча на змею напустил.

И был прерван у черного рев иступленья.
Лев скакнул — и разорвана шея оленья.

Голова с этой пальмы слетела. Порой
Так вот с пальмы свергаются негры... Другой

Тотчас выступил зиндж. Он чернее был ночи
И, себя восхваляя, орал, что есть мочи:

«Вышла черная туча! Вся туча полна
Не дождями, драконов рождает она!

Я глотком могу выпить всю воду из Нила.
Моя палица многих слонов хоронила.

Я — с тяжелой рукою. Я — Сияхкулэ.
Тяжким весом я равен огромной скале.

Если меч свой я выну, то сам не заплачу,
А вот многих предам неутешному плачу».

Увидал Искендер, что такой пустослов
Истекать бесконечною речью готов, —

И взмахнул он мечом, и среди его речи
От его головы отделил его плечи.

И другое страшилище, новый силач,
Боевого коня бросил яростно вскачь.

Но вся злость его вмиг им была позабыта:
Обезглавленный зиндж угодил под копыта.

И с другим чернокожим, вскочившим в седло,
Под ударом царя то же произошло.

После этого зинджи до сумрака ночи
Отводили от румцев свирепые очи.

Вновь прославился Славный в победном бою
И под вечер вернулся он в ставку свою.

Когда с красным гранатом удачно поспоря,
Небосклон взял окраску лазурного моря

И под блеском Дракона, на радость очам,
Россыпь звезд повлеклась по лиловым шелкам, —

Караул, напрягая дозорные взоры,
Звездочетов пытливей вперял их в просторы,

От негладанных бед спящий стан отводя,
Распорядок законный спокойно блюдя.

ТРЕТЬЕ СРАЖЕНИЕ С ЧЕРНЫМИ ЗИНДЖАМИ. БОЙ С ПЕЛЕНГЕРОМ

Алой розой зари голубой небосвод
Безмятежно себя разукрасил, и вот

Искендер пробудился и начал для боя
Свое войско собирать, в должный строй его строя.

Вот он сел на седло, и понес его конь
В море войск, чтоб оно обратилось в огонь.

Войсковые крыла вверив воинам смелым,
Середину своим вслед он выбрал уделом.

Как железные крепости были крыла,
Сердцевина с горою равняться могла.

Войско зинджей и конных хабешцев, сверкая,
Обнажало мечи у переднего края.

Справа — рать из Хабеша; налево — отряд
Из Берберии. Зинджи меж ними стоят.

Загremели литавры, и в колокол где-то
Заавонил чернокожий, ответив на это.

И гроза зарычала и стали видны
Взмахи копий от Рыбы до самой Луны.

Так взревели два войска внезапно и разом,
Что все дивы пустыни утратили разум.

Пыль душила войска, и от множества ран
Стало тело румийцев, как желтый шафран.

От звенящих мечей, от мелькающих палиц
В удивлении джин свой закусывал палец.

От литавровых бронзовых яростных чаш
Задрожал небосвод, мир услышавши наш.

Возглас труб так страшил все земные просторы,
Что земля, как щиты, подняла свои горы.

Так топтали подковы пространство земля,
Что из сотен пещер тучи праха ползли.

Клювы стрел оперенных, летя друг за другом,
Сердце скал наполняли смертельным испугом.

Каждый лук, столь похожий на дивную бровь,
Грудь кольчуг заставлял лить, безумствуя, кровь.

И аркан, столь подобный взлетевшему змею,
Каждый миг новой жертвы охватывал шею.

Как индийский фигляр, что, крутясь, невесом,
Меч индийский ходил колесом, колесом.

Столько копий размерно звенело о брони,
Что плясать в поводах стали легкие кони.

Сонмы дротиков злых острием своих жал
Лик железный терзали, — кто б их удержал?

Кровь изрубленных тел... Вся земля, словно рана..
Застонал весь простор смертоносного стана.

Но скалой сердцевина румийцев была,
И лазурным сверканьем сверкала скала.

Закричав, налетел и разил чернолюккий.
Он, что колокол зинджский. Неслись его крики.

Рот раскрыв, он взрывал своей скачкою прах;
Рот раскрытый был шире больших черепах.

И теперь, посреди смертоносного луга,
Выезжать стали всадники друг против друга.

Показали они и сноровку, и страсть,
И как быстро на недруга можно напасть.

Погибали румийцы: румиец был нежен,
Зиндж — свиреп, был его перевес неизбежен.

И обдумывал царь мощь и слабость свою:
«У изнеженных стойкости нету в бою.

Каждый ждет наперед: «В этой схватке полягу».
Показать этим робким я должен отвагу.

Нет, не в силах войска дать отпора врагам!
Повести эту битву обязан я сам».

Стал он солнцем опять. Солнце прянуло снова,
Чтоб опять заалел мрак ночного покрова.

Уложил чернокожих он множество так,
Как ударом одним убивают собак.

И увидев, как властно рука его сжата,
Начал враг от его уклоняться булата.

И не стало противников. Царь Искендер
В жажде схватки помчался к долине пещер.

Пеленгер — зинджский царь, понимая, что море
Крокодила послало всем зинджам на горе,

Все ж вскричал: «Своей жизни назначил он срок,
Эта глупая дичь скачет прямо в силók!»

И облекся он в панцирь. Готовясь для встречи,
Меч свой тяжкий надел и набросил на плечи

Носороговый, золотом шитый кафтан,
Грубой кожей от стрел охраняя свой стан.

Словно слитком серебряным, скрыв свое темя
Острым шлемом, — мгновенно, почти в то же время

Вскинул меч. Лезвиё, как онагра глаза,
Засверкало. И бросилась эта гроза

На великого льва (а не надо со львами
Слишком смело шутить) вот с такими словами:

«Ищет встречи со львом полный спеси пустой,
Я — соперник. Я жду. Стой! Не двигайся! Стой!

Мы сразимся, как с воином доблестный воин.
Будет яростных львов поединок достоин.

Кто из нас половчей, — последим, поглядим,
Кто окажется непобедим — поглядим».

Так была самохвальства превышена мера,
Что вскипела от гнева душа Искендера.

Коль презренье к врагу ты проявишь, — всю кровь
В нем зажжешь и себе смертный саван готовь.

Искендер произнес: «Похвальбу перед смелым
Неразумным считай и невыгодным делом.

Твоя смелость тебе — ненадежная сень.
Лучше б в ужас тебя твоя бросила тень.

Бойся, лев, бьющих льва, — бьющих ловко,
Смелый, бойся мужей, в смелых метящих смело. умело!

Если ты даже сдвинуть не в силах врагов —
Покоряйся. Удел твой, как видишь, таков.

Не бросайся на льва! Уходи со словами:
«Где бы руку набить для боренья со львами?»

Ты на гибель идешь. Да! Ведь ты — воробей.
Ты не сокол, поверь! Свою гордость убей!

Выходи! Дело станет поближе к разгадке,
Поглядим, кто из нас повыносливей в схватке.

Придержи самохвальства обманчивый звон.
Будешь очень кичлив — будешь скоро пленен».

Запылал Пеленгер, лоб свирепо нахмуря,
Прянул он к Искендеру, как черная буря,

И по шлему царя он ударил мечом.
Но что молния туче? Ей все нипочем!

Ярость душу царя, словно обручем, сжала,
Каждый волос на нем стал острее кинжала.

Пеленгера мечом он ударил, но меч
Крепкий панцирь врага был не в силах рассечь.

Что за схватка была! Злобна, длительна, яра.
Смертоносного не было все же удара!

И ни тот, ни другой не сумел превозмочь
В ратоборстве врага. Так приблизилась ночь.

И румийцу сказал недруг черный, который
Утомился: «Уж солнце заходит за горы.

Ночь близка и закончить приходится бой.
Завтра вновь повстречаться намерен с тобой.

Скоро мгла будет схвачена утренним стражем
И рассвета войска горным двинутся кряжем.

Мы сойдемся. Пугну я тебя поутру!
Ты от страха в змеиную влезешь нору!

Сговоримся! Со мною приступишь ты к бою
В час, как знамя рассвета блеснет над тобою».

Искендер дал согласие. С ристалища прочь
Пеленгер удалился, приветствуя ночь.

Предвкушая свой бой смертоносный, недалкий,
Направлялись два всадника в опочивальни.

ЧЕТВЕРТОЕ СРАЖЕНИЕ С ЧЕРНЫМИ ЗИНДЖАМИ И ПОБЕДА ИСКЕНДЕРА

И когда поднялся из неведомых вод
Алый пламень и синий зажег небосвод,

Словно шахматы белые с черными, строем
Разместились войска на просторе, на коем

Быстро все запестрело: борьбой обуян,
К зинджским воронам прынул румийский фазан.

День смешал свой огонь с тьмою сумрачной ночи,
Так у черного ворона светятся очи.

Землю ржавая туча покрыла и вновь
Родила она море, — багровую кровь.

И в растущих волнах, как уже не однажды,
И тонули бойцы и стонали от жажды.

Царь великий, собираясь на битву, предрек,
Что на зинджей обрушится тягостный рок.

На базаре сраженья велел он к лазури
Взвить песчаные клубы крутящейся бури.

Он рубаху с глазками от сглаза надел,
Чтоб сберечь свое тело от вражеских стрел.

И в бесчисленных кольцах надел он кольчугу,
Что сверкала ручьем, забулвавшим по лугу.

Оглядев боевое оружие свое,
Кровью сердца вскормленное, взял он копье,

Взял он меч свой индийский — казалось при этом
Не булатом блеснул он, а солнечным светом.

Вот он — в шлеме китайском. Казалось: на нем
Драгоценные камни сверкнули огнем.

И к седлу он отравленный дротик привесил
И вскочил на коня. Был прекрасен и весел

Этот царственный конь; легкий скок его ног
Одолеть расстояние безмерное мог.

Царь погнал скакуна к тому месту для встречи,
О котором вечер вел он с недругом речи.

Но в душе Пеленгера — не в первый ли раз? —
Опасения якорь глубоко увяз.

И безвестный помчался, свирепей ифрита,
Зиндж, копье наклоняя. Плохая защита!

Царский дротик, избрав изо всех его жил
Ту, что в горле, — мгновенно его уложил.

Джин другой появился, и каждому взору
Показаться могло бы, что ростом он с гору.

Наземь пал он затылком. И бросил во прах
Еще многих руки искендеровой взмах.

Но опять, словно див, иль похожий на змея,
Прянул черный, идти на Великого смея.

И опять, как и прежние, вскрикнул едва, —
И упала на землю его голова.

Новый черный примчался, на тигра похожий.
Кто б, увидев его, не почувствовал дрожи?

Но смертельную чашу он выпил, и срок
Его жизни назначил негаданный рок.

И воинственный жар перед мужеством львиным
Не владел уже зинджем теперь ни единым.

И направля коня к зинджской коннице, лев
Вызывать стал того, кто зажег его гнев.

Пеленгер ощутил, позабыв и о злости,
Будто все у него переломаны кости.

«...Ехать нехотя в бой! На погибель? Хотя...
Может статься...» — и мчится, коня колотя.

И к царю подскочил в блеске всех снаряжений,
Но послал ему рок без конца унижений.

Без конца Пеленгер слал удары. Пред ним
Устоял Искендер, небесами храним.

И на зинджа, чтоб сразу поник черноликий, —
Словно лев на онагра, метнулся Великий.

Он Защитнику бросил молитвенный клич
И всю волю напруг он, чтоб цели достичь.

Он копье накренил. Он презрел проволочку.
Круг сраженья замкнув, метил в зинджа, как
в точку.

Он, на тучу нагрянув, блеснув серебром,
Рассмеялся над нею, как радостный гром.

И копьё своего — и мгновенно и смело —
Девять острых узлов он вонзил в его тело.

Вскинул вражью ладью отомщающий шквал,
Разломал... Пеленгер покачнулся и пал.

И с седла царь к войскам обратился с приказом,
Чтобы все на врага они двинулись разом.

И враги друг на друга пошли... и со днем
Ночь смешалась. Бойцы запылали огнем.

И от лязга мечей мнилось многим с испуга:
Не рубаху, а саван прикрыла кольчуга.

Так сверкали мечи, что, черны и густы,
Загравеющею тучею стали щиты,

Так, все мысли мутя, ширь была разогрета,
Что весь мир убежал бы от жаркого света.

От палящих лучей огнеокого дня
Раскалялась, как печь, боевая броня.

Черной стала земля от поверженных черных
Под лазурным сверканием сводов просторных.

Был жасмином серебристым эбен одолен.
Белый сокол взял вбрана злого в полон.

И неистовства ярость всем стала знакома,
Будто ветошь, рассудок швырнули из дома.

Вожаки запылали в бою огнем,
И онагры желали сражаться со львом.

Все зывали вокруг. Понуканьем суровым
Переполнился мир и стенаньем и ревом.

И когда непомерно стала борьба,
То одну из двух грамот свернула судьба.

Были сильные славе ниспосланной рады.
Побежденные в страхе просили пощады.

В этой схватке, врагов чернокожих рубя,
Меч румийский навеки прославил себя.

Царский меч был подобен божественной каре.
Оскудели товары на зинджском базаре.

Зинджи грустно запели, — не ждали услад.
А румийцы запели на радостный лад.

Вознесясь до луны, знамя Рума блистало.
Зинджей злой суетни на дорогах не стало.

Милосердия дождь пролился и, журча,
Смыл всю ржавчину зинджей с царева меча.

Весь был в золоте стяг. Польхал на Великом
Плащу фиалковым шелком. С торжественным ликом

Царь под стягом стоял. Стражи, громко крича,
Гнали зинджей. Звучал частый посвист бича.

И затем этих змей, друг на друга похожих,
Обезглавили. Столько легло чернокожих,

Что в долине лещер, раскаленной, как медь,
Черной грудой вздымалась для коршунов снесь.

Их, владевших слонами, как гусениц, ныне
Муравьи растащили по жаркой пустыне.

Что ж! Носильщик несет вдоль житейских дорог
То шелка, а то кожу для кройки сапог.

Но не тщетной надеждой сердца свои теша,
Попросили пощады бойцы из Хабеша.

Этих черных от казни отвел Искендер;
Не хотел применять к ним безжалостных мер.

Он проникнуться смог их тяжелым уделом,
И пощаду он счел своим царственным делом.

Он велел их клеймить. И как будто само
С той поры на хабешцев ложится клеймо.

Но, клеймя, озарил милосердия светом
Он их души. Их жар был на это ответом.

Столько было добычи, что стала полна
Ею ставка, — и в даль потянулась она.

Видел царь: нет потоку сокровищ преграды,
Всю равнину, как море, заполнили клады:

Чаши жемчуга, золото, кубки, клинки,
Драгоценные камни, алмаз тюки...

Царь мешки переполнил и золотом чистым,
И жемчужным зерном, и рубином лучистым.

Вся покрылась равнина горой серебра,
Серебристой грядою легла камфара.

На слонах всем сокровищам не было меры.
Скакуны, что павлины, вели их берберы.

И рабов чернокожих отобранный строй
Был красив, словно звезды ночью порой.

Чепраки красовались игрой изумруда,
Яркой кожей жирафа; возрастала их гряда,

И была вся равнина — диковинный склад,
Где жемчужин рассыпался мреющий клад.

Победив Занзибар, взяв безмерные дани,
Искендер отдыхал. И, по слову преданий,

Оглядел он погибших. Казалось для всех,
Что он весел... смеется. Обманчивый смех!

«Почему столько взоров подернулось мглою?
Сколько смертных легло под мечом и стрелою!

Их ли в этом вина? Нет, вины на них нет.
Счесть виновным себя? Это был бы навет.

Обезглавливать!.. В том — небосвода потреба.
Не взносись. Ты не выше веления неба.

Словно дым, отклонившийся от синевы,
Отклонять от небес не дерзай головы.

Небосвод — синий шелк: опуская к нам вежды,
Небеса только синие шлют нам одежды.

Запоешь с ними в лад, — и пребудешь в тоске.
Кто находит источники в солончаке?

Сколько смелых в земле обрело свое место!
Кровью скольких сердец это сдобрено тесто!

Весь наш путь — то покров, хоть он с прахом
и схож,
Из неведомых шкур и онагровых кож».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСКЕНДЕРА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НАД ЗИНДЖАМИ

Дай мне, краевич, вина и прошу об одном:
Дай мне также и яства с пьянящим вином!

Я хочу, чтоб с вином вся душа была слита,
Чтоб от адских огней в нем была мне защита.

□ □ □

Жду плодов я от царского дерева. Сень
Оно даст мне отрадную в радостный день.

Стол плодами украсив и тенью благою,
Мне позволит оно предаваться покою.

Ведь весна надо мною светло поплыла —
Пусть я осень с плодами мне будет светла!

Если дерево блещет плодов урожаем,
Разве острой пилой мы ему урожаем?

Дни зимы отошли. Наступила весна,
Возле звонких ручьев уже зелень видна.

С амброй мускус фиалка слила, — и повсюду
Влажный прах приготовил простор изумруду.

И проснуться нарциссу настала пора,
Над землей забелела его камфара.

И хранилищ своих растворил я затворы,
Знамя в небо подняв. Овевая просторы,

Тайный вестник в зеленых одеждах Суруш —
Утешитель всегдашний възыскующих душ —

Тихо вымолвил: «Встань. Размышленияклады
Расточи. Будут жемчугу смертные рады».

Но куда же, победную славу храня,
Искендер-победитель направил коня?

Тот, кто ведает мир стародавний, далекий,
Так свои развернул полнозвучные строки:

Когда счастье к царю свой направило взгляд,
Он раскрылся, как роза, он счастьем был рад.

Он сокровища роздал мечтавшим об этом,
Дал он доступ войскам к жемчугам, к самоцветам.

Пребывал он с неделю на месте одном
(Там, где бой протекал), услаждаясь вином.

Вышел дождь-водонос, добрым посланный богом,
И постельничий-ветер прошел по дорогам.

И беспыльными стали в пустынях пути, —
И по ним стало войску нетрудно идти.

Чтоб закончить поход, это добрый был повод,
И в седло сел Великий и взялся за повод.

Загремел барабан, и назначили сбор.
И на мулов навьючили царский шатер.

Гром от франкского моря до самого Нила:
Громких сборов труба тяжкий гром проронила.

Колокольцев верблюжьих томительный звон
Зазвучал по путям, всюду слышался он.

Бубенцы золотые звенели на мулах, —
И весь мир был в бряцаньях и в звонах и в гулах.

И отрядов река потекла и течет,
И неведом отрядам сверкающим счет.

Меж охранных рядов едет царь на красивом,
На павлиноподобном коне горделивом.

Вот скупая пустыня осталась вдали.
И до нильской долины отряды дошли.

Столько желтых и рдяных значков запестрело,
Что все небо в двухцветных узорах горело,

Всюду высились груды добычи. Коней
Отягчали мешки драгоценных камней.

Для слонов (тяжкий груз был едва им по силам)
Сто мостов многомошных воздвигли над Нилом.

С этой пышностью дивной, взнеся в синеву
Свою гордую, в царском уборе главу,

Царь в Египет вступил. Обласкав население,
Не одно он премудрое дал повеленье.

Из Египта он к морю направился. Там
Дал он отдых себе и победным войскам.

На стоянке любой сей венец мирозданья,
Все вокруг оглядев, строил новые зданья.

Не жалея казны, с ясным блеском ума,
По-румийски он стройные строил дома.

Заселял он свой путь; и богатства Двурогий,
Как песок, рассыпал вдоль песчаной дороги.

И построил он город, — морская волна
Омывала его. Был он, словно весна.

В нем возникли базары, взросло насажденье.
Как в раю, в нем узнал бы одно наслажденье.

Искендер этот город воздвиг, — потому
Имя царское так подходило ему.

Вызвав чудо, что встало в достоинстве рядом
Со столицей Египта и с пышным Багдадом,

Вспомнил царь ионийцев, их горы, их дол:
Человек жаждет мест, из которых пришел.

Он отплыл, и забыл он о берегу плоском,
Но под перстнем его страны сделались воском.

Этот воск он игрой своих царственных дум
Мог уверенно мять. Возвратился он в Рум.

И явились к царю все вельможи с хвалами,
Стали жемчуг они осыпать жемчугами.

Светлых дней к ионийцам пришла череда.
Украшали, как в праздник, они города,

Пели песни, подарки везде раздавали.
Так, судьбу восхваляя, они ликовали.

Царь, топтавший конем каждый вражеский дол,
Под благою звездой взошел на престол.

Рок победным венцом осенил его темя
И весельем украсил он царское время.

Из добычи войны без расчета и мер
Раздарил сколько мог властелин Искендер.

Он из груди добыч, теща царскую волю,
Всем соседним краям дал обильную долю.

А когда он для Дария выслал дары,
Цепь верблюдов могла бы достичь Бухары.

Царь достойным послом с необычною данью
Выбрал мужа, чей ум устремлялся к познанию.

Отобрал он диковинок много; они
Лишь сокровищам сказочным были сродни:

Драгоценности, кони, парча, ароматы,
Золотые подносы для царской палаты,

Амбра в ста сундуках, мускус, посланный в дар,
Кто бы взвесить сумел на обычный харвар?

Серебро при нагрузке слепило все взоры,
Камфары были посланы целые горы.

С узловатым алоэ послал он тюки,
Из жирафовой кожи послал чепраки

И большие мечи. В упаковках дорожных
Притаились рубины на царственных ножнах.

Он отправил: услужливых девушек рой
И для службы любой — ловких юношей строй.

Драгоценные троны из кости слоновой,
Все в камнях и каждый с короною новой.

И послал он в цепях черных мощных рабов,
Страшных сумрачной мглою нахмуренных лбов.

Слаал он уши врагов по дороге знакомой,
Слаал и вьюки голов, начиненных соломой.

Он дарил сто слонов, сто самцов, что свою
Непомерную ярость явили в бою.

Вот какой караван с необычною данью
Царь отправил в Иран! И когда, по преданью,

Караван, для присмотра врученный гонцу,
Тот в столице Ирана привел ко дворцу, —

Был смущен властный Дарий неслыханным даром.
И внезапная зависть прожгла его жаром

И на разум смятенный простерла права.
Он забыл благодарности должной слова.

И своим неуместным и злобным ответом
Дверь вражды растворил, не подумав об этом.

И посол повторил его грубую речь
Искендеру, чтоб Славного предостеречь.

Оскорблен был Великий, но даже и вида
Он не подал, — укрыта была им обида.

Сознавал он свой сан; он победой блистал.
Он к злокозненным злобы в душе не питал.

И летела молва в мир, исполненный шума,
О победе над зинджами славного Рума.

И спешили послы в прославляемый Рум
Изъявить свою радость властителю дум.

И никто о румийцах не молвил с упреком, —
Им была беззаботность ниспослана роком.

Рок, по воле своей слабым счастьем поя,
Змея страшного вмиг обратит в муравья.

Жернов мельницы кружится. Мельник проворно
От людей принимает за зернами зерна.

ИСКЕНДЕР ОБДУМЫВАЕТ, КАКОЙ СИЛОЙ ОБЛАДАЕТ ДАРИЙ, И ПОЛУЧАЕТ ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОБЕДЫ

Дай мне, кравчий, вина, — мне с вином веселей!
Исцеляют вином всех недужных мужей.

Я вином опьянюсь, позабыв о кручине:
Блещет солнечный свет в его ярком рубине.

□ □ □

Люди ищут; желания свойственны им.
Этот — к морю, тот — к жемчугу страстью томим.

Но не вижу людей, хоть не стал я незрячим,
Устремленных к учителю сердцем горячим.

И вот я, соловей, тем прохожим не рад,
Что в словах назиданья не ищут отрад.

Этой песни своей утешаемый ладом,
Не стремлюсь я к морям, к их неверным усладам.

И когда я, на миг сад покинувши свой,
Поднимаю в руке апельсин огневой, —

Ни хмельных и ни жаждущих трезвых, которым
Мог бы дать этот плод, не найду своим взором.

И тогда под охрану тенистых оград
Возвращаюсь я снова в свой радостный сад. —

И, предавшись его благодатным отрадам,
Услаждаю свой разум живительным садом.

□ □ □

Вняв мобедам древнейшим, повел свой рассказ
Мастер слов, за алмазом гранящий алмаз.

Черных зинджей сломивший, достигнувший цели,
Отдыхал Искендер, и царя лицезрели

То вкушавшим отраду спокойного сна,
То с веселою чашей хмельного вина.

В день веселый Новруза, склонившийся к чаше,
Он поющим внимал, и звучали все краше

Звуки песен, — и сладких напитков ключи
Кравчий лил в его чашу в отрадной ночи.

Достигать всех желаний — единственным делом
Это стало царя с его светлым уделом.

И вонтель, пред кем преклонялись цари,
Пировал безмятежно до самой зари.

И среди мудрецов, с ним пирующих рядом,
Он весь мир озирает справедливости взглядом.

И беседу вели, струнный слушая звон,
Аристотель — над кубком, над чашей — Платон.

И ласкавшую слух красотой размера,
Пел певец свою песнь про царя Искендера:

«О защитник и царь, все печали забудь!
Будь венчанным всегда! Вечно радостным будь!»

Пей за счастье свое только чистые вина,
Для чего то вино, где воды половина?

Время дней молодых для услады дано.
Словно пурпур, горит огневое вино.

Если юность дана, — все исполнено блага.
С нею вечно дружна виноградная влага.

Если выполнил все твой сверкающий меч, —
Должен сердце свое ты к уладам привлечь.

Под защиту свою взять весь мир тебе надо.
Людам в каждом краю в этом будет отрада.

Тронул черных, о царь! Ты и белых затронь!
Для стремлений твоих пегий надобен конь.

Весь наш мир ты займи, — он тебе предназначен.
Стяг всей власти возьми, — он тебе предназначен».

И от дани врагов и даров египтян
Искендер ликованием был обуян.

Он подумал: всех недругов, поздно иль рано,
Он повергнет и дани возьмет с Хорасана.

В Руме, в Сирии, полный играющих сил,
Он бы всех своей дланью легко поразил.

Чтобы Дарий на дань уже не был в надежде,
Все просил он обратно, что дал ему прежде.

Юной силою полон был царь Искендер.
За кишвером решил покорить он кишвер.

Не унижит он впредь ему данного сана!
Препоясался царь на свержение Ирана.

Если дерево слишком возносит главу,
Рядом с ним все деревья теряют листву.

Как-то раз на охоте у горных подножий
Ехал царь; был он весел, а день был пригожий.

И, покинувши степи, преследуя дичь,
Поднялся он на взгорье, чтоб цели достичь.

Так сияя, как солнце, в величьи веселом,
Он скакал по горам и по низменным долам.

И когда он поднялся на выступы скал
И меж дичи обильной, стреляя, скакал, —

На скале, он заметил, дрались куропатки.
Никогда он не видывал яростней схватки!

Эта — клювом бьет в лоб, та — неистово, зло
Рвет когтистою лапою вражье крыло.

К ним пригнавши коня, на обрыве высоком
Их разглядывал царь своим пристальным оком.

Так дрались куропатки, сраженьем горя,
Что спугнуть не смогло их движенье царя.

«Что вселяло в них ярость?» — подумал Великий,
В удивленьи большом бой увидевши дикий.

Выбрав птицу, ей дав свое имя, судьбу
Он свою вопрошал. Он смотрел на борьбу.

Про другую из птиц тихо вымолвив: «Дарий», —
Думал царь о борьбе и о каждом ударе.

Долго птицы дрались. Та и эта — смела,
Но победа одной все же близкой была.

Победила, конец положившая бою,
Та, которую царь счел своею судьбою.

И, увидев свой рок в этом лютом бою,
Счел он верной грядущую славу свою.

Горделиво встряхнувшись, расправила крылья
Победившая птица, взлетев без усилья.

Но не знала она о могучем орле.
Он ей шею свернул. Он стерег на скале.

Что ж! Душа Искендера не стала угрюма:
Вмиг печаль отогнал царь великого Рума.

Дух и тело — ничто! Что их скорби и гнет?
Столь отраден царю был победный полет!

Поведе́т его рок по счастли́вому следу́!
Дарий́ будет сражен! Царь предвидел победу,

Хоть и ведал, что счастья победного дни
Ненадолго блеснут: ненадежны они.

Прорубили меж скал этих некогда люди
Арку дивную; всюду твердили о чуде, —

От нее, что вздымалась в заоблачный свет,
Получал вопрошающий громкий ответ:

Гулким голосом скал, схожим с гулом потока,
Открывалось ему предвещание рока.

И велел Искендер, чтоб ученый сыскал
Все грядущее в вещем звучании скал,

Чтобы стал ему срок схваток яростных ведом,
Чтоб узнал — приведут ли сраженья к победам.

И спросил у гудящего свода мудрец
О войне и каков ее будет конец:

Не на горе ли царь предан ярому пылу,
Он могучего Дария сломит ли силу?

«Сломит силу!», — послышалось. Этот ответ
Заключал предвещанье и должный совет.

И царю этот край, эти вешние горы
Стали твердой и мощною точкой опоры.

И погна́л он коня от равнин и от скал, —
В край веселый пиров в тот же день прискакал.

И созвал он совет. Кипарисом красивым
Он казался и ликом сиял он счастливым.

И повел свою речь о содеянном им
И что он, ратоборствуя, непобедим:

«Если я, в своей силе прекраснее бури,
Свой приподнял венец до небесной лазури,

Для чего мне платить вымогателям дань?
Для чего унижаться? Всему ведь есть грань!

Что мне Дарий! И в чем для победы препона!
Славный трон мой не хуже иранского трона.

Он в венце? Ну так что же! А я вот — с мечом,
Если есть у нас меч, и венец мы возьмем!

На меня пусть он бросит огромные рати!
Пусть! Защита — в дарованной мне благодати.

Надо мною небес распростерлась рука,
Путь мой праведен, единодушны войска.

Те войска, что я шлю на моря и на сушу,
Представляют собой неделимую душу.

Расколется скале, если трещина есть.
От раскола в войсках гибнет ратная честь.

На судьбу уповаю. Что ждал я дотоле?
Поднимусь и воссяду на вражьем престоле.

Мне ли данником Дария следует быть?
То, что подать мы слали, пора позабыть.

О мужи хитроумные, молвите слово!
Нет ли в помысле этом чего-либо злого?

Вы для распри с Ираном найдите предлог,
Все откройте мне, чтобы все взвесить я смог».

Те, что видят великих деяний исходы,
Стали славить царя благотворные годы:

«До поры, пока в звездах течет небосвод
И судьбу предвещает их медленный ход,

Да блестишь меж созвездий ты вечною славой, —
Словно месяц, являя свой лик величавый!

Проницателен ты, ты прозрением силен
И небесною благостью ты осенен!

Будь повсюду, где б ни был, единым владыкой
И чего б ни искал, — будь с добычей великой!

О исполненный знанья! О мудрости свет!
Нам судьбой указывается должный ответ.

Вот решение. И всем оно кажется верным,
Но не действуй, о царь, в нетерпении безмерном.

Выжидай, — и едва только выступит враг,
Быстрым сдержишь мечом его дерзостный шаг.

Вскинешь меч, и твой враг — ты ведь небу
дороже —

Потеряет свой меч, да и голову тоже.

Если к мощному льву устремится олень, —
Жертву примет земля в этот яростный день.

Дарий мощен в пирах. Выйдя к жаркому бою,
Он поток своей крови прольет пред тобою.

Больше войска, чем он, ты сумеешь собрать.
Ты возьмешь с него дань, коль сильнее твоя рать».

Ты спешишь в доли зинджей, к пустыне их дальней.
Он спешит в тесноту знойной, сладостной спальни.

Ты — в заботах о вере, он — сеет обман.
Ты — крылатый архангел, а он — Ариман.

Ты — с мечом, он — с вином. Вас равнять мог бы
кто же?

Ты — врагов подавляя, он — продавливал ложе.

Ты — для славы весы, а для золота — он.
Справедлив ты и благ, жестче молота он.

Ты — не дремлешь, о царь, он — простерт без
сознания.

Ты — рождаешь добро, он — рождает страданья.

Знаем все о войсках его, о городах.
Нет к нему тяготения в добрых сердцах.

Он добьется своим притеснением ярым:
Встанет мрак над его отшумевшим базаром.

А за ласки твои, за твой праведный суд
Все до неба седьмого тебя вознесут.

Для чего же в борьбе изнуряться напрасной?
Ложь сама погибает от правды прекрасной.

Твое счастье с тобою. Светло впереди.
На престоле своем безмятежно сиди.

Ты к корыстным делам проявляй безучастье.
Нет победы в деньгах, не в имуществе счастье.

Только смелый царит, прославляясь навек.
Все иное — ничто, и ничто — человек.

Ведь не каждый возвысится. Помнить мы будем
Только тех, что для блага являются к людям.

Грозный лев потому стал подобьем царей,
Что добычей своей наделяет зверей.

Что тебе города и вершины и степи,
Если, мир обрета, ты замкнешь его в цепи?

Завоеванный мир можешь благом назвать,
Если занял весь мир, чтоб его раздавать.

Благородный повсюду находит помощь.
Не уходит никто за ничтожным в дорогу.

И тому, у кого есть сырая квашня,
Хлеб готовый дадут до ближайшего дня.

Мы с тобой в нашем царстве величьем владеем.
У врага — только клад, охраняемый змеем.

Он — что гром, ну а ты — грозных молний полет.
Он — хранитель казны, ты — источник щедрот.

Твой отец был, что лев. Хоть исполнен был чести,
Но не спешно за меч он хватался для мести.

Ловчий львов! Ничего ты врагу не спускал,
Извлекаемая мечом кровь из каменных скал.

И когда сотни зинджей, подняв свои дроты,
На тебя, словно дивы, стремили полеты, —

Пред тобою, как твой изобильный улов,
Что метнули они? Только сотни голов!

Если ты встал горой перед черным потоком,
Ты посмотришь на капли презрительным оком.

Крокодилу, сломившему злого слона,
Не для трудных сражений козуля дана.

Ведь онагры бегут, тигров тронуть не смея,
Не пойдет муравей на могучего змея.

И орлу, на ягнят устремившему взгляд,
Лишь пустая забава — налет на цыплят.

Порожденные прахом пред избранным шахом
Повелением неба становятся прахом.

Ты — носитель всевластья, и кажется нам:
Недруг — рана земли, ты — целебный бальзам.

Так о славе твоей свод промолвил всезвездный,
Что твой враг не избегнет назначенной бездны.

Так он ясно сказал, что в грядущей борьбе
Одоленья венец предназначен тебе.

И когда в свой чертеж ты взглядишься, всеславный,
То большую победу увидишь ты явной.

В дни, когда Пеленгер, черных зинджей глава,
Обладал еще силою черного льва,

Мы исчислили все надлежащие числа
И узнали: над ним злая гибель нависла.

Если то исчисленье нам все предрекло,
То и ныне добро мы предвидим и зло».

Вняв благим пожеланьям и слову совета,
Царь готовится стал к покорению света.

И везде, где он брался за чашу иль меч,
Предвещала добро ему звездная речь.

Указаний счастливых ищи! Ведь готово
Послужить нам на благо счастливое слово.

Но о знаках недобрых не лучше ль молчать?
Пусть их все укрывает молчанья печать.

УЧЕННЫЕ ДЕЛАЮТ ДЛЯ ИСКЕНДЕРА ЗЕРКАЛО

Виночерпий, приди! Дух поникнувший мой
Ты пурпурным вином от печали омой.

Дай в саду моем травам сияньем единым
Заблестеть с этим сладким и ярким рубином!

□ □ □

Есть блаженные дни; чуть развеется мгла,
В твои мысли проникнут благие дела, —

Все, что ты создаешь, что упрочишь с отрадой,
В долгой жизни твоей тебе станет наградой.

От неясных предчувствий поднявши чело,
Зришь по звездам: грядущее будет светло.

И во мраке заблещет нам радостный случай:
Светлый дождь посылается сумрачной тучей.

Двери помощи, друг, пред собой не закрой,
И тоска и печаль нам полезны порой.

Наши тяжкие вздохи — источник надежды,
Им внимают господь, к нам склоняющийся вежды.

Так не змурь свои брови в предчувствии бед,
Посмотрись лучше в зеркало славных побед.

□ □ □

Блеск румийской парчи возврата воспринятью,
Так рассказчик начало скрепляет печатью:

В дни, как смог Искендер всех к румийцам привлечь,
Миру зеркалом стал его царственный меч.

Чтоб земля, как невеста, надела уборы,
На свой образ бросать ей ведь надобно взоры.

До царя Искендера не знали зеркал,
Но указ его царский к ним путь изыскал.

Серебро вместе с золотом сплавляли. Сплаву
Дали блеск. Налощили поверхность на славу,

Но хоть сплав и сиял золотистым огнем,
Отражения чистого не было в нем.

Мастера много разного брали металла,
И негодный металл их рука отметала.

Но железо, им всем с отраженьем представ,
Доказало, что в нем есть им нужный состав.

И ковач, помышляя о зеркале плоском,
Создал гладь, отражавшую мир своим лоском.

И тогда взял художник сверкающий лист
И увидел, что мир в нем и ясен и чист.

Но нашли очерк зеркала все же не сразу.
В нем неверным сперва все мерещилось глазу.

В узком зеркале — узкий увидели лик.
А в широком — широкий пред взором возник.

И четыре угла не годились. И странным
И неточным был мир на листе шестигранном.

И для зеркала круглое было дано
Очертанье. Таким и осталось оно:

Как бы круглое зеркало длань ни вздымала,
Отражение в нем не менялось нимало.

Так железо, блистающим водам под стать,
Царь принудил в созданыи своем заблестать.

Если смотришься в зеркало, — значит, примера
Все еще не забыл ты царя Искендера.

В день, когда в круглом зеркале грубый состав
Стал сиять и железо смягчило свой нрав, —

Первым царь поглядел на поверхность благую.
Изумила одна драгоценность — другую.

И лица своего увидавши овал,
Краю зеркала царь поцелуй даровал.

И невесты с тех пор — есть на то указанья —
Перед свадьбою зеркалу дарят лобзанья.

ДАРИЙ ТРЕБУЕТ ОТ ИСКЕНДЕРА ДАНЬ. ОТВЕТ ИСКЕНДЕРА

Кравчий! Чашу, как яркое зеркало, дай!
Ее место в руке! Как блестит ее край!

Выпью чашу, — и стану властней Кей-Хосрова!
И увижу весь мир, если выпью я снова.

□ □ □

Поспеш! От неправды ладони омой!
Будь правдив, чтоб указ этот выполнить мой!

Для чего у земли твоя служба радива?
Это — гулей дорога, пристанище дива.

Мир отнимет, что дал мне за много годин,
Он давал — по глоткам, а отнимет — кувшины.

Так вода дождевая сберется, и вскоре
Обратится в поток, убегающий в море.

Так пойдем, будем веселы, друг мой! Зачем
За дирхемом беречь каждый новый дирхем?

Смерть предстанет в пути... с ней не сыщется слада,
Что ж не сыпать нам золото нашего клада!

Ведь Карун, все сокровища мира собрав,
Все же скрылся в земле под покровами трав.

В сад Шеддада внесли кирпичи золотые,
Но пресек смертный час его грезы пустые.

Нет деревьев на свете, которых вовек
Топором не ударит седой дровосек.

□ □ □

Описавший престол и венцы и уборы,
Начал так: славный царь, все прельщающий взоры,

В некий день, полный неги, среди опахал
От превратностей рока в тиши отдыхал.

То с пустой был он чашей, то, лалом играя,
Наполнялась та чаша до самого края.

Был он мудрости друг. Был он знанью сродни.
Мудрецы были с ним. Не хмелели они.

И, внимая звучанью различного лада,
Разрешать все вопросы была их услада.

Искендеру, сидевшему с чашей вина,
Толковал звездочет всех светил письмена.

И сверкали все чаши, как в молнийном блеске.
В винах сладость была, и веселье — в их плеске.

У внимающих струнам кружились умы
И от песен полны были сладостной тьмы.

Слезы чаш воскрешали печали, и стоны
Был исполнен сладчайший напев органа.

О смычки! От их сладких ударов смогло
Переполниться влагой сухое русло.

И в чертоге, который от края до края
Был в цветах, словно сад благодатного рая,

Искендер-повелитель, хранимый судьбой,
Возвышался, как месяц в ночи голубой.

Появился гонец, послан Дарием. Словом
Он владел, был он знатен, казался готовым

На почтительность. Выполнив рабский поклон,
Восхвалил Искендера и Дария он.

И румийца прославив и блеск его сана,
Начал он излагать пожеланья Ирана.

«Дарий шлет свой привет, он промолвил, и царь»
Просит дани, ему посланшейся встарь.

Почему ожерелья, венцы и камни
К нам отправить опять не дал тех повеленья?

Или немощь увидел ты в наших делах,
Что оставил тебя твой почтительный страх?

Ты к былому вернись. Наш указ тебе ведом.
Приведет тебя спесь к неожиданным бедам».

Запылал Искондер... И, внезапно и яр,
Пламень сердца словам дал неистовый жар.

Так царя Искендера нахмурились брови,
Что посланец запнулся на прерванном слове, —

И, увидев такой непредвиденный гнев,
Он с трепещущим сердцем стоял, побледнев.

Лютым жаром охвачен был царь, и досаду
Изливая, рассудка забыл он преграду.

Много слов он сказал, устранивших гонца, —
Как порой говорит обладатель венца.

У кого есть решенья благая основа, —
Тот, забывшись, не скажет излишнего слова.

Если можешь ты в ярости сдерживать речь, —
От врагов ты сумеешь себя уберечь.

Хоть бы в речь свою вплеп ты слова величья,
Все же речь твоя будет опасней молчанья.

Ведь «язык твой из мяса, — я слышал слова, —
Из железа — клинок». Поговорка права.

Коль не прячешь ты гнева, горящего в жилах,
То себя самого охранять ты не в силах.

Некий муж, что от Кея вел славный свой род,
Описал всех событий стремительный ход:

В дни, когда драгоценности, шлемы, престолы
Посылались из Рума в иранские доли,

Золотое яйцо, это ведал посол,
Меж даров жадный Дарий однажды нашел.

И ковер, шитый золотом, послан был тоже, —
Тот ковер, что казался всех кладов дороже.

И лишь поднял гонец слов настойчивых меч
И о дани былой вновь повел свою речь,

Закричал повелитель всех смертных созданий:
«У всеславного льва ты потребовал дани!

Все иначе пошло! Дней не стало былых!
Нет уж более в гнездах яиц золотых!

И ковры эти древние свернуты роком!
Не мечтай, что бывшее вернешь ненароком!

Не всегда из горы добывают рубин,
Мир — то в мире, то — в громе военных годин.

Далить заносчивой речи тебе не пристало!
Иль желаешь, чтоб снова железо блистало?

Счастлив будь, что мечом я железным твой трон
И не тронул, — что все еще держится он!

Если, выйдя на зинджей поспешным походом,
Не подверг твое царство я бранным невзгодам, —

Ты, довольно сокровищ приняв от меня,
Должен дать мне покой! Или с этого дня

Буду мыслить о схватке вседневно, всечасно.
Не влечи меня к этому. Это опасно.

Я отрину любовь! Узришь ты, побледнев,
Мою грозную власть, мой играющий гнев!

Иль забыто тобою, безумным владыкой,
Что за головы снес я в пустыне великой,

И в какие пределы водил я войска,
И каких силачей бьет вот эта рука?

Тот, кто слал тебе в дар и венцы и каменья,
Не пошлет тебе дани, как знак униженья.

Меч египетский мой ты увидишь, — не дань!
Ты о золоте, царь, говорить перестань.

В неоглядную даль я простер свои длани,
Только равный с меня мог бы требовать дани!

Грозной смуты не сей, своей спеси не дли, —
Или станешь бедой для иранской земли.

Тебе мир и покой и достаток подарен, —
Так не будь за блага эти неблагодарен.

Сохрани свой Иран, пожалей свои дни,
Мысли праздные быстрым пером зачеркни.

Ты за дланью послал, — труд свершил ты
напрасный,
С властным ты говоришь, — будь почитителен,
властный».

Это выслушав слово, иранский посол
Позабыл пожеланье, с которым пришел.

В своем сердце почувствовав тяжкую рану,
Он сейчас же помчался к родному Ирану.

И когда у престола отчет был им дан,
Он увидел: высокий сгибается стан.

И гонца устрасила своим яростным криком
Грозный Дарий, вскипевший во гневе великом:

«Он мне равен! Он Дарию равен? О нет!
С его именем нету на свете монет».

Столько злости и жгло и терзало владыку,
Что желтело лицо у внимавшего крику.

Но со смехом внезапным царь вымолвил: «Вот,
Что решился творить голубой небосвод:

Дел, подобных сему, свет не видывал встаре.
Искендер захотел, чтоб унизился Дарий!

Искендер!.. Хоть бы Кафские встали хребты!
Кто взнесется, скажи, до моей высоты?

Хочет мошка с орлом состязаться! На горе!
Он — мельчайшая капля, я — мощное море!»

И немедля посла вновь отправивши в Рум,
Стал ответа он ждать, был он тих и угрюм.

Он и мяч и човган дал в дорогу вельможе,
Хмураясь, мерку кунжута послал он с ним тоже.

Тайну этого дара открыл он послу,
И зажгла злая радость очей его мглу.

И посол вновь помчался знакомой дорогой,
Чтоб исполнить, что следует, с точностью строгой.

Но когда пред румийским предстал он царем,
Весь он вспыхнул в смущеньи неожиданным огнем...

И, чело опустив, он склонился с поклоном
И простерся, как раб, перед блещущим троном.

И затем стал плести он словесную нить,
Чтоб сладчайшею речью слух царский пленить:

«Повелители мира дают повеленья,
Посылают послов лишь для их выполненья.

Что исполнить велишь, повелитель земли?
Все твой выполнит раб, распростертый в пыля...»

Но постиг Искендер: что-то скрыто за лестью.
И явился посол с неотрадною вестью.

Закричал он послу: «С чем ко мне ты пришел?»
И словесную нить вмиг распутал посол.

Привезенные вещи под пристальным взглядом
Он достал и с собой положил он их рядом.

Открывая подарок для царственных глаз,
Выполнять он стал Дария строгий наказ.

О човгане с мячом речь повел он сначала:
«Ты — дитя, а дитяти забава пристала.

Ну, а если ты все же затеешь войну, —
Лишь тревогу ты сыщешь, тревогу одну!»

И рассыпав кунжут, он промолвил проворно:
«Чтоб войска мои честь, — сосчитай эти зерна».

Но увенчанный славой властитель царей
Разгадал предвещанье победы своей.

«Так, — промолвил он, — притча могла бы
начаться:
Ловит ловкий човган то, что может умчаться.

Может статься, затем он послал мне човган,
Чтобы я у него взял човганом Иран.

Мне дарованный мяч не сочту за обиду, —
Скажет каждый мудрец: схож с землей он по виду.

Если в руки земной мне вручается шар,
Значит первенство в мире мне послано в дар».

Так он понял значение игры, — потому-то
Стало ясно ему и значение кунжута.

Он сказал, разбросать повелевши кунжут:
«Пусть ко мне во дворец тотчас птиц принесут».

И хоть всюду кунжутом был пол разворон,
Во мгновение не стало разбросанных зерен.

Царь сказал: «Это знаменье мне не во зло,
Из кунжута, как масло, оно истекло.

Коль войска твои — этот кунжут, вереницы
Моих войск исключают их, как эти вот птицы».

Дал он мерку зерна мелкой руты тому,
Кто доставил кунжут, и промолвил ему:

«Если множество войска у Дария, — ведай,
Сколько войск я сберу, чтоб вернуться с победой».

И посол, увидав, что сгущается мгла,
Вмиг навьючил поклажу свою на осла.

Вновь опасность над ним свою руку простерла:
Стала речь его ядом, сжимающим горло.

Тяжко Дарий смущен был ответом: гласил
Он о мощном обилии вражеских сил.

И поддержки иранцев потребовал Дарий,
Чтоб всю мощь проявить в своем крепком ударе.

И от Гура, Китая, Хорезма, Газны
Стали конницы железных подковы слышны.

Крепче Кафской горы взял он рати: могли бы
Мять железо они, скал раскалывать глыбы.

Пожелавшие войско прикинуть на счет,
Увидали, что войско течет и течет.

Лишь одних легкоконных, идущих отрядом,
Девятьсот было тысяч. Под сумрачным взглядом

Полновластного Дария, — словно волна
За волною текла; вся бурлила страна.

Шел он в Рум. Шел по странам путем он суровым,
Оставляя развалины, годные совам.

Мча в Армению тьмы войсковых своих сил,
Ноги ветру он взвихренным прахом скрутил.

За страну страну проходил он, и вскоре
Вся земля затряслась, все запенилось море.

Злак полег перетоптанный: стал он таков
От подбитых шипами железных подков.

Хоть стремленье владык благотворно, но все же
Не оно ли порой с разорением схоже?

ИСКЕНДЕР ГОТОВИТ ВОЙСКО ДЛЯ ВОЙНЫ С ДАРИЕМ

Кравчий, дух мой взнеси! Животворно вино!
Оживлюсь, если выпито будет оно,

А поглотит меня его пламя живое, —
Плоть недужную примет вино огневое.

□ □ □

Нам дороже всего нужных сведений свет.
В мире трудно ступать, если знания нет.

Тот высокого в мире достигнет удела,
Кто разумно взирает на каждое дело,

Кто с расчетом свои измеряет пути
И умеет поклажу от вора спасти.

Он того не отбросит от клади дорожной,
Что послужит в скитаниях службой надежной.

Полустертую шкуру, — и ту сохрани:
Ведь она пригодится в холодные дни.

В ледниках некий смертный сомкнул свои вежды,
Ибо теплой с собою не взял он одежды.

□ □ □

Говоривший о шахе, исполненном сил,
Так ответил тому, кто его спросил:

Лишь в Армению ввел войско страшное Дарий.
Судный день наступил; все дымилось в пожаре.

Но не знал Искендер, что армяне в плену
И что полчища Дарий повел на войну.

Толпы скорбных росли, все стонали от горя
И вопили: «Иранцы у самого моря!»

Каждый путь, каждый горный грохочущий скат
Почернел от пришельцев, одетых в булат.

«Близок враг, — Искендеру сказал соглядатай, —
Но в пути опьянен он добычей богатой.

Если б варь захотел, то набегом ночным
Он сумел бы мгновенно разделаться с ним».

Царь ответил. Его изречение гласило:
«Побеждает не тайно дневное светило.

Воровского пути не должно быть следа,
Если царственный вождь натянул повода».

И лазутчик второй так промолвил: «По странам
Столько ратей собрал тот, кто правит Ираном,

Что недаром знакомые с делом войны,
Сосчитать их желая, весьма смущены».

И реченье владыки опять прозвучало:
«Тот же нож ста быков не кромсает ли сало?»

И когда лютый волк разъярится вконец,
Не один ли он ринется в стадо овец?»

Смелым словом он вновь утвердил свою славу,
И ответ его войску пришелся по нраву.

Царь внимал возраставшим тревогам. Дракон
На румийской земле. К Руму движется он.

И когда сумрак тучи наполнился громом
И мечи в нем сверкнули сверканьем знакомым, —

Царь к дворцовым вратам созывать повелел
Всех владевших мечом, всех носителей стрел.

Из Египта, Руси и от франкской границы
Вслед румийцам отрядов текли вереницы.

И когда для их счета уж не было мер,
О храбрейших узнать пожелал Искендер.

Их шестьсот было тысяч, — мечтавших о бое
В одиночку и знавших оружие любое.

И когда общий сбор завершили сполна,
Царь собрание созвал без певцов и вина.

Собрались мудрецы из придворных и знати,
Чтоб на воск воспринять знаки царской печати.

И о Дарии речь и о деле войны
Начал дивный воитель среди тишины.

«Мощный царь, — он сказал, — столь достойный
служенья,
Сжал в руке своей меч и возжаждал сраженья.

Что нам должно свершить? Примириться ли с ним
Иль сразиться? Ведь мы перед схваткой стоим.

Если смело свой меч мы не вынем из ножен,
Тотчас будет конец нашей славе положен.

Если ж я с венценосного скину венец,
Может быть, правосудью настанет конец.

Как из царства мне гнать порождение Кеев?
Мне ль желать, чтоб свершилось падение Кеев?

За такую заносчивость ждать я могу,
Что судьбою победа вручится врагу.

В чем решение? Какою ступая дорогой,
Мы не будем судьбою наказаны строгой?

Вы, на мудрость простершие ваши права,
Дайте нужный ответ мне на эти слова».

Те, чье знание весь мир было взвесить готово,
Со вниманьем прослушали царское слово,

И когда для ответа настала пора,
Властелину земли пожелаали добра:

«Да цветет это царское древо, чья сила
Велика и о мощи своей возгласила!

Пусть держава твоя будет вечно жива,
Пусть врага твоего упадет голова!

Все слова твои — свет. Весь исполнен ты света, —
Для чего тебе светоч людского совета?

Но коль нам на совет повелел ты прийти,
Мы пришли. Ослушанье у нас не в чести.

Вот что в мысли приходит носителям знания
И мужам хитроумным, достойным признанья:

Если ненависть жжет злое сердце врага
И ему только гибель твоя дорога,

Злость и ты разожги! К неизменным удачам
На коне нашей злости мы яростно скачем.

Юный ты кипарис, ива старая — он.
Кипарис ведь не может быть с ивой сравнен!

Сад зарос, и садовнику ведь не впервые
Подрубить в старых зарослях ветви кривые.

В шелк прекрасного царства, как блещущий день,
Мир — благую невесту — о светлый, одень!

Враг — насильник. Низвергнуть насильника
злого, —
Нет у подданных Дария в сердце иного!

Что страшиться врага, если враг твой таков,
Что и в доме своем он имеет врагов!

Зачеркни ты каламом правление злое,
Чтоб народ позабыл все насилье былое.

Коль пресытилось царство врагом твоим, — в бой
Выходи, и да будет он сброшен тобой!

Печь готова, сажай в нее противни с хлебом.
Мчать коня на врага тебе велено небом.

Мы к столам твоим мысли сложили. Меж нас
Несогласия нет. Наш ты выслушал глас.

Кто к желанью царя здесь не сделал бы шага?
В чьем бы сердце сыскалась такая отвага?»

Но сказали мужи, все решив меж собой,
Что владыке нельзя первым ринуться в бой.

Должно вызова ждать уваженья имея
К достославному трону великого Кея.

И тогда, руководствуясь мудростью слов
Многодумных наставников и мудрецов,

Царь, в согласии с ними свой замысел строя,
Порешил выйти с войском, готовясь для боя.

В некий день, от крутящихся в небе времен
Получив предвещанье счастливое, он,

Под знаменами встав, своим царским указом
Повелед всем войскам своим выступить разом.

И воссел на коня всеми славимый шах,
Неизменной победой владевший в боях.

Этот лев был с мечом... не с ключом ли, которым
Он весь мир отмыкал своим натиском скорым?

Все войска были — пчелы с их множеством жал.
Столько пчел все же в ульях никто не держал.

Создавая свой знак, чтоб явить свое пламя,
Вспомнил он Феридуна победное знамя.

И когда звездный ход открывается нам,
В час, когда небосвод ласков к верным сынам,

Выше Кеева стяга, прельщавшие око,
Волны синей парчи укрепил он высоко.

Пятьдесят было в древке аришей; оно
Из сосны было струганой сотворено.

И дракон был на стяге сапфировом вышит,
И казалось взиравшим: он пламенем пышет.

Выше — черные кисти, как грозную тьму,
Опускали по древку свою бахромю.

За фарсанги могли видеть все без усилья:
Черный реет орел, вскинув яркие крылья.

Вел войска полыхавший в отваге дракон.
Пред войсками вадымался на стяге дракон.

Клубы пыли сей смуты весь мир затемнили.
Что принудило к распре? Лишь пригоршня пыли!

Но на землю — на серую кошку — права
Не возьмешь ни по-волчьи, ни с храбростью льва.

Мир — неверная снедь: есть в ней сладость,
но рядом
Вкусишь печени горечь, столь схожую с ядом.

Свод простерт над землей, нам погибель суля.
Небосвод — чаша с кровью, а с прахом — земля.

Гибель шлют они всем, тело смертное руша,
Ведь на них запеклась даже кровь Сиавуша.

Коль земля все, что скрыла, явила бы вновь, —
Все просторы земли затопила бы кровь.

Ты — беспомощен; области смертные — строги:
В их предел для помощника чету дороги.

Но коль помощь не внидет в сей замкнутый край,
Что напрасно звать? Примиришь. Не зывай.

Сделай угол свой крепостью. Помощь другая
Лишь в молчаньи. Молчи, сам себе помогая.

ДАРИЙ ОБСУЖДАЕТ СО СВОИМИ ВЕЛЬМОЖАМИ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ИСКЕНДЕРА

Виночерпий, сожги своим ярким огнем
Гнет сомнений, царящий в рассудке моем.

Хочет сердце мое быть светильником пира,
Ибо вспыхнул мой разум для шумного мира.

□ □ □

Лишь в одной справедливости — свет мудреца,
А защита его — в снисхожденьи творца.

Если этот удел не считаешь ты славным,
Не сочтут тебя мудрые с мудрыми равным.

Разум — добрый сосед, но беда, если тут,
За углом безрассудные чувства живут.

Если дом безрассудства ты выбрал жилищем,
То в словах твоих разума мы не отыщем.

Сделал светлым свой дом на житейском пути
Приказавший страстям от себя отойти.

Если сбросишь ты с плеч ношу тягостной страсти, —
Перестанешь стонать ты от этой напасти.

Море гордо богатствами собственных вод.
Из того, чем владеешь, — имей свой доход.

На свой счет проведи все земные кочевья.
Порождают листву не свою ли деревья?

Пусть всегда шелкопряд ест один только тут,
А не то шелкопряда негодным сочтут.

□ □ □

А теперь некий старец, внимавший мобеде,
О минувших делах продолжает беседу:

В дни, когда румский царь, зачиная войну,
Поднял меч и собрал для похода казну,

Тотчас быстрая весть побежала по странам:
Вышел румский дракон, возмущенный Ираном.

Все готово для боя, и схватка близка,
И на Дария смело ведет он войска.

Эта весть, будто праздник, сияла повсюду.
Ненавистен был Дарий подвластному люду.

От насилий владыки иранской странн
Были страны окрестные разорены.

Не хотели служить они Дарию. Вера
В них зажглась, что настала пора Искендера.

Словно море, вскипел грозный Дарий: смог
Переплыть через море врагов корабли.

Он собрал на совет, окружаемый таймой,
Тех, чья светлая мудрость являлась бескрайной.

И затем спросил, скрытым жаром дыша,
Он у тех, чья была незлобива душа, —

Как румийца сразить? Нет ли хитрого хода,
Чтоб верней преградить злобный путь небосвода?

На какую возможность прольет ему свет
И какие деянья укажет совет?

Искендеру позор поражений неведом...
Чуял Дарий, что шел к непредвиденным бедам.

Но молчали мужи. Не смогла его речь
К его темному сердцу их души привлечь.

Видел каждый, что жара в нем было немало,
Что пыланье его всех порой обжигало,

Что в заносчивой спеси советам ничьим
Не внимал он вовек. Все немели пред ним.

Был из рода Зенге (что был сын Шавурана)
Некий воин прославленный, гордость Ирана.

Он звался Ферибурз: в этом имени честь
Ратоборца и знаменье мужества есть.

Он для воинской клятвы предстал на совете;
Ведал многое; многое видел на свете.

И совет он прославил, прославив царя:
«Да царишь ты в совете, как светоч горя!»

Да цветешь ты вовек! Да иди небосводу
По высоким путям царской воле в угоду!

Я храню в своей памяти давнего след.
В миновавшие дни мне рассказывал дед:

«Ведай: было прочитано к смерти готовым,
В своей чаше волшебной царем Кей-Хосровом:

«Будет царство предельно взнесенным, но вот
Его славы созвездье сорвется с высот.

Выйдет некий румиец, и капища наши
Он повергнет в огонь — вот вещание чаши, —

И возглавит все земли иранские он,
И воссядет на кейский сверкающий трон.

Станет царство его всех нам ведомых шире,
Но он, мир победив, не останется в мире».

Да не быть Искендеру иранским царем!
Да не будет вещанье — вещаньем о нем!

Ты предай его имя забвенью навеки!
Загради ему пажити наши и реки!

Своему не позволяй ты померкнуть венду!
За богатство и жизни не жалко скупцу.

Что ж! Его ты обрадуй обманчивой вестью.
Чтоб вернулся он в Рум, ублажи его лестью.

Лучше добрый обман, чем губительный гнев.
Ты огонь заливай, сам себя одолев.

Не ссылайся на силы великие наши,
Все ты взвесь на весах. Все укажут их чаши.

От Ирана сумей его ярость отвлечь.
Пусть в крови не ржавеет сверкающий меч.

Побежденному льву в чем найдется защита?
Даже мул на него свои ставит копыта.

Слава добрая царство хранит, и она
Как незаблемый стяг возвышаться должна.

Дай о силе своей ему полное знание,
Чтоб оставил на равенство он притязанье.

Хоть на золоте взвешивать будем зерно, —
Все же золоту будет оно не равно.

Но случилось: в пустыне своей бездорожной
Мощный лев погибал от колючки ничтожной.

Если злой на тебя нападет скорпион,
То не будь своей силою ты ослеплен.

Вспомним мошки чуть видимой тонкое жало,
Что Немрода могучего к праху прижало.

Тот все в мире возьмет, кто, схвативши свой щит,
Даже в робком враге человека узрит.

Запируешь с голодным, — так будет не диво,
Что кусок самый жирный он выловит живо.

Хоть и сыну ты дашь поносить свой наряд,
Он износит его, — так у нас говорят.

Если сыну годна твоя станет одежда,
Ждать от сына любви, — не пустая ль надежда?

Кипарису не впрок — эти вспомни слова —
Если слишком в саду разрастется трава.

Мысли мудрых от всех отстранят огорчений,
Ты не свертывай, властный, листы изречений.

Если хочешь пролить на судьбу свою свет,
Ты припомни учителя каждый совет.

Слову мудрых внимай, поступай не иначе,
Чтобы ключ раздобыть к неизменной удаче».

И постигший всю правду в разумных словах,
Царь в душе своей тайный почувствовал страх.

Если б лев испугался ничтожной собаки,
То осёл надо львом посмеялся бы всякий.

Если рухнет испуганный мошкой орел,
Закричи: «Не вставай! Ты удел свой обрел!»

Если барс пред лисицей закорчился в страхе, —
Да сгорит его мозг! Да сгниет он во прахе!

Я — сильнее слона. Будешь зрелищем сыт:
Раздаваю его тяжестью конских копыт.

Что такое сей данник, покорный дотоле,
Предо мною, сидящим на древнем престоле?

Царский пояс — на мне. Трон мой блещет светло.
Диадима мое обвивает чело.

Кто ж промолвит, моею прельщаемый славой,
Что намерен владеть моей отчей державой?

Это Киев удел! Пусть возьмет себе в толк:
Не румийцам носить этот царственный шелк!

Я — прославленных отпрыск, потомок Бахмана!
Что мне этот боец из румийского стана!

Мой престол золотой! Нам послал его в дар
Весь железом сверкающий Исфендиар.

Если недруг обратной помчится дорогой,
То не будет застигнут он тучею строгой,

Если ж в море мое свою пустит ладью,
То к ногам моим голову сложит свою.

Я, как бурные волны, пошлю ему горе.
Смою с суши его, утоплю его в море.

Я из тучи его столько слез изолью,
Что не сможет затмить она землю мою.

Если раб забунтует, — не с просьбою жалкой
Обращайся к нему, а ударь его палкой.

Золотое седло для осла тяжело,
Для него деревянное лучше седло.

Эту дичь сам вознес я и сам же сумею
Взвить свой крепкий аркан и сдавить ее шею.

Ты с прогнувшим умом, говорливый старик,
Пред Хосроем сдержал бы свой дерзкий язык!

Не годится бросать свой аркан торопливо
На вершину горы, вознесенной на диво,

Освещать светлый день своим жалким огнем
И учить небеса править солнечным днем.

Торопливость большому равна недостатку.
Драгоценные камни кладут по порядку.

Коль тебе не по росту кафтан, то любой
Распознает, что был он украден тобой.

Говорит в тебе, старец, бессилье, не сила.
Видно, старость твой разум совсем погасила.

Кто согбен, тот, бессилье свое не тая,
Пусть берется за посох, не просит копыя.

От годов прожитых остывает рассудок.
И о многом былом забывает рассудок.

Что тому надлежит, чей кончается день?
Лишь молитвы слова, да могильная сень.

Дай воителям юным земные дороги.
По тропам волочи свои дряхлые ноги.

Не влезай на коня, ты уже не ездок.
Если сломаны стрелы, какой же в них прок?

Вонн должен быть молод. Ведь старец несмелый
Предпочтет договор, когда надобны стрелы.

Говори только вовремя, бойся беды.
Ведь гранатов лишь осенью зреют плоды.

Раньше времени — это себе ты б заметил —
Был прирезан запевший не вовремя петел.

Придержи свой язык! Что милей — назови, —
Осторожный язык или горло в крови?

Мне милей голова, обогрелая кровью,
Чем язык безголовый! Беда пустословью!

Много мыслей, что ввел ты в столь дерзкую речь,
Ты в иные слова должен был бы облечь.

Ведь порой разъясняющим слишком упорно
Говорят, что звучит их настойчивость вздорно.

Ты к тому, кто в венце, кто в сиянии весь,
Обращайся учтиво и речь свою взвесь».

И потупился старец, исполнен смущенья,
И за смелую речь попросил он прощенья.

Быть опасно с царями: суровы они,
И никто никогда им не будет сродни.

Если в гневе их лик заливаётся кровью,
Отстраняют они даже душу сыновью.

Царь подобен огню; ты его не затронь.
Издалёка спокойней смотреть на огонь.

Царь захочет внимать добрых слов благостыне,
Если он позабудет о царской гордыне.

Слать советы царям, о безумный протак,
Это значит зерном засеять солончак!

И когда, дав совет и жалея об этом,
Старец понял, что Дарий разгневан светом, —

Он прибегнул к лукавой словесной игре,
И сладчайше он стал говорить о царе:

«Ты носитель всех доблестей нашего века.
Для сравненья с тобой не найти человека.

Кто такой Искендер? Как он сможет напасть
На того, в чьей руке столь великая власть!

Свету неба венц твой сияньем ответит.
Благовестья звезда в твоём светочке светит.

Ты — гора. Он — кирпич. И мгновенно не ты ль,
Только камень метнув, обратишь его в пыль.

Неразумная тыква не может быть парой
С достигающей неба прекрасной чинарой.

Лишь от тяжести малой колодезных вод
Шейка тыквы согнется, — опустится плод.

Он — кичливая тыква, и вьет он канаты
Из негодной травы, и дождется расплаты:

С ненадежной веревкой плохая игра, —
Из колодца он вовсе не вынет ведра.

Разве может, о властный, хромая лисица
На могучего барса враждебно коситься?

Если солнце восходит, — все видят: поблек
Жалкий светоч, трепещущий, как мотылек.

Развяжи узел грозных бровей. Пусть на луке,
По краям, два узла будут в должной разлуке.

Управляй ты неспешно, — поспешность вредна.
Лишь неспешных решений желает страна.

Опалить свои пальцы, бесспорно, не диво,
Если светоч зажечь мы хотим торопливо.

Есть огонь; в печке — тесто, она — не пуста,
Велика ли дорога от хлеба до рта?

Терпеливость ломает железные звенья.
И никто не страдал из-за долготерпенья.

Быть игра неспешной, размерной должна.
Ведь не двигают сразу коня и слона.

Достаются удары напрасные сазу.
Кто извлечь должный звук научился бы сразу?

Я ведь знаю твой трон, вознесенный и встарь!
С кем тебя я сравню, о единственный царь!»

Так все ведавший муж расстила изреченья,
Лишь хвалу воздавать было их назначенье,

Но разгневан был Дарий. Хвалебная речь
Не смогла властелина от гнева отвлечь.

И пылая той злобой, что вечно готова
Сжечь значенье разумное каждого слова,

Из приказа позвал он писца, чтоб строку
За строкою он мускусом вел на шелку.

И писец, схожий с ветром стремительным самым,
Прилетел, чтоб сверкнуть своим ловким каламом.

Цвета яшмы калам он повел, — и взгляни, —
Не затмил ли он тотчас же славу Мани?

Внемя слову царя, он писал, — с райским садом
Схож был почерк писца, но слова были ядом.

И по шелку текла столь враждебная речь,
Что разила она, как сверкающий меч.

И печать наложили на эти узоры,
Что своей равномерностью нежили взоры.

И хосроев гонец по пескам и горам
Быстролетно помчался к румийским шатрам.

Свиток взял Искендер, и под царственным сводом
Вскрытый шелк был прочитан его письмоводом.

ПИСЬМО ДАРИЯ ИСКЕНДЕРУ С УГРОЗАМИ И УПРЕКАМИ

«Да прославим того, из чьих благостных рук
Обретают все люди познание наук,

Кто дарует нам хлеб, кто с душой нашей слитый
Нам является крепкой и вечной защитой,

Кто возжег всех светил огневой хоровод,
Кто из праха вознес человеческий род,

Кто всеведущ в свершениях круговращения,
Кто прощает все то, что достойно прощенья!

Каждый миг укрепляет он души людей,
Каждый миг нашей мысли твердит он: «Радей!»

Так одних принижает взирающий с неба,
Что в мешках у несчастных не сыщется хлеба,

А счастливым такой посылает он клад,
Что потоки сокровищ не знают преград.

Но не каждый несчастный — преступник,
Осчастливленный — труженик. Как ты не жаждай,
не каждый

Не постигнешь вовек — свод надоблачный нем —
И рождает создатель и губит — зачем?

Несудим всеблагой. Над царем и над нищим
Он царит. Власти лучшей нигде мы не сыщем.

Пусть господь осеняет того бытиё,
Кто на слабого льет милосердие свое.

Но к чему доброта? Душу слабых созданий
Не пронять добротой, как и яростью брани.

И когда нужно недругу шею сдавить,
Быть смиренным, не значит ли слабость явить?

Молвил лев, чье величие со чванством несхоже:
«Быть у подданных подданным нам непригоже».

Ты — глупец. В неразумьи своем огневом
Ты вступаешь в борьбу с многоопытным львом.

Кто готовит войска твои к страшному бою?
Мне подобных бойцов не ведешь ты с собою.

Ты хотел быть змеею, но ты — скорпион.
С кем затеял войну? Пред тобою — дракон.

Брось повадки змеи, или... или сумею
Обнажить я свой меч, уподобленный змею.

А когда бы пришлось тебе меч мой узреть, —
Ты бежать захотел бы иль вмиг умереть.

Я клянусь Зенд-Авестой и острым булатом,
Я клянусь вечным солнцем, в высоты подъятым,

Тем клянусь я, пред кем клонит стяг Ариман,
Я клянусь Заратуштрой, чей враг — Ариман, —

От румийцев твоих не останется следа!
Грозно пламя мое. Мне привычна победа.

Все железо собрал ты румийское, — но
В нашем горне, как воск, расплавится оно.

Все румийцы твои для тебя — не защита.
Втолчут в прах весь твой край моих конниц коныта.

Хоть харвары кольчуг соберешь ты, — мое
Не одно ли тебя ниспровергнет копье?

Иль тебе незнакомы иранские стрелы,
Что стремлению Дария ставишь пределы?

Где твоя голова? Ты кичишься пред тем,
Перед кем ты быть должен почтительно нем.

Вырви перья у стрел, позабудь их услугу,
В нежный шелк облекись, наземь сбросив кольчугу.

А поступишь по-своему — уши за то
Я тебе оборву! Ты поймешь: ты — ничто!

На беспечность мою не надейся: недаром
Ярый гнев мой пылает палящим пожаром.

Ты на спящего зайца недолго смотри,
Время действовать. Мысли свои собери.

Я могу, о дитя, быть с тобой несуровым
И к тебе подойти с примирительным словом,

Но «в колодезь ведь броситься лучше царю,
Чем унизиться». Слушай! Тебе говорю:

Уплати свою дань, все припомни бывшее
И смири в своем сердце стремление злое.

Волчью шубу не шей, если сам ты не волк.
Продавать вместе с нитками следует шелк.

Не пытайся вредить стародавнему роду.
Не храбрись. Не накличь на себя непогоду.

Если б двинулся слон, — как ютиться б смогло
На ноге у слона малой мошки крыло?

Будь доволен землей, что дала тебе богом,
Словно лев, не пойдешь ты по нашим дорогам.

Куропаткой ворона пошла, — и она
Позабыла ту поступь, что ей суждена.

Ангел небо раскрыл; так начнем совещанье, —
И созвездья нам явят свое предвещанье.

Диадима Хосроев на чьей голове
Заблестит? Все известно ночной синеве.

Для кого будет время печальным уроком?
Для кого будет счастье ниспослано роком?

Пыль вздымаешь ты ввысь, и уж мчитса гроза,
Этой пылью свои же засоришь глаза.

Я — глава, все цари — мои ноги и руки.
Бьешь ты темя свое! Ты с рассудком в разлуке!

Ты на мышцы свои бросил вражеский взор,
На свою же ступню свой заносишь топор.

Ты, юнец, возгордился, пугать меня смея,
И под острый мой меч твоя просится шея.

Непочтенье ко мне — ты сие разумеи —
Уж немало сломило гордившихся шей.

Вручена мне судьбой вся иранская слава, —
И Кауса венец и Джемшида держава.

Ты упорством в железо оденешь меня.
Я из тех, с чьею грудью сливалась броня.

Я не в шелке. Я — волк. И в дожде и при буре
Буду цел. Я ведь в волчьей выносливой шкуре.

Служит счастье тому, кто им был наделен, —
Покупать мы не можем венец или трон.

Мир покинут был некогда Исфендиаром, —
Воцарился Бахман. Смерти преданный чарам,

От живущих он также был должен отпасть.
Он ушел, и ко мне перешла его власть.

Кто в бою полон силою Исфендиара?
Кто, подобно Бахману, сражается яро?

Как удар у Бахмана, мой крепок удар.
Я — железный, как славимый Исфендиар.

Я — из рода всеславного. Миром владея,
Я царю. Кто прервет род великого Кея?

Измеряя меня, впал ты, видно, в обман.
Я протер свою длань, как великий Бахман.

Даровал мне всю власть славный род исполина, —
Так признай же венец своего властелина.

Я раскаянья жду — тебе время дано —
Не промедли, иль станет напрасным оно!

Ты не робок, но все ж не избежнешь напасти.
Встретив льва, не уйдешь от разверзнутой пасти.

Мягко речь поведи, не мечи в меня стрел.
Если я не вспыляю, то останешься цел.

Будешь груб, размету всю страну твою. **Внемяли:**
Будешь мягок, я дам тебе новые земли.

Я — гора. Я предстал у тебя на пути.
Хоть готовлюсь я долго в движение прийти.

Но коль тронусь, — начнется земли сотрясение.
Все сказал я. Запомни. Имей опасенье!»

И когда письмовод пред владыкой умолк,
Дочитав до конца этой грамоты шелк,

Искендер приказал отвечать и при этом
Так, чтоб было посланье достойным ответом.

И писец многомудрый повел свой каалам,
Вязь на лалы и жемчуг деля пополам.

Столь чарующим сердце блеснул он посланьем,
Что к руке его небо припало с лобзаньем,

И когда был узорам положен конец,
По приказу царя взял посланье гонец.

Чтец, для Дария вскрывший посланье, немало
Был прельщен: столько кладов по строчкам
сверкало.

Кто пригнал все слова, дав сиянье всему,
Как жемчужные зерна, — одно к одному?

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ИСКЕНДЕРА ДАРИЮ

«Начинаю письмо, славя имя того,
Кто растенья взрастил, кто источник всего,

Кто велел приподняться небесному зданию,
Кто глаза разомкнул и душе и сознанию,

Кто, весь мир сотворив, не нуждается в нем,
Кто снисходит, когда мы к нему воззовем,

Кто украсил наш край человеческим родом,
Кто обвел нашу землю лазоревым сводом,

Кто, как меч, вырвал реку из горных ножен,
Кто велел, чтобы в небе был месяц зажжен,

Кто царит и кому услуженья не надо,
Кто безмерен и кто не узнает распада,

Кто один и кто с видимым светом несхож,
С чьею истиной рядом все зримое — ложь!

На творца указывает все в мире цветущем,
Но творящий ни в чем не нуждается сущем.

Мы должны вещество нам известное взять,
Если некую вещь мы желаем создать,

Но ни в чем не нуждался он, все сотворяя,
Здесь наш ум — у дверей недоступного края.

Человеческий разум — и его ученик,
Для служенья ему пламень сердца возник.

Его мудрость и воля повсюду; но слита
С тайной мудрость его, — только воля открыта.

Все, с архангелом схожие, зримые тут,
От него приходя, вновь к нему отойдут.

От него в душах — свет, взорам — видятся дали,
От него — ты и я наши царства прияли.

Он дает повеленья вращенью судьбы,
Перед волей всевышнего все мы — рабы.

Не дивись, коль царить повелел он мне в мире,
Что владенья мои всё становятся шире.

Да и ты, венценосный, сиянье венца
Получил не от матери, не от отца.

От небес твоя мощь, — и кичиться не надо
Перед тем, кому небом дается награда.

Будь покорен творцу, чтоб достичь похвалы
От мужей, чей рассудок не ведает мглы.

Помни трезвым умом и в беспамятстве смутном
О желаньи создателя ежеминутном.

Если будет мне бог и помога и щит, —
Что за диво, что мне он все царства вручит!

Я могу быть главой над любыми главами
И в борьбе поиграть с многомошными львами.

Я мечом раздобуду корону и трон, —
И на месяц напал бы мой лютый дракон.

Разве ты не читал про Джемшида? Драконом
Этот месяц был схвачен. Расстался он с треном.

Но дракона ударил мечом Феридун,
Хоть дракон этот был не дракон, а колдун.

Я клянусь сотворившим и небо и землю,
Тем, кто силы дает, тем, которому внемлю,

Тем, пред кем не склоняется только лишь тот,
Кто в великом безумьи и мраке живет.

Я клянусь прахом дедов, ревнителей веры,
Гордой стойкостью людям являвших примеры,

Я клянусь Авраамом и верой его,
Той, которой пылает мое существо, —

Если только в Иран я внесу свое знамя,
Заратуштры прятаны спалит мое пламя!

Аживой веры в Иране не будет, и в нем
Не останется капищ с неверным огнем.

Мне один только путь правоверного ведом, —
Путь, который был дан нашим праведным дедам.

Сыпать мусор на мускус! Ты злом упоен!
Запах мускуса может ли быть побежден?

С пальмы финик уменьем берут — не обманом.
Финик надо достать быстролетным арканом.

Тою розой меж роз весь любитесь свет,
Что душистей других и чей сладостней цвет.

Меж онагров степных тот приятнее взглядом,
У которого с мощностью мужество рядом.

Между львами тот лев — повелитель зверей,
У которого когти сильней и острей.

Два поспоривших льва над онагром, — с обедом
Будет тот, кто сильней, кто привычен к победам.

Хобот с хоботом свили слоны. Не пойму,
Чья победа, но дастся она — одному.

Я силен. Ты силен. В час великого боя,
Кто сильней, поглядим, наши силы удвоя.

Знай! Пути своему положу я конец,
Лишь сложивши главу иль добывши венец.

Неужели душа твоя верить готова,
Что лишь ты — повелитель, что нету другого?

Есть немало спешащих, но ты не забудь:
На привалах найдутся узнавшие путь.

Не пытайся дракона смутить ворожбою.
Лучше козни оставь, лучше двинемся к бою.

Ты мне царство мое подарить захотел.
Имену Каноп назначаешь в удел.

Так подарки давать не положено миром.
Ведь овцу мы овечьим не потчуем сыром.

Возноситься не надо. Ты ль выше меня?
Ты ведь тоже из крови, а не из огня.

Ты смирись, ты судьбы будь покорен приказу,
Ведь ударить свинцом я смогу по алмазу.

Сохраний тот кувшин, что ты держишь в руках,
И не спорь со скалой, о воинственный шах!

В белой нефти весь мир. Береги свою иву.
От потока огня, — он взовьет свою гриву.

В мирных днях безмятежным и радостным стань.
Для чего миродержцу излишняя дань?

Некто нищему сад подарил, ну а нищий
Даже яблоко не дал подателю пищи.

Ты мечи свои стрелы в доступную дичь:
Лев и жира лишен и его не достичь.

Что за ветку хвататься напрасною хваткой,
Коль не вкусим плода с его мякотью сладкой?

Как меня ниспровергнуть? Вопрос тут не прост:
Через море начни перекидывать мост.

Что желать понапрасну? Ведь мы изнеможем,
Если мчимся к тому, чего встретить не можем.

Тебя молодость гонит в драконову пасть.
Как Бахман, ты в нее должен будешь попасть.

Лживый демон, опутавший Исфендиара,
На Рустама велел тебе броситься яро.

С тьмою демонов сблизился царь Соломон, —
Тотчас перстень утратил; отчаялся он.

Бойся вызвать вражду неумного рока,
Иль царям от него не бывает урока?

Ты обдуманно делал свой точный расчет,
Но ошибся! Иначе игра потечет.

Придержи вождельня. В них нету расчета:
На Симурга никто не готовил тенета.

Ты не яростней зинджей, возьму их в пример,
Ты не более злобен, чем дикий бербер.

Но ведь черных отбросил удар моей мести,
Хоть берберы и зинджи рвались ко мне вместе.

Чин пристойный блюди, о живущих радей.
Добронравный не хочет страданья людей.

Я ль затеял войну? Это ты без причины
Заставляешь змею вскинуть крышку корзины.

Ты войска снарядил, их повел на меня
И наполнил пространства потоком огня!

Ты мой край разорить помышляешь! В пределы
Моих дедов бросать вознамерился стрелы!

Ныне я поднимусь, препояшусь на бой
И войска соберу, поведу за собой.

От врагов я очищу вспененное море,
Море крови пролью вражьи силы на горе.

Если ты размышляешь, то мыслю и я,
Я разумен, и цель не безумна моя.

Если небо желаньям твоим и внимало,
То удач у меня тоже было немало.

Коль правленье над миром тебе вручено,
То и мне, повелитель, довлечет оно.

Твой венец — твой союзник, мой меч — мой воитель
Если ты — венценосец, я — мощный воитель.

Не кичись! Хоть столица тебе и дана,
Но за каждым престолом гробница видна.

К мощным скалам подняв удивленные взоры,
Утверждать не берись, что незблемы горы.

Если в громе войны сотрясется земля,
Рухнут горы, громаду свою распыля.

Если власть властелина достигнет предела, —
Его скинет рука, что той власти хотела.

Разве мы друг для друга помеха? Скажи, —
Разве этого мира стеснились межги?

Что мне молвить еще? Уживемся мы в мире,
Лишь запомни: с тобой мы неравные гири.

Хоть Бахман был владыкой и был он силен,
Все ж его уничтожил могучий дракон.

Дай мне честь и покой, разгони непогоду.
Многую поднятый камень я выброшу в воду.

Но надену кольчугу, коль векинешь ты меч,
Препояшусь — коль распрю захочешь пресечь.

Дашь холодное мне иль горячее, что же!
Мир — приму, ратоборство упорное — тоже.

Меч иль чашу подай. Что захочешь, вручи.
Мной ценимы пиры. Мне знакомы мечи».

Лишь дослушал иранец письмо это, — разом
Стал багров его лик, закипел его разум.

И приказ он послал, чтоб не медлить с войной,
Но и царь Искендер дал приказ не иной, —

Все войска он стянул, свил полотна палаток
И проверил оружие для будущих схваток.

Только Дарий узнал, что горячий дракон
Поднял когти на льва, что упорствует он, —

Стал он злее горы, когда нету спасенья
Всем селеньям окружным от землетрясенья.

И враждебные тотчас столкнулись войска.
Двери зла — о беда! — дней раскрыла рука.

Краше сада, отрадней любого посула
Дивный край, расположенный возле Мосула.

Тут схватились цари. Их борьба, их раздор
Потрясали толпу ужаснувшихся гор.

И доныне порой в удивленьи и страхе
Черепя их бойцов мы находим во прахе.

БОЙ ДАРИЯ С ИСКЕНДЕРОМ ПРИ МОСУЛЕ

Подойди, виночерпий! Вино ты подашь
И отмеришь сегодня мне несколько чаш!

Я возжаждал вина наилучшего, чтобы
Хоть на час избежать этой жалкой трущобы.

И лазурный, над нами крутящийся свод,
И небесных светил предназначенный ход, —

Не пустая игра. Сей завесы узоры
Не затем, чтобы тешить беспечные взоры.

В ней с премудрым значением каждая нить,
Но откуда они, — кто бы помог разъяснить?

Как нам ведать на что вскинем завтра мы веки?
Кто от наших очей удалится навеки?

Кто на кладбище из дому будет снесен?
Кто увидит, что светлый сбывается сон?

О добре и о зле повествующий снова
О великих царях начал мерное слово:

Когда принял фагфур день пришедший, а ночь,
Взяв динар, жемчуга свои бросила прочь, —

Оба войска сошлись и, как два полукруга,
Словно Кафский хребет, встали друг против друга.

И железных шипов на ристалище зла
Разбросали для конных врагов без числа.

Крик начальников слышался. Передовые
Продвигались ряды. Все сердца боевые

Позабыли покой. Так столпились войска,
Что у сжатых бойцов затрещали бока.

И примолкли два войска, отряды построя,
Не пустив еще в бой ни единого строя, —

Верно, думали все: будет мир заключен,
И мечи не покинут спокойных ножен.

Но кичливы и молоды недруги были.
Пламень с влагой сошлись и о мире забыли.

Был нарушен покой, и возникла беда,
И жестокому бою пришла череда:

Устремляясь на зла огневую дорогу,
Не стремились цари к миролюбья порогу.

Барабаны забили. Литавры в уста
Стало небо лобзать. И небес высота

Звоном сотен зеркал огласилась; в их звоне
Свирепел каждый слон, несший их на попоне.

С воплем тем, что вздымал тюркский воющий най,
Вопли тюркских бойцов огласили весь край.

Стали рыканьем львов пробужденные трубы,
Зовы звонких рогов в мозг вонзались, как зубы.

Непрестанно свистел звук змеистых плетей,
Возлетавший в пределы небесных полей.

Кто слышал о неистовстве столь же великом?
Горячили друг друга все воины криком.

Будто рушились горы, и сам Исафиал,
Страшный суд возвещая, в трубу затрубил.

Пыль обьяла весь воздух. Весь мир в этой буре,
Потеряв повода, позабыл о лазури.

Чепраки и шеломы окутывал прах.
Высь была на земле, а земля в небесах.

Мгла над смертными стовами руки простерла,
И арканы сжимали хрипящие горла.

Подымал испаренья дыхания жар.
От мечей, как от молний, рождался пожар.

Так чихали мечи от крутящейся пыли,
Что несчастные души над полем поплыли.

Полководец иранский поставил с утра
Все войска в должный строй. Начиналась игра, —

И о правом крыле он подумал: урона
Не могла понести эта лапа дракона.

Вслед за этим он левое создал крыло.
Словно море железа в порядок пришло.

Так стремился он к мощному их единенью,
Что свет солнца не справился с плотной тенью

Сердцевины рядов. Всех спасла бы она
В миг смятенья, булатная эта стена.

Но и царь Искендер, словно воск уминая,
Создал пальму из войск. Он от края до края

Подготовил свои подкрепленья. Потом,
Дав мечи и кольчуги просившим о том,

Раздал шлемы бойцам, — так вот щедрые грозы
Льют сверкающий дождь на румяные розы.

Все ряды его войск были, словно скала.
Середина рядов неприступна была.

Мерный строй всех бойцов увидав, не дивитесь,
Что в рядах не один жаждал подвига витязь.

И внезапная смерть черный взвихрила прах,
И у светлых небес свет померкнул в очах.

Всюду кровь потекла. — где ей сыщется мера!
Запылала земля, словно красная сера.

Из засад крепких луков, и гибель и стоны
Породив, друг за другом летели драконы.

Вился в кольцах аркан, словно алчный дракон,
Пожирать вражий клад стал с поспешностью он.

Так свирепо рычали слоны боевые,
Что все львы пригибали от ужаса выи.

И бойцы поднимать не желали чела:
Меч над каждым сверкал, полон гнева и зла.

Сострадание пропало. Тут ждал бы удара
Даже сын от отца. Битва сделалась яра.

И от мира далек был спасенья шатер,
И по древкам знамен плыл кровавый узор.

Столько стрел прорвалось сквозь пробитые брони,
Что горячих стрелков покраснели ладони.

Так огнем ратоборства весь край был покрыт,
Что взлетали огни из-под конских копыт.

Посреди своих войск, в этом яром пожаре,
Черным львом всем казался озлобленный Дарий.

В жажде недруга стиснуть и к праху пригнуть
Он расправил свою многомогущую грудь.

Там, где руку вздымал он в стирепом запале,
Сотни вражьи головы возле ног его пали.

Налетев на врага, — он лишал его сил,
Ударяя, — он голову вражью сносил.

И покрыл всю окрестность в бою своим страстным
Он атласом румийским разодранным, красным.

Но и царь Искендер, не жалея себя,
Начал страшный свой суд, нападавших рубя.

Тотчас руки в сраженье пустил он умело,
И в руках у него два меча заблестело.

И мечам, чьи лучи так сверкали в пыли,
Отказать в своей жизни враги не могли.

Если в череп слона бил он жалом кинжала,
Миг — и туша слона черным прахом лежала.

Если б в реку он бросил свой пламенный гнев,
То зажег бы и реку палящий посев.

В гневе был он, что лев, разъяренный в погоне,
И от этого льва мчались в ужасе кони.

И смутившийся Дарий услышал слова:
«Наши львы устрашились румийского льва.

Да минует его, о владыка, пощада!
Даже нашим слонам с ним бы не было слада.

Прикажи всему войску — скорее, скорей! —
На царя Искендера направить коней!»

Тотчас Дарий велел, с мощным недругом споря,
Устремиться войскам, словно бурное море,

Всею силой, всем прошлым боям не в пример,
К тем рядам, пред которыми сам Искендер.

В битву мигом иранцев помчались отряды,
Каждый скачущий всадник, не зная пощады,

Крепко в обе руки взял сверкающий меч,
Чтобы встречному недругу шею рассечь.

Искендер, увидав страшный натиск и зная,
Что грозит ему смертью напасть эта злая,

Дал приказ, чтоб немедленно ринулись в бой
Все войска, чтоб отряды ценою любой

Путь врагу пресекли, чтоб властитель Ирана
Вмиг постиг: в его сердце смертельная рана.

И, сомкнувшись, все воины, как саранча,
В мире подняли бой, мир в сраженьи топча.

Вновь посыпались дроты. Мечи заблестели.
Муравью между стрелами не было щели:

Словно пчелы гилянские, тысячью жал
Рой неистовых стрел черный прах поражал.

К Искендеру враги всё теснились упорней,
Но стоял он, как ствол, чьи незыблемы корни.

Некий мощный иранец, свой выпрямив стан,
Налетел на царя, словно сам Ариман.

Молодой кипарис покачнулся. Ударом
Потрясен был он быстрым: соперником ярым

Был разрублен кафтан и кольчуга была
Прорванна. Так булат ощутила скала.

Уцелела рука поведителя света,
Хоть была она все же булатом задета, —

И хоть раны глубокой избег он едва,
Но была у врага снесена голова.

Искендер уstraшен был врагом этим смелым
И победу свою счел он тягостным делом.

И в неожиданном смущении он захотел
Дать груди своей отдых от вражеских стрел.

Но, на счастье свое в неизменной надежде,
Вновь стоять он решил так же твердо, как прежде.

И узрев свой победный, сверкающий стяг
И постигнув: падет им наступивший враг, —

Вновь сверкнул он мечами своими, и снова
Его мощная грудь к новой схватке готова.

И бойцы проливали без устали кровь.
Никли наземь, вставали и падали вновь.

Утомленных румийцев тесня понемногу,
Им повсюду иранцы закрыли дорогу, —

И когда меж румийцев послышался стон,
Смертный час захотел взять их тотчас в полон.

Но румийцы, внезапно воспрянувши снова,
Отразили напор, их сжимавший сурово,

И вокруг яркого стяга сомкнули свой круг,
И не стал он добычею вражеских рук.

Зиндж камня собрал, чтоб венец сделать новый,
А фагфур бросил трон свой из кости слоновой.

И, себя украшая, лазурная мгла
Вместо зеркала в небо луну подняла.

Все бойцы возвратились к стоянкам устало.
Прекратили вражду. Время дремы настало.

Смыли кровь с жарких тел. Пыль омыли с лица.
Но покоем неполным дышали сердца.

Не промедлят созвездья на своде высоком.
День взойдет. Что на завтра задумано роком?

Засверкал апельсин, будто из-за угла
Продавец его поднял. Растаяла мгла.

Все войска поднялись. Их ряды заблестали.
Львы опять на охоту готовиться стали.

И мечом, и копьем, и тугой тетивой
Мир явил много силы своей боевой.

Всюду стон поднялся. Повод выпал у многих.
Из стремян выскользали наездников ноги.

Были два полководца у Дария. Жив
Был в них жар услуженья, но был он и лжив.

Эти двое измучились гнетом царевым, —
Он не раз оскорблял их несдержанным словом.

И взалкали они его крови, свой гнев
Утолить пожелали, его одолев.

К Искендеру явясь, злему замыслу рады,
У румийца они попросили пощады:

«Мы у Дария служим, встречаемся с ним,
Он доступнее нам, чем вельможам иным.

Всех он жалит неправдою и поношеньем.
И вонзится в него меч стало нашим решеньем.

Мы намерены завтра пролить его кровь,
Чтоб великий Иран сделать праведным вновь.

Продержись этот вечер на этом же месте,
Завтра враг твой падет, он узнает о мести.

Водрузит она свой стяг, но не сможет пресечь
Он удара. Готов наш отточенный меч.

А за помощь великую, — слуг своих верных
Наградишь ты ключом от сокровищ безмерных.

Мы богатства хотим. Нам богатства вручишь.
Золотое деянье ты златом почтишь».

Обещал Искендер их исполнить желанья;
Руку дал он предателям в знак обещанья,

Хоть не верил им царь, — как же статься могло,
Что проникло в их ум столь ужасное зло!

Но ведь каждый любое предпринял бы дело,
Лишь бы только несчастье врагов одолело.

Правосудием стала расправа, — и царь
Вспомнил мудрость пословицы, сложенной встарь:

Зайца в каждом краю — это ведает всякий —
Только этого края поймают собаки».

И когда молвил тот, чей рассудок велик,
Тем, в чьем разуме умысел черный возник,

Что вручит он им ключ от сокровищ, что может
Их порыв оценить, что их делу поможет, —

И для низких ничем стали верности дни,
И к убийству готовиться стали они.

В час, когда жаркий лал взял безвестный грабитель
И желали дознаться, кто сей похититель, —

Заподозрив луну и узрев ее свет,
Все сказали: «Все ясно, сомнения нет».

Два враждебные войска, уставши от боя,
И в тиши распоясавшись, ждали покоя.

Но уж много неробких во мгле голубой
Начинали назавтра готовиться в бой.

ПОБЕДА ИСКЕНДЕРА НАД ДАРИЕМ И СМЕРТЬ ДАРИЯ

Круговой своей чаши, о кравчий, огнем
Дай сиянье всему. Я мечтаю о нем:

Этот пламень сжигает в рубиновой чаше
Все печали, что в сердце мы приняли наше.

□ □ □

Хоть на этой земле нам отраден привал,
К торопливости все же нас кто-то призвал.

Две калитки в саду, столь отрадном для взора,
Но железного нет на калитках затвора.

Ты, в калитку войдя, оглядись. Впереди
Есть другая калитка. Побудь — и уйди.

Не безмерно люби ароматную розу,
Неизбежной разлуки припомни угрозу.

Береги свой счастливый, свой нынешний день.
Все бывшее — ничто. Все грядущее — тень.

Этот путь не для радости нам назначали,
А, быть может, для горести и для печали.

Пригласили на свадебку ослика — он
И воды натаскал и мешком нагружен.

□ □ □

Вот что этому вслед стихотворцем радивым
Было явлено всем в его слове правдивом:

Светлый день отнял и покровом густым
Скрыл его полыханье полуночный дым,

И луною, чтоб радовать смертные очи,
Приукрасился сумрак спустившейся ночи.

На переднем краю всех частей войсковых
До утра были зорки глаза часовых.

Караулы кружили, как жерновы. В скалах
Куропатки кричали. Немало усталых,

В тяжелой дреме узрев боевого слона,
Застонав, пробуждались от страшного сна.

Отдыхало бойца распростертое тело,
Но забвенье к нему все ж прийти не хотело.

И молились в тиши все войска, чтоб текла,
Бесконечно текла полуночная мгла,

Чтобы день заслонила она им собою,
Чтобы долго не звал он их к новому бою.

А цари размышляли, томительный гнев
Друг на друга в безмолвии преодолев:

«День взойдет, о своем вспомнив светлом начале,
Чтоб от черного белое мы отличали, —

И мы рядом поедем. На кратком пути
К примерению путь мы сумеем найти.

Повод к поводу, между войсками по лугу
Проезжая, мы дружбу изъясним друг другу».

Но советники Дарию дали совет,
Угасивший благого намеренья свет.

Не воспринял никто столь возможного блага.
Царь услышал: «Сражайся! Победна отвага!

Ведь румиец поранен. В борении с ним
Превосходство бесспорное мы сохраним.

Выйдем завтра на бой. И в сраженьи упорном
Всех уложим румийцев на поле просторном».

Так сказали одни, а другие мужи
Предлагали дорогу уловок и лжи.

Два злодея за битву свой подали голос:
«Не падет ни один с повелителя волос!»

Но и царь Искендер под луной в тишине
По-иному подумал о завтрашнем дне.

Может статься, что двух полководцев дорога
Его храбрости — все ж неплохая помога.

И открыл он соратникам душу свою:
«День взойдет, и мы завтра в Мосульском краю

Вновь приступим к достойному славному бою.
Мышцы нашей души укрепляя борьбою.

Если мы победим — мы над миром царим.
Если Дарий — то царство возглавится им.

Судный день всем живущим неведом грядущий,
Все ж на завтра его нам назначил всесущий».

И лежали бойцы, видя страшные сны,
Предвещаньем и ужасом темным полны.

Двери света раскрылись над ближней горою,
И блеснула вселенная новой игрою:

Просо звезд замесив, мир украсивши наш,
Испекла она в небе горячий лаваш.

И войска задрожали, что тяжкие горы,
И в смятенье пришли все земные просторы.

Царь из рода Бахмана, восстав ото сна,
Чтоб удача была ему в руки дана,

Чтоб для боя ни в чем не сыскалось помехи, —
Осмотрел все колчаны, щиты и доспехи.

Сотни гор из булата воздвиг он, и клад
Он решил сохранить между этих оград.

Кончив с правым крылом, озаботился левым:
И оно для врага станет смерти посевом.

Крылья в землю вросли. Был придержан их пыл.
Недвижим был железный, незыблемый тыл.

Дарий стал в сердцевине отряда, и, вея,
Возвышалось над ним знамя древнего Кея.

Искендер взял на бой свой нетронутый меч,
К смертной схватке сумел он его приберечь.

Всем храбрейшим, овеянным воинской славой,
Приказал он идти у руки своей правой.

Многим лучникам, левой стрелявшим рукой,
Быть он слева велел. И порядок такой

Он назначил для тех, кто и службой примерной
И всей силой — охраною был ему верной;

Вкруг него встать стеною, — не то, что вчера.
Был он — словно булат, был он — словно гора.

Огласился простор несмолкаемым криком.
Небеса возвестили о гневе великом.

Зарычала труба, как встревоженный лев.
Смелый змей заплясал. И заплакал напев

Исступленно вопящего тюркского ная,
Все сердца страшной дрожью дрожать заставляя.

На слонах загремели литавры, — и в Нил
Не один, ужаснувшись, нырнул крокодил.

Завопила труба, — и у лучников многих
На бегу подкосились от ужаса ноги.

Грозный треск от пустых барабанов пошел,
И качнулись все горы, забыблея дол.

Копья были в жару, — и, как будто в недуге,
Чтобы воздух глотнуть, пробивали кольчуги.

Ливень стрел стал неистов и был он таков,
Что про дождь свой забыла гряда облаков.

Два кровавые моря взыграли. Повсюду
Видал воин тюльпанов багряную грудку.

О пиновке своей многоцветной земля
Позабыла, по ветру ее распыля.

Ртуть мечей засверкала в клубящейся мути,
Разбегались бойцы с торопливостью ртути.

Столько копий булатных вонзилась в тела,
Что в горах за скалою дрожала скала.

Так, врубаясь, мечи скрежетали от злости,
Что рассыпались гор загремевшие кости.

Столько стрел в колесо небосвода вошло,
Что оно быть поспешным уже не могло.

Так стремились к устам остроклювые дроты,
Что устам и дышать уж не стало охоты.

Стали копья шипами запретных оград.
А щиты — словно тесный тюльпановый сад.

Всех настиг судный день, страшный день
воскресенья!
И не стало исхода, не стало спасенья.

Столько всадники яростных бросили стрел,
Что швыряли колчан: он уже опустел.

И тела громоздились потомков Адама,
И работала смерть, и быстра и упряма.

О себе на побоище каждый радел.
Кто подумал о том, сколько брошенных тел!

Кто в одежде печали готовится к бою?
Только синий кафтан под кольчугой иною.

Речь прекрасная, помню, была мне слышна, —
Кто-то мудрый сказал: «Смерть на людях красна».

Смерть убьет одного, а заплачет весь город,
Разорвет на себе он в отчаяньи ворот.

А весь город умрет где-то там вдалеке, —
И никто не заплачет в глубокой тоске.

Столько мертвых простерлось на горестном лоне,
Что пред страшной преградой пятались кони.

И на Тигре кровавом, как желтый цветок,
Отраженного солнца качался челнок.

Но румийские коня в сраженьи сверкали
Горячей, чем заката багряные дали.

Меч иранский, сражаясь, так жарко сверкал,
Что согрел сердцевину насупленных скал.

Так враги развернули меж грома и гула
Судный день на прекрасной равнине Мосула!

Рассыпались отряды иранцев, и прах
Всю равнину затмил. Был один шаханшах.

Позабыло о нем его войско. Упорно
Продолжалась борьба. В поле стало просторно.

Нелюбим был придворными Дарий — и он
Их заботою не был в бою окружен.

И внезапно, мечами ударив с размаху,
Нанесли двое низких раненные шаху.

Наземь Дарий повергся. Его не спасут,
Над смятенной землей страшный начался суд.

Сотрясая простор, пало древо Кавея.
Тело, корчась, лежало, в крови багровея.

Тело мучилось в горе, в нежданной беде.
Светоч с ветром не в дружбе, — они во вражде.

Поспешили убийцы к царю Искендеру
И сказали: «Мы приняли должную меру.

Мы зажгли наше пламя, не хмурь свою бровь,
Для тебя мы властителя пролили кровь.

Лишь удар нанесли, — и прошло его время.
Он целует теперь твое царское стремя.

На него погляди, больше нет в нем огня,
Омочи его кровью копыта коня.

Мы исполнили все, что тебе обещали,
Ты нам повода также не дай для печали:

Передай в наши руки обещанный клад,
Мы стоим в ожидании щедрых наград».

Искендер, увидав, что два эти злодея
На убийство владыки пошли, не робея,

Что при них и ему безопасности нет, —
Пожалел, что он дал им свой царский обет.

Каждый мощный, узрев, что с ним равный во
прахе, —
Неизбежно пребудет в печали и в страхе.

И спросил Искендер: «Изнемогший от ран,
Где простерт покровитель народов и стран?»

И злодеи туда привели государя,
Где ударом злодейским повержен был Дарий.

Искендер не увидел, взглянувши вокруг,
Ни толпы царедворцев, ни стражи, ни слуг,

Что пришел шаханшаху конец, — он увидел,
Что во прахе был кейский венец, — он увидел.

Муравьем был великий убит Соломон!
Перед мошкой простерся поверженный слон!

Стал подвластен Бахман змея гибельным чарам.
Мрак над медным раскинулся Исфендиаром.

Феридуна весна и Джемшида цветник
Уничтожены: ветер осенний возник!

Где наследная грамота, род Кей-Кобада!
Лист летит за листом, — негу с бурейю слада!

И спешит Искендер, вмиг покинув седло,
К исполину во прахе и хмурит чело,

И кричит он толпе подбежавших придворных:
«Заточить полководцев, предателей черных,

Нечестивцев, кичливых приспешников зла,
Поразивших венчанного из-за угла!»

И склонился к царю, как склоняются к другу,
Расстегнул он его боевую кольчугу,

Головы его мрак на колен своих свет
Положил, — и такому участью в ответ

Молвил Дарий, открыть своих глаз уж не в силах:
«Встань из крови и праха. Не чувствую в жилах

Животворного пламени. Пробил мой час.
Весь огонь мой иссяк. Мой светильник погас.

Так ударил мне в бок свод небесный недобрый,
Что глубоко вдавил и разбил мой ребра.

О неведомый витязь, свой бок отстрани
От кровавого бока. Ушли мои дни.

И разодран мой бок наподобие тучи.
Все ж припомни мой меч смертоносный, могучий...

Ты властителя голову трогать не смей
И не смейся: судьба насмеялась над ней.

Чья рука протянулась, дотронуться смея,
До венца, — до наследья великого Кея?

Береги свою длань. Еще светится день,
Погляди: это — Дарий... не призрак, не тень.

Небосвод мой померк, день мой бледный недолог.
Так набрось на меня ты лазоревый полог.

Не гляди: кипарис распростертый ослаб.
Не взирай на царя, — он бессильней, чем раб.

Не томи состраданьем: Я в узах. Я пленный.
Лишь в молитве меня поминай неизменной.

Я — венец всей земли. Смертной муки не множь:
Если я задрожу, — мир повергнется в дрожь.

Уходи! И, заснув, я все связи нарушу.
Праху — тело отдам, небесам — свою душу.

Смерть близка. Не снимай меня с трона, — взревет
Страшной бурей вращающийся небосвод.

Истекает мой день... Уходи! Хоть мгновенье
Одиночества дай... Мне желанно забвенья.

Если вздумал венец мой, себе на беду,
Ты похитить, — помедли! Ведь я отойду.

А когда отрешусь я от мира, — ну что же!
Унесешь мой венец, мою голову — тоже».

Искендер застонал: «О великий! О шах!
Близ тебя — Искендер. Пал зачем ты во прах?»

Почему к твоему я припал изголовью,
И забрызган твой лик твоей царскою кровью?

Но к чему эти жалобы? Все свершено!
Что стенанье? Тебе не поможет оно!

Если б к звездам поднялся челом ты венчанным,
Я служеньем служил бы тебе неустанным.

Но у моря — ко мне снисходительным будь! —
Я стою в волнах крови, в крови моя грудь.

Если б я заблудился иль было разбито
На пути роковом Вороного копыто. —

Может статься, твой вздох не терзал бы меня.
И такого не знал бы я страшного дня...

Я клянусь! Я творцу открывал свою душу,
Я сказал, что я смерть на тебя не обрушу.

Но ведь камень внезапный упал на стекло.
Нет ключа от спасенья. Несчастье пришло.

Ведь остался из отпрысков Исфендиара
Ты один! О, когда бы мгновенна и яра

Смерть меня сокрушила, и я бы притих
С побледневшим челом на коленях твоих!

Но напрасны моления! Ранее срока
Мы не вымолим смерти у грозного рока.

Каждый волос главы наклоненной твоей
Сотен тысяч венцов мне милей и ценней.

Если б снадобье было от гибельной раны,
Я нашел бы его, — все проехал бы страны.

Да исчезнут все царства! Да меркнет их свет,
Если Дария больше над царствами нет!

В кровь себя истерзай над престолом, который
Опустел, над венцом, что не радует взоры!

Да исчезнет навек смертоносный цветник!
Весь в шипах садовод. Он в крови, он поник!

Грозен мир. Ниспровергнут безжалостно Дарий:
Подавая нам дар, яд скрывает он в даре.

Нету силы помочь кипарису. И плач
Я вздымаю. Заплачь, мое сердце, заплачь!

В чем желание твое? Подними ко мне вежды,
Что пугает тебя? Что дарует надежды?

Прикажи мне любое! Обет я даю,
Что с покорностью выполню волю твою».

Слышал стон этот сладостный тот, кто навеки
Уходил, и просительно поднял он веки

И промолвил: «О ты, чей так сладок удел,
О преемник благой моих царственных дел!

Что отвечу? Ведь я уже в мире угрюмом,
Я безвольнее розы, несомой самумом.

Ждал от мира шербета со льдом, — но в ответ
Он на тающем льду написал про шербет.

От бесславья горит моя грудь. И в покрове
Я простерт. Но покров мой — из пурпурной крови.

И у молний, укрытых обильным дождем,
Иссыхают уста и пылают огнем.

Ведь сосуд наш из глины. Сломался, — жалеем,
Но ни воском его не починим, ни клеем.

Все бесчинствует мир. Он еще не притих.
Он приносит одних и уносит других.

Он опасен живущим своею игрою,
Но и спасшихся прах он тревожит порою.

Видишь день мой последний... Вглядись. Впереди
День такой же ты встретишь. Так правду блюди!

Если будешь ей верен всегда, то в пучину
Не падешь и отрадную встретишь кончину.

Я подобен Бахману: сдвину его змей
Так, что он и не вскрикнул пред смертью своей.

Я — ничто перед силою Исфендиара,
А постигла его столь же лютая кара.

Все в роду моем были убиты. О чем
Горевать? Утвержден я в наследстве мечом.

Царствуй радостно! Горькой покорствуя доле,
Я не думаю больше о царском престоле.

Но желаешь ты ведать, чего б я хотел,
Если плач надо мной мне пошлется в удел?

Три имею желанья. Простер свою длань я
К миродержицу. Так выполни эти желанья!

За невинную кровь — вот желанье одно —
Быть возмездью вели. Да свершится оно!

Сев на кейский престол — вот желанье второе —
Милосердье яви в государственном строе.

Семя гнева из царской исторгнув груди,
Мое семя, сынов моих, ты пощади.

Слушай третьье: будь хладным и сдержанным с теми,
Что мой тешили взор в моем царском гареме.

Но прекрасную дочь мою Роушенек,
Мной возвращенную нежно для счастья и нег,

Ты возвысь, осчастливь своим царственным ложем,
Мы услады пиров нежноликими множим.

В ее имени светлом — сиянья печать;
Надо Солнцу со Светом себя сочетать».

Внял словам Искендер. Все сказал говоривший.
Встал внимавший. Навек засыпал говоривший...

Мрак покрыл небосвод, покоривший Багдад,
Скрывший царский дворец и весь царственный сад.

Сбивший плод с древа Кеев и сшивший для дара
Синий саван — огромное Исфендиара.

День отвел от земли свой приветливый взгляд.
Стал невидим рубин. Появился агат, —

И всю ночь Искендер сокрушался, взирая
На того, кто был славен от края до края.

Он взирал на царя, но рыдал о себе:
Тот же выпьет он яд, шел он к той же судьбе.

И рассвет на коне своем пегом встревожил
Все вокруг и коня разнуздал и стреножил.

Приказал Искендер, чтоб обряжен был шах,
Чтобы прах опустили в родной ему прах,

И под каменным сводом к его новоселью
Чтоб воздвигли дворец с золотой колыбелью.

И когда сей чертог был усопшему дан,
Мир забыл, кто виновник бесчисленных ран.

Обладателей тел почитают, покуда
В их телах есть душа, что чудеснее чуда.

Но когда их тела покидает душа,
Все отводят свой взор, удалиться спеша.

Если светоч погас, безразлично для ока,
На земле он стоял иль висел он высоко.

По земле ты бродил иль витал в небесах,
Если сам ты из праха, сойдешь ты во прах.

Много рыб, что расстались с волнами родными,
Поедается вмиг муравьями земными.

Вот обычай земли! На поспешном пути
Все идут, чтоб идти и куда-то уйти.

Одному в должный срок он стоянку укажет,
А другому «вставай» раньше времени скажет.

Ты под синим ковром, кратким счастьем горя,
Не ликуй, хоть весь мир — яркий блеск янтаря.

Как янтарь, станет желтым твой лик. И пустыней
Станет мир. И пойдешь за одеждою синей.

Если в львином урочище бродит олень,
Его срок предуказан, мелькнет его день.

Словно птица, собирайся в отлет свой отрадней,
Не пленяйся вином в этой пристани смрадной.

Жги, как молния, мир! Не жалея ничего!
Мир избавь от себя! А себя — от него!

Мотылек — легкокрыл. Саламандра — хромая,
Все ж их манит огонь, чтобы сжечь, обнимая.

Будь владыки слугой иль владыкою будь, —
Это горесть в пути, или горести путь.

Вечный кружится прах. И, охвачены страхом,
Мы не знаем, что скрыто крутящимся прахом.

Это старый кошель, полный складок, и он
Затаил свои клады; не слышен их звон.

Только новый кошель будет звонок. А влага
Зашипит, если с влагой впервые баклага.

Кто б узнать в этой «Башне молчанья» сумел
Всю былую чреду злых и праведных дел?

Столько мудрых томил в своих тленных пределах
Этот мир! Умертвил столько воинов смелых!

Свод небесный — двухцветен. Кляня и любя,
Он двойною каймою коснулся тебя:

То ты ангелом станешь всем людям на диво,
То тебя он придавит, как злобного дива.

Он, что хлеба тебе дать под вечер не смог,
Утром в небо поднимет свой круглый пирог.

Для чего в звездной мельнице, нам на потребу
Давшей это ничто, — быть признательным небу?

Ключ живой обрета, пост воспримешь легко.
Будь, как Хызр. Что нам финики и молоко!

Уходи от того, в ком есть сходство со зверем,
Люди — дивы, а дивам души мы не вверим.

Мчатся в страхе онагры, — их короток век:
Человечность свою позабыл человек.

От людей и олень, перепуган без меры,
Мчится в горы, на скалы, в глухие пещеры.

В темной роще, листву с легким шумом задев,
Вероломства людей опасается лев.

Благородства расколот сверкающий камень!
Человек! Человечности где же твой пламень!

«Человек» или «смерть»? Ты на буквы взгляни, —
И поймешь: эти двое друг другу сродни.

Мрачен дух человека и в злобе упорен,
Как зрачок человека, он сделался черен.

Но молчи и значенье молчанья пойми!
Говорить о сокрытом нельзя, Низами!

Ты меж спящих иль нет! Мертвецов они глуше!
Ты усни иль заткни хлопком тотчас же уши.

У лазурного камня учись: небосклон
С желтым — желт, с красным — красным
становится он.

По ночам, когда звезды сплетают узоры,
Многоцветным сияньем он радует взоры;

Светлым днем, когда светит великий алмаз,
Он приятен всем людям, хоть он — одноглаз.

ИСКЕНДЕР ЗАКЛЮЧАЕТ ДОГОВОР
С ВЕЛЬМОЖАМИ ИРАНА,
БЕСЕДУЕТ С ФЕРИБУРЗОМ
И УЗНАЕТ О ПРАВЛЕНИИ ДАРИЯ

В мой рассудок, о кравчий, влей винную кровь!
Как мехами, раздуй пламень взвихренный вновь,

Чтоб забыл я себя, чтоб не сумрачным светом,
А прозренья огнем мир предстал мне одетым.

□ □ □

Где ты, счастье, блуждаешь? Отправься в чертог
Захотевшего истины светлых дорог.

А вошедши в обитель сего человека,
Поклонись ему, счастье, от нашего века.

Потому, Искендер, ты блаженство нашел,
Что тобой был украшен венец и престол.

Пред тобою в восторге все вскинули длани.
Пред тобою, о царь, меркли царские ткани.

Поклянусь всеблагим! Ты прекрасен, как свет!
Пред тобою померкнет любой самоцвет!

Ты поведья возьмешь, — будет верной дорога:
К людям храбрость придет, если ты им помога.

Где твой дом? Где базар? На каком ты пути?
Вновь тебя, о великий, хочу я найти.

Все же думаю я, взором по миру шаря,
Что найду я тебя во дворце государя.

Где б ты ни был, стою препоясанным я,
И тебе предназначена служба моя.

Мне сказал человек, что с премудростью дружен:
«Вечно счастлив торговец прекрасных жемчужин».

Да! Сверкающий камень, укрытый меж скал,
Я при помощи счастья неожиданно сыскал.

Искендер ведал разума свет и участие,
Но владыкой земли его сделало счастье.

Если б счастье к его не склонялось делам, —
Не погнал бы коня он по вражьим телам.

□ □ □

Некий старец, достойный внимания счастья,
Начертал, исполняя желания счастья:

Слава Дария скрылась, как ветер, как дым.
Искендер воцарился над миром земным.

Все сокровища Дария, слывшие чудом,
Те, что с давних времен сохранялись под спудом,

Перешли в тайники и чертоги царя.
Море с морем слилось, жемчугами горя.

И шатры, и венды, и престолы! Где мера
Этой новой добыче царя Искендера?

Драгоценные камни! Да где ж им конец!
Их исчислить не смог пораженный писец.

Груз хрустальных подносов, в рубинах покровы
Сотням выючных животных истерли подковы.

Сто арабских коней в золотых чепраках!
Сто китайцев-юнцов в золотых кушаках!

Царской грузной парчи были целые груды.
Под мешками динаров сгибались верблюды.

Сколько ценных кольчуг! Чуть не падая с ног,
Принимающий даже хвалить их не мог.

Были также изделия чудесные зримы,
Те, что в личной казне государей хранимы.

И на дива, которые так берегли,
Наложили печать властелина земли.

И душа Искендера огнем запылала,
Как средь жемчуга пламень горячего лала.

Озаряют камни души нашей тьму, —
Их «светилом ночным» и зовут потому.

Если к кладу идут, когда мраком одета
Вся земля, ибо клад устрашается света, —

Почему, словно солнце, заблещут и взгляд
И душа человека, нашедшего клад?

Ты ведь создан из праха, — нужны тебе клады.
Нам земля не нужна, если нет в ней отрады.

От сокровищ бежит жизни горестной мгла.
Украшаются ими людские дела.

Помни: золото — плод с ярким цветом шафрана,
А шафраном — печалей врачуется рана,

И Магриба сыны, что, как зинджи, черны,
Не отводят очей от его желтизны.

Искендер, получивший обильные клады
Без усилий больших, чтобы все были рады,

Меж богатых и бедных, служивших ему,
Разделил их со щедростью. И потому,

Вознесенный повсюду людскою молвою,
Он меж смертными стал правосудья главою.

Воеводам иранским направил он весть:
«Вам у наших дверей воздана будет честь.

И спасете вы головы в нашем чертоге,
Если склоните их на дворцовом пороге.

Хоть от вас никаких мне не нужно услуг,
Я осыплю дарами ваш доблестный круг».

Собрались воеводы Ирана и вместе
Обсуждали слова этой радостной вест:

Было ведомо людям, что царь Искендер
В крепкой верности слову — всем властным
пример.

И поспешно вельможи пустились в дорогу,
Направляясь толпой к совещанья чертогу.

Этим витязям, в битву водившим войска,
Был обрадован царь. Не взглянув свысока

На отважных, он каждому дал обещанье,
Что оставит ему им носимое званье.

И, казну отворив, дал мужам он во власть
Драгоценных камней изрядную часть.

Так почтил он мужей из военного стана,
И удвоил он блеск их почетного сана.

Разбирая страницы их жизни и дел,
Пробудить счастье каждого он захотел.

Увидав его щедрость, мужи боевые
Вмиг постигли: от петли свободны их вью,

И, склонив свои головы, в высь вознесла
Благодатный венец Властелина земли.

И промолвили хором царю воеводы:
«Да горят над тобою лазурные своды!

Да блещит ярче трона Джемшида твой трон,
Да наносит он вражеским тронам урон!

Прежний царь отошел. Царство ожило снова:
Не Хосрова мы зрим, — самого Кей-Хосрова.

Что б от воли твоей нас теперь отвело?
Мы к подножию трона склоняем чело».

Искендер увидал, что в пути своем смелом
Для иранцев покорность он сделал уделом.

И в чертог озаренный, куда притекли,
Словно звезды, вельможи окрестной земли,

Меч и чашу велел он внести и доставить
Тех, что кровью решили себя обесславить,

Тех, чью шею, алмазные искры меча,
Терла перевязь их боевого меча, —

Чтобы глину смешали с их кровью, а жили
Гордых шей, словно перевязь, висли без силы.

Он убийцам сокровища дал из казны.
Он велел, чтоб и деньги им были даны.

Все вручили им тут же. Властителем света
Исполнялось незыблемо слово обета,

Но затем он велел их связать и вести
К месту казни. Глашатай на смертном пути,

Обходя все войска, возглашал: «Вот отмщенье
За убийство царя! Нет убийцам прощенья!»

Кто подобным преступникам будет сродни,
Так закончит свои недостойные дни.

Не простится царем никогда, ни единым
Раб, взмахнувший мечом над своим господином!»

И смотрели войска и толпа горожан
На урок, что был многим предателям дан,

И хвалили царя с его мощью и нравом
И склонились челом пред Властителем правым.

□ □ □

Меж премудрых был царь и царил он меж них,
Да минует их всех взор завистников злых!

В два ряда был накрыт стол для царского пира.
Все стояли у трона Властителя мира.

Препоясанных, юных разряженных слуг,
Пояс к поясу вставших, сверкал полукруг.

Всех сковал грозный гнев новозданного шаха,
И лица на вельможах не стало от страха.

И застыли они все в такой тишине, —
Словно росписью стали на пестрой стене.

Покоритель Ирана, всем славимый светом,
Засветился, как светоч, на пиршестве этом.

С мужем каждым, что был им на пиршество зван,
Царь обмолвился словом, почтив его сан.

Ферибурза опального вызвав, он снова
Возвеличил его светом царского слова.

Он сказал: «Ветхий днями! Твоя голова
Затенила стопы твои. Взял ты права

На премудрое знанье своими годами.
Ты и с миром знаком и с мирскими делами.

Увидав, что со мною возжаждал войны
Притеснитель, хоть я был пред ним без вины,

Почему, обладая всем знанием света,
Ты разумного Дарию не дал совета?»

Если молодость к бездне злосчастливого мчит,
Не преступен ли старец, который молчит?»

И от жара царя, как согретый лучами,
Мягкий воск, растопясь, заструился речами.

Из согнутой спины словно сделал старик
Мощный лук. И как будто пред всеми возник

Он в доспехе из слов. Речь владыки услыша,
Он приподнял свой лук со стрелою Ариша

И открыл он сраженье полетом похвал:
«Пусть приходит все то, что ты, царь, пожелаал!

Пусть владеет восторг твоим разумом смелым!
Пусть веселье навек твоим станет уделом!

Пусть в отраде чело вознесешь ты светло!
Пусть приникнет к ногам твоим вражье чело!

Побдал я, ветхий днями, советов немало,
Но ведь сердце царя никому не внимало.

Много поднял я светочей с чистым огнем,
Но озлобленный Дарий не думал о нем.

Если чаша и трон тебе посланы богом, —
Дарий шел неспроста по безумья дорогам.

Если гордый до светлых небес вознесен,
Все кичливые должный потерпят урон.

Если счастья нога клад укрытый задела,
До несчастья врага нет счастливому дела.

Ты свободен, ты юн, ты на троне. Внимай
Звукам струнным и чашу к устам поднимай.

И цвети юным цветом, всего достигая!
Постареешь — придет к тебе доля другая.

И Джемшид и Зоухак свой изведали срок.
Что над ними свершил сокрушительный рок!

Миродержец, состарившись, видит с испугом,
Что постыл он своим верноподданным слугам.

Если ж он распознал все людские дела
И с добром не смешает потайного зла,

То пред ним, всех врагов постигающим, в страхе
Преклоняются люди и никнут во прахе,

Но склоненные в трепете, ищут пути,
Чтоб царя им ненужного с трона свести.

Новый царь так приятен их лживому стану:
Может статься, что он и поддастся обману.

Кей-Хосров с Кей-Кобадом покинули трон:
Им под старость совсем стал не радостен он.

И другому царю мир оставив для вира,
На Альбурз два царя удалились от мира.

В скромных ризах, постясь, удалясь в эту высь,
От меча и от яда владыки спаслись».

Искендер, увидав, что старик, постигая
Царство Кеев и путь их обширного края,

Знает пользу и вред всех боев и войны
И что тайны победы для старца ясны, —

Вопросил: «Как вести ратоборство, чтоб смело
Положиться на бой, завершающий дело?»

Как на месте сдержать боевые войска?
От чего предводителя дрогнет рука?»

Отвечал многоопытный муж: «Удостоен
Будет славы победной тот радостный воин,

Что в строю у тебя. Ты достиг высоты.
Каждый воин — отряд, если властвуешь ты.

Недостойному праху велишь, о преславный,
Изъяснить свои мысли о схватке исправной.

Я слышал от мужей, что меня постарей:
Чем сильнее его мышцы, — тем воин храбрей.

Лишь бестрепетный путь — боевая дорога.
Предводителю войск не пристала тревога.

Собирая войска, снаряжая их в бой,
Ты не думай, что стоек твой воин любой.

Будь упорен, к творцу обращайся с молитвой, —
И удержишь бойцов, устрашаемых битвой.

Если ты победил, в новый бой не иди.
Ты врагу не закрой к отступленью пути.

Коль победа трудна, — все усилия делай,
Не страшись, напрягись всей душой своей смелой.

Не иди предвещанья, взирая кругом.
Предвещанье — в бесстрашии пред каждым
врагом.

Так Рустам в старину поучал Ферамурза:
«Будь бесстрашен — и сломишь вершину
Альбурза».

«Не сломись, чтоб напавших сломал твой удар», —
Так Бахману советовал Исфендиар.

Потому грозный Дарий понес поражение,
Что, утратив надежду, пошел он в сраженье.

Что от сокола белого скрыл шаханшах
Куропатку — в душе притаившийся страх.

Весь народ он в тревоге держал безнадежной,
И его поражение — удел неизбежный».

«О приветливый старец! — сказал ему царь. —
О столетний боец, все изведавший встарь!

Я слышал, что Рустам, смелый всадник, походы,
Словно лев, одиноко свершал в свои годы.

И когда он, как лев, нападал на войска,
Всех в смятенье его повергала рука.

Как же мог он, мечом поражая единым,
Над обширными ратями быть господином?»

И ответил царю умудренный старик:
«Не напрасно молвы заработал язык.

Ведь Рустам овладел хитрым воинским делом.
Он вождей поражал в первом натиске смелом.

А когда повергали начальника в прах,
Все бежали войска, всех охватывал страх.

Так вот опытом битвы владея богатым,
Он войска побеждал своим быстрым булатом.

Мог ли всадник один по-иному ввергать
Столько войска в беду, обращать его вспять?»

Вновь спросил обладатель великого сана:
«Почему столь сильна была длань у Бахмана?»

Почему был Бахманом убит Ферамурз
И потоплен в крови этот мощный Альбурз?

Почему же его не сдержали мобеда,
Указав, что наступят великие беды?»

И такой был ответ все постигнувшим дан:
«Ты припомни, что сделал с драконом Бахман!

Но когда на Бахмана напали напасти,
Не сумел избежать он драконовой пасти.

Его род свое царство утратил с тех пор,
Как в великое древо вонзил он топор.

Кто стоит в лужах крови, — исследуй созвездья:
В них заране начертаны сроки возмездья».

Как осенние листья от ветра дрожат,
Задрожал Искендер. Был он страхом объят

Перед тем, кто за Дария взыщет, — и трудный,
Узкий мост впереди; день приблизится судный.

Снова царь попросил, чтоб согбенный мудрец
Многих знаний раскрыл драгоценный ларец.

Чтоб явил он ему то созвездий вращенье,
Что для ищущих власти таит поученье.

И сказал постиженьем владевший мудрец
Во владение взявшему трон и венец:

«Хоть весь мир ты возьмешь целиком без
уступок, —
За него не держись ты — сучок этот хрупок.

От времен стародавних до новых времен
Кто остался? Что может нам вымолвить он?

Где Рустам, Зал и Сам? Где в обители нашей
Феридун и Симуург, и Джемшид с его чашей?

Пожрала их земля, и года потекли,
Но все мало добыч для насытой земли.

Удалились они, — удалимся мы тоже.
Словно зернышки четок, друг с другом мы схожи.

Что меж этих стихий грома царственных дел!
И семи небесам свой назначен предел.

Ты над миром цари, ты взошел на высоты.
Хоть уснули враги, ты не ведай дремоты.

Устрашайся творца, глянь в небесную высь,
И людей, не страшась бога, страшись.

Не иди по пути, что творцу неугоден.
Коль плоха тетива, то и лук непригоден.

Кто рубаху наденет не той стороной,
Вновь наденет ее стороною иной.

Если в сторону двинется путь твой безмерный,
Помолись, чтоб пошел ты дорогою верной.

На имущество, царь, ты не льстись никогда.
Недостаток — тоска, переизбыток — беда.

Не должны мы к имуществу никнуть с любовью,
Не напрасно мудрец его сравнивал с кровью:

Мало крови — и горло страдает. Оно
Словно сжато, когда кровью слишком полно.

Клад, что сыщешь ты в мире, — в сем горестном
С черной лютой змеею отыщешь ты вместе.

Свод небес разукрашен, мерцает в нем свет,
Но ведь в этой гробнице сокровищниц нет.

Что ж, предавшись в свой час нескончаемым годам,
Нам лежать со змеей под мерцающим сводом?

К притесненно порывы в себе подавив,
Будь, о царь, справедлив! Будь, о царь,
справедлив!

Да не будет тебе злобный Дарий примером!
Он был Дарием назван, а ты — Искендером.

Посмотри же, какую он жатву узрел.
Будь иным, чтоб иной ты увидел удел.

Чтобы миром владеть, — то свершай ты для
Что свершил, чтоб от неба добиться участия».

Сей ответ причисляя к ответам другим,
Счел его Искендер предвещаньем благим.

Его сердце признательно старцу внимало,
И сокровищ премудрому дал он немало.

И постигли мужи покоренной страны,
Что он взвешивал все, что весы не нужны.

Прославители хором у двери дворцовой
Искендера восславили славою новой:

«Возвеличен дворец! Если светоч угас, —
То, воссев на престол, Солнце встретило нас.

День, свержая, горит, ночь забыла угрозы.
Скрылась роза. Пришел порождающий розы.

Потерялся алмаз, но для ищущих глаз
В утешенье блеснул за алмазом алмаз.

Тароватый, как море, в решениях правый,
Обласкал всех собравшихся царь величавый, —

И прельщенного царскою лаской, они
Вскрыли грозного Дария черные дни:

«В дни, как властвовал он, издеваясь над нами,
Наш народ не кормился своими трудами.

Так разрушил он связь меж людьми, что не мог
Даже пес отыскать свой привычный порог.

На достойных наветчики лгали без меры.
Ни в покой, ни в имущество не было веры.

Добродетель ушла к ионийцам. Угрюм
Стал Иран. Благородство направилось в Рум.

Эти двое убийц, что тебе столь знакомы,
Наиболее были меж войска весомы.

Только злых укреплял нрав угрюмый его.
Что же! Злые сломили его самого.

Силу власти давал он одним лишь ничтожным, —
Вот и был уничтожен судом непреложным.

Не бесславен ли царь — хоть велик его род —
Если им угнетается божий народ?

Благородных губя, к трону делает близким
Он злодея и слепо снисходит он к низким.

При Хосрове всем подлым жилось бы не влать.
Не подкармливать подлых должна была власть:

Их насытить нельзя! Мы забыли о вере.
В тишине в каждом городе, в каждом кишвере

Нашу грудь исцарапала ненависть в кровь.
Вновь злодеи добро разграбляли и вновь.

Промысла́ и ремёсла дошли до распада.
Чья же воля была этой горести рада?

Ведь ремесленник бросил свое ремесло,
Чтоб другое довольство ему принесло.

Обитатель пустыни стал равным вельможе,
Царский сын — пастухом, что ему непригоже.

Земледелец стал воинном; воин пристал
К земледелью и плугом орудовать стал.

Беспорядок весь край наш разрушил бы смело,
Если б кинули все им присущее дело.

Если наш судия преисполнился зла,
И планета в такое расстройство пришла, —

То теперь судия воцарился победный,
И восставит он строй на земле нашей бедной».

Призадумался царь, и глашатаям он
Повелел разгласить новозданный закон:

«Пусть свое ремесло знает люд ремесловый,
Только зло он чинит, труд воспринявший новый.

Пусть в ярмо земледелец впрягает вола
И за плугом забудет иные дела.

Пусть бойцы остаются в их воинском стане.
Пусть привычным занятием живут горожане.

Пусть любой своим делом займет свои дни,
Пусть свершает он все, что свершал искони».

Всех вернул Искендер в потрясенном Иране
К их ремеслам, к занятиям, им ведомым ране.

Так людей отведя от смятенья и зла,
В равновесье привел он людские дела.

Так весь мир, с пепелищем столь схожий порою,
Он к устройству привел и к размерному строю.

Благоденствие мира поддерживал он.
Делать благо для мира — премудрых закон.

ИСКЕНДЕР РАЗРУШАЕТ КАПИЩА ОГНЯ. ЧАРОДЕЙСТВО ПРЕКРАСНОЙ АЗАР-ХУМАЮН

Ты услады и ласки, о кравчий, смеси
В своей чаше и страстным ее поднеси!

Не промедли, просить не заставь себя дважды,
Ведь влюбленные ждут и сгорают от жажды.

Принеси свою руту. В дремоте весь мир.
Руту сыпь на огонь! Да спасется эмир!

По запретным путям дам идти я расскажу,
И без руты боюсь я подвергнуться сглазу.

Если будет вздыматься спасительный дым,
Неподвластен я буду наветам пустым.

Много темных бродяг в этой тайной ложбине.
О беспечный! Ты также страшись их отныне.

Не покинуть ли дни? Так дела их страшны,
Что от них заклинанья творить мы должны!

Отойду — и с земною покончу игрою,
Полный крови котел плотной крышкой закрою.

Изучающий древность, в размерных строках
Начертал о случившемся в дальних веках:

Веру в пламя отвергли. Оно угасало.
И огню поклонявшихся больше не стало.

Искендер повелел, чтоб урочного дня
Все иранцы забыли кумирни огня,

Чтобы всюду восставили старую веру, —
Ту, что светом была самому Искендеру,

Чтоб имущество магов сожгли, чтобы в прах
Обратили кумирни во всех городах.

В каждом капище, так было всюду в Иране,
Надлежащих наставников зоркой охране

Доверяли сокровища. Доступа к ним
Никогда еще не было смертным другим.

И бездетный богач, ждя загробной награды,
Оставлял этим капищам все свои клады, —

И они, не являясь доходом страны,
Сотням сотен сокровищниц были равны.

Искендер, эти храмы разрушив, свободу
Отдал кладам, — и пролил их будто бы воду.

Ведь когда он кумирни разрушил и срыл,
В них сокровищниц полных немало он вскрыл.

Всех мужей, почитающих пламя, все время
Окружало прелестниц веселое племя.

В день весенний Джемшида и в праздник Сэдэ,
Неуемный огонь прославляли везде,

И разубранных девственниц гнали из дома,
Чтобы страсти услада им стала знакома.

И вдоль улиц, ладони в румянах воздев,
Пробегала толпа опьяняющих дев.

Чаши с хмелем вздымая, они по уставу
Восклицали неистово магам во славу.

Восклицанья из Зенда и клики и дым,
Заслоняющий звезды навесом густым!

Обольстительных дев были ласковы взгляды
И приманчива речь и красивы наряды.

Лишь лукавство одно было ведомо им,
Чем смогли бы они заниматься иным?

Эта — кудри взовьет, та — замрет в томном стане,
Эта — в пляску пойдет, та — заплачет в ладони.

Ты взгляни — кипарисы со связкой цветов!
Все они — кипарисы со связкой цветов!

В светлый день, когда видели: небо умчало
Старый год и пришло новых чисел начало,

Все дома и все улицы были для всех
Незапретным простором сердечных утех.

Пировали везде, и меж звона и гула
Злая смута росла из такого разгула.

Но когда лишь одна жемчужовая нить
Захотела собою весь мир осенить, —

Прочь отпрянула смута: с единым владыкой
Мир вернее пойдет по дороге великой.

Ведь один венценосец желаннее ста:
При избытке дождя не возрастет ни куста.

Царь велел всем невестам, как им и пристало,
Правы магов отринув, надеть покрывало,

И чтоб нежный свой лик, как велось исконь,
Только матери с мужем являли они.

Со скрижалей стерев волхования слово,
Он из винных подвалов всех магов сурово

Изгонял. Нечестивую веру поправ,
Он восстановил и правду и праведный нрав.

И от пламени веры, что смертным предстало,
У служивших Зердушту пыланья не стало.

С той поры богатым менялам-жрецам
Оставлять не хотели сокровищ на храм.

И красавцы, чьи щеки с гранатами схожи,
Жарких дев увлекали на брачное ложе.

Все кумирни наполнив лишь мраком густым
И служивших огню разметавши, как дым,

Царь велел, чтоб, вступив на благовую дорогу,
Все народы служили единому богу,

Чтоб, склонясь к авраамовой вере, они
Месяц с солнцем забыли на вечные дни.

Раздавателю тронов досталась порфира,
И погнал он коня по ристалищу мира.

И победа над ним возносила венец.
Нам поведал об этом великий певец.

Если ты захотел в изложении новом
Слушать все, что явил он благим своим словом,

Старый хлопок ты вынь из ушей, иль мой сказ
Явит рваную ветошь, — не светлый атлас.

От людей, обладающих разумом ясным,
Я слышал о пути Искендера прекрасном.

Много хартий имел я и ценный улов
Я добыл из потока бесчисленных слов.

Не одна надо мной проплывала година,
Много разных листов я собрал воедино.

Камни мудрости чтя выше тленных услад,
Я хранилище создал, — в нем светится клад.

□ □ □

Вот о чем еще молвил рассказчик, чтоб снова
Осчастливить внимающих прелестью слова:

Взяв у Дария царство и царственный трон,
Царь оставил пределы мосульские. Он

В Вавилоне явился. По слову преданий,
Он омыл эту землю от всех волхвований.

Лишь вступил в этот край его царственный конь,
Был нечистых мобедов погашен огонь,

Книги Зенда он жег — это книги дурные —
Хоть хранимы, сказал он, должны быть иные.

Дымный пламень в сердцах погасил он, вернуть
Он сумел всех людей на их праведный путь.

Посетил Азурабадакан по совету
Своих знатных вельмож. И в пример всему свету

Он огонь погасил, он смывал письмена,
Чтоб забыла о магах вся эта страна.

Был тут некий огонь, а вокруг него камень.
«Худи-сузом» в народе звался этот пламень.

В золотых ожерельях склонялись пред ним
Сто эрпатов. Неверными был он ценим.

Повелел Властелин, чьим сияньем украшен
Был весь мир, чтобы был этот пламень погашен.

И свернул все шатры боевой его стан:
Царь помчался туда, где расцвел Исфакан,

Этот город, такой разукрашенный, в коем
Все дышало богатством и сладким покоем.

Венценосец был радостен радостью той,
Что сверкает, когда мы спешим за мечтой.

И немало огней погасил он эрпатов,
И немало оставил без сил он эрпатов.

В Исфакане был храм, и китайский узор
Покрывал его стены и радовал взор.

Ряд пленительных девушек — так по уставу
Надежало — был в капище. Нежно отраву

Лил их взор. Словно в глину вступала ступня
У взиравших на розы в сверканьи огня.

Но Азар-Хумаюн — отпрыск славного Сама,
Чародейка, — была лучшей розою храма.

Заклинанья шепча, красотою сильна,
У сердец отнимала рассудок она.

Как Харута, любого волхва пред собою
Неизменно склоняла она ворожбою.

И когда Искендер приказал, чтоб снесли
Сей притон, сей позор исфаханской земли, —

Всей толпе горожан эта правнучка Сама
Показала дракона над стенами храма.

И, увидев, как взвихрился черный дракон,
Весь народ этим призраком был утрашен.

Побежали, друг друга сшибая, и с криком
Все к царю Искендеру в испуге великом:

«Там, над храмом, дракон, всех он в лапах сожмет.
Грозно брызжет он пламенем, как огнемет!»

Не подступишь к нему! Он поднялся, взирая
На людей, он пройдет, весь народ пожирая!»

Царь спросил у везира: «Кто знает у нас
Эти чары?» Ответствовал тот: «Булинас

В чародействе искусен. Ему все обманы
Волхвованья знакомы и все талисманы».

Царь спросил Булинаса: «Как могут, скажи,
Так обманывать эти приспешники лжи?»

Был ответ: «Всею тайной наукой владея,
Можно призраки звать. Всё в руках чародея.

Повели — я желанье твое утолю
И дракона поймаю в тугую петлю».

Царь промолвил: «Создание черного духа
Уничтожь, чтоб о нем больше не было слуха!»

Булинас тотчас к храму пошел, а дракон
Над стеною стоял, вдаль поглядывал он.

И Азар-Хумаюн тут увидела сразу,
Что стекло ее лжи поддается алмазу.

И кудесница вновь начала колдовство,
Чтоб, смутив мудреца, обесславить его.

Но хоть чары ее были властны и яры,
На саму чаровницу обрушились чары.

Вся бессильная власть неисполненных чар
Самому чародею наносит удар.

Прозорливый мудрец властной силою знания
Побеждая, сковал все ее заклинанья.

И в движении звезд уловив череду,
Ту, что может к колдунье приблизить беду, —

Взял он горстку судаба и бросил в дракона.
Он для чар чародейки добился урона

Этим действием быстрым. Заклятьем одним
Он дракона сломил и расправился с ним.

Увидала она, что магической власти
Лишена, и в испуге от этой напасти

Пала в ноги румийцу, прося у него,
Чтобы дал ей узреть Светоч мира всего.

Булинас увидал чаровницу, — и ясной
Стала участь его: тяготенье к прекрасной.

Он, сказав, что пощаду он дать ей готов,
Спас ее от людей, избивавших волхвов.

Дал он людям приказ. Пламя вспыхнуло ало
И все росписи капища разом пожрало.

Луноликую свел он к царю: «Это он, —
Так сказал Булинас, — огнеокий дракон.

Эта женщина ведаёт многие тайны
И деянья волшебницы необычайны:

В недрах праха ей слышно движение вод.
От круженья удержит она небосвод,

Месяц с неба сорвет, все затворы — нелепость
Перед ней, проходящей по ниточке в крепость.

Что скажу о ее красоте? Посмотри!
Эта дева прекрасней прекрасных перй.

Мускус локонов обнял чело чародейки
И кольцо за кольцом лег у розовой шейки.

Славу дивной, о царь, я навек погасил,
Преградил ей дорогу, лишил ее сил.

Мне сдалась она, царь, побледнев от испуга.
Пусть увидит во мне не врага, а супруга.

Удостою ее службы, мне счастья устрой,
Пусть мне будет царицей она и сестрой».

И сверкнул перед царским внимательным взором
Светлый лик, окаймленный каменьев узором.

Царь сказал Булинасу: «Ты справился с ней,
Пусть вина она выпьет из чаши твоей.

Все ж кудесницы козни прими во вниманье
И уловки ее и ее волхвованье».

И за счастье обнять ту, которую спас,
Перед щедрым царем пал во прах Булинас.

И перй, что была всех милей чернокудрых,
Ввел он в дом. Да! Перй хитроумнее мудрых.

С ней мудрец до конца овладел колдовством
И звался он с тех пор Булинасом-волхвом.

Но кудесником стал ты иль стал звездочетом,
Смерть придет — и пред ней ты предстанешь
с отчетом.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ ИСКЕНДЕРА С РОУШЕНЕК

Из огня моя чаша. О кравчий, налей
Мне воды, что послал тебе райский ручей!

Я прельщен и огнем этой чаши лучистой
И водой животворной, прозрачной и чистой.

□ □ □

Счастливы тот, кому зимнею ночью дано
Пред собою поставить и снедь и вино,

Кто своей сотрапезницы видит гранаты,
Без которых весь сад полон горькой утраты,

Кто гранатами милой смущен, восхищен,
Иль из чаши гранатной пьет сладостный сон,

Кто из горницы глянет в отрадное время,
В дни, как выйдет из веточек листиков племя

И весь мир, словно райский пленительный сад,
Заблестит, и в дому уж не станет услад,

Кто пойдет, взяв за мускусный локон подругу,
Непоспешной походкой по свежему лугу,

Кто приблизит к устам своим розы ланит
И кого свет блаженства в сей миг осенит.

□ □ □

Говоривший о днях и пиров и сражений
Ныне так закачал колыбель изложений:

Вознеся в Исфахане до звездных огней
Свой венец, Искендер отдал несколько дней

Лишь веселым пирам во дворце своем новом,
И припомнил он тут о гареме царевом.

И велел он, чтоб годный для царских палат,
По обычаю Кеев был соткан халат

Из румийского шелка, из шелка Китая
И Египта. Чтоб в дивных отливах блистая,

Освежал бы все души и радовал взор
Драгоценный и царственный этот убор.

Много взять приказал он парчи златотканой,
Много мягких мехов, и в палате пространной,

Где хранили сокровища, выбрал он ряд
Ожерелий, чьи зерна, как пламень, горят.

Взял он мускус нескрытый и так же охотно
Он прибавил к дарам дорогие полотна.

И в гарем он все это отправил затем,
Чтоб не черным, а красным казался гарем,

Чтоб кораллы на синем пылали отныне,
Чтобы в золоте всем позабыть о кручине,

Чтоб укрылся под золотом черный гранит,
Что печаль об усопшем в гареме хранит,

Чтобы Дарий стал тенью неясной и дальней,
Чтобы роз, не фиалок искать в его спальне.

Раукрасив пристанище царственных нег
И возрадовав нежную Роушенек,

Поджидал он того, чтоб раскрылись бутоны
Пробужденной весны, чтоб для девушек жены

Приготовили светлый венчальный убор
И украсили скромниц душистый пробор

В сладкий час, когда в них загорится желанье
Встретить светлого дня золотое пыланье.

И узнав, что невесте вручили дары,
Что отказа не ждать ему с этой поры,

Царь наставнику молвил: «Красавицам живо
Обо мне все ты выскажи красноречиво.

Миротворным деянием ты назови
Мой приезд. Я явился сюда для любви.

Я к царевне спешу в нетерпении великом,
Чтобы взор усладить ее царственным ликом.

В почивальне Луны мир я в сердце приму,
И главу ее подданных я подниму.

Ты царевне носилки снеси золотые,
На которых меж лалов узоры густые

Бирюзы и жемчужин. Над ними она
Поплывет по садам, как земная луна.

В пышных седлах из золота всем ее слугам
Ты коней отведи. Будь мне сватом и другом».

Поднялся Аристотель. Усердьем горя,
Он поспешно исполнил веленье царя.

В полном мускуса собственном царском покое
Обласкал он затворниц. Сверканье такое

Проявил он, проникнув за стены оград,
Словно был он ручьем, освежающим сад.

Обольщать стал он гурий дворцового рая,
На красу обольстительниц нежно взирая.

Будто яблочко, был каждый сладостный лик,
Но лукавства немало он видел улик.

И играть стал он так, как играют порою
Люди яблочком: «Вам, — он промолвил, — открою

Сердце царское. Шлет вам великий привет
Государь. Да сверкает вам радостный свет!

Хоть судьба в своем вечном движении суровом
И взыграла грозюю над кровом дворцовым,

Все же нет на царе Искендере вины
В той беде, что изведать вы были должны.

Есть надежда во мне, что, утратив надежды,
На надежду вы снова поднимете вежды.

Уделить вам от счастья желает он часть.
Благотворно свою проявляет он власть.

По желанию Дария — сердцу к тому же
Своему подчиняясь, — он хочет потуже

С вами связанным быть: быть сродни. Такова
Его воля. Такие сказал он слова:

«Для венца моего свет блистательный нужен,
Я жемчужины жду всех светлее жемчужин.

Озарит эту розу мой радостный лик,
Превратит эта роза дворец мой в цветник».

Дал обет Искендер. Он и честен и пылок.
Посмотрите на блеск мне врученных носилок.

В этот радостный край царь направил коня,
Чтобы свадьбы дожидаться отрадного дня.

Никому о себе не доверил он речи.
Сам он прибыл сюда для торжественной встречи.

Пусть невесте носилки подать поспешат,
Пусть отрадное дело скорей совершат».

И толмач передал то, что молвила жены:
«Благоденствуй, Ирана почтивший законы!

Только с доблестным мы породнимся, о шах!
Все иные мелькают, как взвихренный прах.

Книга мудрости есть. Вот реченье оттуда:
«Лишь погонщик осла — друг владельцу верблюда».

Тронуть ложе царя — наивысший почет,
Преклониться пред ним — вознестись до высот.

Как рабыни, служить мы царю не устанем
И, супругами став, мы рабынями станем.

От велья царя отвращаться нельзя.
Это ключ золотой, золотая стезя.

Если нас он родством осчастливит прекрасным,
То царевны чело станет месяцем ясным.

Примем в дар все, что ты от Хосрова принес:
Род Хосрова и нас осенил и вознес.

В день, когда с нашим домом, таким родовитым,
Властелин пожелает навеки быть слитым,

Мы, ему услужая, пойдем во дворец
И восславим его благодатный венец».

Был посланец доволен подобным ответом
И пошел он к царю и поведал об этом.

Искендер просиял. Ведь хороший ответ
В каждом сердце зажжет свой живительный свет.

А дурной, достигающий нашего слуха,
Угашает сияние нашего духа.

В день благих указаний таинственных сил
И удачных сплетений небесных светил

Искендер, осеняемый славой великой,
Возвестил, что венчается он с лунолицкой.

Полон верной любви, по уставу, как встарь
Полагалось, дал клятву свою государь.

И крепя свой обет, с блеском царского сана
Дал он светлой супруге все царство Ирана.

Он велел мастерам, возбуждая в них жар,
Разукрасить и город и шумный базар.

Всю страну, что была так недавно угрюма,
Шелк Хорезма одел с алтабасом из Рума.

Словно сказочный город неведомых стран,
Драгоценной парчой оплели Исфахан.

Опустили ковры с плоских кровель и башен,
И кошмой бирюзовой весь мир был украшен.

В поднебесье знамена взнесли. До основ
Переделали мир. Стал он светел и нов.

Переулки, базары покрылись шатрами,
Все забыли дела, все пленялись пирами.

Перекрестки заполнил разряженный строй
Музыкантов с их громкой и звонкой игрой.

Всюду сахар сжигали, сжигая алоэ,
Но сгорало и сердце завистников злое.

От Хизана до мест, где журчал Зинде-руд,
Пели сазы, звенел утешительный руд.

Столько винных ручьев забурлило повсюду,
Что пришлось опьяниться и Мамешан-руду.

Черный мускус таразский — пришел его срок —
Развязал свой мешочек. День первый истек.

Вновь заря, вся из роз, всем послала усладу.
Месяц с солнцем прошли по небесному саду.

Снова в сахар оделся восток, и возрос
В небе праздничный купол из пламенных роз.

Распевали певцы. Что могло быть прелестней
Голосов, целый мир услаждающих песней!

И опять черный шелк разостлавшая мгла,
Словно ракушку, месяц в высоты взнесла.

(Продавец благовоний в сей ракушке верно
Растирал ароматы). Сияла безмерно

Красотою невеста, — вторая луна,
Заплетая свой мускус. Мечтала она.

И миндаль ее глаз и ланит ее сладость —
Все готовилось ею Владыке на радость.

Мгла распалась. Зари золотая рука,
Как невесты рука, отстранила шелка.

Царь проснулся, и сердце его опьянело,
Колокольчиком русов оно зазвенело.

И таким пированием занялся он,
Что от зависти к пиру померк небосклон.

И шутил он со знатью над чашей веселой,
И совсем голова его стала тяжелой.

Столько щедрых даров он велел разослать,
Что измучили землю, нося эту кладь.

Разорвав ожерелье дневного светила,
Мгла вечерняя яхонт в ладони схватила,

Бунсхакскою все же пленясь бирюзой,
За него отдала она пламенник свой.

К утоленью спеша, все исполнив обряды,
Царь дождался поры долгожданной услады.

И велел привести он прекрасную в сад
С той, что в сад облекла эту розу услад.

m

•BXOA Hvexu m gojieHvo. jiiHHVod ox-oxj^
'BLDA\ H Bhd h 'loeVBHHHBe D0V03 ItKdjj

'KIIHHOX Kovev ff WED 'ojonivog HÄ"hedH 'oj
'wraHwodaj H 'wwaejiA"v 'wiqdxorag doea vmg oj

•H h d XHMITBVJ gBd VMO, dexeo HHrahXy
fH h——H HIOOffBVD H H HXBWode J-Od Viqq H J^

f

'HOffBvjea qxBBBBBMHdu ng HVJOW H Hd ii og
'wotfBd oiodoxos 3 HBXDB 'nd u Y I/HHA' H Q

•BJÄhW SK IXBUXa VBID qdBn HWBqHEegOV JJ

'BJodxD H evrag IK aa exd OJOVB qxo Y djj

•H v g OHHV ffdoj Ä"JA"Y woa defi BJJ

'K YHV BVBXDf du BJ.HHIWE0 KOHEXD If d JJ

Ji aeH nJtd j OHD H d tFH MOJ^ idBTI YBHHdjJ

M H mXo^ OIAHH H DO WOTIH H JJ

•«ox ita H Bg i Bvlf HOVJW mXffBdj J J

•oxe qm Bp H wj_ caehXdH Xd ifH HDjj

'Ji H a BovHwoveBd iqnedxo g qh '^xodH^j

•f xo H vgA\iou H h 'iCxodna Hwndu 'X JJ

'Keda e g BHBYO Bqh 'A'jiCdnA'a oiehXda JJ
BBd A'HHJKA'hW JK OXI, 'qdBn O 'K A"l#EM JJ»

'EHttO qmHY EHO X HO BH qDEVEHEXDQ
'BH W da JKA" HVHBDOH Hqh 'HiqtFBVH J.Q

•KdOW HXDOVHW Ä"HHJKA"hw JK BVHhXdOJJ
'KdOUO H Fg H W HH9V 3 2 'iqJ-O S H IXBJ^

JJOWD XH HXHVDHhDH iqq, OLH Ä"TH — BqH mOHÍfOJJ

joxd h HHModen xoxe a HYO HHdu elfJOH JJ

•wodoeA" wHfiKXD vg D otqHenx Be xojBfn wojj

'WBdoea OIAHIIÄIOOlf M ' H jXHH JK JJ

lid u xBifoHa H (jxiqHgoirou HVBVHH J_J

Hden) HHVHDOH movoe JA"O H j o g

'lqnHH d KBMOXUO 'qhOtf BYBHHdjJ

'iqfIHHaodBh qxew evHHYOwodu oxh 'ox oa JJ

—«A"W OBX XHJO XH WD BH WBH H v mndu HQ
*A"W MHXDEYHVOU NJAJ •qVÄg H aoxoEVOu HHH 3

• jKodoff R BÜqvoji ojond aif — BHgHWA"d e g
JK oa oxe onqvoH OH 'ofiivaH xÄ w oa i g

•eaovoJ OJ iHoedHA" gHHDdEfi S&OJJ

— 'sasdH qniHdePou fiifd EH A"wojAdtf ivo^j

•HO H VSOH oiqv o s JI ed tFH s jj Kden goxj^

'HOJIOV HOB3 HiqJ.OHmÄtt HEV lfa W03KOU Ojj

-HXHBH H YW S BH BdBÜ H HOedH dU JJ

'utVB nea XH K oa — 'jSa HQ YVÖQPIB HYO^

•Bdwe XVHO H qhHv a KBH XHXBdaeog

'Bdnw HWEdoxoodu VBH qxoevH WBH KBh^dn ' K Q

•HhtOtf WHmBH WBHHJKA"hw JJJ JHOXB XOXg

•HH no OJ wBjXvoes OJJ -d PH Mojj

'BEH HJO Bdee MB^J» :oj a qH hBHe 113

HBHiqdJixo 'qxBw BVHHvowodu xo a H JJ

То она, подчиненная лишь своеволью,
На сердца воздыхателей сыпала солью,

То улыбкой и легким движением вежд
Порождала в их душах немало надежд.

Розы розовый лик посрамил бы и розу,
Горьких розовых слез нес он страстным угрозу.

Тень кудрей ниспадала на сладостный лик,
Что источником света пред взором возник.

Эту тень и источник увидев, привалом
Искендер усладился таким небывалым.

И взглянул на нее оком верности он.
Сердце милой, обняв ее, взял он в полон.

Он прижал к себе ту, что похитила сердце,
И желанная сердцу насытила сердце.

Стал светлей он от Светлой. И словно весь край
И дворец обратились в сияющий рай.

Называл он царицу владычицей света;
И в почете сияла прелестница эта,

Потому что была неизменно она
Терпелива, стыдлива, нежна и умна.

Ключ от множества стран дал он Светлой
в подарок.
Стал престол ее царства возвышен и ярок.

Он и часа не мог провести без того,
Чтоб не видеть лица божества своего.

Отдыхая в стране благодатнее рая,
На посланницу рая взирал он, сгорая.

И когда предрассветный скрывался туман,
И над черным Хабешем смеялся Хотан,

Целый мир наполнялся бурленьем баклаги,
«Пей!» — кричали ковши, пьяной полные влаги.

И склоняя свой клюв, в утро новое вновь
Лил по чашам кувшин темно-красную кровь.

И от чангов рокочущих царского пира
Пламенели ланиты подлуного мира.

Царь семи областей в кушаке, что являл
Семь камней цветных, небеса заставлял

Пред собою склониться почтительно долу, —
Так сиял он, склонясь к золотому престолу.

Столько пышности ввел в это празднество он,
Что казалось пирующим: все это — сон.

Все искусники были на пиршестве, дабы
Проявлять мастерство, и звенели рубабы

В ловких пальцах. Под звучные песни певца
Стройных кравчих проворность пленяла сердца.

И напевы струились и струны журчали
И журчаньем куда-то мечтателей мчали.

И рука Искендера была не пуста,
Вновь сокровищниц полных раскрыл он врата.

И шуршащих жемчужин за грудую груду
Раздавал он войскам и разбрасывал всюду.

И весь мир он одел и в рубин и в лучи
Багряницы своей и блестящей парчи.

Словно солнцем он был, щедрый пламень являя
И сияньем своим целый мир наделяя.

Словно солнцем он был, раздающим свой свет, —
Свет бессмертный, которому убыли нет.

Быть скупым не пристало царю всего света,
Беспредельная щедрость — великих примета.

ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ ИСКЕНДЕРА В СТОЛИЦЕ ИСТАХРЕ

Кравчий! Магов полночный светильник мне дай!
Он — прозренья мое. Надо мной не стнай!

Из него в свою душу вбираю я масло,
Чтобы сердце мое пламенело, не гасло.

□ □ □

Ты скажи мне, о слово, алхимиков клад,
Как ты сделалось камнем волшебных усад?

Из тебя создавались дворцы и палаты,
Но в тебе ни крупички не видно утраты.

Где у нас ты рождаешься? Где? Не скрывай!
Если ты издалёка, то где же твой край?

Ты исходишь от нас, но ты нами незримо.
Создавая рисунки, ты неуловимо.

В мастерской наших душ лишь тобой мы живем.
Наш язык — он служитель в приказе твоём.

Если ты будешь виться, волшебная птица,
То и память о нас на земле сохранится.

Как возвышен познавший весь круг твоих чар!
Да раскупит народ его звучный товар!

Да вручает он всем драгоценное слово,
Огорчая удачей завистника злого!

Приходи, обладатель сверкающих слов,
Изложи все законы словесных основ.

И о витязях пой и, владеющий знаньем,
Вызывай отошедших своим заклинаньем.

□ □ □

Излагающий мудро бывшие дела,
Тот, пред кем проясняется древняя мгла,

Молвил так: под безмерным шатром бирюзовым,
Указующим путь к устремлениям новым,

Искендер снова поднял свой воинский стан
И оставил прельщавший его Исфахан.

И в Истахре, в приюте царя Каюмерса,
Перед ним весь Иран покоренный отверзся.

На главу возложил он венец, и на трон
Он воссел, и стране дал могущество он.

И вельможи, царя почитавшие твердой
Государству опорой, с осанкою гордой

Приходили к царю: приносили они
Подношенья тому, кто возвысил их дни.

От истоков и Нила и Ганга, из края
Черных зинджей, из желтых просторов Китая

С избыточною данью примчались послы
И, вручая дары, возносили хвалы.

И на троне, под сенью дворцового крова,
Искендер снял печать с драгоценного слова:

«Восхваляю того, кто в мой разум вселил
Для хвалы постижение божественных сил,

Кто чело мое поднял из праха, вздымая
До горящего звездами светлого края,

Кто из Рума привел меня в дальний Иран,
Воском сделав хребты мне дарованных стран,

Кто возвысил меня своим словом единым,
Чтоб небесный шатер стал моим паланкином,

Кто мне также вручил свой суровый наказ,
Чтоб не смел отводить я от истины глаз,

Чтоб чинил правосудье, чтоб скорбным и бедным
Сделал светлую ночь в своем царстве победном.

Указует мне разум дорогу к творцу,
Правосудьем дарую сиянье венцу.

Ибираю сегодня прямую дорогу,
Ибо к страшному завтра приду я порогу.

К дню отчета приду по такому пути,
Потому с опасеньем хочу я идти.

Ни слона, ни сверчка, дав сияние трону,
Я рукою насилья отныне не трону.

Серебра не желаю и золота я
Отнимать у других. В этом правда моя.

Не хочу, хоть насилья увижу немало,
Чтоб насилье мое целый мир донимало.

Снял с больших я и малых селений налог.
Дань снимаю со стран: я к подвластным нестрог.

Если в руки дается мне благо мирское, —
Им делюсь я с людьми, чтоб остаться в покое.

И ключи от богатства, и помощь свою,
И опору житейскую всем я даю.

Вознесу всех искусных. Не дам я помощи
Лишь безумным, — цепями стяну я их ноги.

Тех не чту, кто живет на чужой только счет,
Но беспомощный люд пусть ко мне притечет.

У здоровых и дельных не будет заботы:
Не позволю оставить я их без работы.

Если примется кто-то за труд и притом
Все ж не сможет прожить ежедневным трудом,

Облегчу я ему трудовую дорогу
И, казну раскрывая, приду на помощь.

Знатье с верой призвал я. Мне служат они.
Справедливости дам я базарные дни.

Сея благо, страшусь при свершеньи посева
Лишь одних, — устранившихся божьего гнева.

Всех преступников злых раздробят жернова,
Но иным — на прощенье вручу я права.

Мир украшу я щедростью. Мне ведь не ново
Золотою казною поддерживать слово.

Подчиню я рассудку свой огненный нрав.
Угнетенных спасу, угнетателей сжав.

Злом отвечу на зло злодеяний стократных.
За добро — сто деяний свершу благодатных.

Накажу за неправду деяний былых,
Обласкаю всех тех, кто раскается в них.

Если враг зашумит, — быстро смолкнет он снова;
Если ж он промолчит, — не скажу я ни слова.

Лишь основа добра для меня дорога,
Если явится зло, то оно — от врага.

Всё просеять хочу через разума сито,
Чтоб одно только благо мной было добыто.

Колесо водяное боится ль труда?
Им чистейшая людям дается вода.

Все, что меч мой нашел, все, что взял он на свете,
Настигает удар моей хлещущей плети.

Не успел еще меч всю страну одолеть,
Как уже ударяет разумная плеть.

Для того я взошел на престола ступени,
Чтоб упавших поднять, их слышавшим пени.

Я и солнце и туча. Таков я всегда.
В левой длани — огонь, в правой длани — вода.

Вражьих скалы прожгу: было так не однажды.
Если ж встречу посевы, — спасу их от жажды.

Я не сам к вам из Рума явился в Иран, —
Был мне должный указ вседержителем дан,

Чтоб ключи подобрал я к познанию, чтобы
Отделил я от истины плевелы злобы,

Чтоб соратникам правды я поднял чело,
На приспешников лжи чтоб обрушил я зло.

Нищету я смету. Отгоню от лазури,
Чтоб не гасли светильники, лютые бури,

Я восставляю дома, их от бед оградив.
Станет ангелом каждый мной встреченный див.

Справедливость внесу кипарисом. Охрана
Будет всем. Дерзкий сокол не схватит фазана.

Волак уснет меж ягнят, свою злость одолев,
И не тронет онагров смирявшийся лев.

Злых к добру устремлю. От деяния злого
Отведу в темный час человека благого.

Тех людей, что поднять столь высоко я смог,
Не склоню уже больше у чьих-либо ног.

Если сердце терзаю я недругу злому, —
Всё ж его на терзанье не дам я другому.

Никого не извел я, подсыпавши яд.
Бью открыто. Цари ничего не таят.

Никого не учил я неистовству гнева.
Без нужды ничьего не сжигал я посева.

Если сам я кого-то сломаю, то и сам
Исцелю. Мною найден целебный бальзам.

Если боль я вселю в чье-то смертное око,
То лечебный состав у меня недалёко.

Да поможет создатель мне в трудных делах!
Да вселит в дурноглазых смиренность и страх!»

Царь умолк, изъявив своих действий основу,
Руки подняли к небу внимавшие слову.

Но таила и тех многопестрая знать,
Что считали, что все им дано было знать.

И меж этих невежд многодумных, кичливых,
Словоблудов тупых и всегда говорливых

Был один хитроумец. К царю свою речь
Обратил он, чтоб всех к своей речи привлечь:

«Царь, вручи мне дирхем. От царя Искендера
Этот малый подарок — ценнее кишвера».

Молвил царь: «От царя ты б сокровищ просил,
Сообразно с могуществом царственных сил».

Отвечал краснойбай, полный скрытого жара:
«Если царь устыдился столь малого дара,

Может статься, он царство мне даст и в почет,
Вознеся до светил, он меня облечет».

И ответил невежде венец мироздания:
«Не по мерке своей попросил ты даянья.

Просьба первая — ниже величья царей.
Для второй — мне не видится мощи твоей.

Меру слов распознай. В этом речи основа.
Принимают с презреньем слова пустослова.

Если слово заставит насупиться бровь,
Хоть оно в похвалу, ты его не готовь».

Но не стих еще жар в сем злокозненном муже:
«Ты высоко сидишь, мы — внизу, почему же?»

Ты сказал: мы — друзья. Я чертог вижу весь:
Здесь и трон и места невысокие здесь».

Молвил царь: «Я — глава. Мне должно быть
отличье.
Не возвышу главы, — в чем же будет величие.

У полезных растений внизу голова,
Но ведь наша — иные имеет права.

Должен царь восседать высоко. Отовсюду
Беспрепятственно виден он должен быть люду».

Не хотелось молчать хитрецу и глупцу:
«Украшенья, о царь не нужны мудрецу.

Украшенья в душе у тебя заблестело.
Для чего ж украшаешь непрочное тело?»

И ответил Великий: «Мой царский убор
Всем его созерцающим радует взор.

Если я многоцветно являюсь одетым,
То глаза созерцающих полнятся светом.

Иль не ведаешь ты: засверкает весна, —
И весь мир наполняет сияньем она».

Всем разумным слова его с блеском немалым
Бирюзой показались и сладостным лалом.

Славословить они принялись его дни,
Перед правдой царя преклонились они.

Всю его справедливость увидел их разум,
И прельщались они его каждым указом.

По примеру Джемшида великого он
Каждым утром всходил на сверкающий трон.

И сиянием сердца светя беспримерным,
Царь внимал своим слугам и подданным верным.

И прощал он виновных, и многих отвлечь
От проступков смогла его мудрая речь.

И весь мир усмирил он от края до края,
Всем даруя покой, сам покоя не зная.

ИСКЕНДЕР ОТСЫЛАЕТ В ЮНАН АРИСТОТЕЛЯ С РОУШЕНЕК

Дай мне, кравчий, вина цвета яшмы, — благой
Твой напиток. О камень задел я ногой.

Я под каменным градом. Ты, может быть, дашь мне
Для спасенья припасть к твоей сладостной яшме.

□ □ □

Мчится звездный верблюд, захотел небосвод
Быстросменных злодейств, — и ускорил свой ход.

Каждый миг прибегает он к войнам и розням,
К примиреньям и к новым уловкам и козням.

Размышляй обо всем его замысле злом,
Приглядишься. Что иное найдешь ты в былом?

Подчинившийся слову господних велений,
Изменяется только лишь облик явлений.

Если наши деянья сменяются сном,
Ты не думай, что весь разрушается дом.

Много смертных оставило землю, но что же!
Не исчезла земля, и на свете — все то же.

Что нам делать, коль наши умчались друзья
И соратников наших исчезла семья?

Что ж! Пожитки собирай: дни проходят за днями,—
И друзья не должны расставаться с друзьями.

Если ослик и хром и на трудном пути,
Все же должен, усталый, до стойла дойти.

□ □ □

Мудреца сладкогласного внял я глаголу:
Лишь одно правосудье пристало престолу.

Искендер целый мир покорил, но услад
Он себе не искал: он другому был рад.

Он стремился к тому, чтобы мир был в покое, —
В мире помощь нашло устремленье такое.

Если хочешь ты мира, — последуй ему.
Все иное — ничто: путь иной ни к чему.

Стран земных подчинил он несчетное племя,
И пред ним преклонилось покорное время.

От хабешских земель до китайских границ
Перед ним все властители падали ниц.

По указу гонцов принята была мера,
Чтоб чеканить монеты с лицом Искендера.

Но хотя обладал он бесстрашием льва
И мечом на весь мир приобрел он права, —

Все ж тревожна порою была его дума:
Для румийца спокойней в прибежище Рума.

Некой ночью, когда ход счастливых светил
Ясным светом сознание царя осветил,

Царь послал за наставником верным, с которым
И провел тайный час за ночным разговором:

«Все иранское царство добыл я в удел,
Но к нему быть прикованным я б не хотел.

С небосводом я схож: мне круженье — отрада.
Оглядеть все на свете душа моя рада.

Я увидеть хочу все земные края,
Чтоб узнать, кто на свете сильнее, чем я.

Вот решенье благое: покуда я стану
По людскому кружиться шумливому стану,

Отсылаться должно мое золото в Рум.
Только Рум не исполнен злокозненных дум.

Мне злосчастье увидеть, быть может, придется.
Не всегда ведь кувшин выйдет цел из колодца.

И примчится мой враг, и присвоит мой трон,
И с моим достоянием расправится он.

Много бедствий на свете подобных бывало,
И опасностей в мире таится немало.

К ионийцам ты должен вернуться. Взглянуть
Должен с мудростью ты на возвратный свой путь

Став наместником солнца, как месяц сияя,
Охранишь ты порядок обширного края.

И с тобою в Юнан шлю я Роушенек,
Чтоб в Иране покой утвердился навек».

И наставник царя снова внял Искендеру:
«И в добре и во зле помни должную меру.

И в духовных делах и в решениях мирских
Вспоминай, мой наместник, о мыслях моих.

Ты от всех приближенных имеешь отличие,
Потому я тебе и дарую величье».

И, решение приняв, многомудрый везир
Так ответил тому, кем был светел весь мир:

«Повелитель земель! Твое слово — веленье.
Ты решению мудрых даешь изволение.

Да блестит все светлей и светлей твой удел!
Да свершится весь круг твоих царственных дел!

Выбор, сделанный шахом, в решениях правым,
Проницательный разум не счеда бы нездравым.

Препояшусь на долг, полный трудности я.
Будет верной высокая служба моя.

Только надо, чтоб, вдалеку устремив свое око,
Всю чреду своих дел царь обдумал глубоко.

Если ж выйдет ему предназначенный срок,
И уйти навсегда повелит ему рок, —

Пусть его не томит бремя царственной власти,
Пусть отдаст его жаждущим этой напасти.

Кто посмеет бы весь мир сделать миром своим?
Кто один смог бы властвовать дерзко над ним?

Мир — одна ли страна? Нет, мощней он и шире!
И властителей много имеется в мире.

Твой удел предуказан всеведущим. Знай:
Примет имя твое твой единственный край.

Если ж край вслед за новым захватишь ты краем,
Вспомни ты обо всем, что о мире мы знаем.

И на чуждой земле ты недолго пробудь.
Не свяжи себя. Волен да будет твой путь.

Это царство, хоть полон ты будешь раденья,
Не оставишь наследником ты во владенье.

Будут многие требовать это жилье,
Станут властно доказывать право свое.

Никому из румийцев, о властный, в Иране
Не давай ты главенства. Теперь, что и ране,

Все тут помнят о Кее. Он здесь погребен.
Чужеземец никем здесь не будет почтен.

В эти дни безопасности — всю свою славу
Укрепи. Возвеличь Искендера державу.

И, вернувшись домой, в благодатный свой край,
Ты к делам государства, о царь, поспешай.

Чтобы дней твоих славных текла вереница,
Ты царям озари помрачневшие лица.

Их на царство поставя, ты их разошли
По краям покоренной тобою земли.

Пусть они эти земли считают своими.
Охраняться границы не будут ли ими?

Опасаясь Ирана. За Дария кровь
Он на бой опояшется, может быть, вновь.

И к Юнану помчатся войска из Ирана,
И разрушится Рум от их буйного стана.

Если дашь ты царям власть на долгие дни,
То враждою друг с другом займутся они.

И, затеяв свой спор безрассудный и дикий,
Против нас ополчиться не смогут владыки.

Всем врагам, на грабеж устремившимся, путь
Можно этим пресечь; это, царь, не забудь.

И запомни еще: не гневи их, — не надо
Их на месть вызывать. Миротлюбье — ограда.

Не усердствуй в пролитии крови царей:
Может смута возникнуть пожаров быстрей.

Ты не думай, что только лишь кровь Снаву́ша
Кровь иную родит, связь народов наруша.

Ты свой меч не желай к убиению привлечь,
И в тебе ведь есть кровь, и у неба есть меч.

Молвил некто: «Будь кроток не только по виду.
Не обидишь других — не потеряешь обиду».

Вредоносным не будь. Не потерпит вреда
Не вредящий другим. Не вреди никогда.

Не унизься, других не унизя беспечно.
И живи, всех живых охраняющий, вечно».

И сумел Искендер вдали премудро взглянуть,
И душой он воспринял указанный путь.

Край серебряной чаши блеснул; золотое
Загорелось яйцо. Проникая в былое,

Мы узнали, что утра вот этого след
В своей хартии — древний оставил мобед.

Молвил царь, лишь заря разожглась понемногу,
Чтоб везир, не промедля, пустился в дорогу.

Из хранилища книг взять велел государь
Все, что в Персии было начертано встарь.

Много свитков, наполненных сонмом преданий,
И письмён, что являлись источником знаний,

С толмачом отправлялось в Юнан, чтобы там
Новый дан был язык этим древним трудам.

Аристотель пришел в надлежащее время,
Чтоб исполнить приказ, ногу вправивши в стремя,

Чтоб с собою царицу прекрасную взять,
Письмена и сокровищ великую кладь.

Дан был знак Искендером всему каравану,
И пошел он в свой путь, направляясь к Юнану.

Молодая царица, как месяц была,
И жемчужину в чреве она понесла.

И когда караваном дошли до Юнана,
Стало тягостным бремя царицы Ирана.

Девять лун обогнули ночные поля,
И жемчужиной новой блеснула земля.

Мальчик назван был: Искендерус. К колыбели
Шел весь двор: все пред ней преклониться хотели.

Аристотель, умноживший славу свою,
Заместитель Владыки в юнанском краю,

С царским отпрыском, блещущим розовым ликом,
Вскоре начал учебу в усердьи великом.

И его поученьям, хоть был еще мал,
Восприимчивым сердцем ребенок внимал.

Много было прекрасных, которых немало
Берегли и лелеяли, — все ж их не стало!

ПОХОД ИСКЕНДЕРА НА ЗАПАД И ПОСЕЩЕНИЕ КААБЫ

Дай мне, кравчий, папиток, пугающий скорбы
Протянул к тебе руку вкушающий скорбь.

Ароматом покоя повея, быть может,
Он о скорби забыть на мгновенье поможет.

□ □ □

Благотворно — найти знак благого пути,
Не терзать свою грудь, а все дальше идти,

Потерпевши беду, все же быть величавым,
Темный страх побеждать размышлением здравым

И не помнить про боль, свет повсюду меча,
Как сияет, хотя и сгорает, свеча.

Коль смятён человек и исполнен смущенья,
От гаданий порою он ждет наущенья.

Добывает он ключ из песка и камней.
Есть железо меж круч из песка и камней.

Но ведь ключ золотой, открывающий тайны,
Держит только неведомый, знающий тайны.

И загадывать лучше, собираясь в свой путь,
Приказавши себе: благодетелен будь!

Не томись нездоровьем, здоровым ты станешь.
Молви: «Стану я новым» — и новым ты станешь.

Мечем жребий мы все, намечаем дела,
Но ведь воля творца нас ведет и вела.

Ты в надзвездный напев, нам звучащий в помощь,
Не вноси своей песни, не внемлющей богу.

Срок недолгий мне дан. Сердце! Тайну храни.
Разгласителей тайн от себя отстрани.

□ □ □

Указующий путь моим сказом прекрасным,
Разукрашенным дивно размером согласным,

Повестует о том, что когда до луны
Царь возвысил свой трон, он из каждой страны

Много выючных животных отправил; поклажи
В дальний Рум потекли под охраню стражи.

Искендер, не страшась чародейства земли,
Порешил, что года его странствий пришли.

Мир земной правосудие знал Искендера,
С каждой чашей вина поминал Искендера, —

И благой Миродержец и ночью и днем
Пребывал в неусыпных заботах о нем.

Он весь мир наделил устроеньем и ладом,
Тяготая душой к милосердья уладам.

Он желал, на весь мир свой накиннув аркан,
Чтоб удел всем живущим был радостный дан.

Не позорил он гордых, ценимых всем краем,
Хоть иных и сражал он, но все же мы знаем,

Что вознес он соперников многих своих;
Он ценил их за доблесть, горящую в них.

Хоть сжигал он порою враждующий город, —
Не один он построил чарующий город.

Но ведь время и делает только одно:
Это — рушит, а то — воздвигает оно.

Искендерово царство в те славные годы
Обнимало немалые земли и воды.

Принимал он посланцев от множества стран.
Присылал их Китай, присылал Кайруван.

И просили охранную грамоту главы
Многих дальних держав у великой державы.

И, как было обычно при просьбах таких,
Слали много подарков они дорогих.

И на лучшем шелку дал велье Двурогий
Начертать им ответ благосклонный, нестрогий.

А когда свод небес (то светлел он, то гас)
Вкруг земли обернулся уж несколько раз,

Миродержец, желанию сердца в угоду,
Чтоб весь мир осмотреть, все готовил к походу.

Он арабов премудрые книги читал;
Год за годом о том он в раздумьях мечтал,

Что, Иран покорив, вдаль он тронется, дабы,
Как индийцы, пред ним преклонились арабы.

Он явиться в прекрасной Каабе хотел,
Он предвидел: высок ее станет удел.

И в арабское царство стремясь из Ирана,
Снарядил он всю знать из военного стана.

И харвары сокровищ связал он в тюки,
И пустынь бездорожных попрад он пески.

Он арабским вождям роздал золота груду,
Он покорность их рабскую встретил повсюду.

Все арабы, его увидавши войска,
Покорились ему. И по волнам песка

Продвигаясь вперед, покорял он их племя,
Им вреда не чиня и откинувши стремя,

На стоянке любой принимал он дары.
Приносили арабы — скудны их пиры —

Для стола Повелителя нужных баранов
И обычные яства кочующих станов.

И царю Искендеру все то, что могли,
Отдавали сыны аравийской земли:

Одаряли румийца они и конями,
И мечами с отравленными лезвиями,

И несли они хаттские копья — струя
Вражьей крови насытила их острия —

И верблюдов-самцов и верблюдиц, от пыли
Их очистив, принять Искендера просили.

И в тюках непрерывно везя в его стан
Благовонные зерна и лучший сафьян

И другие дары, — Искендера державу
Принимали они, вознося ему славу.

А владыка за каждый полученный дар
За харваром даров новый сыпал харвар.

Стало много барханов коврами одетых,
Вся пустыня блестела в его самоцветах.

Он к Каабе спешил. Письмена говорят:
Изучил Искендер преклоненья обряд.

Пуп земли он увидел, и мускуса много
Из него он добыл. Поклоненья дорога

Завершилась: свершил круговой он свой ход
Точно так же, как плывший над ним небосвод.

И была его воля обрядом ведома,
Взялся он за кольцо благодатного дома.

И к Каабы вратам с поцелуем прильнул
И того, кто хранит его, он помянул.

Все исполнил поклоны пред богом всесущим,
Много роздал сокровищ он всем немущим,

Не кошель — целый клад был для бедных им дан.
Не верблюда давал он, а весь караван.

И войдя в светлый дом с вождельнем единым —
Преклониться челом пред его господином, —

В нем явил он сокровищ своих волшебство,
И осыпал он амброю кровлю его.

Все обряды свершив, царь пустился в дорогу,
Чтоб в сафьян иеменский вдавить свою ногу.

Озарил он походом своим Иемен.
Ведь звездою счастливой храним Иемен.

На иракскую снова вернувшись дорогу,
Государь к своему возвратился порогу.

И прислал Азурáбадакана глава
К Искендеру гонца. Царь услышал слова:

«Коль восставил ты мир над земным нашим долом
И покончил с неправдою и произволом,

Почему ты забыл об армянской земле?
Почему пребывать ей в неправде и зле?

Ты — сияющий день. Почему ж твои очи
Не разгонят весь мрак ее сумрачной ночи?

Там огню поклоняются. Я говорю
Искендеру: там служат иному царю.

Есть в Абхазии курд; он из племени Ада.
Многомощный Рустам не имел бы с ним слада.

И бывало, что кожу на львах разрывал
Он себе на ремни. Его имя — Дувал.

Смельчакам из Армении очень он дорог.
Он для них — повелитель, а вовсе не ворог.

Они славят его, попивая вино,
И от них ему податей много дано.

И к тебе вся страна наша в страхе возвала.
Обезлюдит наш край злая сила Дувала».

И оставлен царем был тогда Вавилон,
И с войсками в Армению двинулся он.

И в Армении путь пересек он мобедам,
И царю этот край стал пленительный ведом.

Дал ему он сиянье, как светлomu дню,
Образумя всех тех, кто молился огню.

И затем, чтоб Дувала увидеть воочью,
Царь с войсками в Абхазию двинулся ночьюю.

Барабанами снова разодрана высь,
Что-то копыя шептать небесам принялись.

Искендер много замков узрел. Неизменно
Все ключи от ворот получал он мгновенно.

И Дувал, полководец абхазской земли,
Лишь ему о румийском царе донесли,

В своих мыслях отвергнув любое сраженье,
Препоясался тотчас царю на служенье

И вскочил на коня, чтоб сложить свою власть,
Чтоб к руке Искендера с лобзаньем припасть.

И дары, что пригодны для царского рода,
Он вручил казначею у царского входа.

И, войдя во дворец, должный отдал поклон
И вражды к Искендеру не чувствовал он.

Миродержец, скитавшийся по свету, взором
Благосклонным окинул Дувала, в котором

Он достойного мужа узрел, и ему
Он дорогу открыл ко двору своему.

Расспросив его мирно, под царственным кровом
Обласкал он абхаца приветливым словом,

И была казначеем дворцовым дана
Ему гряда сокровищ огромней слона.

По приказу царя были здесь ожерелья
И халаты и серьги; сверкали изделия

В драгоценных камнях, и радовал взор
Тяжкий меч и сверкающий царский убор.

Все, что было приказано царственным словом,
Было вмиг свершено казначеем дворцовым, —

И, облекшись в шелка, что ему даровал
Искендер благосклонный, счастливый Дувал

В ожерелье, в венце стал правителям равен, —
Тем, чей гордый венец и возвышен и славен.

И хвалебную речь он к царю обратил,
И призвал на него свет небесных светил.

На служенье царю он душой утвердился.
Возвеличился он, потому что смирился.

И коль стало служенье ему суждено,
То в душе его было оно лишь одно.

Он к царю стал служением верным приближен,
Приближением стал беспримерным приближен.

И в краю, что сверкал словно радостный сад,
Взор царя засверкал от неожиданных усад.

Царь восторгом горел от сего плодородья,
Оттого, что сюда повернул он поводья.

И слова летописцев в свой слух мы вберем:
«Был заложен Тифлис Искендером-царем».

Лишь добра семена, все окрест озирая,
Сеял царь в этом светлом подобии рая.

И на мир простирающий волю свою,
Ввел обычай Рума он в этом краю.

И, оставя стоянку, дивуясь величию
Синих гор, он помчался за горною дичью.

Две недели подряд измеряя пути
Между гор, сотни птиц он сумел там найти.

И почти истребил всю породу он птичью,
И к Берде он помчался в погоне за дичью.

Там жила Нушабе, там царила она,
Там под властью жены процветала страна.

И увидел он реки, зеленые доли,
И меж пажитей сделал привал он веселый.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О НУШАБЕ

Дай мне, кравчий, вина, что во мраке ночей
Укрепляет наш дух, словно чистый ручей!

Я сгораю, ведь скорби во мне преизбыток.
Научился я пить твой отрадный напиток.

□ □ □

Так прекрасна Берда, что январь, как и май,
Для пределов ее — расцветающий рай.

Там на взгорьях в июле раздолье для лилий.
Там весну ветерки даже осенью дилили.

Там меж рощ благовонных снует ветерок,
Их Кура огибает, как райский поток.

Там земля плодородней долины Эдема.
«Белый сад» переполнен цветами Ирема.

Там кишачий фазанами дивно красив
Темный строй кипарисов и мускусных ив.

Там земля пеленою зеленой и чистой
Призывает к покою под зеленью мгlistой.

Там в богатых лугах и под сенью дубрав
Круглый год благовонье живительных трав.

Там все птицы краев этих теплых. Ну, что же...
Молока хочешь птичьего? Там оно — тоже.

Там дождем золотым нивам зреющим дан
Отблеск золота, блещут они, как шафран.

Кто бродил там с отрадой по благодным травам, —
Тот печалей земных не поддастся отравам.

Но Берда ниспровергнута. Ветра рука
Унесла из нее и парчу и шелка.

В ней осыпались розы, пылавшие ало,
В ней не стало нарциссов, гранатов не стало.

Устремись к ее рощам, войдя в ее дол,
Ты бы только щепу да потоки нашел.

Или травы, что здесь в золотоцветах блистали,
Из зерна справедливости древле возрастали?

Если правда здесь вновь утвердится, — красив
Снова станет узор здешних пастбищ и нив.

Да, коль шах обратит взор свой к этому лону,
Вновь он даст украшения древнему трону.

Этот край прозывался Харумом, потом
Был Бердою учителем назван, и в нем,

Породившем прославленных мощное племя,
Много кладов укрыло поспешное время.

Где цвело столько роз, взор людской утоля?
Где еще столько кладов укрыла земля?

□ □ □

Нам поведал мудрец,клады слов разбирая, —
Воцарилась в стране, что прекраснее рая,

Нушабе. За отрадною чашей вина
Круглый год, веселясь, проводила она.

Непорочной газелью бродя по долинам,
Красотою была она схожа с павлином.

И была она, славой сияя большой,
Что мудрец — благоправьем, что ангел — душой.

Ровно тысяча дев с ней была. И их лица
Окружали ее, словно лун вереница.

Тридцать тысяч гулямов служило при ней,
Все имели они быстроногих коней.

Но мужам был заказан предел ее крова:
В свой дворец не впустила б она и родного.

Только жены вели ее царства дела,
И к мужам благосклонной она не была.

Все советницы были разумны, — к чему же
Было им помышлять о каком-либо муже?

А гулямы, которыми край был храним,
Проживали в уделах, назначенных им.

Даже к тени дворца иль дворцовой ограды
Не посмели б они устремить свои взгляды.

Но приказ Нушабе исполняя любой,
За нее они всюду вступили бы в бой.

Царь, приведший войска к этим нивам и водам,
Воздвигая шатер, что был схож с небосводом,

Увидал и луга и безмерный посев,
И спросил, всю окрестность сию оглядев:

«Кто в раю этом правит? Каким властелином
Безмятежность дана этим светлым долинам?»

Отвечали царю: «Все, что в этой стране,
Вручено небесами прекрасной жене.

Разум зоркой владычицы с мудростью дружен.
А по крови она чище лучших жемчужин.

Сердце чистой — прозрачный, благой водоем.
И печется она о народе своем.

Много мужества в ней. Древней былью повеяв,
Говорит ее храбрость о доблести Кеев.

Венценосна она, но не носит венца.
И войска не видали царицы лица.

Есть гулямы у ней. Но ни днем и ни ночью
Не видали жены они этой воочью.

Много дивных, чья грудь, словно нежный жасмин,
Ей во всем помогает. Лишь сахар один

Равен сладостью с этими женами. Люди
Не видали гранатов круглей, чем их груди.

Горностай и шелка в вечной дрожи на них:
Посрамятся, — не ведали нежных таких!

Если б с неба взглянули на них серафимы, —
Тотчас пали бы наземь, любовью палимы.

Блещет каждая в роще и светит в дому,
Как светильник иль солнце, спугнувшее тьму,

Так сияют они, что опасно для ока
Поглядеть на красавиц хотя б издалёка.

Кто б их голос услышал в их райском краю, —
Их бы прихоти отдал всю душу свою.

Их в жемчужинах шей, а уши их в лалах.
Их из лалов уста, жемчуг в ротиках алых.

Чье заклятье над ними — не знаем, но страсть
Не простерла на них свою жаркую власть.

Их приятель — напев, их забвение — в чаше.
Ничего им на свете не кажется краше.

Это воля премудрой и чистой жены
Отгоняет от них сладострастные сны.

И чертоги ее с пышным капищем схожи,
И туда беспрепятственно дивные вхожи.

И она, хоть мужчинам к ней доступа нет,
Каждый день созывает свой царский совет.

У нее во дворце есть большая палата,
Что не только ковром златотканым богата:

Там хрустальный поставлен блистающий трон,
И рядами жемчужин он весь окаймлен.

Весь дворец ее блещет каменьеv лучами
И, как светоч иль месяц, сияет ночами.

Каждым утром, взойдя на высокий престол,
Взор царица возносит в заоблачный дол.

Всем, кто в этой палате, невестою мнится
Меж невест служающих эта царица.

И все жены цветут. В созерцаньи они
И в весельи проводят счастливые дни.

Но в дремоте своей и за радостным пиром
Они помнят того, кто сияет над миром.

И жена, чье чело так пристало венцу,
Не жалеет себя в поклоненьи творцу.

И не спит во дворце, схожем с божеским раем,
В прозорливости мудрой. О доме мы знаем,

Что из мраморных глыб. Ночью, словно луна,
Одинокая, в дом этот входит она.

Там за тихим, для всех недоступным порогом,
До утра она страждет, склоняясь пред богом.

Лишь ко сну она голову склонит, — и вот
Вскинет снова, как птичка, которая пьет.

И затем в окруженьи перй она снова
Пьет вино и внимать милым песням готова.

Так она управляет стремлений конем:
В ночь — сюда повернет, а туда — светлым днем.

В ночь молитвам она предана, а с рассветом
Хочет радостной быть — видит благо лишь в этом.

Так ведет меж подруг она круг своих дней.
Пребывают гулямы в заботах о ней».

Искендер, обольщенный такими речами,
Все хотел бы увидеть своими очами.

Вся окрестность цвела, воды мчались по ней,
Дол казался алхимиков камня ценней...

За вином, в изобилие таком небывалом,
Искендер отдыхал, наслаждаясь привалом.

Но уже к Нушабе весть пришла во дворец,
Что блестит недалёко румийский венец.

И готовиться стала она к услуженью,
Ибо знала: весь мир — под румийскою сенью.

И румийцу служба, как царю своему,
Наилучшие яства послала ему.

Кроме птиц для стола и животных отборных
И коней под седло многоценных, проворных —

Злаки, блеском своим привлекавшие взгляд,
Ароматную снедь и приправы и ряд

Златокованных чаш, чтоб свершать омовенья,
И плоды и вино, что дарует забвенья,

Мускус, травы, чей дух полон сладостных чар,
За харварами сахара новый харвар, —

Для того, кто царил так премудро и мощно,
От нее приводили и дённо и ношно.

Искендеру подарки и яства даря,
Не забыла она и придворных царя.

И ее благородством пленясь и делами,
Все царицу Берды осыпали хвалами.

Искендер еще больше направить свой путь
К Нушабе захотел, чтоб хоть глазом взглянуть, —

Так ли скрытен дворец в ее райской столице,
Так ли дело правленья покорно царице,

Так ли властна она, так ли облик пригож,
Правда ль слухи о ней или все это ложь?

□ □ □

Сумрак ночи — Шебдиз над горами большими
Был подкован подковами дня золотыми.

Сел в седло Искендер. Путь он хитрый нашел:
К Нушабе он отправился, словно посол.

И с коня соскочив у дворцового входа,
Государь отдохнул. До небесного свода

Поднимался дворец и казалось: пред ним
Все склонилось и был он лазурью храним.

Увидав, что гонец на дворцовом пороге,
Всполошились рабыни и в царском чертоге

Доложили царице о дивном поселе
От Владыки, что блеск даровал их земле:

«Этот светлый гонец схож с крылатым Сурушем,
Что с благим предвещаньем спускается к душам:

В нем великого разума светится свет,
И сияньем божественным весь он одет».

И свой тронный покой Нушабе осветила,
Путь запретный она в золотой обратила.

Луноликих она разместила в ряды.
С двух сторон расцвели золотые сады.

Мускус тягостных кос оплеля жемчугами,
Вся она в жемчугах заблестала шелками.

И прекрасным павлином казалась она,
И сияла она, и смеялась она,

И воссела в венце на сверкающем троне
С апельсином, наполненным амброй, в ладони.

Повелела она, чтоб гонца к ней ввели,
Соблюдая весь чин ей подвластной земли.

Но посланец, как лев, отстранивший препону,
Появился в дверях и направился к трону.

И меча он не снял и, как должно гонцу,
Он земного поклона не отдал венцу.

Быстролетно окинул он огненным взором
Весь чертог, полный блеска и света, в котором

Райских гурий за рядом увидел он ряд
И который был райским дыханьем объят.

Столько светлых на девах сверкало жемчужин,
Что, взглянув, ты бы пролил немало жемчужин.

И узоры ковра, словно лалы горя,
Разогрели подковки сапожек царя.

Словно россыпи гор и сокровища моря
Воедино слились, весь чертог разузоря.

Поглядев на посла — и медлителен он,
И пред ней не свершил он великий поклон,

Как пристало послу пред царицей иль шахом —
Нушабе была смутным охвачена страхом.

«Расспросить его должно, — решила она, —
Что-то кроется здесь! В нем угроза видна!»

Но окинув гонца взором быстрым, как пламень, —
Так менялы динары бросают на камень, —

Лишь мгновенье она колебалась. Посол
Приглашен был воссесть рядом с ней на престол.

Был достоин сидеть он с царицею рядом.
Узнан был Искендер ее пристальным взглядом.

Семь небес голубых восхваляла жена
И восславила вслед Миродержца она,

Но догадки своей не открыла, нескромной
Не явилась и, взор свой потупивши томный.

Не сказала тому, кто смышлен и могуч,
Что в руке ее к тайне имеется ключ.

Искендер, по законам посольского чина,
Как почетный гонец своего господина,

Восхваливши царицу прекрасной страны
И сказав, что ему полномочья даны

Тем дарем, что велик и чья праведна вера, —
Начал так излагать ей «слова Искендера»:

«О царица, чья слава сияет светло,
Чье величье — величье всего превзошло,

Почему, хоть на день свои бросив угоды,
Ты ко мне повернуть не желаешь поводья?»

Иль я слабость явил, что презрен я тобой?
Иль нанес тебе вред, что полна ты враждой?

Где отыщешь ты меч и тяжелый и смелый,
Где отыщешь ты метко разящие стрелы,

Что спасли бы тебя от меча моего?
Путь ко мне обрети. Он вернее всего.

На пути в мой шатер запыли свои ноги.
Устрашись! Мне подобные могут быть строги.

Если я по путям твоим вздумал идти,
Бросив тень своей мощи на эти пути, —

Почему к моему не пришла ты престолу?
Почему не склонила главы своей долу?

Ты, царица, подумала лишь об одном:
Ублажить меня снедью, плодами, вином,

Блеском утвари ценной, — я принял все это.
Но и ты не отвергни благого совета.

Сладко видеть тебя с твоим блеском ума.
Всем даруешь ты счастье, как птица Хума.

Размышлений дорога премудрой знакома,
К нам ты завтра явись в час большого приема».

Замолчал Искендер, и склонил он чело
В ожиданьи ответа. Мгновенье прошло,

И раскрыла тогда Нушабе для ответа
Свой прелестный замочек пурпурного цвета:

«Славен царь, у которого мужество есть
Самому доставлять свою царскую весть.

Я подумала тотчас о шахе великом,
Лишь вошел ты, блистая пленительным ликом.

Ты не вестник — в тебе шаханшаха черты.
Ты — не посланный, нет! Посылающий — ты.

Твое слово, как меч, шею рубящий смело,
Ты, грозя мне мечом, изложил свое дело.

Но меча твоего столь высоким был взмах,
Что постигла я мигом, что ты шаханшах.

Искендер! Что твердишь о мече Искендера?
Как же ныне тобой будет принята мера

Для спасенья? Зовешь меня — сам же в силок
Ты попал. Поразмысли, беспечный ездок!

Залучило тебя в мой дворец мое счастье.
Я звезду свою славлю за это участие!»

Молвил царь: «О жена, чей прекрасен престол!
К подозреньям напрасным твой разум пришел.

Искендер — океан, я — ручей, и под сенью
Лучезарной ты солнце не смешивай с тенью.

На того не похож я, царица моя,
У кого много стражей таких же, как я.

Не влекись, госпожа, к' размысленно дурному
И Владыку себе представляй по-иному.

Без гонцов неужели обходится он
И посланья свои сам возить принужден?

У царя Искендера придворных немало.
Утруждать свои ноги ему не пристало».

И опять Нушабе разомкнула уста:
«Вся надежда твоя, Миродержец, пуста.

Не обманешь меня: Искендера величья
Ты не скрыва, своего не скрывая облачья.

Величавый! Твои величавы слова.
Шкурой волка не скроешь всевластного льва.

И послам под сиянием царского крова
Не дано так надменно держать свое слово.

Не смягчай своей спеси — столь явной, увы! —
Не склонив перед нами своей головы,

Кровожадно вошел бы сюда и спесиво
Только царь, для которого властность не диво.

Есть еще кое-что у меня про запас,
Чтобы тайну свою от меня ты не спас».

Молвил царь: «О цветущая дивной красою!
Речи льва исказиться не могут лисою.

Пусть тебе я кажусь именитым, но все ж
Я — гонец и с царем Искендером несхож.

Что могу я сказать о вельеи Владыки?
Повторил я лишь то, что промолвил Великий.

Ты надменным считаешь послание, но
Разрешать ваши споры послу не дано.

Если резкой тебе речь посредника мнится, —
Вспомни: львом, не лисою я послан, царица.

Есть устав Кеянидов: по царским делам
Ни обид, ни вреда не бывает послам.

Я лишь ключ от замка государственной речи,
Так не бей по ключу, будь от гнева далече.

Поручи передать мне твой чинный ответ.
Я отбуду, мне дела здесь более нет».

Нушабе рассердилась: с отвагою львиной
Вздумал солнечный свет он замазывать глиной!

Загорелась, вскипела и, гневом полна,
В нетерпении великом сказала она:

«Для чего предался нескончаемым спорам?
Глиной солнце не мажь!» И, блеснув своим взором,

Приказала она принести поскорей
Шелк, на коем начертаны лики царей.

Угол свитка вручив Искендеру, сказала
Нушабе: «Не глядит ли вот тут, из овала

Некий лик? Не подобен ли он твоему?
Почему же начертан он здесь, почему?

Это — ты. Иль предашься ты вновь пустословью?
Тщетно! Своды небес не прикроешь ты бровью».

По приказу жены развернули весь шелк,
Многославный воитель невольно умолк:

Он увидел себя, он узрел — о коварство! —
В хитрых дланях врага свое славное царство.

И, в нежданный рисунок вперя свой взор,
Он застыл: тут бесплодным окажется спор!

Желтизной его лик мог напомнить солону,
Да не даст его бог ухищрению злону!

Нушабе, увидав, что смущен этот лев,
Стала мягкой, всю гневность свою одолев.

И сказала она: «О возлюбленный славы!
У судьбы ведь нередки такие забавы.

Ты звездою благою ко мне был ведом,
Так считай своим домом сей царственный дом.

И тебе я покорною буду рабыней.
Здесь ли, там ли — я буду повсюду рабыней.

Для того показала тебе я твой лик,
Чтобы в сущность мою ты душою проник.

Я — жена, но мой круг размышления шире,
Чем у женщин иных. Много знаю о мире.

Пред тобою, о лев, я ведь львицей стою,
И тебе я всегда буду равной в бою.

Если я, словно туча, нахмурюсь, — то с громом:
Будет мир ознакомлен и с молнией изломом.

Львам я ставлю тавро, знаю силу свою.
Крокодиловый жир я в светильники лью.

От любви увлекать меня к бою не надо.
Укорять ту, что вся пред тобою, — не надо.

Ты шипы не разбрасывай — сам упадешь.
Дай свободу другим — сам свободу найдешь.

Коль меня победишь, — не добудешь ты славы.
В этом люди увидят бесчинство расправы.

Если ж я, поведа ратоборства игру,
Одолею тебя, я ведь шаха запру.

Пусть меня ты сильнее, бой наш будет упорен.
Я прославлена буду, а ты опозорен.

Говорил постигавший всех распрей судьбу:
«Никогда не вступай с неимущим в борьбу.

Так он будет стремиться к добыче, что, ведай,
Не тебе, а ему породниться с победой».

Знай, хоть край мой в границы свои заключен,
Я слежу за владыками наших времен.

Знай, от Инда до Рума, от скудной пустыни
До пространства, что божьей полно благостыни, —

Разослала повсюду художников я
И мужей, проникающих в тьму бытия,

Чтоб, возрев и прислушавшись к общему толку,
Мне подобья царей начертали по шелку.

Так из каждого края, что мал иль велик,
Мне везут рисовальщики царственный лик.

И гляжу я в раздумье на эти обличья,
И, чтоб тоньше постичь царских ликов различья,

Я о тех, по которым я взор свой веду,
От мужей многоопытных сведений жду.

Письмена их прочтя, их с рисунком сличая,
Узнаю я властителя каждого края.

И любого царя с головы и до пят
Изучает мой взор. Мои мысли кипят.

И мужей, захвативших и воды и сушу,
Я пытаюсь постичь и проникнуть в их душу.

Я сличаю державных, — кто плох, кто хорош.
Есть наука об этом. Наука — не ложь!

Я царей изучаю внимательно племя,
Не в одних лишь уладах течет мое время.

На раздумий весах узнаю я о том,
Кто из всех властелинов беспорно весом.

Мне на этом шелку, о венец мирозданья,
Ничего нет милей твоего очертанья!

Словно слава над ним боевая парит.
И о мягкости также оно говорит».

И царица, сияя подобно невесте,
По ступеням сошла, чтоб на царственном месте

Искендер был один. Будь хоть каменным трон —
Никогда двух всевластных не выдержит он.

Потому лишь игра мучит сердце любое,
Что два шаха в игре и соперников двое.

И, покинув свой трон, перед шахом жена
Стройный стан преклонила, смиренья полна,

И затем, на сидение сев золотое,
Услужать ему стала. Смущенье большое

Искендера объяло. Стал сам он не свой
Перед этою рыбкою хищной такой.

Он подумал: «Владеет она своим делом.
И полно ее сердце стремлением смелым.

Но за то, что свершить она должным сочла, —
Ей от ангелов горних пошлетсся хвала.

Все ж бестрепетной женщине быть не годится:
Непомерно свирепствует смелая львица.

Всевозможною снедью украсили стол
И чтоб яствами лучшими весь он расцвел.

И рабыни, сверкая, мгновенно, без шума
Приготовили стол для властителя Рума.

Сотни блюд принесли, и вздымались на них
Бесконечные груды различных жарких,

И хлебов, чья душистость подобилась чуду,
И лепешек румяных внесли они груды.

Чтоб рассыпать по ним, словно россыпь семян,
Много сладких печений. Был нежен и прян

Дух пленительный хлебцев; в усладе стгорая,
Ты вдыхал бы их амбру, как веянье рая.

Кряж такой из жаркого и рыбы возник,
Что подземные гнулись и Рыба и Бык.

От бараньего мяса и кур изобилья
У смеющейся скатерти выросли крылья.

И миндаль и фисташки забыли свой вкус, —
Так пленил их ричар, так смутил их масус.

И от сочной халвы, от миндальных печений
Не могли леденцы не иметь огорчений.

Палудэ своей ясностью хладной умы
Прояснило бы те, что исполнены тьмы.

И напиток из розы — фука благодатный
Разливал по чертогу свой дух ароматный.

Златотканую скатерть отдельно на трон
Постелили. Был утварью царь удивлен.

Не из золота здесь, не для снеди посуда:
На подносе — четыре хрустальных сосуда.

В первом — золото, лаалами полон второй,
В третьем — жемчуг, в четвертом же — яхонтов
рой.

И когда в этом праздничном, пышном жилище
Протянулись все руки к расставленной пище,

Нушабе Искендеру сказала: «Любой
Кушай поданный плод, — ведь плоды пред тобой».

Царь воскликнул: «Страннее не видывал дела!
Как бы ты за него от стыда не зардела!

Лишь каменья в сосудах блестят предо мной.
Несъедобны они. Дай мне пищи иной.

Эта снедь, о царица, была б нелегка мне,
Не мечтает голодное чрево о камне.

На желанье вкушать — должной снедью ответь,
И тогда я любую отведаю снедь».

Рассмеялась луна и сказала проворно:
«Если в рот не берешь драгоценные зерна,

То зачем ради благ, что тебе не нужны,
Ты всечасно желаешь ненужной войны?»

Что ты ищешь? Зачем столько видишь красы ты
В том, чем люди вовеки не могут быть сыты?

Если лал несъедобен, скажи, почему
Мы, как жалкие скряги, стремимся к нему?

Жить — ведь это препятствий отваливать камень,
Так зачем же на камни наваливать камень?

Кто камня собирал, тот изгрызть их не мог;
Их оставил, уйдя, словно камни дорог.

Лалы брось, коль не весь к ним охвачен
пристрастьем.
Этот щебень в свой срок оглядишь с безучастьем».

Царь упрекам внимал. Он прислушался к ним.
И, не тронув того, что сверкало пред ним,

Царь сказал Нушабе: «О всевластных царица!
Пусть над миром сиянье твое разгорится!

Ты права. Выйдет срок — в этом спора ведь нет —
Станет камню простому сродни самоцвет.

Но полней, о жена, я б уверился в этом,
Если б также и ты не влеклась к самоцветам.

Коль в уборе моем и блестит самоцвет,
То ведь с царским венцом вечно слит самоцвет.

У тебя ж — на столе самоцветов мерцанья.
Так направь на себя все свои порицанья.

Накопив самоцветы для чаш и стола,
Почему ты со мною столь строгой была?

О владельце камней худого ты мнения —
Почему же весь дом твой покрыли камни?

Но разумной женою ты кажешься мне,
И твои поученья уместны вполне.

Да пребудешь ты вечно угодно богу, —
Ты, что даже мужам указуешь дорогу!

О жена! От себя твое золото я
Отставляю. И в этом заслуга твоя».

И счастливая этой великой хвалою,
Совершивши поклон, до земли головою

Преклонясь, — повелела она лишь тогда
Пред царем Искендером поставить блюдца.

И, поспешно испробовав яства, сияя,
Их царю предложила и, не уставая,

Хлопотала, пока Искендер не устал
От еды и в дорогу готовиться стал.

Взяли клятву с царя, что не станет угрюма
Участь светлой Берды от нашествия Рума.

Дав охранную грамоту, сел он в седло,
Поскакал; на душе у царя отлегло.

Понял он: от лукавой игры небосвода
Оградил его бог. Сколь отраднa свобода!

И, уйдя от всего, чем он был утрачен,
Благодарность вознес вседержителю он.

Шар игральный у дня ночь взяла, но при этом
Разодела весь мир лунным сладостным светом.

Хоть пропал золотой полыхающий шар,
Но серебряных шариков реял пожар.

Вспомнил благостный сон о царе Искендере
И закрыл ему веки — души его двери.

Отдыхал Властелин до мгновений, когда
Мгла исчезла. Сиянью настала чреда.

Поднял голову царь, чтоб за радостным пиром
Встретить утро, что, яро вставая над миром,

Апельсином сразило рассвет. Пропылал
Он, покрывшийся кровью, как пламенный лал.

И когда было небо в сверканиях лала,
Нушабе к Повелителю путь свой держала.

И была под счастливой звездю она,
Как плывущая ввысь золотая луна.

За конем луноликой, сверканьем играя,
Шли рабыни, как вестницы светлого рая.

Сто Нахид помрачнели б наверно пред ней:
Ста Нахид ее пальчик единый ценней.

И предстал царский стан перед взором царицы, —
Там нет счета шатрам, там коней вереницы.

Там от золота стягов, от шелка знамен.
Прах фиалковым стал, розов стал небосклон.

Между сотен шатров с их парчовым узором
Путь к царю не могла разыскать она взором,

Но, людей расспросив, прибыла ко двору, —
К подпиравшему небо цареву шатру.

Золотые подпоры, из шелка канаты
И гвоздей серебро... Краше румской палаты

Для приемов шатер. И приема жена
Попросила, и спешилась эта Луна.

И позволили ей преклонения дани
Принести и пройти под шатровые ткани.

И узрела она: со склоненным лицом
Венценосцы стоят под единым венцом.

Перед тем, кого чтили все жители мира,
Пояс к поясу встали властители мира.

И одежда их сверкающих яркий багрец
Был опасен для глаз и для робких сердец.

И стеной они росписью, чудилось, были:
О движеньи, о слове они позабыли.

И невеста из замка изведала страх:
В замке труднодоступном находится шах.

Преклонясь, Нушабе начала восхваленье.
Всех могучих она привела в умиленье.

Поведел государь, — и сверкающий трон
Принесли. Был из чистого золота он.

Царь Луну усадил на возвышенном месте,
Ниже — тех, кто сопутствовал этой невесте.

Он прибывшей хороший прием оказал,
Что приезд ее благ, Нушабе он сказал.

Успокоилось сердце жены, и Властитель
Приказал, чтоб явился пиров управитель

И чтоб стольник скорей угощенья принес
И пустил вкруговую обильный поднос.

Но сперва, словно взят из источников рая,
Заструился джуляб, духом розы играя.

Столь усладный напиток не только Хосров, —
И Ширин не имела для званых пиров!

А затем белотканые скатерти стлали,
И поплыл запах амбры в небесные дали.

Все блага, что давало богатство земли,
В тяжких грудах поспешно на стол принесли:

Из муки серебрястой, просеянной дважды,
Были поданы... луны — подумал бы каждый.

Словно свертки шелков — для услады царей! —
Засиял свежий хлеб, — жаркий труд пекарей.

На подносах из золота целую груду
Хлебцев разных внесли; хлеб разложен был всюду.

Лишь лепешки одной не нашлось на столе —
Той, что в небе пылая, светила земле.

Все, поев, как положено, сладостной влаги
Пожелали. И жбаны раскрылись и флаги.

До полудня за чашами время прошло,
И когда пламень дружбы вино разожгло, —

Опьянения радость разгладила брови
Тем, кто к пиршествам жаркой исполнен любви.

И за струнной игрой до вечерней зари
Провели с Нушабе свое время перй.

И когда в черный цвет свод оделся высокий,
И к подушкам прильнуть так хотели бы щеки.

Молвил царь милоликим, словам их в ответ:
«Уезжать вам сегодня не следует, нет!

Я хочу, чтобы завтра возникло от Рыбы
До Луны пированье, чтоб все мы могли бы,

Как нам Кеи велели и сам Феридун, —
Усладиться вином и звучанием струн.

Может статься, в огне, наполняющем чаши,
Испекутся дела несвершенные наши.

Позабудем о всем, чем нас мир покарал.
Исцелит наши души столетний коралл.

Пусть ланит наших станут прекрасными розы:
Раскрасневшись, становятся страстными розы.

Коль мы прах напоим ценной амброй вина, —
Для мытья головы станет глина годна!»

Что же! Радость перй, преклоненных пред шахом,
Одержала победу над девичьим страхом.

И была Нушабе на царевом пиру
Так светла, как Зухре в небесах поутру.

Властной амброй дыша, глубока, чернокрыла
Стала ночь и мешочек свой мускусный вскрыла,

А из мускусных кос мидых дев свой аркан
Сделал царь, сладкой амбры усилив дурман.

И Луну и Юпитер арканом сим властным
Он заставил спуститься на землю к прекрасным.

Пированьем была эта страстная ночь.
И сверкали пери, — так хотелось им смочь

В пламень бросить подкову: хорошая мера,
Чтоб, колдуя, любовью зажечь Искендера!

Царской волей зажглись благовоний костры,
Словно маги в ночи затевали пиры.

Так он взвихрил огонь, что в хмелю позабыли
Все о скарбе, — о том, чем так связаны были.

За вином, струны звонкие слушая, он
Всю провел эту ночь. Посветлел небосклон.

По лазури багрянец прошел полосою,
Черный соболь неожиданно стал рыжей лисою.

Снова стал веселиться зеленый простор.
И был царственный снова разостлан ковер.

Кипарисов ряды снова подняли станы,
Куропатки мелькнули, блеснули фазаны.

И запели перй. Им казалось, что пьян
И любовью и солнцем обильный Михртан.

И когда цвета яшмы запенились вина,
Тотчас яшмовой стала небес половина.

ИСКЕНДЕР ДАЕТ ПРОЩАЛЬНЫЙ ПИР НУШАБЕ И РАЗМЫШЛЯЕТ О НОВОМ ПОХОДЕ

Дай мне, кравчий, вина цвета яшмы и мне
Ты о яшмовой розе скажи в тишине.

Оживи виной чашей мой лик утомленный,
Яшмой сделай ты яшмовым лик оживленный.

□ □ □

В новогодние дни, в праздник Джема — Новруз,
Мигом сбросила радость всех горестей груз.

Сел на трон Искендер в блеске счастья и славы.
И склонились цари, трон почтя величавый.

Музыкантов и кравчих и стольников круг
Оживлял светлый пир ловкой живостью рук.

Сладкий лик Нушабе и спящих нарядом
Луноликих невест, с ней блистающих рядом...

Но мудрец, покоривший все страны окрест,
Не смотрел на пиру на прекрасных невест:

Мог воздержанным быть Филикуса наследник,
Не хотел он, охотясь, войти в заповедник.

И румийским воителям царь Искендер
Дал своим воздержаньем достойный пример.

Солнце греет шатер, а снаружи — прохлада,
Зла земля, а подушка Джемшида — услада.

Водолею промолвило Солнце: «Уйду», —
И нашло оно Рыб в их небесном пруду.

И в дирхемах серебряных склоны нагорий,
Словно рыб чешуя, в ледяном их узоре.

Волком прядал буран; был свиреп он и груб.
Суетились портные над кройкою шуб.

Задыхаясь от стужи, олени и гуры
Прижимались ко львам, чтоб согреть свои шкуры.

И лежали газели, замерзши в воде,
Что застыла в участие к их тяжкой беде.

Камфара, закрутясь, — о кудесников чары! —
Порождала жасмины на ветках чинары.

Не возрастаи фиалки, — но в небе цветы
Осыпались; летели они с высоты.

Вновь появятся розы весною на свете,
Рыскал в зарослях роз в них влюбившийся ветер.

Еще пруд не раскрыл своих уст и слегка,
Но уж в зарослях плаыл аромат молока.

Злобный ветер прорвал барабан соловьиный,
Скрылись розы, — не встретишь в саду ни единой.

Соловьем стал кувшин; словно курочка, смех
В узком горле клохтал. Был он сладок для всех.

И на лицах у пьющих, блестящее ало,
Капли блещущей влаги вино вызывало.

В извиненье за прошлую ночь повелел
Шаханшах, чтоб огонь в очагах заалел.

Он чарующий пир сделал садом, в котором
Все цвело золотым, драгоценным убором.

И огонь свои розы являл на блюдах,
Посрамляя те розы, что были в садах.

Были терном горящие розы подняты,
Хоть огню не служил он, как служат эрпаты.

В уголь мускусный пал огнеокий тюльпан,
Словно лал черным недрам был господом дан.

С красным пламенем уголь так черен был рядом!
Был он черной змеей над сверкающим кладом.

Чародей, что суровостью с дивами схож,
Отдал огненной рати Хабеш на грабеж.

Нет! Индусский колдун, взяв ячменные зерна,
В огневые снопы обращал их проворно.

И, весь в пурпуре, тотчас же был он готов
Сыпать в пламя пригоршню лиловых цветов.

Негры с мускусом шли из их черного края,
На песок золотой черный мускус меняя.

Дом взяла индианка в пурпуровый плен:
В табархун обратился внесенный эбен.

Славянин и китаец довольны не оба ль?
Этот — принял буртас, тот — лоснящийся соболь.

Призывающий голос возвысил Биалаль,
И в Хабеш проникая и в румскую даль.

Он смутил чернокожих всего Занзибара,
И взыграла в них кровь, рдяна, пламенна, яра.

Из чернильницы огненный взвился калам,
Хоть скрывался он в углях и черным был там.

Сидя в серой хламиде, ремесленник бедный
Развернул свой атлас, словно пламень победный.

Он сучил свои нитки, чтоб вы ткать палас,
Но неожиданно соткал он багряный атлас.

Словно муж, обративший железо простое
Потаенной наукой в литье золотое, —

Искра в свет золотой переделала мглу,
Горсти золота в каждую бросив полу.

Дым курений клубился, огонь обволок он,
Словно розу ланит прикрывающий локон.

Из курильницы глиняной плыл аромат, —
Породил его лес, а не розовый сад.

Розы сада Джемшида! Так пламя палило,
Что мог стать куличом шар дневного светила,

Что оно все добро озарило б и зло,
Что эрпатам и магам служить бы могло.

Новой розою терны украсились ало,
Но предвечное пламя в сей розе пылало.

Педа роза, всем людям отраду даря,
О соседских котлах беднякам говоря.

И трескучий огонь, торопливый и шустрый,
Был отрадней речей самого Заратуштры.

Так разжег этот пламень блистательный шах,
Что пред ним вся Авеста рассыпалась в прах.

На ветвях кипариса зардели тюльпаны,
Меж ветвей были рябчики, были фазаны.

Был чинар — весь коралловый — взвихрен огнем,
Стоном горлиц дурраджи стонали на нем.

И в то время, как утку он трогал за лапки, —
Птичья охала грудь в его огненной шапке:

Ведь она для прохладной воды рождена,
И не диво, что в пламени стонет она.

В жаркий сад залетев, эти птицы с испуга
Поднимали свой голос, не слыша друг друга.

Так распелся огонь, этот пламенный саз,
Что жемчужины слез исторгал он из глаз.

Стало солоно печени; но уголенья
Не имела и соль, к ней полна сожаленья.

И печений миндальных пленительный хруст
Вел беседу с зубами, был радостью уст.

Принесли для гостей, опорожнив корзины,
Померанцы, гранаты, айву, апельсины.

Как Зухре, пели струны. Светлей Муштари
Засияв, кувшины влагой цвета зари,

Восседавшим в чертоге веселого пира
Не давали томиться тревогами мира.

Так мягки голоса... Нежный шепот кругом...
Только в струнах возрастал звуков сладостный
гром.

Все пристойность блюли, внемля рокотам стройным,
Взяв пристойностью верх над вином непристойным.

Искендер в полудрему вином погружен...
Звуки чанга, струясь, уплывают, как сон...

Вина, яства, алоэ, звон чангов прелестных
И кумир узкоглазый в объятиях тесных, —

Искендером ты станешь, изведав сие,
Хоть лишь горсть ячменя — достоянье твое.

И Зухре, снизошедшие в области наши,
Поднимали созвездьем сверкавшие чаши.

И когда перехода дневного пройти
Небесам довелось половину пути,

Царь велел, подозвавши к себе казначеев,
Чтоб они для гостей, как водилось у Кеев,

Дали золота много, атласа, камки
И сейфура цветного верблюжьей тюки.

Чтобы дали им также, дарами их теша,
Крепкотелых, красивых рабов из Хабеша.

Много мускусных зерен и лучшей парчи, —
Той, чьей складок тугих полыхают лучи, —

Много тяжких запястий в больших изумрудах,
Лалов, яхонтов лучших, что сыщутся в грудах,

Изумрудный венец, окаймленный огнем
Многих сотен алмазов, мерцающих в нем.

Ткани с вышивкой жемчугом лились, как волны
Камфарою толченой их швы были полны.

Нес верблюды паланкин золотой, весь в густых
Бирюзовых кистях и в шарах золотых, —

И царице прекрасной земли эти клады
Дали те, что в казне стерегли эти клады.

Засверкал на жене царских яхонтов жар, —
Так блестит на луне солнца пламенный дар.

Тут же каждой перй, нежным блещущей взором,
Царь велел дать наряд с драгоценным узором.

Всех одели согласно их сану, затем
На прощанье подарки вручили им всем.

И с трудом поднимало прельстительниц племя
Самоцветов и золота тяжкое бремя.

Преклонились они и потушили взгляд,
Сели в седла и тронулись в сладостный сад.

В самоцветах сверкали перь и царица,
Словно многих сокровищ текла вереница.

Но при многих сокровищах — много тревог,
Их забудь, чтобы жить ты без горестей смог!

□ □ □

Тот, кто нижезет свой жемчуг ценнейший на свете,
Так о властном и щедром сказал самоцвете:

Этот новый Джемшид за здоровье Луны
Выпил несколько чаш, и среди тишины

Меж курений и яств пировал он с царями,
Но уже он прельщался грядущими днями...

И, к делам возвратясь, пред собою простер
Он достойный кумирни, стоцветный ковер.

И такое созвездье собрал он, что стали
Тусклы звезды небес и светить перестали.

Всех призвал он вельмож из частей войсковых
И с почетом он встретил мужей боевых.

Собрались мудрецы. Был приветствуем каждый
Властелином, горящим познания жаждой.

И когда весь чертог в ожиданьи затих,
Царь беседу повел о желаньях своих:

«Размышляя я вчера и понятно мне стало,
Что лишь вашим советам внимать мне пристало,

И прошу я у вас, чтобы мне помогли
Осмотреть все края и пространства земли.

В Рум я думал вернуться, но вот небосводу
Путь обратный, как видно, еще не в угоду.

И покуда мой конь все земные края
Не пройдет, — не вернусь я в родные края.

В обитаемых землях побыв и в безлюдных,
Я весь мир обрету в своих странствиях трудных.

Синджабийцев скрутив, опрокинув их стан,
Я на деньги славян свой поставлю чекан.

В жизни множества стран принимая участие,
Посмотрю, где людьми обретается счастье.

Там я счастье найду и на долю свою —
Так бывает — железом железо скую.

Устремясь к дальним взгорьям, просторам и водам,
На Альбурз я пойду своим первым походом.

И, привал этот светлый покинув, коня
В степь направляю, к морскому побережью гоня.

Полюбуюсь я морем Хазарским и, дружен
С его ширью, почту его горстью жемчужин.

y ero бeperoB, HX cyMeBnja aocTH»ib,
£y#y pw6y AOBHTb, nooxoicycn Ha aHHb.

A Korfla aAR nyTH Hory BCTaBAR) n B cTpeMH,
^OAHIMH nyTb He caMo AH ynaaseT MHC apeMH?

MTO nnoMOABHTe BW, Ty BwcAyniaB peib?
MOJKHO CAOBOM npaBdHBbiM yflaay npHBjveib*.

H KOCHyAHCb BOHCKa npeKAOHeSHbie npxa:
«noMbiiniAeHHji HaniH — aceAaHHfl tuaxa.

Bce MDI roAOBy cKAOHM K ijapeBWM cTonaM.
MWCAH maxa BHHJOM CBeTirr HCCTapH HaM.

ECAH B nAaMCHb BCAHT OH BOHTH HaM HAB B Boay, —
Bce HcnoAHHT BOHCK aiaxaHuaxy B yroay.

ECAH 6 KHHyTbCH OH JIOBeACA H M CO CKaA,—
H Tor^a 6tJ OH PO6KHx ÖOHJIOB He cbicKaA.

Mnpoflepütyy — HATH no aoporaM nnoCTopnbim,
BoficKy BepHOMy — 6wTb MHpoAepatiry noKopnWM».

BWA o6pajosaH uapb STHM CAOBOM ÖOHJIOB.
OöAacKaA OH cTOAh sepHwx eMy xpaöpeijoB.

HaiaA B nyTb OH c6«paTbCH; BeAeA oti ace KAAaw
PasflapHTb, ITOö coKpOBHinaM sce 6WAH pasflw.

Bce OH P03MA BOHCKaM. /\$0 nOAHOHON HIOpw
PaToöopijw ycTaAO HOCHAH ^apw.

Pa3yM cMeAbix noaapKaMH 6NA B3&yflopasteH.
BeaaA y,apb, HTO B 6OK> KaiK^wH BOMH OTsaacH.

Ho noflyMaA OH Bce xt o aaAbHHX aeAax:
Haa H36bITK0M COKpoBHUI 3a/iyMaACH UlaH.

B öecKoaehbix TioKax flparou,eHHwe KAA#w
/\AH jBHateHba Bea^e co3aasaAH nperpaAN:

H B necKax H B TecHHHax HaropHOM ceMAH
Bce oTpaflbi B noBOSKax aoöbiny se3AH.

H Koraa OH peuiHA K ^aAbHHM TpoHyTbca CTpanaM,
C>taT& Becb rAHHHHWii uiaP CBOHM BAacTHWM apKaHoM,

OT CTOHHKH K CTOHHKe H3MepHTb nyTH,
BceX Mopefi H Bcefi cyuiH pa3Mepw HaÜTH.

OrAH^eTb ,bce paBHHHW, yBH^eTb Bce ropw,
B IHHpHHJ « B flAHHy Bce TiÖCTHYHyfa HpoCTOpis,

FfpaBocyabe y3HaTb H 6ecnpaBHH MrAy,
/JOAJKHWH nyTb yKa3aTb nnpÖeraioujHM K 3Ay,

CMWTb ÖeCHHCTBO 3eMAH CBOHM npaBWM HOXO^OM,
/laTb 3aujHTy OT öeacTBHH CBOÖOAHWM napOflaM,

CrpOHTb 3aMKH, HT06 cTaA Kaatflwfi Kpafi yKpenACH,
H CBepuiHTb TO Bce AAB rpHÄyiu,Hx BpeMeH, —

npH3aayMaAC« y,apb: STO ACAO — ne MAOCTb.
TpVÄHWH nyTb! /laAbHHH nyTb... npHHecer OH
ycraAocTi>

He nponaAO 6w Bce! EcTb HeMaAO yrp03,
HTO K Bpary nonaaeT ero y^HHWH 0603.

YcTpeMHA CBOH MWCAH OH K TИKКHM o6y3aM:
OTflniHA Bce BOHCKa OH CBepKaionjHM ppy30M!

А владельцы сокровищ стремятся ли в бой?
«Могут клад мой отнять», — размышляет любой.

И затем — ценным грузам враги будут рады
И усилят свой жар, чтоб добыть эти клады.

Мудрых чтит государь, полный мудрым огнем.
Сто тринадцать из них находилось при нем.

Многозвездные были им ведомы своды,
И могли многих дел они ведать исходы.

Меж мужей этих славных, знакомый для нас,
Услужал Миродержцу мудрец Булинас.

И нередко к нему обращался Властитель:
Был мудрец Булинас многих знаний хранитель.

И о долгом пути и о тяжких тюках
Рассказал прозорливому спутнику шах.

Молвил тот: «Наущенью предвиденья внемлю.
Если клад свой великий укроешь ты в землю,

Меж развалин добычу свою, шаханшах,
Все бойцы точно так же заруют во прах.

Несомненно, на каждом хранилище клада
Свой поставить значок их владетелям надо,

Чтоб, вернувшись, из кладезей темных они
Вновь сумели извлечь самоцветов огни.

Тут никто не помыслит о черном обмане:
Все укажет значок, установленный ране».

Царь нашел озаряющим этот ответ,
Все войска охраняющим этот ответ.

И зарыл он добычу свою меж развалин,
Знак поставил, и был он теперь беспечален.

И велел в тайники он все клады нести,
Ибо груз этот тягостью был бы в пути.

И рассеялись все по нагорьям и долам:
Каждый в стан свой вернулся довольным, веселым.

Каждый знак свой поставил над ценным добром,
Над рубинами, золотом и серебром.

Но внемлите судьбы наущению злomu:
Научила она Искендера иному.

Не пришлось им свой клад взять из глуби земной:
Царь домой возвратился дорогой иной,

А войскам, с их богатством сияющим, новым,
Для чего было то, что укрыто покровом?

Много явных сокровищ они обрели.
Что им клады под сумраком брэнной земли!

В Рум вернулись они, и уже никакие
Не смущали вернувшихся думы мирские.

И они, монастырь свой построив и в нем
Перед богом склоняясь в смиреньи своем,

Опись кладов зарытых, подумав над нею,
Настоятелю отдали общиной всею,

Чтобы каждый смиренный в румийском краю
Получил, верный господу, долю свою.

В этом капище каменном, древнем, замшелом
И поныне есть опись в ларце еще целом.

Тем смиренным и чуждым житейских забот,
Кто в обители праведной службу несет,

Знак дается по описи. Разные клады
Получают они, всё же каждому рады.

То рубин они выроют, то изумруд.
Так вот их монастырь воздаст им за труд.

Иль мой труд оценен снисходительным роком?
Меж развалин свой клад я нашел ненароком.

ИСКЕНДЕР ЗАВОЕВЫВАЕТ ДЕРБЕНТСКИЙ ЗАМОК ПРИ ПОМОЩИ МОЛИТВЫ ОТШЕЛЬНИКА

Кравчий! Дай мне вина, молодящего нас,
Новой жизнью и негой пьянящего нас!

Я даров твоих светлых утратил отраду,
А кувшин мой скудельный не полон ли яду?

□ □ □

Кто стремлением к славе достойной томим, —
Тот в сей жизни смиреньем гордится своим,

Холит имя свое он в надежде единой,
Что оно не умрет с его скорбной кончиной,

И на теле его — необычный кафтан:
Прочный панцирь ему добрым именем дан.

Что дороже нам доброго имени? Верьте,
Ничего нет милей в час нерадостной смерти!

Если, чтущий добро, мнишь в мечте непустой
Свое имя возвысить своей добротой, —

Добрым именем ты разодешь свое тело,
Брось шелка, чтоб роскошеств оно не хотело.

Об одежде для мускуса знает весь свет, —
Для нее обязателен мускусный цвет.

□ □ □

Год и месяц мудрец своим слогом исправным
Вел рассказ о сияющих именем славным.

Имя доброе Рума глава приобрел,
И на славу он этим права приобрел.

Он лишь добрым внимал; пред недобрым препону
Всюду ставил, чтоб тот не приблизился к трону.

Не на властных взирал, не на царских сынов,
Только павшим помочь был всегда он готов.

И, узнав об отшельниках, веры блюститель,
Он всегда поспешал в их благую обитель.

И пред боем, чтоб легче врага превозмочь,
Он просил их молитвой румийцам помочь.

Потому для врага всюду был он грозою,
Что не чтил он булыжник, прельстясь бирюзою.

Но смиреньем водителя войск смущено
Было войско царя и сердилось оно.

И сказали царю: «Справедливый! Урокам
Только счастья внимай. Не взнесен ли ты роком?»

Лишь бойцы служат венцу твоему,
Но отшельников жалуешь ты почему?

Лишь мечом завоеешь ты земли, Вонтель.
Что вручил бы тебе кельи горестный житель?

Коль молитва сильна, как меча острей, —
Прикажи, и мы бросим оружие свое.

Не врага остриями меча мы ударим, —
Во врата старцев мирных стуча, мы ударим».

Но ответить войскам на горячий упрек
Искендеру помог благодетельный рок.

Отвечать не годится с горячностью, разом:
Должный час должен выбрать внимательный разум.

Царь завидел Альбурз, его взгорий изгиб.
В каждом округе был им оставлен наиб.

Между скал, под навесом их тесного стана,
Словно лев многомошный, он шел из Ширвана,

И в пути, что ему даровал небосвод,
Должен был миновать он дербентский проход.

Еще не было города здесь, лишь подъятый
К небу синему высился замок богатый;

И немного людей, находившихся в нем,
Преграждали дорогу и ночью и днем.

И, увидев шатер Искендера узорный,
Эти стражи явили свой дух непокорный,

И пред ликом царя вмиг замкнули врата.
Им войска ни во что, их грозна высота!

Что им царский шатер с его царственным тронот!
Не спешили они к Миродержцу с поклоном;

И когда государь справедливый их звал, —
Не бросали они свой кремнистый увал,

А когда он сворачивал свиток желаний, —
Не пускали его через горные грани.

И решил Искендер, — чтобы дальше идти,
Надо это препятствие сбросить с пути.

И велел он большому, в сто тысяч, отряду
Окружить этой горной твердыни громаду

И, поставив пред ней не один манджаник,
Градом тяжких камней разнести ее вмиг.

Сорок дней миновало в напрасной осаде,
Даже трещины не было в этой громаде.

Обессилели крылья взлетающих стрел,
А ремённый аркан в эту высь не летел.

Были пращники злы: все осталось на месте!
Этот замок подобен был строгой невесте!

Манджаника вращенье не страшно ему,
Не послужит, увы, аррада ничему!

И когда обессилело войско, что страха
Не знавало вовек, — повелением шаха

Был назначен совет. И к вождям государь
Обратился неспешно, спокойно, как встарь:

«Что промолвите вы мне про эту преграду?
Истомились войска. Нет с твердынею сладу».

Устыдились мужи, вспомнив лучшие дни,
И колена свои преклонили они:

«С той поры, как тебе служит наше служенье,
Нас постигло впервые, о царь, поражение».

Сорок дней мы в бореньи, без пищи и сна,
С солнцем, с тучей. Но людям, о царь, не дана

Чародейная сила, чтоб в схватке летучей
Воевать с горним солнцем иль с черною тучей.

Словно дивы, мы бились, был каждый радив,
Но ведь дивы стояли, нам путь преградив.

Не расстаться ль с ущельем и узким и мглистым
И на выси взойти по уступам скалистым?»

Понял царь: войсковые бессильны вожди,
И от них в этом деле совета не жди.

Око солнца ресницы покрыло сурьюю,
Был алмаз поглощен моря синего мглою.

На побережье реки, полном клада камней,
Царь свой пир озарил ярким блеском огней.

И спросил он, меж ярких огней Новбехара,
У бесстрашных, чья смелость бесменна и яра:

«Нет ли рядом пещер? Не таятся ли в них
Мудрецы, что скорбят о суетах земных?»

«Есть отшельник, — сказали царю Искендеру, —
В этих скалах окрестных нашедший пещеру».

Он лица своего не являл никому.
Лишь коренья одни пищей служат ему».

Поднялся государь, не промедлив нисколько.
Он оставил мужей; взял с собою он только

Двух иль трех и, проведав о должном пути,
Прибыл к старцу: сумел он дорогу найти.

Путь ночной был так черен, как день злодеянья.
Факел поднял гулям... И упали мерцанья

В углубленье пещеры, когда перед ней
Появился Владыка земель и морей.

И отшельник, которым сияла пещера,
Устремился навстречу огню Искендера,

И увидел он ангельский облик царя,
Разливающий свет, словно счастья заря.

И постигший весь свет разгадал, что примета
Миродержца — такое сияние света.

Он воскликнул: «Прекрасен твой благостный лик!
Царь земли — Искендер предо мною возник!»

Протянув ему руку, в кремнистые сени
Царь вошел и почтительно встал на колени.

«С кем же знаешься ты? — царь у старца
спросил. —
И питаешь каким набираешься сил?»

Где одежду берешь, и в пристанище тесном,
Почему, о скажи, стал тебе я известным?»

Очи поднял старик: «Будь и счастлив и благ,
Всем даруя отраду бесчисленных благ!

Созерцая звезду свою милую — счастье,
Умножай, Искендер, своей силою счастье!

Как тебя распознал я в минуту одну?
Но ведь каждый в ночи распознает луну!

Ты порою в руке держишь зеркало... Что же!
Ведь и в сердце моем скрыто зеркало тоже.

За сто лет умерщвления плоти оно
Стало ясным. Не все ли в нем отражено?

И меня попросил ты в участие высоком:
Как живу я в ущелье своем одиноком?

Охраненный тобою, я сыт и здоров,
И отраду дает мне отшельничий кров.

И вражду и любовь позабыл я былую...
Кто из смертных изведал свободу такую?!

В мире верности нет. Что ж мы ищем, скажи,
Верной дружбы в миру, преисполненном лжи?

Все я взвесил: стремленьям назначил я меру
И ушел от людей и укрылся в пещеру.

И ни с кем я не знаюсь, молчанье храня.
Лишь один всепрощающий знает меня.

Мне не надобны лакомства: нет ведь отравы
В этих диких корнях; ем я горные травы,

Одеваюсь в траву... Так веду я свой день,
Чтобы стал драгоценностью бедный кремень.

Много лет я не зрел венценосцев державных, —
И являешься ты, самый славный из славных!

Для чего ж одолел ты и камни и мглу,
Чтоб со мною побыть в этом тесном углу?

Венценосный! Под сводом замшелым и серым
Я индийцем стою пред царем Искендером!»

Молвил царь: «О мудрец, чьи священны года!
Неизбежно мне было явиться сюда.

Все железо господь разделил на две части,
Посмотри: и в твоей и в моей оно власти.

Ключ и меч! Я о них поведу свою речь:
Ключ — тебе он вручил, мне — оставил он меч.

В свете дня я венчанному верен уделу,
Помогаю мечом правосудия делу,

Ты — ключом; если мне ты желаешь помочь,
Отомкни дело правое в темную ночь.

Чтоб ключом и мечом створы этого дела
Разомкнулись — я верю — судьба захотела.

Крепкий замок стоит на вершине. Разбой
В нем засевшие тати свершают любой:

Обирают не только они караваны, —
Грабят жизни. И я, охраняющий страны,

Овладеть этим замком хочу для того,
Чтоб законом и знаньем украсить его.

Если светом своим ты поможешь мне ныне,
То недолго стоять этой мрачной твердыне

И не станет убийц, что вокруг замка снуют,
В нем и пищу прохожий найдет и приют».

И когда светлый муж, помышлявший о благе,
От Владыки узнал о разбойной ватаге,

Манджаником полночной молитвы своей
Стены неба пробил он. И горстью камней

Перед этой всеильной взлетевшей скалою
Стал разбойничий замок над грозной горою.

И сказал он царю: «Встань. Обратю ступай.
Неприступной горы с места сдвинулся край».

Царь вернулся на брег. Прибежал каждый воин,
Что был трапезы царской в ночи удостоен.

Снова сели за пир, снова стала слышна
Песня чанга, опять попросили вина.

Доложили царю в шуме струнного грома:
«Замок выслал посланца, он просит приема».

Приказал государь, чтоб гонца привели, —
И склонился тонец пред царем до земли

И, за здравие шаха исполнив моление,
Ключ он бросил пред ним. «Мы твое повеленье

Исполняем, — он молвил. — В полуночной мгле
Рухнул замок, стоявший на мощной скале.

С тяжким громом распались две крепкие башни.
Да хранят твои башни покой свой всегдашний!

Раскололась твердыня: создателя гнев
Свой направил снаряд, ее мощь одолев.

Не твоим этот замок разрушен снарядом.
Что пылинка с такой многомощностью рядом?!

Нет! В заоблачном замке, что грозен и благ,
Арраде стенобитной повернут рычаг.

Коль небесный тебе подчиняется замок, —
То тебе наш покорный вручается замок».

Царь взглянул на мужей, словно взором спросил:
Все ли ясно смирителям вражеских сил?

«С этим замком боролись вы дней уже сорок,
Он стоял над горой, как мучительный морок.

Чей же меч из всех ваших несчетных мечей
Поцарапал его? Отвечайте! Ничей!

Но вздохнул хилый старец, — и был он расколот,
Этот замок, как будто разбил его молот.

Что ж разит крепче стрел и камней и ножей?
Да не будет земля без разумных мужей!»

Пристыженные благом таинственной ночи,
Предводители войска потупили очи,

Попросили у шаха прощенья они:
«Пусть венец твой горит вековечные дни!

Пусть твой меч будет вечно победным и ярым!
Да сверкают весы твои вечным динаром!

Только ты — сокровенного знания венец,
Ибо тенью своей тебя сделал творец.

Правоту твою видя, бывшую дорогу
Мы нашли и вернулись к благому порогу».

Царь отправил отряд, несший царственный стяг,
Чтоб изгнал он из замка ватагу бродяг.

Он уделы им дал и, прогнав из твердыни,
Их в уделы направил в своей благостыне.

Царь в различных частях мощных замковых стен
Произвел перестройкою ряд перемен.

Нет уж в замке пробоя, не стало в нем трещин,
И не злу — правосудию замок завещан.

И правители этой гористой земли
С горькой жалобой в стан Искендера пришли:

Опасаются, мол, они диких кыпчаков
И не сеют они в этой области злаков,

Потому что кыпчаки бесчинной ордой
Мнут посевы и портят арыки с водой.

«Все мы терпим ущерб в нашей бедной отчизне:
Скудость хлеба ведет к оскудению жизни.

Если б царь захотел своей властной рукой
Даровать нашим землям желанный покой,

Он заделал не только бы скважины башен:
Каждый узкий проход возле замка нам страшен.

Сделай стену из камня, чтоб жизни хазар
Не грозил со степей за ударом удар».

Царь велел — и с войсками проход перевала
Заградили хазары. Гранитная встала

На пути каменистом и узком стена,
И булатом была она вся скреплена

И тяжелым свинцом меж высоких утесов,
Ибо царь всех искуснейших каменотесов

И умелых вершителей горных работ
Вел с собой: обо всем был он полон забот.

И готова была всем набегам препона.
Царь собрался в свой путь. Развернули знамена.

В барабанах, в литаврах гремела земля,
И качались окрестных лесов тополя.

В степь направился царь. Путь свершая немалый,
Погоня коня, миновал он привалы.

Так Планета летит меж заоблачных нив,
Каждый знак Зодиака собой осенив.

Ночи амбровый локон небесным долинам
Дал свой мрак и осыпал их звездным жасмином.

И Властитель и рать, разнуздавши коней,
Краткий отдых нашли. В свете звездных огней

Был меж спутников царь. В час дремоты размерней
Льетса речь, — и возжаждал он сказки вечерней.

Он спросил обо всем, что имелось окрест:
Знать желал он все тайны неведомых мест.

И для слуха царя заплетались узоры
Повестей про долины, ложбины и горы.

И сказали ему: «Есть в сей местности кров:
Дивный замок, укрытый от жарких ветров.

Камень стен бирюзовый горит, не стораая,
Будто вывезен он из пресветлого рая.

В замке — трон Кей-Хосрова и чаша. Весь мир
Был бы им восхищен. То — Высокий Сарир.

Кей-Хосров, отрешившись от скорбного мира,
Трон и чашу оставил под сводом Сарира

И могилой себе он пещеру избрал.
Но в нее не вползти: как расплавленный лал,

Брызжет пламя пещеры. Царевич из рода
Кей-Хосрова — в том царстве владыка народа.

О Высоком Сарире заботится он:
Бережет его чашу и царственный трон».

И Владыка земли, путник царственный, разом
Загорелся, зажженный всем этим рассказом.

Всякий замок, в упорном ли взятый бою,
Или тот, что пред ним дверь украсил свою, —

Посещал венценосец. Открыто иль тайно,
Все он видеть хотел, всем влекомый бескрайно.

Царь смотрел на ограды, на башни, на вал,
И владельцам твердынь он дары раздавал.

В устремленьи к безвестному был он упорен,
Он узнал про Сарир! Что ж! Он будет проворен!

Может статься, что сил своих четверть иль треть
Он утратил. Он в чашу решил посмотреть

Не затем, чтобы царства покинуть, а снова
Их собирать, и чтоб крепкой была их основа.

ИСКЕНДЕР НАПРАВЛЯЕТСЯ В ЗАМОК САРИР

Не промедли, о кравчий! Спеши, — и вино
Лей мне в сердце! Смотри, угасает оно!

Иссякает в багряном светильнике масло.
Дай вина, чтобы сердце мое не угасло!

Свет расторг темноту и явился в миру, —
Словно царь черных зинджей прислал камфару.

Новый день заблестал ослепительным раем:
Клад Каруна из праха поднялся над краем.

Мир беспылен. Как будто, не ведавший бурь,
Небосвод изогнул над землею лазурь,

Ветра осени нет, — верно принял он схиму,
Теплый ветер из памяти выбросил зиму,

Горы — сладостный сад; степи — нежный цветник;
Светоч неба — веселых сияний родник.

Насаждает весна свой Эдем и, сверкая
Блеском трав, все просторы — сверканье рая;

И, решенье приняв, как на царственный трон,
Царь воссел на коня: в путь направился он.

Под развернутым стягом, в мечтах о великом
Одеяньем сверкал он и радостным ликом.

И копытами конниц измаял он прах,
И тревогу посеял в надменных горах.

Вел войска он в Сарир и мечтал он о встрече
С охраняющим трон. Замок был недалече.

Повелитель Сарира узнал, что в Сарир
Направляется тот, кем прославился мир, —

Сказ о мудром царе был царевичу ведом.
Знал он то, что сей царь — друг всегдашним
победам,

Что им не был убит ни один Кеянид,
Что познавшим добро не чинит он обид,

Что ценились великим вождем воеводы,
Что не брал он хараджа, хоть нес он расходы.

Две стоянки навстречу царю проскакав,
Разостлал он ковры пред главою всех глав.

Чтоб царя одарить, как при встрече пристало,
Хоть и в спешке, — подарков он выбрал немало.

Из хранилиц он взял груды ценных мехов,
И меха эти были различных цветов:

Черный мех — соболиный, багряный — лисицы,
Горноста́я — серебряный, бурый — куницы.

Шубы рысьи он взял... взглянешь, —
вымоавишь ты,

Что фиалок по ним разбросали цветы.

Отобрал он рабов, прихоченных к бою,
В поединках владевших борьбою любую,

И услужливых отроков, полных огня,
И умеющих мигом вскочить на коня,

И всю груду мехов, и другие подарки,
Что к мехам он прибавил — кинжалы и чарки, —

Все вручил он стоявшим пред царским шатром.
Трудно было им справиться с этим добром.

И, как опытный муж, перед блещущим тронем
Он предстал с надлежащим, умелым поклоном.

С трона встал Искендер. Всем быть в радость любя
Усадил он царевича возле себя.

За дары, что правитель дал царской короне,
Принеся благодарность, спросил он о троне

И о чаше: «Хранил ты их долгие дни.
Но без благодетных шахов что значат они?»

«О державный! — ответил властитель Сарира. —
О всех царственных царь! О эмир всего мира!

Для тебя препоясаясь сам Каюмерс,
Феридун пред тобой свое сердце отверз.

Пусть стрелою судьба служит царскому луку!
Свод небес — твой аркан; ты берешь его в руку!

Кей-Хосров взял из чаши к могуществу ключ.
Ключ ты держишь в руке. Ты велик и могуч.

Кей-Хосров видел в чаше и силу и славу,
В своем зеркале их же найдешь ты по праву.

Если шахи не вскинут уж более век,
Пусть твоя диадима сияет вовек!

Пусть твой свет озаряет всех подданных племя,
Тень венца осеняет священное темя!

Почему древний свод, что одни лишь мы зрим,
Ты решил оживить светлым ликом своим?

Наш предел ты своим посещеньем прославил,
Но коня для чего в наш предел ты направил?»

«Именитый! — ответил царевичу царь. —
Ты, хранящий для нас то, что создано встарь!

Кей-Кавуса престол мне всего был дороже,
И джемшидовой чашей прельщался я тоже.

Ныне — след Кей-Хосрова, хранимый тобой,
Лицезреть мне дано не самой ли судьбой?

Все безвестно. Горю я желаньем безмерным
Усыпальницу видеть во мраке пещерном.

Как покинул Хосров смертных дней череду?
Ты побудь у меня, без тебя я пойду,

Чтоб у трона вздохнуть и, душой замирая,
Поцелуем коснуться священного края

Чаши древних времен. Что шепнет мне престол?
Как оплачет того, кто от царства ушел?

Я таинственной чаши услышу моление,
Чтоб во всем и всегда было мне одоление.

Замутилось души моей зеркало; муть
Надо счистить, — и к чаше хочу я прильнуть.

Трон и чашу узрев, укрепив свою душу,
Все преграды в грядущем легко я разрушу».

Царский сын, не спускавший с Властителя глаз,
Все слова его принял, как царский указ.

Он правителю замка отправил неслышно
Приказанье: для царственной трапезы пышно

Стол накрыть и вниманье царю оказать
И почет, и блюстителю трона сказать,

Чтобы тотчас же вся расступилась охрана
Перед светлым носителем царского сана

В то мгновенье, когда к ней направится он,
Дабы чашу узреть и сверкающий трон,

И чтоб тотчас была эта стража готова
Усадить Искендера на трон Кей-Хосрова,

Чтоб царю бирюзовую чашу она
Подавала не пустой, а с багрянцем вина,

Чтоб дала она все, что пришлось бы по вкусу
Той звезде, что на смену пришла Филикусу».

И царевич, тайком отправляя гонца,
«В путь готовься, — сказал. — Здесь, под сенью
венца,

Я побуду, покуда в шатер свой державный
Не вернется Воитель пресветлый, преславный».

Принял царь приглашенье, и в этот же час
Он оставил свой стан. Были с ним: Булинас

И гулямов пять-шесть из охраны царевой,
За царя Искендера на гибель готовой.

И к Сариру взбирался по взгориям он,
И казалось, что замок в лазурь вознесен.

Но без отдыха царь одолел все изгибы,
Все извивы пути, все скалистые глыбы.

И увидел он замок в лазурном краю.
Кто б назвать его смог в дерзновенном бою?

И перй — те, что жили в пристанище этом,
Подошли к Искендеру с душистым шербетом.

Золотой был накрыт для прибывшего стол,
И на нем сотни яств он отборных нашел.

Все красавицы замка убором блистали,
И рядами они вокруг Властителя встали.

И царя восхитил их сейфур и атлас:
Созерцанье роскошества радует нас.

Он отведал всю снедь. Вот престол Кей-Хосрова
Перед ним, под навесом лазурного крова!

Царь чело склонил, снял венец, подошел
Он к престолу. Безмолвен был древний престол,

Но как будто промолвили гулкие своды,
Что проснулся уснувший на долгие годы

И прислал из глубокого сумрака весть,
Что на трон его должен румиец воссесть.

Царь взошел на престол. Он Симургом сидящим
На ветвях золотых был на троне блестящем.

Золотого престола хранитель улов
Драгоценных явил и сверкающих слов:

«Слава шаха и слава престола — о счастье! —
Говорят из лазурного дола о счастье.

Бирюзовая чаша, — о праведный, верь! —
Ключ, вскрывающий к многим сокровищам дверь.

Этим тронем и чашею, равною чуду,
Сколько тронов и чаш ты добудешь повсюду!»

Страж второй произнес: «Нет страны, государь,
Где подобный тебе жил хотя бы и встарь!»

Коль воссел ты на трон Кей-Хосрова, то значит —
К трону неба тобой путь возвышенный начат».

Молвил третий: «Зачем это множество слов?
Что для нас Кей-Кобад! Что для нас Кей-Хосров!»

Этот вещий престол царь вовек не забудет:
Кей-кобадствовать он, кей-хосровствовать будет.

Предвещанье побед, верьте слову раба,
В этом тронном чертоге явила судьба!»

Разукрасив собой трон царя Кей-Хосрова,
Воскресив своим ликом сиянье былого

И, устами почтительно тронув престол,
Искендер по ступеням с престола сошел,

Чтоб осыпать его жемчугами. Воскресло
Все сиянье былое. Из золота кресло

Двое стражей внесли. Властный сел. Бирюза
Дивной чаши его восхитила глаза.

И когда потянулся рукою он к чаше,
Что была для него всех желанней и краше, —

Виночерпий, как велено было ему,
Влил в горящее золото рдяную тьму

И царю чашу бережно подал: «Основа
Наших благ! Пей вино в честь царя Кей-Хосрова!»

Да сияет побед Искендера звезда!
Будь достоин сей чаши везде и всегда!»

Тотчас встал государь, выпил чашу. На счастье,
Сняв с руки, на нее нацепил он запястье.

Больше пить он из чаши не стал и, на стол
Сей поставив сосуд, сел и очи возвел

На престол, и затем снова к чаше печальный
Устремил он свой взор. Час не сладок прощальный

И о чаше пустой, о престоле, что встарь
Шаханшахом блистал, так сказал государь:

«Трон безмолвен. Охрана беспомощна ваша.
Нет вина. Для чего ж прозорливая чаша?»

Лишь вином животворным сосуд освящен,
Только властью царя озаряется трон.

Коль не стало вина, то и чаши не надо!
Трон сломай, коль со смертью не ведаешь слада.

Нужен трон многоценный, покуда на нем
Властелин многомудрый пылает огнем.

Кто достиг с караваном эдемской границы,
Трон алмазный сочтет скорбным ложем темницы

Шелком сети прельщаются птицы степей,
Льстятся костью слоновою клетки своей.

Что им шелк, если рядом цветущие ветки!
Что из кости слоновою красивые клетки!

Потому лишь мы жаждем жемчужин венца,
Что житейских путей мы не знаем конца.

Потому лишь весной кверху тянутся травы,
Что осенних ветров им неизвестны оравы.

Пусть резвятся онагры, в степях осмелев, —
Разве издали их не почувствует лев?

Пусть олени заводят веселые игры, —
Разве в зарослях дремлют насытые тигры?

В железе у газели есть мускус, но вот
Барс внезапный когтями газель эту рвет.

Хоть во всем лишь вчера был у нас преизбыток,
Но в пожаре не стало всех наших пожиток.

Для чего ж украшать нам престол дорогой,
Если будет владеть им владелец другой?

Греем чашу вина мы всегда для другого,
Что ж безумствуют все снова, снова и снова?

Хоть на трон опирается наша рука, —
Нам под голову ляжет носилок доска.

Дни — не трон золотой. Дни подобны железным
Злым цепям. Что ж бореньем гореть бесполезным?

Трон минутный покинем, его разломав.
Наших тел ведь не вечен непрочный состав.

Не вливайте ж вина в эту чашу! Сурова
Наша участь и участь царя Кей-Хосрова!

ИСКЕНДЕР ПРОНИКАЕТ В ПЕЩЕРУ КЕЙ-ХОСРОВА

Кей-Хосровову чашу, о кравчий, возьми, —
Так отрадно сверкает она пред людьми.

Пусть вином она будет полна и готова
Для того, в ком сиянье царя Кей-Хосрова.

□ □ □

Правосудья носитель! Светлее зари
Озаряющий мир! О второй Мушгари!

Есть у нас Кей-Хосров! И живет во мне вера,
Что нетрудно узреть нам царя Искендера.

Хоть с небесной те звезды ушли высоты, —
Продолжатель Хосроев сверкающих — ты.

И спокойно, о властный, ты властвуешь в мире,
Потому что с их помыслом царствуешь в мире.

Хоть весь мир восприял твоей славы чекан,
Хоть тобою покой миру нашему дан,

Обольщаться тебе все же миром не надо:
Будет небо твоим вождельням не радо.

Что с влюбленными в мир мир свершает, взгляни!
Как неласков он с ними! Как страждут они!

Окружая престол вихрем злым и веселым,
Как играет он тем, кто играет престолом!

Опьянившихся сладким дурманом вина
Поразил он, — но в чем же была их вина?

Если ты — Кей-Хосров, семь кишверов приявший,
Если ты — Искендер, все величье познавший,

То от чаши и зеркала все свои дни
Больше блага имей, чем имели они.

Что б ни делал, сбнрай ты припасы в дорогу:
Ты без добрых деяний не надобен богу.

О даритель венцов! О горящий венцом!
О завещанный нам венценосным отцом!

Веселись, хоть ушли те, что веселы были,
Ты — в венце, хоть венцы все они позабыли.

Пусть красив этот сад, как фазанье крыло, —
Отцветет он, как все, что когда-то цвело.

Прочь ушел кипарис. Нет царя Ахсатана!
Так цветы всем цветением крепкого стана.

Пусть, ко мне снисходя, дал мне силу и вес
И вознес он меня до высоких небес,

Оценил ты меня еще выше, — в награду
Дал бродить мне по царственной щедрости саду.

Пусть же звезды, что правят земною судьбой,
Дверь отрад раскрывают всегда пред тобой!

Никого тебе равных, о щедрый, не стало.
Так живи, чтоб сиянье твое мне блистало!

Что еще я свершил? Где носило меня?
По каким бездорожьям гонял я коня?

□ □ □

Видя чашу и трон с его древним узором, —
Трон, что служит отрадою только лишь взорам,

Ибо каждый престол для души и ума
Всех сидящих на нем — не престол, а тюрьма, —

Царь позвал Булинаса. Пред чашей Хосрова
Сел мудрец, чтобы тайны не стало покрова

На устройстве сосуда, который умел
Отражать буйный мир и чреду его дел.

Взор вперила Булинас в надпись дна золотого
И прочел начертанье от слова до слова.

Там, где чаша скреплялась, узрел он, дивясь,
Еле видимых строк прихотливую вязь.

И вгляделись и царь и мудрец в эти строки
И расчет их постигли премудрый, глубокий.

И все числа, что были таимы в строках,
Затвердил Булинас, затвердил шаханшах.

И когда возвратился к румийским пределам
Искендер, — то владеющий разумом смелым,

Прозорливый мудрец, помня чашу сию,
Астролябию круглую создал свою.

Искендер, древней чаши познав построенье,
И на троне прославленном отдохновенье,

Молвил так: «Ради дремы не сядет вовек
На священный престол ни один человек!»

И тогда Булинас чародейные знаки
Начертал на престоле велком, и всякий

Кто б воссел на престол, его блеском влеком,
Был бы вмиг с него сброшен внезапным толчком.

Я слышал, что и ныне толчками порою
Угрожает престол и дрожит над горою.

И в Сарире побыв, все увидевши там,
Словно сам Кей-Хосров, царь пошел ко вратам.

Трон и чашу он знал! И царю Искендеру
Должно было узреть Кей-Хосрова пещеру.

Управитель Сарира немало труда
Положил, чтоб с Владыкой пробраться туда.

В бездорожье кремнистом, возвышенном, тесном
Скакуны их дрожали пред всем неизвестным.

Даже скользких тропинок скала не хранит!
Разбросал по осколкам осколки гранит.

...Воеет ветер. Гремит о граниты подкова.
Закричал проводник: «Вот приют Кей-Хосрова!»

В нем уснул он. Взгляни! Труден, тягостен путь.
Со скалы на скалу там опасно шагнуть.

Для чего устремляться, как будто за кладом,
К недоступной пещере по этим громадам,

Рыть ногтями дорогу под сумрачный кров?
Ты страшись в ней уснуть, как уснул Кей-Хосров!

Путь того, кто срывал с неизвестного полог,
Был и скользок, и крут, и мучительно долог.

Поверни повода. Жизнь бесценна твоя.
А быть может, в пещере таится змея!»

Слез с коня Искендер. Нет, не придал он веры
Слову спутника! Должно дойти до пещеры!

Устремился он к ней. Шел водитель пред ним,
Шел за ним Булинас. Был не явственно зрим

С этой помощью царь, на коне понемногу
Все сугробы осилив, увидел дорогу.

Лишь павлин отобрал у блестящей Хумы
Белоснежную кость, — мир исполнился тьмы,

И украсивший трон и все области мира
С Булинадом спустился с вершины Сарира.

Он вернулся в свой стан, и над ним, как всегда,
Неизменного счастья сияла звезда.

Отдохнул он от зноя и темного страха,
Что объял его в мрачном прибежище шаха.

Распростертое тело, что в усталость пришло,
Под рукой растирального дрему нашло.

Тихо спал Искендер, повелитель всевластный,
До рассвета, явившего свет свой неясный,

А когда вспомнил день о просторе земном
И разбил в небесах свою флягу с вином

И на глину земли бросил пруд бирюзовый
Благовонных стеблей золотые покровы, —

Повелел государь и вина и сластей
Принести и созвать и своих и гостей.

Благодушный царевич, властитель Сарира,
Был на месте почетном в течение пира.

Царь с царевичем чаши вздымали в руках.
Упоен был напитком рубиновым шах.

А затем Искендера рука к одарелью
Приступила. Усилада и сердцу и зрению

Потекла перед гостем: венцы он обрел,
Ожерелья, из кости слоновой престол,

Златотканый кафтан, на котором Плеяды
Из жемчужин и яхонтов тешили взгляды.

Из большой бирюзы сотворенный сосуд,
Мог войти апельсин в углубленный сосуд;

Кубок маленький, грань его так и пылала,
Весь он вырезан был из огромного лала;

Лучезарный поднос, как цветущий миндаль,
Был красив его блестящий горный хрусталь;

Десять гордых коней, их алмазные сбруи
Так сверкали на них, как источников струи;

Сто верблюдов поджарых и с крепкой спиной,
Шедших с ношей своей вереницей одной;

Из камней цветных, что вмещали сосуды
На столе пиროвания, — целые груды.

Каждый спутник царевича, славя судьбу,
Всю расшитую золотом принял кабу.

Так, рукой тароватой Властителя мира
Было щедро украшено царство Сарира.

К длани царской царевич с лобзаньем приник,
И в свой горный удел повернул он свой лик.

Барабаны забили. Подобные буре,
Зашумели войска. Стяг вознесся к лазури.

В степи тронулся шах; воин, страшный врагам,
Безмятежно стремился к морским берегам.

И в степях поохотился он две недели,
И знамена опять свод небес приодели.

ПОХОД ИСКЕНДЕРА В РЕЙ И ХОРАСАН

Дай мне, кравчий, вина, чтоб увидел я рай!
Феридуна и Джема мне чашу подай!

Дай влюбленному чистый напиток забвенья!
Без него тяжелы дней недремляющих звенья.

□ □ □

Долго ль, сердце, гореть ненадежной игрой
И ходов измышлять утомительный рой?

Накренившись, обрушится дерево страсти, —
Уничтожь его! Бойся смертельной напасти!

Не испив чистых вин, — опьяненным не будь,
Если ж ты опьянен, — о кумирах забудь!

Если радостен ты, не вкушая шафрана, —
Разбросай свой шафран — яд смертельный дурмана.

Не живи, словно шах, — после будет больней.
Устрашайся грядущих нерадостных дней.

Кто из пламени выйдет, что дом наш объяло?
Только тот, кто трудиться умеет немало.

Все невзгоды осилишь, терпенье храня.
Знай: ни серой, ни нефтью не гасят огня.

□ □ □

Тот, кто пишет о том, что свершалось на свете, —
Так лазурью украсил страницы вот эти:

Искендер, Кей-Хосрова покинувший трон,
Возвратился в свой стан. После празднества он

Приказал все пожитки сложить воеводам
И отправиться в путь к новым землям и водам.

Но догнал Властелина нежданный гонец,
И упал он во прах, видя царский венец.

И затем, преклонясь пред царем многославным,
Он открыл ему тайное, молвил о явном:

«Чтоб склонить пред тобой свою голову в прах,
Из Истахра я мчался, о праведный шах!

Прирожденный мелик, преисполненный чести,
Дал подобный чекан мне порученной весте:

С той поры, как мой шах для ведения дел
Мне наместника званье вручить захотел,

Так моя обо всех помышляла забота.
Что не ведал никто ни урона, ни гнета.

Договор, что был мною с царем заключен,
Исполнял я, как строгий и точный закон.

Да прославится бог — наших дел оборона!
Нет! Мне вверенный край не изведаль урона!

Но ведь небо недвижим, о шах, не зови:
Мир вращается злом иль делами любви.

Время милость несет или шлет нам возмездья.
То отраду, то горе приносят созвездья.

В Рее дерзкий возник; всех опутал он тьмой.
Он твердит: «Кей-Кавус — пращур доблестный
мой».

Это сеятель смуты, подобье иффрита.
Это змей, пред которым бессильна защита.

Много сот пастухов этой грешной земли
Вместо посохов копьё его обрели.

Тем, кто ведал одни только заступы, стрелы
Вместо них он вручил. Его действия смелы.

Возгордился своим грабежом Ариман,
В городах сея стоны и сея обман.

И обманом присвоив себе благородство,
Притязать дерзновенный решил на господство.

Он собрал только тех, что разгулом пьяны,
Что подняли бы прах из морской глубины.

Этот низкий влеком хорасанцами. Смело
Против шаха они повели его дело:

От границ Нишапура до балхской земли
Перед ним свою желчь изливают они.

Он чело обвязал, словно вождь. Неуклонный,
Он стремится с толпою в твой город коронный.

Эту смуту, порыв этих яростных стай
Ты пустою угрозой, о царь, не считай.

Укрепляются смуты, растут в своей злости,
Наконечником стрел волчи делая кости.

Если буйству не будет положен предел,
То коснется оно твоих царственных дел.

Если месяц врага не затмишь своей тучей,
Скоро трон твой он схватит рукою могучей.

Если ж с быстрого сокола снимешь ремень,
Куропатка увидит последний свой день.

Нет в руках моих войск, о взнесенный высоко,
Чтоб я мог ослепить дурноглазого око.

И начальников ратных не много у нас:
Все они при царях. Грозный близится час.

Что ни день — у злодея, рожденного дивом,
Все властнее рука. Быть нельзя нерадивым.

Да сметет грозных конниц твоих ураган
Этот прах! Поспешай! Твой в опасности стан!»

Торопился гонец. Все сказал как бы с маху;
После — грамоту дал многомошному шаху.

Все, что молвил гонец, содержала она,
О грозящей беде возвещала она.

Но душа Искендера не стала угрюма;
Так сказал себе лев из великого Рума:

«Под моею ногой Кей-Хосрова престол;
Нет, не примет вовеки другого престол!»

Мне напомнила весть про забавную кражу:
У индийца индеец похитил поклажу.

Ни мгновенья промедлить я здесь не могу;
Да! Пощады давать не годится врагу!»

Стали небом сверкающим толпы придворных, —
Ведь оно постоянно в круженьях повторных.

Караваном стал мир, Искендер — вожаком,
И пошел караван, тюк неся за тюком.

Все растущим тюкам больше не было счета.
Сколько новых забот! Вслед заботе — забота!

Искендер! Все заботы влачил он один!
Всем рабам помогал всех рабов господин.

Коль земные пройти нам назначено степи, —
Для чего надеваем мы на ноги цепи?

Вдоль побережья реки царь направил войска.
Извивалась река, извивалась река...

Выше месяца стяги взвивали узоры.
Поднялись они в свод, не имевший опоры.

И охотой войска занимались в пути:
Лучших мест для охоты нигде не найти.

Были тяжки колосья; зерно без усилья
Птичий рой добывал, еле двигая крылья.

И разлив многих рек был настолько велик,
Что весь мир омывал в нем свой радостный лик.

Закипела от молнии туча Нейсана,
Гром весенний гремел, и как будто бы спьяна

Заплясала листва на деревьях. В земле
Крепли корни, возрастая в увлажненной мгле.

Соловьи возносили любовные зовы,
Ветерки мчались к розам вскрывать их покровы.

Голубая вода, золотая земля...
Блещет шелк двух цветов, взор людской утоля.

Страж посева внимал неземному барбеду.
Это славили жавронки света победу.

Стебелек ячменя препоясал свой стан:
Знак о жатве опять поселянину дан.

И газели своим непрерывным приплодом
Наполняли весь мир под лазоревым сводом.

То охотясь, то с кубком вина, миновал
Повелитель царей за привалом привал.

Вот серьга однодневного месяца стала
Семидневным браслетом и в небе блистала.

Венценосный, зашедший в далекую даль,
Вдел чело своей славы в стозвездный хальхаль.

И как воин, сказавший: «На недруга гляну»,
Лев пришел в новый край: подошел он к Гилян.

И все храмы, где виден был пламени взлет,
Обратил он пред всеми эрпатами в лед.

И, сломавший хребет непокорством объатым,
Заратуштры ученьем прельщенным эрпатам, —

Царь покинул Гилян, чтобь двинуться в Рей,
Чтоб и Рей был покорен царю всех царей.

Покарал он всех магов нечистого Рея, —
Только дым за клубился, над городом рея.

И когда леопард эту начал игру, —
Испугалась лиса. Чтоб забиться в нору

От юнца, что сверкал в своем царственном сани,
Враг бежал, — он спасенье найдет в Хорасане!

Но узнав, что венцом всепобедным своим
Испугал он врага и, погнавшись за ним,

Ночью вепрю, бегущему к дальнему лугу,
Царь в широкой степи перерезал дорогу.

Так набег был негадан, мгновенен и яр,
Что разбил вражье царство единый удар.

И, сломив грозной дланью предателей черных,
Разметав по степям всех ему непокорных, —

Царь увидел близ мест, где настиг их позор,
Меж зеленых просторов широкий бугор.

И на нем он воздвиг горделивое зданье,
По названью «Шары». Сохранилось преданье,

Что сверкало оно, сея в недругах страх,
В золотых и серебряных гладких шарах.

И, заполнив дарами всю эту обитель,
В Нишапур свое войско повел Повелитель.

Нишапур на два стана разбился. Один
Утверждал, что румиец его господин,

А другой — в правоте своей также уверен, —
Восклищал, что остался он Дарию верен.

И приверженцы Дария знамя его
Сохраняли. В нем чтили царя своего.

И на месте почетном иранское знамя
Заставляли сиять они, будто бы пламя.

И горяч и настойчив был царь Искендер.
Но отвлечь их от прошлого не было мер.

И решил государь: здесь возьмешь не боями
И не наспех — снести он обязан с друзьями.

Свое знамя восставить на долгие дни,
Чтоб вокруг этого знамени билась они.

И свое развернул он узорное знамя,
Чтоб затмило оно вражье черное знамя.

И затем, что сей город сварлив был и хмур,
Что не пал пред румийским венцом Нишапур, —

Жить в нем станет вражда до трубы Исрафила!
Распрю создал в нем царь, и грозна ее сила.

И сцепились два стана, а полный огня,
Искендер прямо к Мерву направил коня.

Там огни погасил он в домах нечестивых,
От огней отогнал мотыльков он красивых

И направился к Балху. Ручьями мечей
Все он залил огни, весь обман их лучей.

Тут меж капищ огня красовалась вихара.
Красотой только роза была бы ей пара.

Вереница красавиц была в ней видна,
Вся вихара была не вихара, — весна!

Столь богатой еще не встречалось вихары:
Кто бы счел в ней сокровища или динары?!

У жрецов были стройные кони. Для них
Не жалели эрпаты подков золотых.

Захватив это «Место огня», где эрпаты
Были хмелем своих волхвований объаты, —

Этот рай он пленительных гурий лишил,
Он от этого ада жрецов отрешил.

Из сокровищ, чей блеск равен вымыслам сказки,
Искендер многим раненым сделал повязки.

А затем государь посетил Хорасан.
В каждом городе свой он раскидывал стан.

И, чтоб весь Хорасан был исполнен боязни,
Хорасанским смутьянам назначил он казни.

Всюду вел он соратников, вел потому,
Что расцветшее счастье служило ему.

Гур, Газна и Кирман! Ширь просторов неблизких
Измерял он копытами конниц румийских.

И когда становился он издали зрим,
Городские врата раскрывались пред ним.

Хоть с обильем удач были трудности рядом, —
Брал он клады и каждым доволен был кладом.

И везде, где бы только ни делал привал,
Он все больше и больше добра добывал.

Но добычей он радовал землю. Все клады
Зарывались. Опасны корыстные взгляды.

Что же! Золоту, в души вселившему страх,
Все равно: жар печи или сумрачный прах!

Прячут золото в землю! И люди готовы
Каждый звонкий тайник запереть на засовы.

Смертный! Прах твой взлетит, — ветер времени
Что ж ты золото прячешь за крепкий затвор?^{скор!}

ИСКЕНДЕР НАПРАВЛЯЕТСЯ В ИНДИЮ

Дай с расплавленным золотом чашу, — оно
Красной серой становится. Мудро вино.

Дай мне снадобья, кравчий, чтоб медь моя стала
«Красным львом», — чтоб всезнанием она
заблистала.

□ □ □

Скакуна погоняй, путь удобен степной.
Скоро сможешь покончить с дорогой земной.

Из краев, где твой дух мучит скорбь и досада,
Мчись к Эдему, спеши и домчишься до сада.

Как прельстился ты прахом под сменою лун?
Прах пожрал даже то, чем прельщался Карун.

Путь спасенья — смиренье. Так шествуй дорогой,
Словно солнце, единственной, верной и строгой.

Хоть и ждет на дороге сверканье ножей,
Возят вьюки купцы, не страшась грабежей.

Если нет на дороге лихого народа,
Значит, путь не приносит прямого дохода.

Там, где клады находят, веков испокон
Сторожит эти клады опасный дракон.

□ □ □

Тот, кто стройный рассказ вел по должному чину,
Так открыл нам ядро, взрезав дел сердцевиною:

Царь из Балха ушел и пришел он в Газну,
И покинул он горького моря волну.

И вожди приходили к нему отовсюду,
И решил Повелитель: «Я в Индии буду!»

И промолвил он тем, кого чтит искони:
«Свет счастливой звезды мне лобзает ступни:

Весь Иран обратил я в румийцев угодыя, —
В край индийский хочу повернуть я поводья.

Я к коварному Кейду направляю коня,
Чтоб коварного в нем не осталось огня.

Если выйдет навстречу ко мне он с поклоном, —
Буду щедрым, пленю его этим полоном;

Если ж в распрю меня он захочет вовлечь,
Что ж, тогда буду я, шея Кейда и меч.

Я его поверчу! Он, быть может, отважен,
Но он будет сидеть там, где будет посажен!

Вновь направляюсь я вдаль, — свод небесный не
хмур, —

И копье мое встретит испуганный Фур;

Но, венец его взявши, я медлить не стану:
На неведомый край хана ханов нагряну.

И пойду на Тараз, и пойду я на Чая;
Я весь мир захвачу в быстрой смене удач!»

Принял каждый, мечтавший о дерзостном бое,
Это слово царя, как веленье любое.

В день, когда положение звезд предрекло,
Что удачи звезда засияет светло,

Искендер, чье чело небеса осветило,
Сел в седло. Из Газны поспешает светило, —

И уже дивной Индии взор его рад.
Вся дорога в придворных — сверкающий сад.

Все решал Миродержец и быстро и смело,
Так и с Кейдом хотел мигом кончить он дело, —

Над страной его бурный поднять ураган
И насытить поклажею свой караван.

Но, опомнившись, тотчас забыл он об этом, —
Остановлен он был многомудрых советом.

И гонца он к индийцу послал, чтоб гонец
Так промолвил, явившись в индийский дворец:

«Выходи, если ты приготовился к бою.
Я, как черная туча, стою пред тобою.

Если выйдешь ко мне, не оружием стуча,
А моления шепча, — не увидишь меча.

Ведь нарцисс поднялся бы, выросла б его сила.
Если б туча дождями его оросила,

Ведь оделась бы роза в убранство свое,
Если б жаркое солнце пригрело ее.

Если я рассержусь, — ужаснутся просторы,
Если вздрогну, — качнутся и доли и горы.

Над землю высоко я трон свой возвел,
Я не сплю. Опасайся. Я — зоркий орел.

Кто всклокочил бы волосы в ярости страстной,
Тот лишь на волос был бы от смерти ужасной.

Пусть края ваших гор — как мечи под лучом,
Ваши горы своим одолею мечом!

Жду ли золота здесь, жду богатства иного ль?
Магрибинского золота видел я вдоволь!

Иль красавиц ищю, — их очей и речей?
Но ведь солнце Хорезма горит горячей!

Иль добыча каменьев царит в моей думе?
Самоцветы в избытке имеются в Руме.

Мой из Индии меч; ныне снедь мне нужна.
Съесть я ныне смогу боевого слона!

Не проешь своей подати, — вспомни-ка друга:
На румийце индийская блещет кольчуга.

Сбережешь свой венец, коль запомнишь слова.
Вышлешь дань — хорошо, нет — слетит голова!»

И у Кейда посланец, привычный к двуличью,
Сеть расставил свою пред внимательной дичью.

Он индийцу явил те слова из огня,
Что пылали ужаснее судного дня.

И, узрев пред собой страшный день воскресенья,
Кейд решил: осторожность — дорога спасенья.

Все, что ныне сбылось, — снилось Кейду во сне.
И не раз размышлял он о завтрашнем дне:

«Нет, с румийским царем спор напрасный
не нужен:

Он всю землю прошел, с небесами он дружен.

Как он Дария сверг! С той поры что свершил!
Он в Хабеше, в краю Бухары что свершил!»

Кейд не счел рассудительным быть непокорным,
Не к покою идти, а к бореньям упорным.

Понял он, что велик этот пламенный лев
И что надо смирить его царственный гнев.

И раскрыл он уста, и вознес восхваленья,
И сказал, что исполнит он все повеленья:

«Если в мире царю быть мудрейшим дано, —
Значит, миром правленье ему суждено.

Пусть луна ему служит подножьем престола,
Но да сходит он к жителям скорбного дола!

В моем сердце живет к шаханшаху любовь, —
Что ж грозит он войной, что же хмурит он бровь?

Если хочет, — сокровищ отдам половину,
Если хочет, — венец с головы своей скину.

Если жизни моей он желает, — свое
Вырву сердце, окончу свое бытие.

И венец, и престол, и казну, не жалея,
Я отдам, если вышлет ко мне казначея.

Не царя он увидит во мне, не врага.
Искендер — господин, я — покорный слуга.

Если хочет он власти, — я буду безволен,
И рабом своим будет Великий доволен.

Если ж Властный не так благосклонен к рабу
И желает напрасно идти на борьбу,

Я укроюсь и распрю с Великим отрину,
Но под ноги слона своей жизни не кину,

И пускай на мой край он войною встает,
Все же крови моей государь не прольет.

Если даст мне приют, — протрубят мне не трубы ль
Славных дней? С ним останусь. Ведь это не убыль.

Если с войском нагрянет, то я ведь не хром,
Скрыться можно: немало пристанищ кругом.

Если ж царь на меня снисходительным взором
Поглядит и скрепит наш союз договором,

И не будет ущерба владеньям моим,
И от всякой напасти я буду храним, —

Дам царю я четыре подарка. На свете
Ничего нет ценней, — вот даяния эти:

Лишь с луною сравнивая дочь моя... Нет!
Не с луною, а с солнцем! Велик ее свет;

Дивный кубок из яхонта: кубок вздымая,
Пьешь и пьешь из него, — все ж он полон до края;

Прозорливый мудрец — все раскрыто пред ним.
Он тайное видит мышленьем своим;

Старый врач, изучивший недугов явленья
И несущий стенающим день исцеленья.

Если б царь был дарами доволен вполне,
То отраду большую доставил бы мне».

Согласился гонец: «Если эти четыре
Дивных дара, прекраснее многого в мире,

Ты отправишь царю, — будешь взыскан судьбой:
Всей земли повелитель сроднится с тобой;

Он поставит тебя в чередѣ именитых,
И не быть твоим просьбам среди позабытых».

Выбрал Кейд из премудрых придворных своих
Одного, кто для дел многотрудных таких

Был пригоден. Его к шаханшаха порогу
Он отправил с гонцом Искендера. В дорогу

Дал указ он посланцу, в указе смешав
Нужный жир и обильную сладость приправ.

Возвратился посол к Искендеру, и рядом
С ним был важный индеец, сверкающий взглядом.

И они, бросив седла, спеша ко двору,
Засияли, как розы в садах поутру.

И увидел индеец из древнего рода,
Что шатер этот выше шатра небосвода,

И поклоном подмел перед троном он прах
И промолвил царю о великих дарах.

Все слова, что посланцу положены чином
Вознести, коль он послан своим господином,

Он вознес и подробно сказал обо всем,
Что готовилось в дар его зорким царем.

Запылал Искендер. Медлить не было духа.
Глаз возжаждал того, что слышало ухо.

Нетерпением зажегся он с этой поры,
Торопился принять он все эти дары;

Обласкал он посланца под царственным кровом
И посулом щедрот и приветливым словом.

К Кейду послан с другими был сам Булинас,
И был вскрыт Искендером сокровищ запас.

И письмо, что всю Индию делало воском
И румийским индийцем, сверкавшее лоском

Разукрашенных строк, было послано льву
От Стрелка, что напугал своих слов тетиву.

В нем являло уловки умелое слово,
Что все души прельщать было вечно готово.

В нем немало звучало ответных похвал
За хвалы, что Великому Кейд воздавал.

И писец сумрак мускуса слил с камфарою,
И с охранною грамотой ранней порою

Булинас и другие познаныя сыны
Путь свой начали к шаху индийской страны.

Ожидая, что встретит готовых к обману,
Прибыл румский мыслитель к индийскому стану.

Но узрел он, что, благом приветным дыша,
Не коварна, — прозрачна индийца душа.

И склонился мудрец и коснулся он праха:
Кейд был в царском венце, в ярком поясе шаха.

Дал он Кейду письмо, дав лобзание письму.
Также ключ от сокровищ вручил он ему.

Был прочитан весь лист неробевшим дебиром,
И как будто бы небо качнулось над миром.

ПИСЬМО ИСКЕНДЕРА КЕЙДУ

Все, что царь написал, моя память хранит.
В воск письмом обратил он индийский гранит.

«Да прославится тот, кто вздымает светила,
Тот, кого не поймет смертных разумов сила,

Кто творит и указ и покорных ему,
Кто вещает пророкам сквозь бурю и тьму!

Да овеет он звездным, лазоревым сводом
Всех, что именем добрым известны народам!»

А затем: «Да усилятся мощь твоих плеч
И да будут года твои благостно течь!»

Булава моя, ведай, была уж готова,
Размахнувшись, ударить слона боевого,

Чтоб увидел весь мир, как мой страшен удар,
Чтоб всю Индию ввергнуть в ужасный пожар,

Чтоб разрушить твой край, не жалея нимало,
Чтобы в нем венценосцев кичливых не стало,

Чтоб арканом тебя удушить, как слона,
Чтоб от крови страна твоя стала красна,

Чтобы вырвать индиго, а быстрые реки
Пересечь и землей их засыпать навеки!

Но ведь в сторону мира погнал ты коня,
И склониться на мир ты заставил меня.

Все слова твои ласковы. Лаской такую
Ты меня из царя сделал верным слугою.

Кроткой просьбой пощады меня ты связал,
Волхвованьем ты путь мне в свой край указал.

Так пускай договор, заключаемый нами,
Сохранился вовек и не меркнет с годами.

Если дивно утешить ты душу мою
Четырьмя приношеньями, слово даю,

Что хотя бы в войсках семь кишверов гремели,
Битвы тронуть твой край и тогда б не посмели.

Помогу я тебе и в добре и во зле.
Помни слово. Всех крепче оно на земле.»

И когда Булинас, передавший посланье,
Исполняя царя Искендера желанье,

Приоткрыв полумрак чародейских завес,
Перед Кейдом явил чародейство словес, —

Кейд, смущенный уловок волшебным запасом,
Стал индийским рабом, был пленен Булинадом.

Чародеев из Индии каждый знавал,
Над индийцем один Булинас колдовал.

Кончив речи узор прихотливый и яркий,
Кейду отдал посол Искендера подарки.

Тронут Кейд был немало. Пришел его час
Отвечать. И услышал мудрец Булинас:

«Шлю хвалы я царю, как великому чуду,
И везде и всегда перед ним я пребуду!»

Обласкал он посла. На свершение дел
Лишь неделю индиец потратить хотел.

И неделя прошла. И всех дел управитель
Все исполнил сполна. И страны повелитель

На служенье царю Искендеру поклон
Совершил. И четыре сокровища он

Булинасу вручил. И к даяниям этим
Он прибавил другие. Меж них мы отметим:

Лалы, золото, жемчуг — тугие тюки
Даже мощным слонам не казались легки;

Многовесный булат, амбру с ценным сандалом,
На верблюдах лежавшие грузом немалым;

Трех огромных слонов — даже вздувшийся Нил
До их брюха в кипении не доходил;

Трех дворцовых слонов — от их белого цвета
День врага стал бы мглою, мгла — черным одета.

Булинасу он также сокровища дал.
Дал и мускус ему и прекрасный сандал.

В паланкине, что вырезан был из сандала,
Перидухт он послал. И царевна блистала

В украшениях, — над ними немало ночей
Провели мастера, не смыкая очей.

С драгоценных товаров изрядным запасом
Возвратился премудрый. Волхвом-Булинадом

Сколько блага творилось! В решающий час
Возвеличению Рума помог Булинас.

Только царь увидал дивных дара четыре,
Позабыл обо всем, что пленительно в мире,

Даже те чудеса, что скрывал его Рум,
На недели уплыли из царственных дум.

Испытал он подарки. Все было согласно
С описанием, — все было безмерно прекрасно:

Лишь пригубил он в кубке напитка струю, —
Навсегда утолил он всю жажду свою.

Мудрецу благосклонности отдал он дани —
И узнал от него много древних преданий.

Над недугами врач проявил свою власть,
Чуть дохнув, из сердец гнал он темную страсть.

А когда пред царем появилась, блистая,
Индианка, — он молвил: «Она — из Китая!»

Кто б хотел описать ее прелести, — тот
Всех красот ее сладостных спутал бы счет.

Царь узрел пред собой лик нетронутой розы
И весну, что ветров не слыхала угрозы,

И перí он узрел, и в убранствах кумир, —
И перí и кумир — дивной Индии мир.

Малый ротик алел и длинны были брови, —
Для чего были розе слова славословий!

И была роза в сахаре дивно сладка,
Словно горсть лепестков, и нежна и легка.

Сумрак локонов хитрым узором сплетая,
Всех пленяла она изощреньем Китая.

Вкруг нее аромата кружилась волна.
Вся индийской гвоздикой дышала она.

На ланите пленительной цвета пшеницы, —
Мускус родинки. Сердцу казалось: хранится

Дорогое зерно и легло оно там
Необманной приманкой на радость устам.

И луна и тюрчанка индийского края
Искендеру казалась предвестницей рая.

Нет! Хатанкой была она цветом лица,
Но как лютый индеец, пронзала сердца.

Лик индийский и румский был явлен тюрчанкой.
Стал румиец индийцем — пред сей индианкой.

Свежий, нежный, душистый, улыбчивый лик
Стал так сладок царю, словно сладкий тростник.

Милый взор привлекал всем сиянием блага.
В ней сплетались пленительно пламя и влага.

Румский царь, увидав ее, ринулся к ней.
Он не видел невесты милей и нежней,

Но, согласно обычаям строгим Исхака,
Что рассудок людей древле вывел из мрака,

Царь набросил на деву венчальный убор.
Лишь затем он к прекрасной объятья простер.

Чтоб индийцев пленить пиროванья обрядом,
Царский стол сделал царь расцветающим садом.

Трон, парчу, самоцветов стоцветный набор,
Весь из шкур леопарда широкий шатер

И венец весь в рубинах, весь блестящий золотом,
И коней, что подкованы звонким булатом,

И китайских рабов, — каждый с ценной серьгой, —
И румийских рабынь в золотокани тугой, —

В дар отправил он Кейду. Тот принял все это
И принес благодарность Властителю света.

Отдыхал Искендер. Было сладко припасть
К Перидухт, что была как сладчайшая сласть.

Палудэ это сладостно было для вкуса
Многославного сына царя Филикуса.

Столь казалось воздушно и нежно оно,
Что растает в руках неизбежно оно.

Юной розы цветок! Блеск жемчужины чистой!
Тут сошел бы с ума соловей голосистый!

Роза вскрылась. Жемчужина стала ценней.
Посмотри, как пристойно я молвил о ней!

И когда повелитель насытил желанья,
И пока новой битвы не ждал он пыланья, —

Мудреца он отправил в Истахра дворец,
Чтоб сказал обо всем, что свершилось, мудрец.

И о мускусной Индии царское слово
Написал он в письме; написал он, что снова

Одержал он победу, что в этом краю
Все прекрасно, что мощь он умножил свою:

«Ныне Кейд мне не враг. Нет, готов он к услугам
И поладил я с новым услужливым другом.

В Каннаудж я пойду. Да низвергнется Фур!
Свод небес надо мною приветлив, не хмур!

Посмотрю, что в краю этом сделано дальнем,
Будет путь мой, быть может, и там беспечальным.

Наш наместник, являющий наши черты,
От китайского моря до румского — ты.

Разгласи же окрест, что я верен победам,
Чтобы светлый мой путь всем на свете был ведом.

Горожанин и воин, юнец и старик
Пусть от радости к небу поднимут свой лик.

Всем скажи о делах моих. Молви о битвах.
Справедливость блюди. Будь усерден в молитвах».

Разослал он посланья по всем областям, —
И начальникам войск и подвластным царям.

О своей Перидухт все решил он заране, —
Надежало перй поселиться в Юнанае.

Дал он розе индийской, заботясь о ней,
Для охраны отряд из могучих мужей.

За ее паланкином красивым верблюды
Уносили в тюках драгоценные груды.

Остальной ценный груз был в земле погребен,
И приметы его дал начальникам он.

Аристотелю — другу и чести и знания —
Обо всем рассказал он строками посланья:

О победах друзей, о добре и о зле
И о том, что на мускусной встретил земле.

И отринув покой и покоя услады,
В царство Фура направил свои он отряды.

Многославные царь воскресил времена,
И царя прославляла индийцев страна.

Правосудье цвело в его царском совете, —
Потому-то достиг он всей власти на свете.

И за чашей вина поминался им Кей,
Как теперь — Искендер за пирами царей.

ПОХОД ИСКЕНДЕРА ИЗ ИНДИИ В КИТАЙ

Дай мне, кравчий, вина! Цвет вина — аргаван.
Дряхлый старец, испив его, юностью пьян.

Дай мне сил молодых! Дней отвергни угрозу!
В аргаван обрати мою желтую розу.

□ □ □

Вновь я счастье узнал, — так звучи же мой сказ!
Чтоб на сазе сыграть, вновь настроил я саз.

На сплетение слов счастье вскинуло вежды,
Исполняется свет величайшей надежды.

Свой рассказ излагая, рассказом пылай.
Довести до конца эту книгу желай.

Расскажи, о воитель, набегом счастливым
Что свершил ты в бою с Фуrom фуrom кичливым.

□ □ □

Тот, кто всем огласил о минувшем отчет,
Вновь завесу раскрыл. Вновь рассказ потечет.

С Кейдом кончено. Властный, владеющий миром,
То за дичью гонялся, то тешился пиром.

И на Фура он двинулся. Яростный лик
Многославного Фура мгновенно поник.

Лишь взглянул Искендер, приготовившись
к бою, —
И в силок зложелатель попал головою.

Царь зажег его край. Кровь забила ключом.
Царь венец с него снял... с головою — мечом.

И когда стал ненужен он миру земному, —
Его край покоренный был отдан другому.

Вновь царя потянуло к скитальческим дням.
Этот край нес беду ветроногим коням.

Есть три твари, которым опасны три края,
И живут они там, долгой жизни не зная:

Коня — в Индии, в Парсе — слоны, а Китай
Вреден кошкам. Не вымыслом это считай.

И, увидев, что гибнут не в скачке погони,
А от вод и травы его быстрые коня,

Царь из Индии тронулся в горный Тибет,
Из Тибета в Китай. Лишь венца его свет

Над Тибетом сверкнул, — словно шумным потехам
Предались все войска: мир наполнился смехом.

Царь спросил: «Что за радость в безвестном краю,
Где бы должно оплакивать долю свою?»

Отвечали ему: «Цвет шафранный равнины
Все сердца веселит, веселит без причины».

Царь дивился весьма. Взор людской утоля,
Желтым цветом людей веселила земля.

И по тяжким путям в затруднении немалом
Шел он вдаль и привал совершал за привалом.

Не заметил он крови в степи, но она
Вся, увидел он, мускусом ценным полна.

Сотни мускусных мчались газелей. Охоту
Искендер запретил и, не ведая счету,

Собирали войска за харваром харвар
Ценный мускус, — всем людям желанный товар.

И пройдя по безлюдной пустыне Китая,
Царь пришел в те места, где, глазурию блистая,

Красовалось прекрасное пастбище. Край
Был приветлив к пришельцам, как радостный рай.

Изумрудный простор трепетал пред очами,
Тут и там озаренный живыми ключами.

Благотворен был воздух, светлы небеса
И обильны плоды и красивы леса.

Блеск воды меж листвы, не изведавшей бури,
Словно ртуть на картине из гладкой лазури.

Мрели росы в травинках зеленых лугов,
Как в листках из финифти узор жемчугов.

Возле мест, где ключи сладкозвучно звенели,
Легкий след: здесь брели к водопою газели.

Был онаграми прах близ потоков не взрыт:
На траве что узор след их тяжких копыт.

Темных пятен нигде вы узреть не могли бы,
Лишь темнела спина проплывающей рыбы.

Царь, лишь только узнав этих мест благодать,
Смог индийскую землю забвенью предать.

И велел он коней, утомленных походом,
Разнуздать и пустить к этим травам и водам.

Семь ночей у китайской земли рубежей
Пировал он в кругу многославных мужей.

На вторую неделю пришло его время,
И сказал небосвод: «Вдень ступню свою в стремя!»

И литавры к походу забили. Взлетай
Знамя новых побед! Он пойдет на Китай!

Барабан стал стегать барабанщик, и крики
Барабана разнес ветер буйный и дикий.

Лишь китайское зеркало все облака
Озарило, — в Китай царь направил войска.

Шелк румийской одежды... Индийские брони...
Горячились, кипели арабские кони.

Ветер стих. Был прозрачен небесный покров.
В сладких травах пути не встречалось шипов.

Мяли зелень газели, не знавшую пыли,
Молоком свой приплод они сладким кормили.

Проезжал этим краем охотничьим шах
И как будто бы амбру вздымал, а не прах.

Стрелы шаха отборных газелей клеймили,
Потому что за мускусом лёт свой стремили.

И про слезы оленей, убитых царем,
Каждый думал: весь мир мы от яда спасем.

Царь скакал, соблюдая охоты обычай,
Как стремительный лев, соблазненный добычей.

Беспечально стремясь по Китаю идти,
Он газелей с онаграми бил по пути.

Шелк земли от онагров, положенных разом,
Стал узорчатым шелком с онагровым глазом.

Царь газелей сбивал стрел нещадной грозой:
Он стремился за мускусной их железой.

В клювах стрел золотых, в этом вихре ранений,
Золотым рудником стали спины оленей.

Лук царя из засады, удачливый, злой,
По оленю укладывал каждой стрелой.

Он стрелой с золотым наконечником скоро
Снес китайский узор со степного простора.

Сбить добычи стрела его много смогла
До поры, когда землю окутала мгла.

В скорби тюрк лучезарный оставил свой замок.
Свет невесты-луны вновь прославил свой замок.

Ночь, тоскуя о тюрке индийской женой,
Разбросала ячмень над равниной земной.

Вот и спешился царь, чтоб сомкнуть свои очи.
С сёдел слезли бойцы в сонном сумраке ночи.

И уснул государь. Тишина до утра
Обнимала бойцов. Дня настала пора:

Госпожа из Ягмы, вся в огне покрывала,
Свой халлухский шатер покидая, предстала.

Мир, что лик свой уж больше не прятал во тьме,
Стал сверкать, как Халлух, равный блеском Ягме.

Загремел барабан. Все вскипело в Халлухе,
Все вскипело в Ягме. И Вожатый был в духе:

С месяц будет он в местности столь некупой
Отдыхать, и коням будет здесь водопой!

И конюшни срубили. И в стойлах просторных
Разместили коней без их сёдел узорных.

Доложили хакану: «Весь край наш покрыт
Тьмой врагов и копытами конниц изрыт.

Из иранской земли тьма стремится густая.
И погибнет хахан. И не станет Китая.

И в полях и в горах конниц слышится топ:
Их поток хлынет выше, чем древний потоп.

Эта буря разбить весь наш край будет рада.
Крокодилов сразит она силою града.

Мчится черный дракон из румийской страны!
Рыщут львы! Эти львы всей вселенной страшны.

Сей дракон заклеил всех в равнине Хабеша,
Черных зинджей он смял, нрав свой дерзостный
теша.

Опрокинувший Фура, взъярившийся лев
На фагфурцев обрушит неистовый гнев.

Если двинется море и берег изложет,
То любую скалу это море низложит».

И подобно другим повелителям стран,
Устрашился румийца китайский хахан.

Всем, от хана Хатана до шаха Хатая,
Написал он послания кровью, стенам,

Что в крови его край. Ждал он писем в ответ
От окрестных царей и созвал он совет.

Исфиджаба войска и Ферганской долины
Пограничные слали ему властелины.

И хырхызы к хахану и Чач и Кашгар
Направляли вождей, чтоб сильней был удар.

И сомкнулись войска ожерельем. Хахану
Все казалось надежней. К военному стану

Он помчался. На нем громыкала броня,
И подобного скалам он выбрал коня.

За две-за три стоянки до воинства Рума
Он поставил шатры. Всё влеклась его дума

К ухищреньям, которыми можно царя
Одолесть. И огнем нетерпенья горя,

Он лазутчика тайного вызвал. Все дело
Он велел изложить соглядатаю смело.

Молвил знавший о всех потаенных делах:
«Это грозный и полный величия шах.

Справедлив, пронизателен он, человечен,
Он — что ангел, который не смертен, а вечен.

Он умен, осторожен, в решениях скор,
Молчалив, но умеет вести разговор.

Он спокоен, достоинством дышит на диво
И вовек никого не карал торопливо.

Он бесправию — враг, справедливости — брат.
И народ всеблагим вознесенному рад.

Всем добра он желает, — и слухам я вторю, —
Что не рад этот мудрый чьему-либо горю.

Я не знаю того, кто б его одолел,
В страх бросает он тех, кто и мощен и смел.

Из колчана Ариша похитил он стрелы,
Он пронзает гранит, — его руки умелы.

Он с мечом — словно молния пламенных сеч,
С чашей — к царским пирам всех он хочет
привлечь.

Проверяет он все — в нем премудрости пламень —
Словно звонкий динар он бросает на камень.

Он не слушает слов, лживым сказанных ртом.
Если даст он обет, не забудет о том.

Пышный, к пышности все ж не имеет охоты
Он в походных ночах и в разгуле охоты.

Не медлителен он, если целится в дичь.
И в войне он побед может мигом достичь.

Он восставил над миром добро и познание.
О царях его рода вещает преданье.

Ловче всех ездовых на ристалище он,
На пирах всех мудрей, если даже хмелен.

Всем он кажется светлым сияньем объятым,
Если шутит, — он веет на всех ароматом.

Он в делах терпелив, а в стремленьях высок.
Он своей прямою — кипариса росток.

Его гнев на врагов многим недругам ведом.
Но прощает врагов приходящий к победам.

В его дивных речах — всеобъемлющий свет,
Но всегда с мудрецами он держит совет.

Он со старцем сидит над задачей любовью.
И готовит он юношей к жаркому бою.

Он пред богом всегда. Его сердце светло.
Обращаясь к творцу, не впадет он во зло.

И когда восседает он, будто на троне,
На коне, что слона обгоняет в погоне,

Будь соперник его даже яростный слон, —
Пред царем нильской каплей покажется он.

Если вздыбится конь его, с бурей схожий,
Он исхлещет строптивого львиною кожей,

И, как злая змея иль как бурный огонь,
Вправо, влево запрыгает яростный конь.

Все цари, что войсками величье являли,
Воевод многомоштных к войскам приставляли —

Он один в своем войске вздымает свой меч,
Чтоб все войско собрать и все войско расечь.

Не страшится он злобных, злокозненных, властных.
Он страшится бессильных, скорбящих, несчастных.

У престола широко он стелет ковры.
Но он ведает меру, справляя пиры.

И глядит он окрест как бы взором бесстрастным,
Но обласканным будет замеченный Властным.

Сто жемчужин он шлет, хоть нужна лишь одна.
Если мула попросишь, — то жди табуна.

Не динаров проси у царя Искендера,
А проси городов или даже кишвера.

Если ж сам Искендер вожделеет, — любой
Будет дан ему дар благосклонной судьбой».

И прельщен был хакан этим Властным, в котором
Неразгаданный свет. Своим собственным взором

На великого шаха желая взглянуть,
Стал выискивать он к примирению путь.

Искендеру сказали, что тюрки Китая
Недалёко стоят, о сраженьи мечтая.

Царь ответил словами: «Спокоен стрелок,
Если дичь неразумная лезет в силок.

Верно, думал хакан в нас посеять унылость,
Но ведь нам оказал он великую милость:

Он желаниям нашим навстречу пошел
И недалёкий нашел для сражения дол.

Он узнает, — угроза моя не пустая:
Зарыдают над ним даже скалы Китая!»

И когда, озарив голубой небосклон,
Солнце шаху послало свой светлый поклон,

Царь велел, чтоб сплелись все познанья дебира
С красноречьем, всегда столь отрадным для мира.

Так велел он составить письмо, чтоб оно
Было все, словно месяц, сиянья полно.

И письмо разделилось на две половины:
В этой — милость, а в той — грохот грозной
лавины.

ПИСЬМО ИСКЕНДЕРА КИТАЙСКОМУ ХАКАНУ

Взяв калам, с восхваления начал дебир,
Восхваляя владыку, воздвигшего мир.

Написал он о том, что должны восхваленья
Небесам возносить мы все дни и мгновенья.

Помянул он творца, что своею рукой
Рассыпает нам счастье, надежды, покой,

Помогает беспомощным, слабым, несмелым,
Человека выводит из пламени целым,

Одаряя, — являет к сокровищам путь,
Милосердствуя, — может все беды спугнуть.

Написал он о том, что господнею дланью
Дан единственный облик любому созданию,

Что творца восхваляющий, им осенен,
Что того, кто пред ним, сильным делает он.

И, вступившею окончив, царя пожеланье
Исполняя, иначе повел он посланье:

«Пишет царь Искендер многомошный тому,
Кто покорным слугою быть должен ему.

Повеленьем создавшего воды и сушу,
Восхваляю хакана китайского душу.

И да ведает он в светлой славе своей,
Что когда в его край мы пригнали коней,

Не к войне звали трубы иранского стана, —
Мы гостями хотели побыть у хакана.

Все мы ждали: проявит он милость, не злость,
Потому что далекий пришел к нему гость.

Хоть от века привычно для вашего ока,
Что к закату светило плывет от востока,

Я — светило, смутившее звездный поток,
Я, взойдя на закате, пришел на восток.

Овладел я победно и черным и белым,
Все я роздал, что отнял мечом своим смелым.

Я к Китаю спешил от хабешских границ,
И мой конь был быстрее стремительных птиц.

От страны, где закат погасает устало,
Прискакал я к восходу, горящему ало.

Я у Кейда сажал много мускусных ив,
Дам Китаю жасмин, — он душист и красив.

Коль страшишься тисков управления Рума,
То не медли исполнить веления Рума.

Если ж ты неугодный мне сделаешь ход,
Мигом за ухо схватит тебя небосвод.

Не желай, чтоб румнец стал злобным и хмурым,
Не желай, чтобы лев появился пред гуром.

И от львиных когтей лучше будь в стороне,
Не напомни слону об индийской стране.

На себя накликает безмерные беды,
Кто, безумствуя, ждет невозможной победы.

Ты у зинджей спроси о кровавой реке,
Что в день битвы возникла на желтом песке.

Ты проведай, чего удостоился Дарий,
Иль у Фура узнай о румийском ударе.

Расспроси венценосцев, — ты знаешь о чем? —
Как мгновенно венцы с них снимал я мечом.

Если б сам Феридун, воскрешенный из тлена,
На меня бы пошел, — не избег бы он плена.

Я куда ни въезжаю на гордом коне, —
Очищаю дома от враждебных ко мне.

К одному лишь тому, кто желает мне блага,
Я с враждою и гневом не делаю шага.

Обещая пощаду любому врагу,
Обещанья не выполнить я не могу.

Никогда ничьему не внимал я укору:
Если есть договор — я слуга договору.

Для того ль я в Китае, затем ли в Ягме,
Чтоб китайцам, ягмайцам быть в рабстве и тьме?

Во дворце моем вдоволь заморских жемчужин,
Строй рабов из Китая мне вовсе не нужен.

Если есть у нас небо — земля нам не рай:
Я Ираном владею, — к чему ж мне Китай!

Почему же, о тюрк, ты покинул ограду?
Почему в ураган ты выносишь лампаду?

Почему нам не шлешь ни даров, ни вина?
Почему вся душа твоя злобой полна?

Почему ты страшишься и в страхе немало
Ставишь войско свое искендеровым валом?

Если нашу схваткой нарушится тишь,
Словно зерна курений, в огне ты сгоришь.

Если разума ты не отверг наущенья,
Что ж ко мне не идешь, что ж не просишь
прощенья?

Что в корзине твоей? Покажи, не таи.
В ней змея или дружеский камень змен?

Гневно войско мое. В нем возрастает кипенье,
На меня оно ропщет, теряя терпенье.

Наши львы разглядели желанную цель,
Они видят: Китай — неплохая газель.

Эти львы разорвут ненадежные цепи,
Для ловитвы они в наши ринутся степи.

Рвут колчан острия разъярившихся стрел,
Никогда еще жар в них такой не горел.

Копья зоркие ждут. Строй их грозен и плотен.
В твоей палице — мен, в нашей — множество
сотен.

Так владеет стрелою мой каждый гулям,
Что войска ты утратишь, коль будешь упрям.

Если станешь стрелков ты великой главою, —
Наши лучники все же покончат с тобою.

Если царский твой род я окутаю в дым,
Станет весь твой рисунок туманом седым.

Если с кем-то я в распре, я помню о чести:
Даже чаши воды я не выпью с ним вместе.

Мои копья летят, всех драконов гоня.
Исчезают враги, как трава от огня.

Меч мой быстрый обычному верен веселью,
Бок бегущего льва своей делаю целью.

Если с морем поспорю, — руки моей взмах
Из глубин его вскинет крутящийся прах.

Коль железо поспорит с моею державой,
То железную гору я сделаю ржавой.

Львам ломаю хребты, и такая дана
Мне сиоровка, что наземь бросаю слона.

Круп онагра, оленя матерого спину
Льву нетрудно пожрать. И в морскую пучину

Недоеденных птиц — ты утратил покой? —
Бросит рыбам прожорливым сокол морской.

Вы похожи на рыб. Где ваш клык или коготь?
Крокодила ли вам смертоносного трогать?

Острозубые псы, чья неистова злость,
Знай, вгрызаются в хлеб, а не только лишь в кость

Знай: куда я ни ставлю уверенно ногу,
Там всегдашних побед завершаю дорогу.

Злом отвечу бессильному злу твоему.
Если ж выйдешь с приветом, — с приветом приму.

Ищешь ты жемчугов иль зовешь крокодила, —
Ведай: в море и щедрость и грозная сила.

Я скажу о мече своем в кратких словах:
Лезвёе — крокодил, рукоять — в жемчугах.

Я подобен змее. Я — сверканье клада,
В моем кубке и яд и целенье от яда.

Хочешь клад обрести или встретить змею, —
Что ценнее? Письму ты виемли моему.

Ты придешь — и парчою тебя разукрашу,
А не явишься — петлю почувствуешь нашу.

И суровость и мягкость явил я в письме,
Что теперь, о хакан, у тебя на уме?

Коль тебя у порога мы здесь повстречаем, —
Я, как светлое солнце, пройду над Китаем.

Если ж ты не придешь — достоверным считай,
Что в китайское море я сброшу Китай.

Так посланье прочти и не медли нимало:
Иль сражению дай иль согласью начало.

Но беспечным не будь: от тебя недалек
Закипающий в туче смертельный поток».

Человека, что знал все наречья Китая
И в котором отвага дышала большая,

И что ведал сердца, и был скритен притом, —
Царь послал с этим стройным и пышным письмом.

Лишь посланье достигло китайского стана,
Вся земля покачнулась пред взором хакана,

Но он был хитроумен и в хитростях смел, —
Нужный ход отыскать в каждом деле умел.

И две мысли, как джины, всклубились из праха:
Выйти к шаху иль тотчас ударить на шаха?

Коль из мыслей не можешь ты выбрать одну, —
Утомившийся ум тяготеет ко сну.

ХАКАН ОТВЕЧАЕТ НА ПИСЬМО ИСКЕНДЕРА И НАПРАВЛЯЕТСЯ К НЕМУ ПОД ВИДОМ ПОСЛА

Виночерпий, дай схожего с розой вина,
Чтобь смог я очнуться от горького сна.

Кровью сердца полна эта чистая влага!
Дай забвенья тревог, — нет отраднее блага!

Встань, мой страж, одного я желаю, поверь:
Я хочу, чтоб ты крепко замкнул эту дверь

И ушел: надо мною заботы нависли.
От забот о тебе отведи мои мысли.

Нет, с людьми не хочу я беседы вести!
Мне с самим лишь собою идти по пути.

Если в дверь постучит покупатель жемчужин,
Тот, которому клад мой сверкающий нужен,

Если он, отличая меня меж людьми,
Будет снова нуждаться в стихах Низами, —

Ты промолви ему: «Нет хозяина дома
И нужда в новых встречах ему незнакома».

Верный страж! Эта речь, — не безумна ль она?
Мне ли странников гнать? Мне премудрость дана

Ни пред кем закрывать этой двери не надо!
Будет сердце мое посетителю радо.

Отвори эту дверь, пол обрызгни водой,
Озари мой приют, словно светлой луной.

Если волей созвучий я сделался морем,
Перед всеми, о страж мой, мы двери отворим,

Пусть войдут! От пришедших меня не храни,
Если к шаху певцов устремились они.

Лик закрыв покрывалом, я завтра не гляну
На жилище мое и направлюсь к Гиляну.

Сколько верных в приют мой отыщут пути,
Но меня в этом деле не смогут найти,

Лишь тетради увидят, в которых каламом
Вихри образов созданы в беге упрямом.

Но куда мои мысли умчали меня!
На былую дорогу направляю коня.

Приводящий сокровища к должному строю,
Так рубины сомкнул, их любуясь игрою:

Тот правитель, чей пращур был Афрасиаб,
Увидав, что румийский дракон не ослаб

В своем долгом пути, что над радостным краем
Пролетев, он покончит с прекрасным Китаем,

И, прочтя его злое посланье, — не мог
Отрешить свое сердце от тяжких тревог.

Он наморщил слой лоб, он глаза свои сузил, —
Он распутать пытался запутанный узел.

Что же делать? Не медля, сомнения нет,
Написать шаханшаху он должен ответ.

И, спокойно прослушав слова приказанья,
Узкоглазый дебир всё принес для писанья.

Так письмо он составит, что царь Искендер
Меры слов осторожных увидит пример!

Можно ль капли воды, что составили море,
Различить? Слиты все они в водном просторе.

Царь! Твое пребыванье в родной мне стране, —
Это счастье страны, столь желанное мне.

Всё от неба и, помня о промысле строгом,
Благомыслящий должен склоняться пред богом.

Как же мне не покорствовать звездам, когда
Ты, исполненный блага, явился сюда?

Да! Навеки склонюсь я пред небом. От века
Нет иного удела душе человека.

О тебе говорят, этот слух не затих,
Что куда б ни привел ты румийцев своих,

Многих этих румийцев ты шлешь на базары,
Чтоб они закупали съестные товары, —

Все, что могут купцы на базарах иметь.
И они, закупая обильную снедь,

Жгут съестное иль в пропасть бросают колодца,
Будто с промыслом божьим желая бороться.

И когда городской опустеет запас,
То на город беспомощный, выждав свой час,

Ты выходишь, как змей. Так огонь, полыхая,
Плавит пламенем воск. Обо всем этом зная,

Я к тебе нашей конницы вывел ряды,
Чтоб не ведал мой город подобной беды.

Хоть была бы пустою, о мудрый, забота
Вызвать голод в краю, где припасам нет счета, —

Все же мир мне желанней, чем спор и война:
В распрях — горе страны, в мире — крепнет страна.

Не губи наших нив благодатные всходы,
Твой посев так же смыть могут бурные воды.

Будь не жесток душой, хоть жестка твоя длань.
Что господство! Отдай вседержителю дань.

Кто разумен, тому быть медлительным проще,
Чем спешить на борьбу к обладателю мощи.

Всем ты нужен: ты — Разум, ты светишь светло
Всем сердцам. Различай, в чем добро и в чем зло.

Если б стал ты для мира не нужен, — со счета
Был бы миром ты сброшен. Но ты для полета

К доброй славе рожден. Так замыслил творец
И тебе предназначил он царский венец.

Но основе всего быть назначено прочной,
Мы непрочность основы считаем порочной.

Серебро сделать золотом, лалом — стекло, —
Плод насильем добыть — это мёрзок и зло.

Можно яблоко вырастить в доме, но вкуса
В нем, бесспорно, не будет, о сын Филикуса!

Ты творцом вознесен ради праведных дел,
И нельзя, чтоб тебя мир неправым узрел.

Помогать угнетенью ты, ставленник света,
Разве должен? Иль ты не страшишься ответа?

Если сеятель благ устремляется к злу,
Он сады своей славы ввергает во мглу.

Мир вращается. Летом он — зелени куша.
А зимой ему снежная стужа присуща.

Но не думай, о царь, что послужишь добру,
Если стужу зимы обратишь ты в жару.

Пусть текут времена предназначенным строем:
Стужей — веет зима, лето — полнится зноем,

Расцветает весна, а горячий Тамуз
Сушит жарких деревьев желтеющий груз.

Кто отвергнуть желает свое назначенье,
От того и времен отвратится возвращенье.

Искендер — правосудья великий пример,
Если это не так, тут любой — Искендер.

Мне не страшно предаться с тобою раздору:
Я движеньем руки опрокидывал гору.

Трон из кости слоновой я взнес на слона.
Я индийскую дань получаю сполна.

Я свирепого льва повергаю на землю
И над звездами Льва я шатер свой подъямлю.

Но хоть я и велик и обласкан судьбой,
Не могу я величьем равняться с тобой.

Если нудишь меня для того только к бою,
Чтобы стал я слугой, — преклонюсь пред тобою.

И ты примешь рабов (иль коль хочешь —
гостей), —
Всех правителей наших больших областей.

И не будет желаннее мне утоленья,
Чем желанья твои принимать как веленья.

В чем же спор, государь? Мне тебя не понять.
Как положено, гостя хочу я принять».

И гонец незлобивое это посланье
Искендеру привез. Доброй дружбы желанье

В нем увидел властитель румийский, — и лев
Придержал на онагра направленный гнев.

Но хакан до зари не смыкал свои очи,
Ждал: нагрянут враги под прикрытием ночи.

И когда яркий свет благодатного дня
Сделал землю и воду сверканьем огня,

Повелитель китайский, предчувствуя беды,
Вызвал в ставку советника. Жаждал беседы

С тем, кто светлого был преисполнен ума,
С тем, пред кем прояснялась грядущего тьма.

Все расчеты свои, мудреца почитая,
Согласовывал с ним повелитель Китая.

И узнать его мнение хакан захотел,
Ибо ведал везир цену множества дел.

«В колебаньях пришел я к последнему краю
И куда колесо мне направить, — не знаю.

Полированный камень добра или зла
Должно взять, чтоб на лбу у Китая смогла

Уничтожиться складка? Сражаться? Сурова
К нам судьба. На пришельце венец Кей-Хосрова.

Быть податливым? Встретить его у ворот?
Но ведь в этом бессилье увидит народ.

Не постигну, зачем свою лютую стаю
Этот властный румиец приблизил к Китаю».

И хакану советник промолвил в ответ:
«Ты послушай, прошу, мой разумный совет.

Я решенья страшусь огневого, в котором
Будет все и надменным, и резким, и скорым:

Возгордишься ты войском, богатством своим, —
И пойдешь на врага для победы над ним.

Но пред ним все цари поникали в боязни!
Так раскрой многомудрому двери приязни.

За страной, проходя, побеждал он страну.
Не дивись: это — солнце пошло на войну.

Это все — не игра, это все — не к усладе;
Все ж не будет беды, если дело уладишь.

Все от промысла бога! Не он ли, грозя,
Искендера ведет? Спорить с небом нельзя!

Не расколешь мечом шар дневного светила.
Чтоб разрушить Альбурз, — в ком отыщется сила?

Покорись, или небо наложит узду
На грозящих вознесшему счастья звезду.

Нужно помнить о звездах. В порыве спесивом
Ты не должен идти на борьбу со Счастливым.

Звать, безумствуя, к бою счастливых нельзя.
Ниц склонить пред собою счастливых нельзя.

Лучше б туфли счастливым рука поспешила
Поднести. Бить рукою не следует шила.

Все с ним в месяц уладь. Чужеземца сюда
Не впускай ты надолго: стрясется беда!

Бросишь камень в стекло, — и вздохнешь ты,
жаля

О разбитом: для дружбы не сыщется клея.

Хоть удержишь из раны текущую кровь, —
Все же тело ты прежним не сделаешь вновь.

Быть приветливым даже с врагами умея,
Ты принять должен ласково этого змея.

Весь Китай был постигнут проклятьем, когда
Этот змей захотел наши взять города.

Кто имел с первых дней сотворения света
От лазури халат без лазурного цвета?

Пусть нестроен весь мир, — не склоняй своих глаз,
А умело настрой свой послушливый саз.

Если хочешь согласи́я и струнного лада,
Согласовывать строй с чангом вражеским надо».

И когда, поразмыслив, увидел хакан,
Что судьбою приказ ему горестный дан,

И, признав, что ее приказанья бесспорны,
Он промолвил: «Ну что же, мы будем покорны».

И внезапная мысль в его разум пришла:
Он отправится к шаху под видом посла.

Он увидит владыку земли и покорных
Покорителю стран горделивых придворных.

□ □ □

Только солнце-гребец в голубую струю
С лукоморья пустило златую ладью, —

Полководец Китая, властитель Хатана,
Принял облик посла. И румийского стана

Он достиг, и никем не был узнан хакан.
Полный тайною был его подлинный сан.

И понравилась всем речь хатанца простая,
И сказали царю о посланце Китая:

Он проворен. В делах он, как видно, радив
И приятен на вид и по нраву правдив.

Царь велел, чтоб гонец с царской стражею вместе
Был введен и на должном посажен был месте.

Опустив свою голову, вестник вошел
И склонился в поклоне, увидев престол.

Царь велел ему сесть и свое назначенье
Объявить и хакана явить порученье.

Сел гонец на ковер, и все видеть могли,
Как он вновь головою коснулся земли.

Но мгновенья текли и не молвил он слова,
Ничего не сказал, — ни благого, ни злого.

Он в кругу из придворных. Он ждет. Погляди:
Он безмолвною точкой сидит посреди.

Молвил царь, не услышав приветственной лести:
«Коль пришел ты с добром, изложи свои вести!»

Месяц, скрывший под облаком яркий свой лик,
Жемчуг слова явил; блеск жемчужный возник:

«С появлением шаха Ирана и Рума
Отлетает от стран беспокойная дума.

От Китая до стен самой дальней страны
Будут области мира ему вручены!

Да не будет странм без дворца Искендера
И престола царя без венца Искендера!

Есть со мною слова. Их потайную речь
Не могу из ларца я открыто извлечь.

Пожелал вознесенный моею странною,
Чтобы царь с глазу на глаз остался со мною.

Мне он молвил: «Смотри, чтобы не было с ним
Приближенных, да будет он богом храним!

Если слушать везир попытается тайно, —
Умолчи обо всем, что скрывается тайно».

Царь подумал: возможно ль ему одному
Быть с пришедшим, и это желание — к чему?

И посланца ступни Повелителя словом
Золотым тотчас преданы были оковам.

Пояс тяжкого золота, словно тиски,
Крепко к бедрам прижал его обе руки.

Вслед затем стало пусто в покое просторном:
Царь велел удалиться покорным придворным.

И, оставшись один, чтобы выслушать речь,
Пред собой положил он сверкающий меч

И сказал: «Мы под сенью безмолвного крова,
Развяжи крепкий узел тайного слова».

Отвечая словам, что Великий сказал,
Узел слов потаенных посол развязал.

И когда с их лица он отвел покрывало
И прославил творца, дал он речи начало:

«До поры, пока садом сверкает весь свет,
Рядной розы всего нам отраднее цвет.

Пусть, как роза, сияет лицо шаханшаха,
Освежая собой все пристанища праха!

Пусть на перстне небес будет имя твое!
Пусть наполнится благом твое бытие!

Полагаю, что если раба Повелитель
Распознает, — в свою его примет обитель.

Если тайна его не открылась уму,
Только правда, — благая дорога к нему.

Я — посол, но отправлен самим я собою,
Я повержен, хоть я и не сброшен тобою.

Я — властитель Китая, о шах, я — хакан.
И пред шахом я низко склоняю свой стан».

Но не счел Искендер позволительным делом
Эту смелость хакана, — он слишком был смелым.

Крикнул яростно царь: «Ты возьми себе в толк,
Что с изнанки я вижу, как выглядит шелк.

Воробья распознаю и сокола тоже.
Печень с мускусом я ведь не спутаю. Все же

Честь я помню всегда. Знаю должного грань.
И с прикрытого тканью не сбросил я тканьь.

Что за дерзость, твоим овладевшая словом,
Не сдержала тебя под уместным покровом?

Иль грозы ты не зришь в блеске этих палат?
Или воском ты счел наш румийский булат?

Иль мою ты считаешь беспомощной руку?
В чем своей безопасности видишь поруку?

Смел бывает олень, но запомни слова:
Все же лучше ему убегать ото льва».

Золотой своей цепи почувствовав звенья,
Молвил пленник: «Достоин ты благословенья!

Хоть я здесь, но счастливой я верю судьбе.
Беспощадность, о шах, неизвестна тебе.

Если сам я пришел, — не подвластен я страху.
Нет, моей головы не положат на плаху!

Страстью жаркой борьбы черный лев обуян,
Коль клыки ему издали кажет кабан.

Если ж никнет кабан, в жажде битвы нетвердый,
То от крови его лев откажется гордый.

Безобидность моя получила права
Ощутить всё величье великого Льва.

Лишь тогда мог бы гнев твой подняться сугубый,
Если б крепкий мой меч наострил свои зубы.

Но пришел я к царю, жемчуг дружбы меча,
Почему же могу я страшиться меча?

Мне предательство чуждо, чужда мне измена,
Почему же могу опасаться я плена?

Ты на Чин мой пошел, этот край не губя,
Так зачем же войной мне идти на тебя?

Я вражды избежал, к ней отринул дорогу,
И с доверьем пришел к твоему я порогу.

Если был я чрезмерно любезен, то меч
Ведь не может за это мне шею рассечь.

Если злое свершил, — честь тобой не забыта:
Я ведь здесь чужестранец, мне в этом — защита.

Правосудие шаха! Столь дивно оно,
Что виновным невинному стать не дано.

И кто ищет защиты, — не встретит оковы,
И просящих покрова услышатся зовы.

Я пришел в твой шатер, о познаний сосуд,
Уповая на твой прославляемый суд.

Царь земли правосуден, — от господ бога
Потому-то царю в каждом деле помога!»

В каждом слове хакана, отрадно царя,
Лился свет, — и погас гневный пламень царя.

Произнес Искендер: «Был созвездьям угоден
Твой приход! Будь, как веянье счастья, свободен!

В дерзновенном поступке на что был расчет?
То, чему есть начало, — пусть дальше течет».

«Мощный царь! — молвил тот, кто искал
избавленья, —
От тебя своего не укрою моленья.

Я пришел для того, чтобы выведать путь,
Чтоб в желанья твои, шаханшах, заглянуть.

Для чего ты пришел? Что счастливцу в угоду?
Где начало и где окончанье походу?

Если б только судьба мне моя помогла,
То тебе довершить я помог бы дела.

Если ж ты от себя отведешь мою руку,
Свой откину колчан, не притронувшись к луку.

Я с молением пришел в шаханшаха жилье,
Чтобы ты правосудье припомнил свое.

Если всю свою кровь дать не жалко мне шаху,
Для чего же рубить мою шею с размаху?

Если в руки твои сам идет самоцвет,
Что ж раскалывать гору? Нужды в этом нет.

Если все дышит миром, зачем же тобою
Твой оседлан скакун и стремишься ты к бою?

Если хочешь добыть ты китайский престол
И туранский венец, я — твой раб, я пришел.

Если ты не захочешь послать мне удачу,
Если Чина престол я навеки утрачу,

Все же имя твое я приму, как печать,
И тебя, словно раб, я начну величать.

Ведь не будет беды, коль под царским покровом
Круг рабов твоих верных пополнится новым.

Пояс битвы откинь, не бросайся на Чин,
Ведь кафтан, сжатый поясом, полон морщин.

У тебя тьма придворных с блистательным чином.
Так оставь же меня хоть с одним только Чином.

На челе у Луны нету складок. Забудь
Складки нашей земли. Лучший выбери путь».

«Многомудрый! Твоим упованиям навстречу
Я пойду, — молвил царь, — и тебе я отвечу:

Для того мы к китайским границам пришли,
Чтоб заполнить пределы туранской земли,

Против козней принять надлежащие меры,
Отвести этот край от несправедливой веры

И правителя, сердцем покорного мне,
Посадить для правления в каждой стране.

Если ты, не знакомый с моей тетивою,
Предо мною склонился покорной главою, —

То главе преклонившейся дам я венец
От уделов своих, о разумный гонец!

Ни престола, за хитрость тебя не карая,
У тебя не возьму, ни китайского края.

Но за это семь лет все доходы страны
Доставлять мне твои казначеи должны.

Одного семилетья я требую дани, —
И вражда отодвинется в область преданий».

И в глазах у хакана заискрился ум, —
И услышал вонпель, прославивший Рум:

«Если ты пожелал, о венец мироздания,
Чтобы целых семь лет присылал свою дань я, —

Ты мне грамоту дай. Напиши в ней о том,
Что семь лет смерть не смеет являться в мой дом».

И тому, кто хранил светлой мудрости славу,
Сей ответ хитроумный пришелся по нраву.

Он воскликнул: «Всю прибыль за шесть твоих лет
Я дарю тебе, мудрый, за этот ответ.

Я ценю хитроумных! Послушай: дохода
С одного твоего мне достаточно года!»

И когда тюркский вождь, весь от счастья горя,
Столько блага нашел у престола царя,

Он ресницами праха коснулся у трона
И воззвал: «Сердце шаха — моя оборона.

Если выполнишь все, что сейчас ты изрек, —
Ни один тебе небо не бросит упрек.

Но меня одаряя с любовью такою,
Ты мне грамоту дай благодатной рукою,

Что, когда годовой я доставляю доход,
Буду я возглавлять мне подвластный народ.

Этой грамотой царской — своим амулетом
Защищен, государь, я пред всем буду светом.

И тебе напишу я бумагу, клянясь,
Что с тобой не порву дружелюбную связь».

И, к согласью придя, поклялись они оба,
Что ничья клевета не смутит их, ни злоба,

Что взаимной их дружбы нарушится ход
Лишь тогда, когда звездный замрет небосвод.

Сняли с гостя оковы его золотые,
И ряды жемчугов заблестели густые:

Поднесен был хакану жемчужный венец.
И Владыкой обласканный мнимый гонец.

Как пристало его вознесенному сану,
К своему возвратился военному стану.

Зонт раскрыл над собой черной ночи фактур,
Стала амброй земля, мир был все же не хмур:

Мгла ночная рассыпала звездные знаки
Под копыта волов, проходящих во мраке.

И вина румский царь Искендер возжелал,
И склонил к нему уст вожделеющих лал.

Он не спал до рассвета: пускал вкруговую,
Вспомнив Джема, он чашу его огневую.

На дорогу дремоты он бросил шипы,
И от всех треволнений направил стопы.

Позабыл он, что в тьме стан скрывается вражий.
Не шумели войска... Слышно не было стражей...

И за чашей вина сон он смог превозмочь,
И не спал он всю ночь. И растаяла ночь.

□ □ □

Яхонт всплыл и пронзил синеву небосклона,
И зажглась над землей золотая корона.

И у входа встревожился сторожевой:
«Царь беспечен, а день к нам пришел боевой».

Вдалеке я китайского вижу хакана.
Вся земля задрожала у нашего стана.

Непомерно широк боевой его строй.
Загремел барабан, труб разнесится вой.

Пыль всклубили слонов многотяжкие ноги
Так, что солнце ушло, месяц канул двурогий.

Нет, подобного войска не видывал царь:
Не встречалось подобного, верно, и встарь.

Гром кольчужный гремит, трубным возгласам
вторя, —
Это тяжкие волны железного моря.

На свирепом слоне восседает хакан.
Он от нас недалек. Наш рассеет он стан».

Но узнав об игре воеводы Китая,
Царь с престола сошел, шумный лир покидая.

На коня он вскочил. Меч схватила рука.
В боевой распорядок привел он войска.

Царь на бой препоясался в гневе безмерном.
Царь не счел обещанье противника верным.

Приказал он в литавры ударить, и бой
Он велел возгласить боевою трубой.

Были мощны бойцы. Были полны колчаны.
Были палицы тяжки и крепки арканы.

Словно гору из копий, из острых мечей
Царь построил, сгрудивши своих силачей.

И хакан, разглядев, что орел быстrokрылый
На него насылает румийские силы,

Из рядов своих выехав, крикнул: «Иль страх
Обуял вас? Но где укрывается шах?»

Свою храбрость явить я даю ему повод.
Пусть немедля ко мне свой направит он повод!»

Искендер, услышав, что грозит ему Чин,
Затянулся, чтоб шелк весь был полон морщин.

И коня, что слонов низвергал, он ударил
И «ладьей» на «слона», что предстал, он ударил.

И уста он отверз, буйных тюрок кляня:
«Тюрок без распри и смуты не прожил бы дня!»

Для чего крепкой дружбы искал ты сначала?
Почему тебя злоба на битву помчала?»

В теле сердце — одно. В сердце клятва — одна.
Мало слов мне дано. Мне лишь правда дана.

Ваша дружба — вражда. Так положено в Чине.
Ваше сморщено сердце в коварства пучине.

Если б турки китайские были верны,
Были б гладки дела их обширной страны.

Словно див, ты мне руки связал договором.
Ты забил в барабан над спокойным простором.

Хоть была бы твоя из булата рука,
И войсками Яджуджа все эти войска, —

Хоть с яджуджским пойдешь ты мечом
небывалым, —
Буду я Искендера незыблемым валом.

Если день свой последний почует фазан,
Против сокола мчится он, дерзок и рьян.

Саранча развернет свои красные крылья —
И тогда воробей бьет ее без усилья.

Если выйдешь с мечом, — твой низвергнется трон,
Если будешь покорен, — то будешь прощен.

Есть копье у меня, есть и масло оливы, —
Мед и жало пчелы!», — так воскликнул
Счастливым.

Громко крикнул хакан: «Прославляя судьбу,
Шлю тебе о пощаде все ту же мольбу.

Мой порыв дружелюбный все так же безмерен.
Я все так же правдив, прямодушен и верен.

Если наше согласие скрепила печать,
Мне страшнее всего наш разрыв повстречать,

Здесь я с войском затем, чтоб душа твоя знала:
Для курильниц твоих дам я много сандала.

Я, берущий над каждым врагом перевес,
Я, воздвигший войска до лазурных небес, —

Я не слаб и не слеп и, пред недругом стоя,
С поля брани, поверь, не уйду я без боя.

С этим войском — видна тебе сила моя —
Даже морю не сдался бы мощному я!

Но ведь небо тебе услужает и счастье,
И от мира земного ты видишь участие.

С обладателем счастья бороться нельзя:
Привела бы к веревке боренья стезя.

Помощь в битве обрел ты хорошую — небо.
Клича к битве тебе ведь не брошу я, небо!»

И, сойдя со слона, он свой сан уронил:
К шаху Мисра пошел, как смирившийся Нил.

Искендер, увидав, что нарядом блистая,
Подходил к нему пешком властитель Китая,

Скакуна, что для взоров был золотом скрыт
От ушей до хвоста, от спины до копыт,

Тотчас выслал к нему. И вблизи от Владыки
Ехал гордо хакан; дар обрел он великий:

Молвил царь, чтоб себе он оставил доход
Даже тот, что с Китая собирает он в год.

И когда к шаханшаху склонился хан ханов,
Прекратилась вражда двух враждующих станом.

Было мнение одно двум владыкам дано.
И не стало двух войск. Было войско одно.

Пот отерли с лица, позабыв о кольчуге,
И заботиться стали враги друг о друге.

Слаал властитель Китая, усердьем горя,
Каждый день угощенья для ставки царя.

И придворным царя, хоть их было немало,
От зари и до ночи даренья хватало.

Двое мощных, пируя, вели свои дни,
Друг от друга вблизи отдыхали они.

И, закончив свой пир, занимаясь охотой,
На охоте конь-о-конь стреляли с охотой.

Друг без друга они не вкушали вина.
И была от забот им свобода дана.

СОСТЯЗАНИЕ РУМСКОГО ХУДОЖНИКА С ХУДОЖНИКОМ КИТАЙСКИМ

Животворное, кравчий, подай мне вино!
Словно жизни источник, желанно оно.

Может статься, вино, ластясь к мыслям усталым,
В охлажденной крови брызнет пламенем алым.

□ □ □

В день, подобный весне — так он был озарен —
В день, прекраснее всех миновавших времен,

Был у шаха в гостях повелитель Китая.
Пировали два солнца, в чертоге блистая.

Из Китая, Ирана и зинджской страны
Знать к румийцу пришла. Были чаши полны.

Тесно было прибывшим, сидели бок о бок,
Мир забот был отогнан — в час пира он робок.

Был у слуха пирующих ценный улов:
Порождались устами жемчужины слов.

Кто-то вздумал спросить в этом шумном совете:
Кто из всех мастеров одаренней на свете,

Чем прославлена в мире любая страна
И в искусстве каком всех сильнее она?

И ответил один: «Если зрим чародея, —
Он из Индии гость». «Волхвованьем владея, —

Так воскликнул второй, — может брать Вавилон
Пораженных людей в свой волшебный полон».

Молвил третий: «В сердцах наших сладкая рана
От иракских ладов и певцов Хорасана».

И четвертый сказал: «В красноречии слаб
Житель каждой страны, если рядом — араб».

Пятый важно изрек: «Верен истине буду:
Только живопись Рума известна повсюду».

«Нет, о друг живописцев! На этом не стой.
Лишь в Китае художники», — молвил шестой.

И румиец с китайцем поспорили: «Вправе
Только мы говорить об искусстве и славе!»

И красивый их спор был пленительно схож
С их искусством, он был — прихотливый чертеж.

После распри недолгой, напрасной и жаркой
Все решили: покой разделен будет аркой.

И когда эту арку построят, она
Будет плотной завесою разделена.

Справа — румец картину напишет умело,
Слева — ловкий китаец возьмется за дело.

И увидят они, что назначит им рок
В час, когда состязанья закончится срок.

Лишь они создадут взорам новый подарок,
То откинут завесу меж двух полуарок.

И решит многих зрителей пристальный взор,
Чья картина милей, чей прекрасней узор.

С двух сторон плотной ткани, без лишней заботы,
Мастера на ступени взошли для работы.

И когда своего каждый мастер достиг, —
То завесу откинули в этот же миг.

Две прекрасных картины открылись, — и что же?
И рисунок и цвет, — все на них было схоже.

Всех внимательных судий стеснившийся ряд
На творения поднял растерянный взгляд:

Как же статья могло, что художников двое
Схожий создали сон в разделенном покое?

Тут вошел Искендер... Шепот судий затих...
Меж картинами сев, царь осматривал их.

Все казалось ему непостижной тайной
В этой близости образов необычайной.

Царь взирал на картин многоцветную гладь,
Продолжая огнем любопытства пылать.

Он творений не понял, не понял нимало:
То творенье — бросало, сие — принимало.

И мудрец, бывший тут же, увидел, дивясь,
Два виденья... как странно тождественна вязь!

Он стоял, размышляя, и вот понемногу
В ясной мысли к разгадке нашел он дорогу:

И велел он задернуть упругую ткань,
Между сводами арки вновь делая грань.

И когда друг от друга он своды завесил,
Этот — вмиг загрустил, тот — все так же был
весел.

Вся картина румийца сияла свежа,
А другую покрыла внезапная ржа.

И, китайскую сторону видя пустою,
Был смущен государь. Но опять красотою

Согласованных красок сверкнула она,
Лишь отдернута снова была пелена.

Все он понял: прельщала глаза не наброском,
Не картиной стена, а сияющим лоском

Отраженье она создавала, — такой
Стала гладкой стена под китайской рукой.

И румиец явил своей радуги пламень,
И китаец сумел сделать зеркалом камень.

Здесь картина рождалась. На той стороне
Повторялась она на блестящей стене.

И у судий возникло единое мненье:
У искусников этих большое уменье.

Хоть в рисунке всех строже румиец, — считай:
В наведении лоска — всех выше Китай.

РАССКАЗ О ХУДОЖНИКЕ МАНИ. ПРЕБЫВАНИЕ ИСКЕНДЕРА В КИТАЕ

Я слышал, что из Рея в далекие дни
Шел в Китай проповедовать дивный Мани.

И немало людей из народов Китая
Шло навстречу к нему и, Мани почитая,

Схожий с влагою горный хрусталь на пути
Положили они. Кто-то смог нанести

Тонкой кистью рисунок волнистый, узорный
На обманный родник, на хрусталь этот горный:

Словно ветер слегка взволновал водоем
И бегущие волны возникли на нем.

Начертал он и много прибрежных растений, —
Изумрудную вязь прихотливых сплетений.

Ехал в жаркой пустыне Мани, не в тени.
Было жаждой измучено сердце Мани.

Снял, склонившись, он крышку с кувшинного
И кувшин его длань к светлой влаге простерла.

Но ведь вовсе непрочны сосуды из глины:
О сверкающий камень разбился кувшин.

Догадался Мани, что обманом шутовым
Был источник с живым серебристым отливом.

Взял он кисть, как он брал эту кисть искони,
И на твердой воде, обманувшей Мани,

Написал он собаку издохшую. Надо ль
Говорить, как была отвратительна пададь?

В ней кишели несметные черви, и страх
Вызывал у людей этот вздувшийся прах.

Каждый путник расстался б с надеждою всякой
Выпить воду: отпугнут он был бы собакой.

И когда весь Китай этот понял урок,
И о жаждущих скорбь и насмешки упрек,

То постиг он Мани с его силой искусства,
И к Эрженгу благого исполнился чувства.

Почему о Мани вновь слышна мне молва
И к молве о Мани заманил я слова?

Царь с хаканом сдружились, дней множество сряду
Предаваясь пиров беззаботных обряду.

С каждым днем они были дружней и дружней,
Люди славил мир этих радостных дней.

Другу вымолвил царь: «Все растет в моей думе
Пожеланье, — быть снова в покинутом Руме.

Я хочу, если рок не откажет в пути,
Из Китая в Юнан все стоянки пройти».

Так в ответ было сказано: «Мир искендеров, —
Этот мир не семи ли подданных кишверов?»

Но стопа твоя всюду ль уже побывала?
А ведь ты всем народам, всем царствам — кыбла.

И куда бы ни шел, за твоим караваном
Мы пойдем, государь, с препоясанным станом».

Царь дивился хакана большому уму,
И за верность его привязался к нему.

От подарков, что слал повелитель Китая,
Царский пир озарялся, как солнце блистая.

И кольцо послушания в ухо продел
Покоренный хакан. Обо всем он радел.

И горела душа хана ханов прямая,
Солнце жаркой любви до луны поднимая.

Мог бы он помышлять о величьи любом,
Но все более он становился рабом.

Если царь одаряет кого-либо саном,
Должен тот пребывать с препоясанным станом.

На какие ступени ты б ни был взнесен,
Все же должен быть низким твой рабский поклон.

Искендер для Китая стал тучею. Нужен
Влажной тучи навес для рожденья жемчужин.

Он шелками иранских и румских одежд,
На которых Китай и не вскидывал вежд,

Создал ханам Китая столь ценные клады,
Что цари всего мира им были бы рады.

Скатертями Хосроев покрыл он весь Чин,
На челе у китайцев не стало морщин.

Уж твердили во многих краях тихомолком,
Что лишь в Чине одел всех он блещущим шелком.

Царь любил узкоглазых, их дружбой даря,
И срослись они с ним, словно брови царя.

И клялись они все, — сказ мой дружен с молвою, —
Лишь глазами царя да его головою.

КИТАЙСКИЙ ХАКАН ПРИНИМАЕТ У СЕБЯ ИСКЕНДЕРА

Угнетен я, о кравчий, меня пожалей!
Слезы чаши своей мне в полу ты пролей.

И нечистой мечты — так чисты эти слезы —
Я уж больше не буду страшиться угрозы!

Будь не тюрком, о тюрк! Мне отрадой повеи.
Хоть часок будь со мною, не морща бровей!

Ты — китайский рисунок. Приди, чтобы вскоре
Я в беседе с тобой позабыл свое горе!

Если твой по-хакански обилен доход,
Ты не думай, что он — ток бесчисленных вод.

Кое-что проедай, раздавай не без края,
Кое-что про запас ты припрячь, сберегая.

Может быть, проживешь ты большие года,
Недостача под старость — лихая беда.

Все насущные траты впуская в жилище,
Чтобы ты не нуждался в напитках и пище.

Ты не сразу растрачивай найденный клад:
Весь доход израсходовав, будешь не рад.

Терпеливо расход свой высчитывай средний,
Чтобы тратить сегодня, как тратил намедни.

Если нитка не в меру толста, то легко
Даже крепкой иголки сломаешь ушко.

Живописец, владея узорами слова,
По китайскому шелку набрасывал снова:

Повелитель царей, разгоняющий мглу,
Жемчугами наполнил Китая полу.

И хакан день и ночь прилагал всё старанье,
Чтобы должное было царю воздаянье.

Он хотел бы метнуть в смену праздничных дней
Целый мир под копыта царевых коней.

Он желал необычным обрадовать пиром
И дарами осыпать владевшего миром.

Выбрав день, чья была благотворна заря,
И блестящий, как звездные знаки царя,

Словно лев, свою царственность людям являя,
Пированье он сделал подобием рая.

Нет! Быть может, под сенью эдемских садов
Лучших вин не знавали и лучших плодов.

Не осталось, казалось, той сласти на свете,
Что желанье могло бы иметь на примете.

Всю китайскую снедь приготовил хакан.
О подобных сладостях завздыхал бы Ризван.

Наслаждался ли он под эдемской листвою
Миндалем, начиненным душистой халвою?

Те, что любят блага изобильной земли,
Лучших яств никогда лицезреть не могли.

Самоцветов, рассыпанных грудями ягод,
Знатоки не могли бы исчислить и за год.

И когда угощением наполнился стол,
И когда для стола он убранство нашел,

Осеннего звездных небес благодатью
Пригласить он отправился с высшею знатью.

Почитая порядок старинных времен,
Он склонился и тем возвеличился он.

И сказал он с мольбой: «Если мой повелитель
Снизойдет и мою посетит он обитель,

Воссиявши над Светлым, его благодать
Соизволит и мне свои отблески дать».

Не отверг Миродержец его приглашенья.
Закрепил благосклонностью их отношенья.

Искендер прибыл с войском; увидел он стол
И, с коня соскочив, он к столу подошел.

Всех сокровищниц сломаны были затворы,
И возникли сокровищ высокие горы.

И когда он вступил в драгоценный чертог,
Словно Хызру предстал животворный поток.

Пред горящим в жемчужинах встал он престолом.
Ключ жемчужный бежал златоблещущим долом.

Апельсин, камфарою наполненный, он
Сжал в перстах и воссел на невиданный трон.

И фагфур, чья была ослепительна слава,
Для служенья царю встал почтительно справа,

Но хакана властитель бесчисленных сил,
Обратясь к нему ласково, сесть попросил.

И хакан приказал, и минутою тою
От подносов земля стала вся золотою.

Угощенье посыпалось, будто бы в сад
Час осенний пришел, и возник листопад:

Здесь, на рынке алчбы, — о волшебные чары! —
На призывы желаний спешили товары.

На столе, и вблизи и на дальнем краю,
Было все, что желаешь, как будто в раю.

Все, отведав сластей, в жажде сладостной неги
На рубины вина совершили набеги.

Только красным вином жадный тешился взор,
И в чертоге постелен был красный ковер.

Чанги, звонкие руды, дутары, барбеды, —
Струны множества стран собрались для беседы.

И блуждая по их сладкозвучным следам,
Предавались певцы многосменным ладам.

В свод лазурный стремясь — «Мы летим к вам!
О, где вы?» —
Так согдийские к звездам зывали напевы.

Пехлевийские песни звучали и в плен
Уводили сердца частой прелестью смен.

Быстрый пляс плясунов, что родились в Кашмире,
Бушевал. Словно смерч стал господствовать в мире.

А в руках у румийцев звенел органон,
И к забвению звал его сладостный звон.

И стояли румиец с китайцем, взымая
Знамя славного Рума и знамя Китая.

Ототкнул дверь сокровищниц щедрый хахан, —
Свет всем кладам Каруна им снова был дан.

Драгоценные камни представились взорам,
И кольчуги сверкнули каменьею узором.

В пальцах сотен гостей, их сердца утоля,
Заблестели изделия огнем хрусталя.

Тут китайских шелков развернулись харвары,
Тут китайского мускуса вскрылись амбары.

И блюды камфары на подарки он дал,
Вместе с мускусом роздал он ценный сандал,

А с парчою китайскою — луки из Чача
И мечи, чьим ударам дается удача.

Дал он стройных коней, что рождает Хуталь, —
Тех, что мигом в любую уносятся даль,

И затем, что на дроф им ценилась охота, —
Раздаваемым кречетам не было счета.

Дал он сорок слонов в пышных седлах, в броне,
Мощных, умных и к бою готовых вполне,

И гулямов толпу для сражений великих,
И рождающих пламень рабынь луволиких.

Но подарки не все описал мой калам.
Счета не было ценным и дивным дарам.

Лишь мгновенья немногие время промчалю,
Одарениям новым настало начало.

Черногривый хутальский был конь приведен.
Был, что утренний ветер, стремителен он.

В быстром беге престолом он был шаханшаха:
Не заметишь в седле его плавного маха.

Он быстрее, чем газель, он, что пламень горяч.
Злой, но мерной волной он уносится вскачь.

Состязаться с ним птицы в степях не могли бы.
А плывя по волнам, он проворнее рыбы.

Словно див породил в нем кипучий огонь.
Словно смерч, поворотлив находчивый конь.

На бегу он поспешным подобен Плеядам.
Ветер мчится за ним и не в силах быть рядом.

Так летал и кружился он в каждом бою,
Что утрачивал недруг надежду свою.

Он коня его наземь бросал, и порою
«Конь» «слона» повергал, этой тешась игрою.

Проникал он повсюду, как мысли людей;
Он был мысли быстрее. О, какой чародей!

Вызвал к жизни... кого? Саламандру? Нет! Это —
Конь. Бесспорно! Но конь для властителя света!

Принесли и охотничью птицу. Она
Беспокойней была беспокойного сна.

Ветром летним взлетев, внемля ярости кличу,
Вихрем зимним она догоняла добычу.

Лапы чудища этого так были злы,
Что в испуге от них улетали орлы.

Было много на ней крови орлей, и трогать
Только насмерть умел каждый хищницы коготь.

Рог Симурга пред ней мигом делался строг,
И под клювом ее подыхал носорог.

Злая буря! Грызущая недругов кости!
Сотворил ее бог из порыва и злости.

Туганшах ловчих птиц! Имя птицы — Тогрул.
От рассказов о яростной ширился гул.

И рабыню ввели черноокою с телом,
Словно сахар, с лицом и румяным и белым.

Разукрашенный идол, сверкающий рай, —
Вождений и страсти приманчивый край.

Молодая луна с кипарисовым станом!
Две косы ниспадали душистым арканом,

Подбородок округлый столь свеж был. Ну, где ж
Белый снег близ огня так прохладен и свеж?

Ей служил кипарис, гордый в чванстве упрямом.
Сахар — в рабство попал, мед — склонился
гулямом.

Ее локонам сумрак служил потому,
Что служили они разгонявшему тьму.

Были речи красавицы слаще печений,
Мед немало от них получил огорчений.

Как тонки эти пальцы! Пройди весь Китай, —
Что белее спины? Лишь один горностаи.

Словно лук, эти брови. Глаза — это стрелы.
И в сердца они бьют, беспощадны и смелы.

Коль вина она выпьет, прозрачна, нежна,
Ты увидишь сквозь горло окраску вина.

Ту кормилицу славь ты по целому свету,
Что вскормила для мира красавицу эту!

Был глазам ее узким стыдливости дан
Редкий дар. Дивно тонок был сладостный стан.

Нет ни стана стройней! Нет ни дара опасней!
О, Нистандаржихан! Что на свете прекрасней!

И дары доставлявший повел свою речь,
Чтобы к этим дарам сердце шаха привлечь:

«Этот конь, эта птица и эта рабыня —
Не простые дары, а небес благостыня.

Кто из властных сидел на таком скакуне?
Эту птицу в какой бы нашел ты стране?

Говорить ли о том, что явить они могут,
Что тебе, государь, они много помогут!

Третий дар, повелитель, не так же ль велик?
Где на свете прекрасней отыщется лик?

У Нистандаржихан есть три свойства. И в мире
Что их выше? К чему б ей служили четыре?

Свойство первое: доброю волей небес
Красота этой девы чудесней чудес.

Вот второе: ее непостижная сила.
В страшных битвах пощады она не просила.

Свойство третье: пристрастие к струнной игре.
А поет она слаще сладчайшей Зухре.

Томных, жалобных песен взнеся вереницу,
Усыпить и змею она может и птицу».

Показались царю для услады души
Красота и напевы весьма хороши.

Ну, а то, что бойцом она может быть смелым,
Счел великий боец нежелательным делом.

Вечно крепки шипы, вечно нежен жасмин.
Разве должно быть женщине крепче мужчин!

Хоть жена меднотелою будет, но все же
Ей с вонтелем крепким тягаться негоже.

Хоть бы рыба была из гранита, — попасть
Все же ей суждено в крокодилову пасть.

Надо ль делать свой щит из непрочной бумаги,
А затем сдаться в плен без обычной отваги?

Искендер это все очень важным считал.
Только мужа в бою он отважным считал.

Вдевши в ухо кольцо этой новой рабыне,
Он не думал о ней, как не думал доныне.

Принял царь все дары, выпил чашу до дна
И пошел он в покой, отведенный для сна.

Приходящим с востока блестящим павлином
Дан был сладостный блеск бирюзовым долинам.

И опять на пиру царь господствовать мог,
И открыл он для празднества тронный чертог.

Два-три дня предавался усладам он многим.
И скакун его мощный вновь стал быстроногим.

Искендер к возвращенью готовился. Он
Стал, как прежде, подобен возвращенью времен.

И тюрчанка, даренная щедрым хаканом,
Чтобы царь был прельщен ее тающим станом,

Но царя не прельстившая, — волей небес
Пребывала за тканью укромных завес.

И во мгле, как об этом поведали сказы,
Из нарциссов на розы струила алмазы.

Меж рабынь, проклиная дворцовую сень,
Притаилась она, как неясная тень.

Завладел небосвод в беге вечном и яром.
Вновь играя в човган, огнедышащим шаром.

И, отнявший свой шар у несметных царей,
Царь вскочил на коня, что был вихрей быстрей

В час веселый човгана. И каждому взору
Показалось, что царь сел на мощную гору.

И вельможи внесли все знамена. Их тень
Скрыла небо. Не судный ли начался день?

И от войск неисчетных, невиданных в мире,
Для зверей стали тесны окрестные шири.

От китайской равнины до Дженда в шелка
Раздели простор Искендера войска.

Подсчитали бойцов. На равнинах просторных
Их пятьсот было тысяч, нарядных, отборных.

Посреди лился тюрков павлиний узор,
Львов булатных с краев загорелся убор.

В сердцевине был царь, словно грозное море,
Вкруг утесы из войск — злое недругов горе.

Для охраны царя, словно призраки снов,
Шли бойцы, как слоны. Шло и сорок слонов.

Пехлевийских значков — да страшится их ворог! —
Возле стяга царя было: тысяча сорок.

Серебро белой ткани сжимали, горя,
Пояса золотые гулямов царя.

И запасных коней, царской ставки достойных,
Отовсюду вели толпы юношей стройных.

На смотре близ царя не один был недим, —
Царь беседы любил, не был царь нелюдим.

Ехал он величаво, доспехом блистая,
Возле стремени шел повелитель Китая.

Но румийским царем в скором времени дан
Был хакану указ. И услышал хакан,

С огорченьем внимавший царю Искендеру:
«К своему ты обязан вернуться кишверу».

С тюрком царь попрощался, и вдоль его щек,
Ниспадая с ресниц, заструился поток.

Царь, весь мир озиравший, от взгорий Китая
До Джейхуна дошел, прах дорожный взметая,

И, узрев, что река широка, глубока,
Он велел, чтобы с седел сходили войска.

Где красиво река низкий мыс омывала,
Он пригодное место нашел для привала.

Натянули канаты, забили колки
И воздвигли шатер у широкой реки.

От жемчужин, блиставших на царском конвое,
Этот берег Джейхуна стал радостней вдвое.

На Джейхуне раскинув свой воинский стан,
Не жалел раздавать он, узнав Туркестан,

То богатство, что вез он из далей Китая.
Все дарил он, всегда все опять обретая.

Восстановленных зданий росла череда.
И опять Искендер воздвигал города.

Говорят, Самарканд, давший радость всем людям,
Создан тем же, о ком в этой книге мы судим.

И проведал весь Рум и узнал Хорасан,
Что Владыка вернулся в свой царственный стан.

Изю всех городов шли навстречу Владыке.
Пели трубы. Восторг в каждом слышался клике.

И знамена вносили. И в каждом дому
Восхваляли царя и дивились ему.

Он с победой пришел! В далях побыл не даром!
Все к дворцу его шли с благодарственным даром.

ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИСКЕНДЕРА ИЗ КИТАЯ

Кравчий! Розовой жажду воды. Ведь больна
Голова моя ныне. Подай мне вина.

Не похмелья сулящего и не тревогу,
А дающего делу благую помощь!

□ □ □

Для того, кто задумал весь мир обойти,
Хорошо вновь и вновь быть на новом пути, —

Всё осматривать всюду, вставать спозаранок,
Покидая стоянку для новых стоянок.

Лицезреть все обличья. Входя в города,
Видеть то, что не видел еще никогда.

И постигнешь тогда, если ты беспристрастен,
Что в своем только городе ты полновластен.

Лучше быть неприметным и видеть свой дом,
Чем царить тебе в городе дальнем, чужом.

□ □ □

Хоть везде с Искендером бродила удача,
Но с душой своей пламенной часто судача,

Он о родине помнил. Который удел
Захватил он! Но в мыслях домой он летел.

«На коня ветрового сяду! Воочью
Вновь увижу свой край! — он раздумывал
ночью, —

Без возлюбленной родины что мне мой сан!
Вновь твой воздух вдохну, о родной Хорасан!

На персидскую землю поставлю я ногу,
Снова в царство Истахра увижу дорогу,

Озарю своим блеском свой радостный дол,
До небес вознесу свой великий престол,

По стране, где рождается сладость, проеду,
Там с добром и со злом поведу я беседу,

Стародавний порядок восставлю опять,
Повелю пред царем снова прах лобызать,

Утвержу за служенье былую оплату,
Буду ласков. В свою призывая палату

Всех просящих, большие вручу им дары,
И весь мир будет радостен с этой поры!»

Так с собой он беседовал в ночи иные,
Наполняя раздумьями смены ночные.

Управитель Абхазии, мощный Дувал,
Тот, которому царь важный сан даровал,

Искендеру служил. С препоясанным станом
Он проехал по всем завоеванным странам.

И пришел он к царю. Весь горел он огнем
И стонал, как литавры под бьющим ремнем.

Услыхал Искендер, славный сын Филикусов:
«Повелитель! В Абхазии толпища русов.

Помоги, государь! Набежали враги,
Полонили весь край! Помоги! Помоги!

Из аланов и арков полночным отрядом
Вся страна сметена, словно яростным градом.

И враги всю Дербентскую заняли высь,
И до моря по рекам они добрались.

Мне прибывший сказал: «Этой смелостью ярой
Обновили они жар вражды нашей старой.

Опустел целый край избытка и нег.
Да узнает предел этот страшный набег!

Не отыщется счета абхазцам убитым,
Не отыщется счета жилищам разбитым,

Не осталось в амбарах крупинки зерна,
Не хранит ни дирхема пустая казна!

Где сокровищниц блеск? Вновь блеснет он едва ли!
Руки вражьи бойцов шелк с престола сорвали!

Опрокинута, смята, разбита Берда,
От богатого города нет и следа.

Нушабе пленена! Радость канула наша!
Царь, о камень разбита прекрасная чаша!

Из невест, что ты видел с прекрасной Луной,
Не осталось на месте, о царь, ни одной!

Все смешалось в стране, целый мир опечален,
В подожженных селеньях лишь груды развалин.

Лучше было бы пасть мне под вражьей рукой,
Не изведав беды, погрузиться в покой!

Я возвышен тобой, а в темнице и дети
И жена моя стонут, иль нет их на свете!

Коль не двинешь войска ты навстречу врагу,
Лишь к творцу я воззвать о защите смогу.

Рум с Арменией вместе в короткое время
Может свергнуть в беду это смелое племя.

Если к кладу дорогу сыскали они,
Поспешат они дальше. Наступят их дни,

Города завоюют и целые страны:
Лишь на битвы способны их грозные станы,

Не умеют они расстлать скатертей.
Но о смелости их много слышим вестей.

Захотят они новых набегов, и вскоре
Многим странам от них будет горькое горе.

Правосудье не наше в душе храбрецов,
Отберут все товары они у купцов.

Покоривши наш край, в своем беге угрюмом,
Завладеют они Хорасаном и Румом!»

Помрачнел Искендер, услышав, как Дувал
О жене и о детях своих горевал.

А судьба Нушабе! Невозможной бедою
Пронеслась эта буря над милой Бердою!

Царь свой лик наклонил, и мгновенье прошло, —
И Возвышенный грозное поднял чело:

«Не напрасно душа твоя к трону воззвала:
В моем сердце печаль, как и в сердце Дувала.

Мой приказ: на уста ты наложишь печать, —
Ты сказал. Дблжно мне свое дело начать.

Узришь ты: я помчусь к призывающим странам,
Сколько вражьи голов захвачу я арканом!

Сколько смелых сумеют на помощь поспеть,
Сколько львиных сердец я заставляю вскипеть!

Я сломаю гордецов! Львам ведь только в забаву
Осмелевших онагров повергнуть ораву.

Что буртасы! Что арки! Иль царь изнемог?
Будут головы вражьи у этих вот ног!

Если Рус — это Миср, его сделаю Нилом!
Под ногами слонов быть всем вражеским силам!

Я на вражьи горы свой воздвигну престол,
Я копытом коня вражий вытопчу дол.

Ни змеи не оставляю нагорным пещерам,
Ни травинки — полям! Быть хочу Искендером,

А не псом! Если я этим львам не воздам, —
То у всех на глазах уподоблюсь я псам!

Если я не покончу, как с волком, с Буртасом, —
Стану жалкой лисой. Надо только запасом

Нужных дней обладать. Возмещение сполна
От напавших получит абхазцев страна.

Мы низвергнем врагов, и вернется к нам снова
Все, что взяли они из-под каждого крова.

Мы спасем Нушабе! Возвратится тростник,
Полный сахара, сладкий засветится лик.

Хоть сие серебро ныне спрятано в камне,
Но дорога к нему будет все же легка мне.

Дело каждое требует вдумчивых мер,
Но весна зацветет, — продолжал Искендер, —

Все решим, надо всем нашим разумом рея,
Время в небе течет час от часа мудрее.

Если я в этот путь всю поклажу припас,
Запасусь я терпением — настанет мой час!

Всем живым, от вершин до глубокого моря,
Торопливость не шлет избавленья от горя.

Полагал я иначе направить свой путь,
Чтобы в царстве персидском душой отдохнуть.

Но затем, что ко мне эти прибыли вести,
Не на троне своем, — я в ином буду месте.

Мой готов караван, все в движенье пришло,
Я престолом своим избираю седло.

Ни одним я свой путь не замедлю привалом!
На призыв с отомщеньем приду небывалым!»

И когда это слово услышал Дувал,
Он утих, он о мести уже не взывал.

Тронул прах он устами в смиреньи великом,
И к земле золотым прикоснулся он ликом.

ИСКЕНДЕР ПРИБЫВАЕТ В КЫПЧАКСКУЮ СТЕПЬ

Дай мне, кравчий, напитка того благодать,
Без которого в мире нельзя пребывать!

В нем сияние сердца дневного светила.
В нем и влаги прохлада и пламени сила.

Есть две бабочки в мире волшебном: одна
Лучезарно бела, а другая черна.

Их нельзя уловить в их поспешном круженьи:
Не хотят они быть у людей в услуженьи.

Но коль внес ты свой светоч в укромный мой дом, —
Уловяю уловляемых долгим трудом.

Разостлавший ковер многоцветного сада
Свет зажег от Светила, и льется услада.

Тот, кого породил славный царь Филикус,
Услыхав от абхазца, как пламенен рус,

Размышляя о сраженьях, вперив свои очи
В многозвездную мглу опустившейся ночи.

Все обдумывал он своих действий пути,
Чтоб исполнить обет и к победе прийти.

И когда рдяный конь отбежал от Шеддиза,
И сверкнул, и ночная растаяла риза, —

Царь оставил Джейхун, свой покой отстраня,
Чтобы в степи Хорезма направить коня.

За спиной его — море: несчетные брони,
А пустыни пути — у него на ладони.

Степь Хорезма пройдя, он Джейхун перешел,
И пред ним вавилонский раскинулся дол.

Царь на русов спешил и в своих переходах
Ни на суше покоя не знал, ни на водах.

Не смыкал он очей, — и, огнем обуян,
Пересек он широкие степи славян.

Там кыпчакских племен увидал он немало,
Там лицо милых жен серебром заблистало.

Были пламенны жены и были нежны.
Были солнцем они и подобьем луны.

Узкоглазые куколки сладостным ликом
И для ангелов были б соблазном великим.

Что мужья им и братья! Вся прелесть их лиц
Без покрова, — доступность открытых страниц.

И безбрачное войско душой изнывало,
Видя нежных, не знавших, что есть покрывало.

И вскипел в юных душах мучительный жар,
И объял всех бойцов нетерпенья пожар.

Но пред шахом, что не был на прелести падким,
Не бросались они к этим куколкам сладким.

Царь, узрев, что кыпчачки не чтут покрывал,
Счел обычай такой недостойным похвал:

«Серебро этих лиц, — он подумал однажды, —
Что родник, а войска изнывают от жажды».

Все понятно царю: жены — влаги свежей,
И обычная жажда в душе у мужей.

Целый день посвятил он заботе об этом:
Всех кыпчакских вельмож он призвал и, с приветом

Выйдя к ним, оказал им хороший прием.
И возвыся их всех в снисхожденьи своем,

Тайно молвил старейшинам: «Женам пристало,
Чтобы в тайне держало их лик покрывало.

Та жена, что чужому являет себя,
Чести мужа не чтит, свою честь погубя.

Будь из камня она, из железа, но все же
Это — женщина. Будьте, старейшины, строже!»

Но, услышав царя, эти стражи степей, —
Тех степей, где порою не сыщешь путей.

Отклонили его повеленье, считая,
Что пристоеен обычай их вольного края.

«Мы, — сказали они, — внемля воле судьбы,
Услужаем тебе. Мы лишь только рабы,

Но лицо покрывать не показано женам
Ни обычаем нашим, ни нашим законом.

Пусть у вас есть покров для сокрытия лиц,
Мы глаза прикрываем покровом ресниц.

Коль взирать на лицо ты считаешь позором,
Обвинение шли не ланитам, а взорам.

Но прости — нам язык незатейливый дан —
Для чего ты глядишь на лицо и на стан?

Есть у наших невест неплохая защита:
Почивальня чужая для скромниц закрыта.

Не терзай наших женщин напрасной чадрой,
А глаза свои лучше пред ними закрой!

Прикрывающий очи стыда покрывалом
Не прельстится и солнца сверканием алым.

Все мы чтим Повелителя, никнем пред ним,
За него мы и души свои отдадим.

Верим в суд Повелителя строгий и правый,
Но хранить мы хотим наши старые нравы».

Искендер замолчал, их услышав ответ.
Бесполезно, решил он, давать им совет.

Попросил мудреца всем дававший помощь,
Чтоб ему он помог, чтоб навел на дорогу:

«Те, чьи косы, как цепи, чей сладостен лик, —
Соблазняют, и яд их соблазна велик:

Гибнет взор, созерцающий эту усладу,
Как ночной мотылек, увидавший лампаду.

Что нам сделать, чтоб стали стыдливей они,
Чтобы скрыли свой лик? Дай совет, осени».

И познавший людей молвил шаху: «Внимаю
Мудрой речи твоей, твой приказ принимаю.

Здесь, в одной из равнин, талисман я создам.
Сказ о нем пронесется по всем городам.

Сотни жен, проходящих равниною тою,
От него отойдут, прикрываясь фатою.

Только надо, чтоб шах побыл в той стороне
И велел предоставить все нужное мне».

Взявши силой и с помощью золота, вскоре
Все добыл государь, — и на вольном просторе

Муж, в пределах искусства достигший всего,
Стал трудиться, являя свое мастерство.

Он иссек, всех привлеки к безлюдному месту.
Из прекрасного черного камня невесту.

Он чадрой беломраморной скрыл ее лик, —
Словно свежий жасмин над агатом возник.

И все жены, узрев, что всех жен она строже,
Устыдась, прикрывали лицо свое тоже

И, накинув покровы на сумрак волос,
Укрывали с лицом и сплетения кос.

Так имевший от счастья немало подачек
Укрываться заставил прекрасных кыпчачек.

Царь сказал мудрецу, — так он был поражен: —
«Изменил ты весь навик столь каменных жен,

Ничего не добился я царским приказом,
А твой камень в рассудок приводит их разом».

Был ответ: «Государь! Мудрых небо хранит.
Сердце женщины кыпчакских — суровый гранит.

Пусть их грудь — серебро, а ланиты, что
Их привлек мой кумир, потому что он камень, —
пламень, —

Видят жены, что идол суров, недвижим,
И смягчаются в трепете сердцем своим:

Если каменный идол боится позора
И ланиты прикрыл от нескромного взора,

Как же им не укрыться от чуждых очей,
Чтобы взор на пути не смущал их ничей!

Есть и тайна, которую действует идол,
Но ее, государь, и тебе я б не выдал!»

Изваяньем таинственным, в годах былых,
Был опущен покров на красавиц степных.

И теперь в тех степях, за их сизым туманом,
С неповерженным встретишься ты талисманом.

Вкруг него твой увидит дивящийся взор
Древки стрел, словно травы у сонных озер.

Но хоть стрелам, разящим орлов, нету счета, —
Здесь увидишь орлов, шум услышишь их влета.

И приходят кыпчаков сюда племена,
И пред идолом гнется кыпчаков спина.

Пеший путник придет или явится конный, —
Покоряет любого кумир их исконный.

Всадник медлит пред ним и, коня придержав,
Он стрелу, наклоняясь, воцеляет меж трав.

Знает каждый пастух, мимо гонящий стадо,
Что оставить овцу перед идолом надо.

И на эту овцу из блистающей мглы
Раскаленных небес ниспадают орлы.

И когтей устрашаясь булатных орлиных,
Ищут многие путь лишь в окрестных долинах.

Посмотри ж, как, творя из гранитной скалы,
Я запутал узлы и распутал узлы.

ПРИБЫТИЕ ИСКЕНДЕРА В ОБЛАСТЬ РУСОВ

Дай мне, кравчий, невесту с прикрытым лицом,
Если брачным невеста пленилась венцом.

И, ладони омыв, я, изнывший в разлуке,
К этой деве смогу протянуть свои руки.

□ □ □

Снова в сад мой влетел соловей. Посмотри:
Вновь на яркий мой свет прилетела перь.

Облик светлой перь все ясней, все яснее,
Я же тающим призраком стал перед нею.

В руднике Аримана, где проблеска нет,
Я, блуждавший во мраке, достал самоцвет.

Слава мудрым, изрывшим суровые недра,
Чтобы золото дать нам рукой своей щедрой!

□ □ □

Тот, чья речь о царе от неправды чиста,
Поясняя нам все, раскрывает уста:

Мудрый муж, получив от царя указанье
Твердый камень размять и явить изваянье,

Все сердца победив и прельстивши навеки,
Драгоценную деву из камня иссек.

Так размерно она свой покров извивала,
Что тюрчанки желали ее покрывала.

И, когда ликотворец свой создал кумир,
Дальше тронулся царь, побеждающий мир.

Раздавая дары, хоть спешил он все далек,
Он стоял по неделе на каждом привале.

Вот последний привал... Скоро встретится рус.
Каждый лев близкой схватки почувствовал вкус.

И вблизи от воды, на широком просторе
Стан притих... Ночь пришла в многозвездном
уборе...

Все — и царь и бойцы, утомившись в пути,
На лугу этом отдых смогли обрести.

Весь простор был украшен приютом царевым,
К звездам влекся шатер многозвездным покровом.

Мир стал пышным павлином от румских знамен,
К стану русов был царский шатер обращен.

Стало ведомо русам, воинственным, смелым,
Что пришел румский царь к их обширным
пределам.

С ним войска, что страшны, как судьбы приговор,
И пугают гранит многоярусных гор.

Он идет, силачей в своем войске имея,
Чьи мечи, словно зубы всеильного змея,

И арканщиков мощных, которым дана
Злая сила любого повергнуть слона,

И гулямов, что так в ратоборстве умелы,
Что в один волосок мечут многие стрелы.

Это — царь Искендер, и свиреп он и смел!
В сердце мира стрелой он ударить сумел.

Не войска он приводит: с ним тронулись горы,
Под которыми стонут земные просторы.

Он приводит грозящих угрозой расплат
Двести страшных слонов, облаченных в булат.

Степь слонами полна и доспехами смелых,
Покоряющих страны бойцов слонотелых.

И, когда предводитель всех русов — Кинтал
Пред вельнями звезд неизбежными встал,

Он семи племенам быть в указанном месте
Приказал и убрал их, подобно невесте.

И хазранов, буртасов, аланов притек,
Словно бурное море, безмерный поток.

От владений Исú до кыпчакских владений
Степь оделась в кольчуги, в сверканья их звений.

В бесконечность, казалось, все войско течет,
И нельзя разузнать его точный подсчет.

«Девятьсот видим тысяч, — промолвил в докладе
Счетчик войска, — в одном только русском отряде».

В двух фарсангах от вражьего стана войска
Отдыхали: дорога была нелегка.

«Нам, сражавшим мужей, — было слово
Кинтала, —
Не страшиться невесты, что войску предстала.

Столь красивых узреть взор смотрящего рад,
Вся их рать, посмотрите, — рассыпанный клад.

Им ли русов сразить? Это было бы диво!
Нежно войско врага и чрезмерно спесиво.

Сколько сбруй золотых, сколько жемчуга там,
Сколько яшмовых чаш там подносят к устам!

Там вино, там напевы, там только лишь неги,
Им неведомы вовсе ночные набеги.

Благовонья сжигать им в ночах суждено,
По утрам они смешивать любят вино.

Все невзгоды сносить — дело стойкого руса,
А все сласти да вина — для женского вкуса.

Что румийцу с китайцем сверканье меча!
Их услада — шелка, их отрада — парча.

Вот какое богатство дается нам богом!
Это он к нам направил его по дорогам.

Если б эту добычу узрел я во сне, —
Словно мед или сахар приснились бы мне.

Будет нами диковинный клад обнаружен:
Там на каждом — венец, там, что в море
жемчужин.

Коль возьмем всё мы это богатство, то с ним
Все земные пределы легко победим.

Наше царство раздвинем все шире и шире, —
Нам одно лишь останется: властвовать в мире!»

И на взгорье с друзьями коня он погнал,
И, перстом указуя, промолвил Кинтал:

«В той равнине, под сенью небесной лазури,
Сонмы неженек робких с обличем гурий.

В тех шатрах драгоценности: ведь у врага
Не мечи и щиты — бирюза, жемчуга.

Их тяжелые седла из золота литы,
А края чепраков жумчугами расшиты.

Их высокие шапки я вижу вдали,
Их кафтаны струятся до самой земли.

На узоры ковров их склоняются станы,
Нет в руках у них копий, пусты их колчаны,

Нет и ног без запястий, без жемчуга шей,
Вьются тяжкие локоны возле ушей.

В этих царских одеждах легки ль им дороги?
Не для боя их длань, не для бега их ноги.

С этим скопищем слабых, изнеженных тел
Искендер наше войско разбить захотел!

Ты их пальцем ударь, не кинжалом, с размаху, —
До ушей они рот свой откроют со страху!

Лишь по дням да по числам воюют они.
Месяц ждут наступленья, считая все дни.

Нет, я знаю, не их предназначено доле
Взрыть в неистовстве боя широкое поле.

Если разом на них все обрушимся мы,
Их застынут сердца, их смутятся умы».

Показался всем русам, на трудности падким
И разумным, призыв этот лакомством сладким.

Голоса зазвучали: «Покуда живем —
Будем слову верны, все мы слово даем:

Сроем вражий цветник! Аромата и цвета
Не оставим следа! Это слово обета.

Защитим наше царство! Пускай острия
Наших копий багрянца окрасит струя,

Чтоб затем без копья, лишь ударом кинжала
Сотни вражьих голов наша сила стяжала!»

И, когда полновластный увидел Кинтал,
Что боец его каждый столь пламенным стал,

Он, вернувшись в свой стан, всем пришел на помощь.
Счистил ржу он с меча, с сердца смыл он тревогу.

А вдали, как луна, озаряя весь свет,
Восседав Искендер: свой созвал он совет.

И мужи, для врага час готова возмездья,
Вкруг Владыки блистают, как блещут созвездья:

Меданский Дубейс, из Хотана Гур-хан,
Иемёнский Велёд, Чина вождь Кадар-хан,

И абхазский Дувал, и Хиндй, что из Рея,
Из Истахра Кубад, что был отпрыском Кея.

Зериванд, — им прославился Мазендеран, —
И Ниял, что возвысил родной Хаверан,

Славный Кум из Ирака, звезда Хорасана —
Сам Бушэк, Бершад из Армении, — стана

Нет славей! Миср, Юнан, франки, Сирия — все
Дали мощных, блиставших в убранства красе!

У мужей были скорбно опущены вежды,
Но сказал государь, полный света надежды:

«Вражьи рати, готовые броситься в бой,
Не видали еще мощных львов пред собой.

Им отрадны набеги, мила им добыча,
Но не слышался им рокот львиного клича.

Здесь не знают еще двусторонних мечей,
Здесь румийских секир взор не видел щечей.

Нет добротных оружий у них, снаряженья, —
Как же могут вести они дело сраженья?»

Разве трудно, спеша к обнаженным телам,
Разрубить их мечом, разрубить пополам?»!

Если меч я внесу, пламенеющий, строгий,
У Альбурза от страха отнимутся ноги.

Я на Дария шел, чтоб он дань приносил, —
И лишился сей дерзостный всех своих сил.

Я на Кейда пошел, — и обычной сноровкой
Я поверг его в прах и уловкою ловкой.

С Фуром начал я бой, и от этой игры
Бурнопламенный Фур тотчас съел камфары.

Мой нахмурился лик, бровь согнулась крутая, —
И отбросил свой лук повелитель Китая.

Смелых русов страшиться? Напрасен их спор:
Много горных потоков проносится с гор.

От хазарских высот до Китайского моря
Всюду тюрки и, нашей гневливости вторя —

Хоть не сходны в суждениях наши умы, —
Так же к русам враждебны они, как и мы.

Стрелы тюрков остры. Тьмой их быстрых укусов
Создадим волдыри на ногах мы у русов.

Не напрасно считается делом благим
Лютость яда пресечь лютым ядом другим.

От несытого волка лисица, мы знаем,
Ухитрилась собачьим избавиться лаем.

Двое серых волков близ поселка, в лесу,
Уж почти догоняли большую лису.

А в селеньях — об этом поведает всякий —
И лисиц и волков ненавидят собаки.

Громко взывала лиса, не желая пропасть,
Этим воем собакам раздвинувши пасть.

Мигом стая собак, пробужденная, злая,
Разбудила селенье, неустово лая.

Скрылись волки, услышавши злых забияк.
Так лисица спаслась, призывая собак.

Проходящий испытанной старой дорогой,
От врага избавляется вражьей помощью.

И хоть все мы оружия имеем запас,
И подспорье ничье не пристало для нас,

Все ж уловки нужны всем способным к уловкам,
Не всегда ж думать нам о мече нашем ловком».

Отвечали вожди: «Скажем снова и вновь:
За тебя мы готовы пролить свою кровь».

Мы и раньше сражались упорно и смело,
А теперь еще крепче возьмемся за дело.

Всю отвагу явим и, к добыче спеша,
Мы пойдем на врага. Просит битвы душа.

Царь подбадривал войско затем своим словом,
Чтобы стало спокойным оно и суровым.

И весь вечер он думал, все думал... о чем?
Быть ли с чашею завтра иль прынуть с мечом.

И когда день ушел в потемневшие дали,
Вышел звездный дозор, а войска задремали.

В наступившей ночи друг за другом подряд
Проходили бойцы в караульный отряд.

До рассвета, на всем протяжении ночи,
В темноту устремлялись их зоркие очи.

ИСКЕНДЕР ВСТУПАЕТ В БОРЕНЬЕ С ПЛЕМЕНАМИ РУСОВ

Обращенную в киноварь быструю ртуть
Дай мне, кравчий; я с нею смогу заглянуть

В драгоценный чертог, чтоб, сплетаясь в узоры,
Эта киноварь шахские тешила взоры.

□ □ □

Так веди же, дихкан, все познав до основ,
Свою нить драгоценных, отточенных слов

О лазурном коне, от Китая до Руса
Встарь домчавшего сына царя Филикуса,

И о том, как судьба вновь играла царем,
И как мир его тешил в круженье своем

□ □ □

Продавец жемчугов, к нам явившийся с ними,
Снова полнит наш слух жемчугами своими:

Рум, узнавший, что рус мощен, зорок, непрост,
Мир увидел павлином, свернувшим свой хвост.

Нет, царю не спалось в тьме безвестного края!
Все на звезды взирал он, судьбу вопрошая.

Мрак вернул свой ковер, его время прошло:
Меч и чаша над ним засверкали светло.

От меча, по лазури сверкнувшего ало,
Головою отрубленной солнце упало.

И, когда черный мрак отошел от очей,
С двух сторон засверкали два взгорья мечей.

Это шли не войска — два раскинулись моря.
Войско каждое шло, мощью с недругом споря.

Шли на бой — страшный бой тех далеких времен.
И клубились над ними шелка их знамен.

Стала ширь меж войсками, готовыми к бою,
В два майдана, гора замерла пред горою.

И широкою, грозной, железной горой
По приказу царя войск раскинулся строй.

Из мечей и кольчуг, неприступна, могуча,
До небес пламенеющих вскинулась туча.

Заял место свое каждый конный отряд,
Укреплений могучих возвысился ряд.

Был на левом крыле, сильный в гневе немало,
Весь иранский отряд с разъяренным Дувалом.

Кадар-хан и фатфурцы, таящие зло,
Под знамена на правое встали крыло.

И с крылатыми стрелами встали гулямы, —
Те, чьи стрелы уверенны, метки, упрямы.

Впереди — белый слон весь в булате, за ним —
Сотни смелых, которыми Властный храним.

Царь сидел на слоне, препоясанный к бою.
Он победу свою словно зрел пред собою.

Краснолицые русы сверкали. Они
Так сверкали, как магов сверкают огни.

Хазранийцы — направо, буртасов же слева
Ясно слышались возгласы, полные гнева.

Были с крыльев исуйцы; предвестьем беды
Замыкали все войско аланов ряды.

Посреди встали русы. Сурова их дума:
Им, как видно, не любо владычество Рума!

С двух враждебных сторон коний вскинулся лес,
Будто остов земли поднялся до небес.

Крикнул колокол русов, — то было похоже
На индийца больного, что стонет на ложе.

Гром литавр разорвал небосвод и прошел
В глубь земли и потряс ужаснувшийся дол.

Все затмило неистовство тюркского ная,
Мышцам тюрков железную силу давая.

Ржаньем быстрых коней, в беге роющих прах,
Даже Рыбу подземную бросило в страх.

Увидав, как играют бойцы булавою,
Бык небесный вопил над бойцов головою.

Засверкали мечи, словно просо меча,
И кровавое просо летело с меча.

Как двукрылые птицы, сверкая над лугом,
Были стрелы трехкрылые страшны кольчугам.

Горы палиц росли, и над прахом возник
В прах вонзившихся копий железный тростник.

Ярко-красным ручьем, в завершенье полетов,
Омывали врагов наконечники дротов.

Заревели литавры, как ярые львы,
Их тревога врывалась в предел синевы.

Растекались ручьи, забурлившие ало,
Сотни новых лесов острых стрел возникало, —

Стрел, родящих пунцовые розы, и лал
На шипах каждой розы с угрозой пылал.

Все мечи свои шеи вздымали, как змеи,
Чтобы вражки рассечь беспрепятственно шеи.

И раскрылись все поры качнувшихся гор,
И всем телом дрожал весь окрестный простор.

И от выкриков русов, от криков погони,
Заартачившись, дыбились румские кони.

Кто бесстрашен, коль с ним ратоборствует рус?
И Платон перед ним не Платон — Филатус.

Но румийцы вздымали кичливое знамя
И мечами индийскими сеяли пламя.

Горло воздуха сжалось, Пред чудом стою:
Целый мир задыхался в ужасном бою.

Где бегущий от боя поставил бы ноги?
Даже стрелам свободной не стало дороги.

С края русов на бой, — зная, пришел его час, —
В лисьей шапке помчался могучий буртас.

Всем казалось: гора поскакала на вихре.
Чародейство! Гора восседала на вихре!

Вызывал он бойцов, горячил скакуна,
Похвалялся: «Буртасам защита дана:

В недубленных спокойно им дышится шкурах.
Я буртасовством славен, и мыслей понурых

Нет во мне. В моих помыслах буря и гром.
Я — дракон. Я в сраженья отвагой влеком.

С леопардами бился я в скалах нагорных,
Крокодилов у рек рвал я в схватках упорных.

Словно лев, я бросаю врагов своих ниц,
Не привык я к уловкам лукавых лисиц.

Длань могуча моя и на схватку готова,
Вырвать бок я могу у онагра живого.

Только свежая кровь мне годна для питья,
Недубленая кожа — одежда моя.

Справлюсь этим копьем я с кольчугой любовью.
Молвил правду. Вот бой! Приступайте же к бою!

И китайцы и румцы спешите ко мне!
Больше воска в свече — больше силы в огне.

«Ты того покарай, — обращался я к богу, —
Кто бы вздумал в бою мне прийти на помощь!»

Грозный вызов услышав, броней горя,
Копьеносец помчался от войска царя.

Но хоть, может быть, не было яростней схваток, —
Поединок двух смелых был молниеносно краток:

Размахнулся мечом разъяренный буртас, —
И румец с копьем своей жизни не спас.

Новый царский боец познакомился с прахом,
Ибо счастье владело буртаса размахом.

И сноситель голов, сам царевич Хиндй,
У которого ярость вскипела в груди,

Вскинул меч свой индийский и. блестящий шелком,
Вмиг сцепился, как лев, с разъярившимся волком.

Долго в схватке никто стать счастливым не мог,
Долго счастье ничье сбито не было с ног.

Но Хинди, сжав со злостью меча рукоятку
И всей вилой стремясь кончить жаркую схватку,

Так мечом засверкал, что с буртасовых плеч
Наземь голову сбросил сверкающий меч.

Новый выступил рус, непохожий на труса,
Со щитом — принадлежностью каждого руса.

И кричал, похваляясь, неистовый лев,
Что покинет он бой, всех врагов одолев.

Но Хиндй размахнулся в чудовищном гнев,
Час победы настал — вновь один был царевич:

Новый рус на врага в быстрый бросился путь,
Но на землю упал, не успевши моргнуть.

Многих сбил до полудня слуга Искендера.
Так порою газелей сбивает пантера.

Горло русов сдавил своим жаром Хиндй.
Нет, из русов на бой не спешил ни один!

И Хиндй в румский стан поскакал, успокоясь,
Жаркой кровью и потом покрытый по пояс.

Обласкал его царь и для царских палат
Подобающий рейцу вручил он халат.

И умолкли два стана, и пристальным взором
Вдаль вливались бойцы, что стояли дозором.

КИНТАЛ-РУС ПОРАЖАЕТ ГИЛЯНСКОГО ВОЖДЯ ЗЕРИВАНДА

Ранний кравчий предстал, и рубином вина
Окропил он всю землю; проснулась она,

И враждебные рати, поднявшие луки,
Вновь, сверкая броней, напрягли свои руки.

И пошли они в бой, и была не нова
Для любого охота на каждого льва.

Грозно колокол выл; не имели защиты
От него все умы и бледнели ланиты.

Волчьей кожи литавр так был грохот крылат,
Что терзал он сердца, что мягчил он булат.

Сотрясалась земля, обнаружили корни,
Заскакал небосвод, строй нарушился горний.

От эйлакцев помчался топочущий конь,
Гордый всадник на нем был, как быстрый огонь.

Весь в железе, кружился он по полю виром,
Злобным сердцем он схож был с крутящимся
миром,

И ждала с ним враждующих доля одна:
Погибать, будто смяты ногами слона.

Смелчаки оробели; никто с ним сразиться
Не хотел. Ото льва отвели они лица.

Час прошел... Из румийской срединны на бой
Черный двинулся лев за своею судьбой.

Конь бухарский, что слон. Громче рокотов Нила
Страшный голос бойца, — такова его сила.

И сказал он эйлаццу: «Взгляни, Ариман!
Солнце встало над миром. Растаял туман.

Чашу поднял я ввысь. Видишь, — участь в ней
ваша:
Алой кровью эйлакцев наполнена чаша».

Так промолвив, коню сильно сжал он бока,
Булавою тяжелой взмахнула рука.

И эйлакец, слоном бывший мощным и смелым,
Пал, сраженный мгновенно бойцом слонотелым.

Был раздавлен тяжелою он булавою, —
Прах насытился кровью его огневой.

Но эйлакец второй, что горе был подобен,
На крушителя гор мчался ловок и злобен.

Под ударом вторым он коснулся земли,
И немало других ту же участь нашли.

Черный лев опьянился врагов низверженьем.
Многих, сжатых броней, опьяненных сраженьем,

Раздробил булавою стремительной он,
Но и сам был врагом беспощадно сражен.

От намаза полудня до третьей молитвы
Все притихшие львы уклонялись от битвы.

Кровью печень опять закипела, и рок
Быстросменной судьбе дал отменный урок.

Мощный выехал рус: чье стерпел бы он иго?!
Щеки руса — бакан, очи руса — индйго.

Он являл свою мощь. Он соперников звал.
Он румийских воителей бил наповал.

Исторгавшая душу из вражьего тела,
Булава его всех опрокинуть хотела.

Стольких опытных бросил он в смертную тьму,
Что уж больше никто не бросался к нему.

И, когда грозный рус, незнакомый со страхом,
Славу Рума затмил в поле взвихренным прахом,

Он, сменив булаву на сверканье меча,
На китайцев напал и рубил их плеча.

И, подобный копью, он скакал горделиво.
Вслед за тем и копьем он играть стал на диво.

Но на бой от румийцев на гордом коне
Дивный выехал всадник в красивой броне.

В его стройном коне не орлиная ль сила?
Меч ли взял он с собой или взял крокодила?

Шелк — на шелковом теле, блистает кафтан,
Блеск лазури шелому булатному дан.

Джин мечтал о сраженьи, как будто о пире,
У копья его тяжкого — грани четыре.

Закричал он врагу, приосанясь в седле:
«Не желаешь ли тотчас уснуть на земле?!»

Пред тобой — Зериванд. Я посланец Гиляна.
Для меня лишь забава сразить Аримана!»

Лишь узрел его облик воинственный рус,
На устах своих горький почувствовал вкус.

«Перед ним, — он решил, — ничего я не значу.
Враг чрезмерно силен. Я утратил удачу».

Он коня повернул. Как степной ураган,
Он стремглав поскакал в свой воинственный стан.

Но копье в убежавшего всадника следом
Тотчас бросил гилянец, привыкший к победам.

И копье, пронизавшее спину, гляди:
На четыре ладони прошло из груди!

Но коня задержать оно все ж не сумело:
Конь доставил на место пробитое тело.

И столпились над телом айлакцы: оно
Словно распято было. И было дано

Всем взиравшим увидеть, что змей из Гиляна
Распинает могучих враждебного стана.

Опустились поводья. Ни рус, ни буртас
Не спешили на бой. Весь их пламень угас.

И, когда истомились войска ожидаьем,
Новый выступил рус. И, согласно преданьям,

Был сродни он Кинталу и звался Купал.
Зериванд перед ним тотчас грозно предстал.

Тяжко бились бойцы и звенели мечами,
И скрестились мечи огневymi лучами,

Но умелый гилянец, исполненный сил,
Все же голову вражью булатом скосил.

Так рубил Зериванд всех врагов несчастливых:
Скоро семьдесят русов легло горделивых.

Взор отважных бойцов нерешительным стал,
И на грозного льва рассердился Кинтал.

Шлем надел кипарис, застегнул он кольчугу,
И с мечом он к коню — к неизменному другу —

Поспешил и вскочил на него, как дракон,
И коня вскачь направил на недруга он.

И узрел Зериванд облик руса могучий.
И взревел он гремящею бурною тучей.

Два индийских мгновенно скрестились меча.
Эта схватка, как полдень, была горяча.

То гилянец был точкой, а битвенным лугом
Поскакавший соперник — стремительным кругом,

То Кинтал скакуна останавливал. Жар
Двух воителей рос. Лют был каждый удар.

Но друг друга сразить все ж им не было мочи.
С часа третьей молитвы сражались до ночи,

И настал должный срок. Царь могучих — Кинтал
Поднял меч, и гилянец сверкающий пал.

Был он сброшен Кинталом с седла золотого.
Больше не было льва дерзновенного, злого.

И был счастлив Кинтал завершением дня,
И к своим он погнал вороного коня.

Но не мог Искендер не изведать кручины:
Станет верный царевич добычею глины!

И сказал он о теле ушедшего в тьму,
Чтобы должный почет был оказан ему.

ДУВАЛ БРОСАЕТСЯ В БОИ

Жаркий тюрк иль султан, озаряющий дол,
Из Китайского моря на горы взошел,

И войска, в жажде вражьего смертного стона,
Что гора Бисутун, свои взвили знамена.

Туча в громах росла. Из обоих лесов
Каждый лев был на битву метнуться готов.

И как будто бы рев раздался крокодила,
И опять рдяной кровью земля забродила.

И с мечом и с колчаном, как слон боевой,
Появился румиец; взмахнул булавою,

Бросил клич, — отзовутся ль во вражеском стане,
Встал пред витязем рус в своем желтом кафтане.

Булавою размахнулся румийский боец,
И пришел его недругу быстрый конец.

И второй его враг стал добычею праха.
Всех врагов поражал с одного он размаха.

И алан прискакал. Он звался Ферендже.
Чтил он жбан, чтил он кровь на булатном ноже,

И, держа на плече свою палицу, разом
Он смущал всех бойцов, похищал он их разум.

Вскинул палицу рус, многомогуч, угрюм,
Вскинул палицу воин, являющий Рум.

Словно дверь отомкнула железные створы,
И меж створ бились воины, яростны, скоры.

И, когда неусталый постиг Ферендже,
Что стоит его враг на предсмертной меже,

Он смертельной своею взмахнул булавою,
И румиец на землю упал головою.

И алан, окровавив румийца чело,
Ввысь чело свое поднял. Изведавший зло

Многих лютых боев, битвы знающий дело,
Грозный витязь Армении, быстро и смело

Поражавший врагов, — тот, что был во главе
Всех армянских бойцов, достославный Шарве,

Меч свой быстрый взнеся, что с двумя острями,
Меч, прославленный многими злыми боями,

На алана погнал своего скакуна.
Из меча брызжет молния. Злобна она.

Понял рус: этот меч бьет и быстро и точно, —
И свой щит укрепил у предплечия прочно.

Но ударил Шарве, и вспорхнула, спеша
Из разломанной клетки, алана душа.

Но исуец-силач, страшный в гневе великом,
На Шарве тотчас бросился с пламенным ликом.

Много смелых ударов явить он сумел,
Но напрасно он был и находчив и смел!

Он пред сильным врагом поднял голову даром:
Эту голову враг сбросил быстрым ударом.

Появился подобный упавшей скале
Витязь русов — Джерем; стало тяжело земле.

Из железа и бронзы, покрытый резьбою,
На Джереме был шлем, призывающий к бою.

Был в кафтане он шелковом, плотном, тугом,
Блеск сверкающей ртути бросавшем кругом.

Этот лев, к вражьей крови безудержно жадный,
Налетел на Шарве, словно мир беспощадный,

Поднял руку, взмахнул он во всю ее ширь, —
И на землю армянский упал богатырь.

И Джерем на Шарве — где нашлась бы защита? —
Боевого коня вмиг направил копыта.

И холодною злостью, бросающей в дрожь,
Уничтожил он многих румйских вельмож.

И увидел Дувал, что свиреп этот воин,
Отрубатель голов, что он смерти достоин,

И убранство военное, быстрый и злой,
Он велел себе дать, чтобы ринуться в бой.

Скрыл он голову шлемом, что, дивно блистая,
Был прекрасным булатным твореньем Китая.

Взял он меч закаленный, обильный колчан,
Словно кудри кумира, в извивах, аркан.

И, коня облачивши в железные брони,
Устремился он в бой за победой в погоне.

Так сиял он лицом, к жаркой битве летя,
Будто это из школы спешило дитя.

И Джерем, увидав, как сияет он ликом,
Свое сердце увидел в смятении великом.

Но кому для возврата не видится врат,
Тот с погибелью сдружится, рад или не рад.

Он коня своего закружил вокруг Дувала,
И душа его к хитрым уловкам взывала.

И в игре они множество бросили слов,
Лишь на доброе слово был брошен покров.

И Дувал препоясанный, с боем освоюсь,
Порешил разрубить на противнике пояс.

Лезвием, что привыкло к подобным делам,
Он большую скалу расколол пополам.

Брат Джерема, что с ним прибыл на поле вместе,
Словно слон, разъяренный, возжаждавший мести,

На врага поскакал, но ударил Дувал, —
И он также нашел свой последний привал.

И дувала железного грозная сила
Еще много врагов многомошнных скосила.

Жаркий рус Джовдере, для которого лев
Был ничтожней овцы, — тот, чей страшен был гнев

Силачам, с ним схватившимся, грузный и тяжкий,
Даже сотням врагов не дававший поблажки,

На руках своих несший застывшую кровь
Многих смелых бойцов, крови жаждущий вновь, —

Затянул свой кушак и с мечом небывалым
Поскакал на сраженье с отважным Дувалом.

Их блеснули мечи, их расправилась грудь,
И для бегства закрылся спасительный путь.

Но хоть были удары и часты и яры,
Отражать эти двое умели удары.

И воззвал Джовдере к прежней мощи меча
И рассек шлем Дувала, ударив плеча,

И к челу лезвием прикоснулся над бровью.
Покачнулся Дувал, весь обрызганный кровью,

И, слабея от раны, лишаясь огня,
В стан румийский поспешно направил коня.

Он чело обвязал, быстро спешившись в стане.
И встревоженный царь, все узнавший о ране,

Приказал, мудролюба к Дувалу позвав,
Чтобы тот приготовил целебный состав

И беседой развлек и утешил Дувала,
Дабы верный Дувал стал таким, как бывало.

...Вот свой черный покров ночь повергла на стан,
И на месяц наброшен был синий аркан.

Вкруг шатров тихо встали дозорные; даже
Мошкам не было лёта от бывших на страже.

ПОЯВЛЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО ВСАДНИКА

Над зеленою солнце взошло пеленой,
Смыло небо индиго с одежды ночной,

И опять злые львы стали яростны, хмуры,
И от них погибать снова начали гуры.

Снова колокол бил, как веленье судьбы,
Снова кровь закипела от рева трубы.

Столько в громе литавр загремело угрозы,
Что всех щек пожелтели румяные розы.

И опять Джовдере появился; огнем
Он пылал, и усталости не было в нем.

И Хиндй, эту гору узрев пред собою,
На хутальском коне приготовился к бою.

И хоть много ударов нанес он врагу,
Бесполезно кружась на кровавом лугу,

Но, напрягши всю мощь и наморщивши брови,
Всей душою возжаждавши вражеской крови,

Снес он голову руса; упала она
Под копыта лихого его скакуна.

И, гарцуя, Хиндй звал врагов на сраженье,
Всем, спешившим к нему, нанося поражение.

Был прославленный муж. Его звали Тартус,
Восхваляя его каждый воинственный рус.

Этот красный дракон, быстрым пламенем рея,
Пожелал опрокинуть воителя Рея.

И помчался он в бой, громогласен и скор,
Как ревущий поток, ниспадающий с гор.

Оба крепко владели всем воинским делом,
Каждый в этом бою был и ловким и смелым.

Все ж был натиск Тартуса так лют и удал,
Что рассыпался прахом индийский сандал.

Кубок тела Хиндй он избавил от крови:
Лить вино, бить сосуды, — ему ль было внове?

«Я тот хищник, — сказал он, снимая свой шлем, —
Что всех львов повергает. — И молвил затем: —

Я слышу самым мощным и яростным самым,
Я был матерью назван всех русов Рустамом.

Ты, что хмуря чело, мнишь пролить мою кровь,
Ты себе не кольчугу, а саван готовь.

Не умчусь я, пока еще многих не скину
С их коней, не втопчу этих немощных в глину».

Пал отважный Хиндй. Нет отчаянью мер!
Извиваясь, как докон, стонал Искендер.

В бой хотел повернуть он поводья и строго
Наказать гордеца, но помедлил немного

И окрест поглядел: кто хотел бы за честь
Румских сил постоять и помчаться на месть?

И увидел: с мечом, разъяренно подъятым,
Скачет всадник, сверкая китайским булатом.

Он храбрец, он умело владеет конем,
А под ним черный конь ярим пышет огнем,

Весь в железе он скрыт, только рдеющий лалом
Сжатый рот его виден под тяжким забралом.

И, гарцуя, мечом заиграл он, и вот —
Стал на жаркую схватку ваирать небосвод.

И была длань безвестного дивно умела,
И Тартуса рука в страшной битве слабела.

И на руса направя стремленье свое,
Вскинул всадник меча своего лезвье, —

И врага голова от руки его взмаха
Пала наземь и стала добычей праха.

И, огнем своих глаз в пыльной мгле заблестев,
На безвестного новый набросился лев,

Но утратил он голову мигом. Немало
Еще новых голов наземь тяжело упало.

Сорок русов, подобных огромной горе,
Смелый лев уложил в этой страшной игре.

И коня цвета ночи погнал он, в рубины
Обращая все камни кровавой долины.

И куда бы ни мчал черногривого он, —
Разгонял он все воинство вражьих племен.

Кто бы вышел на бой? Горопливое жало
Неизбежною смертью врагам угрожало.

И смельчак быстроногому вихрю, — всегда
Поводам его верному, — дал повода.

Было сто человек в этой скачке убито,
Сто поранено, сто сметено под копыта.

Искендер отдавал восхищения дань
Этой мощи, и меч восхваляя и длань.

А наездник все бился упрямо, сурово.
Лил он пламя на хвост все снова и снова.

И, пока небосвод не погас голубой,
Не хотел он покинуть удачливый бой.

Но когда рдяный свет пал за синие горы
И смежил яркий день утомленные взоры,

И всклубившийся мрак захотел тишины,
И, от Рыбы поднявшись до самой Луны,

Затемнил на земле все земные дороги,
И пожрал, словно змей, месяц ясный двурогий, —

Дивный воин, ночной прекращая набег
И коня повернув, поскакал на ночлег.

Так поспешно он скрылся под пологом ночи,
Что за ним не успели взирающих очи.

И сказал Искендер, ему вслед поглядев:
«С сердцем львиным, как видно, сей огненный лев».

И, задумавшись, молвил затем Повелитель:
«Кто ж он был этот скрытый железом воитель?»

Если б смог я узреть этот спрятанный лик,
Мною спрятанный клад перед ним бы возник.

За народ в его длани я вижу поруку,
И мою своей силой усилил он руку.

Чем подобному льву я сумею воздать?
Да сияет над смелым небес благодать!»

ВТОРОЕ ПОЯВЛЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО ВСАДНИКА

Снова свод бирюзовый меж каменных скал
Вырыл яхонтов россыпь и свет разыскал.

И алан в поле выехал; биться умея,
Не коня оседлал он для боя, а змея.

Даже семьдесят сильных, воскликнув «увы»,
Приподнять не сумели б его булавы.

Он бойцов призывал. Не прибегнув к усилью,
Он всех недругов делал развеянной пылью.

Хаверанцев, иранцев и румцев на бой
Вызывая, он стал их смертельной судьбой.

Но вчерашний боец, с ликом, скрытым от взгляда,
Вновь на русов помчался из крайнего ряда.

Натянул тетиву он из кожи сырой,
И кольцо злого лука он тронул стрелой.

Не напрасно стрелу он достал из колчана:
Этой первой стрелой уложил он алана.

Распростерся алан, как индийский снаряд,
Со стрелою внутри... Засверкал чей-то взгляд, —

То с глазами кошачьими, брови нахмуря,
Новый рус мчался в бой, словно черная буря.

Изучил он все ходы всех воинских сил
И заплат на доспехи немало нашил.

И разыграл он мечом, словно молния в грозы,
Он в железе был весь, он был полон угрозы.

Он, уверенный в том, что не выдержит враг,
На коня вороного набросил чепрак.

Хоть он твердой душой был пригоден к победам,
Но войны страшный жар не был смелому ведом:

Ведь бойца ремесло изучал он в тиши
И не знал еще яростной вражьей души.

И дракон, пожелавший зажать его в пасти,
Разгадал, — у него этот воин во власти:

Больше нужного блещет оружия на нем,
И чепрак да броня лучше мужа с конем.

И сразил смельчака он ударом суровым,
И покров дорогой скрыл он смерти покровом.

Новый рус, препоясавшись, бросился в бой,
Но и он породнился с такой же судьбой.

Третий ринулся враг, но все так же без прока:
Пал он тотчас от львиного злого наскока.

Каждой новой стрелой, что слетала с кольца,
Дивный воин на землю бросал удальца.

Все могли его навык в борении взвесить:
Десять стрел опрокинуло всадников десять.

И опять незаметно для чьих-либо глаз
Он исчез в румском стане. И несколько раз

В громыхавших боях, возникавших с рассветом,
Он являлся, и все говорили об этом.

Скоро враг ни один, как бы ни был он смел,
Гнать коня своего на него не хотел.

От меча, что пред ними носился, блистая,
Исчезали они, словно облако тая,

И, не думая больше о бое прямом,
К ухищренью прибегали, раскинув умом.

РУСЫ ВЫПУСКАЮТ В БОЙ НЕВЕДОМОЕ СУЩЕСТВО

И жемчужину снова вознес небосвод
Из глубокого мрака полуночных вод.

Вновь был отдан простор и войскам и знаменам,
И опять все наполнилось воплем и стоном.

И над сонмищем русов с обоих концов
Подымался неистовый звон бубенцов.

И меж русов, где каждый был блещущий витязь,
Из их ярких рядов вышел к бою — дивитесь! —

Некто в шубе потрепанной. Он выходил
Из их моря, как страшный, большой крокодил.

Был он пешим, но враг его каждый охотней
Повстречался бы в схватке со всадников сотней.

И когда бушевал в нем свирепый огонь,
Размягчал он алмазы, сжимая ладонь.

В нем пылала душа, крови вражеской рада.
Он пришел, как ифрит, из преддверия ада.

Он был за ногу цепью привязан; она
Многовесна была, и крепка, и длинна.

И на этой цепи, ее преданный звеньям,
Он все поле мгновенно наполнил смятеньем.

По разрытой земле тяжело он сновал,
Каждым шагом в земле темный делал провал.

Шел он с палкой железной, большой, крючковойтой.
Мог он горы свалить этой палкой подъятой.

И орудьем своим подцепляя он мужей,
И, рыча, между пальцами мял он мужей.

Так был груб он и крепок, что стала похожа
На деревьев кору его твердая кожа.

И не мог он в бою, как все прочие, лечь:
Нет, не брал его кожи сверкающий меч.

Вот кто вышел на бой! Мест неведомых житель!
Серафимов беда! Всех людей истребитель!

Загребал он вонтелей, что мурашей,
И немало свернул подвернувшихся шей.

Рвал он головы, ноги, — привычнее дела,
Знать, не ведал, а в этом достиг он предела.

И целного вояки крутая рука
Многим воинам шаха сломала бока.

Вот из царского стана, могучий, проворный,
Гордо выехал витязь для схватки упорной.

Он хотел, чтоб его вся прославила рать,
Он хотел перед всеми с огнем поиграть.

Но мгновенье прошло, и клюка крокодила
Зацепила его и на смерть осудила.

Новый знатный помчался, и той же клюкой
Насмерть был он сражен. Свой нашел он покой.

Так вельмож пятьдесят, мчась равниною ратной,
Полегли, не помчались дорогой обратной.

Столько храбрых румийцев нашло свой конец,
Что не стало в их стане отважных сердец.

Мудрецы удивлялись: не зверь он... а кто же?
С человеком обычным несхож он ведь тоже.

И когда на лазурь грозно крикнула ночь
И сраженное солнце отпрянуло прочь,

Растревоженный тем, кто страшней Аримана,
Царь беседовал тайно с вельможами стана:

«Это злое исчадье, откуда оно?
Человеку прикончить его не дано.

Он идет без меча; он прикрылся лишь мехом,
Но разит всех мужей, что укрыты доспехом.

Если он и рожден человеком на свет,
Все ж — не в этой земле обитаемой, нет!

Это дикий, из мест, чья безвестна природа.
Хоть с людьми он и схож, не людского он рода».

Некий муж, изучивший всю эту страну,
Так ответом своим разогнал тишину:

«Если царь мне позволит, — в усердном гореньи
Все открою царю я об этом твореньи.

К вечной тьме приближаясь, мы гору найдем.
Узок путь к той горе; страшно думать о нем.

Там, подобные людям, но с телом железным,
И живут эти твари в краю им любезном.

Где возникли они? Никому невдомек
Их безвестного рода далекий исток.

Краснолики они, их глаза бирюзовы.
Даже льва растерзать они в гневе готовы.

Так умеют они своей мощью играть,
Что одно существо — словно целая рать.

И самец или самка, коль тронутся к бою, —
Судный день протрубит громогласной трубою.

На любое боренье способны они,
Но иные стремления им не сродни.

И не видели люди их трупов от века,
Да и все они — редкость для глаз человека.

Их богатство — лишь овцы; добыча руна
Для всего, что им годно, одна лишь нужна.

И одна только шерсть — весь товар их базара.
Кто из них захотел бы иного товара?

Соболей, чья окраска, как сумрак, черна,
Порождает одна только их сторона.

И на лбу этих тварей, велением бога,
Поднимается рог, словно рог носорога.

Если б их не отметил чудовищный рог, —
С мощным русом сравнится б любой из них мог.

Словно птицам большим, завершившим кочевья,
Для дремоты им служат большие деревья.

Спит огромное диво, как скрывшийся див,
В нависающий сук рог свой крепкий вонзив.

Коль взглядишься, к стволу подобраться не смея,
Меж ветвей разглядишь ты притихшего змея.

Сон берет существо это в долгий полон:
Неразумия свойство — бесчувственный сон.

Если русы, в погоне за овцами стада,
Разглядят, что в ветвях эта дремлет громада, —

Втихомолку собирают пастуший свой стан
И подходят туда, где висит Ариман.

Обвязав его крепко тугою веревкой,
Человек пятьдесят всей ватагою ловкой,

Вскинув цепь, при подмоге железной петли,
Тащат чудище вниз вплоть до самой земли.

Если пленник порвет, пробудившись от спячки,
Звенья цепи, — не даст пастухам он потачки:

Заревев страшным ревом, ударом одним
Умертвит он любого, что встанет пред ним.

Если ж цепь не порвется и даже укуса
Не изведает люди, — до области Руса

Будет он доведен, и, окованный, там
Станет хлеб добывать он своим вожакам.

Водят узника всюду; из окон жилища
Подаются вожатым и деньги и пища,

А когда мощным русам желанна война,
В бой ведут они этого злого слона.

Но хоть в битву пустить они диво готовы,
Все же в страхе с него не снимают оковы.

Узришь ты, лишь в нем битвенный вспыхнет запал,
Что для многих весь цвет светлой жизни пропал».

Услышав это все, Искендер многославный
Был, как видно, смущен всей опасностью явной,

Но ответил он так: «Древки множества стрел
Из различных лесов. Есть и сильным предел.

И, быть может, овеянный счастьем летучим,
Я взнесу на копье его голову к тучам».

ИСКЕНДЕР ДЕЙСТВУЕТ АРКАНОМ. НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПЛЕННИК ПРИНОСИТ ИСКЕНДЕРУ НИСТАНДАРЖИХАН

Белизною широкой покрылся восток,
А на западе сумрака скрылся поток.

И Властитель, рожденный на западе, снова,
Все войска разместив, ждал чудовища злого.

Были румцы на правом крыле, и отряд
Берберийцев за ними свой выстроил ряд.

А на левом крыле узкоглазых Китая
Встали многие сотни, щитами блистая.

Искендер был в середине. Как сумрачен он!
Конь хутальский под ним, будто яростный слон.

А бургасы на той стороне и аланы,
Словно львы, бушевали, взволнованны, рьяны.

С барабаном свой гул грозный колокол слал.
Над равниной в трубу затрубил Исафил.

От литавр, сотрясающих мир без усилия,
В скалах Кафа Симург растрепал свои крылья.

Но кричали литавры от страха: рога
Напугали их воем, пугая врага.

И войска с двух сторон свое начали дело, —
Для кого в этот день счастье с неба слетело?

И зловещий, в одежде своей меховой,
По равнине пошел, будто слон боевой.

От него смельчаки вновь не знали защиты:
Все свой бросили щит, все им были убиты.

Из толпы царских воинов, скрытый в броне,
Снова выехал витязь на черном коне.

Так огнем он сверкнул, меч свой вскинувши смело,
Что у жаркого солнца в глазах потемнело.

И узнал Искендер: это доблестный тот,
Что не раз выступал, сил румийских оплот.

И встревожился царь своим сердцем радивым:
Этот смелый столкнется с чудовищным дивом!

И подумал Владыка, тоской обуян:
Эту гордую шею свернет Ариман!

Стал наездник, уздою владевший на диво,
Вновь являя свой жар, вокруг ужасного дива,

Словно ангел, кружиться. Из века и в век
Небосвод вокруг земли так вот кружит свой бер!

Думал доблестный: первым стремительным делом
Передать свою силу язвительным стрелам,

Но, увидев, что стрел бесполезны рои,
Рассердился отважный на стрелы свои.

Он постиг: во враге грозных сил пренебыток,
И достал и метнул он сверкающий слиток.

Если б слиток подобный ударил в коня,
То коня не спасла бы любая броня.

Но, в гранитное тело с отчаяньем пущен,
Был о твердый гранит страшный слиток расплющен.

И огромный, увесистый слиток второй
Был спокойно отброшен гранитной горой.

Третий слиток такую ж изведал невзгоду.
Нет, песком не сдержать подступившую воду!

И, увидев, что слиток и злая стрела
Не чинят силачу ни малейшего зла,

Всадник взнес крокодила и с пламенем ярым
Устремился к дракону, дыхнувшему жаром.

Он пронесся, ударом таким наградив
Это чудо, что пал покачнувшийся див.

Но поднялся дракон, заревев из-под пыли,
И опять его пальцы железо схватили.

И нанес он удар изо всех своих сил,
И железным крюком смельчака зацепил,

И с седла его сдернул, и вот без шелома
Оказался носитель небесного грома.

И явилась весна: как цветка лепесток,
Был отраден румянец пленительных щек.

И не стал отрывать головы столь прекрасной
Поразившийся джин; сжал рукою он властной

Две косы, что упали с чела до земли,
Чтоб вокруг шеи наездницы косы легли,

И за узел из кос к русам радостным живо
Повлекло эту деву косматое диво.

И, когда был от румцев отъят Серафим,
С криком радости русы столпились пред ним,

И затем лютый лев к новой схватке горячей
Побежал. Разъярен был он первой удачей.

И, заслышав противников радостный шум,
В гневе скорчился шах, возглавляющий Рум,

И велел раздражить он слона боевого,
Наиболее мощного, дикого, злого.

И вожак закричал, и погнал он слона.
Словно бурного Нила взыграла волна.

Много копий метнул он в носителя рога
И с горящею нефтью горшков очень много.

Но ведь с нефтью горшки для скалы не страшны!
Что железные копы для бурной волны?!

И, увидев слона с его злыми клыками,
Удивленный воитель раскинул руками.

И, поняв, что воинственным хоботом слон
Причинить ему сможет безмерный урон,

Так он сжал этот хобот руками, что в страхе
Задрожал грозный слон. Миг — и вот уж во прахе

Слон лежит окровавленный; дико взревев,
Оторвал ему хобот чудовищный лев.

Схвачен страхом — ведь рок стал к войскам его
строгим
И румийцам полечь суждено будет многим, —

Молвил мудрому тот, кто был горд и велик:
«От меня мое счастье отводит свой лик.

Лишь невзгоды пошлет мне рука небосвода.
Для чего я тяжелого жаждал похода!

Если беды на мир свой направят набег,
Даже баловни мира отпрянут от нег.

Мой окончен поход! Начат был он задаром!
Ведь в году только раз лев становится ярым.

Мне походы невмочь! Мне постыли они!
И в походе на Рус мои кончатся дни!»

И ответил премудрый царю-воеводе;
«Будь уверенным, царь, в этом новом походе.

Ты удачу к себе вновь сумеешь привлечь:
И обдуман твой путь, и отточен твой меч.

Пусть в извилинах скал укрываются лалы, —
Твердый разум и меч проникают и в скалы!

Как и встарь, благосклонен к тебе небосвод.
Ты в оковы замкнешь сто подобных невзгод.

Хоть один волосок твой, о шах, мне дороже,
Чем все войско твое, но скажу тебе все же,

Что вещал мне сияющий свод голубой:
Если царь прославляемый ринется в бой,

То, по воле царя и благого созвездья,
Великан многомошный дождется возмездья.

Пусть груба его кожа, и пусть нелегка
Его твердая длань и свирепа клюка,

Пусть он с бронзою схож или с тяжким гранитом, —
Он — один, и на землю он может быть сбитым.

Не пронзит великана сверкающий меч.
Кто замыслил бы тучу железом рассечь?

Но внезапный аркан разъяренному змею
Ты, бесспорно, сумеешь накинуть на шею.

Хоть стрелой и мечом ты его не убьешь,
Потому что ты тверже не видывал кож,

Но, оковы надев на свирепого джина,
Ты убить его сможешь». Душе Властелина

Эта речь звездочета отрадна была.
Он подумал: «Творцу всеблагому хвала!»

И, призвав небеса, меж притихшего стана,
На хутальского сел он коня; от хакана

Этот конь был получен на пиршестве: он
Был в зеленых конюшнях Китая рожден.

Взял свой меч Искендер, но, о славе радея,
Взял он также аркан, чтоб схватить лиходея.

Он приблизился к диву для страшной игры,
Словно черная туча к вершине горы.

Но не сделали шага ступни крокодила:
Искендера звезда ему путь преградила.

И аркан, много недругов стиснувший встарь,
Словно обруч возмездья метнула государь, —

И петля шею дива сдавила с размаху,
И склонилась лазурь, поклонясь шаханшаху.

И, когда лиходея сдавила петля,
Царь, что скручивал дивов, сраженье не дая,

Затянул свой аркан и, рукой властелина
Волоча, потащил захрипевшего джина.

И к румийским войскам, словно слабую лань,
Повлекла силача искендерова длань.

И когда трепыхала лохматая груда
И пропала вся мощь непостижного чуда, —

Стало радостно стройным румийским войскам:
Их ликующий крик поднялся к облакам.

И такой был дарован разгул барабанам,
Что весь воздух плясал, словно сделался пьяным.

Искендер, распознав, сколь был яростен див,
Приказал, чтоб, весь мир от него оградив,

Ввергли дива в темницу; томилось немало
Там иных Ариманов, как им и пристало.

Увидав, что за мощь породил Филикус,
Был тревогой объят каждый доблестный рус.

Воском тающим сделался Руса властитель,
Возвеличился румского царства Хранитель.

И певцов он позвал, и для радостных всех
Растворил он приют и пиров и утех.

Внемя чангам, он пил ту усладу, что цветом
Говорила о розах, раскрывшихся летом.

И веселый Властитель, вкушая вино,
Славил счастье, что было ему вручено.

Под сапфирный замък ночь припрятала клады,
И весы камфары стали мускусу рады.

Все вкушал Искендер сладкий мускус вина,
Все была так же песня стройна и нежна.

То склонялся он к чаши багряным уладам,
То свой слух услаждал чанга сладостным ладом.

И, склоняясь к вина огневому ключу,
Он дарил пировавшим шелка и парчу.

И, пируя, о битве желал он беседы:
Про удачи расспрашивал он и про беды.

И сказал он о всаднике, скрытом в броне
И скакавшем, как буря, на черном коне:

«Мне неведомо: стал ли он горестным тленом,
Иль в несчастном бою познакомился с пленом?»

Если он полонен, — вот вам воля моя:
Мы должны его вызволить силой копья,

Если ж он распрощался с обителью нашей,
То его мы помянем признательной чашей».

И, смягчен снисхожденьем, присущим вину,
Он припомнил о тех, что томятся в плену,

И велел, чтоб на пир, многолюдный и тесный,
Был доставлен в оковах боеу бессловесный,

И на пир этой смутной ночью порой
Приведен был в цепях пленник, схожий с горой.

Пребывал на пиру он понуро, уныло.
Его тело в цепях обессилено было.

Он, лишь только стеная, сидел у стола,
Но ему бессловесность защитой была.

Слыша стон человека, лишённого речи,
Царь, нанеший ему столько тяжких увечий,

Смявший силой своей силу вражеских плеч,
Повелед с побежденного цепи совлечь.

Благородный велел, — стал плененный свободным,
А вреда ведь никто не чинит благородным.

Обласкал его царь, вкусной подал еды,
Миновавшего гнева загладил следы.

Он рассеял вином несчастливца невзгоду,
Чтоб душа его снова узнала свободу.

И злодей, ощутив милосердия сень,
У престола простерся, как тихая тень.

Хоть к нему подходили все люди с опаской, —
Признавал он того, кто дарил его лаской.

Вдруг, никем не удержан, мгновенно вскочив,
Из шатра убежал этот сумрачный див.

И в ответ всем очам, на него устремленным,
Миродержец промолвил своим приближенным:

«Стал он волен, обласкан, стал вовсе не зол,
Пил с отрадой вино, — почему ж он ушел?»

Но мужи, отвечая Владыке, едва ли
Объяснение всему надлежащее дали.

Молвил первый: «Степное чудовище! В степь
Он помчался. Ведь сняли с чудовища цепь».

«Опьяненный вином, — было слово второго, —
Он решил, что к своим проберется он снова».

Царь внимал говорившим с умом иль спроста,
Но свои им в ответ не раскрыл он уста.

Все он ждал, как бы внемлющий звездному рою:
Синий свод удивит его новой игрою.

И вернулся беглец в его царственный стан,
На руках поднимая Нистандаржихан.

На ковер положил он ее осторожно
И поник, — мол, службу я Владыке не ложно.

И, Владыке оставив китайский кумир,
Он исполнил поклон, и покинул он пир.

Государь изумился: он видел не змея, —
Он узрел изумруд, верить взору не смея.

Но рабыня, являя застенчивый нрав,
Скрыла розовый лик под широкий рукав.

Увидав, что светило в шатре засияло,
Царь велел, чтобы в нем пиروвавших не стало.

И, желая увидеть нежданную дань,
Царь с лица ее снял прикрывавшую ткань.

И, узрев этот лик, он постиг, что напасти
К сердцу шаха спешат: он у Солнца во власти.

В этой темной ночи он увидел перы.
Опьяненная! Нежная! Отсвет зари!

Дева рая из черного адского стана!
От Малика бежавшая к розам Ризвана!

Кипарис, полный свежести! Розовый цвет
Раздающая розам, их просьбам в ответ!

Каждый взор ее черный — сердце похититель.
Не один ее взором сражен небожитель.

А уста! Из-за них в шумной распре базар!
Сколько сахара в них! Верно — целый харвар!

В этой розы объятых забудешь кручины,
Потому что они не объятая, — жасмины.

И, увидев подарок, врученный судьбой,
Царь как будто кумирню узрел пред собой.

Хоть он видел рабыню, но, нежный, довольный,
Счел себя он рабом той, что сделалась вольной.

О рабыня! Сам царь стал рабыне рабом!
Могут розы мечтать о Всевластном любом.

Царь узнал китайку. Красив был и ярко
Обретенный в Китае хакана подарок.

Удивленный, он понял, что это она
Побеждала отважных, гоня скакуна.

Как ушла из гарема! Как билась красиво!
Как вернулась! Все это — не дивное ль диво?

И сказал он прекрасной китайской рабе:
«Сердце шаха утешь. Все скажи о себе!»

И пред шахом счастливым, красою блистая,
Кротко очи потупила роза Китая,

И молитву о шахе она вознесла:
«Да вовеки венец твой не ведает зла!»

Чтоб создать властелина сродни Искендеру,
Бог не глину берет, — правосудье и веру.

Пламень славы твоей очевидней, чем свет.
Благотворное счастье твой светлый привет,

Благодатному дню ты даруешь начало.
Солнце светом твоим в небесах заблестало.

Венценосцы в лазурь свой возносят венец,
Но не каждый увенчанный — мощный боец.

Ты ж, вознесший венец, озаряемый славой,
Ты и меч свой возносишь победный и правый.

На пиру, говоришь ты, — я милую мир,
А в бою удивляешь ты силою мир.

Ты — источник живой. И теперь это зная,
Лишь молчать я могу. Я ведь только земная.

Нежный вздох, государь, не проникнет сюда.
Ведь, проникнув, растаяла бы он от стыда.

У меня — черепки; не сверкает алмазом
Мой рассказ; не смущу тебя длительным сказом.

Я — рабыня. Я — с ухом проколотым, но
Никому было тронуть меня не дано.

Обо мне ведь промолвил властитель Китая:
«Вот лаптец, в нем жемчужин скрывается стая...»

Но царю не понравились эти слова.
На меня, полный гнева, взглянул он едва.

И царем позабытая, прёзрена всеми,
Я безмолвно укрылась в царевом гареме.

Огорченная горькой, неожиданной судьбой,
Не прельстивши царя, я направилась в бой.

В первой схватке, по счастью царя Искендера,
Мной была против недругов найдена мера.

Во второй — не напрасно гнала я коня:
Сбила всех, что с мечами встречали меня.

Но затем, обольщенная днем несчастливим,
Я была сражена и похищена дивом.

Это был не воитель, а злой крокодил.
Пламень божьего гнева его породил.

Не предав меня смерти, из тяжких объятий
Он меня тотчас передал вражеской рати.

Будто молвил он русам: для царских палат
Под замком берегите мной найденный клад.

Вновь он в поле пошел: вновь пошел он в сраженье,
Чтоб румийским слонам нанести поражение.

Но когда румский царь, многомошный, как слон,
Во мгновенье слону предназначил полон,

Я, ликуя от шахской великой победы,
Вознесясь до небес, позабыла все беды.

Но, узрев, что свирепых ты ловишь в силоч,
Что аркан твой летит, как стремительный рок,

Я еще огорчалась: повлек для полона, —
Не для смерти в свой стан ты немого дракона.

Все ж, подумала я, не гуляет в степи
Злобный див, а на крепкой сидит он цепи.

В души русов проникли печалей занозы,
Стали желтою мальвой их рдяные розы.

И, когда сумрак ночи, всю землю поправ,
Словно гуль, проявил свой озлобленный нрав,

Словно гулю, связали мне руки и ноги
И в затвор поместили, потайный и строгий.

Хмурый воин меня снарядился стеречь.
Мне грозила бедой его темная речь.

Но с полночи прошло, и слышались крики.
До темницы моей шум домчался великий.

Налетела мгновенная туча, — о ней
Не дожди возвестили, а град из камней.

И вопил и стонал стан взволнованный вражий,
И в испуге бежали полночные стражи.

И голов без числа страшный див отрывал,
И метал их в бойцов. Рос чудовищный вал

Обезглавленных тел. На растущие горы
Из кровавых голов устремляла я взоры.

И ворвался ко мне мощью дышащий див
И порвал мой узы. Меня подхватив,

Он доставил меня к Искендера престолу:
Он от Рыбы вознес меня к лунному долу.

Я в темнице была, словно спрятанный клад,
Но теперь я познаю немало услад.

Ведь шелкам должно быть на прельстительном
Разве сладостной женщине место в зиндане?^{стане,}

Все, о чем я мечтала, явилось ко мне,
Или все, что я вижу, — я вижу во сне?»

И умолкла перй. Восхитился Великий:
Расцвели, словно розы, ланиты Владыки.

Он, к колечку Луны прикоснувшись едва,
Моавил тонкие, словно колечко, слова:

«О нежнейшая роза, не знавшая пыли,
Все бои твои богом овеваны были.

Повлекла за собою ты душу мою:
Ты на пире — парча, ты прекрасна в бою.

Я в боях тебя видел сражавшейся смело
И конем распаленным владевшей умело.

Но и здесь что приманчивей взоров твоих?
В день войны, в час утех ты поокрасней дружил.

Я под пару тебе. Вот и чанг. Что чудесней,
Чем утешить свой слух твоей сладостной песней!»

Звонкий чанг лунолика в руки взяла.
Лук из тополя был, из него же — стрела.

Избрала она лад, призывавший к усладам,
Пехлевийскую песню сплетя с этим ладом:

«О взошедший на трон, всех великих поправ!
Необъятен твой разум и светел твой нрав!

Ты с челом своим юным — отрада для взора.
Сердце светлое шаха не знает укора.

Ты в решеньях велик, ты с удачей всегда.
Ты, куда ни приходишь, берешь города!

Властелина душа отдохнуть захотела.
Нет греховных желаний у царского тела.

По каким бы путям ты ни вел свою рать,
Пусть горит над Великим небес благодать!

Да течет небосвод по цареву желанию!
Да поникнет весь мир под румийскою дланью!»

А затем о заветном запела она.
В сладкой песне тоска ее стала слышна:

«Расцвело деревцо за оградой сада,
И возникшим цветам деревцо было радо.

Только роза спала; был не вскрыт ее лал,
И нарцисс на лугу еще сладко дремал.

И в сосуде вино не пригублено было:
Видно, жаждающих сердце о нем позабыло.

Сад надеялся: кончит с охотою царь
И придет к нежной розе с охотою царь.

Эту розу сорвет он весною счастливой,
Он тюльпаны увидит и взглянет на ивы.

Неужели царю вовсе времени нет
Поглядеть на цветы, на их пышный расцвет?

Завились лепестки, грусть в их каждом завое,
Но в осенние дни им грустней будет вдвое.

Ветер осени лют, обуял меня страх:
Все мои лепестки обратит он во прах.

Слыша песню рабыни, хватающей сердце,
Царь охвачен был страстью, сжигающей сердце.

Сладкий стон ее чанга — о сладостный клик! —
Возвещал, что красив ее сладостный лик,

Что ее красноречье являет желанье,
Чтоб возникло в царе огневое пыланье.

Но, проникнув душой в чанга звучную речь,
Не дал Властный себя вождельням увлечь.

Был разумен Воитель: уместна ль истома?
Уцелевших врагов он желает разгрома.

И велел он вина принести, а припас
На дорогу оставил: придет его час.

Златозвонную чашу он выпил за деву,
Столько сладостной неги придавшей напеву.

После — чашу спасенной от вражьиx цепей,
Сладкоустой он подал и вымолвил: «Пей!»

Повелела она своему поцелую
Осветить эту чашу, — затем золотую

Отдала шаханшаху. Рукою одной
Брал он чашу. Ласкал ее кудри — другой.

То с нежнейшим лобзаньем склонялся он к чаше,
То к Луне, что была всех возлюбленных краше.

Чтил он чин сластолюбцев: он знал благодать
Мед лобзаний чредой с горьким хмелем вкушать.

И, уста усладив чашей сладостной винной,
Предались они дреме сладчайшей, невинной.

И в приюте услад, в окружении гроз,
Лишь лобзанья одни не страшились угроз.

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ ИСКЕНДЕРА С ПЛЕМЕНАМИ РУСОВ

Дай мне, кравчий, ту амбру, что старый дикхан
Цветом крови окрасил! Да будет мне дан

Алой свежести цвет! Я мечтаю о веском,
Ярком слове, одетом живительным блеском.

Лишь рассвета войска знамя подняли, — свет
Зачеркнул слово ночи, и, солнцем согрет,

Мозг земли, позабыв о полуночной власти,
Пробудился, чтоб в мире зажечь его страсти.

Птица утра кричала над ширью земной, —
Так под солнцем кричит воспаленный больной.

Царь очнулся, но сердца не отдал тревоге.
Встал он, чистый душою, на божьем пороге.

Он в чертоге молитвы в поклоне поник.
Он своих славословий проверил язык.

Вознесясь всей душой за адемские рощи,
Он помощи просил, он испрашивал мощи.

И, на бой снаряжаясь, исполненный сил,
За кольчугу он полы свои заложил.

Укрепили престол над словесной попоной,
Обнажили мечи на равнине зеленой.

И войска, как во все предыдущие дни,
Разместил государь. На равнину взгляни:

Волны румских рядов, как булатное море,
Мощный замок воздвигли на грозном просторе.

И к булатному замку не стало пути:
Даже пыль меж бойцов не смогла бы пройти.

Все обдумавший рус не разрозненным роем
Растянул свою рать, а рассчитанным строем.

Бубенцы загремели среди кутерьмы
Громких криков, и гневом вскипели умы.

Так сверкали мечи, так металась огнями,
Что с трудом храбрецы управляли конями.

Звуком лука окутан был гуакий простор,
Свист неистовых стрел несся в области гор.

Черепя разлетались под злой булавою,
И над каждой взлетала она головою.

Прытко падала палица; в горестный цвет
Небосвод облакался, стenanьям в ответ.

Так звенели клинки — муравьиные крылья,
Что и крылья орлов их страшились наснабя.

Чаши копий, склоняемых снова и вновь,
Проливали на стяги пунцовую кровь.

Все копыта коней стали словно рубины.
Потники зааделали и конские спины.

Копья множество звезд зажигали в щитах,
И сомкнув все щиты неожиданный страх.

Слитков тягостных рой так был грозен и пылок,
Что земля стала тьмой погребальных носилок.

Был снесенем голов каждый меч обуян.
За тюльпаном в пыли рос кровавый тюльпан.

Как двужалые стрелы, смертельное жало
В грудь направленных копий тела прощивало.

И, сжимаемый в длани поспешный кинжал,
Словно яростный змей, много жизней стяжал.

Сколько мертвых легло на дороге булата!
Не земля ль в судный день мертвецами разъята?

И казалось, что русы всем гибель несут,
Всем румийцам последний назначили суд.

С мощью русов смешалась румийская сила,
Как на лице невесты бакан и белила.

Искендер был в бою, словно слон боевой.
Он метал во врага дротик яростный свой.

Он сверкал, словно слон, потрясающий брони,
Он кипел, словно лев, в яром вихре погони.

Это слон, пред которым робеют слоны.
Это лев, для которого львы не страшны.

Он, вращая мечом над главами, плечами,
Обезглавливал тех, что вращали мечами.

Знамя черное взвив, аббасидская власть
Черным камнем смогла на буртасов упасть.

Царь, вонзая в коня заостренное стремя,
Бил мечом и разил мощных недругов племя.

Для разгрома врага ждал он должной поры:
Выйдет счастья звезда из-за темной горы.

Исчисляя созвездья царя Искендера,
Не бросал звездочет своего угломера.

Разгадав, что в грядущем не кроется туч
И что меч шаханшаха — сокровищницу ключ, —

Он сказал Искендеру: «К последнему бою
Устремляйся. Победа, о царь, за тобою!»

Закипел государь, как взволнованный Нил,
Наземь славу врага, закипев, уронил.

Стал он огненным змеем, который во власти
Всех врагов своих сжать в огнедышащей пасти.

Искендер новой славой увенчанным стал,
Испытал поражение могучий Кинтал.

Искендер своих войск неуклонным напором,
Непредвиденным, жарким, стремительно скорым,

В бегство бросил врага. Покорившийся мир
Дал царю Искендеру господства потир.

Искендер, проскакав над кровавой землею,
Стиснул шею Кинтала аркана петлею.

Много пота в бою каждый румец извел
И в отместку теперь в кровь окрашивал дол.

Столько шей разрубили мечом безучастным,
Что бакан расхотел быть приманчиво красным.

Из буртасов и русов, по слову певцов,
Десять тысяч пленили храбрейших бойцов,

Пали прочие в битвах. А славы достойны
Были все! Неизбежно безжалостны войны!

Иль стрела или меч их прикончили дни.
Уцелели немногие: скрылись они.

Нет, не столько добычи пришлось Искендеру,
Чтобы люди смогли указать ее меру!

Нес верблюдов за верблюдом, качаясь, пыля,
Жемчуг, золото, лаалы, камку, соболя.

Царь врага одолев. Как всегда, как бывало,
Словно роспись красивая, все засверкало.

Царь на землю сошел с боевого седла.
Царь довел до конца боевые дела.

И опять перед божьим поник он порогом:
Он — ведь только лишь прах. Все содеяно богом.

И, когда всеблагодару вознес он хвалу,
Он дары положил в неимущих полу.

Нет грозящих врагов! Нет веселью преграды!
Царь возжаждал покоя, возжаждал улады.

ОСВОБОЖДЕНИЕ НУШАБЕ И ПРИМИРЕНИЕ ИСКЕНДЕРА С КИНТАЛОМ

Кравчий! Чашу! К жемчужинам чаши припав,
Я солью с ними сердца им сродный состав.

Влаги! Сохнет мой дух от вседневной отравы.
Жду: булатом булат очищается ржавый.

□ □ □

Тем, кого породил славный царь Филикус,
Был буртас остановлен и сдержан был рус.

И сыскал Искендер тот простор для привала,
Где земля и отраду и силы давала.

Там прекрасней Тубы были сени древес,
Там густы были травы под синью небес.

Там ручьи, как вино, были сладостны летом,
Но они не таились под строгим запретом.

Там, тенистым узором сердца веселя,
Измурдные сети сплели тополя.

Там деревья высоко взнесли свои своды:
Их вскормил свежий воздух, вспоили их воды.

Меж древес, где всегда благодатны пиры,
Для Владыки румийские стлали ковры.

И, когда принесли всё, что надо для пира,
Сел с царями за пир царь подлунного мира,

И когда пированьем украсился луг,
И вокруг снеди замкнулся пирующих круг, —

Приказал государь принимавшим добычу
Сдать немедля добычу считавшим добычу,

Чтоб о множестве кладов, о ценных мехах,
О буртасах, аланах, о всех племенах

Доложили ему, чтоб хотя бы примерным
Была подсчет всем сокровищам, столь
беспримерным.

И огромный воздвигли носильщики вал,
Груды ценной добычи неся на привал.

Будто жадными тешась людскими сердцами,
Раскрывались, блистая, ларцы за ларцами.

И камня, которых нельзя было счесть,
О себе всем очам тотчас подали весть.

Тут и золото было, и были в избытке
Серебра драгоценного лунные слитки,

Хризолиты, финифть, золотые щиты.
Сколько лучших кольчуг! Нет, не счесть бы их ты!

Словно на гору Каф мог ты вскидывать взоры,
Полотна с миткалем видя целые горы.

Был прекрасен зербафт, на котором шитье
Золотое вело узорчье свое.

Соболей самых темных несли отовсюду
И бобров серебристых за грудую груду.

Горностая, прекраснее белых шелков,
Были сложены сотни и сотни тюков.

Серых векш — без числа! Лис без счета багровых,
И мехов жеребятчих, для носки готовых.

Много родинок тьмы с бледным светом слились:
Это мех почивален; дает его рысь.

Кроме этих чудес, было кладов немало,
От которых считающих сердце устало.

Царь взглянул: нет очам прихотливей утех!
Как в Иране весна — многокрасочный мех.

Цену меха узнав, царь промолвил: «На что же
Служат шкуры вон те, знать хотел бы я тоже?»

Соболиных и белых множество шкур
Царь узрел; был их цвет неприветливо бур.

Все облезли они, лет казалось им двести,
Но на лучше они были сложены месте.

Шах взирал в удивлении: на что же, на что ж
Столько вытертых шкур и морщинистых кож?

«Неужели они, — он спросил, — для ношенья,
Иль, быть может, все это — жилищ украшенья?»

Молвил рус: «Из потрепанных кож, государь,
Все рождается здесь, как рождалось и встарь:

Не смотри с удивленьем на шкуры сухие.
Это — деньги, и деньги, о царь, неплохие.

Эта жалкая ветошь в ходу и ценна.
Самых мягких мехов драгоценней она.

Что ж, дивясь, обратился ко мне ты с вопросом,
Купишь всё малой шкурки куском безволосым.

Пусть меняет чеканку свою серебро,
Там, где все, что прошло, мигом стало старо, —

Шерсть ни нá волос эта не стала дешевле
С той поры, как была в дело пущена древесля.

Государь поразился: какая видна
Здесь покорность веленьям! Безмерна она.

Он сказал мудрецу: «Усмиряя все свары,
Силе шахов повсюду способствуют кары,

Но у здешних владык больше властности есть:
Эту кожу велели сокровищем счесть!

Из всего, что мое здесь увидело око,
Это — лучшее. Это ценю я высоко.

Если б этой жемчужины не было здесь,
Кто б служил тут кому-либо? Это ты взвесь.

Ведь иначе никто здесь не мог бы быть шахом.
Шах тут — шах. В этом все. Шах тут правит
не страхом.

Увидав, что сокровищам нету конца,
Искендер за даянья восславил творца,

И, прославив творца бирюзового крова,
Он застольную чашу потребовал снова.

Услаждаясь вином, струнный слушая звон,
Словно туча весной, щедрым сделался он.

Тем вождям, что в боях были ловки и яры,
И парчи и сокровищ он роздал харвары.

Он им золота дал. Он был так тороват,
Что дарил он вождям за халатом халат.

Не осталось плеча, что не тешило взора
Алым бархатом, золотом златоузора.

Бессловесного жителя дальних степей
Царь призвал, — и свободно без прежних цепей

Подошел этот мощный степняк однорогий,
И царю, как и все, поклонился он в ноги.

И смотрел Искендер на врага своего:
Непонятное он изучал существо.

И немало сокровищ, отрадных для взгляда,
Он велел принести и парчи для наряда.

Но мотнул головою безмолвный степняк, —
Мол, они не нужны, проживу, мол, и так.

Он, потупившись, голову бросил овечью
Перед шахом: владел он безмолвия речью.

Понял все государь: чтобы пленный был рад,
Повелел он из лучших, отобранных стад

Дать овец великану, и принят был дивом
Этот дар, и казался безмолвный счастливым.

И погнал он овец в даль родимой земли,
И с гуртом пышнорунным исчез он вдали.

А лужайка полна была мира и блага,
И сверкала по чашам багряная влага,

И на душу царя взяли струны права,
И блаженно сняла над ним синева.

И когда от вина цвета розы вспотели
Розы царских ланит и в росе заблестели,

Шаха русов позвал вождь всех воинских сил
И на месте почетном его усадил.

Вдел он в ухо Кинтала серьгу. «Миновала, —
Он сказал, — наша распря; ценю я Кинтала».

Пленных всех он избавить велел от оков
И, призвав, одарил; был всегда он таков.

В одиночку ли тешиться счастьем и миром!
Пожелал Нушабе он увидеть за пиром.

И к Светилу полдnevному тотчас Луну
Привели, — и Луну привели не одну:

С ней пришли и кумиры, познавшие беды, —
Мотыльки — радость глаз и услада беседы.

Царь убрал Нушабе в жемчуга и шелка.
Как зарю, что весеннего ждет ветерка,

Дал ей много мехов, лалов с жемчугом вместе.
Вновь прекрасная стала подобна невесте.

Царь был несколько дней с ней, веселой всегда,
А когда пированья прошла череда,

Длань царя: сей Луной одаряя Дувала,
Вмиг Дувала ремень вокруг нее завязала.

Поднеся новобрачным жемчужный убор,
Царь своею рукою их скрепил договор.

Он в Берду их направил, в родимые дали,
Чтоб за зданьями зданья они воздвигали.

Чтоб дворец Нушабе стал прекрасен, как встарь, —
Без подсчета казны им вручил государь.

В путь отправив чету, всем вождям своим сряду
Дал за трудный поход он большую награду.

Сговорившись о дани, могучий Кинтал
В ожерелье, в венце в свой предел поспешал.

Он, вернувшись в свой город, не знавший урона,
Вновь обрадован был всем величием трона.

Он, признав, что всевластен в миру Искендер,
Каждый год возглашал на пиру: «Искендер!»

А румиец, чьему мы дивились величию,
То за чашей сидел, то гонялся за дичью.

Он в тени тополей, он под листьями ив
Слушал най, к сладкой чаше уста приложив.

Славя солнечный свет, ликовав он душою
И, ликуя, вино пил с отрадой большою.

Счастье, юность и царство! Ну кто ж от души
Не сказал бы счастливцу: к усладам спеши!

ИСКЕНДЕР И НИСТАНДАРЖИХАН

Кравчий! Огненной влаги налей в черепок
Желтый, словно солома! Ведь каждый глоток

Этой влаги умчит из пристанища праха
Все томленья души, полной скорби и страха.

□ □ □

Ночь прекраснее дня, ночь тиха и ясна.
Ярче ясного солнца сияет луна.

И над всем, что поспешным покорствует годам,
Стала ночь изумрудным возвышенным сводом,

И слова, что сулят светлый день или гром,
Звезды в купол вписали своим серебром.

Но писец, прочитавший все эти реченья,
От житейских сует захотел отреченья.

Для чего ты страдаешь, премудрость гоня?
Ведь себе не прибавишь ты лишнего дня!

Мир не стоит скорбей! Признавай лишь веселье!
Если создан дворец, — в нем справляй новоселье.

Для отрады даны нам земные еады,
Не для гнета они, не для тяжкой нужды.

Не держись этих мест! Ждать не следует чуда:
Нет вселенной конца, и уйдешь ты отсюда.

Принеси же вина! Станем радостны с ним.
То, что радостно нам, — дай с отрадой другим.

Удалось «вчера», «завтра» где-то за гранью,
Одари этот вечер веселости данью.

Будем вечером радостны, после — уснем,
Ну, а завтра займемся мы завтрашним днем.

Коль беды еще нет, — не влекни себя к скорби,
За пирушкою стань свой в печали же горби:

Ведь вино веселит всем печалям на зло.
Уж такое вино суждено ремесло.

Почему ж тебя думы к печали помчали,
Почему ты все годы проводишь в печали?

Брось печалющий мир! Я тебя обману ль?
Ценность мира — ничто, его прибыли — нуль.

Все стоянки пройдем, все отринем дороги,
А не то под слоновьи повергнемся ноги.

Всё, что после пропьют, — лучше сами пропьем.
Всю приманку воров мы с собой унесем.

Лишь одни ты поклажи имей кочевые,
Что с собой унести все сумеют живые.

Чтоб воров не встречать в тьме житейских путей,
Или тех, что желают от нас податей.

Все бездомным раздай. Кто ограбит беднягу?
Ведь к нему даже сборщик не сделает шагу.

Тот, кто должен десятую долю отдать,
Все у нищих берет, как полунощный тать.

Мужа древнего замысел очень похвален:
Он впервые свой клад поместил меж развалин.

Для чего сберегаем накопленный клад,
Если в лете годов нет не павших оград?

Что же! Вспомни опять о веселье, о пире!
Хоть бы ночь провести, кей-кобадствуя в мире!

Как отрадно в пирах проводить вечера!
Так же «завтра» мелькнет, как мелькнуло «вчера».

Так от них отведи свои светлые мысли,
Чтоб суеты опять над тобой не нависли,

И к тому, что отрадно, стремись напрямик,
Чтоб не зря промелькнул каждый радостный миг.

Так возрадуем сердце, но, радуясь, все же
Не забудем, что буйство для нас непригоже.

Хоть бы миг из благого сокровища дней
Бросить скорби! Ну, нет! Позабудем о ней!

Ты отрадно дыши, радость мира вдыхая,
Иль она промелькнет, навсегда потухая.

Раскошешься, чтоб жить, все печали разя.
За ничто ведь купить тебе радость нельзя.

Из-за денег сердиться тебе не пристало.
Ты живи — ну, а денег хоть вовсе б не стало!

Жадно мир не хватай, ты уйдешь далеко.
Всем вцепившимся в мир умирать нелегко.

За бездумные дни не внимай укоризне.
Тем легко, кто бездумно относится к жизни.

Ночь пленительна. Блеск мирозданья блажен.
В этой блестящей мгле миг свиданья блажен.

□ □ □

К золотому издelyю склонившийся, снова
Мастер в золото вправил жемчужины слова:

Искендерова чаша была не пуста —
Ночью с милой он был; славила милой уста.

Нежно чашу давал он устам ее алым,
Словно раб, служа с усердьем немалым.

И к прекрасной клоня кипарисовый стан,
То тюльпан он давал ей, а то аргаван.

И пушок его розы с томительной силой
Веял амброй на розу ланит его милой.

Нет, не только победой сиял его взор:
Осчастливила милая царский шатер.

В свой приют пригласив молодую подругу, —
Ту, что шла, как перй, по подлунному лугу,

Царь очистил шатер. Только блеск ее глаз...
Только песня вдали... Только слышится саз...

На челе у перй — украшений пыланья.
Взор прекрасной перй был исполнен желанья.

Были милой уста, как багряный гранат,
Сладкий сыпал язык лишь один табарзад.

Узкий взор грабил сердце; он ловким был вором.
И разбойничал рот, грабя чанг разговором.

Оплетавшая косы жемчужная сеть
Вплоть до самой земли пожелала висеть.

Радость пиршества! Чангу дающая звуки!
Ты попалась, прелестница, в шахские руки!

Царь велел — и, придав чангу правильный лад,
Разбросала Луна жемчуг, полный услад:

«Эта ночь хороша! Это — ночь обновленья!
Царь счастливой звезды услышал изъявленья!

В дни цветения роз всем отрада дана.
Смехом полнится мир, коль смеется весна.

В час восхода в зенит золотого светила
Все на свете полно животворного пыла.

По долинам горит блеск румийской парчи,
А шуштерской парчи — в поднебесьи лучи.

И когда блещет сад, то, пройдя пред кустами,
Ты пленишься, о царь, алой розы устами.

Если царь Искендер славой вновь озарен,
Пусть всю ржавчину вмиг счистит с зеркала он.

Если царь Кей-Хосров чашу взял золотую,
Что ж не пьет он вина? Чашу взял он впустую.

Если ты, государь, на Джемшида похож,
То и светлый мой лик, словно солнце, пригож.

Если ты — Феридун, то, победою рея,
Я с тобою, о царь, словно знамя Кавая.

Если ярким венцом ты горишь, Кей-Кобад, —
Мой из амбры венец; он — источник услад.

Если ты, что Кавус, взнес венец бирюзовый,
То мой трон попрости, трон из кости слоновой.

Если бесов скрутив, ты царишь, Сулейман, —
Бесноватых творит моих взоров дурман.

Если царь захватил все народы умело, —
Захватившего мир захватила я смело.

Если царский аркан в голубой вышине
Даже солнцу грозит и прекрасной луне, —

Я петлей своих кос, как арканом, посмею
Шаханшахскую сжать горделивую шею.

Если шахский аркан хочет сбросить луну, —
Свой душистый аркан я на шаха метну.

Если с луком в бою царь проносится смелый, —
Есть глаза у меня, это лучшие стрелы.

Если дротиком царь кровь приносит врагу, —
На ланиты мужей вызвать кровь я могу.

Если часто мечом царь играет суровым,
То играть я могу покоряющим словом.

Если царь на плечо положил булаву, —
Я на плечи мои каждый локон зову.

Если ал в царских копях цвет каждого лаала, —
Я бы лалом свой рот заменить не желала.

Если к звездам вознес он свой царственный взгляд,
То лишь только за мной звезды с неба следят.

Если реет над ним его знамени пламя, —
Я над миром взнесла красоты своей знамя.

Если все на земле покорилось царю, —
Меж красавиц земных я всевластно царю.

Если сброшу с себя я покровы запрета, —
За свой лик не возьму все сокровища света.

Если вскину к луне я кудрей своих ночь,
То на землю луну мне ли свергнуть невмочь?

Если я табарзад заберу в свои лалы, —
Из фисташки я хмель получу небывалый,

И вино моих уст к пляске вызовет ночь,
А дремоту спугнет и умчит ее прочь.

Если грезы твои с лунным обликом слиты,
То мои, государь, пред тобою ланиты.

Если в сахаре, шах, ищешь тонкую соль,
Уст пурпурных моих слово слушать изволь!

Весел сладкий мой рот, это сахар сугубый.
Самаркандская дверь эти крепкие губы.

Если золото маг смог из камня создать, —
В амбру все обратит свежих уст благодать.

Именский Сухейль ворожит над сафьяном,
Амбра сладостных уст воздух делает пряным.

Первым взглядом своим сердце смертных сожму
Вновь на них погляжу — брошу в смертную тьму.

Я, добычу поймав, буду ласкова с нею,
Но и в реку метнуть я добычу сумею.

Я ввергаю в недуг, предвещая бальзам;
Так дано поступать только этим глазам.

Христианский монах, упоенный весною,
Как эрпат пред огнем, упадет предо мною.

Если схимник седой для земного угас, —
Звонким чангом своим брошу схимника в пляс.

Этот стан — серебро, но, влюбленным на горе,
Все мое серебро на надежном запоре.

В крепко запертый сад нет проходим пути,
Лишь садовник один сможет ключ обрести.

В заповедном саду сочных фиников много,
Но на жадных шипы мной направлены строго.

Мой пригубив шербет, все падут во хмелю.
Если соли хотят, — я печали сулю.

Тюркский лик мой узрев, ночь во тьме своей синей
Станет в этот же миг мне индийской рабыней.

Если месяц взошел в голубой тишине,
То, быть может, спешит он лишь только ко мне.

Я умелой рукой завиваю свой локон,
Чтоб фазана в силок золотого завлек он.

Если, вскинув чадру, приоткрою ушкó,
То поспорит ушкó с алой розой легко.

Если я обнажу свои нежные руки,
Испытает жасмин тяжкой зависти муки.

Сахар смотрит мне вслед, чтобы мне подражать,
А на жемчуг легла раболепства печать.

Мой колдующий взор понят был Вавилоном.
Вот и стал Вавилон всех колдующих лоном.

Локон мускусный мой всем газелям почин
В деле мускуса дал, — и прославился Чин.

Если локон совью чаподобье колечка, —
Ты без чувства падешь, не сказав ни словечка.

Если быстрым зрачком я игриво взгляну, —
Всех расторгнувших плен снова в плен я верну.

Коль тебя приманю к вожделения замку,
Рухнет сердце твое в подбородочка ямку.

Царство смертным дает сень бровей моих двух.
Мой вдохнуть аромат вожделест Халлух.

Я вдавила свой знак на печати Китая.
Я на Рум поднялась, о победе мечтая.

Обо мне весь Китай полон радостных дум.
Я — благая звезда, обольстившая Рум.

Посулю табарзад я рассерженным взором,
Расколю табархун шаловливым укором.

Создал алый мой рот лалов пурпурный цвет.
В мысли яркой моей солнца яркого свет.

Я кумиром славу иль серебряным храмом.
Маг назвал этот храм восхитительным самым.

А гранаты грудей! Нет их чарам конца, —
И гранатовый цвет осыпают сердца.

К ним приблизься, — и час будет сладок и жарок.
Два граната мои — новогодний подарок.

Райским деревом пленись. Наш приблизился срок.
Хоть мой цвет не расцвел, ты сорви мой цветок.

Я — пыланье твое, я твой мозг не покину!
Молви миру, о шах: «Кань в забвенья пучину!»

На колена свои смолкший чанг положив,
Я свой подвиг свершу. Свой сдержу ли порыв?

Поцелую царя в истомленные очи,
Локон дам ему в руку я в сумраке ночи.

Я склонюсь пред царем, чтобы ведать он мог:
Не поднять головы мне от царственных ног.

Так замру от любви, чуя царскую сень я,
Что чело подниму только в день воскресенья.

Здесь вода! В ней ты жизнь пожелай обрести.
Здесь и тень! В ней сумеешь ты юность найти.

Если будешь со мной — жизни будет без краю,
Я ведь юность даю, если нежно ласкаю.

За живую водой ты идешь, — но куда?
Я с тобой, Искендер! Я — живая вода!

Если к области мрака ты ищешь дорогу,
Локон мускусный мой расплетай понемногу.

Если, царь, пред тобой полыхает мой лал,
Почему ж от меня ты уйти пожелал?

Меж рубиновых уст поделуй твой проворный
Не найдет ли, о шах, ключ воды животворной?

Повелитель земли! Бег прервешь ли ты свой?
Пред тобою ручей с благодатной водой.

Я в шелках, я — перй, и в тоске я великой.
Что ж ты двери замкнул предо мной, — луноликой?

Да раскроется дверь! Да найдешь ты свой клад!
Ладно локон мой свит. Да исчезнет разлад!

Что же, сердце царя схоже с твердым гранитом,
Если с нежной душой может нежный быть слитым.

Что ж ко мне ты не льяешь? Иль призыв мой
ослаб?
Я — тюрчанка твоя, я — индийский твой раб.

Я — с тобой, хоть жемчужины любят пучину,
Я — из Чина; со мной не узнаешь кручину.

Не в тени рождена эта роза, о нет!
Разве тень упадет на сверкающий свет?!

Не хочу быть в тени возле пира царева:
Не возрастают плоды в тьме безрадостной крова.

Ты возьми у меня благовонный рейхан,
Дышит в каждом доме этот нежный дурман.

Мчится ль сокол твой, царь, привлечен куропаткой?
Поспешай! Ведь орлы быстрой славятся хваткой.

Крепко финик сожми, если финик созрел,
Или станет он вял. Всем плодам — свой удел.

Лучшей сласти, чем я, ты найти не во власти.
Да не сласти, о, нет, а источника сласти!

Сколько нежных сердец я спалила в огне!
Сколько ранила я! Сколько крови на мне!

С лучшим сахаром, царь, состязаться я смела.
Весь базар шел ко мне: победить я сумела.

Черный локон мой жжет, ароматом дыша,
Да, я всем хороша! Да, я вся хороша!

Разрешится вино, если кравчим я стану.
Радость песнями лью многолюдному стану.

Пьян мой каждый напев; муж смутится любой.
Я по воле своей всех влеку за собой.

Показавшись вдали, все печали нарушу,
А в объятьях любви я возрадую душу.

Если я вдалеке, я — услада очей,
Если к сердцу прижмусь, я — огня горячей.

Я — пленяющий чанг, я — крепчайший напиток,
Кто бы мог превозмочь этих чар преизбыток?

Если ты, государь, благосклонен к Луне,
Как же мне не сиять, не возвыситься мне?!

Да! Счастливей меня никого не видали!
Не напрасно мне имя Единственной дали!»

И чангистки напев словно в неге ослаб,
И умолк ее рта благовонный униаб.

Ночь и томность пери, — разве это не повод,
Чтобы сердца из длани ты выронил повод?

Тишь, безлюдный шатер и такая Луна!
От нее ль отвернуться? Прельщает она.

Лев увидел оленя, и ринуться смело
На добычу стремленье его одолело.

На охоту за птицей помчался орел,
На луну яркий день весь огонь свой повел.

Царь припал к ее рту, опьяненный, готовый
Этот сахар вкушать, словно сок тростниковый.

Он вошел, опьяненный, в жасминовый дол,
Он к приюту сокровищ, пылая, пришел.

И увидел сосуд он с вином непочатым,
Сад, дышавший жасмином, сверкавший гранатом,

Яхонт, скрытый от всех человеческих глаз,
И кольцо, что еще не украсил алмаз,

И безгрешную розу, что смертным в угоду
Не цвела, а в угоду цвела Садоводу.

И возрастало, возрастало пыланье царя,
И кипела в нем кровь, словно пламень горя.

...Радость пил Искендер. Пил он снова и снова
От источника жизни благого, благого.

И немало ночей знал он счастья предел,
И оставить стоянки своей не хотел.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЖИВОЙ ВОДЕ

С чашей, кравчий, приди, с ней мне радость подай!
Пусть напев зазвучит, пусть послышится най!

Утверждают гуляки: с веселою чашей
Все дано превозмочь в жизни тягостной нашей.

□ □ □

Над рассветной землей из конца и в конец
Зазвенел петуха заревой бубенец.

Прозвучал по долинам призыв барабана,
И послышались возгласы птичьего стана,

Со словами молитвы бойцы поднялись
И душой устремились в лазурную высь.

Искендер пробудился. Склонившись пред богом,
Он подумал о промысле мудром и строгом.

И воздав благодарность создателю, он
Всей душой в моление был погружен.

Всеблагого почтив благодарности данью,
Сев за стол, государь обратился к собранью.

То вино он вкушал, звонкий слушая саз,
То своих верноподданных слушал рассказ.

Охлаждая свой жар, размышленьям в угоду,
Пил он розовых вин животворную воду.

Позабыв о тревоге великих стезей,
Дверь веселья открыл он для верных друзей.

Подивить все собранье исполненной жажды,
О каком-либо чуде рассказывал каждый.

Этот — Гур вспоминал и хвалил Хорасан:
Говорил он о золоте двух этих стран;

Тот — вознес Исфахан и могущество Рея,
Жарким словом своим души внемлющих грея;

Тот — в Хорезма делах ведал, видимо, толк,
Славил мускус Китая, хвалил его шелк;

Кто-то молвил: в Кисуре без меры сандала,
Там всегда камфара дорогая блистала.

И об Индии вслед прозвучали слова:
Амбра — глина ее, в ней алоэ — дрова.

Некий древний старик был в собрании этом.
Он давно был знаком с нашим горестным светом.

И дошел до седого застольный черед,
И явил он рассказа негаданный мед:

«Область Мрака! О лучшей мечтать ли отчизне:
В ней вода возвещает о длительной жизни.

За богатства не чти нашей бременной земли:
В ней немало богатых богатство наши.

Если ж сердце твое дням струящимся радо,
То к источнику жизни направиться надо».

Удивились все гости. Ну, как это так?
Жизни сладостный ключ, — там, где царствует
мрак?

Молвил царь: «Или притчу скрывает реченье?
И такое в него ты влагаешь значенье:

Чернота — это буквы, Живая Вода —
Это мысли, что в буквах струятся всегда.

Если это не так, кто ж видал эту землю
И родник? Чудной вести впервые я внемлю».

И ответил старик властелину царей:
«Нет загадки, укрывшейся в речи моей.

Есть завеса пред севером крайним; и где-то
За завесою — ключ, полный жизни и света.

Вечный Мрак — вот название сей темной глуши,
И Живая Вода в этой льется тиши.

Кто коснуться источника будет во власти, —
Упасет свои дни от смертельной напасти.

Тех спроси ты премудрых, что мне не в пример,
Если мне ты не веришь, о царь Искендер!»

Было сердце царя словом старца задето.
Захотел Искендер все расследовать это.

«Где ж тот Мрак?» — он спросил. — Расскажи
мне о том».

Старец молвил: «Направо». Сказал он потом:

«Недалек трудный путь к той равнине суровой.
Он — десятая часть всей дороги царевой».

Понял царь, что в ночи затаенный ручей,
Словно утро, доступен для смертных очей.

Направленье на Мрак дав шатровому входу,
Он готовить войска снова начал к походу.

Трудный путь начался. На стоянках ночных
Царь увидел, что в войске немало больных.

Целый мир — это войско в доспехах узорных.
Вкруг царя — целый мир мудрецов и придворных.

Тесных ратей тьмы-темь заполняла пути.
В судный день так же тесно все будут идти.

Стан румийцев имел между станов отличие:
Молоко ты, казалось, нашел бы там птичье.

Хоть в пустыне шел царь — так вещает молва —
Шли в пустыне дожди, вырастала трава.

Словно Хызра нога освещала дороги,
Словно с Хызром вдвоем шел в пустыне Двурогий.

Изобильем смущен войсковых своих сил,
В область Мрака идущий помедлить решил.

Не одна оказалась большая пещера
Возле мест, где стоял стан царя Искендера.

Соизволил тогда государь пожелать,
Чтоб в пещеры вместили всю лишнюю кладь.

И от тех, что с поклажей остались, — в пустыне
Сталолюдно. Сей край обитаем доныне.

«Бун-и гар» — «глубь пещер» означает, — и вот
Вся земля эту область Булгаром зовет.

Шахи этой страны (так решившие — правы)
Есть потомки воителей Румской державы.

Видел царь, что поток его войска устал,
Что нередко бойцам нужен долгий привал.

Выбрав лучников ловких, подобных айарам,
Не боящихся бед, полыхающих жаром,

Мускулистых, здоровых, в сражениях злых,
Крепконогих, выносливых и молодых, —

Царь остаться велел старикам и недужным:
Их поход в темноту счел он делом ненужным.

Трудный путь впереди. Хоть не так он велик,
Все же в этом пути изнеможет старик.

И с поклажей остались в пещерах седые.
И, не зная дороги, пошли молодые.

И тогда повелел Миродержец найти
Человека, что к сумраку знает пути.

Одолев затрудненья подобного рода,
Пó два в день государь совершал перехода.

Весь припас — и соленый и разную сласть —
На отборных верблюдов велел он покласть.

В дальний мрак о-двуконь шли войска
с Искендером.
Царь наместника все же приставил к пещерам.

Он промолвил ему пред отбытьем: «Нельзя
Быть незорким. Моя неизвестна стезя».

С месяц был он в пути. Солнца вечная сила
Направленье свое в небесах изменила.

Свет от крайнего севера слал небосвод.
В тот же миг наблюдали закат и восход.

К окоему склонялись широты. Меж ними
Крайний север созвездьями реял своими.

А затем оказались войска в стороне,
Где являлось им солнце лишь только во сне,

И они у конца смертным данного лона
На границе земли водрузили знамена.

Похищала земля свет небесный окрест,
Только мрак был царем этих сумрачных мест.

Нет, не только лишь сумрак царил на просторе:
Преграждало дорогу широкое море.

Сметлив был проводник. Отходя от широт,
Вел он рать. Все страшнее темнел небосвод.

И чем дальше, — тем было все менее света,
И последнего проблеска скрылась примета.

Хоть во мрак все бойцы и смотрели в упор,
Ничего, кроме мрака, не видел их взор.

Весь окрестный простор словно стал непросторен.
Страшен мир, если он непонятен и черен.

Знать собрал государь. Что же делать? Кому
Ведом путь продвиженья в безвестную тьму?

И признали весомость разумного слова:
«Нами встреченный сумрак — подобье покрова.

За завесу, бесспорно, мы сможем пройти,
Но обратного мы не отыщем пути».

Размышлять стали все. Иль идти наудачу?
И мужи разрешить не сумели задачу.

В страшной области мглы ночь явила свой лик, —
И, алоэ спугнув, черный мускус возник.

Небосвод свирепел. Стал он с узником схожим;
Был кашмирцем, но зинджем он стал чернокожим.

В безысходную мглу обращенная муть
В черноту обратила исчезнувший путь,

И, к шатрам пробираясь в неистовстве ночи,
Все в глубоком раздумье потупили очи.

Был в походе юнец — смелый, с честной душой,
С жарким сердцем, вспоенным любовью большой.

Горе! Лет девяносто отцу его было.
Тело старца с трудом бремя жизни носило.

В день, когда старикам запретил Искендер
Дальний путь и назначил им своды пещер, —

Юный воин вздохнул; так вздыхают в недуге
О целительном яблоке, словно о друге.

Он отца сохранить всей душой пожелал,
Как другие хранят изумруд или лал.

В сундуке скрыл он старца (приказ ведь был
строгий)

И привез в дальний край, как оплату дороги.

Тою ночью, когда помутились умы
И томились под гнетом нахлынувшей тьмы,

Воин отпер сундук и, склонив свои плечи,
Он такие повел с тайным путником речи:

«Царь скорбит, что с войсками он прибыл сюда.
Он обратно готов повернуть повода.

И в исход благотворный утратил он веру
И не знает пути безысходного меру.

Он с войсками сумеет проникнуть во мрак,
Но как выйти оттуда — не знает никак».

Молвил старец: «К чему же тревожиться крайне?
Я скажу тебе то, что скрывается втайне.

Должен мощный воитель проникнуть во тьму.
Чтобы выход из тьмы был указан ему,

Пусть придут на простор с кобылицей здоровой,
В первый раз принести жеребенка готовой.

Жеребенком она разрешится, — и тут
Пусть рожденному голову мигом снесут.

Да запомнят причастные к этому лица:
Видеть гибель приплода должна кобылица.

Материнское сердце повергнувши в дрожь,
Начинайте поход. Верь, совет мой хорош.

В день, когда будет шаху вернуться угодно,
Пусть бежит кобылица пред войском свободно.

К своему жеребенку помчится она,
И дорога во тьме будет войску ясна,

И судьбы не страшась безысходной, превратной.
Люди к свету вернутся дорогой обратной».

Получив от отца путеводную нить,
Понял сын, что возможно беду отстранить.

Небо, схожее с мускусом, черное, злое,
Поутру снова сделалось цвета алмаз.

Царь собрал свой совет, обсуждая дела
Пред походом туда, где безвыходна мгла.

И гадали и думали... Многие с жаром
Приступить предлагали к испытанным чарам.

Но и чары, всем людям известные встарь,
И советы иные отвел государь.

И тогда начал умный юнец понемногу
Наводить свою речь на благую дорогу,

И все то, что вчѣр он слышал от отца,
Рассказал он царю. Царь прослушал юнца,

Сообразным с рассудком нашел его слово
И, довольный, подумал: «Решенье готово».

Он сказал: «Ты не старец согбенный, седой.
Как же это постиг, — ты, такой молодой?»

Где нашел ты источник подобного знанья?
Кто тебя научил? Ожидаю признанья.

Если вымолвишь правду, — награду возьмешь.
Покарает закон, если вымолвишь ложь».

Был ответ: «Жду награды, — не слова закона.
Развяжу я свой вьюк, полный вздохов и стона.

В некий день разлучиться велел шаханшах
С нашим воинством тем, кто в немалых годах.

Был со мною отец, лет проживший немало.
От невзгод бытия его сердце устало.

И, жалея отца, не сводя с него глаз,
Я нарушил, о царь, твой строжайший указ.

И повез я отца, не стерпя его вздоха.
Неплохое свершил я, хоть вез его плохо.

И вчѣр, в тишине, — мы ведь были вдвоем, —
Все сказал я отцу о смущеньи твоём.

Осветил он мне душу премудрым советом,
Я отцовским, о царь, просвещен был ответом».

И обрадован тем, что надумал старик,
Царь промолвил, к юнцу обращая свой лик:

«Хоть бы юноша был и могучим и смелым,
За советом он должен идти к престарелым.

Хоть листочками тыква играет, — она
К старым листьям склониться, ты знаешь, должна.

Хоть и двинулся юный в познаньях далече, —
Мудрых старцев ему все же надобны речи».

Тут внезапно на вход царь направил свой взор:
Великан бессловесный ворвался в шатер.

Он с дарами пришел иль доставил он дани?
Соболей принесли его мощные длани.

На мехах переливов мерцала игра,
Каждый соболь казался прекрасней бобра.

Но едва государь взял подарок нежданный,
Удался пришелец. Приход его странный

Удивил Искендера. В кромешную тьму
Скрылся гость, все меха предоставив ему.

Веря в мудрый совет, полный света и знанья,
Собрался о-двуконь царь пуститься в скитанья.

И нашли кобылицу, что ветром слыла,
И она жеребенка в свой срок принесла.

И от ветра рожденного — отдали праху,
И, сказав о свершенном великому шаху,

В полный мрак, покидая суровую муть,
За Живою Водю все тронулись в путь.

ИСКЕНДЕР ПРОНИКАЕТ В СТРАНУ МРАКА

Черный прах обыщи, кравчий мой огневой,
И открой в этой тьме ты источник живой!

Светлой влагой омой мои скорбные очи,
Оживи мое сердце во тьме этой ночи!

□ □ □

В этой части, благому отдавшись труду,
Я по слову дихкана свой сказ поведу.

Так вписал в его книгу калам его строгий:
Ночью первую Урдибехишта Двурогий

В область Мрака вступил. Тиховейная тьма —
Благодатный покой для людского ума.

И ключом золотым замок тьмы отмыкая,
Ты увидишь: лежат самоцветы, сверкая.

Если к влаге живой ты приникнуть готов, —
Ты обязан преддверья задернуть покров.

В омовенья часы всем на свете знакома
Ткань сапфирного цвета вокруг водоема.

В день, когда Искендер, все покинув дела,
Устремился туда, где раскинулась мгла,

Стал он с месяцем схож, что на небе просторном
Был похищен драконом огромным и черным.

Хызру-вестнику царь повелел на пути
Мчаться вдали и ручей, если сможет, найти.

Чтобы войску скорей оказал он помощь
И скорей отыскал к водопою дорогу, —

Царь коня своего отдал Хызру. Огнем
Был серебряный конь, — так мы скажем о нем.

Хызру царь дал и яхонт. Во тьме он светился,
Если ключ на ручей где-то рядом ютился.

Моавил вестнику Властный: «Ты будешь один
На безвестном пути; ты — его господин.

Направляя то вправо, то влево поводишь,
Ты оглядывай мрак, словно ширь половецья.

Этот яхонт блестящий не лжет никогда:
Пред тобою заблещет Живая Вода.

Светлой влаги испив, мне укажешь дорогу
И тебя я прославлю, покорствуя богу».

И разведчик, в плаще изумрудном, коня
Устремил в черноту беспросветного дня.

Одинокий, заботясь о деле высоком,
Он оглядывал мглу испытующим оком.

И казалось: весь край беспросветен и пуст.
Не имелось воды для взыскующих уст.

Но внезапно зажегся в руке его камень,
И вдали заструился серебряный пламень.

Светлый ключ отыскался в пристанище мглы,
Как руда серебра меж расселин скалы.

Но водой ли была нить алмазная эта?
Мнился дивный источник сиянием света.

И подобен он звездному был серебру,
Если звезды мерцают, сияя, к утру.

Он подобен был месяцу ночью дремучей,
Если месяц горит, не скрываемый тучей.

Трепетал, словно ртуть, его влажный огонь,
Если ртуть паралитик возьмет на ладонь.

Что могло быть сравнимо с его чистотою,
С чистотой его тою, — такую святою?!

Что могло бы гореть столь же чистым огнем?
Он — вода, он — огонь, — можно молвить о нем.

И у вестника счастьем блеснули зеницы.
Осмотрел он поток, что светлее денницы,

И с коня он сошел, снял одежду, в родник
Погрузился, затем, наклонивши свой лик,

Выпил влаги, светившейся в черной пустыне.
Вечной жизни он был удостоен отныне.

И коня он омыл; дал испить заодно, —
В серебро было чистое влито вино.

Снова сел он в седло и, вниманье удвоя,
Не спускал он очей с ясных струй водопоя, —

Как подъедет Владыка, он молвит ему:
«Вот родник вечной жизни, пронзающий тьму».

Но едва от ключа взор отвел он устало
И затем оглянулся, — потока не стало.

В мыслях Хызра мелькнуло — он знал обо всем:
«Не дано Искендеру узреть водоем».

Не от страха пред Властным, а следуя року,
Скрылся он от царя вслед благому потоку.

Но меж древних румийцев другие слова
Обо всем происшедшем сказала молва:

Говорили, что с Хызром — он ехал далече —
У ключа был Ильяс. Так вещали о встрече.

У источника встретясь, за Хызром Ильяс
Тотчас спешил. Взяв свой дорожный припас,

Оба вскрыли сумы, как и все, признавая,
Что с едою приятна вода ключевая.

Вместе с хлебом, что сладостней мускуса пах,
И сушеная рыба была в их сумках.

И один из мужей, воле неба в угоду,
Уронил свою рыбу в студеную воду.

И, жалея о снеди, в неожиданной беде
Он, спеша, наклонился к алмазной воде,

И, найдя свою рыбу подвижной, живую, —
Был внезапно он вестью пронзен огневою.

Он постиг — помогла ему в этом беда —
Перед ним трепетала Живая Вода.

И пригоршню испивши воды быстротечной,
Сей блаженный был жизнью обрадован вечной.

Все поведал он другу. К ручью бытия
Тот склонился и также хлебнул из ручья.

Не дивись, что источник воды животворной
Сделал мертвую рыбу живой, нетлетворной,

Ты дивись: эта рыба сумела сказать,
Что таится в ключе вечных дней благодать.

Но о светлом ручье, о вещании рыбы
Вы в сказаньях арабов иное нашли бы:

Далеко от персидских и румских очей
Укрывался во тьме животворный ручей.

Если ж светлый ручей притаился под прахом,
Не томись в бездорожья мучительным страхом.

Двое спутников, чудо нашедших вдвоем,
Не сказали другим про благой водоем

И помчались в восторге, не ведая горя:
В степи — Хызр, а Ильяс — прямо к берегу моря.

Хоть источник один даровал им зерно,
Было мельницы две этим светлым дано.

Твердо царь нес во тьме и труды и лишенья,
Он источника ждал; полон был предвкушенья:

У потока приляжет его голова.
Вырастает всегда близ потока трава.

Сорок дней, словно тень, он скитался, но тени
На родник все ж не бросил. Росли его нени.

Верно, сердце в нем было — пылающий лал:
Он, скитаясь в тень, сердцу тени желал.

Но ведь свет, а не тень воды жизни сулили.
Хоть ключи с тенью сладостной говор свой сляли

Но пускай все ключи с тенью слили свой свет,
У источника радости тени ведь нет.

Но скажи: если с радостью слился источник,
Почему же в тени этот скрылся источник?

Что же! Тень для источника лучше, чем пыль.
Пыль — мутна, тень — студена. Иль это —
не быть?

Маял мрак, не внимал государя хотенью,
И царю в сей тени вся земля стала тенью.

Он к источнику жизни хотел бы припасть,
Ведь грядущая смерть всем живущим не всласть.

Но на страшном пути все казалось превратно,
И коня своего повернул он обратно.

Одного он желал на ужасной земле:
Выйти к свету, не быть в этой тягостной мгле.

И во мраке предстал ему ангел, и в длани
Взял он длани царя. «Неуемных желаний, —

Он сказал, — ты исполнен. Обрел ты весь свет,
Но тебе утolenия все еще нет».

И вручив ему камешек, молвил: «Высоко
Чти сей дар и храни — он дороже, чем око.

Между каменных гор камень, волей небес,
Ты сыщи; одинаков быть должен их вес.

Только камнем, вот этому камешку равным,
От страстей исцеляться дано неисправным».

Малый камешек взял Искендер. И во тьме
Скрылся ангел, как образ, мелькнувший в уме.

Взор вперяя во мрак, торопился Великий,
И сжималось усталое сердце Владыки.

И услышал он голос, гудящий во мгле:
«Все указано смертным на брэнной земле.

Искендер к роднику не допущен был роком.
Ключ бессмертия Хызру дался ненароком.

Искендер безнадежно взирает во тьму.
Хызру — тьма не преграда. Все ясно ему.

Над халвой у печи гнутся многие люди,
Но халву одному преподносят на блюде».

Молвил голос другой: «Дети Рума! Песок
Сих краев — драгоценность. И ведает рок:

Смертный, взявший его, — горьким стоном
застонет;
Восскорбит — кто песка сей пустыни не тронет».

И песком драгоценным, под пологом тьмы,
Много воинов смело набили сумы.

Всех чудес вещей тьмы я явить не во власти:
Я ведь вам и десятой не высказал части.

Звука страшной трубы я для вас не явил, —
И пред вами во тьме не предстал Исрафил.

Дал рассказчик другой этим копиям начало.
К ним опять приступить никому не пристало.

Не сумев из ключа светлых струй зачерпнуть,
Царь к источнику света направил свой путь.

И, покорствуя воле великой и строгой,
Шло румийское войско обратной дорогой.

Прежний путь без труда довелось им найти.
Был указчик у них на обратном пути:

Сорок дней за собой их вела кобылица,
И редющей тьмы показалась граница.

И возник из-за туч блеск отрадных лучей.
Царь, ключа не найдя, пролил слезный ручей.

Он за чуждым бежал. Все мы ведаем сами:
Лишь свое отыскать нам дано небесами.

Что радеть нам о счастье, ища свой удел!
Не всегда ль наш удел сам о смертных радел?

Ты не сей для себя: ведь благого удела
Мы не знаем конца, мы не видим предела.

Те, что были пред нами, — сажали сады,
Мы; пришедшие следом, вкушаем плоды.

Нам на благо пошли миновавших раденья,
Для грядущих должны мы творить насажденья.

Посмотри, как посева повсюду взошли!
Друг для друга мы сеем на нивах земли.

ИСКЕНДЕР УЗНАЕТ О ТАИНСТВЕННОМ ГОРОДЕ

Виночерпий, отрадного дай мне вина!
В чаще юность минувшая людям видна.

Может статься, пригубя вина огневого,
Молодой свою долю увижу я снова.

□ □ □

Изволеньем небес, что порою не злы,
Вышел царь Искендер из мучительной мглы.

Кобылица, стремясь к жеребенку упрямо,
По дороге надежной вела его прямо.

И туда, где скитальчества начал он день,
Он вернулся, покинув суровую сень.

По указу всевышнего, мрака порфиру
Он отбросил. И вышел он к светлому миру.

И к войскам возвратился, доспехом блестя.
Тот, кто мнил возвратиться, родник обрета.

Но вернувшись ни с чем, превозмог он томленье:
Все дает нам, он ведал, небес повеленье.

Ведь и то хорошо, что во мраке, о царь,
Ты не умер, как мрет бессловесная тварь.

Для чего огорчаться при бедствии? Вскоре,
Может быть, испытаешь ты большее горе.

Лучше в знойных песках длить мучительный путь,
Чем в пучине бушующей вмиг утонуть.

Хоть ты боль головы пересилить не в воле, —
Меч, вонзившийся в голову, тягостен боле.

Много бед на земле в тяжких днях суеты,
Только крепкой душою их вытерпишь ты.

Те бойцы, что вернулись из области ночи
С тяжким грузом, раскрыли восторженно очи:

Не песок наполнял их тугие сумы,
А багряные лалы из области тьмы.

Застонали они — принесли они мало —
И не взявших камня тоска обуяла.

Скорби всех ненасытных не стало конца,
И не взявших добычу стонали сердца.

День иль два отдыхал государь от похода,
И опять стал он прежним: забылась невзгода.

И припомнил о камешке крохотном он,
Что ему был посланником неба вручен.

Он стремится к вершине, что тайной одета,
На вопросы людей не давая ответа,

И, пробравшись меж скал, миновавши их строй,
Исчезает навек за гранитной горой.

В этот город, где тленья не ведает тело,
За бессмертьем, о царь, можешь двинуться смело».

И рассказчика старого смолкли слова,
И на душу царя они взяли права.

Он решился тогда. Загорелся он жаром:
Он узнает о том, что рассказано старым!

И бойцов повелел выбрать нескольких он
С тем, чтоб каждый из них был и смел и смышлен.

Им велел государь, сделав кратким привалом
Странный город, — узнать обо всем небывалом.

Царь напутствовал их. «От призыва с вершин, —
Он сказал, — да не дрогнет из вас ни один.

Коль свои имена иль, быть может, прозванья
Вы услышите, — это не стоит вниманья.

Если тайный призыв не получит ответ,
Может статься, на тайну вы бросите свет».

Снаряженные в путь, все обдумавши толком,
О дороге людей расспросив тихомолком,

В тайный город, где голос людей призывал,
Пробрались и удобный разбили привал.

Все, что молвил Владыке старик достославный,
Подтвердил сказ людей и потайный и явный.

Голос дивный звучал, призывая порой
Одного из живущих под страшной горой.

И, заслышав призыв, устремленный к долине,
Поспешал призываемый к горной вершине.

Мигом все становилось ему нипочем.
Не смогли б ему путь преградить и мечом.

И внимали посланцы, вниманье утроя,
Но звучанья с вершины не поняли строя.

И когда небосвода крутящийся ход
Ряда дней и ночей совершил оборот,

Голос к высям спешить без печали и страха
Приказал одному из приверженцев шаха.

Одного из мужей, что за тайной влеклись,
Тайный зов призывал в непостижную высь.

И как будто безвестным прельщаемый благом,
Он к горе приближался стремительным шагом.

И друзья ухватили его за рукав:
«Хоть немного помедли, призыв услышав.

Если к высям идя, не утратишь ты разум,
Может статься, вся тайна откроется разом!»

Но словам их не внял поспешавший на зов,
Он стонал и мрачнел от их дружных оков.

Ничего не сказал он о голосе вещем,
Порываясь вперед в устремленьи зловещем,

Он ловчился, борясь, и, палимый огнем,
Он летающим скрылся от них муравьем.

Изумились друзья: нет, не внял он их мерам!
И теперь остальным он послужит примером.

Самый хитрый из них, словно с помощью крыл,
Ввысь умчался, а скрытого им не открыл.

Дней немного минуло, и снова просторы
Нежно солнцем пригрело и реки и горы,

И черед был назначен второму гонцу, —
И пришло его дело к тому же концу.

И никто из оставшихся с тайны покрова
Не совлек, не постиг полновластного зова.

Устрашились гонцы, не прочтя письма
Грозной тайны. Им всем угрожала она.

И оставили город, утративши веру
В свой поход. И вернулись они к Искендеру

И сказали царю: «Те из нас, что пошли
В горный путь, отрешились от нашей земли.

Нетерпением, казалось, душа их объята.
Мы постигли, — вовек им не будет возврата.

Нам не ясно, какой был у голоса строй.
Что за струны звучали за странной горой.

Не найдя с тайным ладом согласного лада,
Мы бежали, нам с тайною не было слада.

Хоть всходили мы ввысь по большим крутизнам,
Ни единого звука не слышалось нам.

Увидав, что ушли наши спутники в горы,
Мы на дол обратили понурые взоры.

Не всегда ль небосвода таков произвол?
То уводит он в высь, то низводит он в дол».

Понял царь, принимая гонцов извещенья,
Вечный путь, по которому нет возвращенья.

Лишь тогда бы он жаждал такого пути,
Если б он по нему мог обратно пройти.

Устрашил его мир мглою тайных уловок.
Этой книги никто не прочел заголовок!

Теми слышится зов, тем спасения нет, —
Для которых навеки кончается свет.

Молвил царь: «Человек с человеческим телом,
Когти смерти отвлечь — мни несбыточным делом!

Вспомни, знают онагры: охотник сильнее. —
И узрев свою смерть, сами движутся к ней.

Пораженный стрелой, сам отбросив усилья,
Направляет орел книзу мощные крылья».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСКЕНДЕРА В РУМ

Виночерпий, приди, дай мне чашу вина!
Без вина веселиться душа не вольна.

Пусть в ночи твоя чаша блестит золотая,
Тени смерти вином от меня отменяя!

Не успеешь моргнуть, как судьба сотни дел
Злых и добрых свершит, всем назначит удел.

Этим — голову склонит, послав им невзгоду,
А другим — вскинет голову ввысь, к небосводу.

Те — в колодезь упасть с гордой башни должны,
А другие — от Рыбы взлететь до Луны.

Вслед забавам судьба затевает забавы,
А конец их — ничто. Ни удачи, ни славы

Не ищи. Не артачься. Артачливый конь
Может плетки почувствовать жгучий огонь.

Конь арабский, бунтующий, пенящий пену,
Увеличил египетских осликов цену.

Не один человек в мире горестном жил,
Все же мир с человеком вовек не дружил.

Мир тому, кто в миру, столь немирном от века,
Хочет знать о достойных делах человека!

Излагается в книге: когда Искендер
Часть поклажи сложил в глубь обширных пещер.

В тех местах он, сокровищ потратив немало,
Создал город Булгар, что расцвел небывало.

Из Булгара он двинулся в Рус; расцвели
Царской щедростью области этой земли.

Кораблями затем вспенив Румское море,
Обитаемый берег увидел он вскорее.

Всем о стяге царя дали тотчас же знать, —
И к знаменам пришла вся румийская знать.

Вновь узрев царский лик в благодатной отчизне,
Все вельможи царю обрекли свои жизни.

От подарков царя край, румийцу родной,
Осветился, как ночь под высокой луной.

Мастера ожерелий сияли. Пылала
В лавках россыпь из мрака доставленных лалов.

Разукрасился город. Великую часть
Всех сокровищ земли получил он во власть.

Каждый царственный дом стал подобием рая,
Ярким лалом и золотом словно играя.

Растворилась казна, стал затвор ей не впрок,
И на двери нужды был навешен замок.

Месяц всплыл в свой предел, величаво блистая,
На челе вознося диадиму Китая.

Царь, из Рума спеша, лишь земле был сродни, —
Ныне небом он стал, что над ней искони.

Стал он влагой, что ввысь устремляется с тучей,
Чтобы жемчуг метать в глубь лазури зыбучей.

На престоле Юнана, почтивши свой кров,
Отдохнул государь от седла и трудов.

Семь кишверов не в тягость царю Искендеру:
Ведь наместника каждому дал он кишверу.

И обета на верность потребовал он
У различных владык покоренных племен.

Искендером обласканы, с сердцем веселым,
Возвратились они к отдаленным престолом.

И когда время править им снова пришло, —
Горделиво они вновь подъяли чело.

Не являя друг другу почтения правил,
Каждый с гордостью царской страной своей
правил.

Ими был почитаем один Искендер,
Ими был поминаем один Искендер.

И когда возросла его царская сила,
Ключ сокровищ судьба Искендеру вручила.

Постиженьем усилилась мощь его крыл,
И божественной мудрости дверь он открыл.

И, заслыша приказ стать для смертных пророком,
Не отверг он того, что назначено роком.

Снова стал он готовить дорожный припас,
Чтобы в странствие выйти в положенный час.

Он узрел города в первом странствии. Взоры
Бросил в новом пути на долины и горы.

В первый раз все народы, исполненный дум,
Оглядел Искендер и вернулся он в Рум.

Во втором своем странствии — по бездорожью,
Словно солдате он шел, волю выполнив божью.

Кончив сладостный пир, с многострунной игрой
Многосладостный пир я устрою второй.

Чистых мыслей, прекрасных, как чистые вина,
Эта первая книги полна половина.

Если те жемчуга, с их игрой огневой,
Что рассыпал я в книге пред каждой главой,

Соберут, — их подбор будет целен и дружен,
И составитя нить драгоценных жемчужин.

Если мыслей моих сделать список, то он
Засияет, как мудрости вечный закон.

А ряды моих кравчих! Сказителей с ними
Усадил я повсюду. Словами какими

Их опишешь?! Хранят они полный услад,
Полыхающий лалами царственный клад.

Чей рисунок столь тонок? Для должной окраски
Кто сумел бы столь сладостно смешивать краски?

Так на чанге своем натянул я свой шелк,
Что небесной Зухре шелк натянутый смолк.

Там, где в сказах была только небыль пустая, —
Я бывшее воспел, в сказы правду вплетая.

Только к истине слово вести нас должно,
Если это не так, то презренно оно.

Речь великого старца бывала готова
Отстраняться порой от правдивого слова.

Только правдой украсив старинный рассказ,
Я его во второй пересказывал раз.

Вполовину построив прекрасное зданье,
Получил я полмира в свое обладанье,

Коль на смертную скоро не встану между,
Половину вторую творенья сложу

Я всей силой души, так, что люди могли бы
Запылать, чтоб кружились от радости рыбы.

Если мне ниспослется пощада небес,
Отстраню я от помыслов сумрак завес,

И вращу в румской заросли пышной и пряной
Я из желтой земли прелесть розы багряной.

Я добычей такой вам утешу глаза,
Как жемчужины свет, как сама бирюза.

Каждый сад мне вручит свой цветок благодатный,
С каждой розы возьму я росы ароматной.

Если шаха звезда осеняет меня,
Приступая к труду, не промедлю и дня.

ВОСХВАЛЕНИЕ АТАБЕКА НУСРАТ АД-ДИНА

Кравчий! Кубок твой — месяц, пугающий тьму.
Я за юного шаха его подниму.

Светлый кубок испив, лбом касаюсь я праха,
Чтобы на спину звезд трон взнести шаханшаха.

□ □ □

Победитель земель, благосклонный мудрец,
Взявший меч Феридуна и Чина венец, —

Наш мелік справедливый. Возносятся чаши
За пославшего радость в пристанища наши.

Сверг он верой и мудростью недругов тьму.
Каждый верный и мудрый покорен ему.

Он — благой небосвод, что с Плеядами дружен.
Он — подобие моря в венце из жемчужин.

Морем третьим ему предназначено быть.
Должен с мира он троицу начисто смыть.

С Муштарй он бы мог плавно двигаться рядом.
Он приносит добро каждым брошенным взглядом.

Изволением звезд нам он шлет жемчуга.
Он взнесен, но рука его к нам не строга.

Услаждает он мир своим царственным ликом.
Он для подданных — память о каждом великом.

Та звезда, что главой подпирает зенит,
На себе его царское имя хранит.

Он из мира велел удалиться страданию,
Поручив этот мир благодатному знанию.

На пиру он горящее солнце, в бою —
Ярый змей, проявляющий силу свою.

Увидав, как он светел огнем своим чистым,
Стало на небе солнце отрадно лучистым.

Если вскинуть булат свой он должным сочтет, —
Он огонь и ручьи из камней извлечет.

Если с лука стрелу полететь он попросит,
Даже голову неба на землю он сбросит.

Воском франк палестинский и румский монах
Почитают себя. Их печать — шаханшах.

Увидав, проходя нашим радостным долом,
Что вознес он венец над счастливым престолом,

Я грустил: нет со мной столь достойных даров,
Чтоб я смел их нести под благой его кров.

И тогда из румийской воды животворной
Драгоценность я создал в оправе узорной.

И чтоб быть ей с царем на царевом пиру,
Я принес мой подарок к цареву двору.

Да, алмазов доставил я в полную меру
От царя Искендера царю Искендеру!

Да блаженствует шах, что в цветник свой пришел!
Да овеет он свежестью царский престол!

Прилетел соловей к его царственным розам,
И не даст он возникнуть зловещим угрозам.

Венценосец! Ты свет свой вознес в небосклон!
К свету солнца вознес ты сверкающий трон!

Ты счастливых созвездий приемлешь участие!
Вознесло твой престол многомудрое счастье!

Кто свой дар столь достойным осмелится счесть,
Что посмеет принять шахской милости честь?

Если в реку кувшин выльет воду, — от взора
Малый скроется дар в водах, полных простора.

Если в скалах ничтожна струя родника,
То иссякшей струи не увидит река.

Низами, — тот, чье сердце к служенью готово, —
В прославленье твое изложил свое слово.

Ту же малость поднес он державе твоей,
Что царю Сулейману поднес муравей.

О павлине не мни, как о диве великом:
Хоть красив его хвост, — испугает он криком.

Ты вниманьем своим осчастливь соловья.
С неба, внемля ему, пташек мчится семья.

Это я — соловей. Мне Ирем — не услада.
Я гнездо свое свил в кущах шахского сада.

ИКБАЛ-НАМЕ

ОБНОВЛЕНИЕ СКАЗАНИЙ И ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ

В вечном беге желают всё нового дни,
Всё наставника нового ищут они.

Песни прежние слушают чуть ли не с гневом,
Благосклонны они только к новым напевам.

Время — кукольник: сдвинув завес пелену,
Преподносит народам он куклу одну.

И глядишь, чародей этой лучшей из кукол
Всех взирающих души уже убаюкал.

Дни идут, вся истрепана кукла, — и вот
Из-за ткани волшебник другую берет.

Так и время, вращаясь, все новые сказы
Одевает в парчу и в шелка и в алмазы.

Поглядите! Под пальцами ловкой руки
Всё иные, иные пестреют венки.

Коль камня одни словно дымкой одеты,
То из копн другие берут самоцветы.

Но навеки — мой сказ не напрасно возник —
У невесты моей будет розовый лик.

Хоть от книги моей вы не этого ждали,
Я иное сказать захотел бы едва ли.

Был в коне моем яростном бурный огонь,
Но отныне обуздан мой огненный конь.

Все вам в дар принесу. Принести лишь не в силах
Одного: юных дней, миновавших и милых!

Под юнцом — на коне все подковы в огне,
Старики — на огонь их кладут в тишине.

Если в жарком огне треснет зеркало, брони
В том огне закаляй, забыв об уроне.

Всем, в созданьи былии проводящим года,
Помощь ангел дает. Это было всегда.

В дни, которые знал я на этом привале,
Сотни сказов раздумье во мне вызывали.

И внимал я певцу, что в ночной тишине
Свиток древних сказаний развертывал мне.

Но благого певца дали прошлого скрывали.
С ним и я замолчал, все оставил я были.

И внимавший сказаньям исчез оттого,
Что конец обрело дело жизни его:

Шах Арслан, утомясь, лег на вечное ложе.
И рассказы свои мне вести для чего же?

Иль молчанье мое мне поможет пресечь
Новый шах и вернет мне бывалую речь?

Сколько бед на пути! Где искать мне защиты?
Скоро тело ослабнет, увянут ланиты.

Мысли бурей встают. Как мне их превозмочь?
У дверей почивальни злоеющая ночь.

Ночь мрачней, чем печали услышанный голос.
Путь к концу подошел, путь мой тоньше, чем волос.

Как же в страшную ночь быть на этом пути?
Как же в сумраке этом колодезь найти?

Башня стража закрыта завесою черной.
Стража давит, как слон, мрак и злой и упорный.

Лишь газели вверху в черной светятся мгле.
Только мускуса мгла растеклась по земле.

Нет свечи, мотылька нет у глаз на примете.
Да и где мотылек? Позабыл он о свете.

В ночь такую держал я в руках черновик;
Ночи был он смутней, и над ним я поник.

В море мглы я нырял, лучших жаждал жемчужин.
Этот жемчуг — он мой! А вот этот — не нужен!

Ночи треть миновала, и долго текла
Эта ночь, и дышала безмолвная мгла.

Задержала судьба все свои повеленья.
Петухи замолчали. Ища утешенья,

Кудри ночи поймав, взор вперяя во тьму,
Семицветную ткань ткал я в тесном дому.

Из нутра синевы, как во время бывшее
Сам Иса, брал я синее, брал золотое.

□ □ □

Я имел покровителя некогда. Он
Так внимателен был; был я им одарен.

О Имад, что из Коя! О старца седины!
Столь возвышен душой не был муж ни единый.

Жемчуга раздавать был он вечно готов.
Он дары украшал дивным жемчугом слов.

Только с ним ожидал утешительных встреч я.
Был он образом щедрости и красноречья.

О звезде этой высшей могу ль умолчать?
Ведь вдавил я в свой перстень Имада печать.

Но ведь мир-чародей все скрывает благое,
И ушло от меня золотое бывшее.

Я замедлил в работе: томила тоска.
Чья во мраке пришла мне на помощь рука?

Сколько сказов явила б о сказах забота!
Ствол один, но на нем нету финикам счета.

□ □ □

В ту бессонную ночь предался я труду,
Словно медленно плавал я в синем пруду.

Ночь! Глубокий колодезь! Ни проблеска света.
Утонула луна и скрывается где-то.

В ночь, когда темноты непроглядная сень
Даже свет обратила в неясную тень, —

Я, по милости шаха, в стремлении рьяном
Сотни звездных газелей опутал арканом,

Я из бурного моря, у каменных глыб
Вызвал рыбу, крупнейшей всех ведомых рыб,

Я воздвиг звездочетную башню: для слова
О царе я искал указанья благого.

Шаху дар я принес и не очень он мал:
Эфиопию в нем я с Китаем смешал.

И с конем быстроногим везде мы сновали,
Чтобы, дни обогнав, быть на должном привале.

И в обители темной угаснувших сил
Руку царственной помощи я ощутил.

И рудник я нашел, и расстался с тоскою,
И, рубины ища, вновь ударил киркою.

И когда ярко-красного солнца шатер
Золотые канаты по взгорьям простер,

Позабыл я свой плен в тьме полночной ограды,
И устроил я пир, и искал я услады.

Словно царское ложе я стлал на пути
Для духовных видений; их звал я прийти.

Развернул я прекрасный ковер, на котором
Я повел свои мысли по новым узорам.

К яствам, к травам, к вину дух сумел я привлечь.
Это были напевы и мысли и речь.

Голова от вина скоро стала хмельною,
Щедрой сделалась речь, словно там, надо мною,

Стала туча греметь. Полились жемчуга,
И краса их была для царя дорога.

Сердце было огнем, львом предстала удача.
Слово стало мечом, славный путь мне назнача.

Смелым должен быть муж. Так я мыслю о нем, —
Смел он с яростным львом, смел он с ярим огнем.

Разве сердце и лев, по указу природы,
Не сродни искони, не единой породы?

Взял я бубен Зухре, в час багряной зари
Смело книгу я взял самого Муштари.

Потому я порою творил украшенья,
Мудрецам я премудрости нес приношенья,

И являл я сапфиры и жемчуг и лал —
Потому что мой царь покупать их желал.

К руднику своему я приблизился снова,
И была мной сокровищ добыта основа.

Утверждаю не ложь. Вот сверканье огня,
Вот и золото. Что ж! Испытайте меня!

«Книгу славы» я взял, ожила моя сила,
И умело лазурью покрыв я белила.

Посмотри: своему отдаваясь труду,
Я в китайских уборах стихи поведу.

Вновь увидишь плоды ты в саду позабытом.
Снова целым найдешь все, что было разбитым.

Много лет уж прошло, как любитель камней
Не видал в самоцветах подобных огней.

Продавец появился с товаром блестящим.
Поспешать надо всем, драгоценности зрящим.

Повелел мне в саду всех садов господин
Кипарис подравнять и размножить жасмин.

Я, по воле царя и его процветанья
И по благодати силы послушного знанья,

Посадил кипарис, чтоб народов семья
Чтила шаха, которым обласкан был я.

Речи прочих, пусть кажутся все они новы,
Всё берут из моей, всем известной основы.

Мысли так, чтоб огонь загорелся в груди.
Ты от сабли холодной удачи не жди.

Речь легка для того, чьи двусторония ровны,
Чьи пустые творенья всегда многословны.

Кто ж на лалы глубин простирает права,
Тот, упорно трудясь, подбирает слова.

Много реющих грез, не смиренных нимало,
В мой встревоженный мозг пламя сердца вливало.

И кружилась от пыла моя голова,
И всем телом я сох, и дышал я едва.

Наряжаю невесту. Да хватит у меня
У меня, государь, у тебя же — терпенья!

Где мой сказ разобьет свой багряный шатер?
Как полетится напев на широкий простор?

Как пришло колдовство? Власть какого закона
Мне раскрыла врата самого Вавилона?

Кто Зухре научил зендским песням? Берут
Эти песни в полон. Ими связан Харут.

Я ограблен певцами. Из Басры, им сладкой,
На ослах они финики возят украдкой.

Я широкою тучей плыву в вышине.
Влагу сердца я каждой дарую стране.

Щедрой влагой моей все питаются травы.
Только мною цветут возжелавшие славы.

Все певцы — словно тени: хоть виден им свет,
С ним смешаться не могут бессильные, нет!

Я тревожу их сон, но ручьев моих влагой
Все они свой кувшин наполняют с отвагой.

Все они пьют вино размышлений моих,
Под расписку берут мой сверкающий стих.

Мой ручей изобильней, живей, чем иные,
Потому что ручьи позабыл я земные.

Снял я с зеркала ржу, в тишь укрывшись от бурь,
Чтобы в зеркале ясном сверкнула лазурь.

И когда стало зеркало вовсе не мглисто,
Стало в чистом сверкать все сверкавшее чисто.

Встарь китайцем была так натерта стена,
Что румийца картина в ней стала видна.

Если хочешь искать ты в развалинах клада,
То тебе, человек, быть воздержанным надо.

Мудрый молвил старик, обратясь к молодым:
«Меж развалин глухих не вздымается дым».

Часто тягостны сны; ты проснешься с испугом,
Но твой день для тебя станет радостным другом.

Есть немало вещей, в нас вселяющих страх,
Но все страшное в них рассыпается в прах.

Мир в стремленьях кипит. Молвлю нищим и знати:
«Скоро кровь мы увидим на кожаном нате».

Если в жарком Тамузе польются дожди,
Ты старушечьей стужи с унынием жди.

Если серою мглою все небо затмило,
То не греет просторы дневное светило.

Если осени грозной надвинулся срок,
Злобный ветер летит, — не благой ветерок.

К нам приходят недуги. От сырости хладной
Трудно людям дышать в этой мгле безотрадной.

Разведу я огонь. Чтобы сладость он дал.
Надо розы, алоэ сжигать и сандал.

Я на царском пиру благовонье такое
Буду жечь; ведь со мною одно лишь алоэ.

Мне покорность премудрая небом дана.
Ты увидишь ее. Неизменна она.

В дни беды, в дни удач муж, гонитель порока,
Покоряется воле великого рока.

Пред веленьем судьбы не поднимет он лба,
Ибо знает: строптивых проучит судьба.

Разве мир — музыкант? Часто смотрит он с гневом
И поющим не вторит согласным напевом.

Он, завидевши струны, опять и опять
Простирает к ним руку, чтоб их оборвать.

Два червя в шелководстве; известны мне оба.
Тот — вода, а в другом — словно пламени злоба.

И один кропотливо свивает кокошн,
Рвет все нити другой: лиходействует он.

В каждом улье, взгляни, есть различные пчелы:
Та — свеча, рядом с ней — мотылек веселый.

Та порхает за пищей, другая ж пчела
Все сжирает, как вор, не стыдящийся зла.

Мы даем предпочтенье пчеле медоносной,
А не той, пожирающей мед, вредоносной.

Видя смерть, видя знак, что к отбытию дан,
Встреть безропотно пламень, о смертный фазан!

Жжет желанье тебя, о насытый, какое?
Что упорствуешь ты, не спешишь на жаркое?

Если будешь терзаться, — в мученьях сгоришь,
А не будешь, — познаешь спокойствия тишь.

«Семь небес, что дракон семиглавый, —
я внемлю, —
Щит собьет он с луны и низвергнет на землю».

Глянь: лазурь — решето. Сколько звездных в ней
глаз!
Ты — с землей решето, небо — с пурпуром таз.

Небо кровь изольет. Решето смелым взмахом
Подними и осыпь свод пурпуровый прахом.

Где находится твердь, есть и воды при том, —
Там и таз весь в крови, рядом он с решетом.

Весь — кувшин голубой. Он властней чародея.
Все цвета льет он в мир, ими всеми владея.

Часто видим: с кувшином сидит чародей,
В синеве сколько магов! И каждый — злодей.

То, что сверху — внизу, то, что снизу — высоко.
Не измерит небес наше смертное око.

И над нами они и под нами они.
«Верх» и «низ» все же людям звучат искони.

В этой песне моей нет борьбы с небесами.
Всем по нраву ль она, — разрешите вы сами.

Прихотлива судьба — как сдержатъ мне свой
вдох! —
В этих тесного мира стенах четырех.

Если смертный решит: «Все свершить я сумею»,
Вмиг арканом судьба стиснет гордую шею.

Мехом красной лисицы одарит она
И швырнет черным псам, то добра, то страшна.

Долго ль чтить бытiе, — перекресток базарный!
Бросим тело свое, — перекресток базарный!

На четыре подушки склонить бы чело!
Всех стихий четырех позабыть бы нам зло!

Двери две в этом мире недолгом и лживом.
Вход приветлив, а выход, гляди, — над обрывом.

Добровольно никто не уходит, поверь,
Во вторую, над страшную пропастью дверь.

Каждый скорбен, поняв: он колодца не минет,
Словно снег упадет, словно лед он застынет.

Славаю молнию: пламень, мгновенен и яр,
Промелькнет, в нашем сердце зажегши пожар.

И не стынет свеча: хоть немногие ночи
Просияет, порадовав смертные очи.

Знайте: тот, у кого неисправно судно,
Должен плавать уметь; мы добавим одно:

Под волнами, под пеной их бурного бега,
Рыба вовсе не страдает от ветра и снега.

Для спешащего лучше обвезженный конь,
Чем скакун, не забывший свой дикий огонь.

Мир исполнился зла, незнаком он с любовью,
Над моей он смеется пролитой кровью.

Небосвод почернел, мглой над нами поник,
В синих тканях мы все; желт у каждого лик.

Лишь постигший весь путь нам неясного строя,
Сможет в лад с ним запеть, струны правильно
строя.

Быть с вожатым нам должно на трудном пути.
Мой вожатый, скажи, где тебя мне найти?

Смерть близка; на нее скоро вскину я вежды.
Уж на дни бытия я утратил надежды.

Все же войско мечты от меня не ушло,
И на ложе в мечтаньях клоню я чело.

И дремотные грезы приходят к развязке,
И живу, бытие свое черпая в сказке.

Но куда унесут меня крылья, куда?
И в какие чужие приду города?

Перекресток дорог... Сколь различны дороги!
«Избери же свой путь!», — слышу голос я строгий.

Коль мне старцем степенным назначено стать, —
От людей наших дней суждено мне отстать.

Все чины соблюдай ты для дел, — не для бредней.
Чти везира, но знай и о мошке последней.

Если слишком малы иль огромны тюки,
То носильщику, шах, их носить не с руки.

Прививать к старой ветви побега не надо;
В чем от львенка Хосрову нашлась бы ограда?

Старый ствол не пили. Говорю тебе так,
Потому что венец свой утратил Зоухак.

С солнцем схож миродержец и с влажною тучей:
Шлет он пламя и воду рукою могучей.

Он безмерному морю жемчужины даст,
Он рубинам велит в горный прятаться пласт.

Там, где только поднимет он гордое знамя, —
Он развяжет кошель. Вся душа его — пламя.

Восхваляю творца! Полон мудрости шах.
Привлекая сердца, жар он множит в сердцах.

Все он взвесит былинки и взвесит он горы.
Смогут всё оценить шаха зоркие взоры.

Одаренных умеет к себе он привлечь,
Слово плавное ценит и острую речь.

Потому он славнее всех мощных и славных,
Что ему в мире этом не сыщется равных.

Этой книги моей знал я жаждущих тьму,
Но ее посвящаю лишь только ему.

Был знаком я с царями, с семьей их великой,
Но отшельников место лишь с этим владыкой.

Я знавал безголовых: был каждый таков,
Что злодейски срубал много ценных голов.

Хоть не раз пред собой зрел открытую дверь я,
Стол я видел пустым, не внушавшим доверья.

Лишь торговцев я знал с правом грубых менял;
К подчиненным любой злую власть применял.

Сердце шаха — что море, а речь небывалым
Блещет жемчугом: лал в нити вижу за лалом.

Как взнесен покупатель! Какая в нем статья!
Как же речи моей вознесенной не статья?

СЛАВОСЛОВИЕ ВОСХВАЛЯЕМОМУ ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГЯНДЖИ

Говорят, что над этим зеленым ковром
Есть в лазури петух. Он горит серебром.

В барабан синевы он забьет без усилья,
И земных петухов вмиг захлопают крылья.

Эта птица небесная, может быть, я:
Каждым утром возносится песня моя.

И в ответ по Гяндже всюду слышатся клики.
«Ты певец наших дней, — возглашают, — великий!»

Ты все медляшь в неволе Гянджи, Низами!
Ты с великих сокровищ оковы сними.

Сняв оковы, яви все сокровища клада.
В обращенье пускать клад накопленный надо.

Коль тебе дивный дар был ниспослан судьбой,
Пусть весь мир, Низами, озарится тобой.

Имя шаха ты выбил на золоте. Слово
Восхваленья должно у тебя быть готово,

И воспеть ты обязан царя торжество
И прославить великое время его, —

Покорителя царств, украшение престола,
Изад-Дина, — владыку подлунного дола.

Мудрой волей своей покорил он Мосул.
«Он царей Кадар-хан!» — словно слышится гул.

Он — Махмуд. Он — Давид. Он всемогущ.
Он скромн.

Он учен. Кругозор его знания огромен.

Махмудиец по царству славнейшему он.
Давудиец по роду древнейшему он.

Он — весна, с благодатными схож он краями.
Песней горлиц воспет он, воспет соловьями.

На пиру он — апрель, что спешит на луга,
Рассыпая дирхемы, меча жемчуга.

Если, светлый, вино поднимает он в чаше,
Кровь рубина в лазури всех яхонтов краше.

В дни, когда его меч всем являл свой закал, —
Блеск небес в темной туче защиты искал.

Ловчий сокол царя ввысь летит не без прока:
Миг, — и стонет вверху сокол темного рока.

Если царский орел ввысь ударит крылом, —
О пощаде моля, бьют светила челом.

Кто бы мог, посрамив его царскую славу,
Подражать его жизни и светлому нраву?

Призадумайся, вор! Нázемь свергнется тот,
Кто из лунного света веревку совет.

Кто, виденьем смущен, мчится к призрачным
водам, —
Тот напрасным измучит коня переходом.

Человек, за лепешку принявший луну,
Может рухнуть в колодезь, в его глубину.

Демон издали кажется ангелом. Все же
Сердце, полное мрака, со светлым несхоже.

Милосердным царем ты царя назови:
В нем, исполненном веры, без меры любви.

Чтоб его восхвалять, сил моих уж не стало.
Кто ж его превознес, превознес, как пристало?

Почему имя нашего шаха Пишкин? —
В милосердии он первый, пред всеми один.

Если имя Пишкин мы напишем умело, —
Прозвучит — «первый царь». Можем вымолвить
смело:

«Первый царь», — это имя пристало ему.
Он отмечен творцом. Всю рассеял он тьму.

Вновь построился мир, весь охваченный страхом.
Знал я многих людей, осчастливленных шахом.

Вся земля сотряслась, туч метнулась гряда.
Сотрясение земли унесло города.

Так взъерошился дол, так всклокочились горы,
Что покрыл темный прах всей лазури просторы.

Закрутилась земля. Иль пришел ее срок?
Стал ее кувыркать разыгравшийся рок.

Вострубил Серафил, гор низвергнувши глыбы.
И напуганный Бык отшатнулся от Рыбы.

Все оковы небес разомкнуться смогли.
Свел разгул сотрясения суставы земли,

Заградил в ее жилах текущие воды,
Гор поранил хребет, в них закрыл он проходы.

Он Юсуфов сражал. Не пугаясь потерь,
Синей краской окрасил он каждую дверь.

Все глаза он подвел тяжкой скорби сурьюю,
Целый мир он одел безнадежности тьмою,

Сжал он бедную землю в такие тиски,
Что огромные скалы разбил на куски.

Все сломал он стекло. И под небом угрюмым
Сотни выступов стен наземь рухнули с шумом.

Тьма сокровищ пропала. Но помним, дрожа:
В эту ночь на субботу исчезла Гянджа!

Все стонали мужи, горько плакали жены.
Стар и млад издавали печальные стоны.

Но для жемчуга нить все ж смогли сохранить.
Потому что сияла жемчужная нить:

Шахский жемчуг сверкал, властно с бедами споря,
И в злосчастном краю смокли возгласы горя.

Знай, от шахских всечасных заботливых дум
Этот край вновь зацвел, как блистательный Рум.

Не ищи пепелищ и унылых развалин:
Их не сыщешь нигде, снова мир беспечален.

Посмотри, как премудрый могуч государь:
Все в порядок пришло, все прекрасно, как встарь.

Погляди, кое-где все ж найдешь перемены:
Не из глины быллой, а из золота стены.

Шах рассыпал в развалинах блещущий клад:
Скорбь и горе прогнать был по-царски он рад.

Каждый угол украсил он сладостным садом,
На домах светят светочи блещущим рядом.

Если царству всему дал и строй он и свет,
Пусть чертог его держится тысячи лет!

ВСЕПОДДАННЕЙШЕЕ ОБРАЩЕНИЕ

Славься, солнце! О шах, мы при свете твоём
Видим все, что вокруг, — все, о чем мы поем!

Хоть светильник любой может радовать светом,
Дальний мир остается в туманы одетым.

Нет, не тот воцарится на радость всем нам,
У кого в кладовых нету счета венцам.

Душу радует тот, — это молвяю я смело, —
Тот, кто каждому шапку дарует за дело.

Те мозги, что кичливых возжаждали слов,
Полновластно мечом выбил ты из голов.

Царь, свой стяг и свой разум вознесший над миром,
Счастливы будут в боях, пир он справит за пиром.

Бог твой стяг развернул в эти славные дни.
Колебанье суждениям твоим не сродни.

Много было царей в этом мире превратном,
Но цветешь, государь, ты в венце благодатном.

Управление народами взял ты в персты.
Наилучшим созданием являешься ты.

Одаряя, о царь, ты не знаешь препоны,
Подарил ты царям их блестящие троны.

Справедливый, ты выше, чем светлый Пешдад,
Чем Кавус, Кей-Хосров или сам Кей-Кобад.

Правосудья венец! Умудренный, великий!
Пред тобою должны все померкнуть владыки!

В семь войди бирюзовых чертогов, и рад
Будешь ты расширению вседневных оград.

Чашу шлет Низами. Пусть же будет по вкусу
Эта чаша владыке — второму Кавусу.

Этой тускою чашей с Махмуда возьми
Всю оплату за «Книгу царей», Низами!

Государь! Два наследника есть у былого:
Ты — по щедрости, я — по сверканью слова.

Ведь не отданный долг, — мне тебя не учить, —
Царь-наследник наследнику должен вручить.

Не мое ль, государь, всех прекраснее слово?
Не твое ль, щедрый, сердце на щедрость готово?

Мне в сказаньи, о царь, мой рассудок помог.
Бог мне в помощь: при чтении ты будешь не строг.

И улучшит мой стих помощь эта двойная
В десять раз. Я дрожал бы, об этом не зная.

Мной возвращенною розой, пленившей меня,
Самоцветом, что ярче любого огня,

Ты чертог свой укрась. И в сверкающей чаше
Пусть напиток блестит, лалов огненных краше!

Так испей же вина, а меня извини,
Ведь печать затворила уста Низами.

И в семи небосводов потайную суть
С этой книгою греки смогли заглянуть.

Но из прошлых жемчужин в подлунной пустыне
Одного Антиоха находим мы ныне.

Так вот новое — все, что звучит нам досель, —
Создал в книгах своих покровитель земель.

И когда, чтивший знанье все боле и боле,
Царь воссел на великом, всесветном престоле,

Мудрецам он промолвил в назначенный час:
«Мудрецов изречения радуют нас.

Да забыть им о зависти — горестном чувстве!
Важно первым быть в знании или в искусстве!

Много в мире достоинств, что выше всего,
Но превыше их всех — лишь одно мастерство».

И с тех пор повелось при царе Искендере:
Только знающий муж в полной славится мере.

Государь вел к познанию свой караван.
Вслед за ним царедворцев направился стан.

К полным знаниям мужам шли придворные, чтобы
Воспринять всю премудрость великой учебы, —

И по воле царя, почитавшего ум,
Был прославлен Юнан и прославился Рум.

И страницы Юнана закрылись, и время
Протекло, — все же славится мудрое племя.

Хоть приемный шатер до созвездий вымывал,
Все в молельне своей государь пребывал.

Вся из кожи козлиной молельня темнела,
Золотых и серебряных скреп не имела.

Весь шалаш был из ивовых прутьев; для ног
Не ковер в нем лежал, — только белый песок.

Бытием истомясь, отведа его сети,
Здесь, в молельне, Владыка не думал о свете.

Тут снимал он венец, также пояс царей,
Чтоб служения пояс надеть поскорей.

К лику светлой земли наклонялся он ликом
И, склоняясь, вздыхал он в смиренности великом.

Благодарность воздав за бывшее, у сил
Неземных он в грядущем помощи просил.

Мнил он делом творца все, что было дотоле,
А не делом своей побеждающей воли.

Прославляя он, как видишь, немало творца.
И моленье его достигало творца.

Лишь моления тех, что исполнены скверны,
Ввысь восходят напрасно дорогой неверной.

Если бога молящий покорен и чист, —
Путь мольбы его скор и открыт и лучист.

Овладел Искендер величайшей державой,
Славясь мудрым правленьем и верою правой.

Не сродни был он тем, что на буйном пиру,
Силы зла не узрев, не стремились к добру.

След насилья он стер. Под огнем поднебесья
Царь удерживал в мире покой равновесья.

И дитя и вдова, правосудья взыскав,
Поспешали к царю, зная царский устав.

Столько было добра в его праведном лике,
Что все семь поясов подчинились Владыке.

К людям знанья он шел для познания дел,
И познанием весь мир получил он в удел.

Как бы иначе турок румийского края
Взял индийский престол и корону Китая?

Да! Куда бы ни шел он, подобный горе, —
Шесть разделов имелось на царском дворе:

Было тысячу мощных, владевших мечами,
Что поспорить с любимыми могли силачами;

Были здесь колдуны, — было множество тут
Тех, которыми мог быть распутан Харут;

Были здесь краснобаи, чья хитрая сила
Похищала сиянье дневного светила;

И толпа многомудрых ученых была.
Не пытайся их счесть, — не найти им числа;

Были светлые старцы, что в ночь перед битвой
К звездам очи вздымали с горячей молитвой;

Были здесь и пророки. Прославленный ряд
Этих сил проникал в каждый царский отряд.

И в нелегких делах, не идя наудачу,
Чтобы легче решить непростую задачу,

Царь, построив ряды из шести этих сил,
У шести этих ратей помощи просил,

И они, облегчая цареву дорогу,
Искендеру давали большую помощь.

И развеять могли они ужасы мглы,
И распутать умели тугие узлы.

По предвиденью старцев, по воле созвездий,
Что врагам предвещали угрозу возмездий,

Все свершалось, и в блеске счастливого дня
Цель спешила к царю, погоняя коня.

Ощувив, что неистовство вражье простерло
Дерзновенную длань и хватало за горло, —

Думал царь. «Бросив золото в руки врагу,
Золотым этим делом себе помогу».

Если ж золотом враг не прельщался, то смело
Царь железный — железом свершал свое дело.

В час, когда и железо теряло права,
Привлекал Искендер на помощь волхва.

Если ж призванный волхв не был с должным
Призывался помощник, владеющий словом,
уловом,

Если речь рассыпалась бессильно у скал,
То в уме мудрецов царь помощи искал.

Если мудрый не мог предоставить помощи,
Всё подвижник свершал, обращавшийся к богу.

А когда и над ним грозный властвовал рок,
То на зов Искендера являлся пророк.

Но когда и пророк отступал понемногу,
Искендер все вверял только мудрому богу.

И Великий Ключарь государевых дел
Посылал Искендеру счастливый удел.

И везде государь, сей венец мирозданья,
На дорогах своих находил назиданья.

И пиров и охот соблюдая устав,
Царь нигде не искал безраздумных забав.

В некий день, услаждаясь блистательным пиром,
Царь ворота веселья раскрыл перед миром.

И на царском пиру, теща радостный взгляд,
Разместился чангистов сверкающий ряд.

Лишь один из певцов этой праздничной ночи
Привлекал Повелителя зоркие очи.

Был он в радужной ткани, в прекрасной ваши.
Семь цветов ее были весьма хороши.

Вкруг одежды, что блеска являла немало,
Государево сердце с отрадой витало.

Хоть одежды прекрасной сняли цвета,
Да подкладка была из простого холста.

Но певец понапрасну был в твердой надежде,
Что не скоро пропасть этой пышной одежде.

К ткани прядала пыль, к шелку ластился дым,
И наряд постарел. Стал он словно седым.

Улынулись друг другу уток и основа,
И певец быть нарядным не мог уже снова.

И одежду он вывернул кверху холстом,
Оказавшись в наряде невзрачном, простом.

Искендер, увидав цвет холста некрасивый,
Так промовил певцу: «О певец несчастливый,

Что с себя ты совлек лепестки своих роз
И облекся в шипы, не страшась их угроз?»

Что в дерюге пришел, не в шелку небывалом?
Почему со стекляшкой пришел, а не с лалом?»

И, прижавши к земле лоб склонившийся свой,
Поклялся музыкант Искендера главой.

Что он в том же шелку, что для царского взора
В некий день просиял красотой узора:

«Но ведь стала дырявой одежда моя,
И подкладкою вверх ее вывернул я.

Если б я пред царем был в одежде дырявой,
То нутро разглядел бы увенчанный славой».

И, услышав разумное слово певца,
Несказанно смутился носитель венца.

И певца благосклонным окинувши взглядом,
Одарил он немедля роскошным нарядом.

И сказал он в прискорбьи среди тишины:
«От людей наши тайны скрывать мы должны.

Если тайное наше откроется взглядам,
Целый мир переполнится тягостным смрадом.

Если чья-то откроет в грядущем рука
Тот сундук, где румийские скрыты шелка,

Быть ли черным алоэ, хоть мрак его скрыло
От людей серебром, и узором кадило!

Черный пепел узрев, каждый будет готов,
Засмеявшись, блеснуть белизною зубов».

О ТОМ, ПОЧЕМУ ИСКЕНДЕРА НАЗЫВАЮТ ДВУРОГИМ

О певец, подними сердцу радостный звон, —
Те напевы, что звучный таит органон,

Те, что гонят печаль благодатным приветом,
Те, что в темной ночи загораются светом.

□ □ □

Искендера воспевший в сказанье своем
Так в дальнейших строках повествует о нем:

Он Заката прошел и Востока дороги,
Потому-то его называли: Двурогий.

Все же некто сказал: «Он Двурогий затем,
Что мечами двумя бил он, будто бы Джем».

Также не были речи такие забыты:
«На челе его были два локона свиты».

«Два небесные рога — Закат и Восток
Взял во сне он у солнца», — безвестный изрек.

Услыхал я и речь одного человека,
Что Прославленный прожил два карна от века.

Но Умар-ал-Балхи, пламень мудрости вздув,
Утверждает в своей славной книге Улуф:

В дни, как скрыла царя ранней смерти пучина,
Поразила людей Искендера кончина.

Ионийцы любили царя, и они
Царский лик начертали в те горькие дни.

И художника кисть, чтоб возрадовать взоры,
Начала наводить вокруг Владыки узоры.

Справа, слева два образа возле царя
Начертал живописец, усердьем горя.

Был один из начертанных дивно рогатым,
В золотом и лазурном уборе богатом.

«Светлых ангелов два» — их назвал звездочет,
Потому что он знал, как все в мире течет:

Есть у смертных, что созданы богом, оправа, —
Рядом с ними два ангела — слева и справа.

И когда три начертанных дивных лица,
Чье сиянье, казалось, не знало конца,

Стали ведомы всем, то, подобные чуду,
О царе Искендере напомнили всюду.

И художникам дивного Рума хвала
Меж народов земли неуклонно росла.

Но арабы (их пылу отыщется ль мера!)
Не нашли в среднем лике царя Искендера.

Ангел, — мнили они, — быть не может рогат.
Это — царь. И наряд его царский богат.

Так ошиблись они. И сужденье нестрогим
Обрекали царя слыть повсюду Двурогим.

И сказал мне мудрец, чьи белели виски:
«Были царские уши весьма велики.

И затем, чтоб смущенья не ведали души,
Ценный обруч скрывал государевы уши.

Был сей обруч — тайник полных кладом пещер:
Как сокровище, уши скрывал Искендер.

Слух о них не всплывал, над просторами рея,
Видел уши царя только взор брадобрея.

Но когда в темный мир отошел брадобрей,
Стал нуждаться в другом царь подлунных царей.

Новый мастер в безлюдьи царева покоя
Тронул кудри царя, над Владыкою стоя,

И когда их волну он откинул с чела,
Мягко речь государя к нему потекла:

«Если тайну ушей, скрытых этим убором,
Ты нескромным своим разгласишь разговором,

Так тебя за вихры, дорогой мой, возьму,
Что не скажешь с тех пор ни словца никому!»

Мастер, труд завершив под блистательным кровом,
Позабыл даже то, что владеет он словом.

Словно умысел злой, помня царский завет,
Тайну в сердце он скрыл, чтоб не знал ее свет.

Но душой изнывая, он стал желтоликим.
Ибо тайна терзает мученьем великим.

И однажды тайком он ушел из дворца.
В степь он вышел, мученью не зная конца.

И колодец узрело несчастного око.
И сказал он воде, что темнела глубоко:

«Царь с большими ушами». Хоть жив был едва
Брадобрей, — дали мир ему эти слова.

Он вернулся к двору, иго сбросивши злое,
И хранил на устах он молчанье былое.

Все же отзвук пришел. Из колодца возник,
Тем словам откликаясь, высокий тростник;

Поднял голову ввысь, а затем воровскою
Потянулся за сладостно тайным рукою.

Вот однажды пастух шел дорогой степной
И увидел тростник над большой глубиной.

И нехитрый пастух срезал это растенье,
Чтоб, изранив его, лаской вызвать на пенье.

Ни с какою тоскою не стал он знаком,
И себя он в степи веселил тростником.

В степи выехал царь свежим утром, — и трели
Услыхал в отдаленьи пастушьей свирели.

И, прислушавшись, он услышал невзначай,
Что над ним издевается весь его край.

Сжал поводья Властитель в смятеньи и гнев:
«Царь с большими ушами» — звучало в напеве.

И Владыка великий поник и притих,
Не вникая в напев музыкантов своих.

И, позвав пастуха, растревоженный крайне,
Царь узнал от него о пастушеской тайне:

«Словно сахарный, сладок зеленый тростник.
Он в степи из колодезной глуби возник.

Я изранил его. Мой поступок не странен.
Он не стал бы играть, если б не был изранен.

Он бездушен, но в нем жар пастушьей души.
В нем звучит мой язык в молчаливой глуши».

Искендер удивился рассказу такому
И коня тронул в путь в направлении к дому.

И, войдя в свой покой, он промолвил: «Скорей!
Брадобрея!» — и царский пришел брадобрей.

И сказал государь, потирая ладони:
«Говори. Все узнать я хочу у тихони.

Ты кому разболтал мою тайну? Я жду,
Чей обрадовал слух на свою же беду?»

Если скажешь, — спасти свою голову сможешь,
Если нет, — под мечом свою голову сложишь!»

И решил брадобрей, слыша царскую речь,
Кто спасенью души своей правду привлечь.

И, склонясь и о роке подумавши строгом,
Он сказал Властелину, хранимому богом:

«Хоть с тобою мной был договор заключен,
Чтоб я тайну хранил, словно девственниц сон, —

Я душой изнывал. Все ж, мокорствуя слову,
Лишь колодцу поведал я тайну цареву.

От людей убережь эту тайну я смог.
Если ложь я твержу, да казнит меня бог».

Чтоб словам этим дать надлежащую веру,
Доказательств хотелось царю Искендеру.

И сказал он тому, кто в смущеньи поник:
«Принеси из колодца мне свежий тростник».

И свирель задышала, — и будто бы чудом
Вновь явилось все то, что таилось под спудом.

И постиг Искендер: все проведает свет.
И от света надолго таимого — нет.

Он прославил певца и, творца разумея,
Сам томленья избег и простил брадобрея.

Жемчуг выдадут глуби и скроется лал
Не навеки: взгляни, он уже запылал.

В недрах прячется пар. Но в стремлении яром
Он гранит разорвет. Все покроется паром.

СКАЗАНИЕ ОБ ИСКЕНДЕРЕ И МУДРОМ ПАСТУХЕ

Приходи, о певец, и зарею, как встарь,
Так захмэ роговым ты по струнам ударь,

Чтоб ручьи зажурчали, чтоб наши печали
Стали сном и к мечтаньям душу умчали.

□ □ □

Так промолвил прекрасный сказитель былой,
Не имеющий равных за древнею мглой:

В румском поясе царь и в венце из Китая
Был на троне. Сияла заря золотая.

Но нахмурился царь, наложил он печать
На улыбку свою, ей велев замолчать.

Обладал он Луной, с солнцем блещущим схожей,
Но она в огневице сгорала на ложе.

Уж мирских не ждала она сладостных чар,
К безнадежности вел ее тягостный жар.

И душа Искендера была уж готова
Истомиться от этого бедствия злого.

И велел он, исполненный тягостных дум,
Чтоб явились все мудрые в царственный Рум.

Может статься, что ими отыщется мера
Исцелить и Луну и тоску Искендера.

И наперсники Власти, заслышавши зов,
Притекли под ее милосердия кров.

Сотворили врачи нужных зелий немало,
Все же тело Луны, изнывая, пылало.

Рдело красное яблочко, мучась, горя.
В мрачной горести хмурились брови царя.

Был он сердцем привязан к перй луноликой,
Потому и томился в тревоге великой.

И, с престола сойдя, царь на кровлю взошел, —
Будто кровля являла спокойствия дол.

Обошел он всю кровлю и бросил он взоры
На окрестные степи и дальние горы.

И внизу, там, где степь расстилась тиха,
Царь увидел овец, возле них — пастуха.

В белой шапке, седой, величавый, с клюкою
Он стоял, на клюку опираясь рукою.

То он даль озирал из конца и в конец,
То глядел на траву, то глядел на овец.

Был спокойный пастух Искендеру приятен, —
Так он мудро взирал, так плечист был и статеь.

И велел государь, чтобы тотчас же он
Был на кровлю к престолу царя приведен.

И помчалась охрана, чтоб сделать счастливым
Пастуха, осененного царским призывом.

И когда к высям трона поднялся старик,
Пурпур тронной ограды пред смертным возник.

Он пред мощным стоял искендеровым валом,
Что о счастье ему говорил небывалом.

Он склонился к земле: был учтив он, и встарь
Не один перед ним восседал государь.

Подозвал его царь тихим, ласковым зовом,
Осчастливив его государевым словом.

Так сказал Искендер: «Между гор и долин
Много сказов живет. Расскажи хоть один.

Я напастью измучен и, может быть, разом
Ты утетишь меня многомудрым рассказом».

«О возвышенный! — вымогил пастырь овец. —
Да блеснит над землею твой светлый венец!

Да несет он твой отблеск подлунному миру!
Дурноглазый твою да не тронет порфиру!

Ты завесу, о царь, приоткрой хоть слегка.
Почему твою душу сдавила тоска?

Дблжно быть мне, о царь, сердце царское зрящим,
Чтоб утешить рассказом тебя подходящим».

Царь одобрил его. Ведь рассказчик найти
Нужный корень хотел на словесном пути,

А не тратить речей о небес благостыне
Иль о битвах за веру, как житель пустыни.

Царь таиться не стал. Все открыл он вполне.
И когда был пастух извещен о Луне,

До земли он вторично склонился и снова
Он молитвы вознес благодатное слово.

И повел он рассказ: «В давних, юных годах
Я Хосроям служил и, служа при царях,

Озарявших весь мир ярким праздничным светом, —
Тем, которым и я был всечасно одетым,

Знал я в Мерве царевича. Был его лик
Столь прекрасен! А стан — словно стройный
тростник.

Был красе кипарисов он вечной угрозой,
А ланиты его насмехались над розой».

И одна из пленительниц спальни его,
Та, что взору являла красы торжество,

Пораженная взглядом, охвачена жаром,
Заметалась в недуге настойчивом, яром.

Жар бездымный сжигал. Ей уж было невмочь.
Ни одно из лекарств не сумело помочь.

А прекрасный царевич! Скажу я нежливо:
Трепетал кипарис, будто горькая ива.

Увидав, что душа его жаркой души
Будто молвила смерти: «Ко мне поспеши!»

И стремясь не испить чашу горького яда,
На красотку не бросив померкшего взгляда,

Безнадежности полный, решил он: в пути,
Что из мира уводит, покой обрести.

За изгибами гор, что казались бескрайны,
Был пустыни простор, — обиталище тайны.

В ней пещеры и бездны. По слову молвы,
Там и барсы таились и прятались львы.

В этой шире травинку сыскали б едва ли,
И Пустынею Смерти ее называли.

Если видел на свете лишь тьму человек,
В эту область беды он скрывался навек.

Говорили: «Глаза не узрели донныне
Никого, кто б вернулся из этой пустыни».

И царевич, теряющий розу свою,
Все хотел позабыть в этом страшном краю.

Но смятенный любимой смертельным недугом,
Был царевич любим благодетельным другом.

Ведал друг, что царевич, объятый тоской,
Злую смерть обретет, а не сладкий покой.

Он лицо обвязал. Схож с дорожным бродягой,
На царевича меч свой занес он с отвагой.

И, не узнавший им, разъяренно крича,
Он свалил его наземь ударом плеча.

Сбив прекрасного с ног, не смущаясь нимало,
На царевича лик он метнул покрывало.

И, схвативши юнца, что стал нем и незряч,
На коне он домой с ним направился вскачь.

А домой прискакав, что же сделал он дале?
Поместил он царевича в темном подвале.

Он слугу ему дал, но, спокоен и строг,
Приказал, чтоб слуга крепко тайну берег.

И царевич, злосчастный, утратив свободу,
Только хлеб получал ежедневно и воду.

И бессильный, глаза устремивший во тьму,
С пленным сердцем, от страсти попавший в тюрьму.

Он дивился. Весь мир был угрюм и неведом.
Как, лишь тронувшись в путь, он пришел к этим
бедам?

А царевича друг препоясал свой стан
В помощь другу, что страждал, тоской обуян.

Соки трав благотворных раздельно и вместе
Подносил для целенья он хворой невесте.

Он избрал для прекрасной врача из врачей.
Был в заботе о ней много дней и ночей.

И от нужных лекарств лютой хворости злоба
Погасала. У милой не стало озноба.

Стала свежей она, как и прежде была.
Захотела пройтись, засмеялась, пошла.

И когда в светлый мир приоткрылась ей дверца,
Стала роза искать утешителя сердца.

Увидав, что она с прежним зноем в крови
Ищет встречи с царевичем, ищет любви, —

Друг плененного, в жажде вернуть все бывшее,
В некий вечер возжег в своем доме алоэ.

И, устроивши пир, столь подобный весне,
Он соперницу роз поместил в стороне.

И затем, как слепца, он, сочувствуя страсти,
Будто месяц изъяв из драконовской пасти,

Сына царского вывел из тьмы. С его глаз
Снял повязку, — и близок к развязке рассказ.

Царский сын видит пир, кравчих, чаши и сласти,
И цветок, у которого был он во власти.

Так недавно оставил он тягостный ад,
Рай и гурию видеть, — о, как был он рад!

Как зажегся он весь! Как он встретил невесту!
Но об этом рассказывать было б не к месту».

И когда царь царей услышал пастуха,
То печаль его стала спокойна, тиха.

Не горел он уж тяжким и горестным жаром,
Ведь вином его старец попотчевал старым.

Призадумался царь, — все творят небеса...
Вдруг на кровлю дворца донеслись голоса:

Возвещали царю: миновала угроза,
Задышала свободно, спаслась его роза.

И пастух пожелал государю добра.
А рука Искендера была ль не щедра?

□ □ □

Лишь о тех, чья душа чистым блещет алмазом,
Мы поведать могли бы подобным рассказом.

От благих наши души сияньем полны,
Как от блеска Юпитера или луны.

Распознает разумный обманные чары.
Настоящие вмиг узнает он динары.

Звуку чистых речей ты внимать поспеши.
В слове чистом горит пламень чистой души.

Если в слове неверное слышно звучанье,
Пусть на живое слово ответит молчанье.

СКАЗАНИЕ ОБ АРХИМЕДЕ И КИТАЯНКЕ

О певец! Пусть твоя будет песня слышна!
Голова моя тягостной смуты полна.

Так запой мне прекрасную песню, чтоб разом
Успокоился песней встревоженный разум!

□ □ □

Из премудрых мужей отдаленных годин
Так поведал о прошлом румиец один:

Жил наперсник царя. Был он царственен. Ведом
Был искуснейший всем. Он звался Архимедом.

Был весьма знаменит его доблестный род.
Удивлялся ему ионийский народ.

Он богатства имел и казался он дивом
Потому, что он был беспредельно красивым.

Был он сведущ во всем, образован, умен.
И внимал всем ученым с охотою он.

Чтил его Аристотель, как сына встречая.
И свой дом он украсил, его обучая.

Поручил Искендер ему царский свой суд,
Зная: скорбные в нем милосердые найдут.

Китайнку, что царь получил от хакана,
Ту, что смелых разила, находчива, рьяна,

Он искусному отдал, — и в сладостный бред
Свой возвышенный ум погрузил Архимед.

Дичь охотник схватил. И в алчбе еженощной
Услаждался он вдосталь дичиною сочной.

Хоть китайской пери́ не избег он силка, —
Как рабыня индийская, скрылась тоска.

Он с Луной занимался наукой объятий,
И не шел к мудрецу для обычных занятий.

И наставник, грустя о пропущенных днях,
За него в своем сердце почувствовал страх.

Видно, вихри безумства куда-то помчали
Одаренного ум. Был учитель в печали.

Чтобы зло и добро было ясно уму,
Он учил сто юнцов, приходивших к нему.

Девяносто и девять — не мало. Беседа
Все ж нестройной была. Он все ждал Архимеда.

И нежданно смолкал. И мрачнел его взор.
Лишь на добром чекане сверкает узор.

Пусть бы здесь лишь один этот юный учился.
Как бы взор Аристотеля светом лучился!

Пусть один пред тобой. Не потупь своих вежд,
Если этот один лучше сотни невежд.

Он призвал Архимеда. Предвидя победу, —
«Ты науку забыл». — он сказал Архимеду. —

«Где твоя, вне познаний, проходит стезя?
Ведь в неведеньи жизнь провести нам нельзя».

Отвечал Архимед: «Это ведаёт каждый:
Припадает к ручью изнывавший от жажды.

Обласкал меня царь, обласкал через край,
Одаривши Луной, озарявшей Китай.

Я пылаю душой, полон юною силой.
Как не быть мне влюбленным в кумир этот милый?

Я забыла с этой дичью о ловле иной.
В двух страстях не пылаем душою одной!

И учитель, поняв, что искусный во власти
Обуявшей его сокрушительной страсти,

Произнес: «Отошли ко мне эту Луну,
Без раба иль служанки, — а только одну.

Погляжу я на ту, что разбойным набегом
От науки отняв, предала тебя негам».

И влюбленный, с кумиром забывший весь мир,
К Аристотелю в дом свой направил кумир.

И составил мудрец, светоч знаний высокий,
Тот состав, что из тела вытягивал соки,

Не вредящие телу, но снова и вновь
Нам дающие жизнь и крепящие кровь.

Он изъял ее влагу, влекущую души.
И взгляни, — кипарис вдвое сделался суше.

И ученый, продолжив свой начатый путь,
В чашу малую влил жизни влажную суть.

И когда этот опыт свершил он с отвагой,
Некрасивым стал идол, расставшийся с влагой.

Сочность красок исчезла. Не краски, а муть.
Жесткий камень. Вода. Где же чистая ртуть?!

И, призвав Архимеда, мудрец ему выдал
Ту, которая прежде сияла, как идол.

«Вот утеха твоя, краше розы самой.
Отведи же ее с ликованьем домой».

И услышал слова он такого ответа:
«Кто, учитель, скажи, некрасивая эта?

Где же роза моя? — после вымолвил он. —
Где Луна, — та, которую взял я в полон?»

И велел мудрый муж, жизнь возвысивший нашу,
Чтоб закрытой доставили малую чашу.

С чаши крышку он снял. Да дивится весь свет
Мастерству! Мудреца, ему равного, нет!

Он сказал Архимеду: «Вот это — утеха
Всей души твоей жаркой и знанью помеха.

Тело нежное было вот этим полно,
И тебя только влагой прельщало оно.

Нет в ней нужной закваски, и в речи неживой
Ты теперь называешь Луну некрасивой.

Для чего нам утрачивать влагу и кровь,
Нашей кровью и влагою теша любовь?

В эту почву не сей свою силу. От века
Этой силе дано возносить человека.

Капле мощи своей сохраненной будь рад.
В ней, тобой не утраченной, много отрад.

Девам диких пламен — ты внемли укоризне! —
Не дари, Архимед, урожай своей жизни.

Лишь одною женой нас обрадует рок.
Муж при множестве жен не всегда ль одиноков?

Почему разнородность господствует в мире?
Семь отцов у нее, матерей же — четыре.

Если дети твои от единой жены, —
То тогда меж собою все дети дружны».

И, поняв, что ценимый румийским народом
Одарил его душу премудрости медом,

Пред учителем дивным поник Архимед,
И нашел к его дому он прежний свой след.

Но китайская все же звала его роза:
Сердце юноши снова колола заноза.

И когда снова ветви оделись листвою,
И вознес кипарис стан приманчивый свой,

И фиалка вздохнула, и вновь не во власти
Был прекрасный нарцисс отрешиться от страсти, —

Вся китайская роза раскрылась опять.
Ветер в погреб с вином стал пути подметать.

И забилось опять, как меж веточек птаха,
Архимедово сердце, не ведая страха.

И свой слух для учебы закрыл он опять,
И раскрывшийся сад снова стал его звать.

И с перй, как перй, он — о, духов услада! —
Укрывался от всех за оградой сада.

И учитель упреков не слал ему вновью.
Он простил ему все за такую любовь.

Два-три года над миром спеша пролетели,
И померкли глаза у китайской газели.

Лепестки алой розы на землю легли.
Соловей улетел, где-то пел он вдали.

Поглотила земля розу, цветущую ало,
Как той розы вино поглощала бывало.

□ □ □

В годы благ, что светили пути моему,
Лучше этой служанку имел я в дому.

Так же светел был разум прекрасной подруги.
Принимал от нее я любовь и услуги.

Красотой, как ладьей, спешив месяц, она
Прямо к шаху коня подвела, о Луна!

Эта роза дышала душою моею.
Был я мужем, одним очастливленным ею.

Но лишь только мой взор стал исполнен огня,
Чей-то вражеский глаз взял ее у меня.

Вот каких похищает набегами небо!
Словно лик ее белый под небом и не был!

Как я счастлив был с ней! Сколько знал я услад!
Пусть господний теперь к ней склоняется взгляд.

Мой таинственен путь. Добывая алмазы,
Для людей обновляя старинные сказы,

Я, в своем торжестве всем дарующий сласть,
Сладкоустых даю горькой смерти во власть.

Ведь Ширин создавая всем людям на радость,
Потерял я навек мне дававшую сладость,

И построив ограду для клада Лейли,
Я другой самоцвет отдал мраку земли.

Вот и новая повесть к развязке готова,
И Ризвану я дал новобрачную снова.

Как же я, вспомнив жен, полный горестных дум,
Кончу повесть про Рус и про сказочный Рум?

Надо скорби забыть! Свой рассказ не нарушу,
Да струится он вновь, утешающий душу!

СКАЗАНИЕ О МАРИИ-ЕГИПТЯНКЕ

О певец, ты запой мне о жизни былой!
Так на лад зардуштийцев мне песню запой, —

Чтоб звучал он под сенью непышного крова,
Чтобы вдаль устремиться душою мне снова!

□ □ □

Мудрый, ведавший всё, мастер сладостных слов
Так с рассказа старинного сбросил покров:

Египтянка Мария в то время царила
На сирийском престоле. Дышала в ней сила.

Но в тяжелой войне потеряла она
Много мощных твердынь — не спаслась ни одна!

За врагами враги вновь давали сраженье.
Самый лютей из них ей нанес поражение.

И когда замутились царицы дела,
Ко двору Искендера она прибыла,

Чтоб защиты искать, чтобы в светлом грядущем
Наслаждаться могла своим царством цветущим.

И к дестуру царя обратилась жена,
Ибо правой защиты искала она.

Но узнав, что к дестуру являются, чтобы
Воспринять полноту его мудрой учебы,

Устыдилась она говорить о правах,
О бесправьи врагов и о прочих делах.

Вражий гнет позабыв и свои же стенанья,
Захотела Мария великого знания.

И сбирала она мудрых знаний посев
Дерзновеннее всех обучавшихся дев.

И у мужа, что миру являл откровенье,
Лишь она допускалась к воде омовенья,

И пред мудрым лицо открывала не раз.
Но не вскидывал стойкий потупленных глаз.

Созерцал он, души сберегая свободу,
Только руки свои, принимавшие воду.

Увидал, что мудрец с этой самой поры
Стал глотать камфару от ее камфары.

Отказалась Мария и думать о власти
Над душой мудреца, осуждавшего страсти.

И, отдав свое сердце науке одной,
Лишь в науке для сердца сыскала покой.

И тогда Аристотель пред ней, черноокой,
Постижений завесу раздвинул широко.

Дал он жемчуг жемчужине. Чист и глубок,
Много дивных речений пред ней он изрек.

И о тайнах, легко не дававшихся в руки,
Все поведал ей друг потаенной науки.

И для знания рожденная, к знанию спеша,
Все в себя приняла египтянки душа.

Возвращенная памятью к царственным предкам
И к простору, что цвел в изобилии редком,

Вновь она воцарилась бы! Но не найти
Нужных войск, нужных сил для такого пути!

Аристотель постиг мысли взлетом единым:
Никому без богатства не стать властелином.

К деве, схожей с алмазом, алхимию он
Применил. Камень мудрости был ей вручен.

Засияла она силой знания тайной
И магической мощью сверкала бескрайной.

Чаровнице вручивший познания клад,
Был дестур по приказу верховному рад

Снаряжать эту деву в предел ее края,
Ей даруя войска и подарки вручая.

И Мария в восторге отправилась в путь,
И себе свое царство сумела вернуть.

Снявши пошлины все, не стремясь и к налогу,
Отменила и подать она понемногу.

Что ей деньги собирать — не пустая ль игра? —
Мигом золото делала из серебра!

Сребротелая золотом, словно играя,
Одаряла народ ей подвластного края.

Тем, кому делать золотом камни дано,
Камень, золото, — молви, — не есть ли одно?

У коней царской стражи подковы простые
Не встречались, — сверкали одни золотые.

У придворных вельмож не имелось осла,
Не бросавшего блеск золотого седла.

Столько золота взвесить какими весами?
В звонких звеньях тянулось оно и за псами.

И ученые люди — к чему им тужить! —
Как и все, захотели в довольстве пожить.

И, узнав о добыче богатств неизменной,
Поспешили явиться они к Драгоценной.

И Владычице кладов сказали они:
«Мы ведем в нищете наши скорбные дни.

Чужды нам все ремесла, известные людям,
Мы раздумий о мире для них не забудем.

Все занятия мирские не нам суждены,
Потому-то и пищи мы все лишены.

Может быть, госпожа, всех призревшая бедных,
Нам откроет врата в мир познаний победных,

И, сия умом, в предназначенный час,
Хоть немного алхимии выучит нас.

Много скрытых сокровищ заблещет лучами,
Если ты к их дверям одаришь нас ключами.

Пропитанье дневное нашедши тайком,
Мы уж больше нуждаться не будем ни в ком».

Чаровница, которой все в мире далось бы,
Благосклонно внимала словам этой просьбы.

Был гранитный чертог. Это был мукарнас.
(Так чертог этот круглый зовется у нас.)

И под свод чаровница вступила узорный,
На сверкающий лик шелк набросивши черный.

И на кудри, что мускусом тешили взор,
Белых бус наложила царица узор.

И крест-накрест вокруг белых, сверкающих зерен
Темный жгут заплелся. Был блестящ он и черен.

И сказала Мария: «Для ваших очей
Я сплела эти косы над мраком бровей.

Поглядите на знак постижений потайных
И на утро чела». В рассужденьях бескрайных

Заметались умы всех внимавших. Жена
Задала им загадку. Что значит она?

Кто-то молвил: «Слова не сложны, но удачны:
Как Зухре, эти бусы ярки и прозрачны».

«Нет!—воскликнул другой—тайна в каждой косе».
И, смутясь, над загадкой задумались все.

И опять словопренье возникло, и всякий
Изъяснял по-иному волшебные знаки.

И хоть пыл мудрецов возрастал и не гас,
Все ж бесплодно прошел шумных поисков час.

Новый день засиял. Мудрецы у царицы
Попросили загадок другие страницы.

И взошла она снова в высокий чертог,
И ученые сели у царственных ног.

И сказала она о богатстве просимом,
Рассказала о кладе, премудрыми зримом, —

Единицу умножить раз в десять, а сто
Сделать тысячью, — это мне все ни во что.

Дайте сто золотых. Дайте их поохотней.
Станет тысячью данное, бывшее сотней.

Да приставьте ко мне вы своих сторожей,
Многоопытных в страже и зорких мужей.

Хоть им все будет странным, диковинным даже,
Пусть в безмолвьи глядят, как и свойственно
страже.

Кровь и шея — мои. Вас ли я обману?
Ваши — чаша и меч. Верьте в правду одну».

И склонился халиф в эти волны дурмана.
Тотчас золото дал на покупку обмана.

Но отважный ловкач, все, что было дано
Для магических действий, променял на вино.

Только десять динаров осталось, но смело
Принялся хорасанец за хитрое дело.

Мощный сделал он горы и, меж пальцев помяв,
Он вложил в него горстку неведомых трав.

«Табарьяк» обрести, в соблюденье всех правил,
В нижний город и в верхний людей он направил.

Ищут люди, и в лавке одной, наконец,
Им невзрачные бусы вручил продавец.

И, потратив динар, с «табарьяком» охрана
Возвратилась к плуту, не постигнув обмана.

Раскрошив свои бусы, «волшебник» метнул
Их с поспешностью в горн, и огонь он раздул.

Все увидели золото. Так злато-ало
Заблестало оно! Все иное — пропало.

Вылил плавку он в тонкую трубку сполна.
Не с червонным ли золотом стала она?

Доложили халифу: «Взирали мы строго,
Но из праха им создано золота много».

Да! Халифа даенье пошло не во зло.
В десять раз оно в мудрых руках возросло.

И халиф, ожидая пожив, без опаски
Пребывал к хорасанцу исполненным ласки.

Десять тысяч динаров вручил он ему.
За сумой пришлецу подносили суму:

«Множь динары в огне чудотворного горна.
Одарю тебя. Милость моя непритворна.

Я с твоих соглядатаев службу сложил.
Ты доверие наше вполне заслужил.

Испытанье свершилось. Ты действовал смело,
И тебе по плечу твое трудное дело».

С дерзкой важностью «маг» взял доверенный клад.
(Вор уж был наготове покинуть Багдад.)

Прибежал он домой, — и вино засверкало.
И вина он с охраною выпил немало.

На пол стражи легли и забылись во сне.
А наутро плуту подчинились вполне.

И арабских коней и гулямов он даже
Накупил, размышляя о тяжелой поклаже.

И умчался дорогой безвестною он,
Будто был хорасанец — предутренный сон.

И халиф, услышав, что с обильной казною
Скрылся вор, будто был он мечтою одною,

Счел, что все рассужденья о плутне — пустяк,
Что всю плутню вполне разъяснил «табарьяк».

Он всю хитрость постиг и смеялся над ловкой
Хорасанскою плутней, над ловкой издевкой.

□ □ □

«Табарьяк» — «плутовство». Все поймет грамотей:
Сдвинула точки слегка мастер тонких затей.

Хоть алхимиков речь нас обрадовать рада,
Эту речь принимать нам за правду не надо.

Обольщенный алхимией служит порой
Для алхимиков ловких веселой игрой.

□ □ □

Искендер услышал, что при помощи злата
Вновь Мария царит, и сильна и богата,

Что грозит эта львица метнуться на дичь
И ухватит, быть может, немало добыч.

«Прозорлива она, — говорят Искендеру, —
А ее серебру кто исчислил бы меру?»

С тайны кладов земных снят пред нею запрет,
И богатством жены весь наполнится свет.

Только камень один ей для золота нужен.
Горстка ракушек битых — для груды жемчужин.

Сотворила казны воля злых ее сил
Столько, сколько Карун у небес не просил.

Коль меча ты не вскинешь колдунье на горе,
Все богатством и войском возьмет она вкоре.

Всюду дает ее войско острастку врагам.
Ведь войска, о великий, подвластны деньгам».

Запылаа Искендер гневом лютым и ярим,
Словно солнце, горящее алым пожаром.

И на светлую душу решил он свой меч
Занести, — и на гибель Марию обречь.

И о том, что Владыка насупился хмуро,
Вмиг известье дошло до благого дестура.

И, отправясь к царю, к вражьи проискав слух,
Красноречьем наполнил он царственный слух:

«Чистой девы душа только правдой согрета,
И покорна она покорителю света.

Египтянка, чей разум и честен и прям,
По природе — служанка, по службе — гулям.

Мне рабыней была та, что стала царицей.
И была она верной моей ученицей.

Я повлек ее душу к наукам, и знай, —
Мной раскрыт перед ней потаенного край,

Чтоб нашла она клады на тайной дороге,
Чтоб она не просила людей о помощи.

На нее гороскоп я составил, — и он
Возвестил ей богатство и прадедов трон.

Все другие, владевшие силою тайны,
Не сыскали бы кладов, что столь же бескрайны.

Лишь Мария одна, всю премудрость тая,
Ей ниспосланный клад сторожит, как змея.

И, проникши во мрак — он отныне ей ведом, —
Заняла она трон, что служил ее дедам».

И, услышав дестура, себя одолев,
Погасил Искендер свой пылающий гнев.

А дестур, все открывший Властителю века,
В тот же вечер к Марии послал человека,

Чтоб она преклонилась пред румским венцом
И прислала послание с этим гонцом.

И Мария, владея рассудком немалым,
С новым золотом тотчас раскрыла подвалы.

К Искендеру царица скупа не была,
Столько дивных сокровищ гонцу отдала,

Что подобного груза и в сказочной дали
Никакие весы никогда не видали.

И Мария, цветущая в дальнем краю,
Гнев царя отстранила и гибель свою.

Миротворны дирхемы. Не шлют ли их, чтобы
Был погашен огонь полыхающей злобы?

СКАЗАНИЕ О БЕДНОМ ХЛЕБОПЕКЕ И О СЧАСТЬЕ ЕГО СЫНА

Спой о счастье, певец, чтоб уверился я,
Что о счастье поешь ты ясней соловья.

Пусть твой лад призывает к счастливым уладам,
Не вещая о днях, что пугают разладом.

□ □ □

Всюду в румской земле стали речи слышны:
Прибыл некий бедняк из чужой стороны.

Но затем он, с богатым своим караваном,
Стал Каруном казаться и людям и странам.

Кладом дивным, как море, с каких это пор
Он владел? Взял он клад из воды иль из гор?

И один говорил: «Вскрыл он тайные руды»,
А другой: «Грабежом добывал изумруды».

Говорили о нем все и ночью и днем.
И Властителю мира сказали о нем:

«К нам без драхмы в мошне прибыл горестный
нищий.

В миске этого нищего не было пищи.

Долго жил он в нужде безысходной, а там
Столько звонких дирхемов прибрал он к рукам,

Что когда бы к нему ты прислал счетовода,
Тот не счел бы их всех в продолжение года.

Что он в прошлом? Несчастный бедняк хлебопек.
Только воду имел он да хлеба кусок.

А теперь продает он и жемчуг и лалы.
Все умы удивил его путь небывалый.

Ни торговли, ни пажити, ни ремесла!
Как на почве такой эта роща выросла?

О властитель миров! Нужно было бы крайне,
Чтобы все повелела ты расследовать втайне».

И сказал Искендер: «К нам пришедший из мглы, —
Должен грязь со своей он очистить помы!»

Пусть он явится к нам. Но, приказу внимая,
Пусть молчит, барабанных тревог не вздымая».

Приглашенье к царю! Нет отрадней вестей!
И поспешно к Владыке пошел богатей.

Преклонясь до земли возле царского трона,
Он восславил царя, что для всех — оборона.

И того, кто подвластен был сменной судьбе,
Мановеньем руки царь приблизил к себе.

Он промолвил ему и о зле и о благе
В ясной речи, подобной живительной влаге:

«Благороден твой лик и в словах твоих вес.
И овеян ты счастьем, идущим с небес.

Я слышала, что, приехав из чуждого края,
Ты скитался, на снедь только вчуже взирая.

А такой тебе клад после кем-то был дан,
Что его не поднимет большой караван.

Для мошны потрудился ты, верно, немало.
Лишь к царям столько денег легко прибывало.

Где ты золото взял? Где достал серебро?
Скажешь правду, — и жизнь сохранишь и добро.

Если вымолвишь ложь, дух мой в ярость ввергая, —
Вмиг добро уплывет, с ним и жизнь дорогая».

И внимавший постиг: только правдой горя,
От себя отведешь недовольство царя.

И, вторично склонясь пред сверкающим тронном,
Он промолвил: «О царь, чутко внемлющий столам,

Ты над миром царишь, все сердца утоля,
И твою доброту вся узнала земля.

Ты — венец правосудья! В подлунной отчизне
Все умрут за тебя, не жалея о жизни.

Все богатство нашел я в румийском краю,
А над ним простираешь ты руку свою.

И добычу, что взял я, что дивно богата, —
Если молвишь, твоя тотчас примет палата.

Все вручу я рабам, в твой доставя чертог.
Все отдав, я дворца поцелую порог.

Поведишь, — расскажу, как не в долгие годы,
А мгновенно русло переполнили воды,

Перебравшись в твой край, где я ныне цвету.
Я достатка не знал, знал одну нищету.

И своею нуждой уязвленный глубоко,
Я в те дни занялся ремеслом хлебопека.

Но и тут одолеть не сумел я нужду:
Беспорывно не мог предаваться труду.

При хорошем царе хлебопеки дохода
Не имеют большого. Не менее года

Я метался повсюду, — и этим одним
Занимался, о царь, только небом храним.

Жил я с тихой женой, как судьба повелела.
И узнал я, — жена моя затяжелела.

И решили мы с ней: нас несчастнее нет.
И любовь потеряла свой солнечный свет.

Не слышал от жены я унылого слова,
Хоть кормились мы крохами хлеба сухого.

Но когда уж на сносях лежала жена,
Ей горячая пища не стала ль нужна?

Как печальны, о царь, немощных жилища!
Как пустыни они! В них не водится пища.

Был я скорбью объят, и услышал я вдруг:
«О мой друг и помощник, о милый супруг!

Если б ты раздобыл мне похлебку — быть может,
Я бы вновь расцвела. Голод душу мне гложет.

Не найдется похлебки, — замучаюсь я.
Непогода выиграла, разбита ладья».

В скорби видя голубку, предавшейся плачу,
Вышел из дому я и бродил наудачу

Меж оград и жилищ. Я по городу шел
И съестного искал, и его не нашел.

Двери были закрыты, закрыты жестоко.
Мне ведь беды одни доставались от рока.

Я, блуждая, дошел до развалин. Одни
Чуть не в землю вошли; были пусты они.

И, как сумрачный див, злой бедой опечален,
Я бродил и кружился меж этих развалин

И внезапно увидел жилище одно.
В черном прахе и копоти было оно.

Но дышал в нем огонь обжигающим жаром.
Видно, топливо жгли там по целым харварам.

Черный зиндж, в смутный ужас повергший меня,
Пил из глиняной кружки вино у огня.

Почему же не видишь ты зинджа второго?
За остатком богатств он отправился снова.

Из добычи, укрывшейся пылью земной,
Остается не более ноши одной.

Ты к нам в гости пришел с мирной речью,
с поклоном,
И желанья твои будут нашим законом.

Но когда втащит в дверь мой всегдашний дружок
Гухаров и жемчуга полный мешок,

Ты припрядься в углу и лежи терпеливо,
Словно мертвый. Увидишь ты дивное диво.

Что задумал, то сделаю. Черный дракон
Возвратится, — и будет он мной поражен.

Я один овладею оставшимся кладом,
Буду есть и хмельным предаваться усладам.

И с души твоей также печаль я сотру.
Долю клада вручу я тебе поутру».

Так я с черным сидел. Был смущен я глубоко.
Но внезапно шаги раздались недалеко.

Я вскочил и упал и простерся в углу,
Словно сердце мое ощутило иглу.

Чернолицый вошел, пригибаясь под ношей.
Видно, полон мешок был добычи хорошей.

И мешок с крепкой шеи он сбросил едва,
Хоть была его шея сильней, чем у льва.

Нáземь сбросивши груз, как с вершины — лавину,
Он копченого мяса пожрал половину.

И, увидев, что спит его друг дорогой,
Совершил он все то, что задумал другой.

Снес булатным клинком он башку у собрата, —
И застыла душа моя, страхом объята.

И готов был я чувства лишиться совсем,
Но, осилив свой страх, недвижим был и нем.

Я не выдать себя оказался во власти.
А убийца, разрезав собрата на части,

Половину частей завернул и унес.
Я все так же лежал, словно в землю я врос.

Время долго и тяжело тянулось, и снова
Возвратился убийца и, тканью покровя

Обернувши останки последние, вновь
Их на плечи взвалил и ушел. Только кровь

По земле растекалась... Я понял: не скоро
Он вернется, а ночь все укроет от взора.

И быстрее орла ухватил я мешок —
Этот сказочный дар, что подбросил мне рок.

Я на плечи взвалил клад всех кладов дороже.
Зиндж так взваливал зинджа, и сделал я то же.

Мясо в миске большой захвативши с трудом,
Я, скрываясь во тьме, в свой направился дом.

Видно, небо ко мне проявило участие:
По дороге я встретил одно только счастье.

Да! Отраду узнал на своем я веку!
Скинув с плеч своих ношу, а с сердца тоску,

Славя все, что пришлось так сегодня мне кстати,
Я услышал в дому звонкий голос дитяти.

Дал жене я поесть и, смиренья полна,
Претерпевшая все, помолилась она.

И сказал я жене о небес благостыне:
Об отраде семьи, о родившемся сыне.

Узел ноши своей развязал я, — слезам
Дал утихнуть. Нашел я целебный бальзам.

Что узрел я! Сапфирами, яхонтом, лалом
Был наполнен мешок и играл небывалым

Он огнем жемчугов, бирюзы, янтарей.
Вмиг я стал, о владыка, богаче морей!

Сын мой счастлив! Душа моя вся запылала:
Он ровесником стал и жемчужин и лала.

В ночь богатство мое забурлило ключом.
Ночь открыла мне клад, — клад я отпер ключом».

И счастливец, изведавший счастья избыток,
Замолчал. Он свернул дивной повести свиток.

Царь спросил: «День рождения сына? Над ним
Что сияло? Каким он созвездьем храним?»

И пришедший к богатству по сказочным тропам
Удался. Затем он пришел с гороскопом.

И к Валису премудрому царь Искендер
Отослал указанья мерцающих сфер:

«Гороскоп огляди многоопытным взором.
Все, о чем он промолвил сплетенным узором

Быстролетных созвездий, не знающих лжи,
Ты немедленно мне, о мудрец, доложи».

И Валис, получивший посланье Владыки,
Рассмотрел ходы звезд и весь путь их великий.

Каждой зримой звезды он исчислил предел,
И в потайном все явное он разглядел.

И царю написал он о своде высоком,
Обо всем, что увидел он собственным оком.

И, узревши с землею небесную связь,
Замер царь Искендер, указаньям дивясь.

Рассмотрев сонмы звезд, весь узор их бескрайный,
Так Валис объяснил звездный замысел тайный:

«Это — сын хлебопека. Развеял он тьму:
В день рожденья богатство сверкнуло ему.

Хоть в нужде он родился, — родился он рядом
С поднесенным созвездьями блещущим кладом.

И с рождением ребенка — отрады сердец —
Стал безмерно богатым довольный отец.

Звезды в должном сплетении рожденному рады:
Он поставит ступню на великие клады».

От волнения царя царский взор заблестал.
Царь к торговцу камнями ласковым стал.

И недели прошли своим шагом проворным,
И счастливый отец стал желанным придворным.

ГИБЕЛЬ СЕМИДЕСЯТИ МУДРЕЦОВ, НЕ ВНИМАВШИХ РЕЧАМ ХОРМУСА

О певец, хоть на этот единственный раз
Не стремись приглушить свой рокошущий саз.

Пой о том, что светло, что отрады чудесней.
Ублажи нас гремющей, безгорестной песней.

□ □ □

От поры до поры свой испытывать ум
Всех краев мудрецы в шумный ездили Рум.

Был обычай старинный приехавшим ведом:
Надо души крепить, предаваясь беседам.

Тот, кто прочих ясней ум выказывал свой,
Всей толпы мудрецов становился главой.

Но в сражениях с разумом, с мощью Хормуса
Разум прочих бежал наподобие труса:

Если то утверждал иль другое Хормус,
Спорить с ним, — это был бы напрасный искус.

Разъяснял он верховные силы на диво,
И к нему мудрецы относились ревниво.

Было семьдесят их. И решили мужи
Утверждать, что Хормус — в услужении лжи:

«Что ни скажет — сочтем легковеснее пуха
И его красноречье отклоним от слуха.

Мы смутим его речь отрицаньем своим.
Отрицаньем всего мы расправимся с ним».

И ученые так вот решили при этом:
Лишь Хормус яркой речи блеснет самоцветом,

Выльют воду они его дивных морей
И засыпят землей блеск его янтарей.

Станут всё отрицать снова, снова и снова,
Уши крепко заткнув, чтоб не слышать ни слова.

И Хормус растворил пред собранием уста
И раскрыл всепознанья благие врата.

Каждой мысли полет был премудрому повод
Для того, чтоб явить свой блистательный довод.

Но в ответ на великие мысли возник
Лишь одних отрицаний неистовый крик.

Вновь уста он раскрыл, клад рассыпал он снова.
Светлой мысли явилась иная основа, —

Разъяснения, что ясны любому уму,
Что и камень проймают, всю развеявши тьму.

Вновь увидел Хормус, — не нужны его речи.
Все, чему-то дивясь, лишь приподняли плечи.

В третий раз рассуждениями, полными сил,
Он раскрывшейся истине верить просил.

Как бы теша сердца заключенным смелым,
Всех дивить бы он смог длинной речи разделом.

Но он втуне вздымал голос пламенный свой, —
В знак согласия никто не кивнул головой.

И когда в блеске слова дошедший до грани
Ощутил трудность речи и сухость гортани, —

Он постиг, что мужи, все решивши о нем,
Спорят с истиной, блещущей ясным огнем.

Он постиг: нет им истины, нету в них пыла,
И ему вся толпа непытливых постыла.

«Охладейте — воскликнул он, полный огня, —
И очнитесь от грохота судного дня!»

И тогда — о читатели, мощь его взвесьте! —
Семь десятков мужей вмиг застыли на месте.

Этих спорящих путь был злокознен и крив,
И скривились они, злобу сердца излив.

Наклоненные лбы упирая в колени,
Изогнувшись, мужи словно замерли в лени.

Всё сказали царю, и мгновенно тогда
Он явился на сборище, словно звезда.

Лишь один кипарис возвышался. Немало
Их погибло. Ведь семьдесят наземь упало.

И Хормус разъяснил Искендеру: «На свет,
Вознесенный в лазурь, высь послала ответ».

Царь восславил Хормуса, простился и снова
Возвратился под своды дворцового крона.

И за тайной беседой, дивясь небесам,
Говорил он о том, что увидел он сам:

«В урагане мужей, словно вышедших к бою,
Был волною Хормус, а другие — щепою.

И погибли мужи, всю премудрость поправ,
Утверждая, что разум, столь правый, — неправ.

Мудрецы, скрывши мысли, что всплыли высоко,
В смертный саван укрылись велением рока».

Доказательству истин, что мыслей полно,
Коль не внемлешь, — невнятным пребудет оно.

Для сиянья венца жемчуг сладостный нужен.
Не бросай же во прах зерна светлых жемчужин.

От познания свой лик отвращать перестань.
Тки узорчатый шелк, а не грубую ткань.

Если ты с мудрецом поступал бы учтиво,
Мудрецом ты бы сам всем казался на диво.

СОЗДАНИЕ ПЛАТОНОМ НАПЕВОВ ДЛЯ НАКАЗАНИЯ АРИСТОТЕЛЯ

О певец, прояви свой пленяющий жар,
Подиви своей песней, исполненной чар!

Пусть бы жарче дела мои стали, чем встарь,
Пусть бы все на моем оживилось базаре.

□ □ □

С жаром утренний страж в свой забил барабан.
Он согрел воздух ночи, спугнул он туман.

Черный ворон поник. Над воспрянувшим долом
Крикнул белый петух криком звонким, веселым.

Всех дивя жарким словом и чутким умом,
Царь на троне сидел, а пониже, кругом,

Были мудрые — сотня сидела за сотней.
С каждым днем Повелитель внимал им охотней.

Для различных наук, для любого труда
Наступала в беседе своя черед.

Этот — речь до земного, насущного сузил,
А другой — вечной тайны распутывал узел.

Этот — славил свои построенья, а тот —
Восхваляя свои числа и точный расчет.

Этот — словом чеканил дирхемы науки,
Тот — к волшебников славе протягивал руки.

Каждый мнил, что твердить все должны лишь
о нем,
Словно каждый был миром в искусстве своем.

Аристотель-придворный в столь мыслящем стане
Молвил так о своем первоначальном сане:

«Всем премудрым я помощь свою подаю.
Всё познают принявшие помощь мою.

Я пустил в обращение познания динары.
Я — вожак. Это знает и юный и старый.

Те — познания нашли лишь в познаниях моих,
Точной речью своей удивлял я других.

Правда в слове моем. Притязаю по праву,
Эту правду явив, на великую славу».

Зная близость к царю Аристотеля, с ним
Согласались мужи: был он тронем храним.

Но Платон возмутился покорным собраньем:
Обладал он один всеобъемлющим знаньем.

Всех познаний начало, начало всего
Мудрецы обрели у него одного.

И собранье покинув с потупленным ликом,
Словно Анка, он скрылся в безлюдьи великом.

Он в течение ночей спать ни разу не лег.
Из ночных размышлений он песню извлек.

Приютился он в бочке, невидимый взорам,
И внимал небосводам, семи их просторам.

Если голос несладостен, в бочке он все ж,
Углубляемый отзвуком, будет пригож.

Знать, мудрец, чтобы дать силу звучную руду,
То свершил, что весь мир принимал за причуду.

Звездочетную башню покинув, Платон
Помнил звезды и в звездных огнях небосклон.

И высоты, звучавшие плавным размером,
Создавая напев, мудро взял он примером.

В старом руде найдя подобающий строй
И колки подтянув, занялся он игрой.

Руд он создал из тыквы с газелевой кожей.
После — струны приделал. Со струйкою схоже,

За струною сухая звенела струна.
В кожу мускус он втер и чернела она.

Но чтоб слаще звучать сладкогласному грому,
Сотворил новый руд он совсем по-иному

И, настроив его и в игре преуспев,
Лишь на нем он явил совершенный напев.

То гремя, то звеня, то протяжно, то резко,
Он добился от плектра великого блеска.

И напев, что гремел или реял едва,
Он вознес, чтоб сразить и ягненка и льва.

Бездорожий достигнув иль дальней дороги,
Звук и льву и ягненку опутывал ноги.

Даровав строгим струнам струющийся строй,
Человека и зверя смущал он игрой.

Слыша лад, что манил и пленял как услада,
Люди в пляску пускались от сладкого лада.

А звуча для зверей, раздаваясь для них,
Он одних усыплял, пробуждая иных.

И Платон, внемля тварям и слухом привычным
Подбирая лады к голосам их различным,

Дивно создал труды о науке ладов,
Но никто не постиг многодумных трудов.

Каждым так повелел проникаться он строем,
Что умы он кружил мыслей поднятым роєм.

А игра его струн! Так звучала она,
Что природа людей становилась ясна.

От созвучий, родившихся в звездной пучине,
Мысли весть получали о каждой причине.

И когда завершил он возвышенный труд, —
Ароматы алоэ вознес его руд.

И, закончивши все, в степь он двинулся вкоре,
Звук проверить решив на широком просторе.

На земле начертавши просторный квадрат,
Сел в середине его звездной музыки брат.

Вот ударил он плектром. При каждом ударе
С гор и с дола рвались к нему многие твари.

Оставляя свой дуг иль сбегав с высоты,
Поникали они у заветной черты

И, вобравши в свой слух эти властные звуки,
Словно мертвые падали в сладостной муке.

Волк не тронул овцы. Голод свой одолев,
На онагра не бросился яростный лев.

Но поющий, по-новому струны настроя,
Поднял новые звуки нежданного строя.

И направил он так лад колдующий свой,
Что, очнувшись, животные подняли вой,

И, завыв, разбежались по взвихренной шири.
Кто подобное видел когда-либо в мире?

Свет проведаль про все и сказать пожелал:
«Лалов россыпь являет за лалами лал.

Так составлена песня премудрым Платоном,
Что владеет лишь он ее сладостным стоном.

Так из руда сухого он поднял напев,
Что сверкнула лазурь, от него посвежев.

Первый строй извлечет он перстами, — и в дрему
Повергает зверей, ощутивших истому.

Им напева второго взнесется волна,
И встревожатся звери, очнувшись от сна».

И в чертогах царя люди молвили вскорее,
Что Харут и Зухре — в нескончаемом споре.

Аристотель, узнав, что великий Платон
Так могуч и что так возвеличился он,

Был в печали. Чудеснее не было дела,
И соперник его в нем дошел до предела.

И, укрывшись в безлюдный дворцовый покой,
Он все думал про дивный, неведомый строй.

Он сидел, озадаченный трудным уроком,
И разгадки искал он в раздумьи глубоком.

Проникал много дней и ночей он подряд
В лад, в котором напевы всевластно парят.

Напрягал он свой ум, и в минуты наитий,
В тьме ночной он сыскал кончик выющейся нити.

Распознал он, трудясь — был немал его труд, —
Как возносит напевы таинственный руд.

Как для всех он свое проявляет искусство,
Как ведет в забытье, как приводит он в чувство.

Так второй мудролюб отыскал, наконец,
Тот же строй, что вчера создал первый мудрец.

Так же вышел он в степь. Был он в сладостной
вере,
Что пред ним и уснут и пробудятся звери.

И зверей усыпив, новый начал он строй,
Чтоб их всех пробудить полнозвучной игрой.

Но, звеня над зверьем, он стозвонным рассказом
Не сумел привести одурманенных в разум.

Все хотел он поднять тот могучий напев,
Что сумел бы звучать, дивный сон одолев.

Но не мог он сыскать надлежащего лада.
Чародейство! С беспамятством не было слада.

Он вконец изнемог. Изнемог, — и тогда
(За наставником следовать должно всегда)

Он к Платону пошел: вновь постиг он значенье
Мудреца, чье высоко парит поученье.

Он учителю молвил: «Скажи мне, Платон,
Что за лад расторгает бесчувственных сон?»

Я беспамятство сдвинуть не мог ни на волос.
Как из руда извлечь оживляющий голос?»

И Платон, увидав, что явился к нему
Гордый муж, чтоб развеять незнания тьму,

Вновь направился в степь. И опять за чертами
Четырьмя плектр умелый зажал он перстами.

Барсы, волки и львы у запретных границ,
Властный лад услышав, пали на землю ниц.

И тогда говор струн стал и сладким и томным.
И поник Аристотель в беспамятстве темном.

Но когда простирался в забвении он,
Всех зверей пробудил тайной песнью Платон.

Вновь напев прозвучал, возвращающий разум.
Взор открыл Аристотель. Очнулся он разом

И вскочил и застыл меж завывших зверей.
Что за песнь прозвучала? Не знал он о ней.

Он стоял и глядел, ничего не усвоив,
Как зверье поднялось, как забегало, воя?

Аристотель подумал: «Наставник хитер,
Не напрасно меня он в дремоте простер», —

И склонился пред ним. С тайны ткани снимая,
Все Платон разъяснил, кроткой просьбе внимая.

Записал Аристотель и строй и лады,
И ночные свои зачеркнул он труды.

С той поры, просвещенный великим Платоном,
Он встречал мудреца с глубочайшим поклоном.

Распознав, что Платон всем премудрым пример,
Что он прочих возвышенной, — царь Искендер,

Хоть он светлого разумом чтил и дотеле,
Высший сан дал Платону при царском престоле.

РАССКАЗ О ПЕРСТНЕ И ПАСТУХЕ

О левец, звонкий чанг пробуждая игрой,
Ты для сладостной песни свой голос настрой.

Пусть раздавшейся песни благое рожденье
Мне сегодня окажет свое угожденье.

□ □ □

Свет зари заснял. Мглу сумев превозмочь,
День заставил уснуть утомленную ночь.

Высь внесла золотоцвет всем живущим в угоду,
А луна светлой рыбою канула в воду.

В кушаке из алмазов с застежкой литой
Венценосец воссел на престол золотой.

Ниже сели ученые друг возле друга,
Но Платон сел повыше премудрого круга.

Искендер удивлялся: в игре преуспев,
Как Платон отыскал свой волшебный напев?

Он сказал: «Мудрый старец, ты мыслью бескрайной
Ввысь взлетев, овладел сокровенною тайной.

Ты зажал в своей длани познания ключ.
Ты — источник наук. Ум твой светлый могуч.

О искусный! Читал ты когда-либо свиток,
Где б искусство в такой же пришло преизбыток?

Кто еще возносил нас в такне края,
Где безвестность живет, все от смертных тая?»

Завершив славословье, к ответу готовый,
Так ответил Платон: «Дивный свод бирюзовый

От поры до поры совершал волшебства,
Пред которыми молкнут людские слова.

Наши предки, о царь, не поняв их сознанием,
Чудеса сотворяли своим заклинанием.

Много, царь Искендер, непостижного есть.
Много было чудес. Можно ль их перечесть!

Я из них расскажу, если дашь ты мне волю.
Не десятую часть, а лишь сотую долю».

И велел государь справедливых сердец,
Чтоб любое сказанье поведал мудрец.

И сказал мудролюб, все потайное зрящий:
«О венчанный, желаньем познания горящий,

В днях минувших, в долине гористых земель
Взрыв подземных паров дал широкую щель.

И тогда появилось в глубоком провале
То, что камни и прах с давних пор прикрывали.

Там на брюхе лежал потемневший литой
Медный конь. Полускрыт был он в пропасти той.

Изваяния бок был с проломом немалым:
Водоемом казаться он мог небывалым.

И когда медный конь был в полдневном огне,
Мог бы взор оглядеть все, что скрыто в коне.

Шел пастух по долине, травую богатой,
И, свой шаг задержав пред землею разъятой,

Разглядел в котловине зеленую медь.
Вниз по круче спуститься ему ль не суметь!

Вот он встал пред конем в изумлении глубоком.
И увидел пролом он в коне меднобоком.

И все то, что таилось внутри у коня,
Смог пастух разглядеть в свете яркого дня.

Там усопший лежал. Вызывал удивленье
Древний труп: до него не дотронулось тленье.

Был на палец покойника перстень надет.
Камень перстня сиял, как Юпитера свет.

И пастух пораженный рукою несмелой
Снял сверкающий перстень с руки онемелой.

На добычу взглянув, как на счастья предел,
Он восторженно в перстень свой палец продел.

Драхмы в медном коне не найдя ни единой,
Он покинул гробницу. Пошел он долиной,

Погоняя отары. Спадала жара.
Ночь настала. Пастух дожидался утра.

И когда удалось рог серебряный небу
Сделать огненным шаром земле на потребу,

Он оставил овец на лужайке у скал
И хозяина стада, спеша, разыскал,

Чтобы перстню узнать настоящую цену
И судьбы своей бедной понять перемену.

И хозяин был рад, что явился пастух,
И язык развязал, словно думал он вслух.

Говорил он о стаде, о том и об этом,
И доволен он был каждым добрым ответом.

Вдруг он стал примечать и заметил: не раз
Становился пастух недоступен для глаз,

И затем, словно тень, появлялся он снова.
Рассердился хозяин: «Какого покрова

На себя вот сейчас ты набрасывал ткань?
Ты то зрим, то незрим. Поспокойнее стань!

Чтоб являть колдовство, — не имеешь ты веса.
Где тобою добыта такая завеса?»

Удивился пастух: «Что случиться могло?»
И свое он в раздумье нахмурил чело.

Было так: обладателя перстня немало
Обладанье находкой такой занимало.

И, хозяина слушая, так был он рад
Камнем вверх, камнем вниз свой повертывать клад.

Камень вверх обративши движением скорым,
По-обычному виден он делался взорам.

Повернув яркий камень к ладони своей,
Исчезал он мгновенно от смертных очей.

Камень был необычен, — в том не было спора, -
Своего господина скрывал он от взора.

И пастух разговор оборвал второнях.
Он ушел, чтоб испытывать камень в степях

И в горах. С волей рока он сделался схожим,
Веселясь, он шутил с каждым встречным прохожим.

Камень вниз опустив, промелькнув перед ним,
Во мгновенье шутник становился незрим.

Но сказавши себе: «Зримы ныне пребудем» —
Зримым шел наш пастух, как и свойственно людям.

То являясь, то прячась, придя на базар
Иль в жилье, уносить мог он всякий товар.

Вот однажды пастух, словно дух бестелесный,
Стал незрим: повернул он свой перстень чудесный.

К падишаху в покой, меч индийский схватив,
Он вошел и стоял, как невидимый див.

Но когда и последний ушел приближенный, —
Он, пред шахом явясь, поднял меч обнаженный.

Был ужасным видением шах поражен;
И, ему предложив свой сверкающий трон,

Он промолвил, дрожа от неожиданного чуда:
«Что желаешь, скажи, и пришел ты откуда?»

Так ответил пастух: «Торопись! Я — пророк.
Признавай меня тотчас. Твой благостен рок.

Если я захочу, — я невидим для света.
Вот и все. Это свойство — пророков примета».

Падишах преклонился, почувствовав страх.
И весь город был в страхе, как сам падишах.

Так вознесся пастух, встарь скитавшийся долом,
Что легко завладел падишахским престолом.

Поиграл этим камнем недлительный срок
Наш пастух, — и пастух не пастух, а пророк.

Ты признай, государь, всю силой признанья
Тех, что создали камень при помощи знанья.

Должно тайну волшебств укрывать от умов,
Чтоб незывлемым был нашей тайны покров.

Мой рассудок — вожак, полный жажды движенья,
Эту тайну не вывел на путь постиженья».

Искендером-царем был похвален Платон:
Так наглядно о тайном рассказывал он.

И для мудрых рассказ прозвучал не без прока,
И для многих имел он значение урока.

ОТНОШЕНИЕ СОКРАТА К ИСКЕНДЕРУ

Где твой саз, о певец! Пусть он радует! Пусть
Он сжигает мою непрестанную грусть!

Звуков шелковых жду, — тех, внимая которым,
Распишу румский шелк я тончайшим узором.

□ □ □

Так промолвил мудрец, дивно знающий свет, —
Тот мудрец, для которого скрытого нет:

В те далекие дни, повествуют преданья,
Ионийцы являли пример воздержанья.

Жизни, полной лишений, желали они.
Вожделенья огонь подавляли они.

Удивляла вошедших в румийцев жилища
Мудрость жизни большая и скудная пища.

Сберегавший в себе пламень жизненных сил, —
Тот, кто все вождельня сурово гасил.

Нé пил сладостных вин и не ведал он страсти,
Чтоб рассудок не знал их сжигающей власти.

Кружит голову страсть. Пыл удерживай свой,
Если впрямь дорожишь ты своей головой.

Ионийцам казалось: во всем они правы.
Но от жизни влекли эти строгие нравы.

С суши на море утварь они понесли,
И для жизни избрали они корабли.

Быть мужам возле жен, — не всегда ль
безрассудно?

И для жен сколотили отдельное судно.

Не страшились мужи в битве яростной пасть,
Но влекущую к женам отринули страсть.

И могло показаться: задумали греки,
Чтоб из мира их семья исчезло навеки.

□ □ □

Неким утром, лишь солнце украсило мир,
Искендер для ученых устраивал пир.

Он мутрибу сказал: «Я делами сегодня
Не займусь. Пировать мне сегодня угодней.

За Сократом пошли. Пусть прибудет Сократ.
Отрешившись от благ, всех мудрей он стократ.

И пред тем, кто для всех мог являться примером,
Встал посланец: «Я послан царем Искендером.

Чтоб свой кубок наполнить, явись, о мудрец,
Приодевшись поспешно, в Хосроев дворец».

Но отшельник, согласно своим поученьям,
Не склонился нисколько к его обольщеньям.

Он сказал: «Должен так ты царю донести:
Ты того не ищи, чего нет на пути.

Я не здесь, где царит Искендера величье.
Здесь не я. Перед вами — одно лишь обличье.

Тот, кто господу служит, кто чище огня,
Из чертогов господних добудет меня».

Сей ответ, словно нить просверленных жемчужин,
Принял царь, хоть иной был душе его нужен.

Понял Властный: Сократ — отрешенья свеча,
Что горит, из безлюдья сиянье меча.

Этот блеск только тот примет в жадные очи,
Кто, как месяц, не спит в продолжение ночи.

Искендер приобрел многославный престол,
Но в желаньях своих он лишь к истине шел.

И всегда каждый муж, обладающий знаньем,
Хоть коротким ему угождал назиданьем.

И хоть много в подарок он принял речей,
Так не радовал сердце подарок ничей,

Как подарок, идущий к нему от Сократа:
Речь Сократа была трезвым знаньем богата.

Он решил, чтобы все же в сегодняшний день
Был Сократ приведен под высокую сень.

Доложили царю: «Нет безлюдней безлюдий,
Чем Сократа приют. Что отшельнику люди!»

Так ушел он от мира, от всех его дел,
Что как будто гробница — Сократа удел.

Без родных и друзей он живет беспечален
В нищем доме, похожем на камни развалин.

Мог бы, ведает он, весь помочь ему свет,
Но на свет не намерен он выглянуть, нет!

В грубой ткани бродя, не желая атласа,
Ежедневно постясь, не вкушает он мяса,

И на целые сутки довольно ему
Только горстки муки. Больше нищи — к чему?

Только господе служба Сократу знакома.
Для людей у Сократа не будет приема.

Знать, решил он: «Души суетой не займи!»
Не ему ль подражая, живет Низами?

Так твердили о том, чья высокая вера
Больше прежнего к старцу влекла Искендера.

Так вот люди всегда: не забудут они
Пожелавших забыть их докучные дни.

К тем, что мира бегут в беспрестанной боязни,
Люди часто полны все растущей приязни.

Лишь покинул Сократ человеческий род, —
Стал Сократа искать ионийский народ.

Все хотел государь быть с премудрым Сократом.
Все не шел во дворец ставший звездам собратом.

Хоть желанье царя все росло и росло,
Был упорен добро распознавший и зло.

Но хоть долго к царю не являл он участия,
Верил царь Искендер в свет всегдашнего счастья.

Из придворных людей, окружающих трон,
Выбрал милого сердцу наперсника он

И послал к мудрецу со словами своими,
Чтоб Сократа потайно порадовать ими.

Вот слова государя: «Не с давних ли пор
Я желаю с тобою вести разговор?»

Почему же, скажи, ты всегда непреклонен
И не внемлешь тому, кто к тебе благосклонен?

Что ж ты в бедном углу мой отринул чертог?
Дай ответ, чтоб я сердцем постичь его смог.

Правоты своей выскажи веское слово,
Дабы в прежней нужде не остался ты снова».

И к Сократу пошел с тайной речью гонец,
И слова государя прослушал мудрец.

И в познаниях своих слывший в Греции дивом,
Так промолвить в ответ он почел справедливым:

«Хоть призыв государя почетен вполне,
Но худое и доброе явственно мне.

«Не иди — я рассудка внимаю совету —
В царском сердце любви не отыщешь примету».

Я вещание разума в явь претворил.
Ни к кому для забавы не шел Гавриил.

Я пошел бы к царю вне испытанных правил,
Но ведь весть без ключа он в приют мой направил.

Если мускус в мешочке, как водится, сжат,
Нам вещает о скрытом его аромат.

Сердце — пастырь любви, кроме дружеской речи
И другое таит, если ждет оно встречи.

Если верное сердце любовью полно,
То учтивей учтивости будет оно.

Те, кто близки царю и пируют с ним рядом,
На кого государь смотрит ласковым взглядом,

На меня мечут взоров недобрый огонь,
Потому-то и стал мой прихрамывать конь.

Видно, царь на пирах под сверкающим кровом
Никогда не почтил меня благодным словом.

Потому что для многих, что близки царю,
В мире светочем радостным я не горю.

Знаю: сердцу царя ясно видимы люди,
Но оно видит в них только праведных, судий.

Коль приветна к тебе речь придворных вельмож,
И Владыке ты будешь казаться пригож.

Коль к тебе речь придворных враждебна сугубо,
То с тобой и Владыка обходится грубо.

Если свод без ущерба, то будут ясны
И пленительны отзвуки каждой струны.

Если в своде ущерб, — свод ответит неверно,
И звучать будет лад самый ласковый скверно.

Зло и правда, — все то, что мы видим в пути.
К Властелину дворца призывает идти.

Но вельможи твои с важным саном и с весом
Не допустят Сократа к пурпурным завесам.

Посуди, государь: в этой буре морской
Как же мне поспешать в твой дворцовый покой?

Море вспомнил я тотчас: простор его дружен
С драгоценною россыпью скрытых жемчужин,

На которые когти направил дракон.
Кто к жемчужинам ринется? Яростен он.

Как я к свету пойду, к свету царской короны?
Ведь вокруг меня будут одни «пошёлвоны».

Все они, пред царем искажая мой лик,
Вред наносят себе, и ущерб их велик.

Царь! О людях забыл, об укорѣ их строгом
Раб, стоящій в служеньи пред господом богом.

И в служеньи этом — наставник я твой.
Во дворце же твоим стану робким слугой.

Посуди, государь, к мыслям чистым причисли
Правоту этой свыше ниспосланной мысли».

И посланец, к царю возвратившись едва,
Наизусть повторил золотые слова.

Сняв с жемчужин покров — где им сыщется
мера? —
Наполнять стал он ими полу Искендера.

Но на россыпь сокровищ, безвестную встарь,
На метанье жемчужин обиделся царь,

Захотел он всем этим разящим укорам
Дать отпор. Устремляясь к разумным он спорам.

Молвил царь: «Он доволен жилищем в тиши.
Что ж, пойдем и его мы отыщем в тиши».

И нашел дивный клад он в приюте убогом, —
В том, где горстка муки говорила о многом.

Спал забывший мирское, не знавший утрат,
На земле, скрывшись в тень, безмятежный Сократ.

Царь, немного сердясь, мудреца, что покою
Предался, — пробудил, тихо тронув ногою.

«Встань, — он молвил, — поладить хочу я с тобой,
Чтобы стал ты богат и доволен судьбой».

Рассмеялся мудрец от надменного слова:
«Лучше б ты поискал человека другого.

Тот, кто счастлив крупинкой, — скажу я в ответ, —
Вкруг тебя словно жернов, не кружится. Нет!

Мне лепешка ячменная — друг неизменный.
Что ж стремиться мне к булке пшеничной,
отменной?

Без единого шел я по свету зерна.
Мне легко. Мой амбар! В нем ведь нету зерна!

Мне сломинка в тягость, — к чему же мне время
То, когда мне вручат непомерное бремя!»

Вновь сказал Повелитель: «Взалкавший добра!
Ты хотел бы чинов, жемчугов, серебра?»

Молвил мудрый: «Не сходны желанья наши.
Нам с тобой не вздымать дружелюбные чаши.

Я богаче тебя, подвиг светлый верша.
Я — в посту, а твоя ненасытна душа.

Целый мир присылает тебе обольщенья,
Все ж ты нового ждешь от него угощенья.

Мне же в холод и в зной это рубище, царь,
Так же служит сейчас, как служило и встарь.

Ты несешь бремена, но исполнен пыланья.
Для чего же мои хочешь ведать желанья?»

И сказал Искендер, что-то в мыслях тая:
«Ты скажи мне, кто ты, и скажи мне, кто я?»

Отвечал мудрых слов и познания хранитель:
«Я — дающий веления, а ты — исполнитель».

И вскинул государь. Сколько дерзостных слов!
Стал искать Искендер их укрытых основ.

И промолвил премудрый, по слову поверий:
«Пред венчанным раскрою закрытые двери.

Я рабом обладаю. Зову его — страсть.
Крепнет в сердце моем над служителем власть.

Перед этим рабом ты склонился, о славный!
Пред слугою моим ты — служитель бесправный».

Царь, проникший в слова, обнажившие зло,
Помутился, в стыде опуская чело,

После вымолвил так: «Не чело ль мое светом
Говорит, что служу я лишь чистым заветам.

Чистый чистых укором не трогай. Внемли:
Не уснувши навеки, не пробуй земли».

Серебром был ответ с неприкрытою сутью:
«Ты ушей не зальешь оглушающей ртутью.

Если разум твой чист, если мысли чисты,
Для чего стал животному родственен ты?»

Лишь оно в быстром стаде, без гнева и злобы
Разбудить человека ногою могло бы.

Ведь нельзя же мыслителя сон дорогой
Прерывать, о разумный, небрежной ногой!

Тем разгневался ты, что я в дремной истоме,
Но ведь сам, государь, ты находишься в дрёме.

Правом барса владея, напрасно готов
Ты в дремоте бросаться на бдительных львов.

Где-то мчится, тебя привлекая, добыча.
Но ведь я, о стрелок, не такая добыча».

Речь Сократа провеяла, жаром дыша.
Стала воску подобна Владыки душа.

Хорошо не закрыть пред наставником слуха,
Чтоб Сократ вдед кольцо в его царское ухо.

И к себе мудреца смог он речью привлечь.
И признанной стала подвижника речь.

Из возвышенных мыслей, премудрым любезных,
Он явил целый ряд Искендеру полезных:

«Ты ведь создал железное зеркало. В нем
Отразился твой ум светозарным огнем;

Ты и душу свою мог бы сделать прекрасной,
Словно зеркало чистой, как зеркало ясной,

Если встарь сотворил ты железную гладь,
Чтобы в ней, нержавеющей, все отражать, —

С сердца ржавчину счисть, и в пути ему милом
Повлечется оно лишь к возвышенным силам.

Очернив свои злобные замыслы, ты
Мигом сердце очистишь от злой черноты.

Ад всем замыслам черным — пособник неживой.
Но ведь зиндж, государь, продавец несчастливый.

Черным зинджем не стань. Позабыть бы их всех!
Только помни, о царь, их сверкающий смех.

Если черным ты стал, ты сгори, словно ива;
Ею зиндж побелил свои зубы на диво.

Некий черный в железо посмотрится, но
Там сверкнет его сердце. Так чисто оно!

Древний молвил водитель: да ведает всякий, —
Животворный ручей протекает во мраке.

Грязь покинь, чтоб очиститься, как серебро.
У него поучись, если любишь добро.

Если ум ты очистишь, не дашь его сквернам,
Он потайного станет хранителем верным,

Он молитве предутренней келью найдет,
Он, пронзив небосвод, свой продолжит полет.

Хоть завесу ты можешь убрать от оконца,
Свет, идущий в оконце, зависит от солнца.

Знай: светильника свет подаяньем живет,
Устремляясь к нему, ветер пламень уьет.

Ты нес паланкин, полный солнечным светом,
И любовь на любовь твою будет ответом.

От колючек и сора очистивши вход,
Жди царя. Кто же дерзко его позовет?

На охоту он выедет и по дороге
Чистоту на твоём он увидит пороге.

И, поняв, что он гость, в твой захваченный край,
Ты нежданному гостю хвалы воздавай.

И, запомнив: смирение всего нам дороже, —
Ты венца не проси и покорности тоже.

Будь лишь духом на пире, не знающем зла.
На него не пускает привратник тела.

Обувь пыльную скинь; ты ходил в ней дотолы
По земле. Ты воссядешь на царском престоле.

Сотрапезник царя, распростившийся с тьмой!
Ногти хною укрась и ладони омой.

Коль сидеть близ царя станет нашим уделом,
Самый смелый из нас мигом станет несмелым.

Для престола царя даже яростный лев
Стал опорой, от страха навек замерев.

Кто вошел бы к тебе не по должному чину,
Получил бы удар от привратника в спину.

Но взгляни! Пред тобою нездешний престол!
С бедным сердцем людским ты к нему подошел.

Если к этому, царь, подошел ты престолу,
Стань рабом, опусти свою голову долу.

Если ж нет, — ну так что ж! Ты — владыка царей.
Что за дело тебе до собак сторожей!

Не сердись, если я по горячему нраву
 Был неласков с тобой, не вознес тебе славу.

Стало сердце мое горячее огня,
 И, чтоб небо проведать, ушло от меня.

Но вернулось оно из-под блещущих арок,
 И гостинец его дал тебе я в подарок».

Смолк премудрый, окончивши слово. Горя,
 Это слово дышало в душе у царя.

Словно солнце света, с озарившимся ликом
 Царь на пир возвратился в волненьи великом.

И все мысли, что высказал нищий мудрец,
 Записал чистым золотом лучший писец.

БЕСЕДА ИНДИЙСКОГО МУДРЕЦА С ИСКЕНДЕРОМ

Запевай, о певец! Песню страстную взвей.
 В сад расцветший влетев, должен петь соловей.

Ты мою всколыхни утомленную душу,
 И молчанье свое я, быть может, нарушу.

□ □ □

Снова молвил мудрец, поднимая чело:
 Радость шаха ушла, к шаху знанье пришло.

Ведь основу веселья не видел он прочной
 И не влекся к вину, — к сей усладе порочной.

Покрывало рассвета откинув, заря
 Показала свой лик, светозарно горя.

И опять Искендер утром свежим, отрадным
 Сел на царский престол в облаченьи нарядном.

Страж промолвил: «Посланец индийской земли
 Пожелал, чтоб его в твой чертог мы ввели.

«Я прибытья, — он молвил, — открою причину:
 Наш поклон я привез всей земли Властелину».

Подал знак Искендер, что, мол, прямо с пути,
 Важный муг может к Солнцу сейчас же войти.

Быстрым шагом пошли все придворные к мугу,
 Словно кжданному гостю иль к старому другу.

Гость вошел. Облаченье служений храня,
 Он казался для взоров подобьем огня.

И узрев пред собою небес отраженья,
 По обычаю мугов свершил он служенье.

Стражи трона, внимая Владыке земли,
 Место дальнему гостю, спеша, отвели.

Речь в собраньи пошла под водительством шаха
 О веленьях небес и о горестях праха.

Мужем каждым ответ был на многое дан,
 Каждый знаньем своим свой оправдывал сан.

Но когда дальний гость начал дивное слово,
 Сад осенний цветами наполнился снова.

Много тонкостей он в слух собрания влил.
Да, жемчужин подобных никто не сверлил!

Вдев кольцо в ухо мира, наполнил с избытком
Чашу неба он речи сладчайшим напитком.

Так он славил царя, так блеснул его слог,
Что полудня светлей стал дворцовый чертог.

Кончил старец хвалу. Полный тайных исканий,
С красноречья он сбросил роскошные ткани.

Темный в благостный сад полетел мотылек:
Словно светоч бессрального к свету повлек.

Мыслям тайным от светоча ждал он ответа:
«Пламень яркий не даст ли немного мне света?»

Я — индийцев глава. Хоть годами я стар,
Но во мне не угас размышления жар.

И о тайнах узнать преисполнен я жажды.
Эти темные тайны раскроет не каждый.

Но тебе, говорят, ясность мысли дана,
О которой мечтали во все времена.

Ты — великий учитель! Твой блещущий разум
Все узлы темной тайны распутает разом.

Ты — властитель венцов. Твой возвышен престол.
Под счастливой звездой ты к знанью пришел.

Если ты озаришь меня светом ответа,
Отвернусь я от солнца, — источника света.

Если ж ты не захочешь мне свет ниспослать, —
На осла я навьючу дорожную кладь.

Но не общей беседы сегодня мне надо.
Лишь с тобой говорить мне была бы отрада!

Я вопросы задам, а ответишь лишь ты.
Озварающим пламенем светишь лишь ты».

Молвила царь: «Не томи же себя в промедленьи.
Говори мне о каждом неясном явленьи».

Пал индеец пред лучшим в подлунном краю.
Как индийский клинок, речь вознес он свою.

Вновь прославив того, чья священна порфира,
Он спросил у царя о создателе мира.

«Как земные пожитки мне наземь сложить?
Как дорогу к создателю мне проложить?»

Он — един. Но приду ли я к господу богу?
Где его я найду, если тронусь в дорогу?»

Всюду божьи следы. Но меж звездных морей
Он укрыт. Где же ключ от закрытых дверей?

В чем его существо? Все ль он будет безвестным?
Он спустился в наш мир иль остался небесным?

Сердцем встречу его или взором своим?
Спросят люди, где он? Что я вымолвлю им?

Он вверху иль внизу? Как ответить нелегко?
Вопросившим являть доказательство должно!»

Произнес Искендер: «Можно краткую речь
Или множество слов для ответа привлечь.

От себя отвернувшись, найдешь понемногу
Ты прямую дорогу к единому богу.

Где же место творца? Есть один лишь ответ:
У создателя мест места, ведаем, нет.

Кто промолвит: все тайны его перечисли!
Не находят его наши смертные мысли.

Только то, что мы взором смогли воспринять,
Наши мысли земные сумели познать.

В мыслях бога искать предоставь нерадивым.
В мыслях призраки бродят, подобные дивам.

Наше сердце — видений обманчивых сень.
Не творение в нем, а творения тень.

Только то, чего нет в мысли, мраком объятой,
К постижению бога — единый вожатый.

Нашим знаниям дорога к творцу не дана.
Темным облаком в небе закрыта луна.

Ясны божьи дела. Ты найдешь их повсюду.
Если в мир ты пришел, верь великому чуду.

Вот слова о творце. Все иные — темны.
Тем, кто верует в бога, лишь эти даны».

Смолок проникший во всё и в деяньях счастливый
Снова спрашивать начал индиец пытливей:

«Хоть безмерны просторы небес и земли,
Небеса и земля все ж предел обрели.

Но куда за пределы такого чертога
Мы пойдем, и за ним обретется ль дорога?

Если есть этот путь, — как его не найти?
Если нет, — мы в бессмертье не сыщем пути».

Молвил царь: «Вот реченье, что ведаем все мы:
Осторожней чекань каждой речи дирижеры.

Не влекись за пределы небес и земли.
Те, что взмыли туда, те навеки ушли.

Вкруг тебя семь кругов нарисовано роком,
Чтобы, в них находясь, ты забыл о далеком.

Ты от смертной черты должен мысли отвлечь:
Небо, чашу подняв, приготовило меч.

Наши думы — в пределах высокого свода.
Никогда им отсюда не будет исхода.

Мысли быть не дано за завесою сей.
Как же ей разгадать, что таится за ней?

Что тебя в эти дали напрасно умчало?
Не узнать — где конец! Не узнать — где начало!

Я, о мысли спросив, светлый слышал ответ:
Для незримого, знай, в ней пристанища нет.

Охвативши незримое думою гибкой,
Все свои измышленья сочтешь ты ошибкой.

Я о людях, пространством укрытых от глаз,
Размышляя, — сознанием их видел не раз.

Но когда вслед за этим встречался я с ними,
Понимал, что увидел совсем их другими.

Все же есть еще мир, свой скрывающий лик,
Но доступный, хоть путь к темным далям велик».

Молвил гость: «Разъясни, коль в твоей это власти
Странный мир. Погляди: две имеет он части.

Если так хорошо мир устроен земной,
Для чего же, скажи, существует иной?

Если здесь все готово для радостной жизни, —
Для чего же к иной устремляться отчизне?

Если ж там для людей приготовлен приют,
Почему по путям они здешним снуют?»

Умудренный Властитель сказал иноверцу:
«Не давай сомневаться неверному сердцу.

Неразумный, узнай: создал тот, кто могуч,
Там — сокровища, здесь — к тем сокровищам ключ.

Здесь посев совершай, — продолжал не без гнева
Государь, — там пожнешь ты колосья посева.

Все что здесь каждый миг в состоянии ином,
Там — все будет всегда в состоянии одном.

Двум окружностям быть дал творец повеленье.
Созидание — в этой, а в той — восхваленье.

Бытие — это мост, по нему нам пройти.
В море входит поток. Нет иного пути:

*Он, в горах появясь, в дол струится, — и вскоре
Успокоится, влившись в широкое море».*

Вновь индеец спросил, все постигнуть спеша:
«В нашем теле, скажи, что такое душа?

Не огонь ли душа? Царь, я думаю смело:
Искры пламени этого создали тело.

Умиранье души, угасанье огня
Не одно ли? Сумей опровергнуть меня!»

Царь, зажегшийся гневом нескрытым и скорым,
Смерил молча индийца сверкающим взором

И сказал: «Ариман, видно, родственник твой.
Это только в тебе дух живет огневой!

Разве ты не читал, что душа легкокрыла
И восходит к тому, от кого исходила?

Коль душа из огня — иль сказал ты в бреду? —
То искать ее место должны мы в аду.

И еще ты промолвил, исполненный ада,
Что душа умирает, как меркнет лампада.

Умирает? Неправду ты вымолвил. Знай,
Что душа, воспарив, в свой уносится край.

«Отдал душу» мы слышим о том, кто навеки
Дни земные покинув, смежил свои веки.

«Отдал душу» — твердят, а не «умер». Скажи,
В слове «умер» ужель ты не чувствуешь жи?

Не касайся души, полной дивного света.
Не из праха и влаги скиталица эта».

Старый муг, продолжая возвышенный спор,
О видениях сна свой завел разговор:

«Как же может уснувший совсем без усилия
Сонных грез раскрывать быстролетные крылья?»

Он по миру летит, словно вихрем гоним,
И чего здесь и там не сбывается с ним!

Если в странствиях он, — кто ж простерся на ложе?
Сам он пишет картины иль кто-то? Но кто же?

Снова царь загорелся и вымолвил он:
«Представленьем рождается реюший сон.

Представление наше находится дома.
В нем — не чуждое нам, а все то, что знакомо.

Если мертвый живым к нам приходит в ночь, —
Это свет, исходящий от нашей свечи.

Порождающий тени — рассудка пыланье.
Порождаемый — мысли твоей пожеланье.

Если спросишь: укрытое в тьме, почему
Только спящему зримо, ему одному?

Я скажу: для души, выходящей из плена
В грезах сна, все явленья — вне праха и тлена.

Лишь недремным подвижникам сила дана
Проникать к недоступным сокровищам сна.

Сны — от ангела. Видит благой и без дремы
Те явленья, что всем только в дремах знакомы».

И мыслитель индийский прослушал ответ,
И алмазом он вновь расколол самоцвет:

«Не сердись на меня. В благосклонном наказе
Дай постичь мне все то, что ты знаешь о сглазе.

Что за сила скрывается в глазе дурном?
И себя может сглазить он собственным злом.

Но не сам ведь зрачок смертоносный разитель,
А владеющий опытом, сумрачный зритель.

Все, на что поглядит человеческий взор,
Преуспеет и много отыщет опор.

Но лишь глаз дурноглазых увидит находку, —
Шею зримого вмиг заключит он в колодку.

Все в ремеслах своих напрягают умы,
Всё же точности крайней не видели мы.

Дурноглазый же, лучником ставши, умело
В цель вонзает стрелу, вмиг закончивши дело.

Почему дурноглазый ничем не смущен?
Почему только руты пугается он?

Как узнать мне, что злобному глазу я видим,
Им затронут и, может быть, им ненавидим?»

Молвил царь: «На вопросы отвечал тот,
Кто познаньем достиг и глубин и высот.

Что б ни встретил наш взор, — встретил гневно
иль нежно,
Через воздух пройти должен взор неизбежно.

И к предметам, которыми он привлечен,
Только с воздухом вместе притронется он.

И, пронзая поверхность предмета любого,
Он и воздух влечет сквозь поверхность покрова.

Если в воздухе яда не будет следа,
То основе предметов не будет вреда.

Если воздух наполнен каким-либо ядом,
Он погубит предметы, задетые взглядом.

В наше время и в прошлое множество раз
Проникал через плоть вместе с воздухом сглаз.

Все ж нашел я, вникая в познаний пучину,
Многих сглазов опасных иную причину.

Взор не сам лиходействует, ведь перед ним
Не всегда ж поражаемый был недвижим.

Дурноглазый карает — ведь это мы знаем —
Властным глазом все то, чем бывает смущаем.

Он стоит перед тем, чем пленился, грозя.
На пути перед ним становиться нельзя.

Меж собой и желанным не выдержав розни,
Начинает он строить коварные козни.

И пленителя гнет, крутит яростно он,
Чтоб навеки к нему не попасться в полон.

Если быстрому сглазу подвергнется кто-то,
То его в тот же миг одолеет зевота.

У несущего сглаз, силой собственных чар,
Сквозь чело проникает кипения пар.

Только признаки эти укажут нам разом
Дурноглазых и тех, кто охвачен их сглазом.

Руту жгут потому, все дурное гоня,
Что сгорает беда в полыханьи огня.

Но колдун с этой тайны сиял иначе пути:
Если бросить в огонь сколько следует руты,

Клубы дымные мускусом высь напойт,
И она отвратит злонамеренных яд».

И, прослушав ответ, вновь поклонник румийца
Меч индийский занес — начал слово индийца:

«О добре и о зле, как любой звездочет
Может нам возвещать? Что берет он в расчет?»

Что ему говорит знак небесный за знаком?
Ведь и звезды находятся в мире двойком».

Разумеье царя свой ответ вознесло:
«Все добро, что мы знаем, а также и зло,

Все, чего мы вовеки на свете не минем,
Все издревле на своде начертано синем.

Вынув жребий, гадающий взглянет во тьму:
Гороскоп о грядущем расскажет ему.

Знаки неба в готовности молвят всегдашней
О колосьях, что встанут над нашею пашней.

Если видит господь в сотворенном саду
Нам грозящую в будущем злую беду.

Он, порой предвещая житейское горе,
Раскрывает пред нами грядущего море.

Он Суруша крылатого с облачных круч
Посылает сюда и дает ему ключ».

Стал индиец хмелен от услышанной речи.
Мечь индийский он бросил, не выдержав сечи.

«У китайца и зинджа, — спросил он, — зачем
Лица разных цветов? Непонятно совсем:

Ведь в едином котле мир варился просторный,
Как же в нем уродился и белый и черный?»

И ответа сверкнул драгоценный товар:
«Потому, что двухцветен крутящийся шар.

Светит солнце двулично. Вот правда простая.
Лик один — для Хабеша, другой — для Китая.

Луноликих один его делает лик,
А другой глянет наземь — и черный возник».

И индиец — ведь мудрый не стал омраченным, —
Хоть и был побежден он румийским ученым,

Перед шахом склонился, упал он во прах.
Очи к небу возвел с благодарностью шах.

И мужи, чья забудется мудрость едва ли,
Как пристало подув, божье имя призвали.

ТАЙНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ ИСКЕНДЕРА С СЕМЬЮ МУДРЕЦАМИ

О певец, начинай! Твой живителен саз,
Помоги мне продолжить старинный рассказ.

Может статься, что, козни отринувши света,
Доведу до конца я сказание это.

□ □ □

Молвил муж: Искендер сбросил прошлого тень,
И когда для него новый начался день, —

Волей счастья, судьбы не изведав коварства,
Раздавать стал он щедро богатства и царства.

Щедрость царская была столь мощным ключом,
Что румийцы нужды не имели ни в чем.

Подчинились царю те правители, кои
Были властны: пред ним преклонились Хосрой.

И себе покоривший подоблачный дол
На престол бирюзовый однажды взошел.

В свитке речи, вещавшей о всей его славе,
Он о вере сказал, о законах, о праве.

А затем, свиток слов как бы свивши рукой,
Из чертога пошел он в свой личный покой.

Царь призвал семерых, небосвод был им ведом.
С семерыми хотел он предаться беседам.

Собрались: Аристотель-везир и для нас
Не безвестный Сократ, и мудрец Булинас.

И великий Платон, и Валис, и Фарфорий.
Даже ангел их встретил бы с лаской во зоре.

Кто седьмой? То — Хормус, славный дивным
умом,
Светлый муж, побывавший на небе седьмом.

Были семеро кругом, а царь стал единой
Неуклонною точкой — его сердцевиной.

Скромен пир просветленных: на нем не видна
Пишность утвари царской, не видно вина.

В этом тесном кругу всё постигших глубоко
Размысленья царя развернулись широко.

Он сказал: «О безвестном не надо молчать.
Не пора ли сломить вечной тайны печать?»

Мы в уладах вели наши ночи хмельные.
Этой ночью познаем отрады иные.

Солнца с месяцем сладостным в этой ночи
Тайну вскрыть мы должны. К ней подыщем ключи.

Как же свод — с вами вместе загадку я вскрою, —
Этот буйволов горб, стал тяжелой землею?

Было ль так перед тем, как в пространстве возник
Верх и низ? Отведем ли от прошлого лик?

Разум знать пожелал в устремлении здравом,
Что же в мире являлось первичным составом?

Что, свои измененья от смертных тая,
Протекло после темного небытия?

Поглядим, как возникли уток и основа
В бесконечных телах многозвездного крова.

Столько знающих, сколько собрал я сюда,
Соберется ль в грядущем? Увы, никогда.

Мы на трудном пути. Чья познания сила
На сокровища клада ногой наступила?

Чье мышленье проявит свое торжество?
Каждый должен сказать о начале всего.

Как же воля творца все в пустотах помчала?
Что возникло, — земля или небо сначала?

Пусть нам даль первозданная будет ясна!
Как же нашего мира возникла весна?

Как строитель творил? Все разведать — услада.
Как в согласье пришли звуки первого лада?»

Так закончив свою многодумную речь,
Искендер захотел всех премудрых привлечь

К размысленьям о том, как верховная сила
В мастерской мирозданья тела сотворила.

И внимавшие вяли. Их точный ответ
Должен ясный пролить на минувшее свет.

И решенье мужей было тотчас готово:
Предоставили все Аристотелю слово.

СЛОВО АРИСТОТЕЛЯ О СОТВОРЕНИИ МИРА

Аристотель, чей разум пронизывал мглу,
Венценосцу высокому начал хвалу:

«Устремляя к науке пытливые взоры,
Потаенного, царь, открывай ты затворы.

Пусть в грядущем тебя дни счастливые ждут.
Ты не ведай, о царь, неснимаемых пут!

Если ты захотел, чтобы мира начало
В каждом слове собравшихся ныне звучало, —

Знай: возникло движенье. Вначале одно.
Ускоряясь, второе родило оно.

И когда их сомкнуло одно положение,
То из каждого вышло иное движенье.

Стало первое вечно единым, а три
Неизбежно столкнулись, — и вот посмотри:

Тотчас линии три протянулись. Друг друга
Огибая, из линий три выгнулись круга.

Стала четких кругов сердцевина видна
И весомой, вещественной стала она.

Было дело материн сделанным делом,
И подвижным рассудок назвал ее телом.

Телу этому было движенье дано.
В бесконечных столетьях менялось оно.

И прозрачная часть быстролетного тела
От середины своей ввысь уйти захотела.

То, что было вверху, во вращенье пришло.
То, что было внизу, свой покой обрело.

От круженья блестящего тела пространство,
Во вращенье придя, в нем нашло постоянство.

Все влеклось к сердцевине. Точны и строгий
Были сферы крутимой большие круги.

Только тяга к круженью ей силу давала,
И в движеньи бессменном она пребывала.

И когда первый круг завершился сполна,
То высокой, законченной стала она

И, вращаясь, огонь породила. Значенье
Этой мысли: огонь породило вращенье.

Создала сила пламени воздух, — ведь он,
Как и пламень, со свойством горячим рожден.

В свойстве воздуха к влаге нашлось тяготенье;
Круговое ему было чуждо движенье.

В сердцевину закапала влага, тогда
Разливаясь, явилась благая вода.

Усмиралась и стихла вода; из осадка
Вышла почва. Земли разрешилась загадка.

И когда все четыре стихии нашли
Свой предел, то создатель небес и земли

Их смешал. Друг ко другу найдя тяготенье,
За растением они порождали растение.

А вослед из растений возникших, о царь,
Появилась на свете различная тварь.

Повелитель, твое выполняя заданье,
Наш рассудок лишь так объяснит мирозданье».

СЛОВО ВАЛИСА О СОТВОРЕНИИ МИРА

Стал Валис излагать потаенного суть:
«В мире древнем, о царь, вечно юным пребудь!

Размышляя в тиши о значении знания,
Знай удачу всегда в получении знания!

Если ты повелел, о венчанных венец,
Чтоб загадок твоих мы раскрыли ларец,

Я промолвлю: вода — мирозданья начало.
Пламя, вспыхнувши в ней, из туманов помчало

Вихри молний, и что же возникло тогда?
Легкий воздух: в нем пламя и также вода.

Воду сделало плотной в веках пребыванье,
После создало землю воды остыванье.

Всех стихий произвол был пределами сжат,
И построенный мир стал красив и богат.

А из накипи общей содеяны были
Небеса; закружились они и поплыли.

Я отвечу тому, кто, нахмурив чело,
Спросит: «Как же из влаги все это возшло?» —

Служит мысли моей, с ее ходом исправным,
Зарождение людей подтверждением явным».

СЛОВО БУЛИНАСА О СОТВОРЕНИИ МИРА

Перед тем как явить светлых мыслей запас,
Лбом коснулся земли молодой Булинас:

«Для тебя, государь, вся земная дорога
Да сияет всегда благосклонностью бога!

Да пребудешь всегда жаждой знания согрет!
Свету надобен взор, взору надобен свет.

Если мне повелела премудрость Хосроя
Говорить, о былом свои домыслы строя,

Утверждаю: земля — вот начало всего.
 Все из праха вошло, из него одного.

Во вращении земля все сжималась. Не странность,
 Что при сжатии земли возникала туманность.

Все, что было и чистым и ясным в земле,
 Все телами небесными всплыло во мгле.

А различных высоких веществ отложение
 В разных точках земли породило брожение.

Из одних — встал огонь, как цветок из ростка, —
 Наивысшая радость всего цветника.

Из других — вышел ветер, который игривым
 Говорит о себе или грозным порывом.

Третьи создали плавную воду. Она
 Становилась все чище, — и стала ясна.

А четвертые почвой остались; в просторе
 Закрутившись, она стала круглою вскорее.

СЛОВО СОКРАТА О СОТВОРЕНИИ МИРА

И мудрость Сократа явилась опять.
 Стала финики пальма для всех рассыпать.

Молвил он: «Что сказать о царе Искендере?
 Ты стремишься вперед к постиженью и к вере.

Да достигнешь, властитель, ты цели любой!
 Все, что скрыто, да будет раскрыто тобой!

Ты нам задал вопрос в жажде знания бескрайной.
 Но, быть может, для нас все останется тайной.

Все же каждый из нас, будь он молод или стар,
 Пред тобой развернет размышлений товар.

Я скажу, государь, о начале великом.
 Было все только грозным заполнено ликом.

И под взором творца, породившая гром,
 Взмыла туча, благим изливаясь дождем.

Ливень стал небосводом, а молнии стали
 И луною и солнцем и в тьме заблестали.

Вещества, что туманная создала мгла,
 Стали твердью. Земля свой предел обрела.

Нас Вожатый не вел дальше этого. Что же
 Я добавить смогу? Пустословить негоже.

СЛОВО ФАРФОРΙΑ О СОТВОРЕНИИ МИРА

И склонился Фарфорий, и мудрости свет
 Он вознес, Искендери давая ответ:

«Да идут времена ходом вечным и плавным,
 И горишь над землею ты венцом своим славным!

Да лишь только к тебе люди просьбы несут,
Ибо смёл угнетавших твой праведный суд!

На вопросы царя, осененного богом,
Достоверно сказать я смогу о немногом.

Чтобы мир сотворить, создатель всего
Сотворил для начала одно вещество.

Потому что творец устремлялся ко благу,
То водой стало то, что несло в себе влагу.

Разделилась вода. Стала нижней одна,
А другая взнеслась. Верхней стала она.

А другая, что снизу была, высыхала.
И одна свою влажность хранила, вздымала,

Стала верхняя влага подвижной. Другой,
Высыхавшей внизу, был дарован покой.

Все, что плыло вверху, как лазурь заблестало,
И землей все недвижимое, твердое стало.

Вот, что ведомо нам. В первозданную тьму
Дальше этой черты не проникнуть уму».

СЛОВО ХОРМУСА О СОТВОРЕНИИ МИРА

На Хормуса теперь все взглянули в надежде:
Разомкнет он замок. Ключ он поднял, но прежде.

Чем распутать узлы и проникнуть во мглу,
Он Владыке великому начал хвалу:

«Пусть над всем, с чего снять мы не можем оковы,
Царь сияет победой все новой и новой!

Пусть по воле царя звездный кружится рой!
Пусть вовеки живет многославный Хосрой!

Если царь захотел, чтобы ветка любая
Нужный плод принесла, то, приказу внимая,

Государю обязан ответить и я.
А теперь я скажу про исток бытия.

С той поры, как в мечтах все постигнуть готовый,
Я глаза свои поднял на свод бирюзовый,

Я постиг, что небесный широкий простор —
Словно пар неподвижный над высями гор.

А за ним, непостижным, суровым и мгlistым,
Простирается нечто в сияньи лучистом.

Этот пар лишь завеса от света, но в ней
Есть немало отверстий, и мне все ясней,

Что сквозь дыры в покрове таинственном этом
Нам неизвестное светит загадочным светом.

Солнце, месяц и россыпь небесных светил...
За покровом небес кто-то их засветил.

Этот свет за завесой — вселенной начало.
Как же начался он, — я не знаю нисколько».

СЛОВО ПЛАТОНА О СОТВОРЕНИИ МИРА

Стал всеславный Платон отвечать на вопрос.
Жемчуг моря души пред внимавшими рос:

«Светел разумом ты, царь обширного света!
Проникать в тайны мира не ведай запрета!

Вечно в счастье пребудь, как был счастлив
и встарь!
По дороге спасенья иди, государь!

Чистый свет! В свой ответ все вложу я уменье.
Но страшит меня все же твое разуменье.

Я ошибки боюсь. Все ль я знаю? Едва ль!
Ведь незримую стану читать я скрижаль.

Я познал, государь, в удивленьи немалом,
Что одно лишь «ничто» было дивным началом.

Вседержитель из тел сотворял бы тела,
Если б сущность творений извечной была.

Все, рожденное чем-то, выходит в дорогу,
Но ведь брачных зачатий не надобно богу.

Знай: не должен одно из другого творить
Тот, о коем «творец» мы должны говорить.

Вещества сотворял он отдельно. Помогни
В веществах не искал. Разум выказал строгий:

В час, когда сотворил все стихии творец,
Разобщенности их был означен конец.

Из веществ, меж собой враждовавших от века,
Мощной волей творец сотворил человека.

Но не только ведь люди его сыновья.
Извольные творца и в крыле муравья».

СЛОВО ИСКЕНДЕРА О СОТВОРЕНИИ МИРА

И когда на царя пал в собрании жребий,
Он блеснул, как луна, засиявшая в небе.

Был он солнцем людей, был угоден судьбе.
Ясный сердцем, не знал он подобных себе.

От него мудрецы добывались признанья,
Потому что он был чистым светочем знанья.

Если небом искусность Владыке дана,
То искусных рождают его времена.

Царь, прослушавши речи, что жемчуга краше,
К каждой речи склонясь будто к сладостной чаше,

Мудрецам, излагавшим нелегкий урок,
Благодарный за все, много славы предрек.

И сказал: «О мужи, все постигнуть не в силах,
Думал все же я о небесных светилах.

Полагаю, что образ не мог бы снять
Без художника. Мастера всюду печать.

Но прозрел я художника, все же не зная,
Как весь мир сотворил он от края до края.

Если б знал я, как шел он к земле, к небесам,
Создавая весь мир, — все бы создал я сам.

Все, что в мыслях своих я б имел на примете,
Все я мог бы создать не в мечтах, а на свете.

Мы прочесть не сумели творенья скрижаль.
Как же можем постичь мы безвестную даль?

Небеса вы прочли, как страницу, но все же
Разве все вы читали одно в ней и то же?

К одному, мудрецы, наш пришел разговор:
Не без мастера создан вселенной узор».

ГОВОРИТ МУДРЕЦ НИЗАМИ

Не касайся ключом этих врат, Низами:
Древней тайны никто ведь не видел, пойми.

Непостижный, создавший высоты и бездны,
Мир земной воздвигая и светлый надзвездный, —

Создал разум вначале. Обрадован им,
Он зажег его очи сияньем своим.

Разум принял в свои многозоркие взоры
Сотворенные кистью господней узоры.

Разум все же не мог, волей господа, взор
Направлять на неведомый первый узор.

Разум сбросил повязку со взора, которой
Был прикрыт, лишь когда завершились узоры.

Разум ключ получил изволением творца
От сокровищ любых, от любого ларца.

Разум все же свой взор устремлял без опаски
Лишь на то, что узрел, не имея повязки.

Разум ты вопрошай. Лишь о скрытом забудь.
Разум всем вопрошавшим указывал путь.

Разум, знай, о безвестном не скажет ни разу.
Что ж ты сам все стремишься к запретному сказу?

Разум только лишь там всех скитаться призывал,
Где фарсанги он счел, знает каждый привал.

Дальше дальнего тайна. И ты не помысли,
Чтоб пройти в эту даль человеческой мысли.

Рассудительный внемлет подобным речам
И не смотрит на то, что запретно очам.

Коль придешь ты к тому, кто всего нам безвестней,
Ты не скажешь о нем самой стройною песней.

Как же слову, подумай, о слушатель мой,
Ехать узкой дорогой на кляче хромой?

Мнится: Хызр — провозвестник, дробящий
граниты,
Тот, чьи крылья как будто бы с тучами слиты,

Возвестил мне привет в лучезарном краю
И спустился с небес прямо в келью мою.

Он мой дух озарил. Вновь я слышу святого.
Слышу рокот его благосклонного слова:

«Ты свой стих, устремленный к минувшим векам,
Посвящаешь напрасно немым языкам.

Кипарисом далеким прельщаясь всечасно,
Ты философов прежних припомнил напрасно.

Почему же рассказ, полный вещей вестей,
Ты наполнить решил мозгом древних костей?

Не тянись ты к чужому, ненужному хлебу, —
Свой на стол положи. Он тебе на потребу».

Людам ныне не мудрые речи нужны:
В звездах бродят их мысли, их темные сны.

Не смиренны они, всё прельщаются прахом.
Лишь смиренных мы чтим, в мир глядящих
со страхом.

Чародейка земля. Ей забава дана:
Шарик спрячет и вновь им играет она,

Шарик скроет в кулак, сжав кулак свой потуже, —
Рот откроет, и вот снова шарик наружу.

Съест мышьяк она желтый, и в этот же миг
Ты увидишь, — везде цвет индиго возник.

Скрывши осенью прахом сухое алоэ, —
Мускус явит она в майском сладостном зное.

Лишь тела наши взяв — на века, на года? —
Их вернет она снова, не знаю когда.

Прах людской не исчезнет, пройдя через тленье.
Он узнает, укрывшийся, лишь распыленье.

Сможет все распыленное взору предстать,
Вновь сомкнувшись в одно, став прекрасным опять.

Все, что жило под сенью лазурного крова,
На земле к новой жизни рождается снова.

Золотые опилки рассыпав, сомкнуть
Сможет мудрый их вновь, взяв для этого ртуть.

Распыленное золото снова без мути
Заблестит в ловких пальцах при помощи ртути.

Может статься, что наши частицы, дыша,
Соберутся опять... в них таится душа.

ДОСТИЖЕНИЕ ИСКЕНДЕРОМ ПРОРОЧЕСКОГО САНА

Музыкант, звоном руда на ясной заре
Наполняй эту песню о древнем царе!

Пробуди во мне радость раздавшимся пеньем,
От всего, что запретно, плени отстраненьем.

□ □ □

Геометр и мудрец, теша душу мою,
Вновь историю Рума призвал к бытию:

Искендер, должный путь указавший светилам,
Предававшийся счастья неведомым силам,

В изучении наук стал велик и могуч,
И вручил ему разум познания ключ.

Осветил он все то, что во тьме пребывало,
И крепчайших узлов он распутал немало.

В знании тайных наук, размыкающих тьму,
В мире не было мыслящих, равных ему.

Все постигнув науки сполна, без изъяна,
С многомудрыми Рума и также Юнана,

Отстранял он рукой каждый звездный чертеж,
Ибо каждый из них был с искомым несхож.

Укрепив свой престол, от престола порога
Он поднялся к престолу всевышнего бога.

О создании миров не твердя ничего,
Стал искать он создателя, — только его.

С лика тайны, в своих устремлениях рьяных,
Семь старался он скинуть покровов сурьмяных,

Чтобы правду узреть, тайны сбросить печать,
Чтобы все недоступное в пальцах зажать.

Он не спал по ночам, Ночь вздымала светила,
И однажды звезда его тьму озарила.

Повеленьем творца, вестник пламенных душ,
Пред царем вдохновенным явился Суруш.

Сей гонец, полный света благого порыва,
Что не схож с ложным блеском прельстителя-дива,

Самоцвету, в сиянии раскинутых крыл,
Откровенье создателя тайно открыл:

«Слов приветных тебе, о служитель отменный,
Больше моря и гор шлет властитель вселенной.

Он издревле тебе власть над миром предрек,
Но огныне, он молвил, ты — новый пророк.

Всем тебя одаряет его повеленье.
Так послушай владыки всего повеленье:

«В свой покой беспокойство внеси. По пути
Беспокойному должен ты ныне идти.

Обойди вокруг земли, как небесная сфера.
Должен в диких любовь вызвать свет Искендера.

Призывай все народы склониться к тому,
Кто светил светом счастья пути твоему.

Древний свод возведи. Все развеяв туманы,
Отклони от неведенья темные страны.

Не позволяй, чтоб в миру демон властвовал зло.
Всем скажи: «Рвенью к богу мое возросло».

Сделай так, чтоб душой задремавших не стало.
С лика разума светлого сбрось покрывало.

Ты — ключарь милосердия бога. Внемли:
Ты — посол к обездоленным людям земли.

Обогни целый мир ты скитальчества кругом,
Чтобы миру предстать исцеляющим другом.

Царство мира земного ты в битвах добыл.
К царству мира иного направь же свой пыл.

Сил своих не жалей: станет узкой дорога.
Жди душой одного: одобрения бога.

Ты имеющих душу всем сердцем прощай.
Не имеющим душу возмездье вешай.

Коль живой вредоносен, то ты без боязни
Иль закуй его иль присуди его к казни».

Молвил царь: «Коль велит мне небес приговор,
Чтоб за этой оградой разбил я шатер,

На Восток и на Запад найду я дорогу.
Выбью хмель из голов, не внимающих богу.

Но в далеких пределах, внушающий страх,
Как смогу я вещать на чужих языках?

Как смогу понимать я чужие народы?
И другие в пути я предвижу невзгоды.

Вот одна: я боюсь, что в песках иль в горах
Пред врагами охрана почувствует страх.

Вот еще: многих стран я не видел доныне.
Как войска проведу и в горах и в пустыне?

Сколько в мире людей! Их за роями рой.
Как для каждого злобного стать мне грозой?

Как поверят в меня ослепленные души?
Что услышат безумцы, замкнувшие уши?

На чужбине, скажи, для слепых и глухих,
Где мне снадобье взять? Как мне вылечить их?

Добиваясь пророчества небу в угоду,
Чем свой сан подтвердить я сумею народу?

Только ль словом иль силой великих чудес
Докажу я взирающим волю небес?

Дай мне строгий закон и незыблемость правил
Для пути, на который меня ты направил.

Много мудрых, кичась жемчугами речей,
Полновластный призыв не услышат ничей.

Как же их вразумить? Что мне делать отныне,
Чтоб кичливых смирить в их безмерной гордыне?»

Горний ангел, явивший божественный свет,
Повелителю мира промолвил в ответ:

«Ты четыре предела, простершихся в мире,
Занял царством своим. Царства не было шире.

Есть народ в скудных ширях Заката. Свой лик
Он от бога отвел. Он зовется насик.

Есть народ, словно ангел, в пределах Востока.
То — мансак. Он — отрада господнего ока.

Есть на юге народ, словно море. Храним
Он создателем. Властвовал Авель над ним.

И народ, что на севере, так же бескраен.
Древний род его чти: его праотец — Каин.

И когда ты в дорогу направишь коня,
И везде твоих войск засверкает броня.

От насика к мансаку, покой отменяя,
И от Авеля к Каину путь обретаю, —

Просветишь ты народы, а верящих в ложь
И тебе непокорных, как прах разметешь.

Ты могуч. Пред тобою все будут в ответе.
Не захватит никто твое место на свете.

Ты ночной самоцвет, ты звезда, ты гори.
Ты всю мглу озаришь, словно свет Муштари.

Чтобы всюду, куда ни бросал бы ты взоры,
Где сокровищ благих ни вскрывал бы затворы,

Сделай так: устремляясь к счастливой звезде,
Помолись властелину небес. И везде,

Где бы ни был, в злосчастных краях иль в
счастливых,
Прибегай ты к царю всех царей справедливых.

На тебя никакая не грянет беда,
И войскам твоим славным не будет вреда.

Коль ты хочешь, чтоб войску предшествовал кто-то,
Коль о тыле в тебе родилась бы забота,

То узнай и покорствуй счастливой судьбе:
Мрак и свет будут всюду подвластны тебе.

Будет свет впереди, мрак расстелется дымом
Позади. Будешь видеть и будешь незримым.

Кто твоим повеленьям не вымолвит «нет»,
Ты того облачи в свой сияющий свет,

Кто же встретит указ твой усмешкою злою,
Ты окутай того беспросветною мглою,

Ты его в тот же час мраком тяжким одень.
Чтоб исчез он от взоров, как смутная тень.

И ведя, — это ведай, — браздами играя,
Всепобедное войско от края до края,

И услышав народов неведомых речь
И желая к себе их словами привлечь, —

Ты поймешь, вдохновенный, любое реченье.
Каждых слов для тебя будет ясно значенье.

Внемли всем языкам, царь подлунных царей!
Речь нигде пред тобой не закроет дверей.

По-румийски вещай. Все, вещанью внимая,
Толмачей отстранят, всё без них понимая.

Этих дивных явлений пройдя череду,
Ты добро обретишь, а противник — беду».

И когда Искендер — он поверил не сразу
 В изволение небес — внял Суруша приказу,
 Он постиг, что пред небом и мал он и слаб, —
 И веленье небес принял царственный раб.
 Снаряжаться он стал, вняв благому Сурушу.
 Лишь одним этим делом заполнил он душу.
 Все забыл он, лишь помнил божественный глас
 И дорожный вседневно готовил припас.
 Но, узнав повеление выйти в дорогу
 И предвдя в путях всеблагого помогу,
 У премудрых, которым от бога дана
 Прозорливость, душа у которых ясна,
 Все ж просил он советов. Искал он беседы,
 Чтоб суметь на пути все осиливать беды.
 Кроме «Книги Великой», к которой прильнуть
 Захотел он, чтобы знать сокровенного суть,
 Три завета писцы, благодарные богу,
 Начертали по шелку царю на дорогу.
 Аристотеля твердое знание цвело
 В первом свитке. Добро раскрывал он и зло.
 Во втором вся премудрость Платона гласила
 О науках, в которых великая сила.
 Третий лист был Сократом составлен в тиши
 О предметах, отрадных для нашей души.

И когда были кончены три этих свитка,
 Полных блеска и мыслей благих преизбытка,
 Государь их согнул, к ним печатью прильнул
 И в единственный свиток три свитка свернул,
 Чтобы где-то, с Юнаном изведав разлуку,
 В должный час протянуть к ним уверенно руку.
 Чтоб их вновь развернуть, чтобы в дальнем пути
 В каждой свитке отдельном опору найти,
 А когда б его разум не справился с делом,
 Вопросить всеблагого умом неумелым.
 Утром занял, надев бирюзовый венец,
 Трон из кости слоновой державный мудрец.
 И велел он везиру явиться с каламом,
 Самым острым и твердым, отточенным самым,
 Для писанья приказа, в который бы он
 Все умение вложил, чтоб рассудка закон
 Все развил бы с таким убедительным толком,
 Что ягнята в лугах рядом были бы с волком.
 Из чертога царя, покорившего мир,
 Воспринявший приказ, тотчас вышел везир.
 Он вожатым премудрости сделался снова,
 Чтоб извлечь из пучины жемчужины слова.
 Заострил он калам и склонил он свой лик.
 Был калам тростниковый, — и сахар возник.

ПОСЛАНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О МУДРОСТИ

Возносилась вначале благому хвала,
Вслед за должной хвалой речь о многом пошла.

«Государь! На познание исполнись надежды
И запомни: не слушай сужденья невежды.

Даже к двери, затвор на которой незрим,
Есть у мудрого ключ. Все раскроется им.

За любую удачу, за счастье любое
С благодарностью небо хвали голубое.

Победив, не пылай дерзновенным огнем.
Божий страх существует. Подумай о нем.

От боящихся бога отступят несчастья.
К небожащимся — небо не знает участия.

Бойся глаза. Веселым, безгорестным будь.
В пламень руту бросать по утрам не забудь.

Только ль глаз дурноглазых сразит тебя разом?
Можно сглазить себя даже собственным сглазом.

Некто жемчугу молвил, его оценив:
«Сам себя устрашайся: ты слишком красив».

Та чинара ветров не страшится порыва,
Чья вершина в лазурь не взнеслась, горделива.

По оленям стреляя, охотник иной
Только гордых самцов бьет стрелою двойной.

Чтоб других упредить, путь замедли. Не надо,
Чтоб завистников злых обуяла досада.

Зависть сердце сожмет, мглой окутает взор,
Между двух благородных посеет раздор.

Никого ты не сталкивай с места, не трогай.
Если ж тронешь, — свалив, шествуй вольной
дорогой.

Если с кем-то, озлобясь, пошел бы ты врозь, —
Ты весь род его все же на гибель не брось.

За отцовское зло ни с кого не ищи ты,
Невиновных своей не лишай ты защиты.

Хоть от солнца до тени один волосок, —
Тень — мрачна, солнце — ясно. Нет истинней
сторк.

Финик рядом с шипами возьми для примера:
Шип — невкусен, а финик — вкусней гульшакера.

Ведь вблизи от акул — в этом также урок, —
У жемчужницы — жемчуг, не острый клинок.

Ты на брата разгневан за брата. За что же?
Молоко с красной кровью нисколько не схоже.

Коль виновен другой, нет преступника здесь.
Ты барана за ногу баранью повесь».

Если ждешь ты прощенья господнего, — права
Не давай запылать жару гневного нрава.

Злобных небо казнит. Правду пишет перо:
Только добрым с небес ниспошлется добро.

Лишь добро в каждом деле имей на примете.
Только добрая слава нетленна на свете.

Ты на славных не рушь поношенье и срам.
Распалившись, бесславным не станешь ли сам?

Не хвали дело низменных: много ли толку
Со стола своего снедь подбрасывать волку?

Не якшайся с дурными. Иди с ними врозь.
Камень знания и мудрости в пепел не брось.

Если низкий с тобой разделяет привалы, —
Он лишает сверканья багряные лалы.

Ты в согласьи всегдашнем со знающим будь,
Ибо он указывает к познанию путь.

В жажде денег больших спорить надо ли с жаром,
Убеждая людей, незнакомых с динаром?

Ждать порыва в бойце, чья душа без огня, —
Ждать, чтоб жемчуг принес продавец ячменя.

Лев не тронет людей не из чувства приязни
Иль достоинства, — нет! — из одной лишь боязни.

С человеком, который бывает жесток,
В обращении жестоком единственный прок.

С ненавистным для нас не всегда ли нам проще, —
Пригласив понежней, обращаться пожестче.

Видишь голову вражью? Пылая огнем,
Привлеки ее лестью, снеси — лезвеем.

Двух врагов неразумных увидевши, козни
Ты затей: посели в них всю ненависть розни.

Волка с барсом страви и спокойно взирай.
Из-под двух жерновов ты муку подбирай.

Для царей и для всех, кто высокого званья,
Недостойного ты не давай содержанья,

Шли ученых к ученым. Направь к силачам
Силачей. И совет я разумный подам:

Ты послу, коль его считаешь умелым,
Не давай наставлений. Он справится с делом.

Где железо без пользы сжимают персты, —
Сыпя золото, железным окажешься ты.

Ты храни в кладовых звонких денег немало,
Чтобы многих врагов пред очами не стало.

Ноги свяжет лисице умелая лесть.
Все отбросит ребенок, чтоб сладкое съесть.

Наслаждайся, мутриб, общей пляской на пире.
Сбрось оковы свои, будь всех радостней в мире.

Стань подобен рассвету и мир украшай,
И тебя украшать всем желанье внушай.

Словно розовый куст, украшаться не надо!
Ведь в руках у других нам отрадней лампада.

Для тебя только тяжкое бремя казна.
Все раздай, и к спасенью послужит она.

Деньги — пламя. Нельзя же их складывать в груды.
Деньги — искры. Ты щедро бросай их повсюду.

В богаче иль в деньгах больше кроется зла?
Узел хуже всех пут, пути хуже узла.

Так поклонник огня молвил пламени: «Кто же
Величавей из нас? Кто для смертных дороже?»

И ответил огонь: «Коль желаешь ты знать,
То меня надо сжечь, а тебя — доконать».

Лишь в широкий рукав с тяжелой ветви немало
Упадает плодов. Быть скупым не пристало.

Пусть не слишком тебя яства все усладят,
А не то в каждой чаше окажется яд.

Разорившийся, к кладу проведав дорогу,
Побежал, — и упав, душу отдал он богу.

Если жаром объятого манит вода,
Пусть он залпом не пьет, убоявшись вреда.

Коль поспешен твой путь, будь к себе ты построже:
Не на каждом привале устраивай ложе.

Воду пей осторожно, скажу я притом:
Ты чужим ее прежде испытывай ртом.

Если плод незнаком. — не к твоим он услугам.
Отложи его. Бойся спознаться с недугом.

За едой от себя этой мысли не прячь.
От неведомых яств уклоняется врач.

Не иди по дороге нехоженой, даже
Доверяя себя окружающей страже.

Лучше долгой дорогой спокойно идти,
Чем опасностей ждать на кратчайшем пути.

От излишних добыч отводи свои взоры:
Могут лишние в ставке пойти разговоры.

Царь, при деле любом, при разделе добыч
Дай свое милосердие несчастным постичь.

Но порой и тайком милосердствуй, даятель,
Будет этим даяньем доволен создатель.

То даянье, которое скрыто от глаз,
От господней грозы нас укроет не раз.

В меру войску плати. Не давай ему, строгий,
Сверх того, что бойцам обойдутся дороги.

Непригоден в походе для битвенных дел
Угождающий чреву: не слишком он смел.

Не давай пресыщаться дорогою трудной,
Но следи, чтобы снедь не ославили скудной.

Сделай так, чтобы в дни и довольства и бед
Все имел ратоборец для новых побед.

Дважды в день, государь, — знай, всегда это
кстати, —
Ты к столу приглашай всех начальников рати.

Ты нигде на чужбине не требуй вина.
Только в Рум возвратясь, пить вино не вина.

Людям светлым веряйся. Они потому-то
И светлы́, что в их душах не кроется смута.

Всю охрану светилу, прогнавшему тьму,
Горы с морем веряют, — лишь только ему.

Ты удачлив, зови же не знающих плача.
Ведь удачу всегда охраняет удача.

Избеги несчастливых. Ведь свежий не рад
Виноград, если рядом — больной виноград.

Будь во всем неизменен. Все снова и снова
Ты того не меняй, в чем былого основа.

Если б нрав свой обычный утратил народ,
Все бы он потерял, все пошло бы вразброд.

Ни единой стране не пошло бы на славу
Тяготенья к иному и чуждому нраву.

Сохраняй, как премудрые, прошлого свет.
Чужеземному нраву не следуй, о нет!

Пешка, должным путем продвигаясь упрямо,
Станет ферзем. Иди же все прямо и прямо.

Если явно врагу светит счастья звезда,
С ним недолго враждуй: с ним сражаться — беда.

Небосвода круги не всегда нам в угоду,
Но препятствовать, верь мне, нельзя небосводу.

Ты довольствуйся тем, что дарует судьба.
Пред наставником никни смиренней раба.

Если счастье проявит благую причуду,
Этой верься причуде, как светлому чуду.

Странным прихотям рока ты также будь рад:
В них порою таится сверкающий клад.

Свергнет прихоть небес дни печали и плача, —
И причудам твоим также будет удача.

Для того-то жемчужница в твердой броне,
Чтоб жемчужину прятать в морской глубине.

Для того-то и копь твердокаменной стала,
Чтоб с трудом проникали в пристанище лаала.

В затрудненьях своих не брани небеса:
Лучших дней, ты увидишь, пойдет полоса.

Не печалься движенью лазурного свода.
Будь настойчив, удачи дождешься прихода.

Как дела ни трудны, укрепляй свою грудь
Силой счастья. О царь! Вечно радостным будь.

Камень кверху бросай, не колеблясь и смело.
Он падет, и свершится удачное дело.

Ты насилье, о царь, никому не чини.
Ведь насилье приносит недолгие дни.

Если царь о законе оставит раденье,
То в бесправьи померкнет царево владенье.

Ты создателем создан для праведных дел
И насилье творить в твой не входит удел.

Если кто-то кичливый забудет о благе,
Зло падет на него же в свирепой отваге.

Если мир иногда мог бы сбиться с пути,
Мог бы стужу и жар свыше мер обрести.

Ты добром не считай этот пламень и стужу.
«В необычном ли, молви, добро обнаружу?»

Пусть обычным порядком идут времена,
Временам в их полете их доля дана.

Пусть же каждой весной в небе видится проснись,
Пусть в листве золотой будет каждая осень.

Если ты позабыл, что текуч небосклон, —
От тебя отвернется возвращенье времен.

Если злую беду ты терпел от злодея,
Если к ближним ты шел, милосердие дея.

Промолчи и о том и об этом. Забудь
Зло злодея и свой добродетельный путь.

Не смыкая ресниц, вражды ведая станы,
Охраняй, государь, все подвластные страны.

Я пословицу вспомнил. Она неплоха:
«Гибель жадным волкам — острый взор пастуха».

Если силу в своей ты почувствовал длани,
Ты над недругом слабым не смейся заране.

Если чувствуешь ты, что внезапно ослаб,
Пусть об этом не знают ни недруг, ни раб.

Быть веселым всегда — разве это бесславно?
Если тайно грустишь, будь смеющимся явно.

Где бы тягостный бой начат ни был тобой,
Где бы множество войск ни направил ты в бой, —

Беглецов, убежавших из прежних сражений,
В жаркий бой не бросай, чтоб не знать поражений.

Устрашенные, трусость являя свою,
Даже смелых смутят в нерешенном бою.

Царь, с победой сдружась, все отринешь ты беды,
Коль твои воеводы знавали победы.

В окруженьи стремянных в сей радостный год
Трогай повод! Начни свой счастливый поход.

В злых и добрых делах, у свершений порога,
Помни: зло — от тебя, все благое — от бога».

Этот свиток известный царю был вручен.
Царь прочел. Мудрецу был признателен он.

ПОСЛАНИЕ ПЛАТОНА О МУДРОСТИ

Солнце встало, смеясь. Ощувив камфару,
Черный мускус исчез. В этот день, поутру,

Царь к Платону послал, чтоб о сладостном самом
Он подумал письме и, по шелку каламом

Поведа, показал бы высокий предел
Дивных мыслей на пользу бесчисленных дел.

Величавый, как море, и роющий скалы,
Мудрый старец явил им добытые лалы

И каламом покорным, являя строку
За строкой, начертал на добротном шелку:

«Выше гор и небес, выше праха и тленья
К создающему все да восходят хваленья!»

И, прославив творца, он продолжил узор,
Сотней лалов расшив дивной речи ковер:

«Государь выше мира. Вся истина в этом.
Мир — лишь только рудник. Царь — горит
самоцветом.

Если ж он самоцвет и сияет в нем свет, —
Пусть он знает: ценнее всего самоцвет.

Зло и благо узрев, он себя не забудет.
Своему он достоинству верен пребудет.

«Ты тюков не развязывай, — мудрый сказал, —
Стал засадой разбойников этот привал».

Кто не зорок на страже, тому не пристало
Править миром: достоин он этого мало.

Если царь всех разумней, — тужить ли о чем?
Мир захватит он разумом, словно мечом.

Властный меч храбрецов, в должный бой
вовлеченных,
Стал могуч и остер наущеньем ученых.

Без ученых, что в мудрых заботах о нем,
Мудрый царь не пирует ни ночью, ни днем.

Пусть венчанная душа будет к знанью влекома.
Пусть царя не влекут пиროванья и дрема.

Привязались к владыкам две спутницы злых,
Недоступные вовсе для смертных иных.

И стряпня прихотливая — первая, злая:
Отягчает она всех царей, а вторая —

Прелесть юной жены. Коль прекрасна жена,
Слишком жадную страсть вызывает она.

Сердце шахов зачем этих двух захотело!
С той — тучнеет, с другой — изнуруется тело.

Жадным к снеди не будь. Жадным к неге не будь.
Не тучней и следи, чтоб не высохла грудь.

Блещет мира ковер цветом желтым и алым,
Но тебя он обманет обманом немалым.

Мир — коварный дракон. И стремится, спеша,
Из приюта бездушного наша душа.

Все ж своим горожанам возвел эти стены
Город жизни. Мы — в нем, хоть он полон измены.

Да не жаждем земного! Тебе ведь не вновь:
Чтобы пищу добыть, лить не следует кровь.

Кровь свирепо лия, ты не будешь беспечен:
Жить на свете не сможешь, утративши печень.

От существ, получивших когда-то взаимны
Все четыре стихии, да скроемся мы!

Нам от злобных скорей отклонить бы свой повод, —
Иль на нас ополчиться найдут они повод!

Жемчуг создан водой. Амбру делает прах.
Все стихии — одно. Правда в этих словах.

«Ослик воду тащил, но бурдюк разорвался,
Завопил водовоз, ослик в страхе умчался».

Мир — в колючих шипах. Но и мы ведь ежи.
«Мы друг друга достойны» — об этом скажи.

Двух я слышал вдовиц. К вечной распре готовы,
Говорили друг дружку бранившие вдовы:

«Как уродлива ты! Удивляться чему ж,
Что тебе в целом мире не сыщется муж».

Отвечала соседка: «Всё дома ты что же?
Или кажешься всем ты чрезмерно пригожей?»

Почему все мы спим на пороге земном,
И как будто бы вечным уснули мы сном?

Отдаваясь и сну и его наважденью
И не зная, придет ли он вновь к пробуждёнью,

Человек устрашается темного сна:
Сон ведь смерти сродни. С ним так схожа она.

И лежит он, забывшийся в сне скоротечном,
Как и тот, что простерт, сном охваченный вечным.

Если б к снам, что один мог постигнуть Зирек,
Обратил свой доверчивый взор человек,

Чудеса он узрел бы в пристанищах ночи,
По неожиданным явлениям водил бы он очи

И забыл бы о горести суетных дел
И за тщетным бежать он бы вновь не хотел.

Почему из-за хлеба насущного людям
Надо в мире метаться? О том не забудем,

Что напрасно снова по степям и морям,
Если путь к корке хлеба недолог и прям.

Те, что в жизни своей беспокойство знавали,
Лишь спокойствия ищут на этом привале

И, не чувствуя к миру любви никакой,
Вождедеют всего, в чем блаженный покой.

Все разумные путники шлют восхваленья
Отыскавшим покой всем пристанище тленья.

Только область покоя от бедствий чиста.
Вне ее много бедствий таит суета.

Для чего ж нам трудиться все снова и снова
В этом пире кипящем, взыскуя съестного?

Все старанья — к чему? Что стремимся иметь?
Ведь нужна лишь одежда и скромная еда.

Если ты не лишен ни еды, ни одежды, —
Что сражаться? На что жадно скидывать вежды?

Тот, кто в бурных морях часто ведает страх,
Тот, кто копь углубляет в кремнистых горах,

Под луной лишь свое обретает скитанье.
Каждый может иметь лишь свое пропитанье.

Тяжки страсти. Живущий в страстях и во зле
Прячет жадность в душе, прячет деньги в земле.

Деньги прахом покрывший с тревогой и страхом —
Праха злосчастный, главу посыпающий прахом.

Мир для тех, что со встречными в благостный час
Разделяют в пути свой дорожный припас,

Что развяжут мешок для того, чтобы хилый
Подкрепился едой и набрался бы силы.

Ты беспечным не будь. Не дремли на пути.
Наводненья поток может мигом прийти.

Все ж и пищу и сон бросить вовсе — не дело:
Станет желтым лицо, станет немощным тело.

Где искатель путей ни прошел бы, спеша,
Пусть не станет безумной скитальца душа!

Между стражей, стремясь к чуждым землям
и водам,
Пусть идет он всегда безопасным проходом!

Пусть его прозорливость не будет слаба!
Ведь на спящих в пути нападает судьба.

Пусть вперед он глядит, помня прежнее вечно!
Пусть рассказам чужих не внимаает беспечно!

Если с ним полководец, знакомый с путем,
Пусть не думает царь: этот путь не пройдем.

И в степях и на высях с обрывами рядом
Пусть вразброд не дает он стремиться отрядам!

Пусть идет его войско, как снег или шквал,
Пусть грохочет, как море, раскинув привал!

Захвативши людей из враждебного края,
Пусть он пленников держит, их вдосталь питая

И, укрывшись от всех, с них снимает допрос.
Где же знак полновесный без влаги пророс?

Все свершится легко. Небо мужеству радо.
Только трудностей многих страшиться не надо.

Коль достигнешь удачи, казнив одного,
Больше, царь Искендер, не казни никого.

Мчаться ль к мощным врагам, что стоят
в отдаленьи?
Потерять можно голову в этом стремленьи.

Если так велики притязанья твои.
Что удачи не ждешь, — их в душе затаи.

Как распутывать узел? Порывисто или
Непоспешно? Терпенье ценнее усилий.

Все, что скрыто от взоров, откроется, — но
Открываться не сразу всему суждено.

Все бывает неясно в дороге, но скоро
Все становится ясным для нашего взора.

Хоть словами моими развеется тьма,
Все же мудрость царя все решает сама, —

И куда ни пошел бы взлелеянный богом, —
Полный знанья, по верным пойдет он дорогам.

В размышленьях людских не нуждается тот,
Кто оваян сияньем лазурных высот.

Если ангел к царю прилетает с приветом,
Как он может внимать нашим скудным советам?

Если я, постигающий мир, написал
По приказу Владыки вот этот мисал,

Я в советах излишнее принял участие:
Ведь вожак Повелителя — светлое счастье.

Лишь создатель и разум, опять говорю,
Лишь создатель и разум — помога царю».

Помолясь, исполняя царево желанье,
Искендеру Платон подал это посланье.

И от сердца Владыки отхлынула тьма.
Он, ликуя, прочел поученья письма.

ПОСЛАНИЕ СОКРАТА О МУДРОСТИ

Третий день наступил. Засияв поутру,
В Рум и в Зинг небеса продолжали игру.

Молвил румский мудрец благосклонно Сократу,
Чтоб доставил посланье к нему он в палату,

Чтоб о том, что он знает, не стал он молчать,
Чтобы в воск он вдавил поучений печать.

Стал Сократ многомудрый с покорностью дружен.
Тотчас к морю он вышел на ловаю жемчужин.

На бумаге, натертой густым серебром,
Мускус речи явил он умелым пером.

Начиная картину, художник высоко
Поднимает главу: божье видит он око.

Он создателя славит, в котором всегда
У всего, что живет, существует нужда.

Имя божье явя, в наши снидя просторы,
Имя шаха Сократ ввел каламом в узоры:

«Над колодцем прикрытым, о царь, проходи,
Зная путь, зная все, что лежит впереди.

Ты из многих начал создан звездами. Или
Для игры безраздумной тебя сотворили?»

Грозный барс впереди, я тебе говорю!
Осторожно иди, я тебе говорю!

И в бою и на травах спокойного луга
Будь всегда недалеко от верного друга,

И когда вокруг тебя сотрапезников круг,
Пусть веселый с тобою находится друг.

Не гляди ты на лица смеющихся мало,
Чтоб веселье, о светлый, в тебе не пропало.

Но, свершая свой суд в предназначенный час,
Ты на тех, с кем пируешь, не вскидывай глаз.

Те, с кем ты разделял пиროванья забавы,
Будут дерзки повсюду с носителем славы.

Всем ты воду давай, словно щедрый ручей,
Чтоб неполным кувшин не остался ничей.

Если все ты один поглощаешь, как море,
Снедь горька, словно море иль горькое горе.

Если яства в дому ты хранишь под замком,
С тяжким запахом яств целый город знаком.

Если шлешь ты припасы мечтавшим о пище,
Ароматом твое дивно дышит жилище.

Ведь пока не раскрылся фиалки цветок,
От фиалки не льется душистый поток.

Лишь когда она глянет, весельем объята,
Ветер сделает луг продавцом аромата.

Ты на миг во дворце. Все просящим давай.
Твой дворец — только хлеба простой каравай.

Ты довольствуйся в мире одним караваем.
Ты — не вечное солнце. О смерти мы знаем.

Отрешенье от пищи — удел божества.
Льшь корове с ослом эти странны слова.

Тот, кому только чрева пристрастия милы,
Как животное выйдет из чрева могилы.

Он, с коровою схожий и живший во зле,
Кем воскреснет? Душа его будет в осле.

Быть умеренным в пище всего нам полезней.
Кто прожорлив, тот гибнет от многих болезней.

Дергай сытых за хвост, как ленивых ослов:
Кто наполнил свой хум, тот не слушает слов.

Ты, по каплям собрав воду моря, о туча,
Щедро дождь проливай. Длань царева могуча.

Видишь мех водоноса? Он так округлен!
Для раздачи воды наполняется он.

Ты на пастбище мира, от края до края
Проходя, все вкушай, меру должную зная.

Ты немного оставь и поешь и подай.
Так велит поступать нам дарованный край.

Если ты накормил и поел и оставил,
Ты — хозяин для всех и себя ты прославил.

За едою о пользе ты думай всегда,
Пусть не сладкой — полезною будет еда.

И себе за столом надо вымолвить строго:
В молоке после укуса пользы немного.

Ты не холь свое тело, услад не цени.
Вьюк завязывай. Близки походные дни.

Надо действовать! Быстрому вверься мгновенью!
Ведь приводит бездействие к оцепененью.

Не выкапывай лалов чужою рукой.
Если жив — напрягись, отстраняя покой.

Служат ноги твои. Служат верные руки.
И с тобой эти слуги не знают разлуки.

Этих собственных слуг не отставь от работ,
Хоть полны твои слуги вседневных забот.

Если службу ноги, силу царственной длани
Ты слуге передашь, — знай, властитель, заранее:

Коль слугу с его места умчит его рок,
Ты не будешь ли, царь, и без рук и без ног?

Со слугою, владеющим ласковым словом,
Будь нестрог; под твоим пусть он будет покровом,

Сколько можно любезней веди свою речь,
Чтобы всех, кто внимает, к тому же привлечь.

Мудрый славится речью приятной сугубо.
Говорят неразумные злобно и грубо.

Что с невежами быть! Отстранить их пора.
В речи добрых невеж не отыщешь добра.

Постарайся забыть грубой речи звучанье.
Кто жалел, что на помощь призвал он молчанье?

Бросив множество слов, приносящих позор,
Говоривший себе их поставит в укор.

Знай терпенье. Падет пред тобою преграда.
Ты надежду храни. В ней — благая отрада.

Упованье на снедь лучше снеди, и тмин
Обещаньем растят меж понурых равнин,

Но когда в лютый зной вся иссохнет равнина,
Всё же собственный сок мы находим у тмина.

Часто жаден цветок: ждет он влаги, — но вот
Грянет ливень, и сломит его и сорвет.

Не потворствуй насильникам. Скоро об этом
Пожалеешь: пред всеми предстанешь с ответом.

К проливающим кровь свод лазоревый строг.
Опасайся колодки, ужасной для ног.

Сколько снес ты голов! Что ты делаешь с ними?
Долго ль будешь играть ты шарами такими?

Много влаги очей в твоей туче. Сплеча
Много бьешь. Много крови на шее меча.

Устрашись, иль твой меч, шей сыскавший немало,
Сыщет шею твою. Так на свете бывало.

Не спеши в кяджаву, иль минута одна, —
И с верблюдицы рухнешь под ноги слона.

Сколько тысяч голов — их исчислить не смею —
На свою ты навесил могучую шею!

Много стран ты разбил. Спросит, может быть,
«Их разрушил зачем?» Что скажу я в ответ? свет:

В этом ярком саду разве следует к розам
Наклоняться с клеймом, предаваться угрозам?

Не прельщайся, о царь, норовистым конем.
«Он красив, но он зол» — так подумай о нем.

В мире этом, о царь, в этом блещущем змее,
Нет сердца. Всего он известного злее.

Как земля, что спокойна, покоем дыши.
Небосвод поспешает, а ты не спеши.

Не лети, Властелин, словно сокол крылатый.
Словно лев проходи, размышленьем объятый.

И коня быстрой мысли удерживай ты,
Ведь шипами полны этих дебрей кусты.

Лишь когда отогнать можешь чье-либо горе,
Поспешай, чтобы сделать все должное вскоре.

Не спеши затевать понапрасну войну
С тем, за кем небольшую ты знаешь вину.

Всех прощай. Не смягчай лишь, о царь, приговора
Для убийц и карай грязнорукого вора.

Благосклонным к презренному ты не бывай
И распутникам дерзким дерзать не давай.

Коль на подданных царь неприязненным оком
Смотрит с трона, — восстанье в пути недалеком.

Будь не мягок с подвластным, носитель венца!
Может светлый алмаз потерпеть от свинца.

Ты от тех, что свой лик прикрывают покровом,
Тайну прячь и не лстись их приманчивым словом.

Не вздыхай. Кто, вздыхая, ведет свои дни,
Вызывает у всех только вздохи одни.

Замолчу, хоть в душе слов имею немало.
Чье вниманье словам столь прекрасным внимало?

Извещение, о царь, получил ты с небес.
Так в словах этих смелых найдешь ли ты вес?

Если резок мой меч, — не сердись, величавый.
Только острым клинком добиваются славы.

Этот меч заостренный возьми в свою длань.
С ним в грядущих боях победителем стань».

Был отложен калям. Свиток с дивным избытком
Верных слов принял царь и доволен был свитком.

НАЧАЛО НОВОГО СТРАНСТВОВАНИЯ ИСКЕНДЕРА ПО СВЕТУ И СЕТОВАНИЯ НИЗАМИ

Я очнулся от сна. В небе было светло.
Словно солнце, мое засияло чело.

Я, высоко поставя престол красноречья,
Руту бросил в огонь: глаза был должен отвечь я.

Чтобы царственной книге в миру зазвучать,
Тополь сгорбленный стройным я сделал олять.

Снял печать я с ларца. Стал он снова мне нужен
Не оставил я в нем несверленных жемчужин.

Мой калам, сыпя жемчуг, по-царски могуч,
На давал жемчугам низвергаться из туч.

И тогда предо мной нежноликая встала.
И блестящее зеркало дева держала.

«О пристрастия к себе ты отныне забудь.
Погляди на себя и надменным не будь».

Тотчас глянул я в зеркало злое, в котором
И увидел свой лик опечаленным взором.

«Где бровей моих смоль?» — я спросил и умоляю.
Я ланит своих видел серебряный шелк.

Я нарди́ссов не встретил и, став беспокойным,
Кипариса не видел по-прежнему стройным.

Скрыл фиалки нагрывший белый жасмин.
Алых роз лепесток был не зрим ни один.

О истертый динар! Старость понял я разом.
Со своим я в смятеньи замедлил рассказом.

Нету ног, чтоб широкий осилить простор,
Нету рук, чтобы древний продолжить узор.

Я смущен был своим отцветающим ликом,
И напев я вознес, вновь звеня о Великом.

Устрашился я рока, — чрезмерно он скор,
Иль оставить неконченным этот узор?

Сна предвидя набег, взял себе я заданье:
Упреждая набег, возвести это зданье.

Почивальню, быть может, сыщу я для сна,
И найду в ней приют я на все времена.

□ □ □

Быстротечность веков созерцающий снова
Дни и годы вместил в благозвучное слово:

Искендер, извещенный в назначенный срок,
Что по воле творца он — великий пророк,

Зачеркнул длинный список сокровищ. Отныне
Новый счет поведет он в подлунной пустыне.

Руму также и Русу велел он вручать
Подать должную Искендерусу. Печать

Отдал матери он, и ее же он к сыну,
Собираясь в дорогу, приставил. «Покину

Вас я скоро», — родимой он молвил, и к ней
Обратился затем с мудрой речью своей:

«Ты мою охраняй божьей волей державу
И себе добывай крепкой верою славу.

В службе божьим рабам, — он продолжил затем, —
Окажи ты любовь материнскую всем.

Охраняя закон, соблюдая моления,
Ты хранителя мира блюди повеленья.

Исполнять повеленье, о милая мать,
Не всегда ли милей, чем его отдавать?

В должный путь я иду из родимого дола.
Оставляю тебе треволенья престола.

Много, много фарсангов я должен пройти
И не знаю, вернусь ли с такого пути.

Коль вернусь, сделай так, чтоб опасному глазу
И ни ты и ни я не подверглись ни разу.

Если ж я не вернусь для ношенья венца,
Ты, поняв неизбежность такого конца,

Так веди свои дни, чтоб на судбище скором
Твой язык оправданья не сделался хворым».

Смолок Великий, и в путь стал готовиться он.
И венец он родимой оставил и трон.

Ратям Рума и Сирии, будто бы к бою
Он спешил, повелел он предстать пред собою.

«Тысяч сто, — он промолвил, — на этом смотрю
Наилучших бойцов я себе отберу».

Отобрали бойцов; целой ратью был каждый.
Вместе столько могучих не встретишь ты дважды.

Взял верблюдов четыре он тысячи. Их
Вереницей построили, мощных, больших.

«Бисурак» — вот название любого верблюда
Первой тысячи. Выюков страшна ли им груда?

Дальше тысячью новой тянулись «бухти»
С грузом яств. Не устать им в безмерном пути.

Третья тысяча... В золоте желтом и красном
Шли верблюдицы быстрые шагом прекрасным.

Шла четвертая тысяча. Двигались в ней
Те верблюды, что были всех ланей резвей.

От ремесел различных столь ценящий знанье
Взял по сотне умелых с собою в скитанье.

Так обдумавший все, царь подлунной страны
Знамя славы от Рыбы вознес до Луны.

С Македонией он распрошался, другие
Встретил земли, — и вот он уж в Искендерии.

В ней, ликуя, воздвиг он державный престол.
В ней в спокойствии царь дней немного провел.

Он, как царь Кей-Хосров, что из шумного мира
Свой престол перенес к тихим высям Сарира,

Столп велел водрузить и приделать к нему
Ясный зеркала круг, разгоняющий тьму:

Все, что в море за сотни фарсангов лежало,
Это зеркало дивно в себе отражало.

Он поставил у зеркала строгий дозор,
Чтоб, в зеркальную гладь устремившие взор

И узревшие в ней бесконечные дали,
О врагах отдаленных ему возвещали.

Будет знать он движение врагов, и затем
Своевременно сможет укрыть он гарем.

□ □ □

В ставке царской всех дел завершилась основа,
И для странствия царь снова сел на гнедого,

И, сначала на запад направив коня,
Он Египта достиг. Там он пробыл два дня.

Из Египта он верную начал дорогу:
Он кушак затянул в услужение богу.

Путь недолгий проехал, творцом озарен,
На долину просторную выехал он.

Много живших в краю Мукаддаса святого,
Испытавших бесчинства властителя злого,

Шло дорогой. Кляня свои горькие дни,
К Искендеру с мольбой обратились они:

«Ты очистил весь мир, мир, казавшийся мглистым.
Сделай снова, о царь, «Место чистое» чистым.

Поднимая свой стяг, ты вступи в Мукаддас
И казни лиходея, гнетущего нас.

В сем приюте святых, меж их светлого стана,
Дышит мрачная злость самого Аримана,

Достоцитимой обители мирный народ
От него много черных изведал невзгод.

Он великому богу оставил служенье,
Всем служителям неба несет униженье.

Словно злостью гордясь, проливает он кровь.
Он безвинных казнит, вновь казнит их и вновь.

Все мы в страхе пред гнетом бесовского чада.
Укротитель всех бесов! Ты наша ограда!»

И когда царь услышал обиженных стон,
И когда все узнал о злокозненном он,

Тем, которым никто не дал помощи руку,
Он помог. Да никто не пошлет их на муку!

Мукаддасцы в беде! Подтянув стремяна,
Он в «Святую обитель» погнал скакуна.

Все врата раскрывать стал он с этого часа.
В крепость мира вошел он, начав с Мукаддаса.

Царь из румской земли прибыл в эту страну,
Чтобы смуту прогнать, воссоздав тишину.

И когда нарушитель закона и права
Услыхал, что к нему шла из Рума расправа,

Препоясался он и направился в бой,
Не проведая, что Рум охраняем судьбой.

В первой схватке с царем всеблагим и счастливым
Он погиб: Искендер быстро справился с дивом.

Царь сразил Аримана, а после того
На вратах Мукаддаса повесил его.

Отвращеньем к его злодеяньям объятый,
Царь велел, чтоб вещал громогласно глашатай:

«Должен каждый запомнить, злодействуя тут,
Что его точно так же веревкой почтут».

Свергнув дива, всю область державшего в смуте,
Царь смешал землю с амброю в «Светлом приюте».

Успокоился он, всем покой даровав,
С «Места чистого» прочь всех нечистых прогнав.

Дав неправедным знать о судилище строгом,
Мукаддас отдал он всем склоненным пред богом.

□ □ □

Стал таков Мукаддас, что все люди могли б
В нем покой обрести. Царь помчался в Магриб.

В Ифранджат из Магриба направил он рати,
А затем в Андалус. О святой благодати

Возвещая народам, твEDIA обо всем,
Что и мыслей и веры пылает огнем,

Не встречал он людей, не влекущихся к свету.
Не напрасно служил он благому завету.

Он, законам и вере народы уча,
Строил храмы. Коня ветроногого мча,

Царь все далее двигался по свету, зная,
Что весь мир победит он от края до края.

Царь вторично по миру скитался. Привал
Делал там, где он воду войскам добывал.

Ненадолго склонясь к пышным травам и водам,
Сил набравшись, опять шел он трудным походом.

И в пустыне он море завидел вдали,
И к нему подошел и спустил корабли.

Он двенадцать недель плавал по морю, споря
С буйством волн, добывая сокровища моря.

И в сопутствии всех, свой приветствуя рок,
Царь направил ветрила на жаркий восток.

Видел он острова. Мест не ведал он глуше.
Он, причалив к земле, вновь помчался по суше.

Много тварей встречал он породы людской
И похожих на чудо породы иной.

Но, едва промелькнув, существа эти вскоре
Исчезали во мраке лесистых нагорий.

Шли и царь и войска уж немалые дни,
И в пустынную область вступили они.

Никогда никому не случалось донине
Быть в подобной беспыльной и желтой пустыне.

Коль по этой земле мчался чей-либо конь,
То земля под конем извергала огонь.

Стало тотчас понятно царю Искендеру,
Что не землю он видит, а страшную серу.

Целый месяц, вступив на опасную гладь,
Шли войска и несли всю дорожную кладь.

И готовый в путях и к удачам и к горю,
Искендер подошел к превеликому морю.

□ □ □

Царь глядел и восторгом он был обуян:
Перед ним всеобъемлющий был Океан.

Бились волны, обвинившие все, что есть в мире:
Были гранью земли эти грозные шири.

Все могли созерцать пред нашествием мглы
Нисхождение солнца в седые валы.

Непостижное небо завесою тайной
Не скрывало сиянья над ширью бескрайной.

Жаркий шар, не одну согревавший страну,
Небо каждые сутки склоняло в волну.

Мы заката понять смысл не можем ли полный?
Он — источник тепла, в эти никнувший волны.

Толкователь корана открыл для меня,
Что находится в море источник огня.

На каком бы вода ни явилась просторе,
Накопляясь, она изливается в море.

Глуби в руслах — воды охраняют красу,
Вкруг земли протекая, вода — на весу.

Океан всеобъемлющий! Он свою воду
На весу распростер, подчинясь небосводу.

Жаркий светоч, закончив дневные труды,
Прячет пурпурный шар за каймою воды.

Моря бурного круг каждым вечером новым
Прикрывает светило широким покровом.

Можно видеть сначала, как светоч дневной
Поглощается моря кипучей волной

И уходит, бесследно в волне исчезая,
Потому что округла поверхность земная.

Наше знание к сему нам велело прийти.
Путь иной постигает «познавший пути».

Сей источник тепла увидавший, Владыка
Не отвел от источника светлого лика.

Молвил царь мудрецу: «Все скажи мне о нем
И о том, как таит его сей водоем».

Был ответ: «Мудрецы, не сводившие взора
С этих волн, испытали немало позора».

В эту тайну пытались проникнуть они,
Но прошли бесполезно их поисков дни.

Многих старцев, о царь, вопрошал я об этом,
Но я не был утешен разумным ответом.

Ни про свет, ни про воду вкруг нашей земли
Ничего эти старцы узнать не смогли.

Может быть, лишь нездешнего разума сила
Вникнет в тайну приюта дневного светила».

И на дивном побережье раскинувший стан,
Все смотрел Искендер на седой Океан.

Словно ртуть, Океан простирался могучий,
Капли вод не могли быть похищены тучей.

В этой ртути ходили с трудом корабли
И без мудрых водителей плыть не могли.

И у знающих путь, нетерпением полный,
Царь спросил обо всем, что таят эти волны:

«Как на ртуть эту злую спущу я суда?
И с войсками по ней проплыву я куда?»

Не узрели водители мудрые блага
В том, что дышит в царя мореходцев отвага,

И сказали они: «Сотням знающих путь
Из воды этой страшной судов не вернуть».

В этих водных просторах, от страха немея,
Касася можно встретить, — огромного змея.

Он ужасен и черен; над морем седым
Он клубится, свиваясь, как тягостный дым.

Он погибель несет, убивает он разом:
Кто увидит его хоть одним только глазом —

Умирает мгновенно. Подумай же сам,
Кто найдет направленье твоим парусам?

И другая беда: в отдаленьи отсюда
Виден берег; для глаз нет прекраснее чуда.

Сердце смертных он блеском отрадным разит,
Он блестит, как блестит золотой марказит.

Он в камнях цветных. Взор не вырвешь из плена,
Видя яхонты в мен, а не то и в два мена.

В синий, в красный и в желтый и в черный узор
Побережья вперяя восторженный взор,

Человек опьянен этим счастьем неожиданным,
Но мгновенье — и падает он бездыханным.

Только камешки, весом не сверх мискаля,
Не разят, хоть сияют, глаза утоля.

Тот, кто знает пути Океана и суши,
Этот берег прозвал: «Похищающий души».

□ □ □

Искендер, услышав этот странный рассказ,
Все велел разузнать. Так бывало не раз.

Думал он: «Жажда знания, как прежде, близка мне»
И узнал: прав старик, есть ужасные камни.

Он велел, чтобы стражи не тратили дней,
И, спеша, добрались до опасных камней,

Чтобы глаза завязали мгновенно и чтобы
Взяли много камней, полных гибельной злобы,

Чтобы сколько ни взяли увесистых груд, —
Перенес их сюда за верблюдом верблюд,

Чтобы шли не открыто с опасным припасом,
А закрыв каждый камень добротным карбасом,

Чтоб карбас был обвязан веревкой тугой,
Чтоб вернулись поспешно из области той.

И дорожные стражники тотчас веленье
Искандера-царя привели в исполнение.

Царь и войско, смертельный почувствовав страх,
Словно вихрь пронеслись, желтый взвевши прах

Мелким желтым песком царь велел штурбану
Нагрузить сто верблюдов. И царскому стану

Удалось развернуться в пределах земли,
Где в полях обработанных воды текли.

Камни ссыпали здесь, внемля царскому слову,
И строенья из них заложили основу.

От сиянья камней всех работавших спас
Облегавший все камни упругий карбас.

Вкруг укрытых камней, столь опасных для взгляда,
Поднялась и сплошная сомкнулась ограда.

Царь на стройку глядел, все наладить веля
Так, чтоб зданье казалось ядром миндаля.

Вскоре глину смесили из желтого праха
И ограду обмазали. Волею шаха

Желтой глиной не скрыли строенья нутро.
Летописца затем начертало перо:

Тайна долго таилась. Но вот год от года,
Потому что в круженьи лазурь небосвода,

Стал истлевший карбас рассыпаться, под ним
Укрывавшийся блеск стал для каждого зрим.

Лишь ограда была все такой же: причиной
Было то, что ее всю обмазали глиной.

Но внутри камни сбросили рублища тлен.
Забрала тьму людей смерть поэтому в плен.

Всех прохожих случайных брало нетерпенье
Разузнать: за стеною какое строенье?

Каждый путник искал: где же вход? Наконец
Уловлял он петлею ограды зубец

И влезал по веревке. Не дольше мгновенья
Он взирал: убивали сейчас же каменья.

Камень в мен мог похитить у смертного дни.
Камни зданья! Как были могучи они!

Некий муж, облеченный возвышенным саном,
Счел рассказ о смертельных каменьях обманом.

Все велел он узнать. Агать столь явно к чему?
«Нет, рассказчик не агал», — доложили ему.

□ □ □

Искандер от камней, нам известных отныне,
И от моря направился к дальней пустыне.

Он шесть месяцев пробыл в нелегком пути,
Стало войску царя очень трудно идти:

Вел он мощных слонов, вел он тяжкую силу
Ратоборцев своих к необъятному Нилу.

Он истоков искал этой мощной реки.
Потому-то слонами топтал он пески,

Потому о-двуконь шел он быстрым походом.
Искендер устремлялся к неведомым водам.

К цели гор, от которых бежала река,
Как широкий поток, направлялись войска.

Царь прошел много взгорий и долов немало,
И пространство такое пред войском предстало:

За простором песка горный высился склон
И дышал, полный зелени, мускусом он.

Были пышные скалы со скалами слиты
И зеленой финифтью казались граниты.

К этим скалам закрыт был идущему путь.
Кто б на путь столь таинственный смел посягнуть?

Низвергалась река с этой выси скалистой,
Как бы сыпля алмазы меж заросли мглистой.

Пред рекой поднималась крутая скала
И, казалось, она недоступной была.

Тот, кто с помощью рук и согнув свою спину,
Смог взобраться меж терний на эту вершину, —

Был восторгом объят. И звенел его смех.
И затем он, смеясь, исчезал ото всех.

Сотни душ, что взошли на зеленую ризу
Сей скалы, легче птиц мчались тотчас же книзу.

Были посланы люди, чтоб с ближних вершин
Глянуть вниз. Но назад не пришел ни один.

Словно там, на вершине, над всем этим долом
Каждый муж одарялся венцом и престолом:

Он свой взор отводил от знакомых шатров.
Укрывал его вмиг некой тайны покров.

И созвал Искендер живших долго на свете:
«Что нам делать? Хочу в мудром вашем совете

Указанья найти». Было так решено:
Пусть попарно взбираются воины, но

Пусть не раз на пути, на пути небывалом
Прогоняют усталость обычным привалом.

Пусть, взойдя на скалу, утвердятся они.
Самым стойким пускай они станут сродни.

Пусть не сразу глядят они вниз; по просторам
Пусть ведут с высоты испытующим взором.

Так и сделали. Что ж! Помогло это? Нет!
И тогда мудрецы дали новый совет:

Есть писец у царя. Жил он в мире немало.
Сердце старца всегда чистым светом сияло.

Это — доблестный муж. И перо и письмо
У царева писца — красноречье само.

С ним находится сын, взорам встречных — отрада.
И душа старика сыну милому рада.

Если б старец пошел на крутую скалу,
Добрый сын ухватил бы отца за полу.

Надо старцу идти, сыну — ждать под горою.
Служит львенок для льва крепкой цепью порою.

Коль дебир будет забран в безвестный полон,
Сыну голос подать попытается он.

Коль не сможет он выполнить это желанье,
Обо всем он любимцу напишет в посланье

И письмо ему сбросит, ведь сына вовек
Не отринет от сердца такой человек.

И сейчас же послали за мудрым дебиром,
И явился старик, светлым дышащий миром.

Ввысь писец поспешил. На пути роковым
Сын ступал за отцом, словно львенок за львом.

Минул день, и поспешно с подножья вершины
Сын дебира сошел в зной песчаной равнины.

Нес он свиток, с вершины отправленный в дол,
Был он бледен лицом. К Искендеру он шел.

Свиток царь развернул. Лик нахмуривши строгий,
Он прочел: «От извивов смертельной дороги

Я вконец изнемог, жизни был я не рад,
Мне казалось: попал я в мучительный ад.

Я не знал, что страшней: скал теснящие глыбы ль,
Иль обрывы. Я шел на ужасную гибель.

По дороге столь узкой спуститься со скал
Кто бы в сердце смятенном отвагу сыскал?

И с усилием пробравшись тесниной зеленой,
Я стоял на вершине с душою стесненной.

И взглянул я оттуда на пройденный путь,
И казалось, что в бездну пришлось мне взглянуть.

Но по сторону ту я восторженным взглядом
Поглядел: горный склон был пленительным садом.

Пели струи в цветах, мной незримых досель,
Звонких птиц в темной зелени слышалась трель.

И над свежей листвою на склоне покатом
Чистый воздух прохладным дышал ароматом.

И сквозь зелень листвы, наклонившись слегка,
Я увидел: течет под горою река.

Рядом с миром, влекущим отрадой великой,
Мной покинутый мир был пустынею дикой.

Преисподняя здесь, там — открывшийся рай.
Кто же вспомнит про ад, райский встретивши край?

О какой же бывлой мне грустить благостыне,
Мне ль вздыхать о походе в безводной пустыне?

Кто не хочет долиной прекрасной идти?
Кто захочет пустыней опасной идти?

Шлю царю мой привет. С вами связь я нарушу.
Будьте радостны. Радость воспринял я в душу».

Потаенное вскрыв, многомогущую рать
Царь от взгорья в пустыню направил опять.

Он смолчал о письме. Он боялся напасти.
Все уйдут. Их сдержать кто же будет во власти?

Шел неверным путем он до этой поры!
Царь по правую руку свернул от горы.

□ □ □

Вел войска Искендер. Хоть вся рать и устала,
Но бойцам не давал он большого привала.

Проходил он пески. Шел он длительный срок,
Пронося свои клады, как тяжкий песок.

Как безмерен песок! Все же понял он вскоре,
Что безмерней песка в этом странствии — горе.

Искендера в песках, и вблизи и вдали,
Словно хищные звери, враги стерегли.

Но когда они мчались к желанному бою,
Черный мрак, за клубясь, покрывал их собою.

Из клубящейся мглы, преграждавшей пути,
Лишь по воле царя мог бы смертный уйти.

Кто был в распре с царем — да узнают народы! —
На ногах своих тотчас увидел колоды.

Одаренный творцом, царь не звал толмачей,
Чтоб значенье постичь всех враждебных речей.

Все познав языки, всех почтивши ответом,
Озаряя вражьей души он благостным светом.

Снова двигался он, путь свой дальше продля.
В небе время текло, пыль клубила земля.

Так он шел, устремясь в неизвестные дали,
С просветленных сердец все снимая печали.

Души вражьей леча, зло исторгнув из них,
Просвещал он в пути приближенных своих.

И, пройдя дивный путь, полный многих извилов,
Он вступил в новый край — в обиталище дивов.

Словно адский служитель пред царским конем
Полыхал страшным зноем, спящим огнем.

Кто бы травы узрел, взор ведя по простору?
Лишь одно только золото виделось взору.

Сколько груд золотых протянулось, блестя!
Рассмеялся увеселенный, словно дитя,

И, пройдя золотым огнедышащим адом,
Царь вступил в райский сад, насажденный
Шеддадом.

Тут Шеддад меж дерев золотых и престол
И венец свой блестящий когда-то нашел.

Вспомнил царь Искендер все былые кочевья —
В первый раз перед ним золотые деревья.

Каждый плод на ветвях дивным цветом пылал.
То биджад был, иль жемчуг, иль пурпурный лал.

Был в гранатах весь сад, был он блеском единым,
Был гранатом рубин, а гранат был рубином.

Золотой апельсин! Рядом с ним серебро,
То — терендж. Этот сад чье опишет перо?

Из таинственной почвы росли самоцветы.
Все смарагды рубинами были одеты.

Изумрудный ковер в самоцветах густых,
Словно светоч, горел меж стволов золотых.

Два кумира ужасных стояли, сверкая.
Всех нагрывавших ратников чуждого края

Испугал бы их лик, если б скачущих к ним
Не влекли они золотом ярким своим.

Водоем был хрустальный. Вокруг него чистый
Был узор серебра, — чистый, блестящий, льдистый.

В нем агатовых рыбок чернела семья.
Их красивей земные не знали края.

Замок в два кирпича царь обвел своим взглядом.
С кирпичом золотым был серебряный рядом.

В этом замке двухцветном носивший венец
Возомнил, что вошел он в эдемский дворец.

Обошел он твердыню шедадского рая.
Дивным кладом полу он наполнил до края.

Из агата строенье узрел он вдали.
Жемчуга по агату, казалось, текли.

Увенчавший агат и жемчужин струенье,
Полушар золотой возвеличил строенье.

И на золото купола, вея к дворцу,
Только амбра и мускус бросали пылью.

Вождь ступал в этом зданье, всезнающий, мудрый,
Словно по небу ангел ходил златокудрый.

Перед Властным агатовый был сатудан.
Влажный дух камфары был надгробию дан.

Над зеленым покровом, на древней скрижали
Изумрудные буквы по лалам бежали:

«О исполненный силы, о полный огня!
Ты, к сему сатудану пригнавший коня!

Здесь останки царя сих пределов, — Шеддада,
Что из племени Ад. Чти создателя сада!

Пред былым преклонись. Будто враг или тать,
Покрывало с надгробья не думай сорвать.

Царский прах не позорь! Никни с миром во взоре,
Знай: по воле моей смертный не был в позоре.

Я — в земле. Но храни нашу царскую честь.
Молви: «В темной земле всем пристанище есть».

Видишь свод. Он из черного сделан агата.
Но зачем усыпальница дивно богата?

Свод небес в беспрестанном вращеньи, и вот
Разметет он в пустыне агатовый свод,

Череп царский под конские бросит копыта.
Царь, от злых муравьев где мне будет защита?

Тот, кому царский сан волей высшею дан,
Как бы сам создает пышный свой сатудан.

Но придет горький час: дикий ветер с размаху
Царский прах сопричислит к пустынному праху.

И копытами конскими кто-то в песках
Раздробит грудь Шеддада, вселявшего страх.

Прах в могиле оставь с прахом, праху знакомым.
Прах издревле для праха является домом.

Ветер взвевает бывшее твое бытие.
Не оставит и призрака тела твоего.

Ты со мной не враждуй, тайн открывший засовы!
Ведь и ты встретишь дни, что грядут, что суровы.

Благородства исполненный! Краток твой век.
Хоть возвышен ты родом, но ты — человек.

Все, что видишь — твое, и богатство, и клады,
И венец золотой. Ты достоин награды.

Ты в моих кладовых можешь лучшее брать,
Чтоб свою одарять многославную рать.

Все возьми, все умчи, сберегая дорогой.
Побеждай! Только мертвого, властный, не трогай!»

Над скрижалю бесценною, созданной встарь,
Но свой блеск сохранившей, стояла государь.

Он по каплям впивал и мольбы и угрозы,
И по каплям текли его горькие слезы.

Он, излив свою грусть, в усыпальнице той,
Где казалась вся слава бывшая тщетой,

От надгробья ушел. Он подумал: «Не нужен
Мне ни лал, ни смарагд, мне не нужно жемчужин».

И в саду, хоть победно проник он туда,
Ни единого царя не присвоил плода.

И, постигнув, идя этим блещущим садом,
Что камня весь век собирались Шеддадом,

Он сказал, отдавая усопшему дань:
«К сим плодам да ничья не притронется длань!»

Ведь и так вез он вьюки по ширям опасным,
Вьюки с золотом тяжким — и желтым и красным.

□ □ □

Снова царь был в пустыне. Исполненный дум,
Вспоминал он в песках свой покинутый Рум.

И узрел он в пути неких тварей, похожих
На людей, — но не знал он таких чернокожих.

Все — чернее смолы. И, дивясь, Искендер
Оглядел этих жителей желтых пещер.

Он у черных спросил: «В этой мертвой пустыне
Чем питаетесь вы? С кем встречались доныне?»

И какая, — пытливый спросил государь, —
В этой местности выжженной водится тварь?»

Был ответ: «Облака над пустынею гладкой
Не плывут. И воды мы не ведаем сладкой.»

В этих ровных песках, что нельзя оглядеть,
Лишь охота дает нам потребную снедь.

Все о нашем житье в полной знаешь ты мере.
Здесь мы ловим зверей, существуем, как звери.

И, как звери, добычу съедаем, но все ж
Мы — в одежде из шкур или высохших кож.

Мы огня не разводим. Лишь солнце, по небу
Поднимая свой шар, служит нам на потребу.

Для чего нам огонь? Пламень солнца могуч.
Но вода?.. Да! Вода лишь бывает из туч!

Все ж, когда от росы мир становится свежим,
Мы дыханье свое ветром веющим нежим.

Вот и все, что имеется в нашем краю, —
Только этим утешим мы душу твою.

Что сказать нам о тех существах, о которых
Ты спросил? Мы встречаем их в наших просторах.

В этой шире бесплодной, что зноем гнетет,
Здесь, где птиц в жарком небе не виден полет,

Обитателей диких мы знаем немало,
Но их племя всегда с нами встреч избегало.

В день короткий пройдут они столько пути,
Что в два долгие месяца нам не пройти.

Из проворных существ мы ловили немногих
И, связав, вопрошали мы сих быстроногих:

Почему никогда не нужна им вода?
Почему не идут они к нам никогда?

Отвечали они, с нами встретившись взглядом:
«Даже капля воды всем нам кажется ядом.

Как у змей, в нас ко всем только ненависть есть.
Что едим? Нам дано только ящерицъ есть.

В вас нам нету нужды. Вашей ищем ли дружбы?
Почему же от нас всё хотите вы службы?»

Задавали вопросы мы пленным опять:
Где ложатся они отдыхать или спать?

Всё ли знают окрест? Что их видели взоры?
Есть ли в этой пустыне хоть малые горы?

Добежали ль они до границы песков?
Есть ли там человек? Он обличьем каков?

Отвечали они: «Наше быстрое племя
Знает шири и горы немалое время.

Мы быстрее, чем козули, бежали года,
Все ж границы песков нам не знать никогда.

А живущих, укрывшихся в дальние дали,
Мы встречали. Вопрос мы им всем задавали:

«Кроме черных и схожих, как вы, со смолой,
Не встречали ль вы тварей за дальнею мглой?»

«Далеко, — услышали слова мы ответа, —
Там, где нету у солнца горячего света, —

Город, будто бы роща египетских ив,
В нем — подобье людей белокожих. Красив

Каждый ликом своим, нравом кроток при этом.
Пять веков каждый прожил под сумрачным светом.

И хоть он пять столетий еще проживет,
Все ж его не состарит столетий полет.

Кроме сказов о крае прекрасных созданий,
Мы от встречных существ не слышали преданий.

А пустыни окрестной не гладок простор:
Есть на ней в отдалении множество гор.

Но бесплодную землю там видим все ту же:
Днем — все горы в огне, ночью — в яростной стуже.

Если травы в пустыне такой не растут,
Много ль тварей живых может встретиться тут?

Нам известно лишь это. Мы лжи избежали.
От рассказов иных мы омыли скрижали».

К черным царь снизошел; в разлучения час
Он оставил им пищи обильный запас.

Всё узнали они о царе Искендере:
О законах царя и о праведной вере.

Царь спросил их о том, что таилось во мгле:
О кратчайшем пути к населенной земле.

К Искендеру-царю относись без опаски
И всю милость приняв его царственной ласки,

И поняв его веры премудрую суть,
Указали царю они правильный путь, —

Путь от скудной земли, от ветров ядоносных,
Приводящий к стране, полной зарослей росных.

И опять, полный сил, и опять, как и встарь,
По пескам дни и ночи скакал государь.

О-двуконь проскакал он пустыни, и вскоре
За песками открылось лазурное море.

И на желтом приморье, красив и могуч,
Из песка пробивался сверкающий ключ.

Возле пресной воды в этом свежем пределе
Отдыхали румийцы четыре недели.

И к работе опять! Снова мчаться! Куда?
Снова на море войско спустило суда.

Месяц в море прошел. Были бури и грозы,
И на берег войска вновь спустили обозы.

От мерцания звезд лихорадило ночь;
Скорпион ее жалил, рвалась она прочь.

Южный ветер повеял, и путников души
Были счастливы, милой достигнувши суши.

Под листвою у ручьев целый месяц они
Простояли. Текли беспечальные дни.

Этот край, нежным ветром вешавший о самом
Вожде-лейном, целил их душистым бальзамом.

ПРИВЫТИЕ ИСКЕНДЕРА
НА ЮЖНЫЙ ПРОСТОР
В СЕЛЕНИЕ ГОЛОВОПОКЛОННИКОВ.
СОБИРАНИЕ АЛМАЗОВ. ВСТРЕЧА
С ЮНОШЕЙ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕМ
И ПОСЕЩЕНИЕ УГНЕТЕННОГО КРАЯ

О певец, ожидать мне уж больше невмочь,
Очаруй звонкой песней душистую ночь!

Ты такое яви в этой песне искусство,
Чтобы в чувство пришел я, утративший чувство.

□ □ □

Чтоб жемчужинам в сказе не стало конца,
Вновь сказитель седой поднял крышку ларца:

Царь оставил Восток и, покинувши море,
Он престол свой поставил на Южном просторе.

Он вдыхал свежий ветер и радостно зрел,
Что вокруг всякий злак наливался и зрел.

Чаша утра, дохнув апельсинами, стала,
Как терендж голубой, и ручьем заблестала.

И оставил становище царь и нашел
Для становища нового радостный дол.

И сказал проводник, направляющий далек
Государево войско, о новом привале:

«Царь! За рощей — селенье; его ты узнай.
Там и тень и ручьи, там как будто бы рай.

Головам поклоняются люди селенья.
Позабыли они всеблагого вельенья.

Может быть, государь будет милостив к ним,
Просветит он их разумом чистым своим».

...Никло солнце в небес окровавленной чаше.
Царь уснул. И павлина прекрасного краше,

Солнце хвост золотой развернуло, — и вдруг
Стал блестящей лазурью небес полукруг.

И коня оседлал царь пылливый, и счастье
К объезжавшему мир вновь явило участие.

Бехрам-Гуру подобный, на буром коне
Он онагров разил. Счастливы был он вполне.

Показались ручьи и сады, и повсюду
Солнце блеск придавало листья изумруд.

Все селенье овеял садов измруд.
Словно жители рая в селеньи живут.

Покоритель земель полон стал удивленья:
Не найти старшины! Где начальник селенья?

Где служенье творцу? Всякий занят своим.
Где же в жителях разум? Не светит он им.

Здесь в жилище любом виден хум, почему-то
Переполненный маслом из зерен кунжута.

Царь узнал, проезжая селеньем, что тут
Провинившихся в этот ввергают сосуд.

А как месяц минует, селяне-злодей
Тотчас головы их отнимают от шеи.

Мозг из этих голов вытряхают они,
С этих жалких голов жир счищают они.

И глупцы, голый череп кладя пред собою,
С ним беседу ведут, словно с тайной судьбою.

И стегают его, и стенают над ним,
И твердят: «Мы грядущее ведать хотим.

Благо ждет нас в ночи иль несчастье злое,
И немедля ответь, утро встанет какое?»

Им приходится череп неистово сечь,
Чтоб в его пустоте им почудилась речь, —

Речь о лютой зиме иль о благодном лете,
Иль о многом другом, что случится на свете.

И они долгий срок обсуждают слова,
Что безмозглая моавила им голова.

Стало ясно царю Искендеру: причина
Этой веры пустой — наущение джина.

Череп он велел расколоть и, суров,
Приказал хумы с маслом убрать из домов.

Много доводов ясных явя поселянам,
Он им дьявольским не дал веритья обманам.

В них посеял он веру, и в этот же срок
В суть божественных тайн ввел злодеев пророк.

К ним приставил он мужа, что благодным словом
Оградит их от зла, словно светлым покровом.

□ □ □

Царь велел в лоно бога заблудших вернуть
И на буром коне вновь направился в путь.

Под счастливой звездой отпрыск дивного рода
Превозмог тяжкий труд одного перехода.

Укрощая коня, он, как звезды, в пути
Передышки не знал, — поскорей бы пройти

Этот путь, устремленный к вершине безвестной,
Каменистый, крутой, полный терний и тесный!

И вершина открылась. Казалось, она
Недоступна, и гибель на ней суждена.

Был смущен Повелитель дорогой крутою.
Перейти все же надо верщиною тою!

Ввысь повел он бойцов и, казалось, их грудь
Не могла от усталости даже вздохнуть.

Вся дорога была острым щепнем покрыта,
И у вьючных животных истерлись копыта.

И узнал Искендер, что от острых камней
Пострадали подковы прекрасных коней.

Он велел обмотать, обмотать в миг единый
Всех животных стопы снятой шкурой ослиной,

Ноги львов — ноги пеших бойцов, сей же час
Обернуть в мягкий войлок и в крепкий карбас,

От опасных камней все очистить дороги,
Чтобы львы-ратоборцы не ранили ноги.

Стал на тягостный путь, что был скалами сжат,
Чтоб его утоптать, с громом падать булат.

Много раз по камням булатом ударя,
Люди-стражи, узрев самого государя,

Показали Владыке пригоршню камней:
«Вот причина раненья прекрасных коней.

Были камушки эти меж конским копытом
И подковой. О царь! С каждым камнем, добытым

Из подков, мы сражались. Булат наш разил,
Но разбился, и в нем нужных не было сил».

Царь ударил по камню, ударил он с жаром,
Но лишь меч он зазубрил напрасным ударом.

Камнем били о камень — вотще! Наконец
Еле-еле их смог оцарапать свищец.

Царь постиг: раздробляет он все самоцветы,
И сказал: «Эти выси в алмазы одеты»,

И бойцам разъяснил: «Этот камень — алмаз,
Он ценней жемчугов и отрада для глаз.

Обыщите все выси, обшарьте все скалы!
Это — найденный клад, многоценный, немалый».

И алмаза затем получил образец
Каждый стражник царя, каждый сотый боец.

Драгоценность искать преисполнился жажды
Каждый жадный и даже нескаредный каждый.

Обошли все пути много раз, много раз.
Все же редко весьма попадался алмаз.

Но под самой горой все увидели вскоре
Глубочайшую пропасть, большую, как море.

В ней алмазы сверкали, как будто ручьи
В черной чаше. Но чьи они будут! Но чьи?

В море бездны, что скал сжали острые глыбы,
Жили змен — увы! — а не кроткие рыбы,

Сотня тысяч кишела там яростных змей.
Сих торговцев алмазами трогать не смей!

Иль затем эту бездну наполняли змеи,
Чтоб искавшие клад берегли свои шеи?

Как же к змеям сойти? Смертный смерти не рад.
Как же людям схватить этот блещущий клад?

Понял царь, что к алмазам запретным, прекрасным
Не спуститься путем, как алмазы, опасным,

Что ужасные змеи и трудность пути
Не позволят вонтелям в бездну сойти, —

И тогда, словно воин, стоящий дозором,
Оглядел он окрестность внимательным взором.

Много черных орлов между каменных скал, —
Их, когтивших добычу, он взором сыскал.

И увидев могучих пернатых, он разом
Тяжкой пытке подверг свой напрягшийся разум.

Все взирал он на взлеты орлов. Наконец,
Он велел, чтобы тысячу взяли овец.

Чтобы их — все решить светлый разум во власти —
Заколов, разрубили на мелкие части

И метнули туда, где приметил бы взор
В глубине черной бездны алмазов узор.

И тогда, повинувшись цареву приказу,
Сняли шкуры с овец, и, по древнему сказу,

Мяса павшего к змеям кусок за куском
Обращался в алмазный сверкающий ком.

Все алмазные клады к кебабу пристаали.
Встрепенулись орлы; их зрачки заблестали.

И жаркое они уносили и соль
Ввысь на скалы. Добычи, подобной дотолю,

Не видали орлы. Уловляя их взглядом,
По камням поднимался отряд за отрядом.

И алмазы с кебаба спадали горя.
Относил каждый честный их в ставку царя.

Царь алмазы собрал. Дивны были любые:
Эти — солнца ясней, те — почти голубые.

Он припомнил опять свой скитальческий рок
И с горы стал спускаться, как бурный поток.

Без вожатых, спеша, пробирались отряды
В бездорожье, бросая тревожные взгляды.

Не в поту, а в крови каждый двигался конь,
Высекая копытами быстрый огонь.

Канул месяц... Дорога камнями покрыта.
Быстроногих коней понстерлись копыта.

Но звезда засияла. Покинули рать
Все тревоги, и царь стал веселым опять.

□ □ □

Испытаний и бед, видно, минули сроки:
Царь увидел простор плодоносный, широкий,

Изумрудную пашню, возделанный прах —
Прах, знававший о ливнях, о белых снегах.

В этих свежих полях, в блеске сладостном этом
Вся душа трепетала живительным светом.

Благодатную зелень увидевши вдруг,
Порывались все кони на сладостный луг.

Был с мотыгой на пашне красавец кудрявый,
С головой непокрытой, босой, величавый.

Он сиял чистотой молодого лица
И челом горделивым, достойным венца.

Золотое мотыга бросала блистанье.
Юный пахарь являл всей земли процветанье.

Опускал он мотыгу, ее поднимал,
Стан сгибал, разгибал. Труд он свой понимал.

Молвил юноше царь: «Ты мотыжишь с охотой,
Но зачем ты с подобной сроднился с работой?»

Ты прекрасен, смышлен. Что ты делаешь тут?
Для прекрасных прекрасный отыщется труд.

Не тебе быть в работе с мотыгой всегдашней
Или сеять, блуждая над голою пашней.

Никогда — это ведают все искони —
Земледельце не будет прекрасным сродни.

Бой с землею тяжел! В ней таится коварство.
Ты мотыгу оставь — я вручу тебе царство».

Юный пахарь, в котором был разума свет,
Отдал должный поклон и промолвил в ответ:

«Укротитель времен! Все строптивые кони
Покорились тебе. Все ж не буду на троне!

Ты, о царь, мастерам их восславь ремесло,
Чтоб значенье его в их сознании росло.

Мы с мотыгой не раз снова землю ударим.
Подобает ли пахарю быть государем?»

Царь! Удел земледельца трудами богат,
Но, живя без трудов, станет пахарь горбат.

Я тружусь. Тело сделалось бедное грубым.
А безделье несет только вредное грубым.

Стан мой в шелк разодеть, — это словно за мед
Выдать камедь. Но нет! Каждый плутню поймет!»

Царь, вполне оценив это мудрое слово,
Хлебопашца весьма похвалил молодого

И спросил он его о создателе: «Мне
Ты скажи, кто царит в голубой вышине?»

Кто воздвиг твой приют, края мирного житель?
Кто и ночью и днем твой всегдашний хранитель?

Ты пред кем исполняешь служенья обряд?
На какую дорогу направил ты взгляд?»

Молвил пахарь: «О царь! Повелением рока
Облеченный величьем и саном пророка!

Я о благе пекусь, не о зле, как и ты,
И служу я священной кыбле, как и ты.

Я служитель создавшего горы и воды,
И лазоревый свод, и бегущие годы.

Пред создавшим и месяц и солнца алмаз
Днем и ночью чело я склоняю не раз.

Это он, пламенея в великой любви,
Даровал мне глаза, начертал мои брови.

Столько милостей он благосклонно с высот
Мне послал, что не знаю тем милостям счет.

Восхваляю творца у его я порога.
Восхваленья твердит каждый знающий бога.

Ты, пророк, появился, и в этот же миг,
Устремясь к правой вере, тебя я постиг.

Но тебя в снах полночных я знал и доныне,
И как рыба в воде, я в твоей благостыне.

Ты возник наяву, — ты, мной зримый во сне,
И творцу услужать предназначено мне.

Мир доселе не ведал величья такого.
И творец не являл нам обличья такого.

Ты, всевластный, весь мир к процветанью призвал.
Укрепил крепость мира твой каменный вал».

К этой силе и к сени великих Хосроев —
К силачу молодому — вниманье

И поставя его всем разумным в пример,
К его лбу с поцелуем приник Искендер.

Он внедрил в его душу и свет и надежду,
И с плеча своего дал ему он одежду.

И в зеленом краю на лужайке, в цветах
Вместе с войском своим отдохнул шаханшах.

Вся исчезла усталость, и вовсе нестрогой
Стала доля бойцов: сладок отдых дорогой.

□ □ □

Страж пределов семи в свой забил барабан,
И петух пробудил царских ратников стан.

И, чтоб снова по краю начать продвиженье,
Стало войско готовить свое снаряженье.

Царь немало стоянок опять миновал,
И пришел в новый край, и раскинул привал.

Весь простор был красив и цветами украшен.
Только в нем ни волов не встречалось, ни пашен.

Сколько роц и потоков овеяло рай!
Был Хосроев достоин пленительный край.

Все же землю, хоть близкие зыблелись воды,
Не мотыжили, нет, видно, многие годы.

Царь у встречных спросил: «Как названье страны
И бразды управленья кому вручены?»

Кто же занят в стране земледельца делами?
Кто волов понукает, бредя за волами?»

Светлым ликом царя побежденный навек,
Возле паши живущий, сказал человек:

«Посмотри, государь: всюду, справа и слева,
В этом добром краю есть места для посева.

Где в стране нашей, царь, ты ни сеял бы, — знай:
Ты бы всюду сам-тысячу взял урожай.

Но страна в тяжком гнете. Кому же охота
Бесполезно трудиться! Напрасна работа.

Если было бы право, то был бы доход.
Все селенье цвело бы, в нем был бы народ.

Если есть правосудье, плодами богата
 Вся страна. Если нет, — вся нуждою объята.

Урожай, увеличив насильников гнет,
 И от зноя горит и от влаги гниет.

Коль злодей с урожая похитит крупницу,
 Наводнение и ветер разграбят пшеницу.

Весь наш край уподоблю я чутким весам.
 Что крупница весома, ты ведаешь сам».

И, узнав, что властитель, достойный презренья,
 Светлый край до такого довел разоренья,

В том краю царь воздвиг справедливости вал.
 Город свой государь в нем затем основал.

Он промолвил: «Должна быть назначена плата
 Батракам, и страна снова станет богата».

Царь с богатых для бедных назначил налог.
 Всем в стране проживающим тем он помог,

Что давать не велел никому он берата.
 Прославляйте царя — справедливости брата!

ВТОРИЧНЫЙ ПОХОД ИСКЕНДЕРА
 В ИНДИЮ И КИТАЙ.
 СТРАНСТВИЕ ПО КИТАЙСКОМУ МОРЮ.
 ГОРОД В ПУСТЫНЕ

Продолжай, продолжай эту песню, певец,
 Чтобы все обрело благодатный конец!

Услыхавший напева весеннего сладость,
 Обретет в своем сердце воскресшую радость.

□ □ □

Что за нежность весеннему саду дана,
 Словно юности вновь к нам пришли времена.

Строй фиалок сады окружил, лиловея.
 Засветился нарцисс, ароматом повея.

Птиц безумен восторг, — охватила их страсть.
 Бьется сердце людей, страсти чувствуя власть.

Медной фляги петух под нависшим платаном
 Переполнен багрянцем текучим и пьяным.

Все газели пускаются в радостный пляс.
 Слышен голос козуль в поле, близком от нас.

У потоков цветы ткут свой коврик прилежно,
 Соловьи распевают ревниво и нежно.

Стоны горлиц и веянье розы — друзья.
 Как звенит сладкий руд, в душу песню струя!

Он звенит новой страсти прекрасной угрозой.
 А вино цвета розы, налитого розой!

Узкоглазая роза, опасней огня,
 Косы черные свесила, чангом звеня.

Шелк бесчисленных одежд был разодран: немало
 Шелку песен безумно влюбленных внимало.

Ты мертво говорил, свой царапая саз.
 Чангом звонким она отвечала не раз.

За строку награждала лобзаньем и взглядом, —
Сахар взяв, одаряла тебя табарзадом.

Сочный стих ты давал за лобзанье: за лал
Иль сабур узгоглазой ты сахар давал.

Повторяющий все, дух мой стал попугаем.
Хоть я стар, Индустаном я вновь не пугаем.

□ □ □

Приделась гора изумрудной травой
И багрянцем цветов и цветов синевой.

Погружаясь в цветы, продвигались газели,
Клич олений звучал меж зеленых ущелий,

Колкий розовый куст от цветов изнемог.
Амбру с мускусом взвевял фиалки цветок.

И нарцисс поднялся, аромат покупая
На базаре роскошном расцветшего края.

Край индийский, расцветший, сверкающий дол,
Повелитель Ирана и Рума прошел,

Как и встарь, одолев расстояний преграду,
Словно ветер весны по плодовому саду.

Целый месяц поспешно, как бурный поток,
По индийскому краю он шел на Восток.

Адом край этот знойный назвать все могли бы:
Разогрел он хребет землю держащей Рыбы.

Зскоре город предстал. О, очей торжество!
Обиталище рая название его.

Подошел государь к горделивому зданию.
То кумирня была, Кандахар по названью.

Были девы в кумирне, не видывал мир
Их милей. Золотой был в кумирне кумир.

От него все в кумирне сверкало, сияло:
На него переплавили кладов немало.

И, блестя, божества золотое чело
К своду гордого храма венец вознесло.

Очи идола, полные странного света,
Пламенели: горело в них два самоцвета.

На вошедших в цветущего сада простор
Эти очи и ночью глядели в упор.

Но расплавить велел царь подлунного мира
Все червоное тело большого кумира.

А камня, с далеких известные дней,
Для кумира ль? Живым они будут нужней!

Но из глуби кумирни прелестная жрица —
Этой куколки лик должен каждому сниться —

Подойдя к Искендеру и сладкую тьму
Черных кос опустив, так сказала ему:

«Справедливый, прославленный! Милостью рока
От Заката, о царь, все ты взял до Востока!

В самоцветах и в золоте нету нужды
У тебя, чьи глаза так победно горды.

О кумире, который ты видишь, который
Предназначен тобою к погибели скорой,

Есть прекрасный рассказ. О случившемся встарь,
Если хочешь, тебе я поведаю, царь».

Приказал Искендер, чтоб из нежного лала
Жемчуга сладкозвучно она рассыпала.

Луноликая с родинкой черной опять
Стала чистый родник мерных слов изливать.

Вновь прославя царя, дева молвила вскоре:
«Этот храм золотой в бирюзовом узоре

Был когда-то в забвеньи. Возвышенный свод
Чуть держался в те старые годы, но вот

Две небесные птицы на это строенье
Опустились. Горело на них оперенье.

Засверкали они, словно птица Хума,
И на купол спустясь, всех сводили с ума.

Все хотели поймать, — старцы, юноши, дети
Этих птиц небывалых в обычные сети.

Но взглянули, и вот — птиц уж более нет,
Лишь оставила каждая свой самоцвет.

Увидали камня вельможи. И что же?
Загорелся огонь в каждом властном вельможе.

Каждый был управителем в этой стране,
Каждый думал: камня назначены мне.

Каждый жадой пылал, каждый верил в удачу.
Все же мудрость, явясь, разрешила задачу.

Сговорились мужи: «Для кумирни своей
Мы кумир создадим. Вместо полых очей

Заблестят у него эти два самоцвета.
Будет лик золотой полон дивного света».

Птицы с неба слетели в указанный час.
Самоцветы лишь небо отнимет у нас.

Солнце жалует светом живущего очи.
Как же Солнцу наш свет сделать сумраком ночи?

Ясный свет и незрячим дает божество.
Как же разумом светлый погасят его?

Скорбных вдов не терзай, свету скорбные рады.
Полночь скорбным, о царь, не оставь без лампы».

Так промовил кумир о случившемся встарь,
И немного кумира простил государь.

Чтоб сберечь божество, тотчас приняли меру.
Наложили клеймо: «Сдан царю Искендеру».

Увидала перй, что Владыка времен
Не свергает кумиров, что благостен он,

И царю указала на клад потаенный.
Мог ослепнуть пред ним в самоцветы влюбленный.

Клад раскрыл Искендер и одну его часть
Взял себе, к остальному — дал многим припасть.

И опять Искендер из прекрасного рая
Принял путь в направлении пустынного края,

Не один по дороге прошел солончак,
Много скал одолел. Всюду видя очаг

И людей у огня, — к людям, слушать готовым,
Искендер обращался с возвышенным словом.

И была ему дивная сила дана —
Озарять светом истины все племена.

И Восток проходя и о далях мечтая,
Он вторично вступил в край прекрасный Китая.

И хакан был прибытием Владыки польщен,
Искендера почтить приготовился он.

Ко двору государя он прибыл, и клады
Драгоценных подарков не знали преграды.

Снова он перед шахом повергся во прах,
И прекрасный прием оказал ему шах.

И когда синева из небесного чана
Скрыла шелк золотой, — и царя и хакана

За беседой узрели. О множестве стран
Говорил с Искендером китайский хакан.

Длилась ночь. О различном текли разговоры,
И свои обновили они договоры.

Принял правую веру хакан и закон
И обычай Рума приветствовал он.

А когда новый день в огневое светило
Стал влюбляться и тьме стало светлое мило,

Царь хакану сказал: «Свой покинем привал.
Я б хотел, чтоб со мной ты весь мир узнавал.

Есть края, где не встретишь ни бедствий, ни горя.
Но погода мягка, быть хочу я у моря.

Не напрасно на память мне море пришло:
Синих вод распознаю и благо и зло.

Поглядеть попытаюсь я собственным оком
На чудовищ, укравшихся в море глубоком.

Только спутником, друг, мне в скитальчестве будь
И собой озари мной намеченный путь».

Согласился хакан: «Благодарствуй. Поеду
Я с познавшим пути». И прервали беседу

Двое светлых. И в путь был отправлен гонец,
Чтоб дороги начало узнать и конец.

И однажды когда увенчался рассветом
Небосклон, благосклонным овеянный светом,

Венценосец сказал, что пора собирать
Для движенья дальнейшего верную рать.

Десять тысяч бойцов отсчитали. Достойн
Был награды большой каждый выбранный воин.

Повелед государь, чтобы взяли с собой
Для дороги недолгой обоз небольшой,

И на месте оставил он все остальное.
Зная только свой путь, позабыл он иное.

С ним пошел налегке, препоясав свой стан,
Как вожатый в пути, многославный хакан.

Как и царь, вышел в путь он с поклажей немногой,
Взял оружие лишь то, что пригодно дорогой.

Взял он также с собой десять тысяч бойцов, —
Многоопытных, ловких, лихих удалцов.

Шел к востоку румиец с хаканом Китая,
Много золота красного встречным кидая.

И, охотясь, они отклонились на юг,
Поражая всю дичь, что мелькала вокруг.

И друзья сорок дней в треволненьи охоты
Не ложились на ложа, не знали дремоты.

Подошли они к морю. И царь и хакан
Развернули шатры, свой раскинули стан.

И на этом побережье, пред морем глубоким
Знаменá вознесли они к звездам высоким.

Знали все: чудеса люди видели тут,
Не напрасно побережье волшебным зовут, —

Здесь пленительны ночи, и в ночи такие
Из воды появляются девы морские.

И на этом побережье блуждают они,
Отдыхают, поют и играют они.

Услышавший их голос пленительный, разом
В беспокойство придет, свой утративши разум.

Их напевов безвестных приманчивый лад
Слаще песен известных и слаще услад.

Каждой ночью у скал, в полумраке залива
Стая дев отдыхает, прелестна, игрива.

Мускус утра почуя, в свою глубину
Вновь уходят они, расплескавши волну.

Приказал Повелитель шумливым отрядам
Встать у моря, но все же не с берегом рядом.

И когда мускус ночи раскинула мгла
И на небе алмазная россыпь легла,

Государь — что ему сладких песен угроза! —
Вышел в путь с моряком без полков и обоza.

И когда он у моря раскинул шатер,
Словно жемчуг по морю сиянье простер.

Он узрел: из глубин, всем живущим опасных,
Свой огонь вознесла вереница прекрасных.

Тело дев, их кудрей в легком ветре игра, —
Словно черни узор по огню серебра.

Пели песни они... Как не думать о плене!
Были песни прекраснее сотни молений.

Царь напевам внимал. В них звучала любовь.
И зажглось его сердце, зажглась его кровь.

Засмеялся он вдруг, внемля возгласам с моря,
И заплакал. Ведь плачут порой не от горя.

Лад высокий и низкий! Дивись! Искони
И в восторг и в рыданье ввергают они.

Царь вернулся к вонтелям этой же ночью.
Дев морских он слышал, их увидел воочью.

□ □ □

Небеса над Китаем оделись в шелка.
Тьмы сапфирная ткань стала миру тяжка.

Молвил царь: «Корабельщик! К удачам иль
к горю,
Но направь паруса по Китайскому морю.

Пусть простор буйных вод станет путникам зрим.
Божья тайна, я знаю, таится за ним.

Страшен путь в этих волнах, для сердца немилых,
Но оставить свой замысел все ж я не в силах.

Я пред вечным вожатым смиренной раба.
Не напрасен мой путь: устремляет судьба».

Внял царю корабельщик: Владыке в угоду
Свой корабль он спустил с глади берега в воду.

Царь, постигший и прах и небес глубину,
Так хакану сказал, направляясь к судну:

«Поплыву, не отвергну судьбы наущенья.
Ты же здесь подожди моего возвращенья.

Надо в путь поспешать, не смущаясь тоской:
Смерть меня понуждает уйти на покой.

Возвращусь и скажу я тебе: «Благодарствуй!»
Если я не вернусь — в одиночестве царствуй!»

И, заплакав, простился он с теми, что здесь
Оставались. И в море он двинулся. Взвесь

Это дело чудесное: щедрое море
Вдаль стремилось в морском необъятном просторе.

Царь вступал с неизвестностью в тягостный бой.
Только спутников избранных взял он с собой.

И, предвидя возможность опасного часа,
Государь в это плаванье взял Булинаса.

Отошло от побережья большое судно,
В море тихом свой груз колыхало оно.

Целый мир он проплыл. Это рок неуклонный
Погонял его вдаль. И соленые волны

Закипели. Простор стал и грозен и рьян.
Это — злая стремнина неслась в океан,

В тот неслась океан белопенный, откуда
Возвращенье — нежданной великого чуда.

Те, что знали моря и великий размах
Разъяренной волны, всем навевали страх.

В путеводную книгу взглянули. Превратный,
Страшный день! Государь! В путь помчимся
обратный!

Но вдали некий остров явился; одет
 Был он блеском, он был, словно призрачный свет.

Близ него, в тишине, за бушующим валом,
 Простоял Повелитель недолгим привалом.

Многоопытный старец на царском судне
 Искендеру сказал: «Достоверно вполне

Я узнал, путеводную книгу читая:
 Здесь последний привал в море страшном Китая.

Эти волны — о царь, осмотри телен будь! —
 В океан устремляют свой взвихренный путь.

Если дальше пойдем, — за одним переходом
 В страшный плен попадемся к бушующим водам».

И, узнав, что стремнины смертельна стезя
 И что эту стремнину осилить нельзя,

Царь велел изваянье создать, обе длани
 Изваянья подняв, — да вещает о грани

Всех путей по воде. Мол, положен запрет
 Мимо острова плыть. Дальше — плаванья нет.

Отлит был истукан из блистающей меди
 И воздвигнут на тверди. Влекомым к победе

Над безвестностью бурной указывал он,
 Что бестрепетным смертью грозит небосклон,

Что для смертных — запрет на безвестные воды,
 Что в обратные нужно идти переходы.

Изваянье с тех пор всем давало понять,
 Что отсель кораблям плыть указано вспять.

Медный облик создав, в размышлении строгом
 Искендер понял то, что задумано богом.

«Над большим изваяньем, воздвигнутым тут, —
 Царь сказал мудрецу — не случаен был труд.

Я сюда подошел, с морем тягостным споря,
 Ибо должен был стать Хызром этого моря».

И по воле того, кто ведет корабли,
 От стремнины ушел Повелитель земли.

Десять дней протекло. Путь, казалось, безмерен.
 И узнали они: переход их неверен.

Две предстали горы и крутилась меж скал
 Злая вбодоверть. Путь кто б отсюда сыскал?

Коль судно попадало в зловещие воды,
 В них то месяц крутилось, то целые годы,

И затем, разломившись на части, судно
 Вмиг со всем, что на нем, погружалось на дно.

Роковая черта! Не спасет и моленье!
 Зачеркнул корабельщик судна устремленье,

Бросил якорь у взгорья. На берег сошел
 Он с отрядом. И смертный как будто бы дол

Он узрел. Он стоял в этом страшном капкане,
 И в душе он с семьею прощался заране.

Вопросил его царь: «Что с тобою, ответь?
Ты в тоске, ты как будто готов умереть?»

Отвечал многоопытный зоркий водитель:
«Мы в коварной ловушке, о мой повелитель!»

В быстрых заветях моря всегда корабли
Погибали, прорваться сквозь них не могли.

Называют их мудрые «Львиною пастью»:
Обладают они той же губительной властью.

Иль напрасны все наши былые труды?
Столько бед! И опять мы дождалась беды!

Наш недуг исцелить бесполезны порывы.
На кровавых царапинах вздулись нарывы.

Мы недавно от страха не смели вздохнуть,
И не смели в дальнейший мы двинуться путь.

Но отсюда побег невозможен и дивен.
Из-под капель дождя мы попали под ливень.

Лишь по этой вершине должны мы пройти,
Если души свои мы желаем спасти.

Мы дойдем до Кайсура, а далее, знаю,
Долгий путь мы отыщем к родному Китаю.

Долгий путь лучше моря. Далеко — ну что ж!
Долго странствовать? Что же! Совет мой хорош».

Молвил царь: «Не напрасно когда-то сказали:
«Долгий путь — верный путь, не ведет он
к печали».

Обернувшись, потом он сказал: «Булинас!
Что об этой напасти, настигнувшей нас,

Ты промолвишь? Премудрого слова веленье,
Может быть, кораблю принесет избавленье».

Молвил спутник Счастливого: «Счастье царя
Мне укажет мой путь, надо мною горя.

Если время мне даст нашим правящий светом,
Истукана поставлю на взгорье вот этом.

Свод воздвигну; под ним встанет мой истукан.
Я на шею повешу ему барабан.

Если путник под гулким отзывчивым сводом
Станет бить в барабан, звук, промчавшись по водам,

До судна долетит, — из ловушки оно
Тотчас вырвется. Путь свой отыщет судно».

Искендер удивился. Ужели отсюда
Всех умчит волшебство? Ждать ли этого чуда?

Но сказал он ему: «Все сверши, Булинас.
Я хочу, чтоб людей ты от гибели спас».

Вслед затем мудрецу, чтоб спешил он с работой,
Все, что надобно, царь предоставил с охотой.

Вняв приказу того, чей возвышен венец,
Много суток на взгорье трудился мудрец.

Свод гранитный возник. Были призваны чары,
Чтоб звучали в воде барабана удары.

Истукан был из меди. Висел барабан
У него на груди. К Повелителю стран

Обратил Булинас многознающий слово:
«Я закончил свой труд. Все, венчаный, готово.

В водяную воронку ты парус направь
И ударь в барабан. И науку прославь».

Мореходцу велел царь подлунного мира
Дать войти кораблю в пасть вспененного вира,

И когда прямо в водоверть вышло судно,
Через миг на воде закружилось оно.

Царь под сводом стоял. Он пришел к истукану,
Чтоб волшебному дать зазвучать барабану.

В барабан он ударил и громом покрыл
Он пространство. О гром гавриловых крыл!

И судно, словно голос услышавши друга,
Тотчас вырвало киль из ужасного круга.

И, увидев деянья таинственных сил,
Словно радость весны Повелитель вкусил.

Булинасу, чей дар благотворен и ярок,
Драгоценностей много вручил он в подарок.

Но писавший по книгам, где можно найти
Много слов золотых про морские пути,

Нам иное твердит: «В Вавилонском пределе
Эта «Львиная пасть». Но напрасно ль радели

Мы о знаньи вещей? Реки в море текут.
Наш рассказ точно море — все встретится тут.

Я спросил мудреца из великого стана
Мудрецов о звучаньи того барабана,

Что спасал корабли. И сказал звездочет,
Знавший небо и звезд нескончаемый счет:

«Знай, судно, попадая в волну круговую,
Привлекает к себе тотчас рыбу большую.

Пред судном вьется рыба, готовясь напасть
На несчастных, вбираемых в «Львиную пасть».

Распадется судно. Люди справа и слева!
Попадут они все в ее жадное чрево!

Но гремит барабан с волчьей шкурой, и гул
Слышит рыба. И хищницу он отпугнул

От несчастных, предвидящих лютое горе.
И она уплывает в свободное море.

Вкруг нее и бурлит и струится вода.
Вслед за ней водяная бежит борозда,

Увлекая судно. Вот спасенья дорога.
Но, быть может, иное открыто для бога».

И восторгом горя от волшебной игры,
Искендер в должный срок стал спускаться с горы:

Он пробил в барабан, и поэтому вскоре
Смог спуститься на берег. Звалб его море.

Лишь индиец небес, чтобы звезды взошли,
Протянул свой канат к побережью земли, —

По канату индийцев, не ведая страха,
Царь на берег пошел. Но рука шаханшаха

В барабан ударяла. А кто же ему
Будет в помощь, скажите, ему самому?

В этой помощи царь не нуждался нисколько:
Изволение бога ему помогало.

Если лекарь для глаза готовит бальзам,
Он в бальзаме таком не нуждается сам.

Камфару он от жара готовит недужным,
Но ему каждый катышек станет ли нужным?

Нездоровых лечить будь всечасно готов.
Это благо свершая, пребудешь здоров.

Корабелыч умелый над влагой лазурной
На судно поднялся, полный радости бурной.

Укрепил он все мачты. Хваля небеса,
Он поспешно на дыбе распял паруса.

Якорь тяжкий подняв, он по шири превратной,
Ловко правя рулем, в путь пустился обратный.

По дороге знакомой повел он судно,
И у берега жданного стало оно, —

И на землю ступить вновь даровано людям.
Их описывать счастье от счастья не будем.

И когда Искендер после множества бед
Вновь на землю сошел, позабыл он их след.

Отдохнул он от страха, от многих страданий
И, творцу принеся благодарности дани,

Отпустил он у этих благих берегов
Много пленных на волю и много рабов.

Разузнав обо всем, повелитель Китая
К Искендеру пришел. Он, о встрече мечтая,

Много дней ждал царя; он принес ему в дар
Самоцветы, горящие словно пожар.

Обнял щедрого царя за вниманье такое
И рассказывать стал про скитанье морское,

Про стремнину, что может умчать навсегда,
Про кумир, что отныне спасает суда,

Про потерю дороги, про буйство пучины,
Про губительный вихрь у неожиданной вершины,

Про побег от него на нагорье, про свод,
Что, гудя, их отвел от крутящихся вод.

Все прослушав, хакан так сказал Искендеру:
«Светозарного счастья внимал я примеру.

Царь царей! Светлый путь благодатному дан
И обрадован ханов сияющий хан.

Возвращенье твое всем явило дорогу:
Светлый царь оказал многим смертным помощь.

Бедствий много мы зрим. Но забыл ты ужель,
Что в добре и во зле есть потайная цель?

Эту скрытую цель постигают не разом,
Все ж в нее проникает испытанный разум.

Если б ты эти дни о земле не тужил,
Кто свершил бы все то, что ты в море свершил?

Стал доступен весь мир. К нашим землям и водам
Ты дорогу открыл. Будь храним небосводом!»

□ □ □

И неделя прошла, и скиталец забыл
О скитаньи, в котором недавно он был.

Позабыл он недавние страхи и беды,
Над просторами новой он жаждал победы.

Звон возник, и верблюдов зазыблелся ряд,
И, оставивши стан, вышел первый отряд.

Взбили пыль ноги вьючных, вздымающих вьюки.
В путь спешил проводник. Крепких всадников руки

Поднимали значки, — и значков жемчуга
И шелка зацвели, как весною луга.

Шли с мечами мужи и с цветными щитами,
И как будто весь путь покрывался цветами.

Победитель земли сел поспешно в седло,
И движенье коня пыль до неба взнесло.

Рыжий конь отливал огнедышащей медью.
Царь войска наделал и богатством и снедью.

По пустыне пылавшей предпринял он путь.
Он пылал: снова жаждал на мир он взглянуть.

Десять дней он скитался под огненным зевом,
И достиг он воды и подъехал к посевам.

Странный город предстал. В нем лишь белый был цвет.
Он камфарным казался, не глиняным, нет!

Царь спросил, удивленный сверкающим цветом:
«Путеводные книги что знают об этом?»

Что за город?» И вот он услышал ответ:
«Царь, скуднее, чем он, в мире города нет!

Серебро добывают и золото люди
Этих мест, но о прочем твердят, как о чуде.

Поручают они царской власти печать
Только мужу, на коем небес благодать.

Чужеземцы бегут из убогого края:
Темнота давит светлых, всегда их пугая.

Лишь сиянье зари все покроет кругом, —
С моря мчатся сюда яркий грохот и гром.

Гром грохочет раскатом совсем незнакомым.
Всех, как будто, убьет этим тягостным громом.

Двадцать склепов имеется в городе; в них
Прячут люди детей малолетних своих.

И мужи зажимают от ужаса уши,
Чтоб чудовищный гром не исторгнул их души».

Был смущен многосильный носитель венца.
«Что же делать скажи?», — он спросил мудреца.

И ответил мудрец: «Что сказать мне об этом?
Ты вели, чтобы завтра, пред самым рассветом,

В час, когда петухов поднимается крик,
В царском стане твоём великий возник.

Пусть литавры гремят, пусть, упорны и рьяны,
Барабанички бурно забьют в барабаны.

И пускай до восхода горячего дня
Этот гром все гремит, шум иной устрани.

Пусть, о царь, поднимаются грохоты моря,
Тщетно с громом твоим грозным голосом споря».

Вновь спросил светлый странник, покинувший Рум:
«Что такое сей звук, столь терзающий ум?

Что такое сей воздух, вздымающий громы,
Угнетающий всех, потрясающий дома?»

Молвил мудрый: «Сказал мне учитель: когда
От горячих лучей станет теплой вода,

То — дивит всемогущий своими делами —
Вся поверхность воды забурлит куполами.

И расти начинает волна за волной.
И затем эти волны, одна за одной,

Низвергаясь, грохочут. Гремящие волны
Грозный гром создают, громким грохотом полный.

Но иначе на дело я мог бы взглянуть.
В той воде, может статься, имеется ртуть».

Под горячим лучом волны пенятся в смуте.
Их кипенье к себе тянет множество ртути.

Солнце, кверху идя, как ему суждено,
Низвергает все то, что вздымало оно.

Ртуть гремит, ниспадая. Об этой минуте
И твердит страшный гром, — гром грохочущей
ртути».

Государь, чья над миром простерлась рука,
К городскому предместью придвинул войска.

Чтоб войска одарить сладким отдыха часом,
Подтянул он сюда караваны с припасом.

И сюда горожане под действием чар
Сладких яств приходили и разный товар

Покупали. Казалось, что все им отрада,
Все — от сладких плодов до смертельного яда.

Из вещей, что могли их обрадовать глаз,
Их достаток умножить во множество раз

И судьбу их улучшить могли многократно, —
Кое-что государь отдавал им бесплатно.

И отдельно Водитель бесчисленных сил
Их начальнику денег немало вручил.

И когда предводитель проведал о нраве
Властельна, грядущего в огненной славе,

Он подумал: «На дар должным даром ответить».
И прислал он царю изобильную снедь:

Много рыбы отличной, баранины много,
Много яств этой местности, выбранных строго.

И явился к царю услужать, и просил
Он прощенья: «У нас не имеется сил

Отплатить, как пристало. Как видишь, и ныне
Изобилен лишь зной в нашей нищей пустыне».

Рассказал ему царь о законе своем
И о вере, горящей премудрым огнем.

Поклонился начальник царю Искендеру,
Ибо тотчас постиг правоверного веру.

Из шатра — из своих переносных палат —
Царь послал ему в дар драгоценный халат.

Скрыл сапфирный сейфур ткани пламенной лала,
И багряная чаша, скатившись, пропала,

И меж страж и гулямов царева двора
Искендер утомленный проспал до утра.

И дыхание утра проснулось, и вскоре
Царь услышал: грохочет гремучее море.

Будто чаша, упавшая с неба вчера,
Отложила звучанье свое до утра.

Царь от звука, что кажется смел бы и страны,
Зарычал, как в сраженьи рычат барабаны.

Пробудить он велел громогласную медь
Всех литавр и сказал: «Барабанам — греметь!»

И гремящая медь медный гул распростерла,
И взлетел громкий крик из петушьего горла.

Барабанов раздался неистовый гром,
И морской страшный шум стал простым ветерком.

И до часа, когда дня придвинулось время,
Медный гром потрясал все пустынное племя.

Целый город метался. Казалось, несут
Эти звоны призыв: страшный близится суд.

К барабанам потек от велика до мала
Весь народ, словно внял барабану Даджджала.

Эти звуки сулили блаженный покой:
Подавляли они страшный грохот морской.

Полдень встал, и, подобный царю Сулейману,
Царь велел подниматься шумливому стану.

И мужи вместе с женами, падая в прах,
Воскликали пред ним: «Добрый, праведный шах!»

У тебя барабанов грохочущих много,
Хоть один нам оставь, ради господа бога!

Может быть, загремит его яростный глас
И спугнет грохот моря, пугающий мас».

Царь, от них отводя тяжких грохотов чары,
Барабанов больших подарил им харвары.

С той поры в этом городе слышат игру
Барабанов, гремящих всегда поутру.

Искендер при дворе принял тот же обычай:
На заре барабан в хор врывается птичий.

Через месяц, уйдя от гремящих пучин,
Царь вернулся в прекрасный и радостный Чин.

К царской ставке своей царь направился снова.
Снова ведал он милость небесного крова.

Целый месяц вкушал он блаженный покой
Мирной жизни, текущей спокойной рекой.

ПРИБЫТИЕ ИСКЕНДЕРА В СЕВЕРНЫЕ ПРЕДЕЛЫ И ПОСТРОЙКА ВАЛА, ОГРАЖДАЮЩЕГО ОТ НАРОДА ЯДЖУДЖ

Спой мне песню, певец! Сладкой негой поя,
Утешает меня только песня твоя.

Вольно бродит мой ум. Шелком саза, для слуха
Столь отрадным, кольцо вдень в невольника ухо.

□ □ □

Лето. Солнце проникло в созвездие Льва,
И от лютой жары львы дышали едва.

Жадный зной, проникая в любую долину,
Соскоблал с лица времени свежести глину.

На горах и в степях закрубились парь.
Улыбались плоды, ждали лучшей поры.

Но свернулись листья, были видимы зерна.
Жар, тюльпаны клоня, будто веял из горна.

Соловей покидал знойных долов края,
Лишь в нагорных лесах реял звон соловья.

Песен жавронков нет; даже птицам обуза
Слишком тягостный зной огневого Тамуза.

В солнце, жаром палящее весь небосклон,
Жало ветра еще не впустил Скорпион.

Над Китаем, над Зингом бродило светило
С чашей огненной в длани и землю палило,

И копыта онагров, ярься, осмелев,
Раздирало с небес, будто огненный лев.

В песьи дни, воздымавшие облако пара,
В дни, когда даже камни смгячались от жара, —

Царь, в бессонных мечтаньях влекомый в Хирхиз,
Все не спал под мерцаньем полуночных риз.

Он решил приказать снова двинуться стану.
В час прощанья с хаканом вручил он хакану

Много ценных даров. И направил он рать
На безводной пустыни песчаную гладь.

В барабан громкой славы забил он, вступая
В дальний Северный край из Восточного края.

По бесплодной земле вновь повел его рок.
Ни зверья и ни птиц! Лишь летучий песок.

Бездорожью, казалось, не будет гредела,
Не встречалось людей. И пустыня светлела.

И была вся она — распластавшийся свет.
Только гладь — а на глади и трещинки нет.

И сказал проводник: «Шли путем благодарным:
Стал песок серебром, серебром лучезарным.

Только в меру возьми ты добычу пути,
Чтоб верблюды могли без натуги идти.

Ты о кладе молчи, иль, добычею многой
Поживившись, бойцы утомятся дорогой».

Но в обозе царя золотого добра
Преизбыток. Не нужно царю серебра.

Все же страсть полновластной всех доводов
Серебром нагрузил он верблюдов немногих.
строгих:

Словно ветер, с неделю летел шаханшах
Все вперед, не вздымая дорогою прах.

Без пылинки одежды на войнах были.
Серебро не давало взлетающей пыли.

Шли вперед. Становился все тягостней путь:
Вся земля — серебро, воды — будто бы ртуть.

Нет, нельзя отдохнуть на серебряном ложе,
Припадать жадным ртом к тяжелой ртути негоже.

Люди в черной тоске, и тоска их остра.
В их очах почернел весь простор серебра.

Сладко били ключи, но порою немало
В их кипеньи сверкающем ртути сверкало.

Если тихо, спокойно лежала вода,
Никому эта ртуть не чинила вреда.

Все лобзали тогда вод прозрачную ризу,
Влага сверху была, ртуть недвижимая — снизу.

Но когда возмущенный крутился поток,
Был он жаждущим смертным уж больше не впрок.

Воин, смело вкушавший опасную влагу, —
Умирал. На погибель являл он отвагу.

Прозвучало тогда повеленье царя:
«Осмотрительно пить, лютой жаждой горя.

Так внимательно черпать из чаши природы,
Чтоб недвижимыми были подвижные воды».

Целый месяц пути! Погребли в эти дни
Многих сильных: от жажды погибли они.

И прошли весь ковер серебристый, — и взорам
Вдруг представился край плодородный, в котором

Зачернела земля, все сердца утоля.
Существом земнородным отрадна земля.

Словно солнце, блестел край пленительный, в коем
Вся окрестность блаженным дышала покоем.

Но на самой вершине высокой горы
Под лазурью небес голубели шатры.

И взирающих ужас объял небывалый:
Опирались шатры на отвесные скалы.

Мусульмане ютились в лазурных шатрах,
Но пророка не знали на этих горах.

Мудрым людям одним откровением бога
К постижению бога открылась дорога.

Искендера узрев, свой приветствуя рок,
Вмиг постигли они: к ним явился пророк,

И открыли сердца, чтоб его указанья
Воспринять и проникнуться радостью знанья.

Искендер им открыл правой веры врата
И вручил им дары. Растворили уста

Воспринявшие веру и просьбой большою
Отягчили царя с милосердной душою:

«Милосердный и щедрый, будь милостив к нам, —
К просветленным своим и покорным сынам.

За грядой этих гор, за грядою высокой
Страшный край растянулся равниной широкой.

Там народ по названью Яджудж. Словно мы,
Он породы людской, но исчадием тьмы

Ты сочтешь его сам. Словно волки, когтисты
Эти дивы; свирепы они и плечисты.

Их тела в волосах от макушки до пят.
Все лицо в волосах. Эти джины вопят

И рычат, рвут зубами и режут клыками.
Их косматые лапы не схожи с руками.

На врагов они толпами яростно мчат.
Их алмазные когти пронзают булат.

Только спят да едят сонмы всех этих злобных.
Каждый тысячу там порождает подобных.

Есть растение у мерзких; его семена
Горше перца, и в них зарождение сна.

К семенам этим страсть в каждом дышит яджудже;
Их проглотят — и в дреме повалятся тут же.

Если месяца льются начальные дни,
Словно черви, в волненье приходят они.

И пока не придет полнолуние, нимало
Не смирившись, едят они все, что попало.

Но когда станет месяц ущербным, у них
Пропадает их жадность: их голод затих.

Каждый год к ним из черного облака черный
Упадает дракон, и толпою проворной

Дивы мчатся к дракону. Велик он весьма.
Им всех этих зверей насыщается тьма.

Ожидая съедобное с целое море,
Что гремящая туча подарит им вскорее,

Так вопит это скопище дьявольских стад,
Что их степь уж не степь, а бушующий ад.

Кровь дракона испив — им их пир не заворен —
Целый месяц не пьют и не трогают зерен,

Лишь едят они листья да корни. Недуг
Им неведом. Когда же кого-нибудь вдруг

Час последний настигнет, — его без урона
Для здоровья пожрут: им ведь мало дракона.

Ты не встретишь гробниц в их соленой земле.
Нет уснувших в земной, всем назначенной мгле.

Да, достоинство этой яджуджской равнины
Только в том, что в земле нету их мертвечины.

Царь, яджуджи на нас нападают порой.
Грабит наши жилища их яростный рой,

Угоняет овец пышнорунного стада,
Всю сжирает еду. Нет с клыкастыми слада!

Хоть бегут от волков без оглядки стада,
Их пугает сильней эта песья орда.

Чтоб избежать их гнета, их лютой расправы,
Убенья, угона в их дикие травы,

Словно птицы, от зверя взлетевшие ввысь,
На гранит этих гор мы от них взобрались.

Нету сил у безмозглого злого народа
Ввысь взобраться. Но вот твоего мы прихода

Дождались. Отврати от покорных напасть!
Дай, о царь, пред тобой с благодарностью пасть!»

И, проведая, что лапы любого яджуджа
Опрокинут слонов многомошного Уджа,

Царь воздвиг свой железный, невиданный вал,
Чтоб до судного дня он в веках пребывал...

□ □ □

Благодатной звезды стало явно пыланье.
Царь направился в путь, в нем горело желанье

Видеть город в пределах безвестной земли.
Все искали его, но его не нашли.

И завесы пурпурные ставки царицы
Повлекли на верблюдах по местности новой.

Целый месяц прошел, как построили вал,
И в горах и в степях царь с войсками снова.

И открылся им дол, сладким веющий зовом,
Обновляющий души зеленым покровом.

Царь глазами сказал приближенным: «Идти
В путь дальнейший, — к подарку благого пути!»

И порядок, минуя и рощи и пашни,
Встретил он, и покой, — здесь, как видно,
всегдашний:

Вся дорога в садах, но оград не найти.
Сколько стад! Пастухов же у стад не найти.

Сердце царского стража плода захотело.
К отягченным ветвям потянулся он смело

И к плоду был готов прикоснуться, но вдруг
Он в сухотке лоник, словно согнутый лук.

Вскоре всадник овцу изловил и отменно
Был наказан: горячку схватил он мгновенно.

Понял царь назиданье страны. Ни к чему
Не притронулся сам и сказал своему

Устрашенному воинству: «Будут не рады
Не отведшие рук от садов без ограды!»

И, помчавшись, лугов миновал он простор
И сады и ручьев прихотливый узор.

И увидел он город прекрасного края,
Изобильный, красивый, — подобие рая.

К въезду в город приблизился царь. Никаких
Не нашел он ворот, даже признака их.

Был незапертый въезд, как распахнутый ворот
И со старцами царь тихо двинулся в город.

Он увидел нарядные лавки; замков
Не висело на них: знать обычай таков!

Горожане любезно, с улыбкой привета
Чинно вышли навстречу Властителю света.

И введен был скиталец, носивший венец,
В необъятный, как небо, лазурный дворец.

Пышный стол горожане накрыли и встали
Пред столом, на котором сосуды блистали.

Угощали они Искендера с мольбой,
Чтоб от них он потребовал снеди любой.

Принял царь угощенье. На светлые лица
Он взирал: хороша сих людей вереница!

Молвил царь: «Ваше мужество, — странно оно.
Почему осторожности вам не дано?»

Сколько видел я ваших домов, на которых
Нет замков! Позабыли вы все о затворах.

Столько дивных садов, но они без оград!
И без пастырей столько кочующих стад!

Сотни тысяч овец на равнине отлогой
И в горах! Но людей не встречал я дорогой.

Где защитники ваши? Они каковы?
На какую охрану надеетесь вы?»

И страны справедливой старейшины снова
Искендеру всего пожелали благого:

«Ты увенчан творцом. Пусть великий творец
Даст властителю счастье, как дал он венец!

Ты, ведомый всевышним, скитаясь по странам,
Имя царское славь правосудья чеканом.

Ты спросил о добре и о зле. Обо всем
Ты узнаешь. Послушай, как все мы живем.

Скажем правду одну. Для неправды мы немь.
Мы, вот эти места заселившие, все мы, —

Незлюбивый народ. Мы верны небесам.
Что мы служим лишь правде, увидишь ты сам.

Не звучат наши речи фальшивым напевом
Здесь неверность, о царь, отклоняется с гневом.

Мы закрыли на ключ криводушная дверь,
Нашей правдою мир одолели. Поверь,

Лжи не скажем вовек. Даже в сумраке дремы
Неправдивые сны нам, о царь, незнакомы.

Мы не просим того, что излишне для нас.
Этих просьб не доходит к всевышнему глас.

Шлет господь нам все то, что всем нам на потребу.
А вражда, государь, нежелательна небу.

Что господь сотворил, то угодно ему.
Неприятни питать не хотим ни к кому.

Помогая друзьям, всеблагову в угоду.
Мы свою, не скорбя, переносим невзгоду.

Если кто-то из нас в недостатке большом
Или в малом и если мы знаем о том,

Всем поделимся с ним. Мы считаем законом,
Чтоб никто и ни в чем не знаком был с уроном.

Мы имуществом нашим друг другу равны.
Равномерно богатства всем нам вручены.

В этой жизни мы все одинаково значим,
И у нас не смеются над чьим-либо плачем.

Мы не знаем воров; нам охрана в горах
Не нужна. Перед чем нам испытывать страх?

Не пойдет на грабеж нашей местности житель.
Ниоткуда в наш край не проникнет грабитель.

Не в чести ни замки, ни засовы у нас,
Без охраны быки и коровы у нас.

Львы и волки не трогают вольное стадо,
И хранят небеса наше каждое чадо.

Если волк покусится на нашу овцу,
То придет его жизнь в миг единый к концу.

А сорванного колос рукою бесчестной
Достигает стрела из засады безвестной.

Сеем мы семена в должный день, в должный час,
И вверяем их небу, кормящему нас.

Что ж нам делать затем? В этом нету вопроса.
В дни страды ячменя будет много и проса:

С дня посева полгода минует, и, знай,
Сам-семьсот со всего мы сберем урожай.

И одно ль мы посеем зерно или много,
Но, посеяв, надеемся только на бога.

Наш хранитель — господь, нас воздвигший из тьмы,
Уповаем лишь только на господя мы.

Не научены мы, о великий, злословью.
Мы прощаем людей, к ним приходим с любовью.

Коль не справится кто-либо с делом своим,
Мы советов благих от него не таим.

Не укажем дорог мы сомнительных людям.
Нет смутьянов у нас, крови лить мы не будем.

Делит горе друг с другом вся наша семья.
Мы и в радости каждой — друг другу друзья.

Серебра мы не ценим и золота — тоже.
Здесь они не в ходу и песка не дороже.

Всех спеша накормить — всем ведь пища нужна, —
Мы мечом не попросим пригоршни зерна.

Мы зверей не страшим, как иные, и чтобы
Их разить, в нашем сердце не сыщется злобы.

Серн, онагров, газелей сюда иногда
Мы из степи берем, если в этом нужда.

Но пускай разной дичи уловится много,
Лишь потребная дичь отбирается строго,

А ненужную тварь отпускаем. Она
Снова бродит в степи, безмятежна, вольна.

Угождения чреву не чтя никакого,
Мы не против напитков, не против жаркого.

Надо есть за столом, но не досыта есть.
Этот навык у всех в нашем городе есть.

Юный здесь не умрет. Нет здесь этой невзгоды.
Здесь умрет лишь проживший несчетные годы.

Слез над мертвым не лить — наш всегдашний
завет.
Ведь от смертного дня в мире снадобья нет.

Мы не скажем в лицо неправдивого слова,
За спиной ничего мы не скажем иного.

Мы скромны, мы чужих не касаемся дел.
Не шумим, если кто-либо лишнее съел.

Мы и зло и добро принимаем, не споря:
Предначертаны дни и веселья и горя.

И про дар от небес, про добро и про зло
Мы не спросим: «Что это? Откуда пришло?»

Из пришельцев, о царь, тот останется с нами,
Кто воздержан, кто полон лишь чистыми снами.

Если наш он отринет разумный закон,
То из нашей семьи будет выведен он».

Увидав этот путь благодатный и правый,
В удивленьи застыл Искендер величавый.

Лучших слов не слышал царь земель и морей.
Не читал сказов лучших он в «Книге царей».

И душе своей молвил венец мироздания:
«Эти тайны приму, как слова назиданья!»

Полно рыскать в миру. Мудрецам не с руки
Лишь ловитвой гореть, всюду ставить снаки.

Не довольно ль добыч? От соблазнов свободу
Получил я, внимая благому народу.

В мире благо живет. Ты о благе радей.
К миру благо идет лишь от этих людей.

Озарился весь мир перед нами — рабами,
Стали мира они золотыми столпами.

Если правы они, ложь свою ты пойми!
Если люди они, нам ли зваться людьми?

Для того лишь прошел я по целому свету,
Чтоб войти напоследок в долину вот эту!

О, звериный мой нрав! Был я в пламени весь.
Научусь ли тому, что увидел я здесь?!

Если б ведать я мог о народе прекрасном,
Не кружил бы по миру в стремленьи напрасном.

Я приют свой нашел бы в расщелине гор,
Лишь к творцу устремляя бы я пламенный взор,

Сей страны мудрецов я проникся бы нравом,
Я бы мирно дышал в помышлении нравом».

Умудренных людей встретив праведный стан,
Искендер позабыл свой пророческий сан.

И, узрев, что о нем велика их забота,
Им даров преподнес он без меры и счета.

И оставил он город прекрасный. Опять
Дал приказ он по войску в поход выступать.

Шелк румийских знамен, весен сладостных краше,
Запестрел, словно шелк, изготовленный в Ваше.

Потекло по стране, как течет саранча,
Войско Рума, в шелка всю страну облача.

И скакал Искендер через рощи и чащи
И несчастных людей отвращал от несчастий.

СТРАНСТВОВАНИЕ ПО НАПРАВЛЕНИЮ К РУМУ И НЕДУГ ИСКЕНДЕРА

О певец, заклинаньем не будешь ли рад
Ключ создать к жемчугам, вскрыть сверкающий
клад?

Если ключ раздобудешь ты радостно, верю,
Россыпь жемчуга встретишь за эту дверью.

□ □ □

Время зрелых плодов наступило, и вот,
Свой покинув приют, вышел в сад садовод.

Вся земля, богатея, прельщала садами.
Все сады разоделись, блистая плодами.

Засмеялись, раскрывшись, фисташки уста.
Финик тянется к ним. А вблизи красота

Огневого граната: прельстительно алы
Блещут в венчике вскрывшемся влажные лалы,

В щечке яблока ярких цветов перелив,
Серебристый терендж прихотлив, горделив.

В эти оба плода их обвинившие лозы
Влюблены и полны буйной, пьяной угрозы.

О гранаты! Пришли и в айванах блистать
Чаровницы, чьи груди гранатам под стать.

Наступила пора стать янтарным инжиру,
И слетаются птахи к роскошному пиру.

Пожелала миндального масла земля.
И миндаль расколола, его оголя.

Огневая уннаб, заслоняясь кустами,
Уст лишенный орешек лобзает устами.

Иль сады новобрачных встречают? Гляди:
Град из ягод, за ним — из орешков дожди.

Виноград в черной шапке. От грусти далек он:
Он в хмелю, он вокруг пальца обвил черный локоп.

Тыква к руду готова. Найду ли слова
Рассказать, как на грушу напала айва!

Гроздьев, сладкие вина дающих, корзины
В тяжкий пот повергают несущих корзины.

Давят гроздь. Веселый разносится шум.
Иа давилни течет сок живительный в хум.

Плачет глиняный хум, в горле хума бурление,
Но дает ему сок, сладкий сок утоление.

□ □ □

В дни, когда по садам эти пиршества шли,
Искендер стал далек пируванью земли.

Степи, дали и воды и горные гряды
Проходя, Искендер вел румийцев отряды.

И по миру идя, вывел многих людей
Он войною и миром из тесных путей.

Но когда светлой жизни исчерпал он меру,
Так же тесен стал путь и ему, Искендеру.

В дверь вошедший для жизни, — увидишь, поверь,
И вторую, для всех неизбежную дверь.

Смертный мир протянулся простором широким,
Но идешь по нему ты под небом высоким.

И царю многозвездная молвила высь:
«Ты о царстве своем, Искендер, не пейся!»

Всю ты землю прошел. Снова двинься к началу.
Возвратиться ты к первому должен привалу.

О тебе пять речений записанных есть
В вещем свитке. Прими их потайную весть.

Уж пять раз громыхал ты своим барабаном,
Мчась по яростным водам, скитаясь по странам.

Ты омой свои руки от мира. Спеша,
Ты в пять месяцев к дому свой путь соверши.

Унеси свою душу к родному Юнану». —
Отрезвел Искендер. В сердце чувствуя рану,

Внял он голосу, бросил поводья: не мог
Он коня погонять вдоль желанных дорог.

Всем достойным открыл он потайную думу,
И направил войска он к родимому Руму.

Степи, горы, моря, путь направивши вспять,
Искендер отрезвленный увидел опять.

С края света — в Кирман! Не раскинувши стана,
Из Кирмана дошел он до Кирманшахана.

И оттуда привел он войска в Вавилон,
И затем прямо к Руму направился он.

Но когда он достиг Шахразура, в испуге
Были все: царь поник в непонятном недуге.

Стал медлителен шаг боевого коня,
Он былого мгновенно лишился огня.

Человек рвался вдаль, всё он жаждал дороги.
Где же Рум? Руки связаны, связаны ноги.

Царь подумал: «Быть может, здесь воды таят
Страшный вред». Он подумал, — проник в него яд.

Страх отравы — увы! — расплавлял его тело,
И лекарство помочь ни одно не хотело.

О-двуконь он посланца направил в Юнан,
Чтоб дестура призвать в свой встревоженный стан.

Он писал: «Поспеши, Аристотель! Быть может,
Мы увидимся. Рок мне, быть может, поможет.

Каждый врач должен быть в путь негаданный взят.
Сто врачей привези, даже сто пятьдесят».

И когда был посланец в беседе с дестуром,
Стал дестур озабоченным, горестным, хмурым.

Он не видел надежды, не мог он найти
К исцеленью царя никакого пути.

И пришло много мудрых на вызов дестура,
И с дестуром достигли они Шахразура.

И с пути Аристотель под царскую сень
Поспешил, — поспешил не в указанный день.

Царь лежал на земле. Он, раскинувши руки,
Изнуренный, терпел безысходные муки.

Проклонился дестур. Муки страшные зря,
Он коснулся устами ладони царя.

Взял он руку царя, сердца слушал биенье
И, казалось, недуга нашел объясненье.

Приготовить велел он целебный состав
Из давно им испытанных зерен и трав.

И живая вода не поможет нисколько,
Если дню расставания время настало.

Муки царской души в путь помчались такой,
Что ничто б не вернуло скитальцу покой.

Все, что взял на хранение он в прошлом от мира,
Он вернул. Что венец! Что престол и порфира!

Расплавлял его мир в неизбежном котле,
Чтоб он все позабыл, чтоб забыл о земле.

Царь, прошедший весь мир, все обретший
в избытке,
Для ухода в ничто стал готовить пожитки.

Царь, что сахар бывал иль свеча на пиру,
Царь, что сахар иль воск ныне таял в жару.

Бурный ветер подул; загашая лампаду,
Много сорванных листьев повлек он по саду,

Молодой кипарис он сломить поспешил,
И фазана весеннего крыльев лишил,

Полыхавшие розы внезапно с размаху
Он сорвал и развеял по желтому праху.

Искендер, на луну возлагавший седло,
Изнемог. На подушку склонил он чело.

ЗАВЕЩАНИЕ ИСКЕНДЕРА

Музыкант — птица зорь, им ведущая счет,
Третью которая ночи, скажи мне, течет?

Не запела в саду ни единая птица.
Ты согдийскую птицу заставь пробудиться.

□ □ □

Ветра осени шумный слышался взмах.
Все пошло по-иному в увядших садах.

Пропадало роскошество каждого сада.
Каждой розы прекрасной погасла лампада.

По краям ручейков пожелтела трава.
Все упали плоды, вся опала листва.

На ветвях запылало то пламя, в котором
Вся сожглась пестрота, столь приятная взорам.

Бродит много дикхан, о базарах тужа,
Все замкнули калитки садов сторожа.

В водоемы Хосроев текущие воды
Уж застыли от холода злой непогоды.

Без воды и плодов нет отрады в садах.
Глина старых оград рассыпается в прах.

Где же кравчий с вином? Где же сладость и ласки?
Все мертвó. В мертвый сад зверь войдет без опаски.

Смолок пернатых язык. И, вонзаясь в стопы
Быстроногих ветров, обнажились шипы.

Где же те, что в саду отдыхали бывало?
Поклонявшихся розам в долинах не стало.

С солнца золото стер непостижный терпуг,
Стали воды в ручьях, как недвижимый терпуг.

Нет красавиц в садах, их спугнули морозы.
Соловьи улетели, осыпались розы.

Заклеймили шипы каждый розовый куст.
Где же песни и чанг? Сад безмолвен и пуст.

И завяло — увьи! — в эти дни листопада
Древо дивное — гордость подлуного сада.

Искендер-кипарис был здоровья лишен:
Щедро тратил здоровье в скитальчествах он.

Стужа в мире, и грудь Повелителя — в стуже.
Мир он ведал, и все ж вновь он влекся к нему же.

Ослабел полновластья приманчивый зов,
И к нему невнимательный стал нездоров.

Долго птица над миром парила, но крылья
Обломались. Подняться? Напрасны усилья.

Где тюльпаны ланит? Стройный тополя стан?
В когти сокола злого попался фазан.

Войсковые врачи, — а порой и вельможа, —
Днем и ночью сидели у царского ложа.

Берегли светоч мощного царства они,
Составляли в тревоге лекарства они,

В стуче сердца и в колбах разгадку искали.
Но уж звали болящего темные дали.

И в назначенном снадобье будет ли прок,
Коль пришел расставанья назначенный срок?

Вновь пытали врачи все целебные травы,
Но душа вырывалась из тесной оправы.

И лужайки никто уж не смог бы найти,
Где бы странник сумел отдохнуть на пути.

Если боль и страданье содействуют смерти,
Это — воля судьбы благодетельной, верьте.

Горло смертному жмет столь неистово рок,
Что торопит измученный гибели срок.

Каждый врач размышлял об ознобе, о боли.
Но ведь врач ведал то, что он ведал, — не боле.

Ведь лампаде, когда жизни канул и след,
Даже масло и то причинило бы вред.

«Ведь больные плоды — слову мудрых я внемлю —
Чуть притронуться к ним, упадают на землю».

Исцеленье несет многим страждущим врач,
Но, леча обреченных, не знает удач!

В девять сфер устремляющий мудрые взоры
Стал на них наводить звездочетов приборы.

Он померкшей нашел основную звезду.
Звезды счастья ушли: все вещало беду.

То сплетение звезд, что так дивно блистало,
К гороскопу царя благосклонным не стало.

Увидав, как черта вещих знаков течет,
Побледнел и от страха застыл звездочет.

В руки зеркало взял Повелитель, желая
Поглядеть, что свершила судьба его злая.

Он узрел худобу. Он узрел, что спеша
К краю мира, от плоти бежала душа.

Стыла медленно кровь, стало немощным тело.
Изогнуть кипарис, что, скажи, захотело?

Дух из тела бежал, в тьму недужного мча.
Царь заплакал, как плачет, сгорая, свеча.

И призвал он друзей. С тяжким роком не споря,
Им он молвил, исполненный скорби и горя:

«Мой корабль испытал волн крутящихся власть,
Лютый змей растворил ненасытную пасть.

Голос властный звучал, звал подняться с привала:
То судьба Искендеру веленье давала.

Надо мной небеса плыли тихой рекой, —
И в горах и в степях мне давали покой.

Но теперь небеса мраком черным затмило,
И луна мне грозит и дневное светило.

Мне бороться невмочь: на меня, на раба,
Ополчилась, идет грозным войском судьба.

Что свершу? Злое небо в неистовстве рьяном,
Мой венец уловляет поспешным арканом.

Подойди, казначей! Нужно денег царю.
Может статься, я ваяткою муки смирю.

Подойди, меченосец! Мечом своим ярим,
Может статься, с мучительным справлюсь я жарим.

Я — ваш царь Искендер, могший джинов карать,
Свой вознесший престол, ведший грозную рать.

Препоясанный в бой, полный жаркого духа,
Продевавший кольцо в лютых недругов ухо,

Меч поднявший на зло, многомогущей слона,
Все Кульзумское море взбурливший до дна,

Отпугнувший волков от безмерного стада,
Многих малых поднявший, бессильных ограда!

Я разбитого много умело скрепил.
Чтоб иное разбить, много тратил я сил.

Я насилия зло заменил состраданьем.
Завершить много дел счел своим я заданьем.

Был в Каннудже мой меч. Знал он множество стран.
Ввел войска я в Кульзум, ввел войска в Кайруван.

Смерть пришла. Не блуждать мне горами и степью!
Стал силком этот меч, стал он тяжкою цепью.

Степи, взморья, пески, горы, тысяча рек!
Кто скитался, как я? Ни один человек!

До луны возвышал я иных исполинов,
Много чванных голов снял я с плеч властелинов.

Обезглавил я мощного Фура, и пал
Предо мною в Китае могучий Чайпал.

От Насика к Мансаку я вел свою славу,
Отомстил я Кабилу и также Хабилу.

Погасил я огонь темных магов. В огонь
Вверг я море врагов. Всюду рыскал мой конь.

Как Джемшида престол, трон мой всем был отрада.
Я ограду раскрыл Феридунова клада.

Я узрел все потайное племени Ад.
Я проник в дивный сад, где простерся Шеддад.

Причинил Серандибу немало я срама.
Попирал я стопою вершину Адама.

Был я словно Рустам, меч Рустама нашел.
Кей-Хосрова я чашу сыскал и престол.

Я на запад посланца направил с востока.
Вал Яджуджский! Конца ему нету и срока.

Был я в «Месте священном», как древле Адам,
И к Каабы колыцу я притронулся там.

Я свой светоч зажег, с мраком бился я черным.
Дверь насилья забил я усильем упорным.

К светлой славе идя, я играть не хотел,
Не свершал никогда непродуманных дел.

Где бы ни был, идя многомоющим походом,
Правосудье внушал я своим воеводам.

Мне не страшен был зной, размягчавший гранит.
Полный сил, я твердил: «Рок меня сохранит».

Что ж я стражду теперь? Тут прохлада, но что же!
Что мне мех и шелка на мучительном ложе!

Голова на подушке и сам я не свой.
Кто здоровой к подушке прильнет головой?

Мастерскую сию черной вижу я ныне.
Я у черных потоков, я в черной пустыне.

Что вам доброго ждать? Не утешу я вас!
Каждый вздох мне тяжел. Мой приблизился час.

Я подобен младенцу, не знавшему света
И ушедшему в тьму. Скорбна истина эта.

Всю я землю узрел, мне весь мир был открыт,
Но и ныне мой взор созерцаю не сит.

Тридцать шесть! Если б лет я три тысячи ведал,
Я бы тоже сказал: сердце миру я предал.

Я за полог вселенной рассудком проник,
Я луну разгадал, понял солнечный лик.

Для познавших весь мир стал я светочем знания.
Возносила я хваленье творцу мироздания.

Не в неведеньи темном на свете я жил,
Я искал постиженья неведомых сил.

Много книг я прочел, все я ведал науки,
Но бессильны они в час последней разлуки.

Я от каждой беды мог когда-то уйти,
Но для бегства от смерти не знаю пути.

В затрудненьях любых можно действовать смело,
Но со смертью борьба — неразумное дело.

Где премудрые? Деньги считал я за прах,
Их даря мудрецам. Пусть развеют мой страх!

Подойдите и в золото прах обращайтесь,
О лекарстве своем Искендеру вещайте.

Аристотель, ты где? Мрак я зрю впереди.
Из теснины смертельной меня уведи!

Где же ты, Булинас? Всею волшебною силой
Ты меня возврати к жизни светлой и милой!

Где подвижник Платон? Пусть применит ко мне
Он познания свои. Весь горю я в огне.

Где Валис? Не спасет ли царя он и друга,
Не постигнет ли он тайну злого недуга?

Призовите Сократа! Мой близится срок.
Не Сократу ль открыть самый трудный замок?

О-двуконь за Хормусом пошлите! Быть может,
Он хотя бы на миг Искендеру поможет!

Пусть к Фарфорнио мчатся: у смертного дня,
Может статься, он выкупить сможет меня».

Царь промолвил затем: «Нет! Я предан гордыне!
Лишь творца поминать мне назначено ныне!

Избавленья от мук не пошлет ли мне он,
И не будет ли им прах мой бедный прощен?

Чья поможет рука? Стал для всех я далеким.
Кто меж сонма людей был таким одиноким?

Если мне небеса шлют одну только тьму,
Поднимать мне свой голос молящий к чему?

Ведь от праха, друзья, получил я начало.
Стать мне прахом опять, видно, время настало.

Перед тем, как с пучиною буду я слит,
В море выброшу я свой прославленный щит.

Я родился нагим, — и, закрыв мои вежды,
Вы заройте меня без венца и одежды.

Был без бремени я. Бремя царства забыл
Я навек. Буду наг я, как некогда был.

Посетила скалу птаха малая. Вскоре
Улетела. Скала испытала ли горе?

Я — та малая птаха, а царство — скала.
Миру трудно ль забыть Искендера дела?!

Порождать и сражать мне подобных он любит.
Злобный мир! О горбун! Всех, проклятый,
он губит!

Хоть внимал я всем людям, хоть не был я злым,
Но наслаив все ж применял я к иным.

Вы простите меня. Судий жду я нестрогих.
Ведь неправых владык обезглавила я многих.

В черный прах погрузится мой черный престол.
Дух мой к светлым взлетит, в их лазоревый дол.

Не стенайте с покрытыми пеплом главами!
Пусть прощенья слова будут сказаны вами».

Все он молвил. Безмолвье возникло в ответ.
Он уснул. Мнилось всем: в нем дыхания нет.

ЗАКЛИНАНИЕ, ОБРАЩЕННОЕ К МАТЕРИ,
И СМЕРТЬ ИСКЕНДЕРА

Музыкант, вновь настрой свой рокочущий руд!
Пусть нам явит ушедших твой сладостный труд.

Запевай! Посмотри, я исполнен мученья.
Может статься, усну я под рокоты пенья.

□ □ □

Если в утренний сад злой нагрянет мороз,
Опадут лепестки чуть раскрывшихся роз.

Как от смерти спастись? Что от смерти поможет?
Двери смерти закрыть самый мудрый не сможет.

Лишь смертельный нагрянет на смертного жар,
Вмиг оставит врачей их целительный дар.

Ночь скончалась. Вся высь ясной стала и синей,
Солнце встало смеясь. Плакал горестно иней.

Царь сильнее стонал, чем в минувшую ночь.
Бубенцы... Отравленья нельзя превозмочь.

Аристотель премудрый, пылливый мыслитель,
Понимал, что и он — ненадежный целитель.

И, узнав, что царя к светлым дням не вернуть,
Что неведом к его исцелению путь,

Он промолвил царю: «О светильник! О чистый!
Всем царям льющий свет в этой области мглистой!»

Коль питомцы твои не сыскали пути,
Ты на милость питателя взор обрати.

Если б раньше, чем вал этот хлынет суровый,
Страшный суд к нам направил гремящие зовы!

Если б раньше, чем это прольется вино,
Было б нашим сердцам разорваться дано!

Каждый волос главы твоей ценен! Я плачу:
Волосок ты утратишь, я — душу утрачу.

Но в назначенный час огневого питья
Не минует никто, и ни ты и ни я.

Я не молваю: «Испей неизбежную чашу!»
Ведь забудешь, испив, жизнь отрадную нашу.

И не молваю: «Я чашу твою уберу».
Ведь не должен я спорить на царском пиру.

Злое горе! Лампада — всех истин основа —
От отсутствия масла угаснуть готова.

Но не бойся, что масла в лампаде уж нет.
В ней зажжется, быть может, негданный свет».

Молвил царь: «Слов не надо. У близкой пучины
Я стою. Жизни нет. Ожидаю кончины.

Ведь не я закружил голубой небосвод,
И не я указал звездам огненным ход.

Я лишь капля воды, прах в пристанище малом,
И мужским сотворенный и женским началом.

Возвеличенный богом, вскормившим меня,
Столь могучим я стал, столь был полон огня,

Что все царства земли, всё, что смертному зримо,
Стало силе моей так легко достижимо.

Но когда всем царям свой давал я покров,
Духом был я могуч, телом был я здоров.

Но недужен я стал. Эта плоть — пепелище,
И уйти принужден я в иное жилище.

Друг, тщеславья вином ты меня не пой.
Ключ живой далеко, тщетны речи твои.

Ты горящую душу спасешь ли от ада?
Лишь источникам рая была б она рада.

О спасеньи моем помолись в тишине.
Снизойдет, может статься, создатель ко мне».

Солнце с гор совлекло всю свою позолоту,
И владыка царей погрузился в дремоту.

Ночь пришла. Что за ночь! Черный, страшный
дракон!

Все дороги укрыл мраком тягостным он.

Только черную мир тотчас принял окраску.
Кто от злой этой мглы ждал бы помощь и ласку!

Звезды, молвивши всем: «На деяньях — запрет»,
Словно гвозди, забили желанный рассвет.

Небо-вор, месяц-страж злою схвачены мглою.
Вместе пали они в чан с густою смолою.

Мир был черен, как сажа, стонал он в тоске
И, казалось, висел на одном волоске.

Таял царь, словно месяц ущербный, который
Освещать уж не в силах земные просторы.

Вспомнил он материнскую ласку. Душа
Загрустила. Сказал он, глубоко дыша,

Чтоб дебир из румийцев, разумный, умелый,
За писаньем по шелку давно поседелый,

Окунул свой калам в сажу черную. Пусть
Он притушит посланьем сыновнюю грусть,

Явит клятвы высокие, явит и стройный,
Чистый слог, слуха матери царской достойный!

Мать! Всем сердцем истаять она не должна!
Пусть бесплодных рыданий не знает она!

И дебир, исполняя царево желанье,
Мир затмил пред очами читавших посланье.

Расщепил он умело добротный тростник,
И лазурь он прорвал и к созвездьям проник.

В лист упругий вошел благовонный напиток.
Стал душистым атласом насыщенный свиток.

Тонких образов круг! Им не видно конца!
Потемнело от блеска в глазах у писца.

Восхваливши того, чье безмерно творенье,
Восхваливши взирающим давшего зренье,

Восхваливши того, кто над миром один,
Кто для всех судия, кто всему — господин,

Стал писец рисовать на шелку серебристом.
Так он слогом блеснул нужным, найденным,

чистым:

«Пишет царь Искендер матерям четверем,
А не только одной: мир — в обличье твоём.

Убежавшей струи не поймать в ее беге,
Но разбитый кувшин остается на бреге.

Хоть уж яблоко красное пало, — причин
Нет к тому, чтобы желтый упал апельсин.

Хоть согнет ветер яростно желтую розу,
Роза красная ветра отвергнет угрозу.

Я слова говорю, о любимая мать!
Но не им, — только сердцу должна ты внимать.

Попечалься немного, проведая, что ало
Пламеневшего цвета на свете не стало.

Если все же взгрустнешь ты ночью порой,
Ты горящую рану ладонью прикрой.

Да подаст тебе долгие годы создатель!
Все стерпи! Унесет все невзгоды создатель.

Я твоим заклинаю тебя молоком
И своим, на руках твоих, утренним сном,

Скорбью матери старой, согбенной, унылой,
Наклоненной над свежей сыновней могилой,

Сердцем смертных, что к праведной вере пришли,
Повелителем солнца и звезд и земли.

Сном чистых пророков, живущих в лазури,
Вознесенных просторов не ведавших бури,

Сном пленных земли, сей покинувших край,
Для которых пристанищем сделался рай,

Животворной душой, жизнь творящей из тлена,
Созидателем душ, уводящим из плена,

Милосердных деяний живою волной,
Повелеьем, весь мир сотворившим земной,

Светлым именем тем, что над именем каждым,
Узорочьем созвездий зажженным однажды,

Небесами семью, мощью огненных сил,
Предсказаньем семи самых светлых светил,

Знаем чистого мужа, познавшего бога,
Чутким разумом тех, в чьем сознание — тревога,

Каждым светочем тем, что зажжен был умом,
Каждым сшитым людьми для даяний мешком,

Головой, озаренной сиянием счастья,
Той стопой, что спешит по дороге участия,

Многомудрых отшельников светлой душой,
Их всевидящим взором, их верой большой,

Ароматом смиренных, простых, благородных,
Добронравьем людей, от желаний свободных,

Добротою султана к больным, к беднякам,
Нищим радостным, словно властитель он сам,

Свежим веяньем утра, душистой прохладой,
Утощенья нежданного тихой усладой,

Позабывшими сон за молитвой ночной,
Слезы льющими, странствуя в холод и зной,

Стоном узников горьких в темнице глубокой,
Той лампадой михраба, что в выси далекой,

Всею нуждой в молоке истощавших детей,
Знаьем старцев о немощи старых костей,

Плачем горьких сирот, — тех сирот, у которых
Только скорбь, унижением странников хворых,

Тем скорбящим, что скорбью в пустыню гоним,
Тем, чьи ногти синеют от лютости зим,

Неусыпностью добрых, помощи дающих,
Долгой мукой несчастных, помощи не ждущих,

Тем страданьем, которое рушит покой,
Беспорочной любовью, блаженной тоской,

Побеждающим разумом, — смертным и бедным,
Воздержаньем отшельника, — мудрым, победным,

Каждым словом той книги, что названа «Честь»,
Человечностью той, что у доблестных есть,

Тою болью, с которой о ранах не ропщем,
Тою раной, что лечат бальзамом необщим,

Тем терпеньем, что должен влюбленный иметь,
Тяжким рабством попавшего в сладкую сеть,

Громким воплем безмерной, безвыходной муки
В дни, когда протянуть больше не к кому руки,

Правдой тех, чей пример благочестья высок,
Откровеньем, которое слышит пророк,

Неизбежной дорогой, великим вожатым,
Помогающим смертным, тревогой объатым,

Тою дверью, земли отстраняющей ложь, —
Той, которою ты вслед за мною уйдешь,

Невозможностью видеть мне лик твой незримый,
Невозможностью слышать твой голос любимый,

Всею любовью твоей, — да продлится она! —
Этой немощью, — всем да не снится она! —

Сотворившим и звезды, и воды, и сушу,
Давшим душу и вновь отнимающим душу, —

Развернув этот шелк в почивальне своей,
Ты не хмурь, о родимая, черных бровей,

Не грусти, не надень похоронной одежды,
На удел бытия вскинь бестрепетно вежды,

Скрой рыданья свои, что сыновний венец,
Вспомни то, что и солнцу наступит конец.

Если был этот мир не для всех скоротечным,
Ты стенай и рыданьем рыдай бесконечным.

Но ведь не жил никто бесконечные дни.
Что ж рыдать! Всех усонших, о мать, вспомяни!

Если все ж поминальной предаться ты скорби
Пожелаешь, — ты стань свой в печали не горби,

А в обширном чертоге, где правил Хосрой,
С угощеньями царскими стол ты накрой.

И созвавши гостей во дворце озаренном,
Ты, пред яствами сидя, скажи приглашенным, —

Пусть вкушают всё то, что на этом столе,
Те, у коих нет близких, лежащих в земле.

Ты взгляни: если есть все безгорестно стали. —
Обо мне, о родная, предайся печали,

Но увидев, что яства отвергли они, —
О лежащем в земле ты печаль отгони.

Обо мне не горюй, подошел я к пределу.
К своему возвращайся печальному делу.

Можно долго по жизни брести дорогбй,
В должный срок все ж о камень споткнешься ногой,

Срок назначен для всех. Мать, подумай-ка строго:
Десять лет иль сто десять, — различья немного!

Мчусь я в восемь садов. Бестревожною будь!
Дверь к блаженству — с ключом и со светочем
пусть.

Почему не предаться мне радостной доле?
Почему не воссесть мне на вечном престоле?

Почему не стремиться мне к месту охот,
Где ни тучи, ни пыли, ни бед, ни невзгод?

Пусть, когда я уйду из прекрасного дома,
Будет всем, в нем оставшимся, грусть незнакома.

Пусть, когда мой Шебдиз, в звездной выси края
Поспешит, — мой привет к вам домчится, друзья!

Волей звезд я унесся из тесной ограды.
Быть свободным, как я, будьте, смертные, рады!»

Царь письмо запечатал и в милый свой край
Отослал, и забылся: направился в рай.

В ночь до самой зари все стенал он от боли,
Днем страдал венценосец все боле и боле.

Снова ночь. В черный саван простор облачен.
Небосвод — под попоною черною слон.

Солнце лик свой, укрытый за мрака краями,
Стало горестным стоном царапать ногтями.

Звезды ногти остригли в печали, — и мгла
В серебристых ногтях над землей потекла.

Царь свой лик опустил; царь склонился на локти,
И вдавила луна в лик свой горестный ногти.

Всю полночную мглу тканью сделать смогли
Чьи-то руки, и мгла скрыла плечи земли.

Яд смертельный, добытый из глотки Зенеба,
В горло месяца влили, не слушаясь неба.

Государь изменился; печалью томим,
Смертный час он увидел над ложем своим.

Кровь застыла в ногах, словно сдавленных гнетом,
От кипения крови покрылся он потом.

Смертный миг отобрал черноту его глаз.
Погасил его свет, наступал его час.

Изнемог он душой, и душа улетела:
Срок пришел для души, поспешавшей из тела.

С благодатной улыбкой, стремясь к забытию,
Возвратил он создателю душу свою.

Так легко он угас в тьме мучительной ночи,
Что сей миг пропустили взирающих очи.

Птица быстрая тотчас взлетела туда,
Где заметила свет неземного гнезда.

Много мудрых. Но мудростью даже бескрайной
Овладесть невозможно великою тайной.

Если знающий вник в суть неведомых дел,
Почему сам себе он помочь не сумел?

Царь покинул свой дом в мире темном и бурном
И престол свой поставил в пределе лазурном.

Много благ от него видел горестный свет,
Но обиду и зло дал ему он в ответ.

Уходя за завесу, овеянный славой,
Все ж он лютой земли суд изведал неправый.

Хоть устал он душой, по дорогам спеша,
Новый путь обрета, торопилась душа.

Отовсюду, куда бы ни гнал он гнедого,
Слал он вести; текли они снова и снова.

Почему же, отправяеь в безвестность, не смог
Хоть бы весть он прислать с неизвестных дорог?

Да! Ушедшие вдаль из-под синего крова,
Забывают все тропы звучащего слова.

Если б знать нам о том, что укрыто от глаз,
О тайных путях мой поведал бы сказ.

Искендера цветок, достигавший лазури,
С древа царского пал от негаданной бури,

И царю из его золотых поясов
Колыбель смастерили. Атласный покров

Жемчугами сиял, все нутро колыбели
Камфарою, окутанной шелком, одели.

Мускус, масло из розы, алоэ, — весь клад
Умашений, повеяв, обвил Арагат.

Надушил тонкий саван сокровищ хранитель,
И в гробу золотом был положен Властитель.

С серебром схожи руки и щеки и лоб...
Что им саван душистый и блестящий гроб?

Царь велел, уж предчувствуя с миром разлуку,
Вверх из гроба поднять его правую руку

И, вложив горстку праха в бессильный кулак,
Возвещать, всем подав этот горестный знак:

«Царь семи областей! Царь пространства земного!
Царь! Единственный царь! Всех могуществ основа!

Все богатства стяжал сей прославленный шах,
Но в его кулаке ныне только лишь прах.

Так и вы, уходя, — звезды злы и упрямы! —
Горстку праха возьмете сей мусорной ямы!»

Шахразур покидая, царя унесли
От врагов в даль египетской мирной земли.

Там, в краю Искендера повержен был с трона
На тахтэ государь, — всех людей оборона.

Сколько муки у мира! Тяжел его гнет.
Кто в молитве спокойно колена согнет?

Невдали от айвана палаты престольной
Смертный трон схоронили в земле безглагольной.

Этот мир! Быть не может он в дружбе с людьми.
Ласки в нем не найдешь, — это с грустью пойми.

И, покинув царя, от Египта границы
Все ушли. Царь остался во мраке гробницы.

Здрав у мира таков: с многомошным царем
До конца он дойдет и забудет о нем.

Много тысяч владык эту участь познали,
И течет этот счет в бесконечные дали.

Но избежать нельзя рокового пути,
И конца этой нити вовек не найти.

Не постичь звездной тьмы над пределами шара
Ты для песен о том струн не трогай дутара!

Ты, познавший весь мир! Видишь: мир — чародей.
Сколько в нем пострадало мелькнувших людей!

Унижающий мир, полный зла и страданий, —
В чем нашел он права для своих злодеяний?

Что глядишь на пристанище цвета сурьмы?
Миль чертога в крови, это поняли мы.

Если миля блеснет и расширится пламень,
В солнце — в мира лампаду, метни ты свой камень.

Миль блестит золотистый, сияет магия,
Но не золото в нем, а пыланье огня.

Неприятенно небо. Злодействуя вместе,
Солнце с месяцем к людям исполнены мести.

Не дружи ты с волшебником: он — лицемер.
Он — злодей, хоть порою он — дружбы пример.

О тебе он хлопочет как будто с заботой,
Но тебе он раненья наносит с охотой.

Дел мирских избегай, перед ними дрожа.
Ведь безмолвная рыба избежала ножа.

В бурю дня правосудья, поверь, не могли бы
Утонуть только люди, что были б как рыбы.

Мир лавчонкой мотальщика шелка я счел:
В ней и с пламенем печь и с водою котел.

В ней на обод один мастер тянет все нити,
А с другого снимает. В уме сохраните

Изречение: «Весь мир, тот, который так стар,
Снизу — сумрачный прах, сверху — блещущий
пар».

Всё в борьбе тяжкий прах с легкой областью пара,
И друг другу они словно вовсе не пара.

Если б ладило небо с землею, пойми,
Издеваться не стало б оно над людьми.

Низами! Не стремись в сеть подлунного края,
Ничего не страшась и других не пугая.

Если в гости к себе приглашает султан,
Не раздумывай: знак отправления дан.

На пиру, распрощавшись с обителью нашей,
Ты предстань пред султаном с подъятою чашей.

Искендер, выпив чашу, как роза расцвел,
Вспомнил бога, уснул, бросил горестный дол.

Всем, испившим ту чашу, — благая дорога!
Все забыв, поминайте единого бога!

ПРИБЫТИЕ ПОСЛАНИЯ ИСКЕНДЕРА К ЕГО МАТЕРИ

Музыкант! Чаг настроя в прискорбную ночь,
Беды тесной дороги отринешь ты прочь.
Если путь мой расширишь ты музыкой чистой,
Я свой скарб унесу из ложины кремнистой.

□ □ □

В дни, когда побеждает всю землю зима,
Мелкий дождь сыплет нам тучи серая тьма.

Горлу стран, заболевших от пыли опасно,
Дождь стеклянную мазь предлагает всечасно.

Иней, посланный небом, отрадней для нас,
От пыланья Тамуза все пажити спас.

Травы пьют, как джуляб, зим напиток исконный,
И мороз предлагает им лед измельченный.

Щедрый сад — быть хотел бы он пышным опять —
Колдовством не сумел бы убранства сыскать.

Виночерпии — тучи студеного Дея
В хумы воду вливают, о нивах радея.

По домам у дихкан закипает вино.
Все в сукно облакаются, сняв полотно.

Музыканты, в шелка облачась дорогие,
Вносят сочный кебаб, вносят сласти сухие.

Восседают цари, слух свой с музыкой слав,
Искендерову воду живую вкусив.

Что сказать мне еще? Что услышим от слова?
Что о злых небесах вам поведаю снова?

□ □ □

В опечаленный Рум вести злые пришли:
От земли удалился Властитель земли,

Восседают на тронах сатрапы. Единой
Власти нет над обширной земною равниной,

И обязана Искендеру́су вся знать
Во дворце его отческом длань целовать.

Рум примолкнувший черным покрылся убором,
И не Румом, а Зингом казался он взорам.

Искендера почившего старая мать
На полученном свитке сломила печать.

Все посланье прочтя, все утратив надежды,
Облеклась она в черной печали одежды.

И от свитка письма, горе выпив до дна,
Словно свиток, в печали согнулась она.

Но хоть мира пред ней все угасло сиянье,
Поступила она по указу посланья:

Чтя сыновнюю душу, любовью горя,
Исполняла она пожеланья царя.

Но, утративши сына, измучившись в горе,
Изнывая в слезах, умерла она вскоре.

Весь прошла она путь ей назначенных дней,
И закончу на этом я повесть о ней.

ПЛАЧ ИСКЕНДЕРУСА ПО ОТЦУ И ЕГО ОТКАЗ ОТ ПРЕСТОЛА

Саз твой грустен, певец! Но сыграй мне на нем!
Помоги мне! Страдая, горю я огнем.

Услыхав, может быть, струн размерные звуки,
К дню я выйду, ночные забуду я муки.

□ □ □

Царь скончался, но Искендерус в барабан
Не ударил, не стал повелителем стран.

Он, один из великих подлунного дола,
Был достоин в те дни и венца и престола,

Но минутным ничем он владеть не хотел.
Он внимал: голос мира нерадостно пел.

Он стонал соловьем, павшим с ветви высокой,
Изнемогшим, разбитым судьбою жестокой.

Говорят: войсковые старшины и двор
С царским сыном желали вступить в договор

И склониться пред ним. Были все они рады
Перед ним положить всех сокровищниц клады.

Но не думал царевич о царском венце.
Знал престолонаследник о мудром творце.

И царей и вождей приведя в изумленье,
Он промолвил: «Другому вручите правленье.

Я ведь принял обет: мне запретно вино.
И в соборьях главенствовать мне не дано.

О делах шумной жизни я ведаю мало.
Не умел я найти этой нити начало.

Мог я думать, что месяцу нѣ землю пасть,
Иль что в солнце вгрызется драконова пасть.

Но не мог я подумать, что преданный богу
Юный царь обретет неземную дорогу,

Что чертог свой покинет, что бросит свой трон,
Что в гробницу придет гостем горестным он.

Мне не миру служить. О душе беспокоясь,
На служенье творцу повязал я свой пояс.

Как на мост этот зыбкий и хрупкий такой
Я сумел бы ступить твердой, смелой ногой?

Я ль мудрее отца, — тронов многих владыки?
Что же будет со мной, коль низвергся великий?

Нет, я быть не хотел бы сильнее, чем он,
И пытливей, чем он, и умнее, чем он!

С ним, великим, тягаться мне вовсе негоже.
Из того, что он видел, увижу я что же?

Семь небес разъяренных закрыли плитой
Возносившего к звездам свой трон золотой.

И порфиру я сжег, доски взял и, ударя
По гвоздям, я забил пышный трон государя.

И, подобно гонимым, засел я в тиши,
Как свободный владелец свободной души.

Верьте: золото неба, исполнивши жажды
Все людские сердца, было злым не однажды.

Если мера полна, но еще ты нальешь, —
Ты излишек прольешь. Что ж быть жадными?
Что ж?

Пробужденья я жду. Что же брать мне
наследство?
Знаю: бегство — от зла наилучшее средство.

Нет к венцу вождельня, к престолу — любви.
Счастье манит вражду, счастье будет в крови.

Как паук, я укроюсь во мраке пещеры,
Против мошек и мух мною примутся меры.

Крепкой, каменной будет обитель моя!
В той обители буду отшельником я.

Там с алмаза души я слезами своими
Смою пятна земли: жить мне тягостно с ними.

Откажусь я от благ, откажусь от всего.
Приготовлюсь к тому, что достойно того.

Буду птицей в горах, с тем, кто дышит над нами.
Буду счастлив, довольствуясь лишь семенами.

От лишений своих я легко не уйду:
Стану с легкостью жить, — смерть я тяжкой
найду.

Время жизни пройдет и, исполнен порыва,
Перед ангелом светлым повергну я дива.

Как отца моего, вы заройте меня,
Праха вы праху отдайте, безмолвье храня.

Если будем о смерти мы думать почаще,
Мы спокойно пойдем в жизни сумрачной чаще.

Если ж молвим себе: «Эти думы умерь», —
Мы с тоскою откроем последнюю дверь».

И царевич в нагорную скрылся обитель,
И забыл о мирском небосвода служитель.

Дни он господу отдал, — не смертным делам.
Так он жил. Только это и ведомо нам.

Так и ты, о юнец, внемля мудрым и старым,
Не кори этот путь с непростительным жаром.

Небо — злой чародей — столько черного зла
Совершило, вмешавшись в людские дела!

И Юсуфх томился, в колоде бледнея:
И случилось: у мощного свернута шея.

КОНЧИНА АРИСТОТЕЛЯ

О певец, истомил меня гулкий нафир!
Плачем песни своей ниспошли ты мне мир!

Я хочу, чтоб своим побеждающим звоном
Ты меня разлучил с тяжким вздохом и стоном.

□ □ □

От цепей бытия царь избавил свой стан
И на замо́к небесный накиннул аркан.

И когда он ушел в неизвестные дали,
Вслед за ним уходить многомудрые стали.

Аристотель, покинутый Солнцем, чело
В черной скорби склонил: все благое ушло.

Одеянье его было с тучею схоже.
Срок пришел, собирать стал поклажу он тоже.

Стройный тополь склонился и, тяжело дыша,
Он лежал: грудь стеснилась, томилась душа.

И в печали его посетили обитель
Те, кого он учил, но пришел и учитель.

И, увидев, что муж, распознавший привал,
Вдаль к привалу иному один отбывал,

Так промолвили те, что сидели пред ложем:
«Расскажи нам о мире, с землею несхожем.

Нам поведай о небе: его вещество
Мы по-разному видим; открой нам его».

Так ответил спешащий к дворцу голубому:
«Пусть господь все откроет созданью земному!»

Говорил я о небе нередко и мнил,
Что сорвал покрывало с неведомых сил.

Но теперь, уходя в дальний мир поневоле,
Вижу, ведал о нем я невежды не боле.

Мир твердит, что разбил я все доводы лжи,
Что замкнул семь небес я в свои чертежи.

В «Ключ, вскрывающий мир», преисполнен
уменья,
Всё я знание вложил, все свои разуменья.

В этой книге, у смертных придавшей мне вес,
Говорил я о звездах, о своде небес.

Но в сей миг перед вами, науки мужами,
Я скажу: брось познание с его чертежами.

Что вещать! О, не лучше ль безмолвие уст?
Стол был мною накрыт. Он со снедью иль пуст?»

И, промолвив слова эти медленно, снова
Смолк премудрый властитель размерного слова.

Он, казалось, угас; в нем уж не было сил...
Все же дать ему яблоко он попросил.

С этим яблоком свежим, ладонью подъятым,
Он лежал, убажывая свой дух ароматом.

И когда повела голубой небосвод,
Чтоб душа его в тесный вступила проход,

Он сказал, улыбнувшись: «Конец из-за взгорий
К дню пришел мюему, и угасну я вскоре.

Душу чистую бог мне послал, и к нему
Я ее подниму сквозь всезвездную тьму».

Он умолк, и душа улетела из тела.
Стал он прахом. Звезда его так захотела.

И, уйдя от печалей к лазурным краям,
Он душистое яблоко бросил друзьям.

КОНЧИНА ХОРМУСА

Музыкант, на джурра, мне ласкающем слух,
Заиграй! Успокой мой тоскующий дух!

Простони соловьем, то вздыхая, то плача,
Чтоб избавился я от печали и плача.

□ □ □

Подошедший к бездонному морю, Хормус
На устах скорой смерти почувствовал вкус.

Он, склонясь, произнес: «Дней напрасна обуза.
Благо плавшим, не везшим тяжелого груза!

Груз тяжелый гнетет, лишь печали суля:
В должный миг сбросят в море его с корабля.

На заре бытия, в тьме неизвестных столетий,
Населяли лишь звери все области эти.

Побережья морей, гор возвышенных скат
Были в зелени. Мир был плодами богат.

И возник человек и, пощады не зная,
Он газелей сражал: в край он гнал их из края.

Я — газель. Жду стрелы. Что я сделать смогу?
Сам к могиле своей я в испуге бегу.

Лишь единый приют я сыщу по дороге,
Лишь единый: о благостном вспомню я боге.

Так и вы в те мгновенья, как тронетесь в путь,
Помышляйте о том, чтобы к богу прильнуть».

Молвив так, он уснул. Мудреца я покину..
Что добавить? Явил я Хормуса кончину.

КОНЧИНА ПЛАТОНА

О певец, подбери самый сладостный лад!
Ведь не раз от тебя ждал я высших услад.

Знай, что в памяти может в минуты рассвета
Все напевы затмить песня мерная эта.

Что промолвил пред часом разлуки Платон?
«Скоро в темной земле обрету я свой сон.

Возгласила молва — Рум не полон ли шум! —
Что я самый великий из жителей Рума,

Что за смерти завесу я смело взглянул
И от прочих завес я лицо отвернул.

Схож я с малым ребенком, лежащим в постели:
Сон подходит неслышно к его колыбели.

Ведь природой младенцу дремота дана,
И не ведает он приближения сна.

В четырех естествах столь различных, — во влаге,
В прахе, в ветре, в огне, — кто в горячей отваге

Мог бы правду сыскать? Нужно нам повернуть
От неправды повода, чтоб выведать путь.

Хоть четыре стены есть у дома, но снова
Я скажу: выбок дом, ненадежна основа.

Сто и тридцать мне лет миновало. Но нет,
Мне как будто бы десять исполнилось лет.

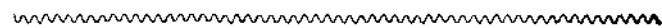
Да, в душе у меня не угасли желанья.
Хоть состарился я, — обновилась мечтанья».

Так он грезил, и гас многомудрого взор.
И свернул небосвод его жизни ковер.

КОНЧИНА ВАЛИСА

Музыкант, песней той ты опять зазвени,
Что была с давних пор всем стенамь сродни!

Струн отрадных твоих захотел слушать речь я,
Чтоб свободно бродить по брегам семиречья!

□ □ □

И Валис головою склонился ко сну,
И ладью он в широкую бросил волну.

И ученые, к старцу пылая любовью,
Подошли для прощанья к его изголовью.

У могучего немощь возникла не вдруг,
Но его одолел полновастный недуг.

Стал он спрашивать звезды. От мудрого взора
Не укрылось: его пошатнулась опора.

Не помогут светила! Забыли они
Правосудье. Безжалостны были они.

Он сказал собеседникам: «Я у порога.
Пройдена, о друзья, вся земная дорога.

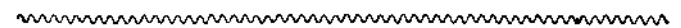
Кто же был защищен от индийцев семи
С черным их бубенцом? О живущий, пойми:

И счастливые звезды и звезды участья
В некий час неизбежный вещают несчастья.

Если звездная вязь не к добру сплетена, —
Злых, неправых царей потекут времена.

Гнет исчезнет и век уплывет несчастливый,
Если явится в мир человек справедливый.

Коль счастливый узор явит звездная мгла,
Завершатся добром всех счастливых дела.

До времен, обещающих блага избыток,
Благодатное небо свернуло мой свиток».

И, промолвивши так, он творца помянул,
И уста он сомкнул, и вздохнул, и уснул.

КОНЧИНА БУЛИНАСА

О певец! Я молю: злую ночь одолев,
Ты опять разверни свой старинный напев.

Пусть во мраке, следя за ладами твоими,
Всю печаль изолью я слезами благими.

□ □ □

Распознав утасающий мир, Булинас
Тихо молвил друзьям в этот горестный час:

«Отправленья в дорогу дождался я года,
И свершу я весь путь своего перехода.

Этот глиняный дом — мой дворец, но не я.
Это только мой образ в путях бытия.

Семь планет в небесах. Я телами такими
Огневными прельщен, — и навеки я с ними.

Я — вершина всего, о себе я скажу:
То я тело бросаю, то в тело вхожу,

То в бутон я вползаю, то голову вскину
И на ветви взлетаю, подобно павлину.

И незрим я для глаз, как лесная перь,
И летаю везде от зари до зари.

Не в пределах времен мне подобное племя.
Нет, вне времени я! Попираю я время!

По морям, по степям я брожу. Или я
С Хызром степи несхож? Я — морей Илия.

Захочу — и спущусь в тьму подземного края!
Захочу — и взлечу выше лотоса рая!

Не меня вы встречали, придя в мой айван:
То был мой сотрапезник, — поймите обман.

Я лишь тот, кто теперь ввысь взлетит над землею,
А известного вам не считайте вы мною».

Эту песню пропев, словно сазом звеня,
Догонять стал он спутников, взвизхив коня.

Он забыл треволненья. Расстался он с миром.
Ведь кончина с друзьями является пиром.

КОНЧИНА ФАРФОРΙΑ

Спой мне песню, певец! Струнный радостен звон.
Не кори возлюбившего сладостный сон.

Может статься, опять погружусь я в дремоту
И опять снов дневных позабуду заботу.

□ □ □

И Фарфорию знак был к прощанию дан.
Нагрузил он верблюда, забил в барабан.

Он промолвил друзьям: «Сад прекрасный,
в котором
Услаждается ум, сад, столь сладостный взорам,

Постоянства не знает. В нем сотни услад,
Все ж он радостный рай и мучительный ад.

Страшно знание: знаток всей житейской дороги
От разбоев дорожных не сыщет помощи.

Лукодел не всегда ли с горбатой спиной?
Не всегда ли в дырявой одежде портной?

Хоть как будто бы веса достаточно в жире,
Но торгующий — плут: веса более в гире.

Драгоценности множащий из года в год
Передышки не знает от мук и забот».

Мыслей круг дочертив, он явил их блистанье, —
И закрыла черта светлых дней начертанье.

КОНЧИНА СОКРАТА

О певец, шелком руда и чанга, молю,
Пробуди мою душу: я тягостно сплю.

Струн отрадных струенье, раскинувшись шире,
Освежит мою душу, засохшую в мире.

Смерть к Сократу возвала и, все отстраня,
К ней премудрый поспешно направил коня.

Я слышал, что Сократ — правда с вымыслом
рядом —
Был отравлен потайно неведомым ядом.

И, почувствовав боль, оглядев небосвод,
Он воскликнул безгорестно: «Начат поход!»

Он сказал: «Час настал. Сердце смертное радо.
Избавленья от смерти искать нам не надо.

На подушке остывшей уснув, человек
Под землей неизбежно ляжет навек».

И увидев, что птица готова для взлета,
Что порвет она скоро земные тенета,

Вопросили Сократа: «О мудрый, ответь:
Если ты разорвешь эту хрупкую сеть

И твоё успокоится смертное тело,
Где приют ему дать? Это выполним дело».

Улыбнулся постигший свой близкий конец:
«Вы к покинувшим свет не влеките сердце».

Коль найдете мой прах, вы в раздумье не стойте,
Унесите его, где хотите, заройте».

Буря сна на него налетела. Чело
Он в поток погрузил. И на память пришло

Вопрошавшим, склонившим печальные лики,
Все, что им говорил их учитель великий.

КОНЧИНА НИЗАМИ

О певец, спой на лад нежной «Песни души»:
Душу нежит она. Начинай! Поспеши!

Дё ста песен мне спой! Пой мне снова и снова,
Как Барбед распевал пред гостями Хосрова!

Низами! Кончен сказ твой, столь сладкий для нас.
Приступай к отправленью! Назначен твой час.

Срок недолгий прошел в сем приюте не вечных,
И свернулись листы его дней быстротечных.

Шестьдесят было лет и три года ему,
И шесть месяцев сверх, — и ушел он во тьму.

Всё сказав о мужах, озарявших своими
Поученьями всех, он ушел вслед за ними.

Говорил он друзьям, собираясь уснуть,
О пути и о том, кто указывал путь.

Он мужам улыбнулся с таким возвещеньем:
«Обнадежил меня милосердный прощеньем».

Не тревожьтесь. Тревог вам созвездья не шлют.
Вам — прекрасный дворец, мне — отраднейший
приют».

Он умолк. Ты сказал бы, что сон его нежил.
Он уснул, он как будто бы вовсе и не жил.

ОБРАЩЕНИЕ К МЕЛИКУ ИЗЗ АД-ДИНУ
 МАС'УДУ, СЫНУ АРСЛАНА,
 И ПЕРЕДАЧА ЕМУ СЫНОМ
 НИЗАМИ «КНИГИ О СЧАСТЬЕ»

Музыкант, спой на лад, беспечальный, как свет!
 Видишь — радость пришла, видишь — горести нет.

Пусть напев твоих струн на пленительном руде,
 Словно жизнь повелителя, длителен будет!

□ □ □

Стал удел мудрецов далее прошлого — прах,
 Но их мудрость воспринял блистательный шах.

Да цветет государь над безгорестным долом,
 Да сияет венцом, да сверкает престолом!

О мелик Изз ад-дин, в воле звездных высот
 Получающий силу и царства оплот,

Тайны светлых планет неизменный хранитель,
 Благосклонных созвездий благой повелитель,

С Кей-Хосровом и Кеем устроивший пир,
 В феридуновом поясе вышедший в мир!

Речь мелика — бальзам. Отпрыск древнего рода,
 Он собой озарил колыбель небосвода.

Так владеет медовым источником он,
 Что свой собственный дух взял он в крепкий полон.

И когда на пиру, всех окинувши взглядом,
 Он сияет пред всеми царем Кей-Кобадом,

Словно мудрые пчелы, хлопочут вокруг
 Знатоки, изучившие сотни наук,

И мужей, сжатых в узах своей лишь науки,
 Строго за уши треплют их знания руки.

Много здесь уловляющих жемчуг; их речь
 Словно пламень. Словам их так сладостно течь!

То — питомцы царя озаренного края.
 То — ключи от ворот благодатного рая.

Здесь и славный везир, словно дивный Низам:
 За смысленность его шлют хвалу небесам.

Государь стал великим, возвышенным самым,
 И везир его стал несравненным Низамом.

Царь из каждой страны человека призвал, —
 Он призвал удостоянных высших похвал.

С ними пир — это пир в розах свежего сада.
 Соловьи! Хоть пьяны, но для слуха — отрада.

Все пристойны они, царь с пристойностью пьет.
 Все щедры на слова, царь — источник щедрот.

Не справляли владыки подобного пира!
 Царь — правитель и царь — витязь пламенный
 мира.

Никому к царской трапезе доступа нет,
 Но пришла эта книга, — и снят был запрет,

Чтобы царь обозрел все земные просторы,
И моря, и пустыни, и реки, и горы,

Чтоб узрел он Хабеш, чтоб зажегся не раз,
Озирая дорогу в далекий Тараз,

Чтоб искателю мира в дворце его мирном
Мир прекрасный поведал о царстве обширном,

Чтобы книга сия, отвращая от бед,
Семь ворот растворила пред ним для побед.

Этот сказ, обо всем говоря своим ладом,
Сласть прибавит свою к пиროванья уладам.

О наследник пиров Кей-Хосрова! Хвала!
Столь могучей держава вовек не была!

Посмотри, целый мир эта чаша вмещает, —
Мир, что мира хозяин тебе обещает.

Порожденные образы — можно ль их счесть? —
Для души твоей, царь, о царевиче весть.

Царь! Ключом этим дверь отпер я не на горе:
Мне жемчужину дивную выдало море.

От впервые престол озарившей зари
Ей подобных не знали земные цари.

Я уж молвил тебе об одной колыбели, —
И ребенок возник. Удивляться ужели?

Пусть пируют на радости други царя!
Препояшься, как небо в созвездьях горя!

О, когда бы принять в райском пире участие
Мне дало бы возможность внесенное «Счастье»,

На веселом пиру, может статься, и я
Снял бы тяжкую цепь своего бытия.

Но ведь я изнемог: немощь горестна злая.
Мне опоры не даст колыбель голубая,

И уйти в небеса от блужданий во мгле
Это лучше, чем ввериться мрачной земле.

Я нашел две жемчужины. Радостью полный,
Я взирал, как несут мне их синие волны.

И в жемчужине первой — Марии краса.
А сиянье второй! Так сияет Иса.

Та — луна золотая и сладостна — эта,
Словно солнце, что блещет, исполнена света.

Стража два у тебя: сын возлюбленный мой,
Полный счастья — один, «Книга счастья» —
другой.

Царь! Счастливого сына послал я с указом
Охранять сей ларец с драгоценным алмазом.

Ведь невесту, что шлю для твоих я палат,
Охранит лучше всех ее собственный брат.

Опасаясь, всегда мы в душе своей скажем:
«Хорошо, если дева с внимательным стражем».

Я ведь душу свою шлю властителю в дар.
С ней и сердце мое, — весь душевный мой жар.

Ты мне сына верни с милосердьем, властитель,
О котором не смел и помыслить служитель.

Я вот к этим словам вел словесную нить,
Но сверши ты все то, что желаешь свершить.

ОКОНЧАНИЕ «КНИГИ О СЧАСТЬЕ»

Из глубокой земли я достал самоцвет
И увидел: отбоя от скупщиков нет.

Препоясался каждый скупать самоцветы,
Но ведь нужно достойным вручать самоцветы.

Самоцвет раздобыл я киркою в горах,
Продаю самоцвет я с весами в руках.

Не затем я торгую своим самоцветом,
Чтоб весь мир получить. Я не мыслю об этом.

Я хвалю самоцвет, но я все же не лгун:
Пусть лишь то, что он стоит, вручит мне Карун.

Потому всё не шлет мне награды создатель,
Что достойный не найден еще покупатель.

Мне внимающий нужен внимательный: он
Самоцвет мой оценит со многих сторон.

На горах завывать устрашающим дивом,
Диким зверем реветь над скалистым обрывом,

Ввергнуть в реку ларцы, что рубинов полны,
Бросить жемчуг в кипенье бегущей волны, —

Это лучше, чем слуху неумных созданий
Растворить все врата драгоценных сказаний.

В покупателе дорог нам щедрый размах.
Тароватым добычу мы ищем в горах.

Моего покупателя дивны приметы.
Вот одна: рассыпает он всем самоцветы.

Но за мною вослед — им ведь это с руки —
Драгоценных камней пошли знатоки.

Все узрели мой лал; омрачились их лики.
Стали камни метать злобных душ манджаники.

«Нам вручи самоцвет, озаряющий ночь.
Не отдашь? Так из сада ступай-ка ты прочь!»

Я смущен был их злобой, разгневан их жаром,
Их бесстыдным торгашеством, всем их базаром.

Я — жемчужин торговец, не воинства лев.
Лишь согласием струн улаживает напев.

Пред собою раскинул я море жемчужин.
О, какой покупатель для этого нужен!

Если волны морские на торге видны,
То на торге для них много нужно казны.

Только с морем одним я полажу, не споря:
Лишь за море купить жемчуг целого моря

Если громко на свете звучала молва, —
О достоинствах многих твердили слова.

Если в чем-нибудь нету достоинства, — слава
Разве в мире возникнет, громка, величава?

В этой мысли, что розы похитила цвет,
Для разумных скрывается некий ответ.

Если б я не считал, что несу утоленье, —
Я жемчужины отдал бы на разграбленье.

Не затем я твердил: «Обо мне порадей»,
Произнес эту речь немущих людей,

Что людьми я обижен, что миром измучен
И что вьючный мой конь все ничем не навьючен.

Нет! С плодами мой стол. Мой вы слышите стон,
Потому что недугом я тяжким сражен.

Коль в больной голове все пошло как бы кругом,
Круг начертит неверный сведенный недугом.

Если ворон здоров, путь крылатого прост.
За хорошим инжиром слетает он в Бост.

Но хоть годы мои уж легли мне на плечи,
Дышит юность в моей нестареющей речи.

Хоть мой стар кипарис, свежесть в нем я найду.
Мой серебряный конь все еще на ходу.

«Пятьдесят сделал бейтов, — твердят, —
не робей ты.
Сто динаров проси!» Все ценны мои бейты.

Все еще мне времен преподносит рука
Жемчуг полной полой, в тяжких свертках шелка.

Все ловлю еще львов я арканом игривым,
Все на ловле влекусь я к их царственным гривам,

Хоть напрасна добыча: велят небеса
Мне уйти, а к добыче поспеет лиса.

Если кот все пожрет, значит, все и пропало.
Что ж старухе вопить? В этом толку ведь мало.

За игрой плутовской мир проводит года.
Небо, в кости играя, плутует всегда.

Шестьдесят мне уж лет, но мелькают мгновенья
И горю, как и встарь, я огнем вдохновенья.

Я по-прежнему юн, старость прочь отстранив,
И со мною все тот же торгуется див.

Все бывшее ушло, словно ветер в пустыне,
И уйду я за ним. Это ведаю ныне.

Так о годах промолваю, хоть это старо:
Время жизни — колодец, веревка, ведро.

Коль ведро из колодца выходит пустое,
Размышлять, сколь протяжна веревка, не стоит.

Я сказал и ушел, и оставил тетрадь.
Не годится мой сказ мимоходом читать.

О внимающий, вниман! И ты спозаранку
В некий день эту краткую бросишь стоянку.

Ты не скажешь о том, как со света ушел.
Помни спутников, этот покинувших доул!

Темной полночью, в мире примолкшем, уснувшем,
Вспоминал я о многом, давно уж минувшем.

И о людях, укрывшихся в глуби могил,
Я скорбел, и горячие слезы я лил.

И во сне мне один из уплывших в то море
Неизвестное молвил: «Забудь свое горе.

Ведь в печали о нас мог бы спину ты гнуть,
Если б сам не собирался отправиться в путь.

Но ведь ты с караваном. О друг, понемногу
Ты увязывай кладь, собирайся в дорогу».

С этой ночи готовлюсь. Таков мой удел!
И очистил я сердце от суетных дел.

Охранен зоркий муж, зла узревший засаду,
От ветров, задувающих нашу лампаду.

Мех свой брошу я в хум, пусть дойдет он до дна:
Слез кровавых взыскую, не жажду вина.

Если нет мне жаркого из жирного гура,
Мне не будет могила печальна и хмура.

Коль навар предо мною не явит свой лоск,
Станет пищей моею мой выжатый мозг.

Если масла не будет, то плоть будет рада
Угасать. Ведь угаснет она, как лампада.

Если будет мой хлеб не с большой барабан,
Все удары сносить будет навик мне дан.

Я пред натиском лет не изведаю страха.
Есть врачевная мазь: благоденствие шаха.

О господь! Сердцевине возвышенных дел,
Плодоносному саду, чей дивен предел, —

Будь внимательным другом, опорой верной!
Охраняй государя с любовью безмерной!

Кончен сказ мой придворный, известный везде,
При благих указаньях, при доброй звезде.

Пусть одно только счастье мы в будущем встретим!
Пусть прославится Властный сказанием этим!

Я жемчужину взял несверленной, и вот
Мне ее разрешил просверлить небосвод.

Я чертил для Счастливого эти узоры, —
И твои на Счастливого падают взоры.

Пусть, посланье прочтя, государь обретет
В знанье — друга, а в мудрости — помощь найдет.

Пусть мной созданный сказ им прославится всюду!
Пусть повсюду звучит он во славу Мас'уду!

Пусть навек вознесен будет им Низами!
Пусть прославит мой стих он меж всеми людьми!

Пусть ликует венчаный! Ведь роком неживым
Повелитель великий был назван Счастливым!

Пусть он знает веселье, пусть будет здоров.
Пусть злодей не проникнет под царственный кров!

Пусть владеет он миром и бездною синей,
Ходом века — рабом и судьбою — рабыней!

ПРИМЕЧАНИЯ

I КНИГА О СЛАВЕ

О ПРИЧИНАХ СОЧИНЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

В ночь, светившую мне, как нам светит рассвет,
Словно данную утренним просьбам в ответ —

По поверью, утренние молитвы считаются самыми чистыми и искренними, и просьбы, заключенные в этих молитвах, всегда удовлетворяются аллахом. Смысл двустишия: В светлую, прекрасную ночь, которая была послана мне свыше в ответ на мои самые искренние просьбы, обращенные к аллаху в моих чистых утренних молитвах.

Смолок житейский базар. Шум всedневный потух,
Колокольчик верблюда не мучил мой слух —

В XII в. родной город поэта Гянджа был одним из крупнейших торговых и экономических центров Ближнего и Среднего Востока. Ежедневно туда прибывали из разных стран и городов многочисленные караваны с грузами, а на шее верблюдов обычно висели колокольчики, которые возвещали об отправлении или прибытии каравана. Смысл двустишия: Время было далеко за полночь, вокруг царил тишина, и колокольчики прибывающих караванов не мучили меня своим звоном.

Нанлучший улов мне хотелось иметь —

Здесь «улов» метафорически обозначает удачные поэтические находки, мысли и т. д.

То мне, полная тайны, мерцала скрижаль —

Скрижаль — доска с написанным на ней священным текстом.

Т. е. перед моим внутренним взором возникала таинственная доска, на которой были начертаны удивительные письмена и картины.

Хоть бы тысячу лун твоя длань засветила,
Быть им все же с печатью дневного светила —

Поэт сравнивает себя здесь с солнцем, а придворных поэтов, воровавших его стихи, с луной, подчеркивая, что луна всегда светит отраженным светом солнца.

ПРИТЧА

А писцы даже днем — да покроются срамом! —
Все скрипят и скрипят своим черным каламом —

Смысл этого и следующего за ним двустишия: Писаки, именующие себя поэтами (Низами имеет в виду придворных одописцев), ночью по-воровски своим черным, т. е. покрытым позором каламом (тростниковым пером), списывают мои сочинения и тайно отправляют их из Гянджи в Бухару и другие города и там продают как собственные сочинения. К сожалению, в переводе пропущен один бейт (двустишие), в котором поэт сравнивает себя с эликсиром — исцелителем всех недугов. Смысл стиха: О Низами, ты эликсир, но почему ты избегаешь всех и никому не доступен, но все равно мы тебя заставим заговорить, поделиться с людьми своими чудодейственными, словно эликсир, стихами, ведь рубин и красная сера тоже труднонаходимые драгоценности, а их все же находят.

О СВОЕМ ПОЛОЖЕНИИ

Не надежен шатер семикрасочный твой.
Даже зеркало мрачно, коль съедено ржой —

Семикрасочный шатер — семисводное, семисферное небо, символ вечности. Обращаясь к себе, поэт говорит: Не обольщайся мишурой жизни, славой, помни, что ты под семисводным небом недалогвечен, близится конец жизни. Ты уподобляйся зеркалу и будь таким же чистым, ибо оно не любит красок, если оно примет какую-либо окраску, то тускнеет.

Был красив кипарис, да согнулся он вдвое,
И садовник ушел, замечтав о покое —

Кипарис — метафорически обозначает стройный стан, садовник — обладатель стройного стана, т. е. душа. Смысл бейта: Когда в саду гибнет кипарис, садовник покидает сад, теперь твой стройный стан согнулся, т. е. телесная оболочка почти развалилась и скоро душа твоя покинет тело.

Дождь седой камфары пробежал над горою,
И в бессильи земля облеклась камфарою —

Камфара — кристаллическое вещество с характерным запахом, добываемое из камфарного дерева, обычный предмет сравнения для седин. В средневековой медицине камфара употреблялась как возбуждающее средство. Смысл бейта: Моя голова покрылась сединой и для поддержания сна я глотаю камфару.

Коль в венце щеголять хочет радостный гость,
Нужен мускус ему, не слоновая кость —

Щеголять в венце — радоваться, испытывать счастье; гость — человек, являющийся временным гостем на этом свете; мускус — черные кудри; слоновая кость — седые волосы. Смысл бейта: Человек, временный гость на этом свете, может испытывать счастье и наслаждаться жизнью, когда он молод и обладает черными кудрями, а когда наступает старость и его голова покрывается сединой, ему чужда житейская радость.

Я умчусь через мост на гилайском коне,
И вернуться в Гилай не захочется мне —

В оригинале обыгрывается неполная омонимия слова «гил» — прах, земля, и «Гилай» — название области в Иране, где разводили породистых коней, но «гилай» в то же время обозначает множественное число от «гил» — прах. Смысл бейта: Я скоро умчусь на быстром коне через мост брэнной земной жизни в небытие, и мне больше не захочется вернуться на эту землю.

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ЭТОЙ КНИГИ ПЕРЕД ДРУГИМИ КНИГАМИ

То вино, что исполнено чистого света,
В четырех толкованьях не знает запрета —

Имеются в виду четыре религиозно-юридических толка в исламе суннитского направления: ханифитов, маликитов, ханбалиитов и шафийитов. Все эти толки строго запрещали употребление вина. Иными словами, поэт просит здесь ниспослать ему духовное вино.

Покупатель жемчужин закрыл свои веки.
Смолок базар. Ничего не продашь ты вовеки! —

Поэт сравнивает свои стихи с драгоценными жемчугами и жалуется на то, что в его время нет ценителей подлинной поэзии.

Есть охрана, — и путник не ведает страха.
Мы огонь сохраняем при помощи праха —

Под «прахом» имеется в виду пепел; т. е. скромный человек, шествующий по дороге жизни, не боится лишиться душевного величия, ибо его охраняет скромность, так же, как огонь тлеет под слоем пепла.

Я пою и в шипах, не боюсь их, как роза;
Пусть терзают — пою. Мне шипы не угроза —

Под «шипями» поэт подразумевает придворных одописцев и жизненные невзгоды, которые преследовали его.

Думал: тишь позабыв, взяв застольную чашу,
Я беседу пиршество ваше украшу —

Поэт обращается здесь к правителю Азербайджана, атабеку Абу-Бакру Нусрат ад-Дину (1194 — 1210), который с 1194 г. перенес столицу из Гянджи в Нахичеван, и оправдывает свой отказ переехать в новую столицу тем, что «его деревцо не может расстаться с родной почвой, ибо оно погибнет в саду неродном».

В дни разлития рек (для примера беру)
Не годится из Рея скакать в Бухару —

Между Реем и Бухарой находятся Амударья и другие реки. Здесь поэт сравнивает Гянджу с Реем, а новую столицу правителя Азербайджана с Бухарой.

Если б знал я чужую, прекрасную розу,
Эту желтую взял бы или красную розу —

Здесь и в последующих двустопных стихах поэт говорит о том, что если бы был какой-нибудь другой подлинный, большой мастер слова, который мог бы создать то, что он создает, то он перестал бы утруждать себя и, наслаждаясь покоем, читал бы его сочинения.

Прах — четыре подушки на царском престоле.
Я в стенах четырех верен избранной доле —

Четыре подушки на престолах символизировали величие царей, указывая на то, что им покорены все четыре стороны света. Поэт ставит четыре стены своей комнаты, в которой он создавал свои великие творения, выше четырех подушек престола могущественных царей.

Моя душа — не женщина. Это кремень,
Это девы Марии подобье и тень —

Поэт сравнивает свою поэтическую мысль с девой Марией — Марьям (см.), матерью Иисуса Христа — Исы (см.), которого ислам считает одним из шести наиболее почитаемых пророков, бывших до Мухаммеда. Смысл бейта: Моя поэтическая мысль — не обычная слабая женщина, она тверда, как камень, она так же вечно юна, свежа и чиста, как дева Мария.

Для чего ей супруг? Чтоб родился в ней пламень,
Ей одно только нужно: железо и камень —

Здесь почти все слова многозначны. Например, «железо» обозначает медяки, монеты, деньги, а также обычное железо (огниво) для высекания огня из кремня; камень — это драгоценные камни и кремень; пламень — поэтическое вдохновение и искры, высекаемые из кремня; супруг — муж и подачки. Смысл бейта: Мое поэтическое вдохновение не нуждается ни в чем, чтобы рождать пламенные стихи, ибо я не продажный придворный одонисец, вдохновение которого постоянно нуждается в медяках и ценных камнях.

Славный тусский сказитель, сумевший облечь,
Как невесту в парчу, свою дивную речь —

Нижами имеет в виду своего предшественника, знаменитого Фирдоуси (см.), который впервые изложил легендарную биографию Искендера в своей эпопее «Шах-наме». При всем своем уважении к Фирдоуси поэт считает, что тот не справился с поставленной задачей.

РАССКАЗ О ПОУЧЕНИИ ХЫЗРА

Те, кто в водах и скалах извели труд, —
От Быка и от Рыбы подарки берут —

Согласно представлениям древней космологии, мир держится на рогах Быка, который в глубине океана стоит на огромном ките (рыбе). Бык — сфера земли; Рыба — водное пространство. Смысл бейта: Те, кто упорно трудятся, в конечном итоге добывают жемчуга из морских глубин и самоцветы из гранита.

Что Хорезм или Джемд, Дихистан или Рей! —

Хорезм — обширная область в низовьях Амударьи, современная Каракалпакская АССР, Джемд — исторический город на восточном берегу Амударьи, Дихистан — историческая область в Средней Азии, ныне Астрабад, Рей — исторический город в районе современного Тегерана. Перечисляя области в направлении с востока на запад, поэт утверждает, что в

странах Ближнего и Среднего Востока царят нищета, голод и войны, а аджамский Ирак (см.), который находился под властью азербайджанских правителей, процветает.

Только дивов родит страшный Мазендеран —

По легенде, изложенной Фирдоуси в «Шах-наме», в Мазендеране, области на южном берегу Каспийского моря, обитали страшные дивы — демоны, дьяволы, главным из которых был Белый Див, которого победил Рустам (см.).

Искендеровы копи опять и опять
Варой, — и сам Искендер будет камни скупать —

Т. е. ты тщательно копайся в сказаниях об Искендере и тогда извлечешь оттуда такие драгоценные самоцветы мыслей и сюжетов, что сам Искендер скупил бы их. Здесь содержится скрытое сравнение адресата поэмы, атабека Нусрат ад-Дина, правителя Азербайджана, с героем поэмы Александром Македонским.

ВОСХВАЛЕНИЕ ПАДИШАХА НУСРАТ АД-ДИНА

Падшах — царь, шах. Здесь титулом прозван правитель Азербайджана атабек Абу-Бакр Нусрат ад-Дин Бишкин, сын Мухаммеда Джахан-Пахлавана, которому посвящены обе части «Искендер-наме». Под властью этого правителя Азербайджана, как и его предков, находился весь Персидский Ирак (Ираки Аджам, см.). Он правил с 1194 по 1210 гг.

Ты, что Хызру сродни, как Двурогий могуч —

Двурогий (Зу-ль-Карнейн) — прозвище Искендера. Под этим прозвищем он упомянут в Коране. Историю возникновения этого прозвища поэт излагает в дальнейшем.

Мне о перстне рубиновом не умолчать,
Потому что на нем Сулеймана печать —

По легенде, у библейского царя Соломона, включенного под именем Сулейман в число пророков, бывших до Мухаммеда, был перстень, на котором было начертано имя Аллаха, и благодаря этому он обладал безграничной властью над всеми живыми существами и духами.

Все, о чем я сказал, в твоем имени сжато;
В нем великое «шесть» зазвучало богато —

Имя Нусрат ад-Дина в арабском алфавите состоит из шести букв. Поэт хочет этим сказать, что Нусрат ад-Дин обладает всеми достоинствами и атрибутами величия шести перечисленных выше великих царей.

ОБРАЩЕНИЕ С ЦЕЛОВАНИЕМ ПРАХА

Семь блистательных сводов царят в небесах.
Было четверо славных, ты — пятый, о шах! —

Четверо славных — четыре предка Нусрат ад-Дина: великий атабек Шамс ад-Дин Ил-Дениз (1136 — 1175), султан Арслан-шах (1160 — 1175), султан Джахан-Пахлаван, отец Нусрат ад-Дина (1175 — 1186), атабек Кызыл-Арслан, дядя Нусрат ад-Дина (1186 — 1191).

Я на пиршество царское, к царскому месту,
Озаряя чертог, направляю невесту —

Т. е. поэт посылает свою прекрасную поэму, разубранную, как невеста, царю, чтобы он, читая ее, наслаждался, как на пиру.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ВСЕГО РАССКАЗА

Книги староперсидские в слог ему близкий
Он велел облачить. — в звучный слог ионийский —

Низами говорит здесь о переводе книг с древнеперсидского языка на греческий. Как явствует из первоисточников, по приказу Александра Македонского в 329 г. до н. э. из Персеполя была вывезена огромная библиотека, в которой хранились тысячи книг. Часть из них впоследствии действительно была переведена на греческий язык.

В двадцать семь, как пророк, покидая наш дол,
Он жоитки скитанья сложил и ушёл —

Исторический Александр Македонский жил с 356 по 323 г. до н. э., умер, не достигнув 33 лет.

С той поры, как пророком взнесла его вера,
Назван срок его дней: «Времена Искендера» —

Т. е. в империи, созданной Искендером, ввели новое летоисчисление, отсчет которого начинался со дня становления Искендера пророком. Это и другие факты свидетельствуют о глубоких познаниях поэта в области биографии исторического Александра Македонского. Действительно, после установ-

ления официального культа Александра Македонского императорами Каракаллой и Александром Севером в Греции ввели новый календарь, согласно которому новая эра начиналась со дня рождения Александра.

ОБРАЩЕНИЕ К СЛУШАТЕЛЯМ С ПРИЗЫВОМ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ НА РАССКАЗ

Сделай сад свой приветный дарною Китая —

Обращаясь к самому себе, поэт готовит себя к тому, чтобы расцветить свой сад — поэму, словно изукрашенную тончайшими рисунками китайскую парчу.

Я к тайным сокровищам влекся, к которым
Я прыжик в ранних днях испытующим взором —

Поэт имеет в виду свою первую поэму «Сокровищница тайн», которую он создал, когда ему было примерно тридцать пять лет.

Он, к источнику жизни искавший пути,
Лишь теперь сей источник сумеет найти —

Искендер искал источник живой воды, находящийся в царстве Мрака (об этом повествуется в последующих разделах книги), чтобы испить из него и обрести бессмертие, но не нашел его и умер, теперь же через эту книгу он обретет бессмертие.

Вспомним книгу царя всех глаголящих снова:
«Тот, кто ищет, — находит!» — звучало нам слово —

Глаголящие истину — пророки, их царь — мусульманский пророк Мухаммед (570 — 632). Он любил часто повторять поговорку: «Кто старается, тот и находит».

НАЧАЛО РАССКАЗА И ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТИНЫ О РОЖДЕНИИ ИСКЕНДЕРА

Это был всеми славимый царь Филикус —

Здесь имеется в виду македонский царь, отец Александра Филипп II (359 — 336 гг. до н. э.). В арабской фонетике нет звука «п». Этот звук они обычно передавали через «ф». Однако к середине IX в. арабоязычные ученые изобрели специальную букву, обозначающую «п» в иностранных

словах. В арабской графике «ф» и «к» изображаются одинаково, только над первой ставится одна точка, а над второй две. Букву «п» они тоже изобразили подобно «ф» и «к», но только над ней поставили три точки. Но неискушенные переписчики, не поняв этот чуждый знак, приняли его за «к». У Низами, без сомнения, тоже был знак «п», ибо он хорошо знал, что отца Александра звали «Филипус», но переписчики исказили это написание.

Что повергнул он Дария в зависть и в стыд —

Здесь речь идет о древнеиранском царе из династии Ахеменидов Дарии III (336 — 330 гг. до н. э.). Смысл бейта: Филикус был так справедлив и мудр, что своим благородством и правосудием повергнул Дария, царя Ирана, в стыд, ибо Дарий был жесток и тиранил свой народ.

Царь — укрыл нежный воск от палящего жара —

Т. е. Филикус своими дарами и подношениями сумел отвести от своей страны, нежной, как воск, жар меча Дария.

Старцы Рума составили книгу свою
Про отшельницу, жившую в этом краю.
В день, когда материнства был час ей назначен,
Муж был ею потерян и город утрачен —

Смысл этих бейтов сводится к тому, что у Искендера родители были простыми людьми. Когда он был еще в утробе матери, отец его умер, а мать вела отшельнический образ жизни. Она родила будущего завоевателя мира, умирая в глуши. Источник этой «румской» версии — «Роман об Александре», приписываемый его личному врачу Каллисфену, так называемый «Псевдо-Каллисфен» (см. об этом в Предисловии).

Все же в древнем дихкане была еще вера
В то, — писал он, — что Дарий — отец Искендера —

Дихкан — представитель старой иранской родовой аристократии. Здесь имеется в виду Фирдоуси, согласно версии которого Искендер был сыном Дария II (см. об этом в Предисловии).

И постиг я, собрав все известное встарь:
Искендера отец — Рума праведный царь —

Т. е. собрав и сличив все древние источники, поэт достоверно установил, что отец Искендера не какой-то неизвестный и не Дарий II, а македонский царь Филипп. Этот эпизод еще раз свидетельствует о том, как прекрасно изучил поэт весь исторический материал об Александре Македонском.

Славя Месяц душистый, надежд не тая —

Месяц душистый — новорожденный Искендер; уподобление красивого младенца месяцу (луне) — обычный поэтический прием, взятый из фольклора.

ОБУЧЕНИЕ ИСКЕНДЕРА

Летописец дихканов из книги о них —

Поэт имеет в виду Фирдоуси, певца истории царей и дихканов — древней иранской родовой аристократии.

Никумаджис премудрый — а был он отцом
Аристотеля — начал занятия с юнцом —

Никумаджис — искаженная форма имени отца Аристотеля Никомахоса. Дело в том, что в арабской графике буквы «х» и «дс» изображаются одинаково, но диакритическая точка в первом случае ставится сверху, а во втором снизу. В подлинном тексте Низами, без сомнения, было «Никомахос», впоследствии же переписчики исказили его правописание, переместив точку. Никомах, отец Аристотеля, был врачом.

И чертеж ему дал, — тот, в котором для взора
Были явственны знаки побед и позора —

Т. е. Никомах дал Искендеру кабалистический чертеж, из которого было видно, что Искендер победит всех своих противников. Под этим чертёжом имеется в виду так называемая «таблица побежденного и победителя». А. Е. Бертельс отмечает: «В этой таблице в клетки внесены ряд букв арабского алфавита, часть нанесена черным цветом, часть красным, часть зеленым. Вычислив по цифровому значению арабских букв цифровое значение имен соперников в каком-нибудь конфликте, затем, пользуясь таблицей, производят вычисление результата борьбы. Красная буква предвещает победу, черная — поражение, если выпадет зеленая, борьба закончится ничью. Образцы подобных таблиц до нас дошли».

Это древо с шестью сторонами четыре
Держат корня. Мы, пленники, распяты в мире —

Т. е. этот мир (древо), состоящий из шести сторон (правая, левая, передняя, задняя, верхняя и нижняя) и четырех элементов (земля, вода, воздух и огонь).

ИСКЕНДЕР ВОСХОДИТ НА ТРОН ОТЦА

Царь Махмуд и другой, что звался Справедливым —

Поэт имеет в виду султана Махмуда Газневида (899 — 1030), самого могущественного представителя тюркской династии газневидов, создавшего обширную империю, и Хосрова Ануширвана (531 — 579), наиболее выдающегося представителя сасанидской династии в Иране. Ануширван был прозван «Справедливым» за упорядочение земельных налогов и восстановление законности в стране.

ЕГИПТЯНЕ ПРИНОСЯТ ИСКЕНДЕРУ ЖАЛОБУ НА НАСИЛИЯ
ЗИНДЖЕЙ

И ни франкской страны и ни Рума, быть может,
Не останется в мире! —

Под франками на средневековом Востоке подразумевали все народы, населявшие европейские страны. Смысл бейта: Если войско Искендера не придет на помощь, то «черная буря» — волна зинджей разрушит все европейские и азиатские страны.

Так была многих мощных тяжка булава,
Что Быку стало тяжело, дышал он едва —

Т. е. от многочисленности войск, тяжести их доспехов и оружия стало тяжело Быку, на котором, по поверью, держится земля.

ПОХОД ПРОТИВ ЗИНДЖЕЙ. ГИБЕЛЬ ТУТИАНУША

Долгий путь наш обманчив! Нам видится свет
Там, — на небе седьмом, а вблизи его нет —

Смысл этого и следующих восьми бейтов: Наш долгий путь сложен, труден и обманчив, ибо он далек от света истины. Земля полна соблазнов и страстей, которые, словно злые духи, сбивают нас с пути праведного. На четырех базарах (стихиях), расположенных на перекрестке времени, все обвешивают друг друга. Один, обманывая ближних, по медякам копит целый динар, а другой приходит и спокойно крадет его, один тащит у крестьянина по зернышку и, собрав целый мен (см.), вынужден отдавать его эмиру (правителю, начальнику). Далее поэт жалуется на своих современников, обвиняет их в двуличии, ханжестве и обмане.

Царь китайский — рассвет был на белом коне,
А подкова ночная исчезла в огне —

Китай в произведениях Низами не соответствует современным географическим представлениям. Говоря о Китае, Низами имел в виду Восточный Туркестан, Северный Китай, а тюрки в классической поэзии — символ белизны, красоты. Низами часто сравнивает солнце с «султаном тюрков», «шахом Чина» (здесь — «царь китайский»). Смысл бейта: Когда Солнце оседлало светлого коня рассвета, ночь яростно погнала своего черного скакуна и исчезла.

ВТОРОЕ СРАЖЕНИЕ С ЧЕРНЫМИ ЗИНДЖАМИ. БОЙ С ЗЕРАЧЕ

Как змея, пред которой находится клад —

По поверью, зарытые клады охранялись змеями.

Надею их вожатых я синим халатом —

В мусульманских странах синий (точнее темно-синий) цвет был цветом траура. Смысл бейта: Я заставляю их вожда облачиться в траурную одежду.

ТРЕТЬЕ СРАЖЕНИЕ С ЧЕРНЫМИ ЗИНДЖАМИ.
БОЙ С ПЕЛЕНГЕРОМ

И гроза зарычала и стали видны
Взмахи копий от Рыбы до самой Луны —

Имеется в виду мифический кит, находящийся в морских глубинах, на котором стоит Бык, на рогах которого покоится земля. Таким образом, часто повторяющееся у Низами метафорическое выражение «от Рыбы (Махи) до Луны (Мах)» обозначает: от земли до небес.

От звенящих мечей, от мелькающих палиц
В удивлении джин свой закусывал палец —

Прикусить палец — знак крайнего удивления, смятения и т. п. Т. е. звенящие мечи и мелькающие палицы являли такую страшную картину, что даже демоны смутились.

ЧЕТВЕРТОЕ СРАЖЕНИЕ С ЧЕРНЫМИ ЗИНДЖАМИ И ПОБЕДА
ИСКЕНДЕРА

Он рубаху с глазками от глаза надел,
Чтоб сберечь свое тело от вражеских стрел —

Т. е. он надел кольчугу, чтобы враги не могли спазить его, навести порчу. Рубаха-кольчуга, о которой идет речь, изготовлялась из особого сорта шелка, который натягивался на кольчугу. С такой кольчуги соскальзывали клинки мечей и стрелы.

ИСКЕНДЕР ОБДУМЫВАЕТ, КАКОЙ СИЛОЙ ОБЛАДАЕТ ДАРИЙ. И ПОЛУЧАЕТ ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОБЕДЫ

И когда я, на миг сад покинувши свой,
Поднимаю в руке апельсин огневой —

Под «апельсином» имеется в виду новая поэма Низами, сокровище слов, с которым поэт выходит из своего сада, т. е. уединения.

Но не знала она о могучем орле.
Он ей шею свернул. Он стерег на скале —

Поэт здесь великолепно воспроизводит античный обычай гадания на птиц, а затем вводит собственную аллегория. Орел, свернувший шею победившей куропатке, олицетворяет смерть, и Искендер понимает, что он одержит победу над Дарием и другими противниками, но его одолест смерть.

И когда в свой чертеж ты взглядишься, всеславный,
То большую победу увидишь ты явной —

Имеется в виду одна из разновидностей кабалистического чертежа, о котором говорилось в примечаниях к главе «Обучение Искендера». Смысл бейта: Если ты внимательно разберешься в тайных знаках своего чертежа, то убедишься, что судьба сулит тебе большую победу.

Но о знаках недобрых не лучше ль молчать,
Пусть их всё укрывает молчанья печать —

Ученые, разбиравшиеся в кабалистических чертежах, знали, что после блестящих побед молодого Искендера ждет смерть. Но они решили, что лучше молчать об этом.

ДАРИЙ ТРЕБУЕТ ОТ ИСКЕНДЕРА ДАТЬ ОТВЕТ ИСКЕНДЕРА

Мир — то в мире, то — в громе военных годин —

Т. е. мир добывается то мирным путем, то посредством войны.

С его именем нету на свете монет —

Т. е. он не является самостоятельным царем, он — простой вассал. Одним из атрибутов царей была чеканка монет с выбитым на них именем государя.

Может статься, затем он послал мне човган,
Чтобы я у него взял човганом Иран —

Искендер совсем иначе толкует смысл присланных Дарием аллегорических подарков. Дарий прислал човган (кляшк) с мячом, говоря:

«Ты еще юн, а юноше пристало забавляться игрой в човган (см.), а не думать о завоевании Ирана». Искендер же уподобляет иранскую империю и весь земной шар мячу, который он ловко отберет своей кляшкой (човганом).

Если в руки земной мне вручается шар,
Значит, первенство в мире мне послано в дар —

Как видно из этого и предыдущего бейтов, для Низами шарообразность земли была давно установленной истиной.

Хоть стремленье владык благотворно, но всё же
Не оно ли порой с разорением схоже? —

Мысль о том, что любая война, будь она «славной» или захватнической, приносит лишь разорение, проходит красной нитью через всю эпопею.

ИСКЕНДЕР ГОТОВИТ ВОЙСКО ДЛЯ ВОЙНЫ С ДАРИЕМ

Собрались мудрецы из придворных и знати,
Чтоб на воск воспринять знаки царской печати —

Т. е. придворные, знать и мудрецы собрались, чтобы запечатлеть на воске души слова, произносимые устами шаха, внимательно выслушать его.

ДАРИЙ ОБСУЖДАЕТ СО СВОИМИ ВЕЛЬМОЖАМИ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ИСКЕНДЕРА

Пусть всегда шелкопряд ест один только тут,
А не то шелкопряд негодным сочтут —

Шелковичный червь должен питаться только листьями тутового дерева, ибо другие листья ему не подходят. Этот и восемь предыдущих бейтов выражают суть учения Низами о самовоспитании, о подавлении низменных

страстей. По учению поэта, только тогда можно создать гармоничное общество, когда все его члены, в первую очередь сильные мира сего, власть имущие, сумеют с помощью образования и самовоспитания свои низменные инстинкты превратить в конструктивное начало.

Он звался Ферибурз: в этом имени честь
Ратоборца и знаменье мужества есть —

Здесь обыгрывается этимологическое значение имени героя древне-иранского эпоса Ферибурза, жизнь и деяния которого воспеты в «Шах-наме» Фирдоуси. Имя его состоит из двух компонентов: 1. фер(р) — божественная благодать, осеняющая царей, божественный ореол, величие и 2. бурз — высота, ростость, богатырское телосложение.

Ведай: было прочитано, к смерти готовым,
В своей чаше волшебной царем Кей-Хосровом —

Герой древнеиранского эпоса Кей-Хосров (жизнь и деяния его подробно воспеты в «Шах-наме» Фирдоуси) якобы обладал чудесной чашей, которая отражала все, что происходило и будет происходить в мире. И вот он перед смертью увидел в этой чаше, что «созвездие царства Ирана сорвется с высот» и иранское царство погибнет.

Вспомни мошки чуть видимой тонкое жало,
Что Немрода могучего к праху прижало —

Мифического тирана Немрода (см.), приказавшего бросить пророка Ибрахима (см.) в горящую печь, бог жестоко наказал: мошка проникла через нос ему в мозг, и он умер в мучениях.

ПИСЬМО ДАРИЯ ИСКЕНДЕРУ С УГРОЗАМИ И УПРЕКАМИ

Ты упорством в железо оденешь меня.
Я из тех, с чьею грудью сливалась броня —

Дарий хочет сказать, что Искендер в конце концов заставит его облечься в железные доспехи и выступить против него, но пусть Искендер не забывает, что он, Дарий, является меднотелым, ибо он происходит от Исфендиара и Бахмана. По легенде, популярный герой древнеиранского эпоса Исфендиар и его сын Бахман, жизнь и деяния которых воспеты в «Шах-наме» Фирдоуси, обладали неуязвимыми телами.

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ИСКЕНДЕРА ДАРИЮ

Я мечом раздобуду корону и трон. —
И на месяц напал бы мой лютый дракон —

По поверью, во время затмения луны ее проглатывает небесный дракон. На «стыге сапфировом» Искендера был вышит дракон. Он намекает на это, говоря, что с войском, которое находится под его знаменем, он захватит и луну.

Разве ты не читал про Джемшида? Драконом
Этот месяц был схвачен. Расстался он с тронем —

Месяц — мифический царь древнего Ирана Джемшид. Его сверг тиран-узурпатор Зоухак (см.), из пазух которого росли две змеи, питавшиеся мозгом юношей и девушек. На эту легенду намекает Искендер.

Но дракона ударил мечом Феридун,
Хоть дракон этот был не дракон, а колдун —

Феридун (см.) — мифический царь древнего Ирана. Он при поддержке кузнеца Каве, поднявшего восстание против тирана, сверг Зоухака — змея, действовавшего по наущению Иблиса — дьявола, за что прозван здесь колдуном. Смысл бейта: Феридун своим мечом сверг с престола тирана — змея Зоухака потому, что тот оказался не настоящим драконом, а всего лишь колдуном — исполнителем воли искусителя Иблиса, а на моем знамени изображен настоящий дракон, и все войны, стоящие под этим знаменем, тоже настоящие драконы, поэтому тебе не одолеть меня.

Ты мне царство мое подарить захотел.
Имени Каноп назначаешь в удел —

Каноп (Сухейль) — главная звезда созвездия Корабль Арго; лучше всего виден над Йеменом, одной из древнейших областей Аравии. Каноп (точнее Канопус) считается покровителем и неотъемлемой частью Йемена, откуда вывозился адим — лучший сорт сафьяна. По поверью, йеменский сафьян своим высоким качеством обязан лучам Канона. Смысл бейта: Ты хочешь подарить мне то, что принадлежит мне от природы, как принадлежит от природы Каноп Йемену.

С тьмою демонов сблизился царь Соломон, —
Тотчас перстень утратил; отчаялся он —

По легенде у Соломона (см. Сулейман) был перстень, на котором было начертано имя Аллаха, благодаря этому перстню Соломон обладал безграничной властью над всеми живыми существами и духами. Однажды злой дух выкрал у Соломона перстень и на некоторое время лишил его власти.

Придержи вождельня. В них нету расчета.
На Симурга никто не готовил тенета —

Т. е. оставь тщетные мечты, ибо никакой разумный человек не станет ставить силок, чтобы поймать Симурга — царя птиц, который живет на недоступных вершинах.

БОИ ДАРИЯ С ИСКЕНДЕРОМ ПРИ МОСУЛЕ

Я возглаждал вина наилучшего, чтобы
Хоть на час избежать этой жалкой трущобы —

Обращаясь к виночерпию, поэт просит небесный нектар, чтобы хотя бы мысленно покинуть этот суетный мир и забыть о житейских невзгодах.

Когда принял фагфур день пришедший, а ночь,
Взяв динар, жемчуга свои бросила прочь —

Фагфур (см.) — солнце, динар (см.) — луна, жемчуга — звезды. Смысл бейта: Когда солнце, словно восточный император, взошло и село на свой высокий (небесный) престол, ночь, — захватив луну, снявшую словно серебряная монета (динар) и разбросав свои жемчуга (звезды), скрылась.

И железных шипов на ристалище зла
Разбросали для конных врагов без числа —

Здесь имеются в виду специальные железные шипы, которые разбрасывались перед вражеской конницей, чтобы вывести из строя коней. Железные шипы часто становились неодолимым препятствием для конницы.

Пыль объяла весь воздух. Весь мир в этой буре,
Потеряв повода, позабыла о лазури —

Т. е. пыль, поднятая сражающимися войсками, конями и слонами, заволочила небо, и мир растерялся, лазурное небо скрылось с его глаз и он не знал, где земля и где небо.

Высь была на земле, а земля в небесах —

Т. е. земля и небо обменялись местами, ибо земля, превратившись в пыль, поднялась в воздух, а небо, отяжелев от пыли, опустилось на землю.

Из засад крепких луков, и гибель и стоны
Породив, друг за другом летели драконы —

Здесь под драконами подразумеваются особого вида двухголовые (с двумя наконечниками) толстые стрелы.

Зиндж камня собрал, чтоб венец сделать новый,
А фагфур бросил трон свой из кости слоновой —

Зиндж (негр) — ночь, камня — самоцветы (звезды), венец — луна, фагфур — восточный император (солнце), трон из слоновой кости — лазурный небосвод. Иными словами, солнце скрылось и наступили сумерки.

ПОБЕДА ИСКЕНДЕРА НАД ДАРИЕМ И СМЕРТЬ ДАРИЯ

Просо звезд замесив, мир украсивши наш,
Испекла она в небе горячий лаваш —

Лаваш — тонкая лепешка из белой муки высшего качества. Смысл бейта: Раскрошив звезды, вселенная замесила их и испекла горячий лаваш — солнце.

Сотни гор из булата воздвиг он, и клад
Он решил сохранять между этих оград —

Горы — войска, облаченные в железные доспехи и вооруженные булатными мечами и копьями. Т. е., построив войска, Дарий велел спрятать царское сокровище между ними.

Кто в одежде печали готовится к бою?
Только синий кафтан под кольчугой ивою —

Перевод двустишия далек от оригинала, где буквально сказано: «Никто в бою не скорбит о гибели других, никто в бою не облачается в синюю одежду, все надевают на себя только черный шелк». Как известно, синий цвет — цвет траура, а под черным шелком имеется в виду особый сорт шелка, натягнувшегося на кольчугу, с которого соскальзывали стрелы и мечи.

Кто-то мудрый сказал: «Смерть на людях красна» —

В оригинале поэмы смысл таков: смерть хороша, когда вокруг все живы и здоровы, и оплакивают тебя, скорбят и хоронят тебя по всем правилам, а когда человек погибает вместе со всеми окружающими, то никто ни на чью смерть не обращает внимания.

Сотрясая простор, пало древо Кавая.
Тело, корчась, лежало, в крови багровея —

Т. е. пало знамя династии Ахеменидов, господствовавших в Иране с 558 г. по 330 г. до н. э. В изображении смерти Дария Низами, опускает детали, придерживается реальной исторической перспективы. Потерпев 1 октября 331 г. до н. э. сокрушительное поражение в бою в Гавгамелах

(селение в северо-восточной Месопотамии), исторический Дарий III бежал. Греко-македонские войска начали преследовать ахеменидского царя, поспешно уходившего на северо-восток. В это время в среде ахеменидской знати, окружавшей Дария III, созрел заговор против него. Трусость и нерешительность Дария III сделали его почти пленником своих соратников, среди которых главенствующее место занимал родственник ахеменидского царя сатрап Бактрий Бесс. В результате мятежа Дарий III был арестован, а затем убит. Бесс провозгласил себя царем, приняв тронное имя Артаксеркс, и продолжил борьбу против Александра Македонского. Но вскоре он потерпел поражение, был схвачен и казнен.

Ждал от мира шербета со льдом — но в ответ
Он на тающем льду написал про шербет —

Идиоматическое выражение «написано на льду» равнозначно русской идиоме «вилами на воде писано», т. е. означает пустое обещание. Смысл бейта: Я ждал шербета — сладкого напитка от жизни, но она ничего не дала мне кроме пустых обещаний.

Но прекрасную дочь мою Роушенек...
Ты возвысь, осчастливь своим царственным ложем —

Историческая Роушенек (по-древнеперсидски Раохишна, в греческой передаче Роксана), пленница, а затем любимая жена Александра Македонского, была дочерью не Дария III, а сатрапа Бактрии Оксарта. Дочь Дария III, которую Александр тоже взял в жены, звалась Варсине (в греческой передаче Статира). В литературе же персонаж «Роушенек» — Роксана, якобы дочь Дария III, ставшая любимой женой Александра, — в традиции со времен романа «Псевдо-Каллисфен».

Стал невидим рубин. Появился агат —

Т. е. солнце скрылось, наступила ночь.

Это старый кошель, полный складок, и он
Затаил свои клады; не слышен их звон —

Земля уподоблена кошельку, могилы — складкам кошелька, а люди — драгоценным монетам. Смысл бейта: В складках земных недр этот старый мир упрятал много драгоценных жизней, о которых нет никаких вестей.

Только новый кошель будет звонок. А влага
Зашипит, если с влагой впервые баклага —

Новый кошель — новая, молодая жизнь, баклага — здесь глиняный кувшин для вина, воды. Смысл бейта: Только в молодом теле жизнь звенит, словно золотая монета в новом кошеле, бурлит, как влага в новом кувшине.

Кто б узнать в этой «Башне молчания» сумел
Всю былую чреду злых и праведных дел? —

Башня молчания — условный перевод слова «дахме» — возвышенная площадка, на которой зороастрийцы оставляют тела умерших. Дело в том, что для зороастрийцев земля была священной, а гроб считался поганым, поэтому они оставляли тела после совершения соответствующего обряда на дахме, которые обычно строились за чертой города, и грифы и коршуны растаскивали останки. В приведенном двустишии мир уподоблен дахме.

Для чего в звездной мельнице, нам на потребу
Давшей это ничто, — быть признательным небу? —

Звездная мельница — небо, символизирующее судьбу. Смысл бейта: Нам не следует благодарить небо за то, что оно испослало на нашу долю эту временную жизнь, полную превратностей, невзгод и лишений.

«Человек» или «смерть»? Ты на буквы взгляни, —
И поймешь: эти двое друг другу сродни —

Здесь обыгрывается неполная омономия слов «мардум» (люди) и «мордам» (я умер), которые в арабской графике изображаются одинаково, ибо краткие гласные не пишутся. Смысл бейта: Человек смертен, это написано у него на роду, это видно даже из того, что «человек» и «смерть» пишутся одинаково.

У лазурного камня учись: небосклон
С желтым — желт, с красным — красным становится он —

В этом и последующем бейтах поэт как бы успокаивает себя, говоря: Молчи, Низами, не раскрывай сокровенные тайны мироздания и не восставай против него, ибо окружающие не смогут понять тебя и обвинят в ереси; если хочешь довести до конца свою повесть, то поладь с окружающей действительностью, подобно небосводу, который в зависимости от обстоятельств принимает любую окраску.

ИСКЕНДЕР ЗАКЛЮЧАЕТ ДОГОВОР С ВЕЛЬМОЖАМИ ИРАНА,
БЕСЕДУЕТ С ФЕРИБУРЗОМ И УЗНАЕТ О ПРАВЛЕНИИ ДАРИЯ

Где ты, счастье, блуждаешь? Отправься в чертог
Захотевшего истины светлых дурот —

Имеется в виду чертог, т. е. дворец правителя Азербайджана атабека Абу-Бахра Нусрат ад-Дина Бишкина.

Потому, Искендер, ты блаженство нашел,
Что тобой был украшен венец и престол —

Говоря «Искендер», поэт опять подразумевает атабека Абу-Бакра Нусрат ад-Дина Бишккина.

Помни: золото — плод с ярким цветом шафрана,
А шафраном — печалей вручается рава —

Согласно представлениям средневековой медицины на Ближнем и Среднем Востоке в средние века очень широко употреблялся шафран (в Азербайджане до сих пор его кладут во многие блюда), который, как считалось, поднимает общий тонус в организме, «разгоняет печаль и вызывает смех». В бейте золото уподоблено шафрану.

Ты припомни, что сделал с драконом Бахман!
Но когда на Бахмана напали напасти,
Не сумел избежать он драконовой пасти —

Перевод далек от оригинала. В оригинале сказано: «Когда Бахман правом стал, словно дракон». Смысл бейта: Не становись злоиравным, словно дракон, помни о Бахмане, когда он стал правом подобен дракону, дракон же его и проглотил.

Кто рубашку наденет не той стороной,
Вновь наденет ее стороною иной —

По древнему обычаю, впоследствии воспринятому исламом, во время молитвы с просьбой об исполнении желания люди надевали рубашку наизнанку. Смысл бейта: Люди надевали рубашку наизнанку во время молитвы об успехах, а после исполнения желания снова надевали ее как обычно. Ты до сих пор следовал по жизни как бы «навыворот», теперь же, когда ты достиг успеха и добился исполнения всех желаний, становись на правильный (праведный) путь, оставь войны и кровопролитие.

Клад, что сыщешь ты в мире, — в сем горестном месте,
С черной лютой змеею отыщешь ты вместе —

По поверью, зарытые в землю клады охраняются змеями; здесь змея аллегорически олицетворяет смерть. В этом и последующих бейтах поэт осуждает стяжательство, алчность царей, ведших нескончаемые разорительные войны ради обогащения и накопления сокровищ.

Да не будет тебе злобный Дарий примером!
Он был Дарием назван, а ты — Искендером —

Здесь поэт обыгрывает лексические значения имен Дария и Искендера. «Дара» буквально значит: владеть, богат, а Искендер — по-гречески: владеющий миром. О том, что поэт знал значение греческого имени Александра, свидетельствуют последующие бейты. Смысл бейта: Ты не бери пример со злобного Дария, который тиранил и угнетал свой народ, ведь ты Искендер — владеющий миром, а он всего-навсего Дарий — богат.

ИСКЕНДЕР РАЗРУШАЕТ КАПИЩА ОГНЯ. ЧАРОДЕЙСТВО ПРЕКРАСНОЙ АЗАР-ХУМАЮН

Принеси свою руту. В дремоте весь мир.
Руту сыпь на огонь! Да спасется эмир! —

Рута — адраспан, которым окуривали от дурного глаза, от сглаза. Смысл бейта: Воспламени руту своих волшебных слов, чтобы они отвели дурной глаз от повелителя — Абу-Бакра Нусрат ад-Дина.

Искендер повелел, чтоб урочного дня
Все иранцы забыли кумирни огня...
Чтоб имущество магов сожгли, чтобы в прах
Обратили кумирни во всех городах —

Здесь Низами излагает историческую правду. После завоевания Ирана Александр Македонский велел сжечь все священные книги и разрушить храмы огня зороастрийцев, конфисковать огромные сокровища храмов и собственность богатых жрецов огня — магов.

В день весенний Джемшида и в праздник Седе,
Неуемный огонь прославляли везде —

Весенний день Джемшида — день весеннего равноденствия — 21 марта европейского календаря, первый день древнего Нового года; праздник Седе — древнеиранский зороастрийский праздник, отмечающийся десятого числа месяца бахмана, что соответствует 1 января нашего календаря. Во время этих праздников, длившихся несколько дней, всюду зажигались огни, пылали костры, факелы, исполнялись танцы и связанные с культом огня магические обряды.

Но когда лишь одна жемчужовая нить
Захотела собою весь мир осенить —

Т. е. когда вера Искендера в единого бога захотела озарить собой весь мир.

Царь вселл всем невестам, как им и пристало,
Правы магов отринув, надеть покрывало —

Ношение женщинами покрывала введено не исламом, оно существовало еще в Ассирии три тысячи лет назад. В древнем Иране этот обычай существовал частично, что было связано с ритуальными соображениями. Дело в том, что женщины были хранительницами домашнего очага, огонь олицетворял собой бога, и, чтобы не осквернять его своим «нечистым» дыханием, они носили особые ритуальные повязки. Как сообщают источники, среди зороастрийского жречества процветало распутство. Так, пользуясь правом первой «святой» ночи вступающих в брак девушек, жрецы превращали свои храмы огня в рассадники разврата. Намекая в тексте на это обстоятельство, поэт подчеркивает, что Искендер, разрушив храмы, восстановил нравственность.

Чтоб, склонясь к авраамовой вере, они
Месяц с солнцем забыли на вечные дни —

По преданию, Авраам (см. Ибрахим) раньше других пророков уверовал в единого бога. Таким образом, точно не определяя религии Искендера, поэт всюду подчеркивает его монотеизм. Смысл бейта: Искендер склонил иранцев к единобожию, заставив их отречься от поклонения луне, солнцу и другим светилам, словом, отречься от язычества.

Нам поведал об этом великий певец —

Имеется в виду великий персидско-таджикский поэт Фирдоуси, автор «Шах-наме».

Старый хлопок ты вынь из ушей, иль мой сказ
Явнт рваную ветошь, — не светлый атлас —

Т. е. старые рассказы об этом выкинь из головы, иначе прелесть моей повести останется тебе недоступной.

Посетил Азурбадакан по совету
Своих знатных вельмож. И в пример всему свету
Он огонь погасал, он смывал письма —

Главные храмы огня, например, Азергушасп, находились на территории Азербайджана, т. е. Азербайджана (Азербайджан — арабская форма Азербайгана), ибо обилие газа с естественными выходами, нефти и красной серы позволяло всюду строить храмы огня. Исторический Александр не посещал Азербайджан и не завоевывал его, Азербайджан был одной из крупных сатрапий Ахеменидского государства и правил им Атропат («главный хранитель огня»). По приказу Александра на территории Азербайджана действительно были разрушены Азергушасп и другие крупные храмы огня.

Был тут некий огонь, а вокруг него камень.
«Худи-суз» в народе звался этот камень —

Худи-суз — самогорящий. Под этим названием в народе был известен знаменитый храм огня Азергушасп, находившийся на территории Южного Азербайджана. Постоянный огонь в этом храме поддерживался естественным газом, за что и получила название «самогорящий».

В Исфакане был храм, и китайский узор
Покрывал его стены и радовал взор —

Вокруг Исфакана, одного из древнейших культурных и экономических центров Ирана, действительно, находились многочисленные капища огнепоклонников. Некоторые храмы огня дожили до наших дней, в одном из них до сих пор совершаются службы зороастрийцев.

И Азар-Хумаюн тут увидела сразу,
Что стекло ее лжи поддается алмазу —

Т. е. Булинас алмазом своего ума разрежет стекло ее лжи, раскроет ее обман.

Прозорливый мудрец властной силою знания
Побеждая, сковал все ее заклинанья —

Булинас — сокращенная форма имени ученого и философа из Малой Азии Аполокиуса (Аполлония) Тианского (I в.). Он долго странствовал по восточным странам, занимался «магическими науками» и прославился как искусный маг-чародей. Среди древнеиранских хранителей огня широко культивировалась магия. Соединяя Аполлония Тианского и зороастрийскую магию, Низами, не придерживаясь буквы истории, верно улавливает историческую перспективу.

Взял он горстку судаба и бросил в дракона —

Судаб — разновидность руты, семена которой, по поверью, разрушали чары.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ ИСКЕНДЕРА С РОУШЕНЕК

И припомнил он тут о гареме царевом —

Т. е. о гареме, о женской половине дворца Дария.

И в гарем он все это отправил затем,
Чтоб не черным, а красным казался гарем —

Он отправил драгоценные подарки в гарем, чтобы его обитательницы забыли о скорби и печали, радовались. Красный цвет в произведениях Низами — цвет радости, а черный — цвет печали.

Всю страну, что была так недавно утрюма,
Шелк Хорезма одел с алтабасом из Рума —

Т. е. вся страна оделась в хорезмский шелк и атлас Малой Азии.

Всюду сахар сжигали, сжигая алоэ,
Но сгорало и сердце завистников злое —

Сжигая в курильницах алойное благовонное дерево, туда сыпали сахар, чтобы оно лучше горело и благоухало. При виде грандиозного праздника и торжества Искендера, его недоброжелатели сгорали от зависти.

Черный мускус таразский — пришел его срок —
Развязал свой мешочек. День первый истек —

Черный мускус добывали из желёз мускусных кабарог, которые водились в Таразе (см.) и других районах Средней Азии. Здесь речь идет о наступлении ночи, чернота и благоухание которой сравниваются с мускусом.

Царь проснулся, и сердце его опьянело,
Колокольчиком русов оно завенело —

Здесь имеются в виду колокола православных церквей на Руси, о которой у Низами были обширные сведения. Поэт в родном городе, вероятно, часто общался с русскими купцами, которые были основными поставщиками пушнины на азербайджанские рынки.

Разорвав ожерелье дневного светила,
Мгла вечерняя яхонт в ладони схватила,
Буисхакскою все же пленясь бирюзой,
За него отдала она пламенный свой —

Яхонт — умирающая вечерняя заря, Буисхакская бирюза — бирюза из россыдей Бу-Исхака около г. Нишапура, в северо-восточном Иране, которая славилась своим необычайно приятным цветом. Смысл бейта: Вечерняя мгла, разорвав ожерелье солнечного света, окутала умирающую зарю, после исчезновения которой небо обрело бирюзовую окраску, за что оно отдало светильник (пламенный) — зарю.

И велел привести он прекрасную в сад
С той, что в сад облекла эту розу услад —

Т. е. он велел привести в сад прекрасную, словно розу услад. Роушенек и ее мать, которая родила и воспитала ее прекрасной, как сад роз.

Коль другому на сердце подаришь права, —
Пояс царский украсит его голова —

Мать внушает Роушенек, что если она изменит Искендеру и полюбит другого, то его отрезанная голова будет висеть, словно охотничий трофей, на поясе царя.

Стал светлей он от Светлой —

Как отмечалось, имя Роушенек буквально значит «светлая». Здесь и далее поэт обыгрывает это значение.

И над черным Хабешем смеялся Хотан —

Т. е. когда светлая, словно жители Хотана (см.), утренняя заря одержала победу над черной, словно жители Хабеша (см.), мглой ночи и рассеяла ее тьму.

Царь семи областей в кушаке —

По средневековым географическим представлениям земной шар состоял из семи поясов, и таким образом в тексте имеется в виду царь всей земли.

ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ ИСКЕНДЕРА В СТОЛИЦЕ ИСТАХРЕ

Не успел еще меч всю страну одолеть,
Как уже ударяет разумная плеть —

Плеть здесь символизирует орудие правопорядка, законности и правосудия. Смысл бейта: Не успев завершить завоевание вашей страны своим мечом, я начал наводить в стране порядок, восстанавливать законность и творить правосудие.

Не хотелось молчать хитрецу и глупцу:
«Украшенья, о царь, не нужны мудрецу.
Украшенья в душе у тебя заблестело.
Для чего ж украшаешь непрочное тело?» —

В этих строках содержатся отзвуки обвинений, выдвигавшихся многими античными авторами против Александра Македонского. Так, Плутарх подробно пишет о том, что Александр после завоевания Ирана возгордился,

стал презирать обычаи своих соотечественников, оделся в пышные персидские царские одежды, украшал себя драгоценными камнями, обезглавил нескольких знаменитых полководцев, осуждавших его поведение. Низами с помощью остроумных ответов оправдывает своего героя.

ПОХОД ИСКЕНДЕРА НА ЗАПАД И ПОСЕЩЕНИЕ КААБЫ

Добывает он ключ из песка и камней,
Есть железо меж круч из песка и камней —

Когда человека постигает несчастье, он становится беспомощным и начинает искать помощи от гадающих на песке, думая, что ключ от бедствия кроется в песке и камнях, в которых заключено железо.

Он явиться в прекрасной Каабе хотел,
Он предвидел: высок её станет удел —

Кааба (Ка'ба) — главная святыня ислама, к которой совершают паломничество и в сторону которой обращаются во время молитвы мусульмане, существует с незапамятных времен. Кааба, где хранится священный монолит — черный камень, служила местом паломничества еще задолго до появления ислама (начало VII в.), когда в Аравии еще господствовали язычество, идолопоклонство и т. д. Искендер, будучи монотеистом, но не мусульманином, обладая пророческим даром, предвидит, что «удел Каабы станет высоким», что появится монотеистическая религия — ислам и Кааба станет основной святыней мусульман. Он совершает паломничество в Каабу, выполняет обряды, которые впоследствии стали совершать мусульмане, как бы предвосхищая возникновение истинной веры — мусульманства. Здесь Низами делает уступки требованиям своего века.

И прислал Азурбадакана глава
К Искендеру гонца —

Т. е. правитель Азербайджана прислал к Искендеру посла.

Почему ты забыл об армянской земле?
Почему пребывать ей в неправде и зле? —

В Армении середины IV в. официальной религией был зороастризм и в Ереване на месте нынешней главной церкви Эчмиадзина находился храм огня. Во второй половине IV в. под натиском Византии армяне приняли григорианский толк христианства.

Есть в Абхазии курд; он из племени Ада.
Многомогущий Рустам не имел бы с ним слады —

В своих произведениях под Абхазом (Абхазией) Низами имеет в виду Грузию. Племя Ада, по коранической легенде, гигантский народ, который был истреблен аллахом за неповиновение его пророкам. Смысл бейта: В Грузии владычествует богатырь — курд Дувал из племени Ада, он настолько силен, что с ним не справился бы даже великий витязь Рустам (см.)

ПОВЕСТВОВАНИЕ О НУШАБЕ

Там земля плодородней долины Эдема,
«Белый сад» переполнен цветами Ирема —

Т. е. в Берде (см.), древней столице Аррана, одной из основных исторических областей Азербайджана, земля была плодородней райской долины, а «Белый сад», который когда-то славился на всем Востоке, был переполнен цветами прекраснейшего сада Ирема (см.), который якобы был земным подобием райского сада.

Разум зоркой владычицы с мудростью дружен,
А по крови она чище лучших жемчужин —

Во второй строке обыгрывается омонимия слова «гоухар», которое значит: 1. род, сущность, природа и 2. жемчужина. Смысл бейта: Царица Нушабе была мудрой, а природа ее была чище чистого белого жемчуга.

Сумрак ночи — Шедиз над горами большими
Был подкован подковами дня золотыми —

Шедиз — легендарный черный конь Хосрова Парвиза, героя второй поэмы Низами «Хосров и Ширин». Смысл бейта: Когда умчалась ночь и наступило утро.

И свой тронный покой Нушабе осветила,
Путь запретный она в золотой обратила —

Т. е. Нушабе усыпала дорогу, по которой никто из мужчин не осмелелся бы пройти, золотом и устала золотоканьями коврами.

Вадумал солнечный свет он замазывать глиной —

Содержание этого стиха представляет поговорку, которая значит: заниматься пустым, бессмысленным делом. Иными словами, Искендер пытался прибегнуть к неуклюжему обману.

Если ж я, поведа ратоборства игру,
Одолею тебя, я ведь шаха запру —

Если бы я враждебно отнеслась к тебе, то сейчас я заперла бы тебя, как запирают короля в шахматной игре.

Потому лишь игра мучит сердце любое,
Что два шаха в игре и соперников двое —

В качестве убедительного довода в пользу своего утверждения о том, что «Будь хоть каменным трон — никогда двух всевластных (т. е. царей) не выдержит он», мост ссылается на шахматную игру.

Хоть пропал золотой полыхающий шар,
Но серебряных шариков реял пожар —

Хотя солнце исчезло, зато взошли звезды и наполнили небосвод ярким светом.

Лишь лепешки одной не нашлось на столе —
Той, что в небе пылая, светила земле —

На столе были все существующие в мире яства, но не было только солнца.

Исцелит наши души столетний коралл —

Т. е. лишь столетнее красное, как коралл, вино сможет разогнать наши житейские печали.

Коль мы прах напоим ценной амброй вина, —
Для мытья головы станет глина годна —

В средние века особые сорта глины употреблялись вместо мыла, и перед тем как мыться ею, ее смачивали. Бейт двусмыслен. Одно значение его: Мы смочим глину земную вином, благоухающим словно мускус, а потом помоем ею свои головы. Другое, скрытое значение: Перед тем как покинуть этот мир и уйти под землю, мы намочим ее мускусным вином, чтобы глина благоухала для нас на том свете.

В пламень бросить подкову: хорошая мера,
Чтоб, колдуя, любовью зажечь Искендера! —

Подкову клали в огонь как приворотное средство, чтобы вызвать у возлюбленного или возлюбленной страсть. Смысл бейта: Красавицы пускали в ход все свои прелести и всячески старались, чтобы увлечь Искендера.

По лазури багрянец прошел полосой,
Черный соболь нежданно стал рыжей лисой —

Т. е. на небе появилась заря, темная ночь сменилась лучезарным утром.

И запели пери. Им казалось, что пьян
И любовью и солнцем обильный Михрган —

Пери, красивые, как фен, пели словно во время Михргана — древнего праздника, отмечавшегося после сбора урожая осенью.

ИСКЕНДЕР ДАЕТ ПРОЩАЛЬНЫЙ ПИР НУШАБЕ И РАЗМЫШЛЯЕТ О НОВОМ ПОХОДЕ

В новогодние дни, в праздник Джема — Новруз,
Мигом сбросила радость всех горестей груз —

Новруз — праздник нового года, отмечаемый и поныне в день весеннего равноденствия — 21 марта. Этот праздник, по преданию, был установлен мифическим древнеиранским царем Джемшидом (Джем — сокращенная форма).

Солнце греет шатер, а снаружи — прохлада,
Зла земля, а подушка Джемшида — услада —

Здесь под Джемшидом имеется в виду Искендер. Иными словами: Хотя весеннее солнце сияло, но еще было холодно, земля была «зла» — скована льдом, а внутри шатра Искендеру было тепло меж подушек.

Водолею промолвило Солнце: «Уйду», —
И нашло оно Рыб в их небесном пруду —

Т. е. описываемое событие (пир Искендера) происходило в то время года, когда Солнце покинуло знак Водолея (с 21 января по 21 февраля) и перешло в знак Рыб (с 21 февраля по 21 марта), иными словами в начале весны.

И в дирхемах серебряных склоны нагорий,
Словно рыб чешуя, в ледяном их узоре —

Дирхемы (драхмы) — серебряные монеты, с которыми сравнивается нарастающий снег на вершинах и склонах гор, а также чешуя замороженных рыб.

Нет! Индусский колдун, взяв ячменные зерна,
В огневые снопы обрадал их проворно —

По поверью, идусские колдуны колдовали на ячменных зернах, выдержанных в шафранном настое. Смысл бейта: Горящий уголь был словно индий-

ский колдун, который сжигал свои ячменные зерна с шафраном, чтобы околдовать людей.

Негры с мускусом шли из их черного края,
На песок золотой черной мускус меняя —

Негры с мускусом — черные угли; песок золотой — пламя, огонь.

В табархун обратился внесезный эбен —

Табархун — ива пурпуровая, эбен — черное прочное дерево. Здесь эбен сравнивается с угольями, а ярко-красный табархун — с пламенем.

Славянин и китаец довольны не оба ль?
Этот — принял буртас, тот — лоснящийся соболя —

Перевод далек от оригинала, где буквально сказано: Славянин стремительно нападал на китайца, превращая соболя в красный буртасский шелк. Славянин — красный огонь, китаец — мангал, в котором пылали угли, соболя — угли, буртасский красный шелк — пламя.

Этот новый Джемшид за здоровье Луны
Выпил несколько чаш —

Т. е. Искендер выпил несколько чаш за здоровье Нушабе.

Синджабийцев скрутив, опрокинув их стан,
Я на деньги славян свой поставлю чекан —

Синджабийцы — буквально: одетые в беличий мех. Под синджабийцами подразумеваются буртасы (см.), которые носили беличий шапки и шубы. Их не следует путать с курдами, жившими в Иране в районе Кирманшаха, которых тоже называют синджаб. Смысл бейта: Я опрокину стан буртасов — союзников славян и буду чеканить в странах славян монеты со своим именем.

Полюбуюсь я морем Хазарским —

Хазарское море — Каспийское море; было названо так по имени хазаров — союза племен тюркского происхождения, которые создали мощную и обширную империю, простиравшуюся от западных берегов Каспия до Черного моря. Хазарское государство просуществовало с IV в. до середины XI в. Хазары поддерживали тесные связи с Киевской Русью.

ИСКЕНДЕР ЗАВОЕВЫВАЕТ ДЕРБЕНТСКИЙ ЗАМОК
ПРИ ПОМОЩИ МОЛИТВЫ ОТЩЕЛЬНИКА

Царь завидел Альбурз, его взгорный изгиб.
В каждом округе был им оставлен наиб —

Альбурз — Альбурзский хребет, огибающий южный берег Каспийского моря. У подножия его высшей точки, угасшего вулкана Демаванд, был расположен исторический город Рей (около современного Тегерана). Наиб — здесь заместитель, наместник. Смысл бейта: Оставив своих наместников в завоеванных областях, он направился в путь и, наконец, в дали показали изгибы Альбурзского хребта.

Между скал, под навесом их тесного стана,
Словно лев многомогущий, он шел из Ширвана —

Ширван — одно из основных княжеств в Азербайджане (см.). Это название при желании можно толковать как «страна львов». В бейте обыгрывается это значение и поэт говорит: Искендер шел из страны львов подобно многомогущему льву.

И в пути, что ему даровал небосвод,
Должен был миновать он дербентский проход —

Дербентская крепость была построена по приказу иранского царя из династии Сасанидов Хасровом Ануширваном (531 — 579), чтобы защитить внутренние районы закавказских владений от хазаров (см.). С большим трудом временно приостановив нашествие хазаров, персы приступили в 30-х годах VI в. к сооружению Дербентской стены и крепости. Анализируя описание Дербентской стены и крепости в «Искендер-наме», еще раз можно убедиться, насколько тщательно Низами воспроизводил детали изображаемых им исторических памятников.

Око солнца ресницы покрыло сурьмою.
Был алмаз поглощен моря синего мглою —

Т. е. лучи солнца скрылись под черными, словно сурьма, сумерками и синий небосвод проглотил солнце.

И спросил он, меж ярких огней Новбехара,
У бесстрашных, чья смелость бессменна и яра —

Слово «Новбехар» (правильнее Ноубехар) значит новая весна. Однако в действительности здесь имеется в виду буддийский храм в городе Балхе (см.) «Новый Вихар», который был искусно расписан, роскошно убран и изобилует великолепными статуями разных богов. В храме постоянно горе-

ли многочисленные светильники. Смысл бейта: Лагерь был расположен в местности, красотой напоминавшей храм «Новый Вихар», а факелами и кострами — его светильники. Вот в такой обстановке Искендер обратился к своим полководцам.

Венценосный! Под сводом замшелым и серым
Я индийцем стою пред царем Искендером! —

Отшельник говорит, что он готов служить Искендеру, как индийский раб.

Сделай стену из камня, чтоб жизни хазар
Не грозила со степей за ударом удар —

Из бейта явствует, что в этом эпизоде описываются события второй половины VII в. Дело в том, что хазары захватили Дербент в 30-х годах VII в., а кыпчаки — одна из крупнейших народностей тюркского происхождения — начали совершать набеги на крупные хазарские города, которые были расположены на территории современного Дагестана, начиная с VII в.

ИСКЕНДЕР ПРОНИКАЕТ В ПЕЩЕРУ КЕЙ-ХОСРОВА

Глава эта посвящена славословию атабека Абу-Бакра Нусрат ад-Дина Биш-кина, правителя Азербайджана и Персидского Ирака.

О завещанный нам венценосным отцом! —

Имеется в виду отец Абу-Бакра Нусрат ад-Дина Мухаммед Джахан-Пахлаван (1175 — 1186), который стал фактическим «венценосным» правителем не только Азербайджана, но и всего Персидского Ирака.

Прочь ушел кипарис. Нет царя Ахсатана!
Так цветы всем цветением крепкого стана —

Ахсатан, правитель Ширвана (ширваншах), сын Манучихра и Тамары, дочери грузинского царя Давида-строителя (ум. 1125), опираясь на союз с Грузией, постоянно соперничал и враждовал с атабеком Нусрат ад-Дином и его отцом Мухаммедом Джахан-Пахлаваном. Ахсатан умер в 1196/7 гг. Из этого явствует, что Низами приступил к написанию поэмы после 1196/7 гг.

Пусть, ко мне снисходя, дал мне силу и вес
И вознес он меня до высоких небес,
Оценил ты меня еще выше —

Низами по просьбе ширваншаха Ахсатана в 1188 г. написал свою знаменитую поэму «Лейли и Меджнун». Как явствует из этих строк, Ахсатан за эту поэму «высоко вознес» поэта. Но здесь, обращаясь к Нусрат ад-Дину, он говорит, что тот еще выше оценил его. Однако до этого Низами не посвящал ему специальной поэмы, а адресовал ему лишь отдельные касыды, в которых призывал его к защите родины от нападений соседних государств.

Знал о ней Кей-Хосров — был он сведущ без меры —
И укрыл камень мудрости в пламени серы —

Сера — один из компонентов так называемого «Философского камня» алхимиков, с помощью которого неблагородные металлы якобы можно было превращать в золото. Здесь под «камнем мудрости», т. е. философским камнем, имеется в виду телесная оболочка Кей-Хосрова. Поэт дает реалистическое объяснение исчезновению Кей-Хосрова, утверждая, что тот не исчез чудесным образом, а просто упал в горящую серу и сгорел. Некоторые специалисты полагают, что это рациональное толкование мистического исчезновения Кей-Хосрова у Низами связано с легендой о древнегреческом философе Эмпедокле (V в. до н. э.), который, чтобы «приобщиться к вечности», якобы бросился в Этну.

Лишь павлин отобрал у блестящей Хумы
Белоснежную кость, — мир исполнился тьмы —

Павлин — небосвод, Хума (см.) — солнце, белоснежная кость — белый свет. Сравнение белого света с белоснежной костью продиктовано тем, что, по поверью, Хума на недоступных снежных вершинах питается лишь костями, не трогая живых существ и растений. Смысл бейта: Как только солнце скрылось за горизонтом, наступила ночная мгла.

ПОХОД ИСКЕНДЕРА В РЕИ И ХОРАСАН

Если радостен ты, не вкушая шафрана, —
Разбросай свой шафран — яд смертельный дурмана —

Здесь, намекая на свойство шафрана поднимать общий тонус, вызывать радость и смех, поэт подразумевает под ним вино. Смысл бейта: Если ты можешь радоваться и веселиться без вина, то не стоит пить его, ибо вино — отравя.

Прирожденный мелик, преисполненный чести —

Мелик — царь, правитель; прирожденный мелик — наследственный царь, правитель.

От границ Нишапура до балхской земли
Перед ним свою желчь изливают они —

Т. е. восстание сторонников бунтаря, объявившего себя потомком древнеиранского легендарного царя Кей-Кавуса, распространилось от города Нишапура в северо-восточном Иране до Балха, расположенного в северной части Афганистана.

Укрепляются смуты, растут в своей злости,
Наконечником стрел волчьей делая кости —

По поверью, волчьи кости ядовиты, и поэтому наконечники стрел, изготовленные из волчьей кости, наносят смертельные раны.

Если ж с быстрого сокола снимешь ремень,
Куропатка увидит последний свой день —

Во время соколиной охоты охотники держали соколов на специальных ремнях, прикрепленных к большому пальцу левой руки. Смысл бейта: Если ты на своем скакуне прилетишь быстро сюда, то враг твой, пока он не окреп, будет повержен.

Мне напомнила весть про забавную кражу:
У индийца индеец похитил поклажу —

Под индийцем здесь аллегорически подразумевается грабитель, вор. Искендер, таким образом, сравнивает себя с грабителем, захватившим Иран, и хочет сказать: забавно, мою добычу хочет отнять другой разбойник.

Вдоль побережья реки царь направил войска,
Извивалась река, извивалась река —

В оригинале вместо реки стоит «море». Иными словами, Искендер двигался в Рей вдоль западного побережья Каспийского моря.

Венценосный, зашедший в далекую даль,
Вдел чело своей славы в стозвездный хальхаль —

В прежних изданиях слово «хальхаль» понято неправильно и объяснено как «золотая цепь, которую восточные женщины надевают на ногу». В действительности Хальхаль — один из древнейших городов, расположенный в восточном Азербайджане, в западной части старинной области Гилян, существует по настоящее время. Смысл бейта: Венценосный Искендер, преодолев огромное расстояние, вступил в Хальхаль.

И на нем он воздвиг горделивое аданье,
По названью «Шары». Сохранилось преданье,

Что сверкало оно, сея в недругах страх,
В золотых и серебряных гладких шарах —

Здесь перевод далек от оригинала. В стихах речь идет о постройке Искендером города Хери-Герата, одного из древнейших культурных и экономических центров Хорасана, который ныне является вторым по величине городом Афганистана. В стихе поэт обыгрывает неполную омонимию слов Хери-Герат и «харра» — украшение, убранство; в оригинале ничего не говорится о каких-либо шарах.

Жить в нем станет вражда до трубы Исафила! —

Т. е. в нем будет жить вражда до судного дня.

ИСКЕНДЕР НАПРАВЛЯЕТСЯ В ИНДИЮ

Дай мне снадобья, кравчий, чтоб медь моя стала
«Красным львом», — чтоб всезнаньем она заблестала —

В оригинале читаем: «Дай мне красное вино, чтобы я сделал его своим снадобьем и чтобы свою медь алхимией превратил в золото». Смысл бейта: Подай мне золотистого вина, подобного «красной сере», чтобы этим снадобьем я превратил свою медную теслесную оболочку в золотую, т. е. изгнал печаль из души.

ПИСЬМО ИСКЕНДЕРА КЕЙДУ

А когда пред царем появилась, блистая,
Индианка, — он молвил: «Она — из Китая!» —

Здесь, как и выше, под Китаем подразумевается Китайский Туркестан, тюрчанки которого славилась белизной кожи и служили символом красоты. Смысл бейта: Индианка была так белолица и белокожа, что Искендер решил, что она не из Индии, жители которой смуглы, а из Туркестана.

Стал румнец индийцем — пред сей индианкой —

Т. е. Искендер стал черным рабом перед индианкой.

ПОХОД ИСКЕНДЕРА ИЗ ИНДИИ В КИТАЙ

В аргаван обрати мою желтую розу —

Т. е. сделай мои поблекшие ланиты алыми, словно пурпурный аргаван (см.).

Вновь я счастье узнал, — так звучи же мой сказ!
Чтоб на сазе сыграть, вновь настроил я саз —

Вторая строка переведена неправильно. В оригинале сказано: «Заставляю-щий меня играть на этом сазе снова настроил его». Здесь подразумевается заказчик поэмы, правитель Азербайджана Абу-Бакр Нусрат ад-Дин Бишкки. Смысл бейта: Я был осчастливлен вниманием заказчика поэмы, который обласкал меня, настроил мой саз и обнадежил обещаниями, чтобы я продолжил поэму и закончил ее.

Сотни мускусных мчались газелей —

Самые породистые мускусные кабарги водились в Восточном (Китайском) Туркестане.

Лишь китайское зеркало все облака
Озарило, — в Китай царь направил войска —

Т. е. когда взошло солнце и наступило утро, Искендер направился в Китайский Туркестан.

И про слезы оленей, убитых царем,
Каждый думал: весь мир мы от яда спасем —

Т. е. вспоминая про слезы убитых оленей, каждый утешал себя тем, что с помощью целебного мускуса, добытого из их желез, можно исцелить всех больных в мире.

В скорби тюрк лучезарный оставил свой замок,
Свет невесты-дуны вновь прославил свой замок —

Тюрк — солнце. Смысл бейта: Светолицое, словно тюрк, солнце печально покинуло свой замок (четвертую сферу небосвода) и взошла луна.

Ночь, тоскуя о тюрке индийской женой,
Разбросала ячмень над равниной земной —

Смутная ночь, словно индийская жена, тоскуя о своем муже тюрке (солнце), начала привораживать его с помощью настоянных на шафранном соку ячменных зерен, которые использовались как приворотное средство индийскими чародеями. Здесь под ячменными зернами имеются в виду звезды.

Госпожа из Ягмы, вся в огне покрывала,
Свой халлухский шатер покидая, предстала —

Ягма, Халлух — города в Китайском Туркестане, жители которых отличались белизной лица и красотой. Госпожа из Ягмы — солнце.

ПИСЬМО ИСКЕНДЕРА КИТАЙСКОМУ ХАКАНУ

Почему ты страшись и в страхе немалом
Ставишь войско свое искендеровым валом? —

Под «искендеровым валом» имеется в виду Великая китайская стена, с постройке которой в дальнейшем пойдет речь.

ХАКАН ОТВЕЧАЕТ НА ПИСЬМО ИСКЕНДЕРА И НАПРАВЛЯЕТСЯ К НЕМУ ПОД ВИДОМ ПОСЛА

Встань, мой страж, одного я желаю, поверь:
Я хочу, чтоб ты крепко замкнул эту дверь —

В этом и последующих бейтах, написанных поэтом в весьма грустном настроении, он просит своего стража (слугу) — того, кто смотрел за ним, встать, запереть дверь и уйти, ибо он хочет остаться совсем один, ибо он свыкся с одиночеством и никого не хочет видеть. Но затем он раскаивается в сказанных словах и говорит, что его двери перед всеми открыты.

Лик закрыв покрывалом, я завтра не гляну
На жилище мое и направляюсь к Гилян —

Слово «гилян» здесь употреблено не в своем обычном смысле — названия области в Иране — а в лексическом значении: «глина», «прах». Смысл бейта: Я завтра, закрыв лицо саваном, отправлюсь в могилу.

Тот правитель, чей пращур был Афрасиаб,
Увидав, что румийский дракон не ослаб —

Афрасиаб считался патриархом, родоначальником тюрков и их первым великим царем. Смысл бейта: Хакан Китайского Туркестана, который был потомком Афрасиаба, увидев, что дракон на знамени румийца Искендера по-прежнему силен, понял, что его страна в опасности.

Наподобие стрел заостренные строки —

Поэт намекает на то, что письмо хакана писалось древнетюркским алфавитом.

Спешься! Виден дракон, — как его перевозмочь?
Твоя сказка длинна, да не длительна ночь —

Дракон — смерть, ночь — жизнь. Хакан советует Искендеру сойти с боевого коня: хватит продолжать бессмысленные походы и завоевания, не нужно забывать, что жизнь коротка и впереди всех подстерегает смерть.

Пред собою колец много зришь ты в ушах,
Я — с кольцом пред тобой. Рано гневаться, шах! —

В средние века рабы носили специальные металлические кольца в ушах; отсюда «человек с кольцом в ушах» — раб. Смысл бейта: Много повелителей служат тебе рабами, я тоже готов служить тебе рабом.

И с прикрытого тканью не сбросил я ткань —

Т. е. не разоблачил тебя, не скажу своим, что ты — хакан.

Если хочешь добыть ты китайский престол
И туранский венец, я — твой раб, я пришел —

Туран — традиционное, введенное Фирдоуси в поэзию географическое название, обозначающее страну тюрков, синоним Туркестана, точнее Восточного Туркестана. Смысл бейта: Если хочешь получить престол и венец правителя Китайского Туркестана, то я готов предложить их тебе.

Пояс битвы откинь, не бросайся на Чин,
Ведь кафтан, сжатый поясом, полон морщин —

Здесь поэт обыгрывает омонимно слова «чин», которое значит: 1. Китайский Туркестан и 2. морщины, складки. Слово «кафтан» употреблено здесь в значении «судьба боя», «исход сражения». Смысл бейта: Ты лучше брось мысли о войне, ибо исход ее не всегда можно предвидеть, судьба сражения зависит от многих обстоятельств, оно может кончиться и не в твою пользу.

И когда тюркский вождь, весь от счастья горя,
Столько блага нашел у престола царя —

Как явствует еще раз из этого бейта, говоря Чин, т. е. Китай, Низами имел в виду всюду Китайский Туркестан, тюрков и их вождя-хакана.

Искендер, услышав, что грозит ему Чин,
Затянулся, чтоб шелк весь был полон морщин —

Здесь опять обыгрывается омонимия слова «Чин» (см. выше). Шелк — имеется в виду шелк под кольчугой, кольчуга. Смысл бейта: Искендер решил, что войска хакана угрожают ему и привел свою кольчугу в боевую готовность.

СОСТЯЗАНИЕ РУМСКОГО ХУДОЖНИКА С ХУДОЖНИКОМ КИТАЙСКИМ

... Волхвованьем владея, —
Так воскликнула второй, — может брать Вавилон
Пораженных людей в свой волшебный полон —

Содержание оригинала передано неточно. В тексте говорится о том, что «несчастных людей в Вавилоне жестоко заколдовывают», имея в виду падших ангелов Харута и Марута (см.).

Только живопись Рума известна повсюду —

Под живописью Рума имеется в виду вся античная живопись греков, римлян, а также византийская.

«Нет, о друг живописцев! На этом не стой,
Лишь в Китае художники», — молвила шестой —

Здесь опять-таки имеется в виду живопись жителей Китайского Туркестана, буддийские храмы которых искусно расписывались и украшались изваяниями Будды. Искусство живописи было также высоко развито у манихеев, нашедших приют в Туркестане.

РАССКАЗ О ХУДОЖНИКЕ МАНИ. ПРЕБЫВАНИЕ ИСКЕНДЕРА В КИТАЕ

Я слышал, что из Рея в далекие дни
Шел в Китай проповедовать дивный Мани —

Имеется в виду основоположник манихизма (см. Мани) Мани, сын Фатака (215 — 276), который в сороковых годах III в. н. э., преследуемый зороастрийским жречеством, покинул Иран и отправился в Китайский Туркестан. Там он развернул кипучую деятельность и вскоре проповедуемая им религия была принята многими жителями Туркестана. По легенде, Мани был искусным художником. Для наглядной проповеди своей религии среди простых, неграмотных людей он иллюстрировал свои книги великолепными рисунками (см. Аржанг).

Но стопа твоя всюду ль уже побывала?
А ведь ты всем народам, всем царствам — кыбла —

Кыбла — направление в сторону священного города Мекки, куда мусульмане обращаются лицом во время молитвы; метафорически кыбла обозна-

чает важную особу, перед которой преклоняются. Смысл бейта: Ты еще не всюду побыл, а все народы ждут тебя и преклоняются перед тобой.

Если царь одаряет кого-либо саном,
Должен тот пребывать с препоясанным станом —

В древности царские слуги носили специальные кушаки, свидетельствовавшие об их принадлежности царской особе. В дальнейшем сложный глагол «завязывать пояс», «опоясаться», «препоясаться» стал синонимом ревнивого служения кому-либо. Смысл бейта: Если царь жалует кому-нибудь высокий сан, тот должен постоянно ревниво служить ему.

Искендер для Китая стал тучею. Нужен
Влажной тучи навес для рожденья жемчужин —

По поверью, жемчужины образуются от капель дождя, проникающих через толщу морской воды и попадающих в раковину. Смысл бейта: Искендер сделал для Китая так много добра, оказал такие же благодеяния, какие оказывают дожди весенних туч раковинам на морском дне, способствуя рождению жемчужины.

Скатертям хосроев покрыл он весь Чинь,
На челе у китайцев не стало морщин —

Скатерть — хлеб-соль, еда, пища, хосрой — могущественные иранские цари. Далее повторяется излюбленная игра с омонимией слова «Чинь»: 1. Китайский Туркестан и 2. Морщины, складки, признак скорби и печали.

КИТАЙСКИЙ ХАКАН ПРИНИМАЕТ У СЕБЯ ИСКЕНДЕРА

Будь не тюрком, о тюрк! Мне отрадой повея.
Хоть часок будь со мною, не морща бровей! —

Судя по всему, здесь поэт обращается к своему сыну Мухаммеду, которого и в других местах ласково называет «мой тюрчонок» (во времена Низами азербайджанцев называли тюрками), вкладывая в это понятие самые нежные чувства. К концу жизни поэта его отношения с сыном, видимо, ухудшились, ибо Мухаммед уже был взрослым человеком и, как можно полагать по отдельным высказываниям поэта, вел себя не так, как это хотелось бы отцу. Выражение «будь не тюрком, о тюрк!» означает: «Не капризничай, о тюрк мой». Следует отметить, что в оригинале обращение «о тюрк!» имеет еще определение: «прекрасный, словно картинка Чина», а затем поэт снова обыгрывает омонимию последнего слова («Китайский Туркестан» и «морщинки»). Смысл бейта: О мой прекрасный,

словно туркестанские картинки, тюрк! Не капризничай, приди ко мне, посиди со мной и послушай мои отцовские наставления.

Воссиявши над Светлым, его благодать
Соизволит и мне свои отблески дать —

Перевод вольный, в оригинале сказано: «Если царь, почтив меня, сядет на мой престол, то тем самым он возложит на мою голову венец славы и этим славным венцом прославит меня».

И когда он вступил в драгоценный чертог,
Словно Хызру предстал животворный поток —

Животворный поток — источник живой воды, о котором пойдет речь в дальнейшем.

На бегу он поспешным подобен Пляедам.
Ветер мчится за ним и не в силах быть рядом —

По поводу этого бейта в прежнем издании (Баку, 1953, с. 475) написано следующее: «Пляеды—персонажи древнегреческой мифологии; дочери титана Атласа и океаниды Плейоны. Чтобы спасти их от преследования охотника Орiona, боги превратили их в созвездие Пляяд». Однако следует отметить, что в оригинале вместо «Пляяд» написано «небосвод», который, как известно, является символом постоянного движения и мчащегося времени.

Он коня его наземь бросал, и порою
«Конь» «слона» повергал, этой тешась игрою —

Т. е. подаренный хаканом конь в бою бросал наземь лошадь противника и, подобно тому, как в шахматной игре «конь» повергал «слона» противника, он часто опрокидывал и боевых слонов.

Рок Симурга пред ней мигом делался строг,
И под клювом ее подышал носорог —

Т. е. при виде этого сокола-балабана (иначе, рыжеголового сокола) даже судьба царя птиц Симурга выглядела печальной, а клювом он мог убить даже носорога.

Туганшах ловчих птиц! Имя птицы — Тогрул.
От рассказов о яростной ширился гул —

По поводу этого бейта в прежних изданиях (Баку, 1953, с. 475 и М., 1953, с. 779) в комментариях написано: «Туганшах — имя одного из

сельджукских наместников». Однако поэт здесь употребил эти старотюркские слова в их прямом значении. «Туган» в древнетюркском языке значит «сокол-балабан», рыжеголовый сокол, а «тогрул» — кречет. Таким образом, бейт значит: Птица была соколом, царицей ловчих и звали ее кречетом. Здесь применена поэтическая фигура, которая называется «хид'а» — обман.

Ее локонам сумрак служил потому,
Что служили они разгонявшему тьму —

Разгонявшее тьму — солнцеподобное лицо красавицы.

Нет ни стана стройней! Нет ни дара опасней!
О, Нистандаржихан! Что на свете прекрасней! —

Нистандаржихан буквально значит: «Нет в мире подобной». Поэт обыгрывает лексическое значение этого имени. Следует отметить, что перевод не воспроизводит текста оригинала, где сказано: Рот у нее был настолько маленький, что ты бы сказал: «у нее нет рта».

Приходящим с востока блестящим павлином
Дан был сладостный блеск бирюзовым долинам —

Т. е. когда взошло солнце и засияло над зелеными долинами.

ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИСКЕНДЕРА ИЗ КИТАЯ

Лучше быть неприметным и видеть свой дом,
Чем царить тебе в городе дальнем, чужом —

Этот и предыдущий бейты обращены поэтом к своим современникам — придворным поэтам, которые в поисках высокопоставленных меценатов всю жизнь блуждали по разным странам. Перевод вольный, в оригинале сказано: «Прозывать в бедности в окружении подлецов в своем городе (стране) лучше, чем царствовать в чужих городах (странах)». Эти слова обращены также к тем «доброжелателям» и «друзьям», которые советовали поэту переселиться в Ирак, чтобы завладеть титулом «царя поэтов».

Услыхал Искендер, славный сын Филикусов:
«Поведитель! В Абхазии толпища русов...» —

Здесь поэтом применен прием умышленного смещения во времени исторических событий. Повествуя о вторжении славянских дружин во владения Нушабе, в которые входила Абхазия (т. е. Грузия), поэт сознательно отступает от реальной истории. Дружины русов стали совершать свои

походы в Азербайджан начиная с конца IX в. (88 г.) и продолжали их вплоть до 30-х годов XI в.

И враги всю Дербентскую заняли высь,
И до моря по рекам они добрались —

Как явствует из этих строк, Низами был хорошо осведомлен о походах русов. Самое опустошительное вторжение славянских дружин произошло в 943/4 гг. Они по Волге спустились в Каспийское море на многочисленных судах, затем на лодках поднялись по Куре до местности Муоареки, неподалеку от Берды (История Азербайджана, Баку, 1958, с. 131) и штурмом захватили ее. Укрепившись в древней столице Аррана Берде, русы господствовали над всеми близлежащими областями более шести месяцев. В результате этого и последующих походов Берда была разрушена и прикаспийские области опустошены. Берда так и не оправилась полностью от этих разрушений, и поэтому во второй половине X в. столица Аррана была перенесена в Гянджу.

Если Рус — это Миср, его сделаю Нилом! —

Т. е. если Рус так же силен и могуществен, как Миср (Египет), то все равно я утоплю его в потоках крови, как в Ниле.

ИСКЕНДЕР ПРИБЫВАЕТ В КЫПЧАКСКУЮ СТЕПЬ

Есть две бабочки в мире волшебном: одна
Лучезарно бела, а другая черна —

Под двумя бабочками подразумеваются день и ночь.

Но коль внес ты свой светоч в укромный мой дом, —
Уловаю уловяемых долгим трудом —

Перевод вольный, в оригинале сказано: «Ты освещай эту обитель такой лампадой, которая могла бы опалить этих бабочек». Смысл этого и предыдущих бейтов: Одной из форм существования мира является время в виде дня и ночи. Время не подчиняется нашей воле и не служит нам, вращаясь без устали, оно уничтожит нас, и если ты хочешь господствовать над временем, освети свое пребывание в этой бревенчатой обители, создай такие вечные творения, которые были бы неподвластны ему.

Разостлавший ковёр многоцветного сада —

Т. е. создатель этой красочной повести, сам поэт.

Пересек он широкие степи славян.
Там кыпчакских племен увидал он немало,
Там лицо милых жен серебром заблестало —

Кыпчаки — одна из крупнейших и древних тюркских народностей, которых в России называли «половцами». В XI в. равнины к северу от Кавказского хребта (т. е. почти все южнорусские степи от Волги до Черного моря. — Р. А.) носили название «Кыпчакская степь». Следует отметить, что здесь Низами, очевидно, умышленно переносит действие в родные ему места. Это такой же поэтический прием, как изображения воинов у распятия Христа в костюмах XV—XVI веков на итальянских картинах эпохи Возрождения. Низами таким образом как бы приближает Искендера к себе, своему окружению. Следует отметить, что первая жена Низами была кыпчачка, ее подарил поэту правитель Дербента. О разграблении Берды русами за сто лет до рождения Низами ему было, конечно, хорошо известно по местным преданиям, а о походе русов в Закавказье в 1170 г. он не мог не знать. (Низами. Пять поэм. Вступительная статья и примечания А. Е. Бертельса. М., 1968, с. 840).

Что мужья им и братья! Вся прелесть их лиц
Без покрова, — доступность открытых страниц —

С древнейших времен среди тюркских народов женщины пользовались полной свободой и равными с мужчинами правами. Они принимали активное участие в общественной и хозяйственной жизни, во время войны сражались плечом к плечу с мужчинами, ходили с открытым лицом. Как сообщают источники, кыпчакские женщины после принятия ислама вплоть до второй половины XIV в. сохраняли свою традиционную свободу и не носили чадры. Низами здесь изображает своего героя поборником ислама, хотя дальнейшая логика художественного повествования выносит приговор попыткам Искендера навязать свои обычаи кыпчакам. Когда Искендер приказывает старейшинам кыпчаков: «Женам пристало, чтобы в тайне держало их лик покрывало», — они, мудро возразив, отклоняют его указание.

Он иссек, всех привлекиши к безлюдному месту.
Из прекрасного черного камня невесту.
Он чадрой беломраморной скрыл ее лик —

Низами хорошо знал о существовании каменных баб, которыми изобиловали кыпчакские степи, об остатках языческих богов и богинь, которым кыпчаки-мусульмане поклонялись по традиции. Об этом ему, конечно, рассказывала его любимая жена Афак, в детстве кочевавшая со своим племенем по Кыпчакской степи, а впоследствии попавшая в плен к правителю Дербента Дарию Сейф ад-Дину Музаффару (1155 — 1170).

ПРИБЫТИЕ ИСКЕНДЕРА В ОБЛАСТЬ РУСОВ

Снова в сад мой влетел соловей. Посмотри:
Вновь на яркий мой свет прилетела перь —

Сад — душа, поэтическое воображение; соловей и перь (фея) — вдохновение.

И когда предводитель всех русов — Кинтал
Пред вельями звезд неизбежными встал —

Во всех известных текстах Низами и их переводах на другие языки вождь дружины носит имя «Кинтал-и Руси». Однако нам удалось установить, что в оригинале было слово «Кинназ-и Руси», что означает «русский князь». Так что всюду в тексте вместо «кинтал» нужно читать «князь».

Лишь по дням да по числам воюют они.
Месяц ждут наступленья, считая все дни —

Т. е. они воюют исходя из предсказаний астрологов, ожидая благоприятного дня и часа; иногда они целый месяц не переходят в наступление, дожидаясь добрых знаков.

Бурнопламенный Фур тотчас съел камфары —

Съел камфару — идиоматическое выражение, эквивалентное идиоме: «Душа его ушла в пятки»; т. е. струсила, смертельно испугался, утратила мужество.

От хазарских высот до Китайского моря
Всюду тюрки, и, нашей гневливости вторя, —
Хоть не сходны в суждениях наши умы, —
Так же к русам враждебны они, как и мы —

Здесь Низами в вымышленную поэтическую канву вводит исторически достоверные факты, относящиеся к VIII — X вв. Под Китайским морем подразумевается Амударья, берега которой были заселены тюркскими народностями. Говоря о хазарских высотах, поэт имеет в виду Дагестан, где находились главные города хазаров — Биланджар и Саламандр. Хазары поддерживали тесные экономические и дипломатические связи с Византийской империей, хотя нередко и воевали с ней. В X в. между хазарами и Киевской Русью существовали мирные, дружеские отношения, но затем они испортились и долгое время Русь и хазары находились в состоянии войны. В данном эпизоде Искендер выступает как бы от имени византийцев и излагает их точку зрения.

ИСКЕНДЕР ВСТУПАЕТ В БОРЕНЬЕ С ПЛЕМЕНАМИ РУСОВ

Продавец жемчугов, к нам явившийся с ними —

Жемчуга — изысканные слова; продавец — сам поэт.

И Платон перед ним не Платон — Филатус —

Филатус — по-видимому, метафорическое имя, обозначающее «трус», «тупой», «ничтожный».

КИНТАЛ-РУС ПОРАЖАЕТ ГИЛЯНСКОГО ВОЖДЯ ЗЕРИВАНДА

От намаза полудня до третьей молитвы
Все притихшие львы уклонялись от битвы —

Намаз полудня — молитва, которую совершают мусульмане в полдень; третья молитва — молитва, совершаемая примерно в 5 часов после полудня. Иными словами, войны уклонялись от битвы после полудня до наступления прохлады.

ДУВАЛ БРОСАЕТСЯ В БОЙ

Жаркий тюрк иль султан, озаряющий дол,
Из Китайского моря на горы взомел —

Т. е. жаркое и прекрасное, словно тюрк, вернее султан тюрков, солнце взшло с Востока, из Китайского моря — Амударьи.

... Он звался Ферендже.
Чтил он жбан, чтил он кровь на булатном ноже —

Ферендже — искаженное переписчиками европейско-славянское имя Франче, т. е. Франко. Эти имена Низами заимствовал у русских, с которыми он, без сомнения, общался в родной Гяндже.

Появился подобный упавшей скале
Витязь русов — Джерем; стало тяжко земле —

Джерем — также искаженное переписчиками европейско-славянское имя, у Низами оно звучало как Джером, т. е. «Ерема».

Жаркий рус Джовдере, для которого лев
Был ничтожной овцы —

Джовдере — искаженное переписчиками славянское имя, в подлинном тексте Низами было «Чудра».

ПОЯВЛЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО ВСАДНИКА

Все ж был натиск Тартуса так лют и удал,
Что рассыпался прахом индийский сандал —

Богатыря из Рея звали Хинди, что буквально значит «индус». Обыгрывая лексическое значение имени Хинди, поэт говорит, что от удара Тартуса он рассыпался, словно сандал, привозимый из Индии.

Если б смог я узреть этот спрятанный лик,
Мною спрятанный клад перед ним бы возник —

Т. е. если бы я узнал в лицо и нашел его, то отдал бы ему один из своих многочисленных кладов.

ВТОРОЕ ПОЯВЛЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО ВСАДНИКА

Распростерся алан, как индийский снаряд,
Со стрелою внутри —

Здесь перевод не воспроизводит текста оригинала, где сказано: Он упал, словно индийский колокол, и в его груди торчала стрела, словно подвешенный внутри колокола язык.

РУСЫ ВЫПУСКАЮТ В БОЙ НЕВЕДОМОЕ СУЩЕСТВО

Излагаемая в этом разделе легенда о северном великане восходит к свидетельствам авторов X — XII вв. Так, еще в начале X в. секретарь халифского посольства Ибн-Фадлан в своем «Путешествии на Волгу» подробно описывает этого человека-зверя со слов царя булгаров, у которого якобы тот жил долгое время: «...И вот передо мной этот человек, и вот в нем двенадцать локтей, меряя моими «локтями», голова у него, как самый большой из котлов, нос более четверти, глаза огромны, а пальцы — каждый больше четверти. Случай с ним привел меня в ужас, и овладел мною такой же страх, как и теми людьми. И начал мы говорить с ним, а он не говорил нам ничего, только смотрел на нас. Я доставил его в свое место-пребывание и написал жителям страны Вису (у Низами «Ису», см. «Словарь» — Р. А.), — а они от нас на расстоянии трех месяцев пути, — спрашивая их о нем. Они же написали мне, изведав меня, что этот человек из числа йаджудж и маджудж... Он оставался у меня некоторое время. И бывало, как взглянет на него мальчик, так и умрет, и беременная взглянет и выбросит свой плод. И бывало, если он овладеет человеком, то сжимает его обеими руками, пока не убьет его». Далее Ибн-Фадлан и другие авторы рассказывают, что держали этого великана в цепях, но так как вид его внушал страх и отвращение, пришлось его повесить «на высоком дереве посредством крепкой цепи, пока он не умрет». Ибн-Фадлан

якобы собственными глазами видел останки этого человека-чудовища. «...И я увидел, что голова его подобна большой кадке, и вот ребра его подобны самым большим сухим плодовым веткам пальм, и в таком же роде кости его голени и обе его локтевые кости. Я изумился этому и удалился». (А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 — 922 гг. Харьков, 1956, с. 138 — 139). С небольшими отклонениями эта широко распространенная легенда о людях-великанах изложена у Мас'уди (XI в.) в его «Золотых лугах», у Наджиба Хамадани (XII в.) в книге «Диковинки творения» и т. д. Вводя весьма популярные среди читателей и писателей того времени «диковинки», чудесные истории и легенды в художественную ткань своего повествования, поэт как бы воссоздает окружающую его реальную действительность в исторической перспективе прошлого.

ИСКЕНДЕР ДЕЙСТВУЕТ АРКАНОМ, НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПЛЕННИК ПРИНОСИТ ИСКЕНДЕРУ НИСТАНДАРЖИХАН

Всадник внес крокодила и с пламенем ярим
Устремился к дракону, дыхнувшему жаром —

Т. е. всадник, обнажив меч, бросился на чудовище.

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ ИСКЕНДЕРА С ПЛЕМЕНАМИ РУСОВ

С мощью русов смешалась румийская сила,
Как на лице невесты бакан и белила —

Бакан — минеральная краска красного цвета. В средние века бакан и белила входили в семь основных косметических красок, которые употребляли женщины. Здесь под баканом подразумеваются краснощекие русы, традиционным цветом которых был красный, а под белилами — белолицые румийцы Искендера.

Знамя черное взвив, аббасидская власть
Черным камнем смогла на буртасов упасть —

Здесь перевод не воспроизводит смысла оригинала, где сказано: «Его черного цвета, словно знамени Аббасидов, зонт своим величием как бы камнем разбивал черепа буртасов». Помимо прочего, здесь обыграны неполная омонимия слов «буртас» и «бар тас» — по черепу. У династии Аббасидских халифов (750 — 1258) государственным цветом был черный.

ОСВОБОЖДЕНИЕ НУШАБЕ И ПРИМИРЕНИЕ ИСКЕНДЕРА С КИНТАЛОМ

Не смотри с удивленьем на шкуры сухие,
Это — деньги, и деньги, о царь, неплохие —

Здесь поэт тоже описывает современные ему реалии жизни тогдашней Руси. Дело в том, что на Руси функцию золотых и серебряных монет часто выполняли особым образом обработанные шкуры белки и соболя. Так, еще в начале X в. об этом писал цитированный выше арабский путешественник Ибн-Фадлан, который долгое время наблюдал жизнь и быт русских купцов на Волге: «Дирхемы (см.) русов — серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы, а также соболя. Если чего-либо недостает, то от этого шкурка становится бракованной монетой. Ими они совершают меновые сделки, и отсюда их нельзя вывезти, так что их отдают за товар». (А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 — 922 гг., с. 141 — 142). Об этом писали и современники Низами, и он мог узнать «о ходовой меновой монете у русов» через многочисленных русских купцов, которые были поставщиками пушнина на гянджинском рынке, а также у азербайджанских купцов, которые добирались до самых отдаленных краев Руси.

Он, потупившись, голову бросил овечью
Перед шахом: владел он безмолвня речью —

Здесь речь идет о том, что Искендер хотел одарить северного великана «скровищами и драгоценными материями, но тот отказался и бросил перед Искендером овечью голову, намекая на то, что ему, кроме овец, не нужны никакие богатства. Этот эпизод включен в поэму также из рассказов современных Низами писателей и историков, которые сообщают, что основную пищу этих чудовищ составляли огромные рыбы и баранина.

ИСКЕНДЕР И НИСТАНДАРЖИХАН

Хоть бы ночь провести, кей-кобадствуя в мире! —

Т. е. ты постарайся провести хотя бы одну ночь, безудержно веселясь, словно легендарный царь Кей-Кобад (см.).

И разбойничал рот, грабя чанг разговором —

Т. е. она так прелестно и мило говорила, что чанг (лира), восхищенный ее сладкой беседой, молчал.

Если царь Искендер славой вновь озарён,
Пусть всю ржавчину вмиг счистит с зеркала он —

Ржавчина — скорбь, печаль; зеркало — душа, сердце.

Если я табарзад заберу в свои лапы, —
Из фиштакки я хмель получу небывалый —

Табарзад (кусковой очищенный сахар) — сладкие речи; лаалы (рубины) — губы, фисташки — уста, хмель — опьяняющие песни. Смысл бейта: Если я свои рубиновые губы наполню сладкими речами, то мелодией звуков, исходящей моими устами, я опьяню слушателя.

Если в сахаре, шах, ищешь тонкую соль,
Уст пурпурных моих слово слушать изволь! —

Т. е. если шах хочет услышать остроумную беседу, то пусть он слушает речи, произносимые моими алыми устами.

Весел сладкий мой рот, это сахар сугубый.
Самаркандская дверь эти крепкие губы —

Т. е. хотя ее уста сладки, как сахар, они никому не доступны и крепки, как Самаркандские городские ворота.

А гранаты грудей! Нет их чарам конца, —
И гранатовый цвет осыпают сердца —

Т. е. при виде ее гранатовых грудей сердца влюбленных от жажды обливаются кровью.

Я — из Чина; со мной не узнаешь кручину —

Здесь поэт снова повторяет свою излюбленную игру с омонимией слова «Чин». Смысл бейта: С такой красавицей, как я, ты не изведешь кручины.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЖИВОЙ ВОДЕ

Есть завеса пред севером крайним; и где-то
За завесою — ключ, полный жизни и света —

По старинной легенде, распространенной среди многих народов, с незапамятных времен в стране Мрака существует источник Живой Воды, которая дарует бессмертие всем живым существам. Однако относительно местонахождения этой «страны Мрака» (зулмат) до Низами не было единого мнения. Некоторые авторы думали, что эта страна находится в подземном царстве. У Фирдоуси, изложившего в «Шах-наме» легенду о путешествии в царство Мрака, Искендер отправляется туда после посещения Харума, где находилось царство женщины-амазонок. Низами же точно определяет местоположение Мрака, утверждая, что оно расположено на крайнем севере (Северном полюсе), где господствует вечная тьма.

ИСКЕНДЕР ПРОНИКАЕТ В СТРАНУ МРАКА

Ночью первую Урдибехишта Двурогий —

Первое число иранского месяца урдибехишта соответствует 22 апреля. Т. е. Искендер начал свое путешествие в страну Мрака 22 апреля.

И ключом золотым замок тьмы отмыкая,
Ты увидишь: лежат самоцветы, сверкая —

Здесь отразились современные поэту рассказы и легенды о баснословных богатствах недр Северных земель. Заметим, что эти рассказы в наши дни полностью оправдались.

Стал он с месяцем схож, что на небе просторном
Был похищен драконом огромным и черным —

Здесь Искендер уподоблен луне, а царство Мрака — пасти огромного дракона, который, по поверью, проглатывает луну, в результате чего происходит затмение.

И коня он омыл; дал испить заодно, —
В серебро было чистое влято вино —

Т. е. белый, словно серебро, конь выпил бодрящую, словно вино, чистую воду. После этого Хызр и его белый конь обрели бессмертие.

И помчались в восторге, не ведая горя:
В степи — Хызр, а Ильяс — прямо к берегу моря —

Обретя бессмертие, Хызр якобы вечно скачет на своем белом скакуне и в своей изумрудного цвета одежде по пустыням и оказывает помощь заблудшим путникам, а Ильяс (Илья-пророк) странствует по морским просторам и помогает потерпевшим кораблекрушение.

Хоть источник один даровал им зерно,
Было мельницы две этим светлым дано —

Т. е. хотя вечная жизнь была дарована им одним источником, но они посвятили ее разным обязанностям: один помогал людям на суше, а другой — на море.

Но ведь свет, а не тень воды жизни сулили.
Хоть ключи с тенью сладостной говор свой слани.
Но пускай все ключи с тенью слани свой свет,
У источника радости тени ведь нет —

Источник радости — солнце. Смысл стихов: Обычно источник воды распространяет вокруг свет своей прозрачной водой, а не тьму, хотя и все источники обычно находятся в тени; подобно тому, как источник радости — солнце — не отбрасывает тени, источник живой воды тоже не осенял Искендера.

Но скажи: если с радостью санялся источник,
Почему же в тени этот скрылся источник? —

Перевод не отличается точностью. В оригинале сказано: Родники, источники, воды которых находятся в их недрах, впитывая солнечный свет, дают вкусную воду; раз это так, то непонятно, почему источник живой воды скрылся от солнца и находится в царстве Мрака и теней.

Что же! Тень для источника лучше, чем пыль.
Пыль — мутна, тень — студена. Иль это — не быль? —

Т. е. источник живой воды скрылся в царстве теней, чтобы ее не загрязнила земная пыль и она оставалась чистой и студеной. Двустышие имеет и аллегорическое значение. Источник живой воды олицетворяет собой человеческую душу. Пыль — низменные страсти и привязанность к мирской мишуре, мешающие человеку постичь высший смысл жизни и истину; а жизнь в тени — отречение от суетных мирских пожеланий — придает душе покой и чистоту помыслов.

Всех чудес вещей тьмы я явить не во власти:
Я ведь вам и десятой не высказал части...
Дал рассказчик другой этим колям начало —

Здесь Низами специально подчеркивает, что он излагает лишь одну десятую часть сказаний об Искендере, ибо не хочет повторять то, что изложено у Фирдоуси.

ИСКЕНДЕР УЗНАЕТ О ТАИНСТВЕННОМ ГОРОДЕ

В этой главе явно чувствуется отголоски античной легенды о сиренах. Однако эта легенда у Низами дается в собственной интерпретации. Здесь неизвестный голос не чарует своей красотой, а как бы гипнотизирует человека. К этой же легенде поэт еще раз возвращается во второй книге — там описывается, как Искендеру удается послушать пение скрыт на берегу моря в Китайском Туркестане, но в этом случае их пение не сулит ничего губительного, а доставляет невыразимое наслаждение.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСКЕНДЕРА В РУМ

Так на чанге своем натянул я свой шелк,
Что небесной Зухре шелк натянутый смолк —

В средние века струны чанга (лиры) изготовлялись из шелка. Смысл двустышия: Я так искусно сыграл на своей лире эту поэму, что на небе Зухре перестала играть на своей лире, восхищенно слушая мои мелодии.

ВОСХВАЛЕНИЕ АТАБЕКА НУСРАТ АД-ДИНА

Должен с мира он троицу начисто смыть —

Т. е. он должен искоренить христианство. Здесь имеются в виду грузинские феодалы, которые постоянно нападали на родину поэта, разрушали, грабили ее, а жителей уводили в плен. Только за последнее десятилетие XII в. грузины три раза опустошали Гянджу, а верховный правитель Азербайджана и Персидского Ирака Абу-Бакр Нусрат ад-Дин в это время предавался пьянству, разврату, полностью забыв о государственных делах. Как сообщает один из средневековых историков, «эмир Абу-Бакр предавался разврату, беспробудно пьянствуя в обществе гулямов. Он приказал хаджибам и эмирам ничего не сообщать о действиях грузин. Грузины же, видя, что никто не собирается оказывать им сопротивление, еще больше осмелели, растекались по стране и осаждали крепости до тех пор, пока полностью не овладели страной Арран» (Бунятов Э. М. Государство атабеков Азербайджана. Баку, 1978, с. 107). Низами постоянно, иногда слишком смело, призывал Абу-Бакра выступить против христианских (грузинских) противников и обезопасить Азербайджан от их постоянных нашествий.

Воском франк палестинский и румский монах
Почитают себя. Их печать — шаханшах —

Т. е. европейские крестоносцы и византийские монахи, утвердившиеся в Палестине, послушны приказаниям атабека и исполняют его волю так же беспрекословно, как воск, который смиренно воспроизводит надпись приложенной к нему печати.

От царя Искендера царю Искендеру! —

Т. е. от героя поэмы Искендера атабеку Абу-Бакру Нусрат ад-Дину, который по своим достоинствам равен Искендеру.

Ту же малость поднес он державе твоей,
Что царю Сулейману поднес муравей —

По легенде, однажды во время праздника все живые существа преподнесли Сулейману (библейскому царю Соломону) роскошные подарки. Чтобы выразить свою любовь к Сулейману, муравей приволок ножку саранчи, и его подарок понравился царю больше остальных. Здесь поэт сравнивает свою поэму с этой легендарной ножкой саранчи.

Не прошу я слоновей поклажи за труд,
Что мне व्यюки слона! Ты — не то, что Махмуд! —

Поэт здесь намекает на популярную легенду, согласно которой могущественный султан Махмуд Газневид (см.) обещал Фирдоуси заплатить за каждое двустишие «Шах-наме» по золотому динару. Когда же Фирдоуси закончил свою эпопею и преподнес ее султану Махмуду, тот вместо обещанных золотых динаров отправил поэту серебряные дирхемы. Когда приехали व्यюки дирхемов, Фирдоуси находился в бане. Узнав, что Махмуд обманул его, поэт все дары султана роздал банщику и другим слугам. После этого султан преследовал поэта до конца его жизни. Здесь Низами выражает надежду, что атабек Абу-Бакр не повторит бесчестный поступок султана Махмуда.

II. КНИГА О СЧАСТЬЕ

ОБНОВЛЕНИЕ СКАЗАНИЙ И ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ

В вечном беге желают всё нового дни,
Всё наставника нового ищут они —

В этом и последующих стихах поэт говорит о вечно обновляющихся эстетических вкусах, о том, что времена таких книг, как «Шах-наме», прошли, теперь «слушатели благосклонны лишь к новым напевам».

Под юнцом — на коне все подковы в огне,
Старики — на огонь их кладут в тишине —

Конь — вдохновение; класть подкову в огонь — с помощью приворотных средств обвороживать кого-либо, возбуждать у любимой или любимого страстное желание. Смысл бейта: У молодых вдохновение и так переливается через край, скачет, словно на быстром скакуне, а старики стремятся пробудить его с помощью приворотных средств.

Если в жарком огне треснет зеркало, брони
В том огне закалай, позабыв об уроне —

Как упоминается в первой части поэмы, во времена Искендера (как, впрочем, и самого поэта) стеклянное зеркало с ртутной амальгамой еще не было изобретено, и зеркала изготовлялись из полированного железа. Смысл бейта: Если железо, из которого изготовляют зеркало, треснет в жарком огне печи, то из него можно без сожаления изготовить кольчугу.

Здесь поэт сравнивает свою грудь с печью, прежние поэмы — с зеркалом, а нынешнюю поэму — с кольчугой.

И внимал я певцу, что в ночной тишине
Свиток древних сказаний развертывал мне —

Смысл бейта не вполне ясен. По мнению некоторых комментаторов, под «певцом» имеется в виду ангел-хранитель поэта — его любимая жена Афак, которая умерла, когда поэту еще не исполнилось и сорока лет; другие считают, что поэт подразумевал свое вдохновение.

Шах Арслан, утомясь, лег на вечное ложе.
И рассказы свои мне вести для чего же? —

В московском издании поэмы (1953 г., с. 785) по поводу этого бейта в комментариях написано: «Шах Арслан. — Имеется в виду шах из династии Сельджуков Тогрул II Ибн Арслан (1177 — 1194), который распространил свою власть на Азербайджан. Этому шаху и его атабеку была посвящена поэма «Хосров и Ширин». Однако такое утверждение не соответствует исторической действительности. Во-первых, сыном Арслан-шаха (ум. в 1175 г.) был не Тогрул II, а Тогрул III, во-вторых, между Низами и султаном Арслан-шахом не было никаких связей, и, в-третьих, поэт имеет здесь в виду сына основоположника государства азербайджанских атабеков Шамс ад-Дина Ил-Дешиза, т. е. Музаффар ад-Дина Усмана Кызыл-Арслана, который после смерти старшего брата Мухаммеда Джан-Падлавана в 1186 г. стал правителем Азербайджана и всего Персидского Ирака и правил до 1191 г. Низами был с ним в дружеских отношениях и посвятил ему несколько касид, а также написал элегию по случаю его кончины.

Иль молчанье мое мне поможет пресечь
Новый шах и вернет мне бывалую речь? —

Здесь имеется в виду племянник и наследник Кызыл-Арслана Абу-Бакр Нусрат ад-Дин, которому посвящены обе книги «Искендер-наме».

Башня стража закрыта занесом черной,
Стража давит, как слон, мрак и злой и упорный —

Страж — солнце, башня — четвертая сфера неба. Иными словами, солнце скрылось в своей башне, и мрак окружил, прижал его, словно боевой слон, топчет его ногами, а вокруг царит беспросветная темнота.

Лишь газели вверху в черной светятся мгле —

Т. е. светятся лишь звезды на небе.

В море мглы я нырял, лучших жаждал жемчужин.
Этот жемчуг — он мой! А вот этот — не нужен! —

Т. е. поэт читал и редактировал черновики поэмы, оставляя удачные стихи и зачеркивал строки, в которых образы-жемчужины казались недостойными его пера.

Из нутра синевы, как во время былое
Сам Иса, брал я синее, брал золотое —

По легенде Иса (Иисус Христос) еще в отрочестве умел лепить из глины птиц и раскрашивал их во все цвета радуги с помощью мутной воды из лужи. Это считалось одним из его чудес.

О Имад, что из Коя! О старца седины!
Столь возвышен душой не был муж ни единый! —

Здесь имеется в виду Абдар-Рахим ибн Ахмад ибн Канд Имад ад-Дин Хойн, глава духовенства города Хоя в Южном Азербайджане. Имад ад-Дин был одним из образованнейших людей своего времени, был искусен в эпистолярном жанре, покровительствовал поэтам, писателям и ученым. Он родился в двадцатых годах XII в., умер в 1198 г. Следует отметить, что вторая строка бейта далека от оригинала. В оригинале это двустишие выглядит так: «Имад из Хоя, тот достопочтенный, вельможный господин, благодаря которому возвысился род Канда». В русском переводе имя Канда переведено в его лексическом значении, в результате чего искажен смысл бейта.

Шаху дар я принес и не очень он мал:
Эфиопию в нем я с Китаем смешал —

Здесь первая строка переведена вольно. В оригинале сказано: «Чтобы преподнести шаху подарок». Эфиопия (см. Хабеш) — символ черноты, здесь обозначает черную тушу, чернила; под Китаем подразумевается Китайский Туркестан — символ белизны, а также родина бумаги. Смысла бейта: Чтобы преподнести шаху достойный подарок, я начал писать на белой бумаге черными чернилами эту поэму.

Взял я бубен Зухре, в час багряной зари
Смело книгу я взял самого Муштари —

Т. е. он взял мелодичные, звонкие слова у Зухре — Венеры, богини музыки, и тетрадь самого Муштари — Юпитера, верховного бога, символа мудрости.

«Книгу славы» я взял, ожила моя сила,
И умело лазурью покрыл я белила —

Прежде чем писать картину в красках, на бумагу сначала наносили белилами грунт, на котором затем выполняли рисунок и накладывали краски. Таким образом, это место следует понимать так, что «Шараф-наме», первая часть романа об Александре Македонском, послужила основанием, на котором была развернута вторая часть этого романа — «Икбал-наме» (Бертельс Е. Э. Комментарии к «Икбал-наме». Баку, с. 271).

Я ограблен певцами. Из Басры, им сладкой,
На ослах они финики возят украдкой —

Басра — один из древнейших городов Ирака, всегда славилась своими финиковыми плантациями, с которыми поэт сравнивает свои поэтические произведения. Смысл бейта: Придворные поэты существуют за счет моего вдохновения и моих стихов, которые они крадут.

Снял я с зеркала ржу, в тишь укрывшись от бурь,
Чтобы в зеркале ясном сверкнула лазурь —

Зеркало — душа, сердце; ржа (ржавчина) — низменные страсти, привязанность к мирским благам, мишуре; бури — мирские желания, страсти; небесная лазурь — возвышенные думы и стремления.

Встарь китайцем была так натерта стена,
Что румийца картина в ней стала видна —

Здесь намечается на эпизод, в котором описано состязание румского художника с художником китайским. Смысл бейта: Я очистил душу с помощью довольства малым и так отполировал ее самовоспитанием, что на ней находят свои отражения самые благородные и возвышенные идеалы и стремления подобно тому, как картина румского художника отражалась на отполированной, как зеркало, китайским художником стене.

Мудрый молвил старик, обратясь к молодым:
«Меж развалин глухих не вздымается дым —

Развалины — немощная телесная оболочка, дым — дым от огня страстей. Смысл бейта: В теле, воспитанном с помощью подвижничества, воздержанности и аскетизма, никогда не произойдет пожара от огня бушующих низменных страстей подобно тому, как из разрушенных, развалившихся домов не поднимается дым очага.

Мир в стремленьях кипит. Молвалю нищим и знати:
«Скоро кровь мы увидим на кожанном нате» —

Нат — кожаный коврик, посыпанный песком, на котором совершались казни во дворцах. Здесь «нат» метафорически обозначает землю, земные просторы.

Если в жарком Тамузе польются дожди,
Ты старушечьей стужи с унынием жди —

Тамуз — самый жаркий месяц лета, десятый месяц сирийского календаря, соответствующий июню—июлю; старушечья стужа — последние зимние холода. Смысл бейта: Если все желания будут удовлетворяться, то быстро погаснет жизненный огонь, все пресытится жизнью.

Часто видим: с кувшином сидит чародей.
В синеве сколько магов! И каждый — злодей —

Кувшин — небосвод; чародей, маги — звезды, неблагоприятное расположение которых сулит бедствия. Смысл бейта: Небесный свод полон звезд-чародеев, стремящихся причинить людям зло.

То, что сверху — внизу, то, что снизу — высоко.
Не измерит небес наше смертное око —

Т. е. трудно понять намерения небосвода — судьбы: он то возносит высоко, то опускает на дно.

В этих тесного мира стенах четырех —

Т. е. в этом мире, состоящем из четырех стихий (воды, огня, воздуха и земли).

Долго ль чтить бытие, — перекресток базарный! —

Этот мир — перекресток между бытием и небытием, где люди суетятся, как на рынке в базарный день.

Небосвод почернел, мглой над нами поник,
В синих тканях мы все; желт у каждого лик —

В оригинале сказано: Небо (т. е. судьба) ниспослало нам горе и печаль, окрашивает нас то в синий (траурный) цвет, то в желтый (бледный).

О СОБЛЮДЕНИИ МЕРЫ ВО ВСЯКОМ ДЕЛЕ

Прививать к старой ветви побега не надо;
В чем от львенка Хосрову нашлась бы ограда? —

Здесь перевод не передает точный смысл оригинала, где сказано: Соблюдая меру, не возвышай над старым шахом малолетнего, только из-за этого молодой Шируйе (львенок) убил своего отца Хосрова Парвиза (см.).

Старый ствол не плач. Говорю тебе так,
Потому что венец свой утратил Зоххак —

Т. е. не нужно унижать старых, распыливать старые стволы, ибо за это тебя постигнет возмездие, ведь узурпатора Зоххака (см.) постигла кара за то, что он старого царя Джемшида распылил пополам.

Хоть не раз пред собой зрел открытую дверь я,
Стол я видел пустым, не внушавшим доверья —

Т. е. двери многих царей были открыты передо мной; хотя все они притязали на щедрость и великодушие, но столы их были пусты, они вели себя как торгаша-менялы на базаре.

СЛАВОСЛОВИЕ ВОСХВАЛЯЕМОМУ ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГЯНДЖИ

Говорят, что над этим зеленым ковром
Есть в лазури петух. Он горит серебром —

По легенде, на небе обитает белый, словно серебро, петух, который поет по утру, после чего начинают петь и земные петухи.

Ты все медлишь в неволе Гянджи, Низами! —

Здесь обыгрывается неполная омонимия слов «гяндж» — сокровище и «гяндже» — сокровищница, что является также названием родного города поэта.

Покорителя царств, украшение престола,
Из ад-Дина, — владыку подлуного дола —

Этот и последующие четыре бейта не принадлежат Низами. Как удалось установить нам, они добавлены после смерти поэта, возможно, его сыном, чтобы преподнести поэму другому адресату — великому Мосула Изз ад-Дину Масуду. Как отмечалось выше, обе части поэмы посвящены правителю Азербайджана Абу-Бақру Нусрат ад-Дину. По-видимому, Низами, закончив поэму, не успел ее отредактировать, как это он делал обычно, заболел и вскоре, как увидим ниже, скончался, не успев преподнести её адресату. Вероятно, его сын, пользуясь этим, добавил указанные бейты, чтобы преподнести поэму новому адресату.

В дни, когда его меч всем являл свой закал, —
Блеск небес в темной туче защиты искал —

Т. е. когда он обнажал свой сверкающий меч, солнце, ослепленное его блеском, искало защиты у черных туч, прячась за ними.

Он Юсуфов сражал. Не пугаясь потерь,
Синей краской окрасил он каждую дверь —

Т. е. землетрясение погубило много прекрасных, словно Юсуф (см.), молодых людей и заставило жителей облачиться в синий (траурный) цвет.

ВСЕПОДДАННЕЙШЕЕ ОБРАЩЕНИЕ

Этой тусскою чашей с Махмуда возьми
Всю оплату за «Книгу царей», Низами! —

Т. е., Низами, ты за эту свою эпопею, написанную в том же размере и ключе, что и «Шах-наме» Фирдоуси из Туся (города в Хорасане, около Мешхеда), возьми с паря и то, что Махмуд Газиевид не заплатил поэту (см. об этом выше).

Так испей же вина, а меня извини,
Ведь печать затворила уста Низами —

Как указывает поэт в начале первой книги поэмы, он никогда не пил вина; здесь печать — обет, данный поэтом еще в юности.

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Но из прошлых жемчужин в подлуинной пустыне
Одного Антиоха находим мы ныне —

Здесь поэт хочет сказать, что бессмысленно завоевывать чужие земли, ведь из великой мировой империи, созданной Искендером, осталось только имя Антиоха, намекая на Антиохское княжество. Это княжество было создано крестоносцами, которые захватили его в 1098 г. и включили в состав Иерусалимского королевства. Антиохи — потомки полководца Александра Македонского, Селевка Никатора, создавшего смешанное греко-бактрийское государство, просуществовавшее до 247 г. до н. в.

Как бы иначе турок румийского края
Взял индийский престол и корону Китая? —

Здесь «турок румийского края» — Искендер. Как отмечалось выше, в поэзии Низами тюрк — символ не только красоты, белизны, но и доблести.

Были здесь краснобан, чья хитрая сила
Похищала сиянье дневного светила —

Здесь имеются в виду античные ораторы, своим искусством увлекавшие современников.

Были здесь и пророки —

Имеются в виду античные оракулы.

О ТОМ, ПОЧЕМУ ИСКЕНДЕРА НАЗЫВАЮТ ДВУРОГИМ

История Искендера в суммарной форме на мусульманском Востоке впервые изложена в Коране, где он прозван Зу-ль-Карнейном — обладающим двумя рогами. В Коране рассказывается о том, как Зу-ль-Карнейн построил свой вал из плавяного железа. Как видно, здесь ни разу прямо не названо имя Александра Македонского. Однако, исходя из постройки вала для защиты от диких народов — Иаджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог), — схоластическая традиция всегда признавала в Зу-ль-Карнейне Александра Македонского, хотя изображения двурогого царя уходят в глубь веков (аккадский царь Нарам-Син в древней столице Ирана Сузах, легенды об арабских доисламских царях Шамире и Мунзире и т. д.). Однако поэт, не удовлетворяясь мусульманской традицией, приводит со ссылкой на Умара ал-Балхи и вполне научное объяснение: после смерти Искендера на его родине нарисовали его портрет с изображением двух ангелов слева и справа, имевших золотые рога. Когда эта картина попала впоследствии на мусульманский Восток, одного из этих ангелов приняли за Искендера. Однако в действительности дело обстояло иначе. Культ Александра, введенный императорами Каракаалой и Севером в III в., вскоре слился с культом Юпитера-Аммона в Египте, который изображался в виде двурогого бога. Изображение Александра-Аммона с двумя рогами чеканилось на римских монетах, которые вскоре получили большое распространение на Аравийском полуострове.

И сказал мне мудрец, чьи белели виски:
«Были царские уши весьма велики» —

Это толкование прозвища Александра своим возникновением у Низами обязано известной античной сказке о царе Мидасе Ослиные Уши и тростнике, который разгласил тайну Мидаса.

Поднял голову ввысь, а затем воровскою
Потянулся за сладости тайным рукою —

Т. е. тростник, выросший в колоде, узнал о тайне царя Мидаса.

И нехитрый пастух срезал это растенье,
Чтоб, изранив его, лаской вызвать на пенье —

Т. е. пастух срезал тростник, просверлил в нем несколько дырочек и смастерил таким образом флейту, которая и выдала тайну Мидаса.

СКАЗАНИЕ ОБ ИСКЕНДЕРЕ И МУДРОМ ПАСТУХЕ

Обладал он Луной, с солнцем блестящим схожей, —
Но она в огневице сгорала на ложе —

Т. е. у него была прекрасная, как луна, и сияющая, как солнце, возлюбленная, которая, сильно заболев, лежала на ложе в жару.

Он дивился. Весь мир был угрюм и неведом.
Как, лишь тронувшись в путь, он пришел к этим бедам?! —

Т. е. он не понимал, как очутился в тисках таких мук, не успев еще отправиться навстречу смерти.

СКАЗАНИЕ ОБ АРХИМЕДЕ И КИТАЯНКЕ

Я забыл с этой дичью о ловле нной —

Т. е. забыл о науке и учении, увлекшись своей возлюбленной — тюрчанкой Нистандаржихан.

Лишь одною женой нас обрадует рок.
Муж при множестве жен не всегда ль одинок? —

Здесь, как и в других поэмах, Низами смело выступает против освященного исламом многоженства. Как известно, ислам разрешает одновременно иметь четырех жен, и во времена поэта мужчина, у которого не было четырех жен, считался нищим, неполноценным членом общества.

Почему разнородность господствует в мире?
Семь отцов у нее, матерей же — четыре —

По мнению поэта, на земле должно царить взаимопонимание между людьми, человечество должно жить как единая семья, иметь единый язык и единые идеалы, но этого нет, потому что на земле живут разные народы, а произошло это оттого, что у человечества семь отцов — семь планет и четыре матери — четыре стихии (огонь, вода, воздух, земля).

Красотой, как ладьей, спешив месяц, она
Прямо к шаху коня подвела, о Луну! —

Здесь Низами, пользуясь шахматной терминологией, подчеркивает красоту и целомудрие своей любимой жены Афак. Она в юности оказалась в плену, а затем в гареме правителя Дербента Дария Сейф ад-Дина. Он хотел сделать Афак своей наложницей, но она «конем своего целомудрия объяснила домогавшемуся мат», а впоследствии стала любимой женой Низами.

Ведь Ширин создавая всем людям на радость,
Потерял я навек мне дававшую сладость —

В этом и последующих бейтах поэт жалуется на свою судьбу, говоря, что, создавая поэму «Хосров и Ширин», он потерял любимую жену Афак, во время работы над «Лейли и Меджнун» лишился второй жены, а когда писал «Искендер-наме», у него умерла третья, последняя жена.

СКАЗАНИЕ О МАРИИ-ЕГИПТЯНКЕ

И у мужа, что миру являл откровенье,
Лишь она допускалась к воде омовенья —

Т. е. кроме нее никто не был удостоен чести подавать Аристотелю воду для омовения рук.

Увидав, что мудрец с этой самой поры
Стал глотать камфару от ее камфары —

Заметив, что учитель, глядя на ее белый, словно камфара, лик, начал глотать камфару для успокоения, она перестала думать о своей власти над ним.

РАССКАЗ О ХОРАСАНЦЕ, ОБМАНУВШЕМ ХАЛИФА, И КОНЕЦ РАССКАЗА О МАРИИ-ЕГИПТЯНКЕ,

Хорасанский дурман был опять применен —

Хорасанский дурман — обман, мошенничество. В классической литературе известно много рассказов, где хорасанцы представлены ловкими мошенниками, хитрыми надувателями.

«Как название бус!» — И хозяин размяк
В предвкушеньи нажив. Плут сказал: «Табарьяк» —

Смысл слова «табарьяк» до сих пор не раскрыт исследователями. В московском издании поэмы (1953, с. 788) по этому поводу написано: «Табарьяк — если у букв этого непонятного слова, написанного арабским

шрифтом, переставить точки, то получится слово «плутовство», «низдевка». В бакинском же издании «Икбал-наме» (1953, с. 275) слово «табарьяк» прокомментировано так: «Этим словом обозначали почитаемые предметы, привезенные из мест, считающихся священными у мусульман; святые мощи, а также очень редкая, ценная вещь». Однако ни в одном из толковых словарей это слово не зафиксировано, а приведенные комментарии являются домыслом их авторов. В этом искусственно образованном слове зашифровано несколько значений. Если читать слово как табар-риг (неологизм, образованный по типу «табархун», «табарзад», (см.), то оно обозначает «красная глина», если читать в обратном порядке, то получится: «ерунда», «хреновина», а если переставить точки и считать начальную букву персидским «т», слово будет означать: «хитрость, уловка», а с арабской буквой «т» — «низдевка, насмешка». В азербайджанском переводе «Искендер-наме» (Баку, 1983) это слово не прокомментировано.

СКАЗАНИЕ О БЕДНОМ ХЛЕБОПЕКЕ И О СЧАСТЬЕ ЕГО СЫНА

Должен грязь со своей он очистить поля! —

Т. е. он должен считать пятно со своей репутации.

ГИБЕЛЬ СЕМИДЕСЯТИ МУДРЕЦОВ, НЕ ВНИМАВШИХ РЕЧАМ ХОРМУСА

Но в сражениях с разумом, с мощью Хормуса
Разум прочих бежал наподобие труса —

Здесь имеется в виду древнегреческий философ Гермес (точнее Хермес) Трисмегист (т. е. «трижды величайший»), которому средневековые авторы приписывали основание алхимии. В переводе имя философа неправильно транскрибировано, вместо Хормуса должно быть Хермес.

РАССКАЗ О ПЕРСТНЕ И ПАСТУХЕ

Сюжет этого интересного рассказа заимствован Низами из второй книги «Государства» Платона. Платон приводит рассказ о пастухе Гигесе, который служил у царя Лидии. «Государство» Платона несколько раз переводилось еще в IX — X вв. на арабский язык и пользовалось большой популярностью.

И когда удалось рог серебряный небу
Сделать огненным шаром земле на потребу —

Т. е. когда небо превратило похожий на рог полумесяц в огненный шар — солнце, чтобы согреть землю; иными словами, когда исчезла луна и появилось солнце.

ОТНОШЕНИЕ СОКРАТА К ИСКЕНДЕРУ

В те далекие дни, повествуют преданья,
Ионийцы являли пример воздержанья —

Поэт имеет в виду Спарту и спартанский образ жизни, о которых он имел довольно ясное представление.

Неким утром, лишь солнце украсило мир,
Искендер для ученых устраивал пир —

Этот эпизод, восходящий к античной легенде о философе Диогене, якобы жившем в бочке, и Александре, описан многими авторами X — XI вв. (Туртуши, Газаали и др.), однако у всех вместо Диогена выведен Сократ, который умер за 45 лет до рождения Александра Македонского.

Ведь вокруг меня будут одни «пошёловоны» —

«Пошел вон» — буквальный перевод названия короткого копья, которое несли впереди шаха, предупреждая о его появлении. Здесь метафорически обозначает: «придворные хапуги».

Ад всем замыслам черным — пособник неживый,
Но ведь зиндж, государь, продавец несчастливый —

Т. е. дурные помыслы, «телесная муть», низменные страсти сродни аду, подобному по своему цвету зинджам, которые тоже несчастливы, ибо ими самими торгуют как «товаром» (зинджей в древние времена часто обращали в рабство и торговали ими).

Черным зинджем не стань. Позабыть бы их всех!
Только помни, о царь, их сверкающий смех —

Т. е. не становись рабом своих страстей, пусть душа твоя стремится стать белой, чистой от всякой скверны, как зубы зинджей.

Если черным ты стал, ты стори, словно ива;
Ею зиндж побелил свои зубы на диво —

Т. е. если твоя душа стала черной (вместолицем темных страстей), то лучше сгореть, чтобы очиститься от телесной муты, — ведь ива, сторая.

превращается в уголь. Толченый ивовый уголь во времена поэта употреблялся в качестве зубного порошка.

Некий черный в железо посмотрится, но
Там сверкнет его сердце. Так чисто оно! —

Здесь имеется в виду зеркало, сделанное из железа для Искендера (эпизод этот помещен в начале первой книги). Перевод этого двустишия вольный. Смысл бейта: Хотя зеркало сделано из черного железа, но оно так отполировано и очищено от черноты и мути, что его «душа» стала прозрачной и отражает всё в чистом виде.

Хоть завесу ты можешь убрать от оконца,
Свет, идущий в оконце, зависит от солнца —

Здесь перевод вольный. В оригинале: «Тебе принадлежит удалить от оконца сердца завесу, и тогда в это оконце проникает свет мудрости».

Будь лишь духом на пире, не знающем зла.
На него не пускает привратник тела —

На пир облагороженной, подлинной жизни допускаются лишь те, кто избавился от телесных страстей.

Для престола царя даже яростный лев
Стал опорой, от страха навек замерев —

Намекая на то, что трон Искендера был украшен изваяниями львов, поэт говорит, что перед тем, кто стал царем над своим телом, своими инстинктами, сникают даже свирепые, как лев, страсти.

БЕСЕДА ИНДИЙСКОГО МУДРЕЦА С ИСКЕНДЕРОМ

И узрев пред собою небес отражение —

Т. е. увидев перед собой Искендера.

Как земные пожитки мне назовь сложить?
Как дорогу к создателю мне проложить? —

Т. е. как мне избавиться от мирских сует, избавиться от своего «я» и найти дорогу к создателю?

Вкруг тебя семь кругов нарисовано роком,
Чтобы, в них находясь, ты забыл о далеком —

Здесь семь небесных сфер сравниваются с магическими кругами заклинателей духов, которые они чертили вокруг себя. По поверью, если бы заклинатель во время волхования вышел из этих кругов, то духи пролили бы его кровь.

Меч индийский он бросил, не выдержав сечи —

Мечи из индийской стали отличались остротой; здесь подразумевается острый язык.

И мужи, чья забудется мудрость едва ли,
Как пристало подув, божье имя призывали —

Перевод неточен, в оригинале: Все смысленные, бывшие там, поволхвовали над подобным умом, мудростью Искендера (чтобы не сглазить его) и восславляли имя Господа.

ТАЙНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ ИСКЕНДЕРА С СЕМЬЮ МУДРЕЦАМИ

А затем, свиток слов как бы свивши рукой —

Т. е. завершив свою обстоятельную речь.

Как же свод — с вами вместе загадку я вскрою, —
Этот буйволов горб, стал тяжелой землею? —

Т. е. как этот похожий на горб буйвола свод стал земным шаром?

СЛОВО ПЛАТОНА О СОТВОРЕНИИ МИРА

Но ведь брачных зачатий не надобно богу —

Т. е. бог творит все из ничего, ибо он сам не рожден никем и для сотворения не нуждается в браке.

ГОВОРIT МУДРЕЦ НИЗАМИ

Разум только лишь там всех скитаться призвал,
Где фарсанги он счел, знает каждый привал —

Перевод вольный. Смысл оригинала: Разум может добраться лишь до тех далей, до которых можно измерить расстояние, но не в силах подняться до творца, который бесконечен (т. е. не имеет расстояния), существует вне времени и вне пространства.

Людям ныне не мудрые речи нужны:
В звездах бродят их мысли, их темные сны —

Здесь поэт жалуется на то, что его современники, вместо того чтобы заниматься подлинной наукой, занимаются гаданием по звездам, астрологией.

Чародейка земля. Ей забава дана:
Шарик спрячет и вновь им играет она —

Смысл этого и следующего за ним бейтов: Земля, словно фокусник, манипулирующий шариками, играет с солнцем, то скрывает его в своем кулаке и тогда наступает ночь, то показывает его и тогда весь мир сияет, словно желтый мышьяк.

Скрывши осенью прахом сухое алоэ, —
Мускус явит она в майском сладостном зное —

Сухое алоэ — осенние сухие пожелтевшие листья и трава; мускус — благоухающие мускусом весенние растения, цветы.

ДОСТИЖЕНИЕ ИСКЕНДЕРОМ ПРОРОЧЕСКОГО САНА

Прибегай ты к царю всех царей справедливых —

Т. е. прибегай к помощи бога.

Кроме «Книги Великой», к которой прильнуть —

Здесь «Книга Великая» является буквальным переводом названия книги Птоломея Клавдия «Альмагест», что по-гречески означает «величайшая».

Заострил он калам и склонил он свой лик.
Был калам тростниковый, — и сахар возник —

Т. е. заострив свое тростниковое перо, он начал «выжимать» из него сладкие, как тростниковый сахар, слова: начал писать увлекательное и мудрое послание Искендеру.

ПОСЛАНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О МУДРОСТИ

По оленям стреляя, охотник нной
Только гордых самцов бьет стрелой двойной —

Смысл этого и последующих бейтов таков: Не поддавайся гордыне, не возносьсь, будь скромным, ибо тот, кто саншком высоко поднимает голову, терпит бедствия, ведь ветер валит лишь ту чинару, вершина которой горделиво возносится в небеса, а охотник своей «двойной» стрелой (с двумя наконечниками) целится всегда в оленя-вожака, который шествует впереди стада.

Где железо без пользы сжимают персты, —
Сыпя злато, железным окажешься ты —

Т. е. там, где железным оружием ты не можешь добиться успеха, действуй золотом.

В богаче нль в деньгах больше кроется зла?
Узел хуже всех пут, путы хуже узла —

Узел — богач; путы — деньги. Смысл бейта: Неизвестно, что хуже: богач, который, собирая деньги в мешки, завязывает их узлом и сидит на них, или же деньги, которые являются снаком для ног хозяина.

ПОСЛАНИЕ ПЛАТОНА О МУДРОСТИ

Солнце встало, смеясь. Ощувив камфару,
Черный мускус исчез. В этот день, поутру —

Т. е. черная, как мускус, ночь исчезла при виде белого, как камфара, дня.

Кровь свирепо ля, ты не будешь беснечен:
Жить на свете не сможешь, утративши печень —

Т. е. не будь жестоким, не тирань народ, не проливай кровь людей, ведь иначе ты будешь жить в постоянном страхе (утратишь печень).

Деньги прахом покрывший с тревогой и страхом —
Прах злосчастный, главу посыпавший прахом —

Здесь обыграно слово «прах». Посыпать голову прахом — знак большого несчастья. Смысл бейта: Золото в конечном итоге подобно праху, оно приносит людям только несчастье, из-за которого они осыпают голову прахом.

ПОСЛАНИЕ СОКРАТА О МУДРОСТИ

Третий день наступил. Засияв поутру,
В Рум и в Зинг небеса продолжали игру —

Зинг (см.) — метафорически обозначает ночь, Рум (см.) — день; «игра в Рум и Зинг» — рассвет.

Над колодцем прикрытым, о царь, проходи,
Зная путь, зная все, что лежит впереди —

Т. е., о царь, проходи по земле, накрытой небесным сводом, следуя, мудрости и знаниям.

Ты на миг во дворце. Все просящим давай —

Т. е. ты будешь пребывать здесь недолго, поэтому служи ближним, поможай всем нуждающимся.

Кто наполнил свой хум, тот не слушает слов —

Т. е. тот, у кого переполнен кувшин (живот), не может внимать мудрым словам.

Упованье на снедь лучше снеди, и тмин
Обещаньем растят меж понурых равнины —

Тмин — травянистое зонтичное растение, семена которого широко применялись как пряная приправа к различным блюдам. Как и все зонтичные растения тмин весьма жароустойчив, ибо умеет запасаться влагой. Поэтому на Востоке существовало поверье, что тмин не нуждается в поливе, его достаточно «кормить обещаниями», т. е. подойти к нему и сказать: «Завтра польем тебя!»

Не прельщайся, о царь, норовистым конем —

Т. е. не прельщайся этим капризным миром, который в любую минуту может сбросить тебя.

Если резок мой меч, — не сердись, величавый —

Т. е. если язык мой остер, как меч, и слова резки, не обижайся.

НАЧАЛО НОВОГО СТРАНСТВОВАНИЯ ИСКЕНДЕРА ПО СВЕТУ И СЕТОВАНИЯ НИЗАМИ

Чтобы царственной книге в миру зазвучать,
Тополь сгорбленный стройным я сделал опять —

Т. е. чтобы закончить поэму «Искендер-наме», дабы она зазвучала в мире, поэт снова выпрямил свой согбенный стан и принялся за работу. По-види-

мому, Низами некоторое время болел и усилием воли заставил себя продолжить работу, чтобы завершить книгу.

Сна предвидя набег, взял себе я задание:
Упреждая набег, возвести это здание —

Т. е. предчувствуя приближение смерти, поэт напряг все силы, чтобы опередить ее и закончить эпопею. Предчувствия не обманули Низами, ибо он умер вскоре после завершения своей лебединой песни — «Книги о счастье».

Стоп велел водрузить и приделать к нему
Ясный зеркала круг, разгоняющий тьму —

Здесь имеется в виду знаменитый маяк в г. Александрии (в Египте), который считался одним из семи чудес света.

Сделай снова, о царь, «Место чистое» чистым —

«Мухаддас» буквально значит: священный, святой, по-арабски «Бейт-ал-Мухаддас» («Святая обитель») — название г. Иерусалима. Низами в указанном стихе употребляет персидский эквивалент этого арабского названия.

Царь глядел и восторгом он был обуян:
Перед ним всеобъемлющий был Океан —

Перевод вольный, в оригинале сказано: «Он остановился, пораженный, у безбрежного моря, которое греки называют «Океанус».

Словно ртуть, Океан простирался могучий.
Капли вод не могли быть похищены тучей —

Т. е. вода океана была плотной, словно ртуть, и поэтому она не испарялась, не могла образовывать тучи, облака.

Но внутри камня сбросили рубища тлен —

Т. е. изнутри камня освободились от истлевшей оболочки.

Все велел он узнать. Агать столь явно к чему?
«Нет, рассказчик не лгал», — доложил ему —

Этот и предыдущий бейты переведены весьма вольно. В оригинале сказано: Я слышал, что один царь — муж благородный — услышав этот рассказ, не поверил. Он отправил человека, чтобы проверить, но тот умер и проверка подтвердила достоверность [рассказа].

Замок в два кирпича царь обвел своим взглядом —

Т. е. замок, построенный из кирпичей двух цветов.

Праха издревле для праха является домом —

По мусульманскому учению, человек сотворен из глины, праха, и поэтому «прах» в классической поэзии метафорически обозначает «человек».

Нам известно лишь это. Мы лжи избежали.
От рассказов иных мы омыли скрижали —

Т. е. мы стерли из памяти другие версии этого рассказа. Скрижали — волшебная дощечка, на которой писали, а потом стирали написанное.

От мерцания звезд лихорадило ночь;
Скорпион ее жалил, ввалась она прочь —

Здесь под скорпионом имеется в виду зодиакальное созвездие Скорпиона. Смысл бейта: Ночь стремилась как можно быстрее умчаться прочь, словно ее жалил скорпион.

ПРИБЫТИЕ ИСКЕНДЕРА НА ЮЖНЫЙ ПРОСТОР В СЕЛЕНИЕ
ГОЛОВОПОКЛОННИКОВ. СОБИРАНИЕ АЛМАЗОВ. ВСТРЕЧА С
ЮНОШЕЙ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕМ И ПОСЕЩЕНИЕ УГНЕТЕННОГО
КРАЯ

Тяжкой попытке подверг свой напрягшийся разум —

Т. е. начал напряженно думать, размышлять.

И жаркое они уносили и соль —

Т. е. ораы уносили мясо и приставшие к нему алмазы.

ПРИБЫТИЕ ИСКЕНДЕРА В СЕВЕРНЫЕ ПРЕДЕЛЫ И
ПОСТРОЙКА ВАЛА, ОГРАЖДАЮЩЕГО ОТ НАРОДА ЯДЖУДЖ

Лето. Солнце проникло в созвездие Льва —

Т. е. это было летом, между 22 июля и 22 августа, когда Солнце находится в созвездии Льва.

Существам земнородным отраднa земля —

Т. е. людям, рожденным от земли, отраднo жить на земле.

СТРАНСТВИЕ ПО НАПРАВЛЕНИЮ К РУМУ И НЕДУГ
ИСКЕНДЕРА

Тыква к руду готова. Найду ли слова
Рассказать, как на грушу напала айва! —

Тыква созрела для того, чтобы из нее сделали корпус струнного музыкального инструмента — руда, а ветви айвы и груши так переплелись, словно айва напала на грушу.

И по миру идя, вывел многих людей
Он войною и миром из тесных путей —

Т. е. странствуя по миру, Искендер то с помощью оружия, то мирными средствами вывел многих людей из тьмы невежества.

И с пути Аристотель под царскую сень
Поспешил, — поспешил не в указанный день —

Т. е. Аристотель поспешил прямо к Александру, но в недобрый час, в несчастливый (не указанный звездочетами) день.

ЗАВЕЩАНИЕ ИСКЕНДЕРА

Не запела в саду ни единая птица.
Ты согдийскую птицу заставь пробудиться —

Т. е. в саду ни единая птица не пела, чтобы оповестить о наступлении утра, поэтому ты, певец, заставь петь свою согдийскую птицу — лютню. Согд, Согдиана (см.) — одна из древнейших областей в Средней Азии, славившаяся, в частности, своими лютнями и барабанами.

Он померкшей нашел основную звезду —

Т. е. звездочет, устремив свои взоры к девяти небесным сводам, увидел, что звезда Искендера померкла и, значит, он обречен на смерть.

Продевавший кольцо в лютых недругов ухо —

Здесь Искендер говорит о том, что он побеждал противников и обращал их в рабство.

Причинил Серандибу немало я срама
Попирал я стопою вершину Адама —

Серандиб — остров Цейлон, где находится пик Адама; сюда, по преданию, попал изгнанный из рая Адам. Смысл бейта: Я заставил Серандиб покориться мне и поднялся на вершину горы, где некогда жил изгнанный из рая Адам и где до сих пор сохранились следы его ног.

Был я в «Месте священном», как древле Адам —

Т. е. он, подобно Адаму, посещал священный город Иерусалим.

Мастерскую сию черной вижу я чыне.
Я у черных потоков, я в черной пустыне —

Перевод неточен. В оригинале сказано: «Я повидал вту мастерскую (т. е. мир) от края до края, от черных пустынь до белых вод», т. е. обошел и покорила весь мир.

Тридцать шесть! Если б лет я три тысячи ведал —

Как отмечалось выше, Александр умер, когда ему не исполнилось 33 лет. Если 36 лет мусульманского лунного летоисчисления перевести на наше, то по Низами получится, что он умер в возрасте 35 лет.

В черный прах погрузится мой черный престол —

Черный престол — гроб.

ЗАКЛИНАНИЕ, ОБРАЩЕННОЕ К МАТЕРИ, И СМЕРТЬ ИСКЕНДЕРА

Царь сильнее стоил, чем в минувшую ночь.
Бубенцы ... отправленья нельзя превозмочь —

Здесь смерть уподоблена отправлению каравана в путь. На шее верблюдов, шедших впереди каравана, висели колокольчики, бубенцы, звоном которых оповещали о том, что караван отправляется в путь. В данном бейте стоны Искендера уподоблены звону бубенцов.

Ты на милость Питателя взор обрати —

Питатель — тот, кто питает людей хлебом насущным, эпитет бога.

Звезды, молвивши всем: «На деянях — запрет»,
Словно гвозди забил желанный рассвет —

Т. е. наступила ночь.

Расщепил он умело добротный тростник,
И лазурь он прорвал и к созвездьям проши —

Т. е. расщепив тростник, писец изготовил перо, очинил его и мыслями унесся в небеса, чтобы, обрета вдохновенно, найти соответствующие слова для изложения завещания Искендера.

В лист упругий вошел благовонный напиток.
Стал душистым атласом насыщенный свиток —

Т. е. обмакнув перо в тушь из мускуса, сандала и розовой воды, писец начал писать, и свиток стал благоухать, словно душистый атлас.

Пишет царь Искендер матерям четверем,
А не только одной: мир — в обличьи твоем —

Т. е. Искендер пишет в лице матери всему миру, созданному, по тогдашним представлениям, из четырех составных элементов (воды, воздуха, огня и земли).

Хоть уж яблоко красное пало, — причин
Нет к тому, чтобы желтый упал апельсин —

Яблоко — Искендер, апельсин — мать Искендера. Смысл бейта: Хоть я умираю молодым (краснощеки), нет причин и тебе умереть вместе со мной, хотя ты и пожелтела, как апельсин.

Что глядишь на пристанище цвета сурьмы?
Миль чертога в крови, это поняли мы —

Пристанище цвета сурьмы и чертог — небо; миль (палочка для сурьмления глаз) — луч солнца. Смысл этого и последующих двух бейтов: Ты не взрай, уповая, на темно-синее небо, ибо исходящие оттуда солнечные лучи окрашены кровью.

Дел мирских избегай, перед ними дрожа.
Ведь безмолвная рыба избегла ножа —

Т. е. ты избегай мирской суеты и мишуры и тогда избавишься от страданий и боли, ведь рыбы, удалившись в море, избежали ножа, ибо шарият запрещал есть рыбу, за исключением одного вида.

Если в гости к себе приглашает султан —

Т. е. если бог приглашает тебя к себе.

ПРИБЫТИЕ ПОСЛАНИЯ ИСКЕНДЕРА К ЕГО МАТЕРИ

Горлу стран, заболевших от пыли опасно,
Дождь стеклянную мазь предлагает всечасно —

Т. е. от пыли летних ветров, зноя «горло воздуха» заболело, а зимние дожди, словно «стеклянная мазь», которой средневековая медицина лечила болезни горла, исцеляли его.

ПЛАЧ ИСКЕНДЕРУСА ПО ОТЦУ И ЕГО ОТКАЗ ОТ ПРЕСТОЛА

Время жизни пройдет и, исполнен порыва,
Перед ангелом светлым повергну я дива —

Т. е. прожив отведенный мне срок жизни, я умру, вручив ангелу смерти телесную оболочку, в которой живут низменные страсти — дивы.

КОНЧИНА АРИСТОТЕЛЯ

О певец, истомил меня гуакий нафир!
Плачем песни своей испошли ты мне мир! —

Нафир — гори, труба; здесь крики и шум суетной жизни. Смысл этого и последующего бейтов: О певец, меня утомила эта суетная жизнь и мои собственные стоны, лучше спой надо мной траурную песнь. Из этих и дальнейших строк видно, что поэт был совсем слаб и болен.

В «Ключ, вскрывающий мир», присполнен уменя —

Здесь, по-видимому, имеется в виду «Физика» Аристотеля.

КОНЧИНА ПЛАТОНА

И от прочих завес я лицо отвернул. —

Т. е. перестал заниматься наукой, которая приподнимала завесы, скрывавшие тайны мироздания.

КОНЧИНА ВАЛИСА

Кто же был защищен от индийцев семи
С черным их бубенцом? О живущий, пойми —

В средние века в мусульманских странах индийцы часто служили сторожами, которые, гуляя по кровлям высоких домов, следили за порядком в городе. Через определенные промежутки времени они звонили в колокольчики, оповещая, что сторожа не дремлют. Здесь под «семью индийцами» имеются в виду семь планет, постоянно гуляющие на кровлях семи небесных сводов.

До времен, обещающих блага избыток —

Т. е. до дня воскресения из мертвых.

КОНЧИНА БУЛИНАСА

Я — вершина всего, о себе я скажу:
То я тело бросаю, то в тело вхожу —

Смысл этого и последующих трех бейтов: Я — дух, который то уносится в небеса, то вселяется в разные телесные оболочки (бутона, павлина и т. д.), то покидает их. Я невидим, я витаю вне пространства и вне времени.

Захочу — и взлечу выше лотоса рая! —

Лотос рая (по Корану, «кедр последнего предела») — мифическое дерево, упоминаемое в Коране (гл. 53, ст. 14). Оно якобы находится на седьмой сфере и дальше него не могут приблизиться к богу даже ангелы. Выше лотоса последнего предела поднимался якобы лишь пророк Мухаммед во время вознесения к Аллаху.

КОНЧИНА ФАРФОРΙΑ

В тексте имя философа написано как Форфириус. Как отмечалось выше, в случае с именем отца Александра Филиппа, у Низами начальная буква имени была написана в виде «п», но переписчики, отбросив две диакритические точки над буквой, превратили ее в «ф». Здесь под Форфириусом подразумевается Порфирий Тирский (IV в.).

КОНЧИНА НИЗАМИ

О певец, спой на лад нежной «Песни души» —

«Песнь души» — одна из популярных на Востоке рапсодий, созданная знаменитым музыкантом конца VI и начала VII в. Барбедом, придворным певцом Хосрова Парвиза (590 — 628), иранского царя из династии Сасанидов, героя второй поэмы Низами «Хосров и Ширин». Следует отметить,

что этот некролог, естественно, не мог быть написан самим поэтом. Включение этого некролога в поэму подтверждает сообщения средневековых историков литературы о том, что поэт скончался сразу после окончания поэмы. Некролог написан, по всей вероятности, сыном Низами Мухаммедом, который обладал поэтическим даром.

ОБРАЩЕНИЕ К МЕЛИКУ ИЗЭ АД-ДИНУ МАС'УДУ, СЫНУ
АРСЛАНА, И ПЕРЕДАЧА ЕМУ СЫНОМ НИЗАМИ «КНИГИ
О СЧАСТЬЕ»

Как отмечалось выше, обе части поэмы «Искендер-наме» посвящены правителю Азербайджана Абу-Бакру Нусрат ад-Дину Бишкину (1194—1210). Однако поэту, уже тяжело больному, не удалось преподнести ее адресату, а сын поэта, видя, что атабеку не до книг, ибо он беспорядочно пьянствует, добавил в конце второй части это обращение и, переделав посвящение Абу-Бакру Нусрат ад-Дину в ее начале, преподнес книгу Изэ ад-Дину Мас'уду II ибн Арслан-шаху, который правил в г. Мосуле с 1210 по 1219 гг. Низами умер в 1202 г. и, естественно, не мог посвятить книгу правителю, который пришел к власти в 1210 г. Во всех старых и наиболее достоверных рукописях поэмы в посвящении этом фигурирует имя правителя Азербайджана Абу-Бакра Нусрат ад-Дина Бишкина.

Так владеет медовым источником он,
Что свой собственный дух взял он в крепкий полон —

Здесь второй стих переведен неточно. В оригинале сказано: «Его собственный двор стал рабом с кольцом в ушах его речи». Иными словами: царь был так красноречив, что его речи пленяли всех его придворных.

Много здесь уловляющих жемчуг —

Т. е. вокруг царя было много мудрецов, ловивших блестящие, словно жемчуга, мысли из моря знаний.

Здесь я славный везир, словно дивный Низам —

Здесь везир правителя сравнивается со знаменитым везиром сельджукских султанов Тогрула Алп-Арслана (1061—1072) и Мелик-шаха (1072—1092) Низами аль-Мульком (1061—1090).

Все щедры на слова, царь — источник щедрот —

Т. е. другие современные царю щедры на обещания, а наш царь по-настоящему щедр.

Не справляли владыки подобного пира!
Царь — правитель и царь — витязь пламенный мира —

Из этого бейта еще раз видно, что адресатом посвящения был Абу-Бакр Нусрат ад-Дин, ибо отца его звали «Витязь мира» (Джахан-Пахлаван). Так как посвящение носило стереотипный характер, то для изменения имени адресата сыну поэта пришлось переделать лишь несколько бейтов, в которых упоминалось имя Абу-Бакра Нусрат ад-Дина.

Чтобы книга сия, отвращая от бед,
Семь ворот растворила пред ним для побед —

Эта книга откроет перед ним ворота победы над семью поясами обитаемой части земного шара.

Порожденные образы — можно ль их счастье? —
Для души твоей, царь, о царевиче весть —

Относительно этого бейта существуют разноречивые толкования. Издатель текста, иранский ученый Вахид Дастгирди, и автор комментариев бакинско-го издания поэмы (1953 г. с 287) считают, что поэт хочет сказать: «Эта книга может заменить тебе сына». Зная нравы и психологию тогдашних венценосцев, Низами вряд ли мог допустить подобную «бестактность». Дело в том, что в первой половине 1201 г. Нусрат ад-Дин Бишкин ждал появления наследника, и поэт, видимо, хотел обрадовать его тем, что эта прекрасная книга является добрым предзнаменованием для появления на свет прекрасного царевича.

Царь! Ключом этим дверь отпер я не на горе:
Мне жемчужину дивную выдало море —

Перевод вольный. В оригинале сказано: «Передо мной этот ключ (т. е. поэма) открыл дверь истины о том, что из великого моря появится великолепный жемчуг (царевич)».

От впервые престол озарившей зарю
Ей подобных не знали земные цари —

Здесь второй стих переведен неточно. В тексте сказано: Подобного ему жемчуга не было ни в одном венце. Смысл бейта: Ожидаемый царевич будет подобен редкостному жемчугу, который никогда еще не украшал ни одной короны.

Я уж молвила тебе об одной колыбели, —
И ребенок возник. Удивляться ужели? —

Перевод вольный. В оригинале сказано: «По воле провидения колыбель явилась первой, и если теперь появится Мехди, то не удивляйся». Здесь поэма сравнивается с колыбелью, а ожидаемый царевич — с двенадцатым имамом Мехди — мессией, который якобы явится на белом коне и очистит мир от скверны.

Пусть нируют на радости други царя!
Препояшься, как небо в созвездьях горя! —

Перевод вольный. В оригинале сказано: «Тогда (т. е. когда родится царевич) по поводу этого радостного события препояшься ликованием на Земле, словно небосвод (Млечным Путем)».

О, когда бы принять в райском пире участие
Мне дало бы возможность внесенное «Счастье» —

Поэт намекает, что он тоже хотел бы принять участие в торжествах по случаю рождения царевича, ибо доступ к ним открыл бы ему счастье. Здесь слово «счастье» употреблено в двух значениях: в своем прямом смысле и как название «Книги о счастье».

Мне опоры не даст колыбель голубая —

Т. е. мир этот не поддержит поэта в его поездке, ибо он совсем больной и слабый.

И уйти в небеса от блужданий во мгле
Это лучше, чем ввернуться мрачной земле —

Перевод неточен. В оригинале сказано: «Лучше послать свою душу (т. е. своего сына) в чистый райский сад (т. е. во дворец Нусрат ад-Дина Бнш-кина), чем утруждать вас своим потемневшим прахоподобным телом».

Я нашел две жемчужины. Радостью полный,
Я ваираал, как несут мне их синие волны —

В этом и последующих бейтах под одной из жемчужин имеется в виду сын Низами — Мухаммед, а под другой — «Книга о счастье».

ОКОНЧАНИЕ «КНИГИ О СЧАСТЬЕ»

«Пятьдесят сделав бейтов, — твердят, — не робей ты,
Сто динаров проси!» Все ценны мои бейты —

Перевод вольный. В оригинале сказано: «До сих пор за мои пятьдесят бейтов, к примеру, ценитель стихов кладет сто (динаров) на весы».

И во сне мне один из уплывших в то море
Неизвестное молвил: «Забудь свое горе...» —

Т. е. один из канувших в море небытия, один из близких, умерший давно, мне сказал: «Не переживай из-за меня!»

СЛОВАРЬ

собственных имен, географических названий
и непереуведенных слов

- Аббасиды** — династия арабских халифов (749 — 1258).
Абиссиния — см. **Хабеш**.
Абу-Бакр — см. **халиф** и **Нусрат-ад-Дин**.
Абхазия — в средневековой географии так называли всю современную Грузию; абхазцы — грузины.
Авеста — священная книга зороастрийцев (см. **Зардушт**).
Авель (Хабил) — по коранической легенде, заимствованной из Библии, сын Адама. Он был убит своим братом Каином, за то, что бог предпочел его Каину и принял его жертву.
Авраам — см. **Ибрахим**.
Ад — по коранической легенде, патриарх одноименной народности, истребленной богом за непослушание его пророкам. **Шаддад** (см.) был самым известным царем адов.
Адам — мифический прародитель человечества, первый человек. Ислам возвел его в ранг одного из шести главных пророков, бывших до Мухаммеда.
Аджам — все неарабские страны, входившие в состав арабского халифата. Этим словом чаще всего обозначался Иран и соседние с ним страны.
Айары («ловкачи») — возникшая в центре халифата в IX в. особая организация городской бедноты, члены которой с помощью находчивости («ловкости» рук) и мошенничества опустошали карманы богатых и распределяли «сбор» между бедняками. В тревожные времена все члены этой организации выступали на защиту родины или же служили в пограничных войсках.
Айван — крытая терраса перед домом или портик дворца; приемный зал, отделенный от двора аркой.
Алан — название города в Туркестане, где изготовлялись высококачественные кошмы.
Аланы — ираноязычные племена, обитавшие во II — IX вв. в Приазовье и Предкавказье, а также на территории между нижним Днепом

и Южным Уралом, предполагаемые предки современных осетин.

- Алоэ** — алоэное благовонное дерево, которое во времена Низами привозили чаще всего из Индии. Его сжигали в курительницах.
Амбра — благовонное вещество, широко применявшееся на Востоке. Добывается из желудка и кишечника кашалота.
Андалус — Андалузия, область на востоке Испании; под «Андалусом» имели в виду всю Испанию.
Анка — огромная мифическая птица, которую нельзя видеть, синоним всего невидимого, нематериального.
Ануширван — буквально «бессмертный», прозвище иранского царя из династии Сасанидов Хосрова I (531 — 579). После него царствовал Ормуз (579—590), а после Ормуза — прототип героя «Хосров и Ширин» Низами Хосров II Парвиз (590 — 628). При Ануширване была произведена опись всех земель и установлены точные размеры налогов, до него взимавшихся произвольно, за что этот царь был прозван Справедливым.
Аргаван — распространенное на Востоке дерево или полукустарник с ярко-красными цветами, называется также «кудинным деревом»; синоним багрового или пурпурного цвета.
Ареш (Ариш) — легендарный стрелок древнего Ирана, один из героев «Шах-наме».
Аржанг (Эрженг) — священная книга манихейцев (см. **Мани**), которая будто бы была украшена прелестными миниатюрами с многочисленными изображениями красивых лиц. Аржанг — символ всего прекрасного, изящного.
Армая — см. **Ахримаа**.
Аристотель — древнегреческий философ (384 — 322 гг. до н. э.), ученый-энциклопедист, воспитатель Александра Македонского. Известен на Востоке под именем Арасту.
Ариш — мера длины, примерно соответствующая русскому аршину.
Арки — неизвестная народность, обитавшая в южнорусских степях.
Армения — в IV в. до н. э. Армения входила в качестве вассала в состав Ахеменидской империи. В битве при Гавгамелах в 331 г. до н. э. в войсках Дария III против Александра участвовали 40 тысяч армянских пехотинцев и 8 тысяч конницы. После крушения персидской империи Армения признала власть Александра Македонского, но сам он не вступал в пределы Армении.
Арраде — осадное оружие на колесах, баллиста.
Арран — древнее название западной части современного Азербайджана; столицей этой области были Барда, а затем Гянджа, родина Низами. В средневековой географии Арран и Армения зачастую рассматривались как одна страна.
Арслан — номинальный властитель Азербайджана и Иранского Ирана султан Арслан-шах (1161 — 1176), сын султана Тогрула II (1132 — 1135) и отец султана Тогрула III (1176 — 1194). При

нем фактическим правителем Азербайджана и Иранского Ирака был атабек Шамс ад-Дин Ил-Деняз (1136 — 1175).

Атабек — после распада Сельджукской империи на мелкие султанат-княжества фактическая власть перешла в руки атабеков — воспитателей сельджукских принцев. Атабек буквально означает «отец-воспитатель».

Афрасиаб — легендарный туранский царь, патриарх тюрков; его войны с иранским царем **Кей-Хосровом** подробно описаны в «Шах-наме» Фирдоуси.

Ахриман (Ариман) — имя злого духа древнеиранской религии. Ахриман — властитель зла на земле, враг человека, находящийся в постоянной вражде с богом добра Ормуздом (Ахурамазды).

Ахсатан I (1160—1196/97), сын Манучхра — ширваншах, правитель феодального государства Ширван в Северном Азербайджане.

Аят — стих в коране; его текст подразделяется на суры (главы), а последние состоят из аятов.

Багдад — столица халифата с 755 до 1258 г., ныне столица Ирака.

Бадахшан — в средние века обширная область, охватывавшая юго-восток Памира (ныне Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР) и горные районы северного Афганистана. Там добывали драгоценные камни — рубины и гранаты. В стихах Низами губы красавиц часто сравниваются с бадахшанскими лалами.

Базилик — см. **рейхан**.

Бакан — лаковая краска.

Балх — один из древнейших городов и культурных центров Востока, столица Бактрии. Он был расположен в оазисе Балхаб на территории северного Афганистана. В средние века Балх иногда назывался Бами или Балхи-Бамийак.

Барбед (барбат) — восточный струнный музыкальный инструмент.

Барда, Берда (Бердаа) — в X в. главный город Аррана. В 943 г. был разграблен и сожжен русами и с тех пор утратил свое значение. Развалины его находятся недалеко от г. Барда Азербайджанской ССР.

Басма — растительная краска для волос и бровей.

Бахман — легендарный царь и богатырь древнего Ирана, сын Исфендиара, погиб в борьбе с драконом. Средневековая традиция отождествляла Бахмана с Дарием II, отцом Дария III, побежденного Александром.

Бахрам — сын **Исфендиара**, персонаж «Шах-наме» Фирдоуси. После смерти отца он захватил в Иране престол и отомстил потомкам **Рустама**. Погиб в борьбе с драконом.

Бейт — двустишие.

Бек — титул знатных и богатых людей.

Берат — вексель, доверенность, письмо, указ о выплате денег, выдаче имущества и т. п.

Берберийцы — берберы, жители Северной Африки.

Биджад — самоцвет, рубин; отсюда русская печатка.

Биалаль — легендарный муэдзин пророка Мухаммеда родом из Эфиопии (**Хабеша**).

Билькис — жена царя Сулеймана, библейская царица Савская.

Бисурак — помесь одногорбой арабской верблюдицы с двугорбым верблюдом; порода сильных верблюдов.

Бисутун — скала у дороги из Хамадана в Кирманшах (северо-западный Иран). По приказу Дария I (V в. до н. э.) на ней были высечены клинописная надпись и рельефные изображения, которые связывались с легендой о Фархаде. В этом же районе находятся развалины шахского дворца, известные под названием «Замок Ширин».

Бост — древний город, расположенный в месте слияния двух притоков р. Хирменд, между Газной и Гератом в Афганистане. Бост славился своим вкусным инжиром.

Булгар — столица Булгарского государства на Волге и Каме, образовавшегося в VI—VIII вв. в результате консолидации разрозненных уйгурских и других тюркских родов и племен. Булгарское государство просуществовало вплоть до XII в.

Булгары — союз тюркских племен, образовавших Булгарское государство на Волге (см. **Булгар**).

Булиас Румийский — Аполлоний Тианский, философ-неопифагорец, математик (ум. ок. 100 г.), много путешествовавший по Востоку. Легенды о нем как о маге, чародее были широко распространены на Востоке.

Буртасы — племя, обитавшее в низовьях Волги, тюркского или финно-угорского происхождения.

Бухара — один из древнейших экономических и культурных центров Средней Азии (ныне в Узбекской ССР).

Бухти — большие, сильные двугорбые верблюды.

Бюльбюль — соловей.

Вавилон — один из древнейших городов-государств в Месопотамии; был основан в 2105 г. до н. э. и просуществовал самостоятельно до завоевания его древнеиранским ахеменидским царем Киром в 539 г. до н. э. Александр Македонский после завоевания Ирана сделал Вавилон своей восточной столицей, но в дальнейшем, в эпоху господства селевкидов, город пришел в упадок. Развалины Вавилона находятся в 160 км. к юго-востоку от Багдада, на берегу Евфрата. По мусульманской легенде, падшие ангелы **Харут** и **Марут** (см.) заключены в колодез в Вавилоне и оттуда обучают людей магии и волшебству. Поэтому Вавилон в средневековой поэзии служил символом волшебства, родиной чародейства.

Вазир (везир, визирь) — главный советник шаха, первый министр.

Фалес — Фалес из Милета (ок. 624 — 547 до н. э.), первый исторически достоверный представитель древнегреческой философии. В античной традиции — один из «семи мудрецов», образы которых Низами воссоздал в поэме. По преданию, Фалес обладал математи-

ческими и астрономическими познаниями, достигнутыми в Египте и Вавилоне. Согласно его учению, первоосновой всего сущего является вода. Его учение довольно точно изложено Низами в поэме.

Ваш — город в Туркестане, области, расположенной к северу от Ирана и в древности заселенной восточноиранскими, а позже тюркоязычными народами.

Ваши — букв. «происходящий из города Ваш» (см.). Так назывался высококачественный шелк, выделявшийся в Ваше.

Газель — небольшое лирическое стихотворение, построенное на монорифме (аа, ба, ва и т. д.), второе значение слова «газель» — антилопа, отличающаяся стройностью и быстротой бега.

Газна — средневековый город, столица султана Махмуда (999 — 1030), основателя династии Газневидов. Развалины ее находятся около г. Газнин в Афганистане.

Гайомарт — по зороастрийской легенде, первый человек и царь, властвовавший на земле.

Гален — знаменитый древнегреческий врач и философ (131 — 210 н. э.).

Гаухар — драгоценный камень или жемчужина; слово «гаухар» обозначает также первичную субстанцию. Омонимия эта, восходящая к мифу о происхождении мира из белой жемчужины, нередко используется в стихах Низами.

Гебры — распространенное и поныне в Иране мусульманское название зороастрийцев. Низами называет гебрами также индийских огнепоклонников незороастрийцев.

Герат — один из древнейших городов и культурных центров Афганистана.

Гилян — область в Иране у берегов Каспийского моря, которая славилась своими быстроногими конями и плодovitыми пчелами. «Гил» по-персидски означает «прах», «земля». Низами думал, что Гилян — множественное число от этого слова, и потому он часто употреблял его как синоним бренности мира, грешной земли.

Гуль — злой дух, который сбивает путника с дороги, заставляет его плутать, а затем пожирает его, изнемогшего от голода и жажды.

Гульшекер — сахаренные лепестки роз, варенье из лепестков роз.

Гулям (гулам) — раб, слуга, обычно тюрк или славянин. Из рабов, поставляемых невольничьими рынками, рекрутировалась гвардия халифов и других правителей. Отсюда второе значение слова «гулям» — гвардеец, воин.

Гурган — город в Иране.

Гур — дикий осел, онагр. Название это созвучно слову, означающему по-персидски «могила».

Гур (с гортанным «г») — старинное название области, занимавшей часть территории современного Афганистана.

Гурии — вечно девственные и вечно юные райские девы, которые предназначены в рай для праведников.

Гюлистан — сад роз, цветник.

Гянджа — родина Низами, один из древнейших городов Азербайджана. В XII в. Гянджа была не только столицей Азербайджана, но и политическим, экономическим и культурным центром Закавказья, Ближнего и Среднего Востока. Гянджа находилась в пяти километрах к северо-востоку от современного г. Кировабада.

Давуд — мусульманский вариант имени библейского Давида (X в. до н. э.), царя древних евреев. Ислам причисляет его к сонму пророков. По легенде, Давуд, отец Сулеймана, был необычайно мудрым. Творец Забура (псалмов), он обладал дивным голосом, первым из людей выковал кольчугу: железо в его руках делалось мягким, как воск.

Даджджал — лжемессия, который, по религиозному преданию, должен перед концом света появиться верхом на осле и звуком барабана созвать всех людей.

Данаб (Денеб, Зекеб) — звезда Альфа в созвездии Лебедя; астрологи считали ее влияние неблагоприятным.

Дари — язык персидской классической литературы.

Дарий — древнеперсидский царь Дарий III Кодоман (336 — 330 до н. э.), последний из династии Ахеменидов, империю которого разгромил Александр Македонский.

Дарий II — отец Дария III, героя поэмы.

Дастан — сказание, поэма, сюжетный рассказ, нередко «роман», история о влюбленных.

Дастархан — скатерть.

Дастур (дестур) — советник шаха в древнем Иране.

Дева Мария (Марьям) — мать Иисуса Христа, символ чистоты и целомудрия.

Дебир — писец, секретарь, состоящий при шахе.

Дей — десятый месяц древнего иранского солнечного календаря (с 23 декабря по 21 января).

Дейлем — область в прикаспийской части Ирана, жители которой славились своими железными изделиями, в частности, топорами-резками.

Дербенд (Дербент) — область и город на севере Азербайджана, на западном берегу Каспия. Во времена поэта Дербенд входил как вассальная территория в состав владений ширваншахов.

Дервиш — мусульманский монах, часто страивующий паломник.

Джарре — глиняный кувшин.

Джейран — разновидность антилопы. См. газель во втором значении.

Джейпал — правитель одного из могущественных индийских государств.

Джейхун — арабское название реки Амударья.

Джем (Джемшид, Джамшид) — мифический царь древнего Ирана, в царствование которого якобы не было ни болезней, ни смерти, ни вражды. Когда Джемшид возгордился, бог в наказание за это отдал власть над ним тирану Зохаку, который зверски казнил его — распял на кресте. Джемшид был обладателем чудесной шапки, с помощью которой он мог видеть все, что происхо-

дит в любой точке земли. Легенды приписывали ему и установление Новруза.

Дженд — исторический город в Средней Азии, ныне в Туркменской ССР.

Джуляб — сироп из лепестков роз, который кладут в халву, а также применяют как лекарство; розовая вода.

Див — злой дух, демон.

Диван — правительственная канцелярия, государственный совет; в другом значении — сборник стихов одного или нескольких авторов, где материал расположен в определенном порядке.

Динар — золотая монета.

Дирхем — мера веса и название монеты (от греч. «драхма»), обычно серебряной, весом около 3,5 г.

Дихистан — исторический район в Горгане (ныне Астрабад) в Средней Азии.

Дихкан — первоначально представитель домусульманской иранской земельной аристократии; потом этим термином стали обозначать земледельца-крестьянина. У Низами часто употребляется в значении «хранитель древних преданий».

Драхма — см. дирхем.

Дувал — глиняный забор.

Дуррадж — см. турач.

Душар — двухструнный музыкальный инструмент.

Духан — винная лавка.

Евфрат — вторая по величине река в Ираке (в древности — в Вавилоне).

Зал — герой древнеиранского эпоса, отец Рустама. По преданию, он родился с русыми волосами, и из-за этого отец его, Сам, отнес его на вершину горы Альбурз, где его подобрала и воспитала сказочная птица **Симург**. Жизнь и деяния его подробно описаны в «Шах-наме» Фирдоуси.

Занзибар (Зангибар) — группа островов у восточного побережья Африки; у Низами — вообще страна, населенная **зиджами**, неграми; синоним черноты, мрака, темноты.

Заратуштра — см. Зардушт.

Зардушт — Зороастр, основатель зороастризма, древней религии Ирана VII в., главным в этой религии был культ огня.

Зардушти — зороастриец (см. Зардушт).

Захм — медиатор, приспособление, с помощью которого играют на струнных музыкальных инструментах.

Зекат (закят) — налог с имущества в пользу бедных мусульман; милостыня.

Замзем — священный колодец в Мекке, около храма Каабы. Его минеральной воде приписывают чудотворные свойства.

Зенг — герой древнеиранского эпоса.

Зенд (Зенд-Авеста) — название священной книги зороастризма (см. Зардушт), распространенное в Иране до VII в. В действительности книга называлась Авеста, а Зенд — позднейший комментарий к ней на языке пехлеви.

Зенджан — один из древнейших иранских городов, расположенный в оазисе Зенджан-руд. Ныне является центром первого остана Ирана.

Зенсб — см. Данаб.

Зербафт — плотная узорчатая ткань из шелковых и золотых ниток.

Зердушт — см. Зардушт.

Зиндан — темница, тюрьма.

Зинде-руд — река в Иране, протекает через Исфаган.

Зиндж (Зинг) — см. Занзибар, чернокожий, негр.

Зирек — имя зороастрийского жреца, искусного толкователя снов.

Зих — восклицание: «Прекрасно!», «Браво!». «Зих» одновременно обозначает вышитую кайму на кафтане, халате.

Зороастр — см. Зардушт.

Зубейда — жена знаменитого арабского халифа из династии Аббасидов Харуна ар-Рашида (786 — 809). Она отличалась необычайной красотой, мудростью, щедростью и имела большое влияние на государственные дела.

Зу-ль-Карнейн — см. **Искендер** и **Джурогий** в комментариях.

Зуннар — грубый волосяной пояс, который были обязаны носить христиане, подданные мусульманских правителей. Зуннаром назывался также ритуальный пояс, который носили зороастрийцы-огнепоклонники.

Зухра (Зухре) — планета Венера, уподоблявшаяся небесному музыканту; на старинных восточных миниатюрах изображалась в виде красавицы с бубном в руках. См. также: **Харут** и **Марут**.

Иблс — демон, стоящий выше других духов зла.

Ибн-Мукла (ум. 939) — знаменитый арабский каллиграф.

Ибн-Хани (937—972) — арабский поэт, оратор и софист; славился своим полемическим искусством.

Ибрахим — библейский Авраам, причисленный исламом к сонму шести пророков (Адам, Авраам, Ной, Моисей, Иисус, Мухаммед). Его прозвище было Халилуллах (Друг Аллаха). По мусульманской традиции, Ибрахим был сыном Азера-идолотеса. Признав единобожие, Ибрахим начал разрушать идолов, созданных отцом и другими мастерами, за что тиран Нимрод велел бросить Ибрахима в горящую печь. Через некоторое время, открыв дверцу печи, служители Нимрода увидели, что огонь в печи превратился в цветник и Ибрахим нежится там.

Иканы — географические области, на которые делили тогда всю обитаемую часть суши (Хорасан, Ирак, Туркестан, Занзибар, Рум, Индостан, Египет). Иканы — также семь обитаемых поясов между воображаемыми линиями, проведенными параллельно экватору.

Ил-Дениз — название рода, племени, из которого происходили азербайджанские атабеки. Так звали первого из азербайджанских атабеков Шамс ад-Дина Ил-Дениза (1124 — 1175), отца Шамс ад-Дина Мухаммеда Джахан-Пахлавана и Кызыл-Арслана.

Ильяс — распространенный персонаж восточных легенд (в Библии ему соответствует Илья-пророк), помогающий мореплавателям, спа-

сающий терпящих кораблекрушение. На суше аналогичные благодетелья оказывает **Хызр**.

Индиго — синяя краска для тканей. Синяя одежда на Востоке символизирует траур.

Индия — во времена Низами включала в себя всю территорию современных Индии, Бангладеша и Пакистана. Индия в классической поэзии из-за смуглости населения служила символом черноты. Индийцы (индусы) обычно служили стражниками у восточных правителей.

Индостан — см. **Индия**.

Ионийцы — греки, живущие на островах Ионического моря, греки вообще.

Иосиф — см. **Юсуф**.

Ирак — в средневековой географии существовало два Ирака: Ирак арабский (Ирак-и Араб) и Ирак иранский (Ирак-и Аджам — букв. «Ирак неарабский»). Первый включал в себя почти всю территорию современной Иракской арабской республики, а второй состоял из центральной части современной Исламской республики Иран от Хамадана до Тегерана, включая города Кирманшах, Хамадан, Малайир, Арак, Гулпаяган и Исфаган. Во времена Низами Азербайджан входил в состав этого султаната, которым правили азербайджанские атабеки.

Ираки — один из ладов классической музыки.

Ирем — прекрасный сад, созданный мифическим тираном Шеддадом, который решил устроить на земле подобия ада и рая. По легенде, Шеддад умер, не успев войти в свой рай.

Иса — Иисус Христос, причисленный в исламе к шести великим пророкам. Мусульманский Иса — не сын Бога, а лишь пророк, человек, передавший людям божественное откровение. Согласно поверью, Иса обладал способностью воскрешать мертвых своим дыханием.

Искендер — Александр Македонский (356 — 323 до н. э.)

Искендерия — г. Александрия в Египте.

Исмаил — см. **Ибрахим**.

Исрафил — архангел, который звуком своей трубы должен возвестить начало Страшного суда. От звука этой трубы расколется земля, рассыплются в прах горы и мертвые восстанут из могил.

Истахр — Персеполь, столица древнего Ирана при царе **Дарии III**, развалины которой находятся на юге области Фарс, неподалеку от г. Шираза.

Ису — название, которое, как полагают ученые, относится к племени вису (или везь), обитавшему вокруг Белого озера, по рекам Шексне, Мологе, Тверце, в X — XII вв, ассимилировавшему с русскими племенами.

Исуйцы — см. **Ису**.

Исфаган — один из древнейших городов Ирана.

Исфаганский лад — один из ладов классической восточной музыки.

Исфендвар — легендарный иракский богатырь, обладавший будто бы железным телом, один из героев «Шах-наме» Фирдоуси.

Исфиджаб — город в Туркестане.

Исхак — библейский патриарх Исаак, сын Авраама, отвесенный исламом

к числу второстепенных пророков, бывших до Мухаммеда. Низами, исходя из неизвестной нам традиции, возводит род македонских царей, в том числе и Искендера, к Исхаку.

Ифранджат — представляет собой арабскую форму множественного числа от «франк» и обозначает Европу, совокупность известных на Востоке европейских стран и народов.

Ифриты — самый страшный и злобный вид нечистых духов.

Иемен — страна на юге Аравийского полуострова, в поэзии Низами — синоним счастья, счастливого предзнаменования (см. **Сухейль**).

Кааба — храм в Мекке кубической формы, где хранится священный монолит — черный камень. Кааба — величайшая святыня ислама, к которой совершают паломничество и в сторону которой обращаются во время молитвы мусульмане.

Каба — род кафтана без воротника, шерстяной халат, обычная верхняя одежда во времена Низами, сохранившаяся в Иране и поныне.

Кабарга — равноднность небольшого безрогого оленя; из мускусных желез самца кабарги добывают мускус.

Кабиль — см. **Каин**.

Каве — персонаж из «Шах-наме» Фирдоуси. Кузнец Каве поднял восстание против тирана Зоххака, надев на острие пика свой кожаный фартук. Когда Зоххак был свергнут и на престол взошел шах Феридун, фартук Каве расшили жемчугом и драгоценными камнями и сделали шахским штандартом — «Кавеевым стягом».

Кадар-хан — титул древних тюркских императоров.

Каин (Кабиль) — по коранической легенде, восходящей к Библии, сын Адама — Каин убил своего брата Авеля за то, что бог был к нему более благосклонен и принял его жертву.

Кайсар, Кейсар (кисра) — византийский император, арабизированная форма слова «кесарь» (цезарь).

Кайруван — город в Северо-Западной Африке, в Тунисе.

Калам — перо для писания, изготовлявшееся из тростника.

Калым — выкуп за невесту ее родителям. Хотя пророк Мухаммед заменил этот обычай выплатой суммы для обеспечения жены на случай развода, калым сохранился в мусульманских странах вплоть до наших дней.

Камедь — густой сок некоторых деревьев, растущих в Аравии и Иране.

Камфара — кристаллическое белое сильно пахнущее вещество, добывается из камфарного дерева, произрастающего в юго-восточной Азии, и употребляется как стимулирующее средство при сердечных болезнях.

Кандахар — один из древнейших городов и культурных центров Афганистана.

Каноп — см. **Сухейль**.

Каннудж — историческое название города Канаджа в Индии, к северозападу от Канбура.

Капелла — звезда первой величины в созвездии Возничего.
Капище — языческий храм, храм огня у огнепоклонников.
Карагач — дерево с плотной древесиной, высотой до 20 м. использовалось как строительный материал, топливо, а также в декоративных целях.
Карбас — грубая бумажная ткань, холстина, дерюга.
Карун — легендарный богач (в Библии — Корей), который был проклят Мусой (Моисеем) за скупость и поглощен змеями вместе со своими богатствами. Предание о сказочном богатстве Каруна идет от мусульманской традиции.
Карн — тридцатилетие.
Касаб — тонкая желтая льняная материя. В мусульманских странах ее должны были носить евреи для отличия их от мусульман и христиан.
Касасе — кит, касатка, морской дракон.
Касыда — большое стихотворение с моноримой (аа, ба, ва и т. д.), нередко панегирического (ода) или философского содержания.
Каус — см. **Кей-Кавус**.
Каусар — см. **Ковсар**.
Каф, Кафские горы — легендарные горы мифической восточной географии, находящиеся будто бы на краю земли; в этих горах обитает птица Симург; легенда отождествляет Кафские горы с Кавказом.
Кашгар — крупнейший город и область в Восточном (Китайском) Туркестане, ныне в Южном Синьцзяне в КНР.
Кашмир — название области в Северной Индии.
Кабаб — жаренное на вертеле мясо, шашлык.
Кей — титул древних иранских шахов из мифической династии Кейнидов, синоним понятия «могущественный шах».
Кейван — планета Сатурн, символ необратимого времени, несущего несчастья и смерть.
Кей-Кавус — легендарный шах древнеиранского эпоса, жизнь и деяния которого воспеты в «Шах-наме».
Кей-Кобад — легендарный шах древнего Ирана, прославившийся своим могуществом и пышными пирами.
Кей-Хосров — легендарный шах древнего Ирана. В «Шах-наме», где рассказана история его правления, Кей-Хосров, достигнув вершины своего могущества, отрывается от власти и таинственно исчезает в горах.
Кеманча — восточный музыкальный инструмент, род скрипки с тремя или четырьмя струнами. Этот инструмент и ныне пользуется большой популярностью в Азербайджане.
Кисра — см. **Хосров**.
Кирман — историческая область около Газны (не путать с современным г. Кирманом в Иране).
Кирманшах — город на северо-западе Ирана, недалеко от которого находится так называемый «Замок Ширин» (см. **Бисутун**).

Кисур — название исторического города в Индии, который славился своей камфарой и сандалом.
Китай (Чин) — в поэзии Низами страна тюрков, не соответствующая современному географическому представлению о Китае. Под названием «Чин» Низами имел в виду Китайский, точнее Восточный Туркестан, страну, откуда привозят прекрасных белокожих рабынь-тюрчанок, где живут искусные художники. Китай — это также Восток, страна восходящего солнца.
Книзеры — см. **Икнимы**.
Ковсар (Коусер) — один из райских источников, упоминаемых в Коране.
Кыбла — направление в сторону Мекки, куда мусульмане обращаются лицом во время молитвы.
Кызыл-Арслан — атабек Музаффар ад-Дин Кызыл-Арслан (1186—1191), сын Шамс ад-Дина Ил-Дениза и брат Шамс ад-Дина Мухаммеда Джахан-Пахлавана (1176 — 1186). Он покровительствовал Низами и другим поэтам, литераторам и ученым.
Кыпчаки — одна из крупнейших тюркских народностей, включавшая многочисленные племена; кыпчаков на Руси называли «половцами», ибо они обитали, главным образом в «поле» — на равнинах к северу от Кавказского хребта, в южнорусских степях, от Днепра и Черного моря до Урала. Кыпчаки появились в Восточной Европе и Западной Азии в IX в. Впоследствии они составили ядро населения Золотой орды (XIII — XV вв.), основу этногенеза крымских, волжских татар, казахов, узбеков и других народов.
Кулах — головной убор иранских крестьян, а также дикхан, последние носили высокие войлочные шапки, расшитые жемчугом и драгоценными камнями. В другом смысле «кулах» — корона, шахский венец.
Кульзум, Кульзумское море — Красное море.
Кунжут — травянистое растение с мелкими семенами, из которых получают масло, идущее на Востоке в пищу.
Кутваль — комендант крепости.
Кура — самая большая река в Азербайджане, впадающая в Каспийское море.
Кяджаве — паланкин, крытые носилки.
Лал — рубин, обычное сравнение с устами красавиц.
«Лейли и Меджнун» — третья поэма Низами (см. Предисловие).
Лотос — водяное растение из семейства кувшинковых с красивыми крупными цветами, почитавшееся у древних египтян и индусов.
Маги — в поэзии эпохи Низами — зороастрийцы, жрецы-огнепоклонники, кудесники, волшебники. Так как ислам запрещал употребление вина, то его поставщиками были зороастрийцы и христиане.
Магриб — западная часть средиземноморской Африки — Алжир, Тунис, Марокко, иногда также Египет и арабская Испания. Магрибское золото — золото чистейшей пробы из Магриба.
Мазендеран — область в Иране на южном берегу Каспийского моря.

Майоран — душистое растение, употребляемое как пряная приправа.
Маик — страж адских врат, упоминаемый в Коране.
Мамшан-руд — название реки в Иране, около Исфагана.
Манджаник — камнемет, катапульта.
Мандрагора — «адамова голова», многолетнее растение с мясистым, иногда разветвленным корневищем. В средние века мандрагоре приписывали чудотворные свойства.
Мани — (казнег в 244 г.), основатель манихейства. Манихейство — дуалистическая религия, вобравшая в себя раннехристианские и гностические верования. Манихейство было распространено в Иране и Средней Азии до X в. и позднее. Мани в поэзии Низами известен прежде всего как искусный художник. (см. **Аржавг**).
Мавсак — «место, где молятся богу», храм для богослужения, обитель богомольцев, страна, народ которой необычайно праведен.
Марказит — сурьма; золотой марказит — лучший сорт сурьмы.
Маррих — планета Марс.
Масус — блюдо из голубиного мяса, яиц, миндаля и фисташек.
Махти (Мехди) — Мессия, последний XII имам, якобы таинственно скрывшийся. По легенде, он явится перед концом света на белом коне и очистит мир от скверны.
Махмуд — самый выдающийся представитель династии Газневидов, могущественный султан Махмуд (999 — 1030), создавший обширную империю, завоеватель Индии.
Медаин — арабское название Ктесифона, древней столицы иранских царей династии Сасанидов, находившейся неподалеку от развалин дворца Сасанидов, известного в народе как «Дворец Хосрова».
Меджнуун — буквально: одержимый, неистовый; прозвище Кейса, героя арабского сказания, положенного в основу поэмы Низами «Лейли и Меджнуун»; в нарицательном значении — безумно влюбленный человек.
Медина — город на Аравийском полуострове, где Мухаммед впервые утвердился как пророк и где он похоронен.
Мелик — по-арабски, царь, государь, почетный титул многих султанов и правителей.
Мелик-шах — могущественный сельджукский султан (1072 — 1092).
Мейдан (Майдан) — площадь, ристалище для игры в конное поло.
Мекка — священный город мусульман, религиозный центр ислама, расположенный на Аравийском полуострове, на берегу Красного моря. В Мекке находится знаменитый храм Кааба.
Мен (ман) — мера веса от 3 до 12 кг.
Мерв — исторический город в Средней Азии (ныне город Мары Туркменской ССР).
Месих, Мессия — то же, что **Иса**. Древнееврейское слово «Масиха», из которого возникло «мессия», в I в. стало обозначать Христа.
Миканл — архангел Михаила.
Миль — палочка для сурьмления глаз, век и ресниц.

Минбар — кафедра в мечети.
Мисал — грамота, трактат назиданий.
Мискаль — мера веса равная 4,6 г.
Мирадж — вознесение пророка Мухаммеда в эмпирей к аллаху, которое он якобы совершил вне времени.
Миробалан — терпкий, вяжущий плод, содержащий большое количество танина, применялся в средневековой медицине.
Михраб — стрельчатая ниша в мечети, указывавшая направление в сторону Мекки. Во время молитвы лицо молящегося должно быть обращено к михрабу. Михраб — обычное в поэзии Востока сравнение с бровями красавицы.
Мобед — зороастрийский жрец-огнепоклонник, в поэзии Низами часто — жрец-идолопоклонник или огнепоклонник вообще (напр., индусский мобед).
Моисей — см. **Муса**.
Мосул — один из древнейших городов Ближнего Востока, ныне находится на территории Ирака.
Мугань — Муганская степь, низменность к югу от нижнего течения Аракса в Азербайджане.
Муг — см. маги.
Мусикар — свирель, дудка.
Мускус — ароматическое вещество, добываемое из желез в пупке самца кабарги.
Мутриб — певец и музыкант, трубадур; слова «мутриб» и «трубадур» имеют в основе общий арабский корень «трб», обозначающий «радость», «веселье».
Мухаммед (570 — 632) — пророк мусульман. Родился в Мекке на Аравийском полуострове. В детстве лишился родителей, воспитывался в доме своего дяди Абу-Талиба. Выступил с пророчествами в начале XII в. В 622 г., спасаясь от преследований соотечественников, переехал вместе со своими сподвижниками в г. Медину. К 630 г. проповедуемая им монотеистическая религия — ислам была признана значительной частью населения Медины, Мекки и других близлежащих районов. Умер в 632 г. в зените славы и всеобщего признания. Он считался последним пророком, хотя и был сотворен Аллахом «еще тогда, когда Адам был глиной». Он оставил после себя священную книгу мусульман Коран, который якобы был дан ему Аллахом как откровение.
Мукарнас — сводчатый, выпуклый; здание с куполом, который имеет сталактитовую лепку и украшен росписью и керамической отделкой. Сталактитовая лепка обычно применялась в куполах мечетей и на потолках дворцов.
Мукаддас («священный») — второй компонент арабского названия города Иерусалима. Полностью оно звучит: «Бейт-ал-Мукаддас», что значит «Священная обитель».
Муллан — река (канал) в бухарском оазисе.

Муса — арабизированная форма имени библейского пророка Моисея, причисленного исламом к сонму шести великих пророков. Муса совершил два чуда: когда он бросил свой жезл перед фараоном, тот превратился в змею; когда же он вынимал руку из-за пазухи, она излучала свет. Отсюда выражение «белая рука», что в классической литературе метафорически обозначает необычайное мастерство, искусство.

Мухтасиб — должностное лицо в мусульманском городе, обязанное следить за соблюдением шариата. Мухтасиб осматривал город, базары, проверял правильность гири, ловил продавцов вина, пьяниц и т. д.

Муштари — планета Юпитер.

Муэдзин — мусульманское духовное лицо, которое с минарета мечети возглашает призыв (азан) мусульман к молитве.

Мюрид — послушник, ученик духовного наставника, последователь суфизма.

Набат — род леденцов, белые круглые конфеты из хорошо очищенного сахара.

Набиз — алкогольный напиток, вино.

Най — небольшая тростниковая флейта, пронзительные звуки которой служили сигналом к началу сражения.

Нард — широко распространенная на Востоке игра. Игроки на специальных досках делают ходы, которые определяются количеством цифр, выпавших на игральные кости; дважды шесть — наибольшее число, которое может выпасть на костях.

Насик — «благочестивый, набожный», богомолец, отшельник, занимающийся славословием бога.

Нат — кожаная подстилка, на которой обезглавливали осужденного.

Нафир — горн, духовой инструмент, труба; употребляется также в значении «крики», «вопли».

Недим — приближенный, доверенный собеседник и советник царя.

Нейсан, (Ниясан) — месяц древнего солнечного сирийского календаря, совпадающий с апрелем.

Немрод — легендарный тиран, свергнувший в огненную печь пророка Ибрахима (Авраама). За это бог покарал его, напустив на него москита, который через ухо проник в мозг и терзал тирана до тех пор, пока он не погиб.

Несрин — вид дикорастущего нарцисса, жонкля.

Нехшеб — город в Средней Азии, впоследствии Карши.

Ниатус — брат византийского императора, подлинное имя которого Тиодус (Феодосий), ему было поручено командование византийской армией, направленной на помощь Хосрову Парвизу.

Низам-ал-Муальк (1017 — 1090) — знаменитый везир сельджукских султанов Алп-Арслана (1060 — 1072) и Мелик-шаха (1072 — 1090).

Нил — река в Египте; символизирует голубой цвет, индиго.

Никумаджис — искаженная форма от Никомахос — Никомах, отец Аристотеля.

Нисар — древний обычай осыпать новобрачных или вступившего на престол золотыми монетами, драгоценными камнями, карамелью.

Новруз — новый год древнего иранского календаря, приходящийся на 22 марта, весна, праздник весны и нового года.

Ной (Нух) — библейский патриарх, спасшийся в ковчеге во время всемирного потопа; почитается мусульманами как пророк.

Нубец — чернокожий из Нубии; в поэзии Низами — символ черноты ночи; улыбка нубийца на черном лице — метафорически уподобляется рассвету.

Нусрат ад-Дин — Абу-Бакр Нусрат ад-Дин Бишкин, сын атабека Мухаммеда Джахан-Пахлавана, правитель Азербайджана и Иракского султаната. После смерти его отца в 1186 г. к власти пришел его дядя по отцу атабек Кызыл-Арслан (1186 — 1191), который объявил себя султаном всего Персидского Ирана с центром в Азербайджане. После смерти Кызыл-Арслана между сыновьями Мухаммеда Джахан-Пахлавана началась междоусобная борьба, длившаяся до 1194 г., когда Нусрат ад-Дин одержал победу и стал правителем. Но он не мог удержать в своих руках обширный султанат, созданный его отцом и дядей, и фактически правил (до 1210 г.) Азербайджаном, сделав г. Нахичеван своей основной столицей. Обе части «Искендер-наме» посвящены ему.

Нушануш — возглас во время пирушки, означающий «На здоровье, да будет сладостно вино!».

Онагр — дикий осел, кулан (см. гур).

Оман — область и город в юго-восточной части Аравийского полуострова.

Органон — небольшой музыкальный инструмент с мехами и клавиатурой, предшественник современного органа.

Падишах — царь, шах.

Палудэ — вид желе, лакомство.

Парс — древнее название области Фарс в Иране.

Пар — зороастриец, огнепоклонник.

Парчам — знамя, стяг, к вершине древка которого как символ власти привязывали пучок волос из конского хвоста.

Пери — фея, прекрасная лицом и злая душой, символ женской красоты.

Пехлеван — богатырь, непобедимый, могучий; атабека Шамс ад-Дина Мухаммеда звали Джахан-Пахлаван.

Пехлеви — среднеперсидский язык, официальный язык Ирана до завоевания его арабами в 650 г. Отсюда — пехлевийский лад, пехлевийский напев.

Пешдад — «правосудный, законодатель», прозвище героя иранского эпоса «Шах-наме» Фирдоуси, царя Хушанга, родоначальника династии Пешдадиян.

Платон (427 — 347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, известный на Востоке под именем Афлатун.

Рей — древний иранский город, расположенный к югу от современного Тегерана.

Рейхан — базилик, благовонная трава вроде мяты.

Рибат — караван-сарай, постоянный двор.

Ризван — страж райских врат, упоминаемый в коране.

Ричар — пряность, маринад, кислые фрукты.

Роузан — отверстие в потолке для света и воздуха.

Рубаб — смычковый музыкальный инструмент.

Руд — струнный музыкальный инструмент.

Рум — античная Греция, Византия, Малая Азия; символ белизны.

Румиц — Искендер (Александр Македонский).

Рустам — главный герой так называемого систанского цикла иранского героического эпоса, непобедимый богатырь-великан, персонаж «Шах-наме».

Рута — растение, мелкими зернами которого окуривали от «дурного глаза».

Саз — струнный музыкальный инструмент.

Саклабы — арабское название славян.

Сам — герой иранского эпоса, отец Зала и дед Рустама.

Саманиды — независимая от халифата династия иранского происхождения (888 — 999 г.) со столицей в Бухаре.

Самарканд — один из древнейших городов, культурных политических и экономических центров Средней Азии.

Самум — песчаная буря в африканских странах.

Сапфир — драгоценный камень синего или голубого цвета. Сапфирные чашы — голубые, синие небеса.

Сарджуш — проба пищи из котла, первая ложка пищи для проверки вкуса и готовности блюда.

Сарир — букв. «престол, трон», арабское название области и горного замка в Дагестане, который в исторической литературе отождествляется с аулом Гуниб. Еще автор географического сочинения «Худуд ал-алем» («Границы мира») в X в. писал: «Сарир — это область с очень большими богатствами, горная и степная... Крепость царя — очень большая крепость на вершине горы; в этой крепости местопребывание царя. Говорят, что у него есть очень большой трон из красного дерева». («Худуд ал-алем», рукопись Туманского. Введение В. Бартольда, Л., 1930, с. 31).

Сатудан (сутудан) — круглая башня, на вершине которой зороастрийцы клали трупы, усыпальница.

Сейфур — тонкая узорчатая шелковая ткань.

«Семь красавиц» — четвертая поэма Низами (см. Предисловие).

Снавуш — один из героев древнего иранского эпоса, сын легендарного царя Кей-Кавуса. Спасаясь от необоснованных подозрений отца, он бежал к патриарху тюрков Афрасиабу, который ласково принял его и выдал за него дочь Ференгиз. Однако позже Афрасиаб, поверив клевете своего брата Гарсиваза, убил Снавуша. После этого иранцы, чтобы отомстить за кровь Снавуша, начали

длительную войну с туранцами. Предание о Снавуше было широко распространено и подробно изложено в «Шах-наме» Фирдоуси. Сидр (букв. кедр) — мифическое дерево, растущее у небесного престола, дальше которого не могут подняться даже ангелы и архангелы. В коране это дерево зафиксировано в форме «сидрат ал-мунтаха», что обычно переводится на русский язык как «лотос крайнего предела».

Сикба — особым образом изготовленный лекарственный бульон, напиток.

Симург — мифическая огромная птица, якобы обитающая на горе Каф, царь птиц; символ всего невидимого, таинственного.

Синджабийцы — см. Буртасы.

Сога — исторические город и область в Средней Азии между Самаркандом и Бухарой, один из древнейших очагов культуры. Население Сога — согдийцы — сыграло важную роль в этногенезе современных таджиков.

Сократ (469 — 399) — древнегреческий философ, учение которого знаменовало собой поворот от материалистического натурализма к идеализму. Учение Сократа, который сам ничего не писал, дошло до нас в изложении его ученика Платона и Аристотеля. Сократ учил, что строение мира, физическая природа вещей непознаваемы. Познать мы можем лишь самих себя. Высшая задача знания не теоретическая, а практическая — искусство жить, поэтому кредо его: «Познай самого себя». Этика Сократа рационалистична и гуманистична. Низами верно излагает основные принципы этики Сократа.

«Сокровищница тайн» — первая поэма Низами, завершенная в 1187 г., в которой он в дидактическом ключе изложил свои этические, эстетические взгляды, художественные принципы и социально-философские воззрения.

Соломон — см. Сулейман.

Справедливый — см. Ануширван.

Судаб — растение, якобы разрушающее чары.

Сулейман — мудрый и могучий царь (в Библии — Соломон), включенный исламом в число второстепенных пророков, бывших до Мухаммеда. Сулейману, согласно мусульманским легендам, были подвластны люди, звери, пери и джинны, которые носили его на ковче-самолете по всему его царству.

Сурайя — созвездие Плеяд, состоящее из семи звезд; находилось по представлениям средневековой астрономии намного выше других созвездий.

Суруш — древний Сраоша, один из ангелов зороастрийского пантеона; вошел в мусульманские легенды как божественный вестник, несущий откровение, внутренний голос.

Сухейль (Канопус) — главная звезда созвездия Корабль Арго, появляющаяся в определенное время года в южной части неба, она лучше всего видна в Йемене. В поэзии Низами Сухейль и Йемен—

взаимосвязанные понятия. Сухейль — символ красоты, блеска и счастья.

Табарзад — кусковой сахар, карамель; синоним сладости.

Табархун — ива пурпуровая, розги из сандалового дерева.

Тамгадж — область в средневековом восточном Туркестане.

Тамуз — десятый месяц сирийского календаря, соответствует июню — июлю, *знойная пора*.

Тараз — область и город в Туркестане, поставивший белокожих красивых рабынь; символ белизны, света, утра, противоположность **Хабешу**. Развалины Тараза находятся неподалеку от современного г. Джамбула.

Тахте — возвышение, на котором моют и обряжают покойников.

Тигр — одна из двух главных рек Ирака.

Тиштрия — звезда Сириус.

Тогрул — сын Арслана, номинальный султан Азербайджана и Иранского Ирака Тогрул III (1176 — 1194). Фактическими же правителями при Тогруле III были Мухаммед Джахан-Пахлаван (1175 — 1186) и его брат Кызыл-Арслан.

Туба — райское дерево.

Турция — во времена поэта состояла из части Малой Азии (Арзрум, Кония, Сивас, часть побережья Черного моря), в нее не входили столица Византии Константинополь (Стамбул) и сопредельные области.

Туран — мифическая страна, упоминающаяся в иранском героическом эпосе; туранцы — народ общего с иранцами происхождения, но враждебный им. Позже Тураном стали называть область обитания тюркских племен.

Турач (дуррадж) — птица из семейства фазанов (франколинов). Борьбача турача считается на Востоке приятным.

Турундж — померанец, небольшой горько-кислый плод, похожий на апельсин, который употребляют при приготовлении соусов.

Тут — тутовник, тутовое дерево с сочными белыми или черными плодами, листья которого служат кормом для шелкопряда.

Тутя — лекарственная мазь для глаз.

Тюрки — одна из древнейших и крупнейших народностей, проживавшая с доисторических времен на обширной территории от Дальнего Востока до Восточной Европы. Тюрки впоследствии составили основное ядро в этногенезе многих современных народов (азербайджанцев, узбеков, казахов, туркмен, татар, башкир, турков и т. д.). В поэзии Низами тюрки — символ белизны, красоты, воинской доблести и бесстрашия.

Умар-ал-Балхи (Абу Машар Джафар ибн Мухаммед Балхи) — один из крупнейших энциклопедистов IX в. (ум. в 887 г.) Он учился у знаменитого математика и философа ал-Кинди и оставил после себя огромное научное наследие. Из более чем 50 книг, сочиненных Умаром-ал-Балхи до нас дошло лишь 12, сре-

ди которых имеется и указанное Низами сочинение «Улуф» («Тысячи вопросов»).

Удж — библейский Ог, легендарный великан, царь страны Натан — северо-восточного Заанорданья.

Уннаб (уннаби) — зизифус обыкновенный, «грудная ягода», красный вкусный плод; традиционно поэтическое сравнение уннаби с губами и окрашенными пальцами красавиц.

Урдибехишт — первый месяц иранского солнечного календаря (с 21 марта по 21 апреля).

Утарид — планета Меркурий, покровитель мудрости, он же искусный писец.

Ушшаг — один из ладов восточной классической музыки.

Фагфур — букв. «сын бога»; титул китайских императоров (отсюда русское «фарфор»).

Фарр — божественная благодать, которой согласно теократическим представлениям древнего Ирана, должен был обладать законный правитель. Фарр изображался в виде сияния (нимба) вокруг головы.

Фарсанг — путевая мера, столько, сколько может пройти конь за один час, т. е. шесть-семь (иногда десять) километров.

Фарси — персидский язык, язык классической литературы на фарси.

Фарфорий — Порфирий Тирский или Финикийский (232 — 304), крупнейший раннесредневековый философ, один из первых неоплатоников. Известен как популяризатор философской системы своего учителя и комментатор произведений Платона, а также сочинений по логике Аристотеля. Его «Введение в категории Аристотеля» широко изучалось в период средневековья и считалось основным пособием по логике. Оно много раз переводилось на арабский, персидский и тюркские языки и широко комментировалось, в том числе и азербайджанскими учеными — современниками Низами.

Фархар — восходит к санскритскому слову «вихара» — буддийский храм. Является также названием нескольких городов в Китайском Туркестане. Храм Большой Фархар, отличавшийся величием и красотой, находился в одноименном городе в Тибете.

Феникс — чудесная птица, которая, согласно древнеегипетским мифам, достигнув старости, якобы сжигала себя в пламени и вновь возрождалась из пепла молодой и прекрасной.

Ферамурз — один из легендарных богатырей древнеиранских сказаний, сын Рустама — главного героя иранского эпоса и «Шах-наме» Фирдоуси. Он участвовал вместе с отцом во многих сражениях против туранцев, был побежден сыном легендарного богатыря **Исфендиара Бахманом** и повешен по его приказу.

Фергана — область и один из древних культурных центров Средней Азии, ныне в Узбекской ССР.

Ферибурз — полководец Дария III, а также имя легендарного героя древнеиранских сказаний.

Феридун — один из мифических царей древнего Ирана, герой «Шах-наме» Фердоуси, вернувший себе трон с помощью кузнеца Каве. Феридун в старости хотел разделить свою державу между тремя сыновьями, но братья Сальм и Тур из зависти к Иреджу, которому предназначался Иран (а им достались Рум и Туран), убили Иреджа, из-за чего возникла длывшаяся веками вражда между Ираном и Тураном.

Филикус — Филипп Македонский, отец Александра Македонского.

Фердоуси — великий персидский поэт (936 — 1020), автор эпоса «Шах-наме» («Книга царей»).

Финифть — эмаль для покрытия металлических изделий и накладываний узоров на фарфор.

Фирман — царский указ.

Фука — бродящий напиток, пиво.

Фур — индийский царь Пор, противник Искендера.

Хабил — **Авель**.

Хабеш — Абиссиния, Эфиопия, откуда во времена Низами привозили темнокожих рабов; в поэзии — синоним мрака, ночи в противоположность **Таразу** и **Хотану**.

Хаверанцы — восточные тюрки, живущие в Китайском Туркестане.

Хадж — паломничество, которое мусульмане совершают в Мекку, к храму **Каабы**.

Хаджи — мусульманин, совершивший паломничество в священный город Мекку.

Хаджиб — приближенный шаха.

Хазарское море — Каспийское море.

Хазары — см. **хазраны**.

Хазраны (хазранийцы), хишарцы (хазары) — народность тюркского происхождения, которая в IV в. образовала государство на обширной территории на западном и северном берегах Каспийского моря. Хазарское государство просуществовало до XI в.

Хакан — император древних тюрков, титул императора Восточного (Китайского) Туркестана, то же самое, что и Хакан Чина.

Хаким — мудрец, провидец, суфий, а также врач.

Халиф — религиозный глава мусульман и одновременно верховный правитель мусульманского государства; халифат сложился в VII в. после смерти пророка Мухаммеда, преемниками которого были четыре «правверных» халифа: Абу-Бакр (632 — 634), Умар (634 — 644), Усман (644 — 656) и Али (656 — 661); в начале XI в. халифы потеряли светскую власть и сохранили лишь религиозный авторитет.

Халлух — город в Восточном Туркестане, жители которого — тюрки — в классической восточной поэзии символизировали красоту. Он обычно противопоставляется Хабешу — символу черноты и мрака. Халлух славился также своими кабаргами — газелями, из желез которых добывали ароматическое вещество — мускус.

Хан — титул древних тюркских правителей, князь, глава племени, Фео-

дал, помещик; почетный титул, присоединяемый к мусульманским именам собственным.

Хан ханов — титул верховного правителя древних тюрков вроде «царя царей».

Ханзол — колоквинт, горький ядовитый плод пустынного растения.

Хар — см. **Рей**.

Хараджи — подушная подать, поземельный налог, дань.

Харвар — букв. «ослиный выюк»; крупная мера веса, колеблющаяся в зависимости от места, где она применялась (от ста до четырехсот килограммов).

Харум — согласно Низами, древнее название Барды.

Харут и Марут — два ангела, которые, по мусульманской легенде, были для испытания посланы на землю в человеческом облике. Они влюбились в красавицу Зухре и под влиянием охватившей их страсти совершили преступление. В наказание за это они были низвергнуты в колодезь в Вавилоне, где и должны пребывать до дня Страшного суда. Зухре, ставшая причиной их падения, была вознесена на небо, где приняла облик планеты Венеры, покровительницы красоты и музыки.

Хатай — область в Восточном Туркестане.

Хатун — тюркский титул правительницы или жены хакана, благородной тюркской дамы.

Хизан — деревня к северо-западу от Исфагана.

Хирман — ток, амбар, место, куда складывают собранный урожай.

Ходжа — феодальный придворный титул; впоследствии «господин», «заслуженный человек».

Хорасан — обширная область, по средневековой географии занимавшая территорию современного Ирана — от Тегерана до берегов Амударьи — и часть Афганистана (Балх, Газна).

Хорезм — древняя страна в районе Хорезмского оазиса, в низовьях Амударьи, один из старейших очагов высокоразвитой земледельческой культуры.

Хосров (Хосрой) — собственное имя Хосрова Ануширвана, чье имя стало нарицательным титулом могучего властелина подобно тому, как стало нарицательным имя Цезаря; Хосрой — могущественные цари.

«Хосров и Ширин» — вторая поэма Низами (см. Предисловие).

Хормус (вернее Хермес) — древнегреческий философ Гермес Тризмегист («Трижды величайший»), которому приписывали основание алхимии, магии и других «волшебных наук».

Хотан — название области в Туркестане, откуда привозили красивых рабынь; как и Тараз, и Китай — синоним света, белизны, красоты.

Худжасте — высокосортная бумага особого качества и формата

Хузистан — область на юго-западе Ирана, откуда во времена Низами привозили финики; синоним сладости.

Хума — сказочная огромная птица, приносящая счастье. По поверью, на кого падет тень этой птицы, тот станет царем. (Отсюда Гамаюн русских сказок).

Хуталь — сокращенная форма от Хутталаан, древнего названия области в Средней Азии между Пианджем и Вахшем, занимавшей часть современной Таджикской ССР. Хутталаан славился своими породистыми скакунами.

Хызр — таинственное мифическое существо в зеленых одеждах, обладающее вечной жизнью, открывшее источник «живой воды». Хызр якобы чудесно передвигается в пространстве и приходит на помощь путникам, погибающим в пустыне.

Хырхыз — киргиз.

Чайпал — см. **Джейпал**.

Чанг — большой струнный инструмент, напоминающий арфу (современный чанг больше похож на цимбалы).

Чач — один из древнейших городов Средней Азии, современный Ташкент.

Чин — см. **Китай**.

Човган (чоуган) — конное поло; игра заключается в том, что всадники клюшками отбирают друг у друга мяч и загоняют его между двумя столбами; човганом называется и клюшка для игры изогнутой формы. В поэзии — синоним всего изогнутого, в частности, кудрей красавицы.

Шариат — законодательство, свод мусульманских религиозных и юридических правил, основанных на *коране*.

Шаханшах — букв. «царь царей», древний титул иранских царей со времен династии Ахеменидов (559 — 329 гг. до н. э.).

Шахразур (Шахризур) — город в Месопотамии, близ Вавилона, где, по преданию, умер Искендер.

Шеблиз — черный конь Хосрова Парвиза, героя поэмы «Хосров и Ширин».

Шеддад — мифический царь-тиран, сын Ада Старшего; он возгордился и восстал против Бога, оешив устроить на земле сад наподобие райского рая (см. **Иреч**).

Ширван — древняя область и самостоятельное княжество в средневековом Азербайджане.

Ширин — героиня второй поэмы Низами «Хосров и Ширин».

Шихна — правитель города, начальник военной и полицейской власти.

Шутурбан — погонщик верблюдов.

Шуштар — Сузы, одна из древнейших столиц Ирана; ныне Шуштар — небольшой город на юге Ирана.

Эбен — черное тропическое дерево с ценной твердой благоухающей древесиной, символ черноты и крепости.

Эвклид (Евклид) — знаменитый греческий математик (315 — 255).

Эдем — по библейской легенде, земной рай, место пребывания первых людей до грехопадения, благодатный уголок.

Эйлакцы — название это не идентифицировано с какой-нибудь исторической народностью. Под эйлакцами Низами подразумевал какое-

то кочевое племя, находившееся в союзе с русами и обитавшее в южнорусских степях.

Эмир — военачальник, правитель, повелитель.

Эмпирей — высшая часть неба, за пределами которой находится бог.

Эрженг — см. **Аржанг**.

Эрпат — зороастрийский жрец, низшее духовное лицо.

Юнан — Греция.

Юсуф — герой мусульманской легенды, восходящей к Библии (Иосиф Прекрасный), любимый сын **Якуба**. Был из зависти похищен другими сыновьями Якуба и брошен в колодезь, откуда его извлекли случайные путники. Он был продан в рабство египетскому вельможе Китфиру (Потифару), жена которого Зулейха влюбилась в Юсуфа. Легенда о Юсуфе и Зулейхе послужила основой для многочисленных сказаний и поэм на этот сюжет. Юсуф — символ красоты, мудрости, целомудрия, благородства.

Үйгма — город в восточном Туркестане, славившийся своими красавицами-*тюрчанками*.

Яджудж (обычно яджудж и маджудж) — два мифических народа, упоминаемые в *коране* и отождествляемые с библейскими гогом и магогом. По преданию, Искендер построил великую стену, чтобы обезопасить народы Средней Азии и Ближнего Востока от набегов этих диких народов. По мнению некоторых историков, в этой легенде в сказочной форме отразилась история постройки Великой китайской стены, воздвигнутой для защиты от кочевников.

Яздан (Изад) — древнее имя зороастрийского божества.

Якуб — библейский Иаков; по учению ислама, один из пророков, бывших до Мухаммеда, отец **Юсуфа**. Когда Иосиф исчез, Якуб ослеп от слез и горя, но затем, получив известие о том, что его сын жив, чудесным образом прозрел.

Ясмен — жасмин.

Яхни — (сокращ. от **жхни-плов**) — род плова, где вареное мясо или курица кладутся под рис на дно котла.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Низами и его поэма «Искендер-наме». Рустам Алиев	5
Шараф-наме	
О причинах сочинения этой книги	29
Пригла	31
О своем положении	34
О преимуществах этой книги перед другими книгами	40
Рассказ о поучении Хызара	50
Восхваление палишаха Нусрат ад-Дина	56
Обращение с целованием праха	61
Краткое изложение всего рассказа	64
Обращение к слушателям с призывом обратить внимание на рассказ	71
Начало рассказа и изложение истины о рождении Искендера	76
Обучение Искендера	81
Искендер восходит на трон отца	88
Египтяне приносят Искендеру жалобу на насилия зинджей	92
Поход против зинджей. Гибель Туттануша	98
Первое сражение с черными зинджами	102
Второе сражение с черными зинджами. Бой с Зераче	109
Третье сражение с черными зинджами. Бой с Пеленгером	117
Четвертое сражение с черными зинджами и победа Искендера	123
Возвращение Искендера после победы над зинджами	130
Искендер обдумывает, какой силой обладает Дарий, и получает предсказание победы	137
Ученые делают для Искендера зеркало	148
Дарий требует от Искендера дань. Ответ Искендера	151
Искендер готовит войско для войны с Дарием	161
Дарий обсуждает со своими вельможами действия против Искендера	168
Письмо Дария Искендеру с угрозами и упреками	182
Ответное письмо Искендера Дарию	188
Бой Дария с Искендером при Мосуле	196
Победа Искендера над Дарием и смерть Дария	206
Искендер заключает договор с вельможами Ирана, беседует с Ферибурзом и узнает о правлении Дария	224
Искендер разрушает капища огня. Чародейство прекрасной Азар-Хумаюн	241
Бракосочетание Искендера с Роушенек	251
Восшествие на престол Искендера в столице Истахре	264
Искендер отсылает в Юнан Аристотеля с Роушенек	273
Поход Искендера на запад и посещение Каабы	281
Повесть о Нушабе	290
Искендер дает прощальный пир Нушабе и размышляет о новом походе	319
Искендер завоевывает Дербентский замок при помощи молитвы отшельника	332
Искендер направляется в замок Сарир	346

Искендер проникает в пещеру Кей-Хосрова	355
Поход Искендера в Рей и Хорасан	364
Искендер направляется в Индию	373
Письмо Искендера Кейду	382
Поход Искендера из Индии в Китай	390
Письмо Искендера китайскому хагану	401
Хаган отвечает на письмо Искендера и направляется к нему под видом посла	407
Состязание румского художника с художником китайским	432
Рассказ о художнике Мани. Пребывание Искендера в Китае	436
Китайский хаган принимает у себя Искендера	439
После возвращения Искендера из Китая	452
Искендер прибывает в Кыпчакскую степь	458
Прибытие Искендера в область русов	465
Искендер вступает в борьбу с племенами русов	474
Кинтаал-рус поражает глянзского вождя Зериванда	480
Дувал бросается в бой	486
Появление неизвестного всадника	491
Второе появление неизвестного всадника	495
Русы выпускают в бой неведомое существо	497
Искендер действует арканом. Необычайный пленник приносит Искендеру Нистандаржихан	503
Последнее сражение Искендера с племенами русов	521
Освобождение Нушабе и примирение Искендера с Кинтаалом	526
Искендер и Нистандаржихан	533
Повесть о Живой Воде	547
Искендер проникает в страну Мрака	558
Искендер узнает о таинственном городе	566
Возвращение Искендера в Рум	574
Восхваление атабека Нусрат ад-Дина	579
И к б а л - н а м е	
Обновление сказаний и поминание друзей	585
О соблюдении меры во всяком деле	598
Славословие восхваляемому за восстановление Гянджи	601
Всеподданнейшее обращение	606
Начало повествования	608
О том, почему Искендера называют Двурогим	616
Сказание об Искендере и мудром пастухе	622
Сказание об Архимеде и китайке	630
Сказание о Марии-египтянке	636
Рассказ о хорасанце, обманувшем халифа, и конец рассказа о Марии-египтянке	642
Сказание о бедном хлебопече и о счастье его сына	649
Гибель семидесяти мудрецов, не внимавших речам Хормуса	660
Создание Платоном папегов для наказания Аристотеля	664
Рассказ о перстне и пастухе	671
Отношение Сократа к Искендеру	677

Беседа индийского мудреца с Искендером	690
Тайное собеседование Искендера с семью мудрецами	703
Слово Аристотеля о сотворении мира	706
Слово Валиса о сотворении мира	708
Слово Булиныса о сотворении мира	709
Слово Сократа о сотворении мира	710
Слово Фарфория о сотворении мира	711
Слово Хормуса о сотворении мира	712
Слово Платона о сотворении мира	714
Слово Искендера о сотворении мира	715
Говорит мудрец Низами	716
Достижение Искендером пророческого сана	719
Послание Аристотеля о мудрости	728
Послание Платона о мудрости	737
Послание Сократа о мудрости	744
Начало нового странствования Искендера по свету и сегованию Низами	751
Прибытие Искендера на южный простор в селение головопоклонников. Собрание алмазов. Встреча с юношей-земледельцем и посещение угнетенного края	780
Вторичный поход Искендера в Индию и Китай. Странствие по Китайскому морю. Город в пустыне	792
Прибытие Искендера в северные пределы и постройка вала, ограждающего от народа Яджудж	818
Странствование по направлению к Руму и недуг Искендера	833
Завещание Искендера	838
Закливание, обращенное к матери, и смерть Искендера	848
Прибытие послания Искендера к его матери	863
Плач Искендеруса по отцу и его отказ от престола	865
Кончина Аристотеля	869
Кончина Хормуса	871
Кончина Платона	872
Кончина Валиса	873
Кончина Булиныса	875
Кончина Фарфория	876
Кончина Сократа	877
Кончина Низами	879
Обращение к мелику Иза ад-Дину Мас'уду, сыну Арслана, и передача ему сыном Низами «Книги о счастье»	880
Окончание «Книги о счастье»	884
Примечания	890
Словарь собственных имен, географических названий и непереведенных слов	972

Редактор Э. Шарифов. Художник Н. Бабаев.
Художественный редактор А. Мамедов.
Технический редактор В. Плиткина.
Корректор Н. Шахира.

ИБ № 1816

Сдано в набор 25.02.1983 г. Подписано к печати 3.06.1983 г.
Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бумага № 1. Высокая печать. Литературная гарнитура. Физ. и усл. л. л. 62,5+1 вкл. Учетн. изд. л. 38,94. Заказ № 194. Тираж 15 000. Цена 4 руб. 60 коп.
Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

Издательство «Язычы», 370088, Баку, проспект Кирова, 18.
Типография им. 26 бакинских комиссаров 370005, Баку,
ул. Алл-Байрамova, № 3.

Низами Кенчэви
ИСКЭНДЭРНАМЭ

Поема

Бакы — 1983